БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

Библиотека Инв. № 44444
БИБЛІОТЕКА Орловскаго Дома Красной Армии
1950 г.
ПРОВЕРЕНО 1953 г.
ПРОВЕРЕНО
Проверено 1956

ГОДЪ ПЕРВЫЙ
№ 8 АВГУСТЪ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія «ЭНЕРГІЯ», Загородный просп., 17.
1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

1. Неизданныя произведенія **Т. Г. Шевченко**. II. Предисловіе къ „Кобзарю“ 1
2. Къ біографіи **Т. Г. Шевченко** (новые матеріалы) . . 4
3. „Земля и Воля“ наканунѣ Воронежскаго съѣзда. **М. Р. Попова** 13
4. Воспоминанія чайковца. **С. С. Синегуба**. 39
5. Эпизодъ изъ жизни въ Шлиссельбургской крѣпости. **И. Л. Манучарова**. 81
6. Дѣло П. А. Мартьянова (по неизданнымъ источникамъ) **М. К. Лемке**. 83
7. Къ біографіямъ А. И. Желябова и С. Л. Перовской . 108
8. У подножія висѣлицы. **Ф. Я. Кона** 136
9. Мое знакомство съ И. М. Ковальскимъ. **В. С. Иллича-Свитыча** 142
10. Изъ исторіи народовольческаго движенія среди военныхъ въ началѣ 80-хъ годовъ. 158
11. Изъ прошлаго. **Ад. Бяловескаго**. 193
12. Въ Шлиссельбургской крѣпости. **М. В. Новорусскаго**. . 208
13. Михаилъ Александровичъ Бакунинъ (біографическій очеркъ). **Жемса Гильома** 228
14. Судейкинъ и Дегаевъ. **Н. П. Маклецовой. (Дегаевой)**. 265
15. Письмо г. Курицына и отвѣтъ на него редакціи . . . 273
16. Историческая библіографія. *М. П. Драгомановъ*. Собраніе политическихъ сочиненій. Т. II. **С. Ф. Русовой**. *В. М. Ильинскій*. Архангельская ссылка. **В. Русина**. *В. Е. Якушкинъ*. Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. **Н. К. П-ва**. *Кабанесъ и Нассъ*. Революціонный неврозъ (переводъ подъ редакціей Д. Ф. Коморскаго). **Б. В**. 280

стр.
17. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію . . . 29
18. Современная лѣтопись. 30
19. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки.** (Къ процессу П. Л. Лаврова—35. По поводу портрета А. И. Желябова—**А. П. Прибылевой-Корбы**—106. Къ исторіи заговора Сухинова—130. „Изъ дѣла о предсѣдателѣ Таврич. губ. зем. управы Винбергѣ и его единомышленникахъ“—188. Рѣдчайшее революціонное изданіе (Свобода № 2. 1863 г.)—189. Письмо М. А. Бакунина къ неизвѣстному—255.
20. Объявленія 322

Къ этой книгѣ приложены портреты: А. И. Желябова (гимназической и студенческой поры его жизни), С. Л. Перовской (дѣвочкой и въ группѣ съ тремя подругами), барона А. П. Штромберга, М. В. Новорусскаго и М. А. Бакунина.

Отъ Редакціи.

Кромѣ окончанія воспоминаній **М. В. Новорусскаго** и **С. С. Синегуба** въ ближайшихъ книжкахъ «Былого» предположены къ помѣщенію, между прочимъ, слѣд. статьи: **П. Е. Щеголевъ**—Агитаціонная литература декабристовъ и С. И. Муравьевъ-Апостолъ (историко-психологическій этюдъ); **Е. В. Тарле** — Самодержавіе Николая Перваго и общественное мнѣніе Франціи; **А. Бахъ**—Воспоминанія народовольца; **С. А. Иванова-Борейша**—Первая типографія «Народной Воли»: **Н. А. Морозовъ** — Изъ воспоминаній (о Липецкомъ съѣздѣ народовольцевъ въ 1879 году); **Е. Е. Лазаревъ**—Гавайскій сенаторъ; **А. И. Столбовъ** — Л. Ѳ. Яновичъ въ ссылкѣ **Н. Л. Геккеръ** — Политическая каторга на Карѣ; **М. Р. Гоцъ**—С. В. Зубатовъ (изъ воспоминаній); **В. А. Старосельскій**—Крестьянское движеніе въ Кутаисской губерніи; **М. О. Гершензонъ**—Семья декабристовъ; **С. А. Жебуневъ** — Страница изъ воспоминаній; **І. Д. Лукашевичъ** — Дѣло 1 марта 1887 года; **Ф. Л. Ястржембскій**—Записки петрашевца; **М. Ф. Фроленко** — Изъ воспоминаній; **М. Н. Тригони** — Изъ воспоминаній; **Л. Н. Гартманъ**—Изъ воспоминаній; **А. В. Прибылевъ**—О процессѣ 17; **В. Л. Бурцевъ** — Изъ воспоминаній; **О. С. Миноръ** — Драма 1889 года въ Якутскѣ; **З. Ралли**—Изъ воспоминаній о М. А. Бакунинѣ. **А. Л.**—Организація «Рабочее Знамя»; **М. К. Лемке**—Процессъ Н. А. Серно-Соловьевича; обвинительные акты и отчеты о политическихъ процессахъ, не бывшихъ въ печати, (между прочимъ будетъ помѣщенъ отчетъ о кассаціонномъ процессѣ И. П. Каляева, процессъ 17-ти народовольцевъ: Богдановича, Буцевича, Грачевскаго, Корбы, Сав. Златопольскаго и др. Обзоры дознаній по дѣламъ Грачевскаго, В. Фигнеръ, А. Корбы, Н. А. Морозова), письма извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей къ разнымъ лицамъ и пр.

Будутъ помѣщены портреты: Н. А. Серно-Соловьевича, П. И. Войноральскаго, П. А. Алексѣева, Н. В. Чайковскаго, С. С. Синегуба, В. А. Осинскаго, Д. А. Лизогуба, Н. И. Колодкевича, А. В. Буцевича, М. Ф. Грачевскаго, Н. Л. Зотова, А. Л. Гаусмана, Л. М. Коганъ-Бернштейна, Г. А. Лопатина, Н. А. Морозова. виды Карійской и Акатуйской каторги, и проч.

Андрей Ивановичъ
ЖЕЛЯБОВЪ.

Студенческой поры жизни.

Неизданныя произведенія Шевченка.

II.

Предисловіе къ „Кобзарю".

Въ тетради, взятой у Т. Г. Шевченка при арестѣ, среди начисто переписанныхъ стихотвореній оказалось и помѣщаемое нами „Предисловіе" къ „Кобзарю". Покойный Н. В. Стороженко, изучавшій дѣло Шевченка, не могъ въ свое время цѣликомъ напечатать это предисловіе и лишь въ выдержкахъ цитировалъ его въ статьѣ „Мелочи для біографіи Шевченка" (Н. Стороженко. Изъ области литературы. Статьи, рѣчи, лекціи и рецензіи М. 1902, стр. 452 и слѣд.). Кромѣ того это предисловіе, неполно и съ искаженіями, напечатано, за границей, въ книгѣ Конисскаго «Тарасъ Шевченко. Хроніка его життя». (Львовъ, 1898). Мы совершенно буквально воспроизводимъ съ подлинника текстъ предисловія. Фразы и слова, напечатанныя разрядкой, подчеркнуты въ рукописи самимъ Шевченко, а фразы, набранныя курсивомъ, подчеркнуты въ III отдѣленіи.

Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ?
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.
А Грибоѣдовъ.

Випускаю оце въ люде другого кобзаря свого, а шобъ не сторожніми торбами, то надиляю ёго предисловіемъ. До васъ слово мое, о братія моя Украинская возлюбленная.

Великая туга осила мою душу. Чую, а иноди и читаю, ляхи дрюкують, чехи, сербы, болгаре, черногоры, москали, вси дрюкують, а въ насъ а ни телень ныначе всимъ зацинило, чого се вы такъ братія моя? Може злякалысь нашествія иноплеменныхъ журналистивъ. Не бійтесь, собака лае а витеръ несе. Воны кричать чомъ мы по московскій не пишемо? А чомъ москали сами ничого не пишуть по

своему, а тилько переводять, та й то чортъ зна по якому. Натовкмачать якыхсь индевидуализмивъ то що, такъ що ажъ языкъ отерпне покы вимовишъ, крычать о братстви и грызуця мовъ скажени собаки. *Крычатъ о единой Славянской литератури, а не хотятъ и заглянутъ шо робиця у Славянъ!* Чи розибралы вопы хочъ одну книжку польску, чешску, сербску, або хочь и нашу? Бо и мы таки слава Богу не нимци! не розибрали. Чомъ? Тымъ шо не нетямлять. Наша книжка якъ попадеця у ихъ руки то воны ажъ репетують та хвалять же шо найпоганше. А наши патріоты хутаряны й соби за ными. Преочаровательно въ чарахъ тыхъ ось що. Жиды, шинки, свыни и пьяни бабы. Може це по ихъ утонченной натури, и справди добре, а на наши мужицьки очи то дуже погано. Вопо и то правда, шо и мы сами тутъ трохи винни. Бо мы не бачимо нашого народу, такъ якъ его богъ сотворивъ, у шинку и нашъ и москаль и навитъ нимець вси похожи на свыню, а нащини то ще поганше. У хату прыйты до ёго, або до себе поклыкать по братерскій не можно, не можно бо винъ злякаеця, та може ще й те шо винъ пизнае дурня у жупани.

Прочиталы соби поскладахъ Энеиду та потынялысь коло шинку, та й думають шо отъ колы вже мы роспизналы своихъ мужикивъ. Э ни братыки, прочитайте вы думы, письни, послухайте якъ воны спивають, якъ воны говорять межъ собою шапокъ не скидаючи, або на дружнему бенкети якъ воны згадують старовину и якъ воны плачуть ныначе справди въ турецькій неволи або у польского магнатства кайданы волочать, то тойди и скажите—шо Энеида добра, а всетаки смиховина на московскій шталтъ.

Отакъ то братія моя возлюбленная шобъ знать людей то треба пожить зными. А шобъ ихъ списуватъ то треба самому стать человикомъ, а не марнотрателемъ черныла и паперу. Отойди пышить и дрюкуйте, и трудъ вашъ буде трудомъ честнымъ, *а на москаливъ не вважайте,* нехай воны соби пишуть по своему а мы по своему, *у ихъ народъ и слово* и *у насъ народъ и слово.* А чіе крашче нехай судять люды. Воны здаюця на Гоголя шо винъ пише не по своему а по московскому, або на Вальтеръ Скотта шо

й той не по своему писавъ.—Гоголь вырисъ въ Нижени а не въ Малороссіи—и свого языка не знае, а В: С: въ Эдемборгѣ а не въ Шотландіи—а може ище було шо небудь, шо воны себе одцуралысь не знаю. А Борщъ усе таки поэтъ народный и велыкій. И нашъ Сковорода такимъ бы бувъ, якби ёго не збила злыву латынь а потимъ московщина.

Покойный Основьяненко дуже добре пригляднвся на народъ, та не прислухався до языка, бо може ёго не чувъ у колысци одъ матери, а Г: Артемовскій хоть и чувъ, такъ забувъ, бо въ паны постригся. Горе намъ! безуміе насъ обуяло отымъ мерзенымъ и богупротивнымъ панствомъ, нехаи-бы вже оти карпы—гнучко—шіенки сутяги—ихъ богъ, за тяжкіе грихи наши, ще до зачатія во утроби материй, осудывъ киснуть и гныть въ чернилахъ, а то мужи мудри, учени.

Проминялы свою добру ридну матиръ—на пьяныцю непотребную, а въ придатокъ ще и въ додалы.

Чому В. С. Карадж: Шафар: и иные не постриглись у нимци, (имъ бы зручнише було) а осталысь славянами, щирими сынами матерей своихъ, и славу добрую стяжалы, горе намъ! но братія не вдавайтесь въ тугу, а молитесь богу, и *работайте разумно, во имя матери нашей Украины безталанной.* Аминь.

Послѣ слова «Аминь» сдѣлана сноска, и въ сноскѣ читаемъ слѣдующее:

А шобъ вы зналы, шо трудъ вашъ не мимо иде и шобъ не дуже чванылась московская братія своею Ростопчиною—то отъ вамъ Свячаная вода написано панночкою та ще й хорошою тилько не скажу якою, бо воно ще молоде боязлыве.

А перевернить пудови журналы та пошукайте чи нема тамъ чого небудь такого я С: В: и не турбуйтесь бо ей богу не найдыте.

Седневъ.
1847 г.
Марта 8.

Къ біографіи Т. Г. Шевченка.

Эпизодъ привлеченія Т. Г. Шевченка къ дѣлу Кирилло-Меѳодіевскаго общества является мало выясненнымъ въ біографіи поэта. Н. И. Стороженко, имѣвшій доступъ къ подлинному дѣлу, воспользовался имъ далеко не полно. Мы печатаемъ подлинное слѣдствіе по дѣлу Т. Г. Шевченко, до сихъ поръ въ печати не появлявшееся.

I.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Высочества, что художникъ Шевченко учился въ Академіи Художествъ, и, сколько извѣстно, занимался живописью подъ руководствомъ профессора Брюлова. До 1845 года былъ въ Петербургѣ; въ томъ же году прибылъ въ Кіевъ и изъявилъ желаніе поступить въ Университетъ преподавателемъ рисованія, въ каковую должность назначенъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ началѣ нынѣшняго года, но еще въ оную не вступилъ.

Докладывая о семъ Вашему Императорскому Высочеству, и встрѣчая необходимость имѣть о Шевченкѣ ближайшія свѣдѣнія, долгомъ считаю покорнѣйше просить удостоить меня, сколь возможно поспѣшнѣйшимъ увѣдомленіемъ какъ о томъ, не находится ли означенный Шевченко и нынѣ при Академіи, такъ и о мнѣніи на его счетъ ближайшаго его Начальства.

Подписалъ: Генералъ-Адъютантъ Графъ Орловъ.

Скрѣпилъ: Генералъ-Лейтенантъ Дубельтъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Надв. Сов. Нордстремъ.

12-го апрѣля 1847 года.

Его Императорскому Высочеству Герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому.

II.

Министерство Императорскаго Двора. Императорская Академія Художествъ. 14-го апрѣля 1847 г., № 448. Господину Генералъ-Адъютанту Графу Орлову.

Въ слѣдствіе вопроса, въ запискѣ Вашего Сіятельства, отъ 12-го сего апрѣля о художникѣ Шевченкѣ мнѣ сдѣланнаго, симъ отвѣтствую, что Художникъ Шевченко учился въ Императорской Академіи Художествъ Художеству съ 1838 по 1845 годъ, въ которомъ году признанъ Художникомъ и съ того времени, занимаясь свободно искусствомъ, отъ Академіи не зависитъ.

Къ сему нужнымъ считаю присовокупить, что Шевченко имѣетъ даръ къ Поэзіи и на Малороссійскомъ языкѣ написалъ нѣкоторыя стихотворенія, уважаемыя людьми, знакомыми съ Малороссійскимъ языкомъ и прежнимъ бытомъ этого края; почитался онъ всегда человѣкомъ нравственнымъ, быть можетъ, нѣсколько мечтателемъ и чтителемъ Малороссійской старины, но предосудительнаго на счетъ его ничего не доходило до свѣдѣнія Академіи.

Президентъ Герцогъ М. Лейхтенбергскій.

III.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Начальникъ Кіевской губ. По Канцеляріи. 6-го Апрѣля 1847 г. № 660. Кіевъ. Секретно. Въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Въ числѣ лицъ, на которыхъ, по полученному мною отъ г. Кіевскаго Военнаго Подольскаго и Волынскаго Генералъ-Губернатора обращено было вниманіе, указанъ былъ художникъ С.-Петербургской Академіи Тарасъ Григорьевичъ, сынъ Шевченко.

Художникъ этотъ при возвращеніи изъ Черниговской губерніи былъ задержанъ вчерашняго числа у въѣзда въ городъ Кіевъ и представленъ прямо ко мнѣ.—Между бумагами его оказалась рукописная книга съ Малороссійскими, собственнаго его сочиненія, стихами, изъ коихъ многіе возмутительнаго и преступнаго содержанія.—Почему, какъ эти, такъ и всѣ прочіе оказавшіеся у Шевченко стихи, равно частную его переписку я почелъ обязанностью представить въ III Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.—Вмѣстѣ съ симъ препровождается и Художникъ Шевченко подъ строгимъ карауломъ при одномъ полицейскомъ офицерѣ и одномъ рядовомъ жандармѣ.

Гражданскій Губернаторъ Фундуклей.

Описаніе бумагамъ художника Тараса Шевченко, препровождаемымъ при отношеніи отъ 6-го апрѣля 1847 г. за № 448.

1) Связка стиховъ, писемъ и разныхъ бумагъ на
2) Книга писанныхъ стиховъ, подъ заглавіемъ: «Три Лита».
3) Маленькій альбомъ со стихами и рисунками.

Гражданскій Губернаторъ Фундуклей.

IV.

КВИТАНЦІЯ.

Дана сія Квартальному Надзирателю Кіевской Полиціи Гришкову въ томъ, что доставленный имъ, въ сопровожденіи одного Жандарма изъ Кіева, Художникъ Шевченко съ его бумагами и вещами, принятъ въ исправности въ III-е Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Апрѣля 17-го дня 1847 года.

Подписалъ Старшій Чиновникъ Поповъ.

Вѣрно: Надворный Совѣтникъ Нордстремъ.

V.

Вопросы, предложенные художнику Шевченкѣ. Апрѣля 21-го дня 1847 года.

В. 1) Опишите ваше происхожденіе, случай, по которому вы освобождены изъ крѣпостнаго состоянія, воспитаніе ваше въ Академіи Художествъ, занятія ваши по выпускѣ изъ Академіи, поѣздки по Малороссіи и причины, склонившія васъ къ занятіямъ болѣе стихотворнымъ, нежели живописью?

О. Я сынъ крѣпостнаго крестьянина, въ дѣтствѣ лишился отца и матери; въ 1828 году былъ взятъ помѣщикомъ во дворъ; въ 1838 году былъ освобожденъ изъ крѣпостнаго состоянія Августѣйшей Императорской фамиліей, чрезъ посредство Василія Андреевича Жуковскаго, Графа Михаила Юрьевича Віелогорскаго и Карла Павловича Брюлова. Брюловъ написалъ портретъ Жуковскаго для Императорской фамиліи, и на эти деньги я былъ выкупленъ у помѣщика. Учился я рисованію и живописи въ Академіи Художествъ по 1844 годъ. По выпускѣ изъ Академіи опредѣлился въ Кіевскую Археографическую Коммиссію сотрудникомъ по части рисованія и собранія народныхъ преданій, сказаній и пѣсенъ въ Южно-Русскихъ губерніяхъ. Стихи я любилъ съ дѣтства и началъ писать въ 1837 году. Первое мое стихотвореніе подъ названіемъ: „Катерина“ посвящено Жуковскому, которое возбудило энтузіазмъ въ Малороссіянахъ, и я сталъ продолжать писать стихи, не оставляя живописи.

В. 2) Противъ васъ имѣются показанія, что вы участвовали въ замыслахъ Славянскаго общества св. Кирилла и Меѳодія. Объясните подробно: когда и кѣмъ было учреждено это общество, а если предположеніе объ учрежденіи его еще не приведено въ исполненіе, то кѣмъ и когда были дѣлаемы эти предположенія?

О. Показанія, что я участвую въ замыслахъ Славянскаго общества, несправедливы.

В. 3) Кѣмъ сочинены и въ чемъ именно состояли уставъ и правила Славянскаго общества, кто распространялъ и у кого находились экземпляры ихъ?

В. 4) Не было-ли у васъ тетради, называемой: «Законъ Божій» съ возмутительными воззваніями въ концѣ и кто распространялъ экземпляры оной?

В. 5) Кѣмъ изобрѣтены символическіе знаки общества: кольца и образа во имя св. Кирилла и Меѳодія, кто именно имѣлъ и не было ли у васъ оныхъ?

В. 6) Въ чемъ состояли подробности предположеній Славянистовъ какимъ образомъ надѣялись они соединить Славянскія племена, возстановить самобытность каждаго племени и особенно Малороссіи?

В. 7) Какіе замыслы были противъ настоящаго образа правленія въ Россіи, и какое правленіе предполагалось ввести въ Малороссіи и вообще въ Славянскихъ земляхъ?

В. 8) Какимъ образомъ Славянисты предполагали распространять образованіе между крестьянами и тѣмъ приготовлять народъ къ возстанію?

В. 9) Кто и въ какомъ видѣ хотѣлъ учреждать школы для простаго народа, сочинять книги и какого содержанія, кто собиралъ деньги для этихъ цѣлей и не предназначались ли эти деньги для какихъ либо другихъ преступныхъ цѣлей?

В. 10) Не было ли предположеній дѣйствовать оружіемъ и если было, то когда и какимъ образомъ намѣрены были употребить это средство?

В. 11) Кто изъ приверженцевъ Славянства наиболѣе дѣйствовалъ, склонялъ и возбуждалъ къ преступнымъ замысламъ, и не было ли одного, который всѣмъ руководилъ?

В. 12) Правда-ли, что Костомаровъ былъ представителемъ умѣренной Славянской партіи, а Гулакъ его послѣдователемъ и что вы съ Кулѣшемъ были представителями неумѣренной Малороссійской партіи Славянскаго общества?

Отв. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 мнѣ совершенно неизвѣстны.

В. 13) Опишите подробно всѣ дѣйствія Костомарова, Гулака,

Кулѣша, также Бѣлозерскаго, Навроцкаго, Андрузскаго, Марковича, Посяденка, помѣщика Савича, бывшаго профессора Чижова и другихъ вамъ извѣстныхъ лицъ, каждаго особенно и о каждомъ все, что знаете, въ отношеній къ замысламъ Славянистовъ?

О. Съ Костомаровымъ я познакомился въ прошедшемъ году въ Кіевѣ, весною; на лѣто онъ уѣзжалъ въ Одессу лечиться, въ Августѣ мѣсяцѣ онъ возвратился въ Кіевъ, и я съ нимъ не видѣлся до Декабря мѣсяца, потому что я ѣздилъ по порученію коммиссіи для срисованія Почаевской лавры; а 9-го Января текущаго года я опять отлучился изъ Кіева и послѣ того я съ нимъ не видѣлся; переписки съ нимъ не имѣлъ, кромѣ одного письма. Гулака я почти не зналъ и потому, что видѣлся съ нимъ всего раза три въ Кіевѣ, да проѣхалъ съ нимъ отъ Кіева до Борзны, и послѣ того не видѣлся. Съ Кулѣшемъ я познакомился въ Кіевѣ, въ 1842 году, весною, во время отлучки моей изъ Академіи, и не видѣлся съ нимъ до Декабря 1846 года въ Кіевѣ; переписки съ нимъ не имѣлъ, кромѣ письма, въ которомъ онъ мнѣ совѣтуетъ поправить нѣкоторыя мѣста въ моихъ печатныхъ сочиненіяхъ. Бѣлозерскаго, Навроцкаго, Андрузскаго и Марковича весьма мало знаю; съ Посяденкомъ и Чижовымъ со всѣмъ не знакомъ. Помѣщика Савича я встрѣчалъ два раза у Костомарова.

Объ обществѣ Славянистовъ я никогда ни отъ кого не слыхалъ ни слова.

В. 14) Правда ли, что Славянистовъ въ Кіевѣ вы побуждали къ большей дѣятельности, что въ отсутствіе ваше нѣкоторые изъ нихъ охладѣвали въ замыслахъ своихъ, а съ возвращеніемъ вашего снова приходили въ движеніе; что вы не знали границъ въ выраженіи преступныхъ мыслей и всѣхъ монархистовъ называли подлецами?

О. Неправда, потому, что когда я былъ въ Кіевѣ, то всегда былъ занятъ рисованіемъ; никуда не выходилъ и къ себѣ никого не принималъ, чѣму свидѣтель товарищъ мой художникъ Сажинъ, съ которымъ я постоянно жилъ вмѣстѣ.

В. 15) Съ какою цѣлью вы сочиняли стихи, могущія возмущать умы Малороссіянъ противъ нашего правительства; читали эти стихи и разные пасквили въ обществахъ друзей вашихъ и давали имъ списывать оныя. Не сочиняли ли вы эти стихи для распространенія идей тайнаго общества и не надѣялись ли приготовлять этимъ возстаніе Малороссіи?

О. Малороссіянамъ нравились мои стихи и я сочинялъ и читалъ имъ безъ всякой цѣли: списывать не давалъ, а былъ неосторожень, что не пряталъ.

В. 16) Какими случаями доведены вы были до такой наглости,

что писали самыя дерзкія стихи противъ Государя Императора и до такой неблагодарности, что, сверхъ великости Священной Особы Монарха, забыли въ Немъ и Августѣйшемъ семействѣ Его лично вашихъ благотворителей, столь нѣжно поступившихъ при выкупѣ васъ изъ крѣпостнаго состоянія?

О. Будучи еще въ Петербургѣ я слышалъ вездѣ дерзости и порицанія на Государя и Правительство. Возвратясь въ Малороссію, я услышалъ еще болѣе и хуже между молодыми и между степенными людьми; я увидѣлъ нищету и ужасное угнетѣніе крестьянъ помѣщиками, поссессорами и экономами шляхтичами, и все это дѣлалось и дѣлается именемъ Государя и Правительства: я всему этому повѣрилъ и, забывъ совѣсть и страхъ Божій, дерзнулъ писать наглости противъ моего Высочайшаго благодѣтеля, чѣмъ довершилъ свое безуміе.

В. 17) Кто иллюстрировалъ рукописную книгу вашихъ сочиненій и не принадлежитъ ли тотъ, кто столько занимался вашими стихотвореніями, къ злоумышленнымъ Славянистамъ?

О. Иллюстрировалъ мои сочиненія Графъ Яковъ де-Бальменъ, служившій адъютантомъ у одного изъ Корпусныхъ Генераловъ и убитъ на Кавказѣ въ 1845 г., и нѣкто Башиловъ. Съ первымъ я видѣлся одинъ разъ, а втораго совсѣмъ не знаю.

В. 18) Почему стихотворенія ваши были въ такомъ уваженіи у друзей вашихъ, тогда какъ они лишены истиннаго ума и всякой изящности; не покланялись ли они вамъ болѣе за ваши дерзости и возмутительныя мысли?

О. Стихотворенія мои нравились можетъ быть потому только, что по Малороссійски написаны.

В. 19) Съ какою цѣлью вы побуждали въ Кіевѣ Костомарова и другихъ Славянистовъ къ изданію журнала на всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, вызываясь сами участвовать въ оном, и не было ли при этомъ намѣренія распространять посредствомъ журнала преступныхъ идей?

О. Не я, а бывшій ректоръ Кіевскаго Университета Максимовичъ просилъ меня и Костомарова участвовать въ его журналѣ или составить сборникъ изъ статей, относящихся къ Южной Россіи, на Великороссійскомъ и Малороссійскомъ нарѣчіяхъ.

В. 20) Между бумагами вашими находятся стихотворенія Чужбинскаго и Забѣллы, перваго возмутительныя, а втораго пасквильныя. Кто такіе Чужбинскій (если это не псевдонимъ) и Забѣлла?

О. Чужбинскій псевдонимъ; фамилія его Аѳонасьевъ Александръ, помѣщикъ Полтавской губерніи, Лубенскаго уѣзда. Забѣлла Викторъ тоже помѣщикъ Черниговской губ. Борзенскаго уѣзда.

В. 21) Кто такіе Штрандманъ и Карпо и почему они въ письмахъ своихъ называли васъ: первый «Остатнимъ изъ козаковъ», а второй «Отомане нашъ». Не участвовали ли и они въ замыслахъ Славянистовъ?

О. Съ Штрандманомъ я познакомился въ Яготинѣ у Князя Рѣпнина; онъ былъ тамъ домашнимъ учителемъ, а теперь не знаю гдѣ онъ. Почему онъ называетъ меня «остатнимъ изъ козаковъ», не знаю; Карпо ученикъ Академіи Художествъ, онъ и еще два ученика жили со мною на одной квартирѣ, и какъ я былъ старше ихъ лѣтами, то они и называли меня «отоманомъ».

В. 22) Не извѣстно-ли вамъ, сверхъ предложеннаго въ предыдущихъ вопросахъ, еще что-либо о Славянистахъ, ихъ тайномъ обществѣ и замыслахъ?

О. Сверхъ всего, что я объяснилъ, я больше ничего не знаю.

Художникъ Тарасъ Шевченко.

VI.

Очная ставка Шевченкѣ съ Андрузскимъ 15-го мая 1847 года.

Андрузскій говорилъ: Шевченко былъ неумѣреннымъ представителемъ Малороссійской партіи въ Славянскомъ обществѣ, которое имѣло цѣлью возстановить Гетманщину, если возможно отдѣльно, а если нельзя, то въ Славянщинѣ; впослѣдствіи меньше нападалъ на ляховъ и былъ непрочь отъ Славянщины; онъ всѣхъ монархистовъ называлъ подлецами; побуждалъ къ большой дѣятельности Славянское общество; предположеніе Славянистовъ издавать журналъ на Славянскихъ или, по крайней мѣрѣ, на Русскомъ и Малороссійскомъ языкахъ, съ отъѣздами Шевченки изъ Кіева пріостанавливалось, а съ возвращеніемъ его оживлялось; Шевченко изъ Малороссійскихъ Гетмановъ превозносилъ Мазепу, и на вечерахъ у Костомарова читалъ пасквильные стихи. Андрузскій при дальнѣйшихъ объясненіяхъ показалъ, что заключеніе о принадлежности къ Славянскому обществу онъ вывелъ только изъ того, что Шевченко былъ знакомъ со всѣми Славянистами.

Георгій Андрузскій.

Шевченко отвѣчалъ: Шевченко, сознаваясь въ сочиненіи имъ дерзкихъ и возмутительныхъ стиховъ, во всемъ прочемъ совершенно отвергъ показаніе Андрузскаго.

Тарасъ Шевченко.

VII.

Художникъ С. Петербургской Академіи Художествъ Тарасъ Шевченко. Этотъ художникъ вмѣсто того, чтобы вѣчно питать благоговѣйныя чувства къ особамъ Августѣйшей фамиліи, удостоившимъ выкупить его изъ крѣпостнаго состоянія, сочинялъ стихи, на Малороссійскомъ языкѣ, самаго возмутительнаго содержанія. Въ нихъ онъ то выражалъ плачъ о мнимомъ порабощеніи и бѣдствіяхъ Украйны, то возглашалъ о славѣ Гетманскаго правленія и прежней вольницѣ козачества, то съ невѣроятною дерзостью изливалъ клеветы и желчь на Особъ Императорскаго Дома, забывая въ нихъ личныхъ своихъ благодѣтелей. Сверхъ того, что все запрещенное увлекаетъ молодость и людей съ слабымъ характеромъ, Шевченко пріобрѣлъ между друзьями своими славу знаменитаго Малороссійскаго писателя, а потому стихи его вдвойнѣ вредны и опасны. Съ любимыми стихами въ Малороссіи могли посѣяться и впослѣдствіи укорениться мысли о мнимомъ блаженствѣ временъ Гетманщины, о счастіи возвратить эти времена и о возможности Украйнѣ существовать въ видѣ отдѣльнаго государства.

Судя по этому чрезмѣрному уваженію, которое питали и лично къ Шевченко и къ его стихотвореніямъ всѣ Украйно-Славянисты, сначала казалось, что онъ могъ быть если не дѣйствующимъ лицомъ между ними, то орудіемъ, которымъ они хотѣли воспользоваться въ своихъ замыслахъ; но съ одной стороны, эти замыслы были не столь важны, какъ представлялось при первомъ взглядѣ, а съ другой—и Шевченко началъ писать свои возмутительныя сочиненія еще съ 1837 года, когда славянскія идеи не занимали Кіевскихъ ученыхъ; равно и все дѣло доказываетъ, что Шевченко не принадлежалъ къ Украйно-Славянскому обществу и дѣйствовалъ отдѣльно, увлекаясь собственною испорченностію. Тѣмъ не менѣе, по возмутительному духу и дерзости, выходящей изъ всякихъ предѣловъ, онъ долженъ быть признаваемъ однимъ изъ важныхъ преступниковъ.

По Высочайше утвержденному рѣшенію постановлено:

Шевченко опредѣлить рядовымъ въ Отдѣльный Оренбургскій корпусъ, съ правомъ выслуги, подъ строжайшій надзоръ, съ запрещеніемъ писать и рисовать, и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій.

Шевченко переданъ Военному Министру 30-го мая 1847 года.

VIII.

Бывшій художникъ Шевченко, при объявленіи ему Высочайшаго рѣшенія объ опредѣленіи его рядовымъ въ Отдѣльный Оренбургскій Корпусъ, принялъ это объявленіе съ величайшею покорностію, выражалъ глубочайшую благодарность Государю Императору за дарованіе ему права выслуги, и съ искреннѣйшимъ раскаяніемъ, сквозь слезъ, говорилъ, что онъ самъ чувствуетъ сколь низки и преступны были его занятія.

По его словамъ, онъ не получилъ никакого воспитанія и образованія до самаго того времени, когда былъ освобожденъ изъ крѣпостнаго состоянія, а потомъ вдругъ попалъ въ кругъ студентовъ и другихъ молодыхъ людей, которые совратили его съ прямой дороги. Онъ обѣщается употребить всѣ старанія вполнѣ исправиться и заслужить оказанное къ нему снисхожденіе [1]).

Мая 1847 года.

1) Эта записка составлена въ III-мъ отдѣленіи и самимъ Шевченкой, конечно не подписана. Тенденціозность ея очевидна. *Ред.*

„Земля и Воля“ наканунѣ Воронежскаго съѣзда.

«Назвался груздемъ,—полѣзай въ кузовъ!» Вотъ съ чѣмъ я прежде всего обращаюсь къ читателямъ «Былого».

Пока я сидѣлъ въ Шлиссельбургскомъ застѣнкѣ и смотрѣлъ на міръ божій черезъ рѣшетку, мнѣ казались всѣ пережитыя мной событія, начиная съ 74 года и вплоть до моего ареста въ 80 году, 22 февраля, такими безспорными и простыми, что слѣдуетъ только повѣдать ихъ міру, и они всѣмъ будутъ казаться таковыми же. Вотъ почему, когда редакція «Былого» предложила мнѣ написать о Воронежскомъ съѣздѣ, я съ легкимъ сердцемъ согласился исполнить ея желаніе. Теперь же, по мѣрѣ того, какъ горизонтъ предо мной раздвигается, и я знакомлюсь съ мнѣніями и взглядами другихъ на пережитыя мной событія, я начинаю думать, что я поступилъ нѣсколько легкомысленно, взявъ на себя такую задачу, еще не вполнѣ осмотрѣвшись на волѣ. Мнѣ становится съ каждымъ днемъ все яснѣй и яснѣй, что Воронежскій съѣздъ, о которомъ я долженъ буду дать отчетъ читателямъ «Былого», былъ явленіемъ не такимъ простымъ, какимъ онъ казался мнѣ въ Шлиссельбургѣ. Я теперь узналъ то, чего я прежде не зналъ. Я узналъ, напр., что о Воронежскомъ съѣздѣ и событіяхъ, предшествовавшихъ ему, существуетъ два мнѣнія, одно другое оспаривающія. Это именно и навело меня на мысль, что простое описаніе съѣзда, если-бъ даже я и могъ по памяти возстановить все то, о чемъ на этомъ съѣздѣ велись дебаты,—чего, конечно, моя память не въ состояніи воспроизвести,—то и въ такомъ случаѣ Воронежскій съѣздъ для многихъ остался бы непонятымъ, ибо всѣ дебаты, внѣ связи со всѣмъ предшествующимъ Воронежскому съѣзду, ничего не сказали бы ни уму, ни сердцу читателя. Помимо этого соображенія, въ виду наличности разногласія мнѣній по поводу Воронежскаго съѣзда, или вѣрнѣе по поводу того, чѣмъ онъ былъ вызванъ, сказать просто, что это было не совсѣмъ такъ, какъ думаетъ такой-то, и не такъ, какъ думаетъ другой, а такъ-то и такъ-то,—значило бы не сказать ровно ничего, а прибавить къ существующимъ уже мнѣніямъ еще одно новое.

Для меня такая задача кажется неблагодарной. Къ Воронежскому съѣзду и къ событіямъ, предшествующимъ ему, пора отнестись съ безпристрастіемъ историка, а не сторонника той или другой партіи.

Понимаю хорошо, что я недостаточно подготовленъ къ тому, чтобы выполнить задачу мою именно такъ, какъ я находилъ бы это нужнымъ.

Прежде чѣмъ взяться за такую задачу, мнѣ слѣдовало бы познакомиться съ существующимъ литературнымъ матеріаломъ, имѣющимъ отношеніе къ Воронежскому съѣзду. Можетъ быть, со временемъ я такъ и поступлю. Пока же я прошу моихъ читателей помнить, что я пишу только то, что осталось въ моей памяти объ этомъ.

Начну съ того, что познакомлю моихъ читателей съ той точкой зрѣнія, съ которой я смотрю на эволюцію программы «Земли и Воли» къ программѣ «Народной Воли». Я думаю, что моя точка зрѣнія на соціальныя явленія сдѣлалась общепризнанной въ соціологіи и, мнѣ кажется, что она въ достаточной степени выяснена Марксомъ въ его «Историческихъ очеркахъ Германіи».

«Времена суевѣрія, приписывающаго революціи происканъ немногихъ агитаторовъ, давно прошли. Теперь всякій знаетъ, что, гдѣ есть революціонныя судороги, тамъ должна быть за ними какая-нибудь общественная потребность, удовлетворенію которой мѣшаютъ устарѣлыя учрежденія. Потребность эта можетъ ощущаться еще не такъ сильно, не такъ повсемѣстно, чтобы обезпечить непосредственный успѣхъ... Задачи—въ изученіи причинъ, обусловившихъ, какъ прошлый взрывъ, такъ и его пораженіе, причинъ, которыя нужно искать не въ случайныхъ поступкахъ, талантахъ, недостаткахъ, ошибкахъ или измѣнѣ нѣкоторыхъ вождей, а въ общемъ соціальномъ положеніи и бытовыхъ условіяхъ каждой изъ потрясенныхъ націй». Затѣмъ, мнѣ кажется далѣе, что въ 70-хъ годахъ состояніе Россіи было таково, что по отношенію къ ней съ большимъ, быть можетъ, правомъ можно сказать то, что сказалъ Марксъ въ томъ же самомъ трудѣ по поводу Германіи въ 40-хъ годахъ. «Развитіе условій существованія многочисленнаго, сильнаго, концентрированнаго и сознательнаго класса пролетаріевъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ условій существованія численно богатаго, концентрированнаго и вліятельнаго средняго класса. Движеніе рабочаго класса никогда не принимаетъ исключительно пролетарскій характеръ, пока различныя части среднихъ классовъ и, въ частности наиболѣе прогрессивная доля ихъ, не завоюютъ политической власти и не передѣлаютъ государства сообразно своимъ потребностямъ». Всего этого въ 70-хъ годахъ въ Россіи не было, и нашъ капиталистъ вмѣстѣ со всѣми обывателями Россіи въ томъ числѣ и съ пролетаріемъ находился въ полной опекѣ бюрократическаго абсолютизма.

Для полнаго выясненія моего взгляда на соціальныя явленія считаю нужнымъ сказать, что я не думаю, что высказанное Марксомъ о Германіи буквально должно повториться и въ Россіи. Не нужно думать, чтобъ эти подробности въ измѣненіи государственнаго строя непремѣнно измѣнились бы въ направленіи специфическихъ потребностей капиталистическаго строя. Такъ это было на западѣ,

но такъ ли это будетъ и у насъ или, по меньшей мѣрѣ, въ такой ли степени,—это будетъ зависѣть отъ историческаго соотношенія соціальныхъ силъ, съ одной стороны, у насъ и съ другой стороны—отъ соотношенія таковыхъ же силъ въ Европѣ, которое, несомнѣнно, при наличныхъ международныхъ отношеніяхъ отразится и у насъ. За это говоритъ, напр., хотъ бы то, что Россія не переживала того болѣзненнаго процесса возникновенія капиталистическаго производства въ ней, каковой пережила Англія. Роды капитализма въ Россіи сравнительно съ родами капитализма въ Англіи прошли не такъ болѣзненно и гораздо быстрѣе.

Я буду смотрѣть съ этой точки зрѣнія на мои иллюстраціи пережитыхъ событій партіей «Земли и Воли» наканунѣ Воронежскаго съѣзда. Не заходя въ болѣе ранніе періоды революціоннаго настроенія выступившей на арену политической дѣятельности интеллигентной молодежи, я ограничусь тѣмъ, что при помощи иллюстрацій событій и настроенія представителей партіи «Земли и Воли» постараюсь познакомить съ тѣмъ, какъ и почему программа «Земли и Воли» эволюціонировала въ программу «Народной Воли». Но предварительно я остановлюсь вотъ на чемъ. Въ предисловіи къ «Исторіи революціонныхъ движеній въ Россіи» Туна мой очень близкій въ то время по взглядамъ товарищъ Г. В. Плехановъ познакомилъ меня со взглядами на Воронежскій съѣздъ и событія, предшествующія ему, какъ своими, такъ и г. Серебрякова. Я разыскалъ потомъ и брошюру Серебрякова. Прочитавъ и то и другое, я пришелъ къ заключенію, что какъ Г. В. Плехановъ, такъ и Серебряковъ, первый защищающій деревенщиковъ, второй—горожанъ, взяли совершенно не соотвѣтствующія дѣйствительности подраздѣленія партіи «Земли и Воли». Насколько я помню, «Земля и Воля» предъ раздѣленіемъ на партіи «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла» не дѣлились ни на спеціалистовъ деревенщиковъ, ни на спеціалистовъ горожанъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто были наканунѣ раздѣла «Земли и Воли» А. Д. Михайловъ, М. Ф. Фроленко, Квятковскій, Желябовъ, Баранниковъ, Гартманъ, Богдановичъ, Соловьевъ и пр.? Я думаю, что всѣ эти революціонеры, только въ концѣ 78 года начавшіе появляться въ Петербургѣ, могутъ считать себя не въ меньшей степени деревенщиками, чѣмъ тѣ, кто составлялъ правую въ партіи «Земли и Воли»; явились они въ городъ не съ готовымъ намѣреніемъ покинуть деревню и посвятить себя дѣятельности городской, вступить изъ чувства мести въ непосредственную борьбу съ правительствомъ, какъ это говоритъ Г. В. Плехановъ. Я не отрицаю, что чувство мести клокотало въ груди революціонеровъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ у другихъ обывателей Россіи того времени. И это само собой понятно, потому что суровая рука правительства давила главнымъ образомъ на нихъ, людей, ставившихъ себѣ задачей реализировать свои идеалы въ жизни; но странно было бы думать, что только личная месть революціонеровъ могла толкнуть ихъ въ непосредственную борьбу съ правительствомъ и развить въ такой мѣрѣ ихъ дѣятельность, грандіозность которой, принявъ во вниманіе усло-

вія, при которыхъ имъ приходилось дѣйствовать, никто не станетъ отрицать. Несомнѣнно значитъ, нужно допустить, что ихъ чувство мести къ правительству раздѣляли всѣ честно мыслящіе и политически развитые люди того времени, чѣмъ и объясняется то сочувствіе, которое революціонеры встрѣчали въ культурныхъ слояхъ общества. А тогда почему не сказать, что государственный режимъ уже и въ то время такъ былъ узокъ въ своихъ рамкахъ, что для всѣхъ людей съ общественными стремленіями было ясно, что въ рамкахъ его никакая, не говорю ужъ политическая, но и соціальная въ самыхъ простѣйшихъ формахъ дѣятельность, напр., обществованіе народа, не была возможна? Да и для однихъ ли политически развитыхъ людей такъ это казалось!

Ниже возражая Г. П. Плеханову, по мнѣнію котораго, революціонеровъ толкнуло въ сторону отъ деревни то обстоятельство, что крестьянство, къ которому явились они съ проповѣдью соціализма, вырисовалось предъ ними, какъ представитель труда, который его собственными производственными отношеніями толкался въ сторону отъ соціализма, я скажу о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя и я самъ вынесъ изъ столкновенія съ крестьянствомъ на этой почвѣ, а также и о впечатлѣніяхъ другихъ, предпринимавшихъ экскурсіи въ народъ. Сейчасъ же я покончу съ вопросомъ, кѣмъ были наканунѣ образованія «Народной Воли» будущіе видные ея дѣятели. Я рѣшительно утверждаю, что большинство изъ нихъ смотрѣло на дѣятельность въ деревнѣ, какъ и всѣ знакомые съ деревней, и ясно представляло себѣ дѣятельность тамъ. Скорѣе, они увлеклись «непосредственной борьбой съ правительствомъ», благодаря своему боевому темпераменту и сознанію, что деревенская дѣятельность безъ грозной разрушительной организаціи въ центрахъ мало будетъ имѣть значенія. Въ то время всѣ представители партіи «Земли и Воли» ясно сознавали, что вызвать революцію можно не организаціей въ слояхъ народа, а, наоборотъ, сильной организаціей въ центрѣ можно будетъ вызвать революціонные элементы и организовать изъ нихъ революціонные очаги. Относительно А. Д. Михайлова читатели найдутъ подтвержденіе сказаннаго мной въ автобіографіи самого Александра Дмитріевича. Я только прибавлю, что когда Александръ Дмитріевичъ возвратился изъ своихъ экскурсій въ область сектантовъ Саратовской губерніи, мнѣ пришлось быть въ то время въ Петербургѣ, и я собственными ушами слышалъ, съ какимъ энтузіазмомъ онъ говорилъ о благодарной дѣятельности въ этой области и возвратился онъ оттуда въ Петербургъ не съ цѣлью вступить въ «непосредственную борьбу съ правительствомъ» изъ чувства мести, а съ намѣреніемъ навербовать себѣ товарищей для дѣятельности въ средѣ самого народа. И, если въ исходѣ 78-го года онъ отказался съ болью въ сердцѣ отъ своихъ плановъ, то только потому, что онъ понималъ ясно, что какихъ бы онъ не достигъ результатовъ среди сектантовъ Поволжья, все же его организаціонныя работы въ средѣ этой представлялись бы оторваннымъ ломтемъ и оставались бы таковыми до тѣхъ поръ,

пока не образовалась бы въ центрѣ могущественная боевая организація, способная непосредственно вступить въ борьбу съ правительствомъ не изъ чувства мести, а съ надеждой поколебать увѣренность правительства въ то, что единственное лѣченіе революціонной судороги того времени кроется въ репрессіяхъ. О Баранниковѣ, Фроленко, Колодкевичѣ, В. Н. Фигнерѣ, Богдановичѣ и другихъ, мнѣ кажется, я имѣю основаніе сказать то же. Въ концѣ 78 года, послѣ убійства Мезенцева, мнѣ пришлось довольно долго прожить съ Баранниковымъ въ Воронежѣ, и въ этомъ отношеніи онъ «полнѣ раздѣлялъ мнѣніе мое и Квятковскаго. Въ концѣ 79 года, уже послѣ Воронежскаго съѣзда, когда предъ партіей «Земля и Воля» стоялъ вопросъ,—какъ быть съ либералами?—и когда Желябовъ, въ то время стоявшій за чисто политическую программу предлагалъ совершенно прекратить писать въ органѣ «Земля и Воля» объ аграрномъ вопросѣ, дабы не отпугивать либераловъ, которые относятся къ партіи «Земля и Воля» съ недовѣріемъ и считаютъ представителей организаціи «Земли и Воли» волками въ овечьей шкурѣ, Баранниковъ былъ противъ этого и предлагалъ мистифицировать либераловъ изданіемъ особаго листка отъ Исполнительнаго Комитета, программа котораго должна была быть только политической, продолжая изданіе газеты «Земля и Воля» по той же программѣ. Такимъ оставался Баранниковъ и до конца моей свободной жизни. Наканунѣ моего ареста я получилъ отъ Баранникова письмо, въ которомъ онъ писалъ мнѣ, что усталъ отъ напряженной террористической дѣятельности, и что онъ желаетъ только одного, — поскорѣе покончить съ начатымъ уже дѣломъ. «Ей-ей,—писалъ онъ мнѣ,—только одно удерживаетъ меня здѣсь: не хочется оставить разъ начатое дѣло неоконченнымъ! Какъ только дѣло (убійство Александра II-го) будетъ окончено, нужно будетъ приняться за осуществленіе воронежскихъ поселеній». Въ такомъ же родѣ было и письмо Перовской ко мнѣ, переданное мнѣ въ Кіевѣ Владиміромъ Жебуневымъ въ день моего ареста, съ которымъ я былъ арестованъ, и которое какимъ-то чудомъ осталось нетронутымъ въ моемъ карманѣ и было уничтожено мной, когда я уже былъ подъ замкомъ [1]). Съ Ширяевымъ я помню мой разговоръ въ Воронежѣ уже въ то время, когда я былъ въ этомъ городѣ, во время моихъ поѣздокъ по юго-востоку, когда въ качествѣ уполномоченнаго отъ партіи «Земли и Воли» имѣлъ порученіе созвать членовъ «Земли и Воли» на съѣздъ. Ширяевъ сказалъ мнѣ, что онъ самъ крестьянинъ и, конечно, будетъ стоять за то, чтобы программа «Земли и Воли» принципіально оставалась той же, какой она была до послѣдняго времени, и никогда не откажется отъ основныхъ положеній «Земли и Воли», хотя и находитъ нужнымъ ра-

[1]) Перевская писала изъ Курска и въ письмѣ сообщала адресъ [illegible], гдѣ она остановилась, и представьте себѣ: полицейскій чинъ полѣзъ въ [illegible] и не взялъ письма; я думаю—умышленно.

Дин. 244 ч.

Библиотека [illegible] Политехническая

ширеніе дезорганизаторской дѣятельности, входящей въ программу «Земли и Воли» со времени ея основанія.

Каково было, вообще, общее настроеніе революціонеровъ въ это время, видно изъ слѣдующаго. Возвратившись въ Петербургъ послѣ объѣзда вновь юго-восточныхъ губерній съ резолюціями, къ которымъ пришелъ Воронежскій съѣздъ, я, по пути на конкѣ въ Лѣсной, гдѣ была одна изъ нашихъ конспиративныхъ квартиръ, разминулся со Стефановичемъ, почему и узналъ, что онъ и Дейчъ возвратились изъ-за границы. Въ квартирѣ, куда я ѣхалъ, я засталъ только одну В. Н. Фигнеръ, сообщилъ ей, что встрѣтилъ Стефановича и спросилъ, что думаетъ Стефановичъ и Дейчъ о воронежскихъ резолюціяхъ. Вѣра Николаевна сказала мнѣ такъ: когда Тихомировъ спросилъ Стефановича, что онъ скажетъ на то, если главныя силы и средства партіи будутъ направлены на борьбу съ центральнымъ правительствомъ и прибавилъ, что Воронежскій съѣздъ пришелъ къ такому рѣшенію, то на это Стефановичъ отвѣтилъ Тихомирову словами: «что же дѣлать, если таково общее настроеніе!» Кратко, нужно было бы пережить то, что переживали въ этотъ моментъ землевольцы, чтобы судить о томъ, какое царило настроеніе среди нихъ.

Я лично принадлежалъ къ правой «Земли и Воли», не потому, что я былъ противъ борьбы съ центральнымъ правительствомъ, а потому, что лѣвая была сильнѣй, и мнѣ казалось, что она круто поворачиваетъ въ сторону чисто политической борьбы, и тѣмъ не менѣе я принималъ дѣятельное участіе косвенно и непосредственно во всѣхъ террористическихъ актахъ, которые были совершены въ періодъ отъ конца 78 года вплоть до раздѣла партіи «Земли и Воли». И не подвернись Стефановичъ съ надеждами его на то, что въ Чигиринѣ вновь возможно будетъ сорганизовать крестьянство, не прибѣгая къ мистификаціямъ съ царскими манифестами, то, вѣроятно, я остался бы и продолжалъ мою революціонную дѣятельность со старыми моими товарищами по революціонному дѣлу и мнѣ не пришлось бы выйти изъ партіи, чтобы черезъ какой нибудь мѣсяцъ, полтора вновь войти въ нее. Предо мной, какъ будто это было всего вчера, стоятъ какъ живые, молчаливо, съ укоромъ на лицѣ, ни то себѣ, ни то мнѣ подписавшіе вмѣстѣ со мной условія раздѣла партіи «Земли и Воли». Помню, какъ больно отозвались въ моемъ сердцѣ слова Тихомирова,—увы! такъ далеко теперь ушедшаго отъ насъ,—«кто-кто, Родіонычъ, а вы пожалѣете о раздѣлѣ! Вѣдь всѣ мы остаемся тѣми же самыми, что и были, и различаемся только въ оцѣнкѣ настоящаго момента». И у меня едва повернулся языкъ сказать ему въ отвѣтъ: «разъ завертѣвшееся колесо въ одну сторону, трудно будетъ поворотить въ другую».

Наканунѣ Воронежскаго съѣзда я былъ ближе всѣхъ съ Квятковскимъ; съ нимъ мы спали бокъ-о-бокъ въ одной телѣгѣ въ нашихъ скитаніяхъ по Воронежской губерніи съ конца іюня до 20 ноября 78 года и знали поэтому душу другъ друга, какъ могутъ узнать только люди съ одной завѣтной думой въ головѣ,

когда имъ остается одна возможность повѣрять свои мысли и чувства только другъ другу. Въ началѣ 78 года составилась въ Петербургѣ поселенческая группа.

Квятковскому и мнѣ выпало на долю произвести рекогносцировку Воронежской губерніи, гдѣ предполагала эта группа разселиться. Послѣ попытки освободить Мышкина по пути въ централку, я, Квятковскій, Марія Николаевна (Ошанина), Баранниковъ и М. Ф. Фроленко собрались въ Воронежъ. Купили мы въ Воронежѣ лошадь и, нагрузивъ телѣгу товаромъ, я и Квятковскій отправились сначала по направленію въ Нижнедѣвицкъ, гдѣ незадолго предъ тѣмъ поселились докторъ и 2 фельдшерицы: Наталья Николаевна Оловянникова и Геронимусъ.

Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на нашихъ похожденіяхъ и говорить подробно о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя мы переживали и вынесли изъ нашего скитанія съ ярмарки на ярмарку и изъ села въ село. Достаточно сказать, что мы нашли самымъ подходящимъ для цѣлей нашихъ Бобровскій уѣздъ, именно, рядъ селъ: Чесменку, Козочковку, Хрѣновое и др. Все это—имѣнія дворцоваго вѣдомства, между экономіями котораго и крестьянствомъ существовали такія обостренныя отношенія, о которыхъ мнѣ нигдѣ раньше ни слышать, ни видѣть не приходилось. Не малое значеніе въ обостреніи этихъ отношеній сыграло и то обстоятельство, что въ это время, какъ говорила молва,—не по своей доброй волѣ проживалъ въ Чесменкѣ Николай Николаевичъ старшій, а неподалеку отъ него, въ Козачковкѣ—Числова (актриса), и въ самый разгаръ полевыхъ работъ они занимались травлей волковъ, для облавъ на которыхъ сгонялись крестьяне, невзирая на то, что этимъ самымъ ихъ отрывали отъ полевыхъ работъ, работъ, не терпящихъ откладыванія.

Мы съ Квятковскимъ рѣшили, что Бобровскій уѣздъ—самое подходящее мѣсто для поселенія воронежской группы, и, отбывъ ярмарку въ Урюпинской станицѣ, въ концѣ октября направились въ Воронежъ. Квятковскій довезъ меня до одной станціи, и я отправился по желѣзной дорогѣ въ Воронежъ, а самъ онъ отправился въ село Копанище Коротоякскаго уѣзда, чтобъ тамъ оставить лошадь и товаръ у знакомаго намъ крестьянина Гукова. Мы отправились въ Воронежъ, чтобъ познакомить, по нашимъ предположеніямъ, уже собравшуюся въ Воронежѣ нашу группу. Но въ Воронежѣ насъ ожидало письмо отъ А. Д. Михайлова, въ которомъ онъ сообщилъ намъ о разгромѣ въ Петербургѣ и объ арестѣ многихъ членовъ изъ предполагаемой воронежской группы. Александръ Дмитріевичъ сообщилъ намъ, что онъ остался безъ всякихъ средствъ и почти одинъ, и предлагалъ немедленно продать все, что можно продать, и ѣхать въ Петербургъ. Пріискавъ безопасное мѣсто для Баранникова въ одномъ имѣніи Харьковской губерніи, такъ какъ Александръ Дмитріевичъ рекомендовалъ позаботиться о его безопасности, мы съ Квятковскимъ стали обсуждать,—какъ намъ быть въ виду настоятельнаго требованія Александра Дмитріевича? Какъ

это ни было намъ горько, что наши планы о поселеніи приходится отложить и при томъ въ такой моментъ, который казался намъ такимъ благопріятнымъ, тѣмъ не менѣе мы ясно понимали, что пока Петербургъ, какъ центръ нашей организаціи, не будетъ возстановленъ, наши усилія при всѣхъ надеждахъ на возможность организованнаго протеста среди крестьянъ противъ насилій и безобразій, которыя совершались мѣстной администраціей, чтобъ сдѣлать все возможное и даже невозможное для великокняжеской охоты, останутся отдѣльнымъ фактомъ и потому безрезультатнымъ. И мы, скрѣпя сердце рѣшили, что я отправлюсь въ Петербургъ. Но въ то же время у насъ было твердое намѣреніе не откладывать надолго планъ предполагаемаго поселенія въ Воронежской губерніи. Квятковскій, провожая меня въ Петербургъ, напутствовалъ меня совѣтами не поддаваться соблазнамъ дѣятельности въ Петербургѣ и какъ только дѣло мало-мальски наладится въ Петербургѣ, ѣхать обратно въ Воронежъ. Онъ же рѣшилъ оставаться въ Воронежѣ и уѣхать въ Петербургъ въ томъ только случаѣ, если я найду, что его пріѣздъ туда настоятельно необходимъ.

Пріѣхавши въ Петербургъ, я нашелъ, что за время отъ разгрома, который лишилъ насъ такихъ товарищей, какъ Адріанъ Михайловъ, Ольга Николаевна Натансонъ, Колѣнкина и другихъ, до того времени, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, А. Д. Михайловъ настолько успѣлъ зашлать бреши, причиненныя III-мъ отдѣленіемъ нашей организаціи и настолько обезпечилъ въ денежномъ отношеніи организацію, что чувствовался недостатокъ только въ руководящихъ людяхъ, чтобъ приступить къ организаціи такихъ фактовъ, какъ отмщеніе шефу жандармовъ Дрентельну за погромъ, только что пережитый, и изъятіе особенно вредныхъ шпіоновъ, какъ напр. Рейнштейна. Всѣ единодушно рѣшили, что въ такомъ направленіи на первыхъ порахъ и предстоитъ дѣятельность. Я помню такую сцену. Нѣкто, остающійся въ живыхъ и по сіе время, нарисовалъ медвѣдя и вдали охотника, прицѣлившагося въ него. Показывая свое произведеніе мнѣ, онъ спросилъ, что я думаю на этотъ счетъ? Понимая вполнѣ содержаніе рисунка, я отвѣтилъ ему, что тѣ впечатлѣнія, съ которыми я возвратился сюда изъ моего путешествія по Воронежской губерніи за то, что въ центрѣ необходимо создать грозную боевую силу, если желаемъ всколыхнуть Россію. Мысль, высказанную мной, поддержалъ Тихомировъ, заявивъ, что и онъ съ тѣмъ же впечатлѣніемъ возвратился изъ провинціи. Пишу Квятковскому подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ того, что я нашелъ въ Петербургѣ, и сообщаю, что нужда большая ощущается въ людяхъ. Пріѣзжаетъ Квятковскій. При встрѣчахъ нашихъ въ первые дни, онъ неоднократно, дѣлясь со мной своими мыслями, навѣянными Петербургомъ, говорилъ мнѣ, что все это, несомнѣнно, необходимо, но на это можно найти людей и здѣсь, мы же должны помнить, что у насъ есть начатое дѣло, и мы не должны бросить его.

На время, короткое въ обыкновенной жизни, но продолжительное въ переживаемое тогда нами время, когда въ Петербургѣ дѣятельность кипѣла ключомъ, и одни впечатлѣнія смѣнялись другими, мы разстались съ Квятковскимъ. Я уѣхалъ въ началѣ января, а во второй половинѣ марта я опять въ Петербургѣ и нахожу всѣхъ моихъ друзей, стремящихся по наклонной плоскости къ той дѣятельности, которая стала потомъ программой партіи «Народной Воли». И увы! Квятковскій, который такъ предупреждалъ меня не поддаваться соблазнамъ городской дѣятельности, самъ нуждался теперь въ совѣтахъ. Какъ разъ въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, въ тотъ же вечеръ, въ совѣтѣ обсуждался вопросъ о покушеніи на убійство Александра II. Правая партія была противъ этого акта, я тоже былъ въ рядахъ правой по этому вопросу. Мнѣ казалось, что убійство Александра II будетъ политической ошибкой партіи, ибо Александръ II въ глазахъ народа—освободитель милліоновъ русскихъ крестьянъ отъ крѣпостного рабства. То же обстоятельство, что роль освободителя была навязана ему безвыходнымъ положеніемъ послѣ Крымской войны, а также и то, что царствованіе вслѣдъ за реформами мало въ чемъ отличалось отъ царствованія его отца и, подъ конецъ, сдѣлалось столь же реакціоннымъ,—это могло быть оправдательнымъ документомъ въ глазахъ историка, среднему же обывателю Россіи того времени всѣ эти тонкости оставались неизвѣстными. Кромѣ всего этого, среди правой партіи «Земли и Воли» ходилъ слухъ, что рѣшившійся взять на себя убійство Александра II былъ не кто другой, какъ Гольденбергъ, еврей по національности, и это еще болѣе подкрѣпляло меня и правую сторону въ томъ, что это будетъ роковой ошибкой «Земли и Воли». Совѣтъ по этому поводу былъ самымъ бурнымъ. Когда со стороны лѣвой было заявлено, что нѣкто проситъ довести до свѣдѣнія организаціи «Земли и Воли» о своемъ рѣшеніи во что бы то ни стало пойти на убійство Александра II-го, и что онъ останется при этомъ своемъ рѣшеніи и въ томъ случаѣ, если организація выскажется противъ и откажетъ ему въ помощи въ этомъ дѣлѣ, то поднялась цѣлая буря. Помню, одна изъ дамъ подходила поочередно то къ правой, то къ лѣвой совѣта съ просьбой успокоиться и помнить, что можетъ услышать прислуга, у которой къ тому же сейчасъ въ гостяхъ дворникъ; все это мало успокаивало взволнованный совѣтъ. Особенно потеряли мѣру два друга, я и Квятковскій, очутившіеся въ этотъ разъ въ противоположныхъ лагеряхъ. Я, въ качествѣ праваго, заявилъ: «Гг., если среди насъ возможны Каракозовы, то поручитесь ли вы, что завтра изъ среды нашей не явится и Коммисаровъ со своимъ намѣреніемъ, не стѣсняясь тѣмъ, какъ отнесется къ его намѣренію наша организація?» На это Квятковскій съ такой же запальчивостью отвѣтилъ по моему адресу: «Если Коммисаровымъ будешь ты, то я и тебя застрѣлю». Но какимъ бурнымъ это засѣданіе совѣта ни было, о раздѣлѣ и рѣчи въ это время еще не заходило. Чаще конфликты случались между редакторами «Земли и Воли», люди же дѣла, послѣ

столь бурнаго засѣданія, ясно сознавали, что въ единеніи нашемъ сила, и въ тотъ же вечеръ въ ложѣ театра я, Квятковскій, Михайловъ, Зунделевичъ (другихъ не помню) вновь обсудили этотъ вопросъ. Здѣсь я узналъ, что этотъ нѣкто, рѣшившійся на столь важный фактъ, не еврей и что такъ или иначе, «Земля и Воля» не должна остаться въ сторонѣ въ этомъ дѣлѣ.

Я остановилъ вниманіе читателей «Былого» на этомъ фактѣ, чтобъ показать, какъ еще крѣпки были узы, связывающіе членовъ организаціи «Земли и Воли», что даже и такіе противоположные взгляды, какъ въ данномъ случаѣ взгляды на цареубійство, не грозили раздѣломъ. Правда, этотъ острый конфликтъ по поводу намѣренія Соловьева ясно далъ понять всѣмъ необходимость общаго съѣзда землевольцевъ; но о раздѣлѣ въ это время никто не думалъ. Объясняется это не однимъ товариществомъ и довѣріемъ другъ къ другу членовъ организаціи «Земли и Воли»; но и тѣмъ, что теоретическіе взгляды большинства членовъ «Земли и Воли» немногимъ разнились. Всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большинство единодушно сознавали, что только сила грозная, импонирующая народу и культурному обществу, сила, способная непосредственно вступить въ борьбу съ правительствомъ, можетъ надѣяться всколыхнуть недовольные, но пока инертные элементы, разсѣянные въ достаточномъ количествѣ въ Россіи. Вопросъ состоялъ лишь въ томъ, какимъ путемъ и какими средствами создать эту грозную боевую организацію. Начать ли съ конька государственнаго зданія Россіи или постепенно подойти къ коньку. Конечно, было бы хорошо одними и тѣми же средствами стремиться къ этой цѣли и сверху и снизу, и это подсказывалось самой жизнью.

Когда я выѣхалъ изъ Петербурга, за два дня до покушенія Соловьева, съ полномочіемъ созвать съѣздъ землевольцевъ въ одномъ изъ городовъ средней Россіи, то въ Козловѣ на вокзалѣ кондукторъ, пріѣхавшій изъ Ростова, держалъ къ толпѣ, окружившей его и разбиравшейся въ двухъ событіяхъ дня, о которыхъ только что телеграфъ принесъ извѣстія — о покушеніи на жизнь Государя и бунтѣ въ Ростовѣ-на-Дону—такую рѣчь: «когда,—говорилъ онъ,— революціонеры рѣшили убить царя, то они разослали по всѣмъ городамъ своимъ агентамъ приказъ разгромить полицейскіе участки и перебить все начальство и, если-бъ Соловьевъ убилъ государя, то, что произошло въ Ростовѣ, было бы вездѣ по Россіи; но Соловьевъ промахнулся, и потому изъ Петербурга былъ посланъ приказъ повременить; но въ Ростовѣ, то ли не попало второе распоряженіе,— то ли они забыли послать туда; въ Ростовѣ поэтому и произошелъ разгромъ полиціи. Несомнѣнно, это—созданіе народной фантазіи ни больше, ни меньше, тѣмъ не менѣе оно реально представляетъ ту программу, которая привела бы революціонеровъ къ побѣдѣ. И такая программа представлялась нашимъ умамъ ясно; но, вѣроятно, въ то время не созрѣли еще ни силы, нужныя для этого, ни средства. По крайней мѣрѣ, я, вмѣстѣ съ толпой, слушавшей эту фантазію кондуктора, сказалъ про себя: вотъ наша программа, устами

кондуктора провозглашенная. Открытымъ, слѣдовательно, вопросомъ было, — могли ли землевольцы выполнить такую программу или нѣтъ, и рѣшеніе его, конечно, обусловливалось наличностью накопленности революціоннаго чувства во всѣхъ слояхъ тогдашняго общества; но что на этотъ вопросъ былъ лишь этотъ одинъ отвѣтъ, т. е., что только сильная и грозная боевая организація могла всколыхнуть матушку Русь и принудить правительство пойти на уступки, въ этомъ никто не сомнѣвался.

Теперь приступаю къ вопросу: только ли политически развитые люди, такъ называемая интеллигенція, находили тѣсными рамки бюрократическаго строя Россіи, или узость этихъ рамокъ, если не сознавалась, то чувствовалась и некультурнымъ обывателемъ Россіи. И правда ли то, что говоритъ Г. В. Плехановъ въ своемъ предисловіи къ Туну, т. е., будто бы революціонеровъ оттолкнуло отъ революціонной дѣятельности въ деревнѣ то, что предъ ними вырисовалось крестьянство, какъ представитель труда, который его собственными производственными отношеніями толкался въ сторону отъ соціализма. Вотъ что приходилось слышать о насъ, революціонерахъ, въ некультурныхъ слояхъ Россіи. Сидимъ мы съ Львомъ Николаевичемъ Гартманомъ въ его квартирѣ въ Тамбовѣ и слышимъ за стѣной разговоръ сейчасъ возвратившихся съ молебна по поводу спасенія государя отъ руки убійцы хозяина квартиры Гартмана и его гостя. Гость возмущается злодѣйствомъ Соловьева и предлагаетъ самыя суровыя мѣры противъ революціонеровъ; хозяинъ же въ отвѣтъ на его возмущеніе говоритъ: «я тебѣ скажу, — нѣтъ дыму безъ огня! Помнишь, вотъ этотъ нашъ, —вѣдь онъ изъ нашей губерніи,—который тоже стрѣлялъ въ государя, Каракозовъ... Я слышалъ,—пришелъ къ нему въ тюрьму Муравьевъ и говоритъ ему: ты долженъ мнѣ сказать все, — знаешь, вѣдь я русскій медвѣдь! А тотъ ему въ отвѣтъ: я тоже, говоритъ, бѣлый медвѣдь и сказалъ ему что-то. Что сказалъ, — не знаю и врать не буду, а только слыхалъ я, что когда Муравьевъ передалъ эти его слова государю, то государь на это вотъ что сказалъ Муравьеву: эту тайну ты долженъ унести съ собой въ могилу и тутъ же показалъ ему шелковый шнурокъ, т. е. понимай, молъ! Вотъ оно и выходитъ,—дѣло-то не такъ просто, братецъ ты мой! Намъ, темнымъ людямъ, многое невдюмекъ, а образованные люди все это по писанному разбираютъ, и у нихъ все это какъ на ладони».

Или вотъ. Выѣхалъ я встрѣтить Фроленко въ Козловѣ, предупредить, что съѣздъ состоится не въ Тамбовѣ, какъ предполагалось, а въ Воронежѣ. Въ ожиданіи поѣзда на Воронежъ, мы зашли въ трактиръ напиться чаю. Въ трактирѣ сидитъ группа прасоловъ и ведетъ разговоры о нашемъ братѣ, революціонерѣ. Одинъ изъ нихъ резюмируетъ обмѣнъ ихъ мыслей такъ: мы смотримъ, братцы мои, на все, что кругомъ насъ дѣлается нашими темными глазами, а вѣдь они смотрятъ въ микроскопъ и то, что намъ кажется въ горошину, то имъ въ гору представляется. Если правду сказать,— неправды въ нашей матушкѣ Россіи много. А вотъ что я слышалъ

въ парикмахерской въ Кіевѣ, послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ. Телеграмму о взрывѣ принялъ сочувствующій революціонерамъ телеграфистъ и, конечно, тотчасъ же сообщилъ намъ. Я вышелъ на Крещатикъ въ ожиданіи телеграммъ, чтобъ видѣть, какое это извѣстіе произведетъ впечатлѣніе на публику. Оказалось, что Судейкинъ задержалъ опубликованіе телеграммы, какъ самъ на судѣ сказалъ онъ намъ, чтобъ установить тотъ фактъ, что революціонеры знали въ Кіевѣ о имѣющемъ быть взрывѣ, ибо до него дошли свѣдѣнія, что на одномъ изъ базаровъ города Кіева предполагалась демонстрація [1]). Наскучивъ шататься по Крещатику въ ожиданіи телеграммъ и не желая мозолить собою глаза полиціи, которая, по моимъ наблюденіямъ, тоже была насторожена въ ожиданіи чего-то необычайнаго, я зашелъ въ парикмахерскую. Только что парикмахеръ принялся за мою голову, вскакиваетъ изъ сосѣдней пивной какой-то господинъ съ телеграммой въ рукѣ, по всѣмъ видимостямъ, знакомый парикмахера, и какъ громомъ поражаетъ публику: „взрывъ въ царскомъ дворцѣ!“ Сидѣвшій тутъ же какой-то полицейскій чинъ, вѣроятно, какъ и я, зашедшій къ парикмахеру въ ожиданіи телеграммъ, схватилъ со стола фуражку и помчался на улицу. Въ парикмахерской происходитъ обмѣнъ мнѣній по поводу необычайнаго событія. И вотъ что я слышу. «И что думаетъ наше правительство! Взрывъ подъ Москвой, теперь взрывъ во дворцѣ, а тамъ завтра революція... Что же будетъ потомъ,—рѣзня!.. Такъ же нельзя, правительство должно выслушать ихъ и обратить вниманіе на тѣ непорядки, на которые ему указываютъ. Вѣдь это не какіе-нибудь люди, это люди ученые! Зачѣмъ тогда и ученые люди, вѣдь зачѣмъ же нибудь ихъ учатъ?»...

Мнѣ на это могутъ сказать, что это отдѣльные случаи. Можетъ быть, пока такихъ случаевъ было еще и немного, я хочу сказать только, что такіе разговоры вызывались, несомнѣнно, творцами такихъ фактовъ, какъ взрывъ, и эти разговоры, несомнѣнно, множились бы по мѣрѣ развитія дѣятельности въ этомъ родѣ,—другими словами, этими фактами русское общество революціонизировалось, и мнѣ кажется, что я вправѣ думать, что, если-бъ наличныя силы людьми и средствами позволили народовольцамъ развить ихъ дѣятельность въ большихъ размѣрахъ, если-бъ предательство Гольденберга и Дегаева не подорвало этихъ силъ, то тотъ переполохъ, который уже началъ проявляться среди состоятельныхъ классовъ (вѣдь извѣстно теперь, что послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ знать и богатые классы прятали и увозили свои драгоцѣнности за границу), заставилъ бы уже и тогда потерявшееся правительство пойти на большія уступки, чѣмъ тѣ, на которыя оно уже было готово пойти въ диктаторство Лорисъ-Меликова даже и при той степени развитія революціонной дѣятельности въ этомъ направленіи, которой оно достигло въ этотъ моментъ. Что же касается крестьянства и дѣя-

[1]) Дѣйствительно, въ ожиданіи счастливаго исхода взрыва, готовилась демонстрація на такъ называемомъ Житномъ базарѣ, имѣвшая вызвать цѣль взрыва.

тельности революціонеровъ среди него, то мнѣ кажется, что крестьянство остается и теперь такимъ же, какимъ оно было и въ наше время: дѣятельность среди него съ тѣхъ поръ ни мало не измѣнилась—и разница только въ интенсивности революціоннаго чувства среди крестьянъ въ наше время и теперь. Если Г. В. Плехановъ правъ, и дѣйствительно крестьянство своими производственными отношеніями толкается совершенно не въ ту сторону, какую рекомендуетъ ему революціонеръ, то еще въ большей степени эти производственныя отношенія должны были бы толкать и теперь въ этомъ направленіи крестьянство. За эти почти 30 лѣтъ эти производственныя отношенія должны были выступить еще болѣе рѣзко, если имѣть въ виду, что за это время капиталистическое производство сравнительно далеко ушло. Правда, съ того времени умственный кругозоръ крестьянина сталъ шире, съ одной стороны, подъ вліяніемъ измѣнившихся условій передвиженія,—пароходы и желѣзныя дороги, несомнѣнно, усилили соціальное треніе,—а съ другой стороны, и народное образованіе съ умноженіемъ школъ сдѣлало прогрессъ. Но вѣдь новыя данныя народной жизни могутъ представлять плюсъ при моемъ взглядѣ на соціальный прогрессъ, въ глазахъ же Г. В. Плеханова, какъ соціалъ-демократа, это скорѣй минусъ, чѣмъ плюсъ въ развитіи революціоннаго чувства среди крестьянства. Ужели и въ наше время производственныя отношенія крестьянъ требуютъ повелительно отъ революціонеровъ пройти мимо крестьянства, невзирая на то, что крестьянство составляетъ 80% населенія Россіи? Отвѣчу на это нѣсколькими иллюстраціями отношеній крестьянства къ революціонерамъ нашего времени. Алексѣй Андреевичъ Емельяновъ, осужденный по дѣлу Казанской демонстраціи подъ именемъ Боголюбова вмѣстѣ съ Мозговымъ, и нынѣ здравствующимъ гдѣ-то въ Забайкальѣ, проживали въ деревнѣ Пески, Воронежской губерніи, Хоперскаго уѣзда. Имъ удалось въ такой степени достигнуть довѣрія среди крестьянъ, что, когда жандармы явились арестовать Мозгового, бывшаго въ Пескахъ волостнымъ писаремъ, то крестьяне съ кольями въ рукахъ окружили волостное правленіе, чтобъ не допустить ареста своего писаря, и Мозговой только потому былъ арестованъ, что не хотѣлъ самъ воспользоваться предложеніемъ крестьянъ увезти его, чѣмъ воспользовался Боголюбовъ. Вотъ что разсказывалъ мнѣ Алексѣй Андреевичъ о своей дѣятельности въ Пескахъ. Былъ онъ съ однимъ крестьяниномъ Семеномъ въ полѣ на работѣ. Нужно сказать, что это было приблизительно въ 74-мъ году, когда мы, юные революціонеры, думали, что и крестьяне такъ же легко могутъ разбираться въ сочиненіяхъ Лассаля и Прудона, какъ и мы, и потому не стѣснялись подкрѣплять свою пропаганду ссылками на Лассаля и Прудона. Мнѣ кажется, что иллюстраціей этого примѣра успѣха пропаганды среди крестьянъ, я дамъ возможность читателю представить себѣ, насколько крестьянство и въ то время способно было идти за людьми, сулящими ему исполненіе завѣтной мечты—доступиться матушки-земли. Изъ этой маленькой картинки читатель ясно увидитъ, что крестьяне

какимъ-то чутьемъ угадывали въ пропагандистахъ своихъ истинныхъ друзей. Проходятъ на Донъ крестьяне Пензенской губерніи и заходятъ на поле къ Семену напиться воды. Семенъ честь-честью приглашаетъ присѣсть случайныхъ гостей, угощаетъ водой и начинаетъ держать къ нимъ такую рѣчь: «чьи будете и куда Богъ несетъ?»—Получивъ въ отвѣтъ, что гости его идутъ на Донъ на заработки, Семенъ спрашиваетъ: «Скажите мнѣ, будь у васъ земли вдоволь, сколько вашей силушки хватитъ одолѣть ее кормилицу, пошли ли бы вы на край свѣта киселя хлебать?»—«Что говорить,—отвѣчаютъ гости,—кто отъ добра добра ищетъ? Самъ знаешь, братикъ мой,—нужда всѣхъ насъ гонитъ,—вотъ кто». «А кто тому причиной,—спрашиваетъ вновь Семенъ,—скажи-ка мнѣ,—кто тому причиной, что у насъ земли нѣтъ? Не знаешь,—спѣшитъ съ отвѣтомъ на поставленный имъ же вопросъ Семенъ,—такъ слушай: царствіе, жандармствіе, дворянствіе, поповствіе. А вотъ если бъ всѣхъ ихъ, аспидовъ нашихъ, залассалить, запрудонить, дѣло бы то приняло другой оборотъ и не было бы у насъ на Руси, что у одного чрезъ край, по горло, вонъ какъ у нашего барина, а у другихъ, прямо сказать, нѣтъ ничего. И я вотъ тоже все къ Господу вздыхалъ,—а что имъ Господь, коли въ ихъ рукахъ сила,—да вотъ спасибо люди открыли глаза,—указывая на Алексѣя Андреевича, сказалъ Семенъ. — И я тебѣ теперь прямо говорю, пока въ ихъ рукахъ власть, не видать крестьянству земли, какъ ушей своихъ».

То же самое было и въ Саратовской губерніи. И тамъ точно также, когда, послѣ покушенія Соловьева, разслѣдованіе дѣла о немъ обнаружило, что Соловьевъ предъ этимъ былъ въ Вольскомъ уѣздѣ поселенцемъ вмѣстѣ съ другими, то революціонеры избѣгли ареста только благодаря помощи крестьянъ. Подробности объ этомъ я слыхалъ и отъ Богдановича въ Тамбовѣ и отъ Иваничина Писарева въ Петербургѣ, но за давностью лѣтъ забылъ. Но вотъ чего я самъ былъ свидѣтелемъ. Проѣздомъ чрезъ Тамбовъ я остановился у Довеля, у котораго проѣздомъ же былъ въ это время прокуроръ, производивший слѣдствіе по этому дѣлу среди крестьянъ въ Вольскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Прокуроръ этотъ передавалъ намъ о своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ опроса крестьянъ. Не зная, кто мы, онъ съ горечью въ сердцѣ говорилъ намъ, что никогда и въ мысляхъ не допускалъ, чтобы революціонеры такъ глубоко пустили корни среди крестьянства. «Мы, жители города, ровно ничего не знаемъ, что дѣлается подъ нашимъ носомъ въ деревняхъ нашихъ,—говорилъ прокуроръ. Съ кѣмъ изъ крестьянъ мнѣ ни приходилось говорить—и мужики, и бабы самаго лучшаго мнѣнія о нихъ. Особенно восторженные отзывы я слышалъ объ одной фершалкѣ, какъ они называютъ. Эта фершалка, по ихъ словамъ, какая-то богородица. Увѣряю васъ,—говорилъ негодующе прокуроръ,—одинъ изъ мяциковъ такъ-таки и сказалъ мнѣ: «что ужъ и говорить, баринъ,—наша фершалка на рѣдкость. Ужъ истинно кого Господь захочетъ благословить на добрыя дѣла. Прійдешь это къ ней: ночь ли, дождь, и какая тамъ ни будь погода,—ни тебѣ слова! Сѣла себѣ и

поѣхала, а то и пѣши пошла. Просто сказать вамъ, баринъ, истинно святая душа!»—«Да знаешь ли ты, говорю я ему,—передаетъ намъ прокуроръ,—что это за люди? Вѣдь это враги Царя, враги закона». «А онъ себѣ, ровно это для него такіе пустяки, о которыхъ и говорить не стоитъ, отвѣчаетъ: насчетъ этого ничего вамъ, баринъ, не могу сказать. А что она вотъ какой человѣкъ, какъ я вамъ докладывалъ, это истинно такъ, какъ передъ Богомъ говорю».

Я могъ бы многое поразсказать объ этомъ и изъ моихъ личныхъ воспоминаній въ моихъ скитаніяхъ по Волгѣ вмѣстѣ съ Медвѣдевымъ и по Воронежской губ. съ Квятковскимъ, и читатель увидѣлъ бы, что завоевать симпатіи крестьянъ въ такой мѣрѣ, чтобъ потомъ вести среди нихъ пропаганду совершенно откровенно, не составляло большого труда. Въ небольшое сравнительно время, въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца, мы съ Квятковскимъ пользовались такимъ довѣріемъ крестьянъ, что на ярмаркахъ насъ отыскивали. Ни одна баба не соглашалась при продажѣ своего холста, чтобъ купившій ея холстъ прасолъ самъ мѣрилъ.—«Продать то я продамъ тебѣ,—говорила баба прасолу,—но мѣрить пойдемъ къ Ликсандрѣ (Квятковскому), потому онъ ужъ смѣряетъ по-божески». И кулакъ волей-неволей уступалъ. Предъ нашей палаткой постоянно стояла вереница бабъ съ холстами и среди нихъ съ аршиномъ въ рукахъ Квятковскій. Въ деревнѣ Шестаково Бобровскаго уѣзда крестьяне предлагали намъ поселиться, обѣщали построить намъ лавку. Мнѣ казалось страннымъ, что люди мало-мальски скомпрометированные уѣзжали за границу и въ 79 году, на предложеніе Стефановича ѣхать за границу, я отвѣтилъ, что если-бъ я, по какимъ-либо соображеніямъ нашелъ нужнымъ бросить дѣятельность въ городѣ, то вмѣсто того, чтобъ ѣхать за границу, поселился бы въ деревнѣ Воронежской губерніи и находилъ бы себя тамъ въ большей безопасности, чѣмъ за границей. Конечно, быть можетъ, это было увлеченіе, но только въ томъ смыслѣ, что едва ли я чувствовалъ бы себя удовлетвореннымъ въ моихъ культурныхъ запросахъ. Я думаю, что въ наше время крестьянство вовсе не было недоступно пропагандѣ, и вопросъ состоялъ совсѣмъ не въ томъ,—возможно ли крестьянство вызвать на протесты всякаго рода, а въ томъ, насколько создаваемые среди крестьянъ протесты соотвѣтствовали бы наличной подготовкѣ революціонной дѣятельности въ центрѣ. Другими словами, революціонныя организаціи въ центрахъ не были еще развиты въ такой мѣрѣ, чтобъ онѣ могли использовать въ своихъ цѣляхъ разсѣянные протесты среди крестьянской массы. Революціонера на первыхъ порахъ дѣйствительно поражало то, что крестьянство возлагало надежды на царя въ улучшеніи своей горькой доли, но не нужно было особеннаго ума, и достаточно было небольшого знакомства съ психологіей народа, чтобъ понять въ чемъ дѣло. Народъ не зналъ иной реальной политической силы, которая могла бы, если-бъ, конечно, хотѣла, осуществить завѣтныя мечты крестьянства насчетъ земли. И крестьянство въ то время заслуживало упрековъ не больше въ этомъ отношеніи, чѣмъ и всѣ остальные слои русскаго общества, не

исключая и культурныхъ и даже высокообразованныхъ слоевъ его. Помню, когда Александръ II-й послѣ взятія Плевны возвращался съ театра войны, въ Петербургскомъ университетѣ по какому-то поводу происходили студенческія волненія, и профессоръ государственнаго права Градовскій совѣтовалъ студентамъ успокоиться, ибо,—сказалъ онъ,—говорятъ, государь возвращается съ войны въ благодушномъ настроеніи и можно ожидать, что онъ дастъ конституцію. Или вотъ. Во время такъ называемыхъ контрактовъ въ Кіевѣ я отправился въ одинъ изъ ресторановъ, гдѣ обыкновенно въ то время проводило время дворянство, съѣхавшееся на контракты, чтобъ прислушаться къ тому, что волнуетъ дворянство въ ожиданіи 25-ти лѣтняго юбилея восшествія на престолъ Александра II. Конечно, разговоры шли о милостяхъ, которыя, несомнѣнно, по мнѣнію бесѣдовавшаго за бутылкой дворянства, были бы, если-бъ не всѣ эти взрывы и убійства, которые совершаетъ недоучившаяся наша молодежь. Еще приведу одинъ случай изъ моей революціонной дѣятельности въ пользу того, что революціонеры конца 70-хъ годовъ были правы, думая, что только реальная творческая сила, вступившая въ борьбу съ правительствомъ, могла всколыхнуть Россію и внушить ей убѣжденіе, что пора перестать возлагать надежды на кого бы то ни было и позаботиться о себѣ самимъ. Правда, этотъ случай изъ подонковъ русскаго общества, тѣмъ не менѣе онъ хорошо иллюстрируетъ мою мысль, которая была почти общей мыслью революціонеровъ конца 70-хъ годовъ. Сидѣлъ я въ Ростовѣ въ одномъ торговомъ заведеніи у моего знакомаго. Входитъ приказчикъ и докладываетъ хозяину, что у амбаровъ то ли пьяный, то ли больной кто. «Говорю ему, что лежишь здѣсь,—шелъ бы себѣ куда-нибудь. Молчитъ, ничего не отвѣчаетъ». Выходимъ вмѣстѣ съ хозяиномъ къ амбарамъ. Дѣйствительно, у амбара одного лежитъ человѣкъ. «Что, милый человѣкъ, лежишь здѣсь—боленъ что ли?» спрашиваетъ хозяинъ. «Чай, сами видите», отвѣчаетъ неизвѣстный. «Шелъ бы въ больницу, коли боленъ», говоритъ хозяинъ. Молчитъ. Хозяинъ обращается ко мнѣ и говоритъ: «Вотъ и больница есть, но пойди туда,—вылѣчатъ, потомъ посадятъ въ тюрьму и начнутъ мытарить по этапамъ. Вѣдь это босякъ. Возьми Василій его въ контору». Привели мы его въ контору, уложили и принялись лѣчить. У него былъ возвратный тифъ. Лѣчили мы его и вмѣстѣ съ тѣмъ читали ему революціонныя изданія: «Хитрую механику», «Сытые и голодные» и пр. Особенно понравилась ему «Понизовая вольница» Мордовцева. Нашъ знакомый оказался крестьяниномъ Петербургской губерніи Ямбургскаго уѣзда, звали его Алексѣй, а среди босяковъ Алешка. Алешка съ каждымъ днемъ проникался пропагандируемыми ему идеями соціализма и къ выздоровленію онъ окончательно принялъ наше ученіе и сдѣлался самъ пропагандистомъ въ своей средѣ. Интересно то, что по какой-то непонятной намъ застѣнчивости или, быть можетъ, чтобъ мы не мѣшали ему въ его своеобразной пропагандѣ, онъ въ присутствіи нашемъ никогда не заводилъ рѣчи съ босяками въ роли пропагандиста, но намъ было извѣстно, что онъ дѣятельно

работаетъ въ своей средѣ. Разъ только мнѣ удалось быть свидѣтелемъ его пропагандистской дѣятельности. Проходилъ я мимо одной харчевни и замѣтилъ собравшуюся толпу предъ харчевней. Среди толпы, стоявшей кругомъ, я замѣтилъ Алексѣя. Онъ съ обнаженной головой, наступивъ одной ногой на шапку, почему-то брошенную имъ на землю, декламируетъ изъ «Парадного подъѣзда» Некрасова со своими собственными вставками: Волга, Волга, Донъ и Азовское море, весной многоводной вы не такъ заливаете поля, какъ великой скорбью народной переполнена наша земля и пр., въ такомъ же родѣ съ своими прибавленіями. Меня заинтересовала эта сцена, я стою и молча слушаю. Кончилъ Алексѣй весь «Парадный подъѣздъ». Въ толпѣ раздалось: «Браво, браво Алеша! Вотъ куплетистъ, такъ куплетистъ!!»

«Дураки вы, дураки,—отвѣтилъ Алексѣй своей публикѣ, надѣвая на голову шапку.—Куплетистъ!.. Вамъ все театръ! Раскусите своей башкой, что я вамъ сказалъ. «Не стая вороновъ слеталась на трупы тлѣющихъ костей,—удалыхъ шайка собиралась!»—закончилъ Алексѣй словами Пушкина, взятыми Алексѣемъ изъ извѣстной книги Флеровскаго, поставленными авторомъ въ видѣ эпиграфа. Молча вышелъ изъ круга и пошелъ по направленію къ угольному складу, гдѣ онъ проживалъ въ качествѣ разгрузчика вагоновъ съ углемъ. Я остался въ толпѣ наблюдать впечатлѣніе, произведенное на нее своеобразной пропагандой Алексѣя. Толпа угрюмо и молча стояла ни то, не оправившись отъ сурового упрека Алексѣя, брошеннаго ей, ни то, по совѣту Алексѣя, она задумалась надъ словами поэмы Некрасова. Послѣ этого случая я рѣшилъ воспользоваться Алексѣемъ, чтобъ съ помощью его проникнуть въ среду босой команды, какъ ее называли въ Ростовѣ, и не разъ просилъ его собрать ночью босяковъ въ амбарѣ склада, но Алексѣй на мои просьбы отвѣчалъ: «да они, Родіонычъ, никуда не годятся, какъ только что слизать, что плохо лежитъ. Пропащій это народъ,—не совѣтую вамъ съ ними возиться. А понадобятся они намъ, я отвѣчаю вамъ головой,—они будутъ съ нами. Зимой по полушубку и рюмкѣ водки и они пойдутъ, куда мы ихъ поведемъ». Конечно, я не мирился съ такими средствами воздѣйствія, предлагаемыми Алексѣемъ, и въ этомъ смыслѣ возражалъ ему. Въ концѣ концовъ и онъ задумался надъ этимъ вопросомъ и однажды сказалъ мнѣ: «Вотъ что я вамъ скажу, Родіонычъ. Смотрите, какъ наши босяки, ровно на барина, работаютъ Борискѣ (еврей, содержавшій притонъ): воду ему носятъ, краденный уголь ему несутъ и все это они дѣлаютъ только за ночлегъ. Я видѣлъ въ вашей компаніи есть старичекъ еврей, откройте притонъ, и босяки въ нашихъ рукахъ. Только я вамъ прямо говорю,—даромъ въ притонъ не пускайте. Три коп. и никакихъ, а то они васъ заберутъ въ руки, а не вы ихъ. Довольно будетъ и того, что вы будете поступать съ ними по-человѣчески и во время болѣзни не выбросите ихъ на дворъ, какъ Бориска». Наконецъ. Алексѣй уступилъ моимъ настояніямъ и собралъ человѣкъ 10 босяковъ въ одну ночь въ амбарѣ. Начались у

насъ разговоры. Алексѣй [illegible]лъ въ сторонѣ и не принималъ участія въ бесѣдахъ. Остальные слушали меня и поддакивали. Встаетъ Алексѣй, подходитъ къ одному и говоритъ: «слушай, что я скажу тебѣ Марко. «У Родіоновича сейчасъ въ карманѣ 200 р. денегъ,—вѣрно тебѣ сказываю,—нука попадись онъ тебѣ, гдѣ-нибудь на Темерникѣ (глухое тогда предмѣстье) или на Богатомъ (тоже), какъ бы ты заговорилъ тамъ? Правду только говори, вѣдь меня не обманешь!» Аудиторія переглянулась, Марко сконфузился и сказалъ: «что ты Алешка, Богъ съ тобой!»—«Богъ то Богъ, а только вотъ что, Родіоновичъ: дайте имъ по 3 коп.,—пускай они идутъ къ своему Борискѣ и больше сюда не приходятъ». Этимъ и кончился мой опытъ съ босяками. Я сталъ замѣчать, что Алексѣй смотритъ на насъ, какъ на представителей силы, гдѣ-то стоящей за нашей спиной. Изъ разговора между нами, революціонерами, онъ узналъ, что люди подобные намъ есть и въ Харьковѣ, и въ Саратовѣ, и въ Петербургѣ и, можетъ быть, по всей Россіи. Словомъ, мы представлялись ему какой-то таинственной силой, которую ему пока не удается учесть. Не составивъ себѣ понятія объ этой таинственной для него силѣ здѣсь, въ Ростовѣ, онъ проситъ меня отправить его въ Саратовъ или вообще куда-нибудь на Волгу. Снабдивъ паспортомъ, я отправилъ его въ Царицынъ, гдѣ были тоже революціонеры. Недѣли три пробылъ онъ тамъ, затѣмъ попалъ оттуда въ Саратовъ, и въ одинъ день возвращается въ Ростовъ. Приходитъ ко мнѣ подъ хмелькомъ, отчего онъ воздерживался со времени нашего знакомства. Спрашиваю о томъ, какъ ему понравилось тамъ, на Волгѣ. «Да, что, Родіонычъ, и тамъ все одни слова, а дѣла никакого. Я прямо вамъ скажу, Родіонычъ, хорошіе вы люди, и я полюбилъ васъ всей душой, но скажу вамъ, если и вездѣ такъ, какъ здѣсь и тамъ, гдѣ я былъ, то все же дѣло не выгоритъ». Отвѣчаю ему, что такія дѣла скоро не дѣлаются, что нужна для этого дѣла продолжительная подготовка и пр. Возразить онъ мнѣ не умѣетъ, но глаза его ясно говорили мнѣ, что все сказанное мной его не убѣждаетъ. Самымъ откровеннымъ образомъ онъ высказался послѣ извѣстной расправы Трепова съ Боголюбовымъ въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. По пути въ квартиру, гдѣ жили Булановъ и другіе, пріѣхавшіе изъ Петербурга въ Ростовъ, чтобъ, преобразившись здѣсь, отправиться чрезъ Калачъ на Волгу, я захватилъ газету, въ которой сообщалось объ этой расправѣ. Нѣтъ нужды говорить, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на насъ это насиліе надъ личностью товарища. Мы прочли и угнетенные новостью молчали. Былъ при этомъ и Алексѣй, на котораго это насиліе тоже произвело тяжелое впечатлѣніе. Вотъ что онъ тутъ же сказалъ мнѣ. «И что вы будете дѣлать, Родіоновичъ, послѣ этого? Какой вашъ отвѣтъ будетъ?» Я не нашелся, что сказать ему на это и молчалъ. «А я вотъ что скажу. Моя жизнь,—грошъ ей цѣна, а и мнѣ жаль бросить ее ни за что!» затѣмъ попрощался и ушелъ. Послѣ этого я его долго не видѣлъ; но, проходя разъ по набережной Дона, я увидѣлъ Алексѣя въ числѣ разгрузчиковъ баржи, по-

дозвалъ и спросилъ, что онъ не заходитъ ко мнѣ. «Вы знаете, я васъ люблю и уважаю, но, право, дѣлать мнѣ у васъ нечего. Подумаете еще, что хожу къ вамъ, чтобъ получить пятачекъ». Два дня спустя послѣ этого онъ зашелъ ко мнѣ, убѣждалъ меня бросить это дѣло, говорилъ, что ему просто больно думать, что меня засадятъ въ тюрьму. «Вы все говорите: народъ, народъ, а я вамъ скажу: народъ вашъ такой, что коли ему дадутъ, онъ возьметъ, а самаго его съ мѣста не сдвинешь». Это было послѣднее наше свиданіе. Онъ попросилъ у меня на память „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“ Флеровскаго и паспортъ, и съ тѣхъ поръ мы не встрѣчались.

Прошу читателя извинить меня, что я такъ долго остановился на исторіи моего знакомства съ Алексѣемъ. Эта встрѣча съ Алексѣемъ оказала громадное значеніе на рѣшеніе мной вопроса, что дѣлать. Она укрѣпила во мнѣ то убѣжденіе, что только за силой, способной вступить въ непосредственную борьбу съ правительствомъ, пойдетъ нашъ русскій народъ. Говоря такъ, я имѣю въ виду наше время, время 70-хъ годовъ. Если всѣмъ тѣмъ, что я до сихъ поръ сказалъ, я достигъ того, что желалъ, то читатель долженъ придти къ заключенію, что никакихъ ни горожанъ, ни деревенщиковъ въ дѣйствительности не было. И если-бъ у меня спросили, — много ли наканунѣ Липецкаго и Воронежскаго съѣздовъ было среди членовъ «Земли и Воли» людей, которые признавали лишь только политическую борьбу, и обратно — много ли было людей, которые относились отрицательно къ террористическимъ актамъ, совершеннымъ до покушенія Соловьева на жизнь Александра II-го, то я затруднился бы дать опредѣленный отвѣтъ, ибо разница во взглядахъ сказывалась скорѣе, по крайней мѣрѣ, среди большинства членовъ «Земли и Воли» не въ теоретическихъ взглядахъ, а въ практической программѣ дѣятельности. Было ясно всѣмъ, что средствъ и людей было слишкомъ мало, чтобъ можно было вести борьбу на два фронта, — въ одно и то же время и съ правительствомъ вверху, и вести къ протесту крестьянство внизу. Вопросъ, за какое дѣло приняться въ первую голову, — былъ вопросомъ по которому мнѣнія членовъ «Земли и Воли» разнились. Одни стояли за то, что нужно въ первую очередь поставить на прочную ногу борьбу съ центральнымъ правительствомъ. Другіе за то, что начатое Соловьевымъ дѣло нужно привести къ концу. И, наконецъ, третьи за то, что нужно, путемъ аграрнаго террора и особенно мести губернаторамъ за экзекуціи, чинимыя ими среди крестьянства, популяризировать себя въ крестьянскихъ массахъ.

Мнѣ теперь остается очертить внѣшніе контуры Воронежскаго съѣзда. Сначала я избралъ мѣстомъ съѣзда землевольцевъ Тамбовъ, въ предмѣстьи котораго, въ одномъ уединенномъ мѣстѣ, куда нужно было ѣхать по рѣкѣ Цнѣ, и предполагались засѣданія съѣзда. Въ Тамбовѣ уже были: Вѣра Николаевна Фигнеръ, Титычъ (Тищенко), Іосифъ Васильевичъ (Аптекманъ), Хотинскій, Девель. Изъ Воронежа и Саратова должны были пріѣхать: Сергѣичъ (Хоризо-

меновъ), Юристъ (Преображенскій), Щедринъ, Пресняковъ. Многіе изъ Саратова не могли пріѣхать, такъ какъ имъ нельзя было бросить мѣста, и поручили свои голоса мнѣ и Юристу. Но съѣздъ въ Тамбовѣ не состоялся по слѣдующимъ независящимъ обстоятельствамъ. Находившіеся лѣтомъ въ Тамбовѣ землевольцы для обмѣна мыслей по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію на съѣздѣ, собирались въ томъ уединенномъ мѣстѣ, гдѣ предполагались и засѣданія съѣзда. Отправляясь однажды на двухъ лодкахъ по Цнѣ въ это мѣсто, мы не приняли во вниманіе, что по дорогѣ туда на рѣкѣ Цнѣ есть загородное мѣсто для прогулокъ тамбовцевъ, и упросили Евгенію Николаевну Фигнеръ (теперь Сажина) спѣть намъ «Бурный потокъ», который она очень хорошо пѣла. Она начала пѣть и своимъ пѣніемъ вызвала на берегъ Цны гуляющихъ тамбовцевъ, которые и провожали наши лодки по берегу Цны. Эти невѣдомо откуда взявшіеся въ Тамбовѣ люди вмѣстѣ съ пѣвицей привлекли и вниманіе полиціи. Дѣло кончилось тѣмъ, что на возвратномъ пути полиція насъ прослѣдила и къ нѣкоторымъ изъ насъ, человѣкамъ тремъ, явилась и потребовала паспорта. Паспорта, конечно, были подложные, и обладателямъ ихъ пришлось на другой день выѣхать, оставивъ паспорта полиціи. Значитъ, Тамбовъ былъ скомпрометированъ какъ мѣсто съѣзда.

Я съ Вѣрой Николаевной отправились въ Воронежъ и, облюбовавъ два уединенныхъ предмѣстья въ Воронежѣ, извѣстныхъ и раньше мнѣ, дали знать о перемѣнѣ мѣста съѣзда въ Петербургъ. Перемѣна мѣста имѣла лишь то неудобство, что мнѣ пришлось провести два дня въ Козловѣ, гдѣ я встрѣчалъ проѣзжавшихъ на съѣздъ землевольцевъ и снабжалъ ихъ адресами бюро съѣзда въ Воронежѣ. Къ вышеперечисленнымъ лицамъ, переѣхавшимъ изъ Тамбова въ Воронежъ, присоединились: А. Д. Михайловъ, Фроленко, Плехановъ, Тихомировъ, Желябовъ, Ширяевъ, М. Н. Ошанина, Баранниковъ, Перовская, Морозовъ, Квятковскій, Колоткевичъ, Исаевъ, Сергѣева. Не ручаюсь, что я перечислилъ всѣхъ съѣхавшихся на Воронежскій съѣздъ членовъ организаціи «Земли и Воли»; но ошибка не превышаетъ 2—3-хъ человѣкъ. Почти каждый изъ присутствующихъ голосовалъ по порученію за отсутствующаго, а нѣкоторые имѣли въ своемъ распоряженіи и по два—три голоса. Всѣхъ засѣданій съѣзда было четыре: два засѣданія имѣли мѣсто въ одномъ изъ уединенныхъ мѣстъ ботаническаго сада и два—въ рощѣ по рѣкѣ Воронежу близъ водяной мельницы. Предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ Титычъ; онъ формулировалъ и постановленія съѣзда. Прежде всего приступили къ пересмотру программы, которая и была прочитана по параграфамъ; предлагаемыя поправки того или другого параграфа обсуждались и, по выслушаніи преній по тому или другому параграфу, «вопросъ объ измѣненіи параграфа ставили на голоса. Основныя положенія программы «Земли и Воли» остались неизмѣненными. Революціонная дѣятельность по-прежнему должна имѣть основою интересы народа. Экономическая революція—цѣль этой дѣятельности. Къ параграфу о дѣятельности среди крестьянства, которая раньше съѣзда опредѣлялась такъ: «вызывать протесты въ народѣ, на почвѣ мѣстныхъ нуждъ, и вообще пользоваться всякимъ возможнымъ случаемъ, чтобъ вызывать крестьянство на протесты», на съѣздѣ было сдѣлано добавленіе: признавалась необходимой и своевременной организація въ деревнѣ аграрнаго террора и месть правительственнымъ агентамъ на мѣстахъ за экзекуціи, совершаемыя ими надъ крестьянами.

Вторымъ вопросомъ на съѣздѣ былъ вопросъ о политическомъ терроръ. Параграфъ программы «Земли и Воли» о такъ называемой дезорганизаторской дѣятельности, которая раньше опредѣлялась такъ: «устранять всѣхъ правительственныхъ агентовъ, вредящихъ дѣятельности организаціи», былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что устраненію подлежатъ тѣ высшіе агенты правительства, которыми опредѣляется внутренняя политика Россіи. Затѣмъ поставленъ былъ вопросъ о начатомъ уже дѣлѣ, т. е. объ убійствѣ Александра II-го, который и былъ рѣшенъ большинствомъ въ положительномъ смыслѣ. Въ принципѣ же вопросъ о цареубійствѣ остался открытымъ, и рѣшеніе его предоставлялось слѣдующему очередному съѣзду. Что касается органа «Земли и Воли», то было постановлено, что газета «Земля и Воля» сохраняетъ то направленіе, которое выражено въ исправленной и дополненной программѣ съѣзда. Изъ прежняго состава редакціи «Земли и Воли» редакторами оставались два: Тихомировъ и Морозовъ, и къ нимъ выбрали третьяго Титыча; администрація выбрана была изъ трехъ лицъ: предсѣдателя совѣта Титыча, Фроленко и Михайлова. Закончился конгрессъ тѣмъ, что рѣшено было тратить на террористическую дѣятельность не больше $^1/_3$ имѣющихся денежныхъ средствъ, остальныя $^2/_3$ предназначались для деревенской дѣятельности. Такъ называемая мной лѣвая фракція «Земли и Воли», извѣстная потомъ подъ именемъ террористовъ, разсчитывая на то, что въ деревнѣ пока нѣтъ дѣла, которое требовало бы большихъ денежныхъ средствъ, согласилась на такое распредѣленіе средствъ, въ надеждѣ на то, что не будутъ же тратиться деньги, ассигнованныя на дѣятельность среди крестьянъ, если этой дѣятельности не будетъ. Ихъ разсчеты, вѣроятно, и оправдались бы, ибо дѣйствительно, дѣятельность въ деревнѣ нужно было еще организовать, для чего прежде всего нужны люди, а люди,—даже и тѣ, которые стояли за дѣятельность въ народѣ, но которые вмѣстѣ стояли и за то, чтобъ начатое дѣло было приведено къ концу и, слѣдовательно, до окончанія его были заняты — не могли заняться организаціей дѣятельности въ народѣ; но неожиданно являются изъ-за границы Стефановичъ и Дейчъ, которые говорили, что у нихъ есть основательныя надежды на то, что въ Чигиринѣ возможна вновь организація крестьянства, и что крестьянство тамъ настроено революціонно. Народники, ясно сознавшіе, въ томъ числѣ и я, вашъ покорный слуга, что, чтобъ остановить революціонные элементы на пути къ чисто политической дѣятельности, нужно создать какое-нибудь громкое дѣло въ крестьянствѣ, ухватились за эти надежды. Это

и было поводомъ къ конфликту между народниками и террористами, который и привелъ къ расколу «Земли и Воли» на двѣ партіи. Такимъ образомъ, общество «Земли и Воли» и печатный его органъ перестали существовать; ни одна изъ двухъ образовавшихся партій не имѣетъ права присваивать себѣ названія «Земли и Воли»; матеріальныя средства дѣлятся пополамъ. Обѣ партіи обязуются оказывать одна другой всевозможную поддержку и, такимъ образомъ, являются въ Россіи двѣ партіи: «Народная Воля» и «Черный Передѣлъ».

Настроеніе съѣзда было самое мирное: какъ правая, такъ и лѣвая съѣхавшихся членовъ организаціи «Земли и Воли» ясно выражали желаніе не доводить дѣло до раскола, отчасти въ силу довѣрія другъ къ другу, товарищескихъ привязанностей, но больше такое настроеніе вытекало изъ сознанія обѣихъ сторонъ, что не такъ-то легко создать такую организацію, какой была «Земля и Воля»,—единственная въ то время революціонная организація, которая пользовалась авторитетомъ въ широкихъ кругахъ не только революціонеровъ, но за дѣятельностью которой слѣдило съ напряженнымъ интересомъ все культурное русское общество. До какой степени въ каждомъ изъ съѣхавшихся на съѣздъ господствовало сознательное желаніе обойти возможность раскола общества, за это говоритъ то, что каждый старался сдерживаться и, если тотъ или другой ораторъ выходилъ изъ подъ своего собственнаго контроля и начиналъ незамѣтно для себя самого увлекаться, сейчасъ же кто-нибудь изъ близкихъ друзей напоминалъ ему объ этомъ и при общей помощи успокаивалъ оратора. Помню, когда Желябовъ сталъ развивать программу политической борьбы, какъ единственной, соотвѣтствующей переживаемому Россіей моменту, я возразилъ ему, что свести всю дѣятельность нашей организаціи на политическую борьбу легко, но едва ли такъ же легко будетъ указать предѣлъ, дальше котораго идти соціалистамъ непозволительно.

Но едва Желябовъ, чтобъ отвѣтить мнѣ, успѣлъ сказать мнѣ: «не нами міръ начался, не нами и кончится», какъ вмѣшался Фроленко и сказалъ: «По-моему, и ты, Андрей, и ты, Родіонычъ, оба вы говорите ерунду, не имѣющую отношенія къ дѣлу. Предъ нами вопросъ,—какъ быть съ начатымъ разъ дѣломъ, и этотъ вопросъ мы и должны рѣшать,—а какъ будетъ потомъ, намъ скажетъ будущее».

Точно также при выборѣ лицъ въ администрацію, когда кто-то предложилъ Юриста (Преображенскаго), Михайловъ вскипятился и сказалъ: «ну ужъ нѣтъ, кого хотите, но только не Юриста, — это заядлый народникъ!» Сейчасъ же вмѣшалась Марія Николаевна и замѣтила своему другу: «Ахъ, дворникъ! Какъ вы плохо владѣете собой! Вы даже забыли то, что о присутствующихъ такъ не говорятъ; не говоря ужъ о томъ, что не всѣ же такого мнѣнія о Юристѣ, какъ вы». Кратко, на съѣздѣ царило общее желаніе — не раздѣляться.

М. Поповъ.

Къ процессу П. Л. Лаврова.

27 августа 1866 г. по высочайшему повелѣнію былъ преданъ военному суду членъ конференціи и преподаватель математическихъ наукъ въ Михайловской артиллерійской академіи полковникъ Лавровъ за храненіе у себя сочиненій преступнаго содержанія и по обвиненію „въ сочувствіи и близкихъ сношеніяхъ съ людьми, извѣстными правительству своимъ преступнымъ направленіемъ".

Соціалистическая дѣятельность Лаврова, какъ русскаго эмигранта, представляетъ большой интересъ. Поэтому любопытенъ и первый о немъ политическій процессъ. Ниже приводятся свѣдѣнія объ этомъ процессѣ, тѣмъ болѣе важныя, что о дѣлѣ Лаврова правительство не опубликовало ни строки, почему о немъ вовсе не упоминается и въ сборникѣ В. Богучарскаго „Государственныя преступленія въ Россіи" (въ 1-мъ томѣ).

Обративъ на себя вниманіе полиціи своею политическою неблагонадежностью, Лавровъ, наконецъ, дождался обыска, при которомъ у него была обнаружена нелегальная литература и письма, показывавшія его сношенія съ извѣстными политическими дѣятелями, какъ то: съ профессоромъ Павловымъ, Чернышевскимъ, Утинымъ, Альбертини. Обыскъ доказалъ, что Лавровъ занимался сборомъ денегъ въ пользу Павлова и, состоя сотрудникомъ литературныхъ органовъ, старался проводить въ печати мысли тенденціозной окраски; между прочимъ, книгопродавцу Тибленбену Лавровъ писалъ, что „можно сначала приняться за выпускъ невинныхъ вещей, а затѣмъ, затянувъ издателей и приучивъ наблюдателей, въ изданіе пустить вещи посерьезнѣе".

Въ числѣ рукописей у Лаврова было найдено нѣсколько стихотвореній его собственнаго сочиненія. Въ стихотвореніи „Пророчество", помѣченномъ 1862 годомъ, изображалось угнетеніе народовъ монархической властью до тѣхъ поръ, пока она не была потрясена бурей — французской революціей; но „напитокъ равенства былъ тогда еще ихъ дѣтей", и міръ задремалъ, а деспотизмъ царей возобновился, пока снова „кличъ свободы не пронесся отъ береговъ Сены, и монархи для усмиренія разгнѣванныхъ народовъ не стали бросать имъ права". Посылая проклятія „свободы хищникамъ, Европы королямъ", Лавровъ далѣе обращается къ русскому царю:

„Не вѣченъ будетъ сонъ, настанетъ пробужденье,
И устыдится Русь невѣжественной тьмы,
И вырастетъ тогда общественное мнѣнье,

Признаетъ русскій царь народныя права.
Молись, чтобы тогда не выстрадали внуки,
За все величіе, за всѣ твои дѣла!
Молись, чтобы безъ слезъ, безъ крови и безъ муки
Освобожденія минута перешла.
Молись, чтобъ лучъ одинъ тепереннѣй святыни
Въ печальный часъ твоихъ потомковъ осѣнилъ,
Чтобы грѣхи отца не наказались въ сынѣ,
Молись, чтобы тебя народъ твой не забылъ".

Слѣдующее стихотвореніе „Русскому царю" было написано Лавровымъ въ апрѣлѣ 1854 г. Здѣсь онъ, между прочимъ, указываетъ, что вокругъ царя

„Клейнмихели, Орловы,—
Временщиковъ надменный строй",

и совѣтуетъ съ особою разборчивостью набирать себѣ приближенныхъ, выражаясь:

„Но помни, русскій царь, ты нашей силой крѣпокъ,
Величьемъ нашимъ ты великъ,
Безъ русской доблести престолъ твой—груда щепокъ.
Народовъ мощь—есть мощь владыкъ!"

Въ стихотвореніи „Русскому народу", написанномъ въ ноябрѣ 1854 г., Лавровъ выражалъ мысль, что императоръ Николай I, принявъ на себя обязанность думать за всѣхъ и царствуя самовластно, усыпилъ чрезъ то духовныя силы и энергію русскаго народа и допустилъ злоупотребленія и безпорядки во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія, что и выразилось въ неудачахъ Крымской кампаніи. Дѣлая обращеніе къ Россіи, Лавровъ писалъ:

„Проснись, мой край родной, изъѣденный ворами,
Подавленный рабствомъ,
Позорно связанный безумными властями!
Шпіонствомъ, ханжествомъ!
Давно гнетутъ тебя наслѣдники Батыя,
Нѣтъ правъ для тебя!
Проснись, проснись, возстань, несчастная Россія,
Твой Богъ зоветъ тебя!
Встань, ты предъ идоломъ колѣна преклоняешь,
Внимаешь духу лжи.
Свободный, вѣчный духъ ты рабствомъ оскверняешь,
Оковы развяжи!
Предъ тропомъ деспота, безъ криковъ и проклятій,
Предстань судьей, народъ!
За славу русскую, за кровь всѣхъ падшихъ братій
Пускай онъ ластъ отчетъ.
Скажи ему: не Богъ вознесъ тебя надъ нами,
Твой тронъ—не Божій тронъ!
Не онъ насъ осудилъ твоими быть рабами,
Рабство не есть законъ!"...

Въ стихотвореніи „Новому царю" Лавровъ осуждаетъ большія затраты на коронацію и говоритъ:

„И судъ тотъ перейдетъ къ сынамъ другого вѣка,
И правнуки его въ исторіи прочтутъ.
Для нихъ царь самъ—служитель народа,
Для нихъ короны блескъ—лишь отраженный свѣтъ.
Для нихъ не святъ престолъ—одна святa свобода,
И кромѣ истины другихъ законовъ нѣтъ.
И говорятъ они: твой царь есть ничтожество
Народнаго труда, народныхъ грозныхъ силъ.
Россіи собственность—твои всѣ помышленья,
И въ пышныхъ торжествахъ ты долгъ царя забылъ".

По поводу всѣхъ этихъ стихотвореній Лавровъ объяснилъ, что они писаны подъ вліяніемъ того общаго неудовлетворенія и того раздраженія, которыя царствовали въ концѣ николаевскаго времени. Читалъ же свои стихи онъ женѣ, сестрѣ и друзьямъ. Какъ всякое стихотвореніе, они выражали его субъективное настроеніе, отнюдь не являясь публицистическими проповѣдями.

Въ прозаической статьѣ „Мысли вслухъ объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи", найденной у Лаврова, авторъ осуждалъ все государственное и административное устройство тогдашней Россіи; въ одной изъ главъ этой статьи „Тайная полиція и гласность" авторъ возставалъ противъ военнаго направленія внутренней политики и высказывалъ убѣжденіе, что присоединеніе Россіею Польши — такое же зло, какъ и покореніе Кавказа, и что связать душу Польши съ тѣломъ Россіи—задача противоестественная и неисполнимая. По показанію Лаврова, эта статья была имъ получена отъ кого-то постороннаго, и часть ея была переписана рукою его покойной жены.

Далѣе у Лаврова были найдены два письма о современныхъ вопросахъ, гдѣ между прочимъ была положена мысль, что такъ называемые люди порядка суть самые опасные демагоги. По признанію Лаврова, два письма были имъ напечатаны еще въ 1856 или 1857 г., а одно письмо было задержано цензурой.

Относительно обнаруженной у Лаврова рукописи „Строй идей, среди которыхъ развивался Іисусъ", подписанной Костевичемъ 1-мъ, онъ отозвался, что это былъ одинъ изъ пробныхъ переводовъ, представленный въ редакцію „Заграничнаго Вѣстника", дѣлами котораго онъ одно время занимался. Въ статьѣ было сказано, что оппозиція всегда дѣлаетъ честь странѣ, и что самые великіе люди нашихъ, которыхъ она приговариваетъ къ смерти.

Авторомъ стихотворенія „Первая книга Бытія" Лавровъ признаетъ себя. Стихотвореніе писано въ видѣ діалога между пастухомъ и его сыномъ, выражающимъ сомнѣніе въ истинѣ библейскаго ученія о происхожденіи вселенной; пастухъ же сравниваетъ процессъ библейскаго міроздданія со сходящимъ утромъ, возникающимъ изъ тьмы. Стихотвореніе по ошибкѣ переписчика означено посвященнымъ государю, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно посвящено нѣмецкому поэту Гордору, которому принадлежитъ сравненіе сотворенія міра съ разсвѣтомъ утренней зари.

Въ „Сказкѣ“ найденной у Лаврова, повѣствуется, какъ славянскій князь Гостомыслъ, потерявъ подъ старость смыслъ, присовѣтовалъ славянамъ избрать чужеземнаго царя; славяне избрали безземельнаго варяга, „который и до сихъ поръ даетъ намъ законъ“.

Въ стихотвореніи „Шарманка“ говорится, что внуки народной пѣсни о царѣ фальшивы, и что исправить инструментъ для того, чтобы эта пѣсня была сыграна правильно, невозможно.

Въ стихотвореніи „На смерть императора Николая I“ разсказывается что апостолъ Петръ, не пустивъ Николая въ рай, на вопросъ послѣдняго, что же тамъ за сбродъ, отвѣчалъ: „это воздушные дворяне и вольные крестьяне, которые всѣ по міру пошли и вищими въ рай пришли“.

Наконецъ, у Лаврова были найдены листки „Голосовъ изъ Россіи“ и письма, доказывающія, хотя и хлѣбовыя, сношенія съ лицами неблагонадежными.

Судъ присудилъ Лаврова къ трехмѣсячному аресту; товарищъ генералъ-фельдцейхмейстера генералъ-адъютантъ Баранцовъ находилъ еще, что Лаврову неудобно оставаться въ рядахъ артиллеріи.

Генералъ-Аудиторіатъ полагалъ вмѣнить въ наказаніе предварительное содержаніе подъ арестомъ до суда и вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ, что въ виду обнаруженія вреднаго образа мыслей Лаврова, „который не только въ занимаемой имъ должности преподавателя въ Михайловской Артиллерійской Академіи, но и вообще на государственной службѣ, терпимъ быть не можетъ“, онъ долженъ быть уволенъ отъ службы и „отосланъ“ на житье въ одну изъ внутреннихъ губерній, съ подчиненіемъ строгому полицейскому надзору и съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы.

Заключеніе Генералъ-Аудиторіата было высочайше конфирмовано 5 января 1867 г.

Воспоминанія чайковца [1]).

I.

Кружокъ чайковцевъ еще въ концѣ 1871 года началъ заводить знакомства съ рабочими. Первыми, вступившими въ непосредственное общеніе съ рабочими изъ нашего кружка, были: Сердюковъ, я, Чарушинъ, Леонидъ Поповъ и Стаховскій (не бывшій въ то время въ центральномъ кружкѣ, но имѣвшій постоянное общеніе съ нами).

Въ то время я, Чарушинъ, Поповъ, Надежда Купреянова и Марія Нагорская жили такъ называемой «коммуной», т. е. занимали сообща квартиру гдѣ-то возлѣ Измайловскихъ ротъ, изъ четырехъ комнатъ съ передней и кухней. Въ нашей квартирѣ раза два собиралась въ довольно большомъ количествѣ молодежь,—душъ до 50-ти, если не больше. Разъ молодежь собралась на лекцію о Лассалѣ, которую читалъ артиллерійскій полковникъ Фалецкій, и читалъ, сказать по-правдѣ, довольно плохо, такъ что молодежь осталась очень недовольна этой лекціей. Въ другой разъ собралась у насъ та молодежь, которая задумала было устроить демонстративныя поминки на могилѣ Добролюбова, кажется, въ 10-лѣтіе его кончины. Молодежь, а въ томъ числѣ и вся наша коммуна, пришла на кладбище, но наткнулись на предупредительную полицію и, потоптавшись кучками на кладбищѣ то здѣсь, то тамъ, порѣшила собраться у насъ на квартирѣ, чтобы выслушать рѣчь, приготовленную студентомъ-технологомъ Чиковымъ для произнесенія на могилѣ дорогого намъ писателя, и хоть такимъ путемъ справить по немъ поминки. Послѣ рѣчи Чикова молодежь долго не расходилась, а, разбившись по нашимъ четыремъ комнатамъ, разговаривала, спорила, шумѣла на тему служенія народу, сверженія самодержавія, народовластія и т. п.

На одномъ изъ этихъ собраній я познакомился со студентомъ Петербургскаго университета Граціанскимъ, черезъ него познакомился потомъ съ кружкомъ бывшихъ рязанскихъ семинаристовъ, поступившихъ въ Петербургскій университетъ, и со студентомъ же

---

[1]) Воспоминанія эти принадлежатъ одному изъ самыхъ выдающихся „семидесятниковъ“ Сергѣю Силовичу Синегубу, осужденному по знаменитому процессу 193-хъ. *Ред.*

университета Ждановымъ. Ждановъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, инженеромъ-технологомъ, былъ владѣльцемъ довольно извѣстнаго въ то время химическаго завода бр. Ждановыхъ, изготовлявшаго «ждановскую жидкость», уничтожавшую злоковіе и изобрѣтенную инженеръ-технологомъ Ждановымъ. Студентъ Ждановъ замыслилъ въ то время приносить пользу рабочимъ своего завода и устроилъ вечернія занятія съ ними, для чего и пригласилъ изъ кружка рязанцевъ охотниковъ заниматься съ рабочими, въ качествѣ лекторовъ по исторіи, физикѣ и географіи, а также въ качествѣ учителей грамотѣ и счету. Грацiанскій, познакомивъ меня, Чарушина, Попова и Стаховскаго со Ждановымъ, предложилъ ему и насъ въ качествѣ учителей. Впрочемъ, Чарушинъ и Поповъ скоро отстали отъ этого дѣла: перваго поглощала разраставшаяся конспираторская дѣятельность кружка по нашему «книжному дѣду» (издательство, основаніе библіотекъ въ провинціи въ средѣ учащихся и разсылка книгъ) и по пропагандѣ среди интеллигенціи въ столицѣ, а кромѣ того, какъ мнѣ кажется, и того, и другого не увлекло «якшаніе съ рабочими», въ то время только что зарождавшееся. Я же, напротивъ, увлекся знакомствомъ съ рабочими: оно мнѣ казалось въ то время «самымъ настоящимъ дѣломъ» и заправскимъ служеніемъ народу,—служеніемъ, къ которому были устремлены всѣ мечты тогдашней молодежи.

Для молодежи того времени главнѣйшей задачей было рѣшить, какую избрать дѣятельность, чтобы приносить наибольшую пользу народу, передъ которымъ она,—интеллигентная молодежь,—считала себя неоплатнымъ должникомъ, купившимъ свое развитіе цѣною тяжкихъ народныхъ страданій, и какую надо было вести жизнь, чтобы по-возможности меньше эксплоатировать и обездоливать народъ, такъ какъ тогда молодежь полагала, что все, что она тратитъ на свою жизнь,—не только роскошь, а даже самое скромное довольство,—было «стяжаніемъ неправымъ», отнятіемъ у трудового народа ему принадлежащаго.

Вмѣстѣ съ другомъ моего дѣтства Стаховскимъ,—съ конца 1871 года вплоть до лѣта 1872, когда наши знакомые рабочіе разъѣхались, да и Ждановъ охладѣлъ къ своей затѣѣ, и занятія прекратились,—весьма усердно мы посѣщали тотъ подвальный этажъ, какого-то несуразнаго зданія во дворѣ завода, который служилъ жилищемъ для рабочихъ.

Надо сказать, что я и Стаховскій не сошлись со своими сотрудниками рязанцами и съ самимъ Ждановымъ въ цѣли и характерѣ обученія рабочихъ. Въ то время, какъ они ограничивались исключительно передачею рабочимъ знаній по физикѣ, географіи, ариѳметикѣ и грамотой, мы, сами охваченные вопросами жизни народа, вопросами о его судьбѣ, о неправдѣ, царящей надъ нимъ, о гнетущей нуждѣ его и о всевозможномъ произволѣ надъ личностью мужика, неизбѣжно сводили свое обученіе рабочихъ на пропаганду. Послѣ урока чтенія, письма, ариѳметики и пр. мы заводили съ рабочими разговоры о ихъ житьѣ-бытьѣ; разговоры сводились зачастую на религіозныя темы, и мы толковали объ Евангеліи и съ точки зрѣнія евангельской разбирали неправду русской жизни. Читали мы рабочимъ и соотвѣтствующія книжки, касались и щепетильнаго вопроса объ отношеніи хозяевъ къ рабочимъ. Помню, какъ разъ, собравшись у Грацiанскаго, всѣ участвовавшіе въ занятіяхъ съ рабочими Жданова завели, между прочимъ, и разговоръ о томъ, что напрасно я и Стаховскій поднимаемъ среди рабочихъ «соціальные вопросы» и позволяемъ себѣ критику священнаго писанія, причемъ одинъ изъ рязанцевъ горячо замѣтилъ мнѣ: «да развѣ вы не знаете, что критика священнаго писанія въ Германіи привела къ реформаціи и къ сильнѣйшему народному волненію, къ крестьянскимъ войнамъ? Неужели вы хотите вызвать то же и въ Россіи?»—Я совершенно искренно и наивно отвѣчалъ, что отъ души желалъ бы, чтобы въ результатѣ нашихъ усилій получилось что-нибудь, похожее на реформацію и крестьянскія войны.

Какъ бы то ни было, но среди рабочихъ оказались у насъ искреннѣ друзья,—хотя и не болѣе пяти человѣкъ,—для которыхъ наши бесѣды и наши книжки, какъ это чувствовалось нами, были желанной духовной пищей, отвѣчавшей тѣмъ запросамъ ихъ души, которые возбудила въ нихъ сама жизнь. Къ сожалѣнію, моя память не удержала именъ этихъ первыхъ моихъ друзей изъ рабочихъ, изъ нихъ я помню только одного, молодого, лѣтъ 22-хъ, Лапунова, еще до знакомства съ нами бывшаго грамотнымъ и жадно накинувшагося на наши книжки. Лѣтомъ, при разставаніи съ нимъ, мы снабдили его книжками, вродѣ «Прохожаго» Григоровича, «Анчутки безпятаго» Майкова, фабричныхъ разсказовъ Голицинскаго и др.; онъ уѣзжалъ въ свою деревню и думалъ тамъ заняться пропагандой.

Судьба не привела насъ встрѣтиться съ нимъ вновь, какъ и съ другими лицами изъ нашего перваго опыта схожденія съ рабочими. Только долго спустя, въ 1877 году, когда шелъ процессъ 193-хъ, въ которомъ я фигурировалъ въ качествѣ обвиняемаго, я встрѣтилъ въ числѣ нашихъ защитниковъ и помощника присяжнаго повѣреннаго Грацiанскаго, но мы уже не признали другъ друга и даже не поздоровались.

II.

Однажды, когда мы еще жили въ коммунѣ, выпалъ такой вечеръ, что всѣ мы, кромѣ Чарушина, были дома и, собравшись въ моей комнатѣ (у насъ у каждаго было по комнатѣ, кромѣ Нагорской и Купреяновой, у которыхъ была одна общая и самая большая комната) читали, «Исторію одного города» Щедрина, одного изъ самыхъ любимыхъ нами писателей. Читалъ я; публика—Купреянова, Нагорская и въ особенности Попова—хохотала до изнеможенія!.. Но пришелъ Чарушинъ, человѣкъ «рыжій-красный», въ синихъ очкахъ, сквозь которые или сверхъ которыхъ смотрѣли голубые конспираторскіе глаза, юноша съ крутымъ, выдающимся, умнымъ лбомъ, высокій, худой и стройный, и нарушилъ наше даже чрезмѣрно веселое настроеніе. Онъ сообщилъ намъ, между прочимъ, о томъ,

что имъ получено письмо изъ Вятки отъ его знакомой, нѣкоей Кувшинской (впослѣдствіи ставшей его женой), которая, будучи классной дамой въ епархіальномъ духовномъ училищѣ и пользуясь величайшей любовью воспитанницъ старшихъ классовъ, кой-кого изъ воспитанницъ просвѣтила насчетъ народа и служенія ему, и нѣкоторыя изъ нихъ, по выходѣ изъ училища, попытались устроить свою жизнь сообразно своимъ убѣжденіямъ, но наткнулись на жестокій семейный деспотизмъ. Такъ, одна изъ нихъ, лучшая ученица, блистательно окончившая на 16 году епархіальное училище, Соня Ч—ва, дочь сельскаго священника, попала дома въ такіе тиски отцовскаго деспотизма, что рѣшилась бѣжать изъ дому, но была поймана отцомъ на 80-й верстѣ отъ дому и водворена вновь подъ кровъ отчій; къ ней приставили шпіоновъ изъ дѣтей и прислуги, лишили переписки съ кѣмъ бы то ни было, приходившія на ея имя письма перехватывались, и почти всѣ книги были отъ нея отобраны, кромѣ тѣхъ, которыя Соня тайкомъ ухитрилась какъ-то спрятать на чердакѣ дома. Ни съ кѣмъ, кромѣ дочери мѣстнаго діакона, имѣть сношеній ей не дозволялось. Ко всему этому, отецъ и мать порѣшили во что бы то ни стало выдать ее замужъ за мѣстнаго мирового судью, которому Соня приглянулась. И бѣдная дѣвушка черезъ сочувствовавшую ей втайнѣ дочку діакона послала отчаянное письмо своей бывшей классной дамѣ Кувшинской, моля о спасеніи и угрожая покончить съ собою, если къ концу года Кувшинская не устроитъ ей хотя бы фиктивнаго брака, ибо-де жить такъ, какъ хотятъ, чтобы она жила, ея отецъ, мать и родные, она не можетъ и предпочитаетъ лучше лечь въ могилу. Кувшинская въ письмѣ своемъ къ Чарушину и писала объ этой отчаянной мольбѣ Сони, прося его подумать и съ помощью кружка выручить дѣвушку изъ бѣды, человѣка, вполнѣ «годнаго къ дѣлу». Такъ какъ другого средства спасенія при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ очутилась Соня, кромѣ фиктивнаго брака придумать было нельзя, то какъ Кувшинская въ письмѣ, такъ и Чарушинъ съ друзьями остановились на немъ. Вся задача заключалась лишь въ томъ, чтобы подыскать человѣка, который пожелалъ бы взять на себя эту миссію и сумѣлъ бы ее выполнить.

Разсказывая въ этотъ вечеръ намъ о томъ, что писала ему Кувшинская, и обрисовавъ судьбу Сони, которую никто изъ насъ лично не зналъ и не видалъ, Чарушинъ сообщилъ и мысль о фиктивномъ бракѣ, какъ и о томъ, что онъ и другіе друзья рѣшительно не знаютъ, кто бы могъ за это дѣло взяться.

Я, зная, что нашъ кружокъ въ число своихъ задачъ включалъ и освобожденіе людей, страдавшихъ за свои убѣжденія,—отъ ссылки, тюрьмы и домашняго гнета, лишавшихъ то или другое лицо возможности служить народному дѣлу,—не колеблясь предложилъ свои услуги. Чарушинъ, никакъ не ожидавшій такого скораго разрѣшенія ихъ затрудненія, очень обрадовался моему, предложенію, и было тутъ же рѣшено, что онъ напишетъ объ этомъ Кувшинской, и что я буду готовъ во всякое время, какъ только того потребуетъ она, явиться на мѣсто дѣйствія. На этомъ пока и остановились.

Разговоръ съ Чарушинымъ происходилъ въ февралѣ или мартѣ 1872 г. Какъ я уже сказалъ, въ маѣ мѣсяцѣ этого года коммуна наша разъѣхалась, и такъ какъ до мая мѣсяца меня не потребовали къ исполненію намѣченной задачи,—устройству фиктивнаго брака,—то я сталъ уже предполагать, что тамъ, въ Вяткѣ, перестали объ этомъ думать, и самъ на этотъ счетъ успокоился.

Изъ Питера я уѣхалъ въ Москву, или, лучше сказать, подъ Москву, къ старшему брату своему Владиміру. Братъ былъ уже человѣкомъ семейнымъ и жилъ въ это время, какъ бы на дачѣ, въ деревушкѣ Печатниково въ получасѣ ѣзды изъ Москвы по Московско-Курской ж. д. Во дни юности этотъ братъ участвовалъ въ украинофильскомъ движеніи и присоединился съ частью украинофиловъ къ возстанію поляковъ въ 1863 году. Все его участіе, впрочемъ, выразилось въ неудачной попыткѣ, вмѣстѣ съ помѣщикомъ Переяславскаго у. Полтавской губ. Потоцкимъ вызвать возстаніе тамошняго казачества одновременно съ возстаніемъ поляковъ. Вызвать такое же возстаніе попытался въ Кіевской губ. въ имѣніяхъ Трепова и небезызвѣстный Павелъ Платоновичъ Чубинскій. Мнѣ извѣстны только эти два члена «Кіевской громады», попытавшіеся вызвать возстаніе хохловъ одновременно съ поляками для возстановленія Украины. Оба они и поплатились: Чубинскій былъ сосланъ въ Пинегу, а братъ мой, высидѣвши 2 года въ кіевской Прозоровской башнѣ, былъ потомъ сосланъ въ Вятку. Въ то время какъ онъ жилъ въ Печатниковѣ, прошло болѣе пяти лѣтъ со времени возвращенія его изъ ссылки.

Мы съ братомъ, впрочемъ, не располагали праздно проживать въ Печатниковѣ. Мы съ нимъ составили такой планъ: я отправлюсь въ деревню къ отцу, а братъ—въ Екатеринославъ, гдѣ онъ долженъ былъ устроить побѣгъ изъ семьи тоже одной дѣвушкѣ, которую онъ хорошо зналъ, и которая, какъ и многія дѣвушки въ то время, рвалась на волю, на самостоятельную жизнь и на службу народу. Она тоже попала въ семейную тюрьму, и родители прочили ее замужъ, находя всѣ ея стремленія чистѣйшими глупостями. Если бы побѣгъ не устроился, братъ долженъ былъ пріѣхать въ деревню къ отцу (деревня была въ Екатеринославской г. въ Александровскомъ у.), откуда мы намѣревались пройтись по землѣ Войска Донского, потолкаться среди казачества, поразузнать, какъ велико недовольство казачества своимъ положеніемъ, живы ли въ немъ старыя преданія о казацкихъ вольностяхъ, о казацкихъ «кругахъ», о Стенькѣ Разинѣ и пр. Ждать брата я долженъ былъ три недѣли, и если бы послѣ трехъ недѣль онъ въ деревню не явился, то я долженъ былъ отправиться въ Ростовъ-на-Дону, подождать его дня четыре тамъ и постараться встрѣтить на вокзалѣ Ростовско-Таганрогской ж. дор. Условленныя три недѣли истекли, а братъ въ деревню не явился. Взявши у родителей съ сотню рублей, я уѣхалъ въ Бердянскъ, а оттуда по Азовскому морю въ Таганрогъ. Это короткое путешествіе по морю, въ продолженіе всего какихъ-нибудь 12 часовъ, я проклялъ отъ всей души. Какъ только пароходъ вышелъ въ открытое

море, меня начало тошнить. Пріѣхавши въ Таганрогъ, я чувствовалъ себя больнымъ, и меня очень огорчало, что я оказался такой хлябоватый по своимъ физическимъ силамъ,—«а еще мечталъ жить такъ, какъ живетъ простой рабочій, а ничтожной качки не могъ вынести, чтобъ не раскиснуть», думалъ я про себя съ упрекомъ. Изъ Таганрога я въ тотъ же день выѣхалъ въ Ростовъ-на-Дону.

Здѣсь я остановился близъ вокзала на какомъ-то постояломъ дворѣ, отвратительномъ и довольно подозрительномъ. Хозяинъ постоялаго двора то и дѣло шушукался съ какими-то приходившими къ нему подозрительнаго вида фигурами мужескаго и женскаго пола, и мнѣ казалось, что тутъ какой-то притонъ. Вечеромъ здѣсь поднялась самая ужасная ругань пьяныхъ людей; за стѣнкой, въ сосѣдней комнатѣ, дѣло доходило до драки между мужчиной и пьяной бабой. Прожить мнѣ пришлось здѣсь двое сутокъ. Наконецъ, пріѣхалъ и братъ, и въ этотъ же день мы уѣхали съ нимъ обратно подъ Москву. Всѣ наши планы разстроились. Дѣвушка, за которой ѣздилъ братъ, отъ побѣга отказалась, такъ какъ успѣла за это время по ушли влюбиться и готовилась къ бракосочетанію съ возлюбленнымъ, а изъ-подъ Москвы отъ жены брата было получено письмо, въ которомъ она просила брата вернуться немедленно, чтобы не упустить открывшагося для брата мѣста въ какомъ-то земельномъ банкѣ. У меня тоже пропала охота путешествовать по Дону безъ компаніи.

III.

Въ этомъ году лѣтомъ южные города—Бердянскъ, Маріуполь, Таганрогъ и, въ особенности, Одесса—были переполнены безработными людьми. Въ Одессѣ ихъ скопились десятки тысячъ. Урожай былъ по всему югу необыкновенно плохой, и припедшіе на заработокъ издалека рабочіе оставались ни при чемъ, голодали и болѣли. Съ нами въ вагонѣ ѣхало нѣсколько такихъ скорбныхъ и огорченныхъ людей. Въ особенности былъ жалокъ одинъ изъ нихъ, типичнѣйшій русскій захудалый мужичекъ. По его словамъ, онъ уже четверо сутокъ ничего не ѣлъ и страдалъ, какъ мнѣ кажется, такъ называемымъ «голоднымъ тифомъ». Ѣхать ему надобно было до Курска, а оттуда въ свою деревню; ни гроша денегъ и полная потеря силъ. Мы съ братомъ, собравши въ его пользу среди пассажировъ своего вагона, кто-что могъ дать, въ Славяносербскѣ отвезли его въ больницу.

Рабочіе возвращались домой ни съ чѣмъ. Голодные иногда воровали у такихъ же голодныхъ послѣднее, и это вызывало иногда безобразныя сцены поимки вора, вмѣшательство жандарновъ, составленія протоколовъ. Пассажиры, ѣхавшіе изъ Одессы, разсказывали, то какъ очевидцы, то какъ слышавшіе отъ очевидцевъ о душу раздирающихъ сценахъ на улицахъ Одессы, среди скопившейся тамъ массы голодныхъ безработныхъ. Разсказывали о случаяхъ голодной смерти прямо на улицахъ мужчинъ и женщинъ съ грудными дѣтьми; разсказывали о томъ, какъ голодныя толпы требовали у начальства или заработка, или отправки ихъ на казенный счетъ домой, и въ отвѣтъ на это ихъ избивала полиція. Кругомъ было гнетущее настроеніе. Несмотря на то, что мы съ братомъ были принципіальные противники филантропіи и подачи милостыни, мы роздали все, что было съ нами—съѣстное, одежду, деньги, оставивъ себѣ только, чтобы доѣхать до Москвы. Наконецъ, прибыли и въ Печатниково.

Къ этому времени въ Екатеринбургской гимназіи во время экзаменовъ старшіе классы взбунтовались и, какъ кажется, побили своего директора Всеволодова. Ученики были озлоблены систематическимъ, нарочитымъ отравленіемъ ихъ жизни со стороны этого чиновника-человѣконенавистника. Друзья, оставшіеся въ Питерѣ, узнавъ, что я вернулся съ юга въ Печатниково, предложили мнѣ катить въ Екатеринбургъ, такъ какъ пріѣхавшіе туда студенты технологи изъ екатеринбургскаго кружка, съ которымъ имѣлъ связи нашъ кружокъ, просили прислать кого-нибудь изъ чайковцевъ, чтобы утилизировать гимназическое движеніе въ революціонномъ смыслѣ. Надо было ѣхать. И вотъ я очутился въ Екатеринбургѣ, но, какъ и слѣдовало ожидать, опоздалъ. Въ дѣло гимназическаго бунта вмѣшалась уже жандармерія, и петербургскіе друзья екатеринбуржцы,—Каликинъ, Поповъ Григорій, Коротковъ, Волковъ, и дѣвушка Кочка, попритихли и совѣтовали мнѣ временно скрыться изъ Екатеринбурга, такъ какъ за ними и за изгнанными гимназистами уже усиленно слѣдила жандармерія. Мнѣ указали на Невьянскій желѣзодѣлательный и чугуноплавильный заводъ, гдѣ я могъ безопасно прогостить у студента-технолога Бердникова, сына тамошняго купца (у него былъ складъ пожарныхъ машинъ). Не желая преждевременно попадаться въ руки жандармовъ, я послѣдовалъ благоразумному совѣту пріятелей и уѣхалъ на Невьянскій заводъ, захвативъ съ собой и привезенныя заграничныя изданія,—нѣсколько №№ «Народнаго Дѣла» (газета, издававшаяся знаменитымъ Сергѣемъ Нечаевымъ) и сочиненія Чернышевскаго, изданныя за границей эмигрантомъ Элпидинымъ.

Элпидинъ—участникъ казанскаго дѣла въ началѣ 60-хъ гг. Дѣло это, по распространенію «золотыхъ грамотъ» среди крестьянъ Казанской и Вятской губ. и пропаганды въ войскахъ города Казани, окончилось для нѣкоторыхъ участниковъ изъ военныхъ смертной казнью, для нѣкоторыхъ—каторгой или тюремнымъ заключеніемъ. Изъ послѣднихъ я лично знавалъ двухъ: бывшаго студента-медика Казанскаго университета Орлова, котораго я уже встрѣтилъ въ Забайкальѣ, гдѣ онъ, по полученіи правъ, былъ приисковымъ фельдшеромъ и горько пилъ, и другого студента Казанскаго университета Красноперова, вращавшагося въ нашемъ кружкѣ и принимавшаго участіе въ литературѣ.

Итакъ, я очутился на Невьянскомъ заводѣ и, пробывъ тамъ большую часть іюля, въ началѣ августа уѣхалъ оттуда. Однако, дѣло у меня здѣсь не обошлось безъ приключенія. Намъ съ Бердниковымъ удалось здѣсь составить кружокъ изъ учителя народной

школы Перезолова, изъ горнаго чиновника Бурцева, изъ сестры и брата Башениныхъ, дѣтей тамошняго купца, почтеннаго и умнаго Петра Ивановича, въ домѣ котораго, главнымъ образомъ, мы и собирались для чтенія книгъ и рефератовъ. Помню, что я читалъ, между прочимъ, рефератъ по утилитаріанизму, а изъ книгъ читали Писарева и популярныя въ то время «Сказки кота Мурлыки», не особенно давно только явившіяся въ свѣтъ. Наибольшею симпатіей изъ этихъ сказокъ среди молодежи пользовались двѣ: «Колесо жизни» и «Максъ и Волчекъ», а среди рабочихъ еще и «Курилка», чтеніе которой въ слушателяхъ-рабочихъ вызывало неудержимый хохотъ.

Своихъ новыхъ знакомыхъ я не преминулъ снабдить привезенными съ собою заграничными изданіями. Товарищъ мой по технологическому институту Бердниковъ и сынъ Башенина основали тайную библіотеку, которая помѣщалась въ лавкѣ Башенина. Въ библіотеку были включены и привезенныя мною сочиненія Чернышевскаго «Объ общинномъ землевладѣніи».

При чтеніяхъ реферата и книгъ возникали разговоры и споры, при чемъ касались различныхъ политическихъ, экономическихъ и моральныхъ темъ, касались и, конечно, весьма неблагосклонно и русскаго безправія, и русскаго самодержавія и пр.

Какъ-то дошло до невьянскихъ властей, а именно до невьянскаго станового пристава съ невьянскимъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ, что какой-то пріѣхавшій откуда-то молодой человѣкъ мутитъ людей, завелъ какой-то кружокъ, читаетъ тамъ книги, ведетъ непотребныя рѣчи. Живъ я въ это время на одной квартирѣ съ горнымъ чиновникомъ Бурцевымъ и, живя въ Невьянскѣ, я очень кстати занялся, между прочимъ, собираніемъ минералогической коллекціи,—благо въ Невьянскомъ заводѣ мнѣ щедро дарили всевозможные минералы почти всѣ изъ моихъ знакомыхъ. У меня образовалась довольно хорошая коллекція горныхъ хрусталей, топазовъ, аметистовъ, малахита, изумруда, разныхъ яшмъ и др. штуфовъ болѣе сотни. И вотъ въ то время, какъ Бурцевъ былъ на службѣ, я, оставшись одинъ въ квартирѣ, принялся за разборку и упаковку своей коллекціи, разложившись съ нею на полу. Вдругъ, въ сопровожденіи хозяйки, входитъ въ комнату рослый дѣтина въ формѣ жандармскаго унтеръ-офицера. Усаживается онъ на стулъ и очень вѣжливо вступаетъ со мною въ разговоръ,—сначала, прилично случаю, о коллекціи:

— Для чего, молъ, вамъ это?

— Я-де изучаю науку о камняхъ—минералогію—въ Технологическомъ Институтѣ и вотъ пріѣхалъ на Уралъ спеціально затѣмъ, чтобъ собрать коллекцію.

— А нельзя-ли взглянуть мнѣ на вашъ паспортъ? —

— Извольте! —и я досталъ ему изъ дорожной сумки билетъ, выданный мнѣ изъ Технологическаго Института для поѣздки въ Екатеринбургъ. Жандармъ съ министерской миной разсматривалъ мой билетъ довольно долго и въ заключеніе выразилъ нѣкоторое сомнѣніе насчетъ печати на билетѣ—почему-де не сургучная?—Печать была мастичная.

— Я ужъ этого не знаю, ужъ такова воля институтскаго начальства,—отвѣчаю я.

— Я все-таки долженъ васъ пригласить со мной къ господину становому!

— Съ удовольствіемъ!

Сложивъ свою коллекцію на столъ, гдѣ были книги, за которыя я очень боялся во все время разговора съ жандармомъ, такъ какъ на столѣ лежалъ № «Народнаго Дѣла» и «Объ общинномъ землевладѣніи» Чернышевскаго, и я боялся какъ бы онъ не вздумалъ ихъ пересматривать, но онъ почему-то не обратилъ на столъ никакого вниманія; мы пошли къ становому. Такъ какъ пришлось идти черезъ торговую площадь, то торговцы, а въ томъ числѣ и старикъ Башенинъ, увидѣли меня, сопровождаемаго куда-то жандармомъ. Это обстоятельство вызвало говоръ, а старикъ Башенинъ, оставивъ сына въ лавкѣ, въ тревогѣ пошелъ якобы домой, а на самомъ дѣлѣ отправился къ Бердникову, чтобъ увѣдомить его о казусѣ со мной.

Пришли къ становому. Вышелъ средняго роста, съ приличнымъ брюшкомъ, довольно выхоленный господинъ въ бѣломъ военномъ кителѣ, съ серьезнымъ, довольно красивымъ лицомъ, еще не старый.

— Скажите, молодой человѣкъ, вы откуда пріѣхали сюда?

— Я пріѣхалъ сюда изъ Екатеринбурга, въ Екатеринбургъ—изъ Петербурга.

Жандармъ подалъ въ это время становому мой видъ.

— Но какъ же вы пріѣхали сюда безъ разрѣшенія начальства? Вѣдь билетъ вамъ выданъ только до Екатеринбурга? — довольно строго спрашиваетъ становой.

— Развѣ я не имѣю права отлучиться изъ Екатеринбурга по этому билету въ сторону на 90 верстъ?!

— Не имѣете права!. Да.. и зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

— Пріѣхалъ въ гости къ товарищу по институту Бердникову, а кромѣ того, мнѣ сказали, что я здѣсь могу собрать хорошую минералогическую коллекцію, которую и собралъ. Вотъ и они видѣли!—указалъ я на жандарма.

Становой пристально посмотрѣлъ на меня своими черными и умными глазами.

— А скажите, какой это у васъ тутъ образовался кружокъ и какія это вы устраиваете чтенія?

— Кружокъ?!—изумился я.—Это кто вамъ насплетничалъ? Никакого кружка нѣтъ! Просто собираются иногда знакомые у старика Башенина, котораго вы, вѣроятно, знаете, и читаемъ, поемъ и вообще проводимъ время!

— Но, однако, что же вы тамъ читаете?

— Читали Писарева, «Сказки кота Мурлыки».

— Нѣтъ, позвольте-съ,—перебилъ жандармскій унтеръ, сдѣлавъ

строгую физіономію,—вы тамъ говорили возмутительныя рѣчи про его императорское величество!

— Что-о? Кто это вамъ сказалъ? Я бы просилъ васъ,—обратился я къ становому,—сейчасъ же вытребовать сюда того, кто это сказалъ господину унтеръ-офицеру, и пусть это лицо тутъ же, при мнѣ, скажетъ, что ему извѣстно про наши чтенія! Я требую этого!

Становой еще пристальнѣе поглядѣлъ на меня и, послѣ нѣкоторой паузы, сказалъ:

— Вотъ что, молодой человѣкъ, вы не имѣете права быть въ Невьянскомъ заводѣ. Я предлагаю вамъ, чтобы вы въ 24 часа выѣхали отсюда, чтобъ васъ завтра въ это время здѣсь не было. Иначе, я отправлю васъ отсюда по этапу. Можете идти.

— Что-жъ, ваша воля,—сказалъ я, и мы вмѣстѣ съ жандармомъ вышли.

— Мнѣ тутъ съ вами немножко по дорогѣ,—сказалъ мнѣ ласково жандармъ, и мы пошли вмѣстѣ.

— Вы откуда уроженцы будете?—спросилъ онъ меня.

— Я—Екатеринославской губерніи.

— Ну!?—радостно воскликнулъ жандармъ.—Вѣдь и я оттуда!—И онъ сталъ меня разспрашивать, давно ли я тамъ былъ, въ какихъ мѣстахъ, и пр. При разставаніи онъ дружески тряхъ мою руку и желалъ «земляку» счастливаго пути. Проходилъ я теперь по торговой площади безъ жандарма, и меня съ любопытствомъ провожали взоры торговцевъ и торговокъ. Отправился я прямо на свою квартиру, чтобъ поскорѣе прибрать тамъ все запрещенное. Я опасался, какъ бы начальство, успокоивъ меня, не вздумало произвести обыскъ, а потому надо было торопиться. Но на пути я встрѣтилъ Бердникова, который, запихавъ за пазуху своей блузы все запрещенное, найденное имъ въ моей квартирѣ, уже уносилъ его къ себѣ, чтобы надежнѣе припрятать. Я объявилъ ему объ ультиматумѣ станового и просилъ его, какъ жителя Невьянска, найти кого-нибудь, кто завтра увезъ бы меня въ Екатеринбургъ, такъ какъ ѣхать на почтовыхъ у меня не было денегъ, а отправляться на казенный счетъ я, само собою разумѣется, не желалъ. Бердниковъ подумалъ и рѣшилъ, что онъ самъ поѣдетъ на своихъ коняхъ въ Екатеринбургъ, кстати ему туда надо было все равно съѣздить на дняхъ по дѣлу отца, — увезетъ за одно и меня. Рѣшили ѣхать рано утромъ. Подходя къ своей квартирѣ, я увидѣлъ, что старикъ Башенинъ сидитъ у открытаго окна своего дома, вмѣсто того, чтобы быть въ своей лавкѣ и, замѣтивъ меня, зоветъ знаками къ себѣ. Я зашелъ и разсказалъ, что и какъ произошло. Старикъ въ волненіи посылалъ много недоброжелательнаго по адресу начальства и очень сожалѣлъ, что приходится такъ скоро разставаться.

Простившись со своими добрыми знакомыми, съ которыми на короткое время свела меня судьба, я на другой день, вмѣстѣ съ Бердниковымъ, возвратился въ Екатеринбургъ. Покидалъ я Невьянскъ съ нѣкоторымъ чувствомъ досады. У меня возникало предположеніе, которое недурно было бы, на мой взглядъ, осуществить. Я предполагалъ завести знакомство съ заводскими рабочими; я уже два раза посѣтилъ чугуноплавильный заводъ, осмотрѣлъ его устройство, познакомился съ главнымъ механикомъ-самоучкой, хохломъ по происхожденію, который установилъ здѣсь молота, приводившіеся въ движеніе водными колесами, сдѣлалъ многія приспособленія въ томъ отдѣленіи, гдѣ обрабатывались огромныя раскаленныя глыбы желѣза подъ этими молотами. Вообще, этого механика-самоучку знакомая мнѣ публика ставила очень высоко, какъ выдающагося «самородка-механика». Вступалъ я уже въ разговоры и съ рабочими, и, если бы мнѣ безпрепятственно пришлось прожить здѣсь еще съ мѣсяцъ, я всенепремѣнно завелъ бы близкія знакомства и съ ними.

Въ Екатеринбургѣ я прожилъ съ недѣлю. Дѣло съ гимназическимъ бунтомъ кончилось довольно печально. Нѣсколько учениковъ изъ старшихъ классовъ были изгнаны изъ гимназіи, кто совсѣмъ, кто временно съ правомъ вновь поступить въ гимназію черезъ извѣстный промежутокъ времени. Учитель математики Обреимовъ, пользовавшійся популярностью среди учениковъ, устраивавшій имъ приватныя лекціи по математикѣ, собиравшій кое-кого изъ учениковъ у себя на квартирѣ для чтенія и собесѣдованій и, вообще, заботившійся о развитіи учениковъ, былъ сочтенъ за вредно вліяющаго на нихъ, а стало быть, и косвеннымъ, если не прямымъ виновникомъ случившейся въ гимназіи исторіи, почему и былъ высланъ административно въ одинъ изъ уѣздовъ Вятской губ.

Большинство изгнанныхъ изъ гимназіи учениковъ уже выѣхало изъ Екатеринбурга, кто домой, кто въ Москву, или въ Питеръ, или въ Казань. Въ числѣ изгнанныхъ былъ и ученикъ 6 класса Андреевъ. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Питеръ и тамъ подготовиться къ университету. Отецъ его этому рѣшительно воспротивился и категорически отказалъ ему въ своемъ согласіи. Какъ быть? Бѣжать? Но при этомъ нельзя иначе, какъ ѣхать на почтовыхъ, а попутчика такого, который не зналъ бы его или его отца, и который бы ѣхалъ до Перми, и подъ прикрытіемъ подорожной котораго Андреевъ могъ бы безопасно доѣхать до Перми въ качествѣ «будущаго», не находилось. Такимъ образомъ, мой пріѣздъ изъ Невьянска былъ для Андреева какъ нельзя болѣе кстати. Я могъ его увезти въ качествѣ своего попутчика до Перми на почтовыхъ, да и потомъ ему, совершенно неопытному юношѣ, я былъ бы полезенъ и на пароходѣ, и на желѣзной дорогѣ, и въ самомъ Питерѣ, пока онъ устроится. Андреевъ былъ увѣренъ, что отецъ его сгоряча могъ и въ погоню пуститься и, вообще, начать рвать и метать, но что разъ Андреевъ очутится въ Питерѣ, то отецъ примирится съ совершившимся фактомъ и не откажетъ даже въ средствахъ для существованія, въ особенности послѣ того, какъ тревожное состояніе отъ неизвѣстности—что съ сыномъ?—смѣнится радостью при извѣстіи, что онъ живъ, здоровъ и веселъ. Я, конечно, охотно взялся довезти подъ

своимъ прикрытіемъ юношу до Питера, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ екатеринбургскихъ друзей—Каликинъ—отзывался объ Андреевѣ, какъ объ одномъ изъ выдававшихся надежды бунтарей-гимназистовъ. Правда, я вскорѣ же разочаровался въ Андреевѣ, и уже дорогою онъ показался мнѣ и мало развитымъ, и мало отзывчивымъ и, въ общемъ, и въ умѣ, и чувствахъ туповатымъ и узкимъ субъектомъ. Да и рекомендовавшій его Каликинъ очень скоро по возвращеніи въ Петербургъ оказался человѣкомъ, съ которымъ вести конспиративныя дѣла было, по меньшей мѣрѣ, небезопасно. Будучи забранъ въ III отдѣленіе, онъ тамъ въ своихъ показаніяхъ такого наплелъ, что жандармерія намѣтила многихъ изъ насъ, о которыхъ до тѣхъ поръ не вѣдала и не безпокоилась. Его скоро освободили, и съ тѣхъ поръ, къ счастью для конспираторовъ, Каликинъ совершенно устранился отъ «революціи» и, преблагополучно окончивъ университетъ, погрузился въ болото обывательщины. И какъ о его дальнѣйшей судьбѣ, такъ и о судьбѣ Андреева, я ничего уже не слыхалъ.

IV.

Пустились мы съ Андреевымъ въ путь и къ концу августа 1872 года года были въ Питерѣ. Здѣсь я остановился у брата Владиміра, переѣхавшаго сюда изъ Москвы, такъ какъ именно въ банкѣ Общества взаимнаго поземельнаго кредита нашлось ему мѣсто, и поселившагося на Петербургской сторонѣ. Въ тотъ же день разыскали мы съ Андреевымъ екатеринбургскую коммуну, въ которой были Серебренниковъ, Короваевъ, Расположовъ, Дьяконовъ и одинъ изъ старыхъ нашихъ екатеринбургскихъ друзей—Шамаринъ. Въ этой коммунѣ временно пріютился и Андреевъ.

Разговаривая съ Серебренниковымъ, я узналъ отъ него, что онъ не особенно давно совершенно случайно свелъ знакомство съ нѣсколькими фабричными рабочими ткачами съ ткацкихъ фабрикъ на Выборгской сторонѣ. Случилось это такъ: Серебренниковъ, гуляя въ Александровскомъ паркѣ, присѣлъ на скамью, на которой сидѣли два парня, по внѣшности—фабричные. Одинъ изъ нихъ читалъ другому преглупѣйшую книженку лубочнаго изданія, подъ заглавіемъ «Улыбка за рубль». Вслушавшись въ чтеніе, Серебренниковъ не вытерпѣлъ и обратился къ рабочимъ: «Неужели вамъ интересно читать такую дрянь?»—Рабочіе очень охотно вступили съ нимъ въ разговоръ сначала на тему, что они—люди малограмотные и въ книгахъ разбираться не мастера, а затѣмъ оказалось, что они давно хотятъ подучиться получше, да вотъ-де не приходится никакъ; сказывали имъ, что «студенты» иногда даромъ учатъ рабочихъ, такъ они и мечтали, какъ бы имъ со студентами познакомиться, да вотъ до сихъ поръ не случилось. Серебренникову рабочіе понравились: молодые, остроумные и, видимо, серьезно жаждавшіе просвѣщенія. Онъ предложилъ имъ приходить къ нему раза два въ недѣлю по субботамъ и воскресеньямъ и заниматься у него обученіемъ. Рабочіе чрезвычайно обрадовались такому предложенію,—«наконецъ-то Богъ послалъ намъ студента»,—и въ первую же субботу вечеромъ явились къ Серебренникову по данному адресу. Два этихъ рабочихъ—Шабунинъ и Абакумовъ—привели съ собою третьяго, нѣсколько постарше ихъ и посолиднѣе по уму и по характеру. Это былъ довольно извѣстный потомъ, одинъ изъ выдающихся рабочихъ, Григорій Крыловъ.

Серебренниковъ въ первомъ же разговорѣ со мной высказалъ, что онъ, приступивши къ занятіямъ, зачастую чувствовалъ себя не на высотѣ требованій, которыя предъявляли приходившіе рабочіе: кромѣ простого обученія письму, чтенію, счету, они искали чего-то большаго, закидывали Серебренникова вопросами, въ которыхъ онъ еще и самъ не разобрался, почему и у него пропадала охота учительствовать. Онъ предложилъ мнѣ познакомиться съ его рабочими и взять дѣло обученія на себя. Само собою разумѣется, что я ухватился за это предложеніе, и въ ближайшую же субботу вечеромъ Серебренниковъ познакомилъ меня съ Шабунинымъ, Абакумовымъ и Крыловымъ. Всѣ трое произвели на меня чрезвычайно хорошее впечатлѣніе: это были тѣ «мірскіе» люди, для которыхъ «міръ»—великое дѣло, и которые, поэтому, давно задумались надъ жизнью крестьянскаго міра, надъ вопросамъ—гдѣ искать настоящую правду, и какъ избыть горе и нужду крестьянскую?

Первый вечеръ знакомства прошелъ у насъ въ горячихъ разговорахъ на темы, насъ одинаково глубоко занимавшія, которыя были тою нашею болью, о которой мы не могли не говорить. Далеко за полночь разошлись мы, при чемъ было рѣшено, какъ того пожелали всѣ трое рабочихъ, познакомить меня съ тою артелью ткачей, съ которой жили Шабунинъ и Абакумовъ. Крыловъ жилъ въ другой артели, съ которой впослѣдствіи я, конечно, познакомился тоже.

Хотя всѣ эти ткачи были фабричные рабочіе, но, въ сущности, это были ткачи-крестьяне, пришедшіе изъ деревень въ городъ на заработки, при чемъ большинство изъ нихъ, проработавъ осень, зиму и часть весны до начала пахоты и посѣва, старалась ко времени полевыхъ работъ вернуться обратно въ деревню. И если это не всегда и далеко не всѣмъ удавалось осуществить, то, во всякомъ случаѣ, такое желаніе было обще всѣмъ имъ. Весь этотъ людъ былъ тѣсно связанъ съ деревнею, спалъ и видѣлъ, какъ бы получше устроить житье свое въ деревнѣ; всѣ горести и радости деревни считалъ своими родными горестями и радостями. Городъ былъ для нихъ временнымъ пунктомъ пребыванія, станціей на ихъ жизненномъ пути, а конечнымъ пунктомъ его и постояннымъ желаннымъ мѣстомъ жительства была деревня. Я близко сходился съ артелями, не разъ ночевалъ у нихъ, проводилъ праздники съ утра до ночи и, въ общемъ, вынесъ впечатлѣніе о замѣчательной нравственной чистотѣ этихъ людей, принесшихъ эту чистоту изъ глубины своихъ тверскихъ и новгородскихъ деревень. Искренность,

правдивость, честность и вѣчно присущее ихъ душѣ исканіе правды,—вотъ моральныя черты у тогдашней фабричной среды. Я говорю, конечно, про общій характеръ среды: само собою разумѣется, что были исключенія,—были единицы и растлѣнныя, и тупыя.

Къ этому деревенскому люду, къ фабричнымъ ткачамъ, настоящіе городскіе рабочіе, вродѣ рабочихъ Семянниковскаго механическаго завода или патроннаго завода на Васильевскомъ островѣ, относились свысока, презрительно-снисходительно, и называли этотъ людъ—«сѣрымъ».

По прибытіи изъ деревни въ городъ, рабочіе одной губерніи и зачастую одного и того же уѣзда старались группироваться вмѣстѣ, старались, поскольку было возможно, попасть на одну и ту же фабрику; устраивали тотчасъ же общежитія, называвшіяся на ихъ языкѣ «артелями», т. е. находили себѣ одну общую хозяйку, снявши общую квартиру, и возлагали на хозяйку за извѣстную плату въ мѣсяцъ съ души обязанности поить, кормить ихъ, держать помѣщеніе въ чистотѣ и заботиться о мойкѣ ихъ неказистаго бѣлья. Положеніе ткачей было не изъ удовлетворительныхъ. Зарабатывалъ ткачъ въ среднемъ не болѣе 70 коп. въ день, работая съ 5 часовъ утра и до 8 вечера, съ перерывомъ на ѣду не болѣе 2-хъ часовъ, такъ что рабочій день, въ большинствѣ случаевъ, былъ не менѣе 11 часовъ.

Какъ-то мои друзья ткачи повели меня на фабрику во время работы. Боже мой! какой это адъ! Въ ткацкой съ непривычки нѣтъ возможности, за грохотомъ машинъ, слышать въ двухъ шагахъ отъ человѣка не только то, что онъ говоритъ, но даже, что онъ кричитъ. Воздухъ—невозможный, жара и духота, вѣнь отъ людского пота и отъ масла, которымъ смазываютъ станки; отъ тонкой хлопковой пыли, носящейся въ воздухѣ, въ ткацкомъ отдѣленіи получается своеобразный видъ мглы. И въ такой обстановкѣ надо простоять человѣку болѣе 10 часовъ на ногахъ, внимательно наблюдая, чтобы не упустить момента, когда порвется нитка въ основѣ, чтобы ее тутъ же, на ходу машины, связать, и чтобъ перемѣнить челнокъ, какъ только остановится станокъ (станокъ самъ останавливается, какъ только утокъ челнока весь выйдетъ). Стоять приходится неизбѣжно, такъ какъ сидѣть не полагается, да и сѣсть, кромѣ подоконника негдѣ; а на подоконникѣ сидѣть нельзя,—«свѣтъ застишь», не дозволяется. Я пробылъ на фабрикѣ не болѣе 2-хъ часовъ и вышелъ оттуда очумѣлый и съ головной болью. Это мое посѣщеніе фабрики вызвало впослѣдствіи появленіе на свѣтъ моего стихотворенія «Дума ткача», получившаго потомъ большое распространеніе среди молодежи и, въ особенности, среди рабочихъ. Его, кажется, и до сихъ поръ поютъ и въ Россіи, и въ Сибири; я слыхалъ, какъ его пѣли въ далекой Нишанской тайгѣ, не особенно далеко отъ Охотскаго моря.

Познакомившись съ артелью, гдѣ жилъ Шабунинъ и Абакумовъ, я сталъ ходить въ артель съ тѣмъ, чтобы по вечерамъ читать книжки вслухъ всей артели и по поводу прочитаннаго заводить

сужденія о житьѣ-бытьѣ русскаго крестьянства. Изъ другихъ артелей, а въ томъ числѣ и изъ той, въ которой жилъ Крыловъ, стали тоже приходить нѣкоторые рабочіе, чтобы послушать, что «студентъ» читаетъ и какія рѣчи ведетъ. Я получилъ отъ нихъ приглашеніе побывать въ ихъ артеляхъ съ книжкой. Знакомство съ рабочими завязывалось большое. Во время моихъ посѣщеній многіе рабочіе въ артеляхъ заявляли желаніе учиться грамотѣ. Такихъ желающихъ набралось столько, что я единолично рѣшительно не могъ удовлетворить всѣхъ желающихъ учиться. Пришлось думать о томъ, чтобъ подыскать для нихъ учителей. Я пообѣщалъ рабочимъ таковыхъ найти...

Но на этотъ разъ мнѣ пришлось прервать начатыя съ рабочими занятія и отложить организацію занятій съ ними мѣсяца на три.

V.

Однажды я былъ у брата Владимира и собирался отъ него идти вечеромъ въ артель, какъ пришелъ къ брату Чарушинъ.

— А я васъ разыскиваю,—обратился онъ ко мнѣ,—по важному дѣлу.

Оказалось, что Кувшинская, которая въ августѣ мѣсяцѣ этого года пріѣхала въ Петербургъ и поступила на медицинскіе курсы, вновь получила отъ Сони Ч. письмо, съ настоятельной просьбой, какъ можно скорѣе послать обѣщаннаго ранѣе жениха для фиктивнаго брака, такъ какъ домашній режимъ становится все невыносимѣе... Такъ какъ я еще въ мартѣ мѣсяцѣ предложилъ свои услуги для спасенія «погибающей души», то Чарушинъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, готовъ-ли я и теперь на сей подвигъ? Конечно, я былъ готовъ, такъ какъ никакихъ причинъ отказываться отъ этого дѣла рѣшительно не было.

Сказано — сдѣлано. Начались сборы «жениха» въ путь. Такъ какъ приходилось ѣхать въ деревню, въ которой едва-ли можно было достать необходимое для свадьбы — вродѣ подвѣнечной фаты для невѣсты, цвѣтовъ для фаты, соотвѣтствующей одежды для жениха—чернаго сюртука, цилиндра, перчатокъ, — то пріобрѣсти все это взялись наши друзья—дамы, жившія въ Басковомъ переулкѣ отдѣльной коммуной. Въ составъ этой коммуны входили — Кувшинская, Палицына, Надя Кочурова, Надя Купреянова, Рязанцева и Олеся Охременко.

Наиболѣе горячую дѣятельность по сбору жениха проявили Кувшинская и Кочурова. Первая потому, что дѣло шло о ея духовномъ дѣтищѣ, Сонечкѣ Ч—ой, которую она обѣщала выручить изъ бѣды во что бы то ни стало, вторая потому, что была подругой Сонечки; обѣ онѣ одновременно кончили училище, одинаково мечтали «о разумной самостоятельной жизни на пользу народа», и обѣимъ приходилось вырываться изъ семейнаго омута. Надя только что довольно успѣшно справилась съ послѣдней задачей, а потому очень горячо принялась за устройство «спасенія» и для Сонечки.

Надя была дочерью разбогатѣвшаго вятскаго крестьянина, имѣвшаго торговлю въ Сарапулѣ. Хотя отецъ ея, умный и съ добрымъ сердцемъ человѣкъ, и не представлялъ собою троглодита, способнаго заѣсть и отравить жизнь дочери, и хотя онъ и противъ дальнѣйшаго образованія дочери ничего не имѣлъ, но какъ отпустить одну дѣвушку въ столицу, гдѣ ни родныхъ, ни близкихъ знакомыхъ, которымъ можно бы было поручить попеченіе и надзоръ за нею? А ей всего 17 лѣтъ! Этотъ вопросъ смущалъ отца, и онъ, по окончаніи дочерью духовнаго училища, воспрепятствовалъ ей отправиться въ Петербургъ, куда она стремилась на медицинскіе курсы, которые существовали въ то время для женщинъ (въ 1872 г.) и были прикрыты при Александрѣ III. Надя не покорилась, и живя въ Сарапулѣ, въ городѣ съ пароходной пристанью, списалась съ Соней бѣжать одновременно, въ одинъ прекрасный день сѣла на пароходъ и укатила въ Казань, откуда и переправилась въ Питеръ. Тутъ уже были ея знакомыя вятички а главнымъ образомъ, «обожаемая» Анна Дмитріевна Кувшинская, къ которой она и явилась подъ покровительство.

По пріѣздѣ въ Питеръ, она увѣдомила отца о томъ, гдѣ она, какъ для того, чтобы успокоить естественную тревогу отца, такъ и полагая притомъ, что отецъ съ совершившимся фактомъ примирится. Отецъ же, какъ только узналъ о мѣстопребываніи дочери-бѣглянки, не замедлилъ явиться въ Питеръ, съ твердымъ намѣреніемъ увезти ее обратно. Онъ уговорилъ ее сначала перейти къ нему и жить съ нимъ, пока онъ будетъ въ Петербургѣ, но затѣмъ заявилъ ей, что разрѣшить ей остаться здѣсь никакъ согласиться не можетъ, такъ какъ боится, что она по молодости и безъ надзора сгубитъ себя. Но въ Питерѣ выполнить ему свое намѣреніе увезти обратно дочку было трудно, а убѣжать и скрыться отъ него было куда легче, чѣмъ въ Сарапулѣ. И Надя, выбравъ удобный часъ, исчезла съ квартиры отца.

Отецъ забилъ тревогу и кинулся прежде всего къ Кувшинской, съ которой познакомила его Надя, затѣмъ—къ его знакомой Рязанцевой, но и тамъ ему было заявлено, что гдѣ Надя, имъ неизвѣстно. Отецъ былъ въ отчаяніи. Опасались, какъ бы онъ не поднялъ на ноги полицію, но онъ оказался настолько путевымъ человѣкомъ, что къ полиціи не прибѣгъ.

Тщетно являлся онъ въ продолженіе недѣли почти ежедневно къ Кувшинской и къ Рязанцевой за справками о Надѣ, но никакихъ свѣдѣній отъ нихъ не получалъ. Ясно понимая, что онѣ знаютъ гдѣ она и лишь не хотятъ ему сказать, онъ, наконецъ, вступилъ съ ними въ переговоры напрямки и сталъ сдаваться: онъ просилъ прислать Надю къ нему для переговоровъ, давая слово, что никакого насилія надъ нею не сдѣлаетъ. Хотя Надя и говорила, что, зная отца, она вполнѣ довѣряетъ его слову и готова была идти къ нему, но друзья все-таки поопасались пустить ее къ отцу. Порѣшили предложить отцу свиданіе съ Надей на квартирѣ моего брата,—въ домѣ человѣка семейнаго и съ нѣкоторымъ общественнымъ положеніемъ. Рязанцева передала это предложеніе отцу Нади, и онъ на него согласился. Въ опредѣленный день я пріѣхалъ съ Надей къ брату, куда въ назначенный часъ явился и ея отецъ... Часа два толковалъ отецъ съ Надею, уговаривалъ и умолялъ ее ѣхать обратно съ нимъ въ Сарапулъ, но Надя, несмотря на всю свою любовь къ отцу, на которую, очевидно, онъ сильно разсчитывалъ, оставалась непреклонной. Побился, побился отецъ, даже плакалъ при объясненіи, наконецъ, махнувъ рукой и сказавъ: «Богъ съ тобой, пусть будетъ по твоему»,—согласился ее оставить въ Питерѣ, подъ попечительство и надзоръ Рязанцевой, семью которой онъ зналъ.

Устроивъ Надю у Рязанцевой, еще не жившей тогда въ коммунѣ въ Басковомъ пер., а занимавшей отдѣльную квартиру, снабдивъ Надю деньгами и нарядами, отецъ мирно съ нею простился и уѣхалъ восвояси. Въ слѣдующее же лѣто Надя побывала у отца въ Сарапулѣ и вернулась въ Питеръ уже безпрепятственно.

Итакъ, Кувшинская и Надя хлопотали о снаряженіи жениха, у котораго, кстати сказать, весь гардеробъ былъ весьма несоотвѣтственъ предстоящей задачѣ — разыграть роль богатаго жениха. Являться въ домъ зажиточнаго и видного среди мѣстнаго духовенства священника въ качествѣ небогатаго, хотя и благороднаго жениха, было нельзя. Такой женихъ не представлялъ бы ничего привлекательнаго въ смыслѣ партіи для дочери. Поэтому въ планъ успѣшнаго выполненія предстоявшей кампаніи входило разыграть роль именно богатаго жениха, сына помѣщика (каковымъ я и былъ), «столбового дворянина». Между тѣмъ въ кругѣ ближайшихъ моихъ друзей, кромѣ моего брата, ни у кого нельзя было достать ни крахмальныхъ сорочекъ, ни ботинокъ, ни цѣнныхъ брюкъ и сюртука. Приходилось всю подходящую къ случаю обмундировку раздобыть на сторонѣ, у знакомыхъ «буржуевъ». Завести все новое на деньги,—для этого требовались такіе капиталы, какихъ у насъ обрѣтаться не могло, тѣмъ болѣе, что и безъ того капиталы нужны были и на поѣздку въ неблизкій край туда и назадъ,— при чемъ часть поѣздки приходилось совершать на лошадяхъ, да и на всякій случай нужно было имѣть про запасъ съ собою хотя бы небольшую толику денегъ. Дамы наши, въ особенности Кувшинская, Кочурова и Рязанцева, раздобыли все, что нужно для жениха; друзья достали нѣкоторую сумму денегъ. У Рязанцевой я захватилъ на всякій случай хорошенькіе золотые дамскіе часы, съ золотой цѣпочкой, якобы для подарка невѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы, если кампанія окончится удачно, возвратить ихъ обратно, но и съ рискомъ потерять ихъ, если дѣло у меня сорвется, и мнѣ придется совершенно налегкѣ улепетывать безъ оглядки изъ поповскаго дома.

Напутствуемый благословеніями друзей, я отправился туда, гдѣ жила Сонечка Ч. (Ларочка – тожь), которую я никогда не видалъ, и карточку которой мнѣ вручила Кувшинская лишь въ день отъѣзда, съ поясненіемъ, что на карточкѣ Соня очень мало похожа, и что въ дѣйствительности она много красивѣе. Кромѣ того, снабженъ былъ

и планомъ города Вятки съ подробнымъ указаніемъ, гдѣ находится епархіальное училище, какъ оно устроено, гдѣ городской садъ, какія главныя улицы и пр. и пр. Мнѣ все это необходимо было знать, такъ какъ я въ этомъ городѣ никогда не бывалъ, а въ то же время надо было разыграть жениха, бывшаго, въ качествѣ туриста, въ этомъ городѣ въ послѣдній годъ пребыванія Сони въ училищѣ, здѣсь въ это время съ нею познакомившагося, влюбившагося въ нее и встрѣтившаго въ ней сочувствіе, наконецъ, сдѣлавшаго ей предложеніе съ обѣщаніемъ въ тотъ же годъ явиться къ ея родителямъ просить ея руки, но, въ силу сложившихся обстоятельствъ, не могшаго въ обѣщанный срокъ выполнить предположенное, что и побудило Соню бѣжать изъ дому къ возлюбленному. Вооруженный, какъ намъ казалось, всѣмъ необходимымъ для затѣяннаго предпріятія, я двинулся въ походъ.

VI.

За годъ до моего пріѣзда, Соня Ч.,—наткнувшись дома на невыносимый родительскій гнетъ, разбивавшій всѣ ея молодыя мечты и стремленія и разочаровавшій ее въ отцѣ, который въ послѣдній годъ ея пребыванія въ училищѣ при свиданіяхъ съ нею либеральничалъ и, повидимому, сочувственно и даже поощрительно относился къ ея стремленію „служить народу“,—порѣшила бѣжать изъ дому сначала въ Казань, гдѣ жилъ ея дядя, докторъ П—ринъ, котораго она съ дѣтства «ужасно» любила и, у котораго, несомнѣнно, она нашла бы защиту и покровительство и, во всякомъ разѣ, помощь пробраться дальше въ Петербургъ. Задумано—и при первомъ удобномъ случаѣ выполнено.

Однажды отецъ съ матерью и съ маленькими сестренками уѣхали на именины къ знакомымъ въ одно изъ ближнихъ селъ, верстъ за 15—20 отъ села У. Дома оставалась съ Соней одна только сестра ея Люба, годомъ ея моложе, пользовавшаяся особенной любовью и довѣріемъ отца и матери, но втайнѣ сочувствовавшая сестрѣ и знавшая о ея намѣреніи бѣжать изъ дому.

Впослѣдствіи и сама Люба бѣжала; она была выкрадена, изъ окна постоялаго двора въ Вяткѣ, гдѣ остановились ея родители по пріѣздѣ туда изъ У. Въ нарядѣ мальчика она прибыла въ Москву, съ мужскимъ паспортомъ. (Устроилъ этотъ побѣгъ Любы—Вершининъ, потомъ офицеръ, извѣстный Сибири своими лекціями о Вѣрненскомъ землетрясеніи). Соня наняла мужика увезти ее до ближайшаго городка Н., оттуда она думала на почтовыхъ докатить до Казани. Въ Н—ѣ въ это время была ея же подруга по училищу Анна Михайловна Овчинникова, довольно извѣстная впослѣдствіи врачъ-женщина, а также былъ тамъ секретарь земской управы Р. съ сестрой,—все люди, знавшіе о горькой судьбѣ Сонечки, сочувствовавшіе ей и, въ случаѣ надобности, всегда готовые оказать ей помощь.

Мужикъ заложилъ тройку добрыхъ коней, и взявши за 80 в. что-то около 12-ти рублей, увезъ бѣглянку съ ея узелкомъ бѣлья и платьишекъ, въ легкой шубейкѣ, въ Н., гдѣ она раздобыла у своихъ друзей денегъ на расплату съ мужикомъ и на продолженіе путешествія до Казани.

Былъ ноябрь мѣсяцъ. Въ г. Н. пріѣхали поздно, къ часамъ 6 вечера. Побывавъ наскоро въ городкѣ, Соня поѣхала прямо на берегъ рѣки Вятки, въ верстахъ 3—4 отъ города, гдѣ находились избушки перевозчиковъ. Соня надѣялась успѣть переѣхать на другой берегъ рѣки, на которомъ, по случаю ледохода, находилась почтовая станція. По случаю же ледохода паромъ пересталъ уже ходить, и перевозчики перевозили желающихъ попасть на другой берегъ на лодкѣ.

Когда Соня пріѣхала къ избушкамъ перевозчиковъ, то уже стало темнѣть, да и по рѣкѣ на ея несчастье шелъ въ этотъ разъ густой ледъ, и перевозчики ни за какую плату не соглашались ее перевозить, предлагая ей подождать до утра. Дѣлать было нечего, пришлось заночевать въ одной изъ лачугъ, ютившихся тутъ на берегу. На одной изъ деревянныхъ лавокъ, стоявшихъ внутри у стѣнъ бревенчатой лачужки, устроилась на ночлегъ Соня. Перевозчикъ съ бабой и ребятишками умостились на печкѣ. Потушили огонь, и только лучъ луны бѣлой полосой падалъ черезъ замерзшее оконце на грязный полъ лачужки и наполнялъ ее фантастическимъ полусвѣтомъ. Положивъ подъ голову свой узелокъ, прикрывшись своей шубенкой, Соня лежала на лавкѣ, но благодатный сонъ не приходилъ къ ней, чтобы успокоить ея разгулявшіеся нервы.

И вотъ, когда, наконецъ, долгожданный сонъ сталъ овладѣвать ею и погружалъ ея мысль въ міръ неуловимыхъ грезъ, около полуночи въ окно лачуги кто-то сильно и продолжительно постучалъ... Соня очнулась и насторожилась.

Стучавшій въ окно, не слыша движенія въ лачугѣ, вновь нетерпѣливо и настойчиво забарабанилъ по стеклу, съ крикомъ: «Эй, хозяинъ, отвори!..» Ужасъ захолодилъ сердце Сони: это былъ голосъ отца!.. Соня инстинктивно съ головой укрылась шубенкой и уткнулась въ свой узелокъ...

Наконецъ, съ печи слѣзъ проснувшійся мужикъ, зажегъ лучину и, отворивъ дверь, впустилъ въ лачугу къ своему изумленію высокаго попа.

Отецъ Василій былъ взволнованъ и, быстро оглядѣвъ избу, сразу увидѣлъ, гдѣ лежала Соня, подошелъ къ ней, и взволнованно, хотя и ласково, произнесъ: «Сонечка, вставай! Поѣдемъ домой!»

Соня сѣла на лавку въ какомъ-то полубезумномъ состояніи.

— Поѣдемъ, родная моя! Поѣдемъ домой!—говорилъ о. Василій—Господи! Господи! до чего мы дожили! Что ты дѣлаешь съ нами, родная!

Отъ о. Василія пахло виномъ, выпитымъ на именинахъ, но онъ былъ совершенно трезвъ.

Соня нѣкоторое время была въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и лишь

когда отецъ взялъ ее за руки и попытался поднять съ лавки, прося ее одѣться, чтобы ѣхать, она очнулась.

Неужели опять домой? — Мысль эта наполняла душу бѣдной дѣвушки горькимъ отчаяньемъ.

Съ рыданіемъ кинулась она передъ отцомъ на колѣни, и обнимая ихъ, и цѣлуя его руки, горько молила его отпустить ее на свободу; она говорила, что жить она дома не можетъ, что легче ей умереть.

Но ни мольбы, ни слезы, ничто на отца не дѣйствовало. Безъ угрозъ, безъ злобы, онъ твердилъ рѣшительно и настойчиво лишь одно: «не могу! не могу! ѣдемъ домой!»

На эту сцену, столь неожиданно разыгравшуюся въ ихъ бѣдной лачугѣ, перевозчикъ съ женой смотрѣли изумленными, безмолвными свидѣтелями.

Наконецъ, Соня поднялась, перестала плакать, молча съ минуту постояла и рѣшительно произнесла: «Хорошо! ѣдемъ!»

Побѣгъ не удался. Два или три дня послѣ возвращенія Сони домой, отецъ и мать съ особой осторожностью относились къ ней, но затѣмъ опять вошли въ свою колею и систематически стали отравлять жизнь дочери.

При всякомъ удобномъ случаѣ ей кололи глаза ея побѣгомъ. Подвыпивши съ гостями, отецъ при нихъ устраивалъ издѣвательства надъ дочерью, заводилъ рѣчь объ нигилисткахъ, о стриженыхъ дѣвкахъ, записаться въ которыя желала-де его дочь; ругательски проѣзжался по адресу Кувшинской, зная, какъ это больно задѣваетъ Соню. Переписку съ Кувшинской онъ перехватывалъ и раньше, и изъ этой переписки онъ уразумѣлъ, какое вліяніе имѣетъ Кувшинская на его Соню.

Если Соня не вытерпливала и начинала, какъ выражались родители, грубить отцу, отецъ поднималъ ругань, подскакивалъ къ дочери съ кулаками, топалъ ногами и грозилъ сгноить ее дома, только бы не допустить ее стать развратной стриженой дѣвкой. Мать, систематически поджучивая отца, и сама, что называется, точила дочь, съ охъньями и причитаньями на судьбу, что до чего-де дожили, и какъ-де дочка осрамила на весь свѣтъ семью своимъ побѣгомъ.

Словомъ, жизнь дѣвушки обращена была въ сплошную пытку: хоть ложись и умирай!

Черезъ Таню Любимову, дочь діакона, которую Соня подготовляла къ экзамену на сельскую учительницу, Соня устроила переписку съ Кувшинской. Таня уѣзжала иногда въ Н., и Соня пользовалась этими поѣздками, правда, весьма рѣдкими, чтобы послать письмо Аннѣ Дмитріевнѣ или получить отъ нея отвѣтъ черезъ живущую тамъ Инну Овчинникову.

Къ тому же случилось однажды, что о. Василій съ матушкой Ан. Ал. задумали съѣздить въ Вятку и на этотъ разъ захватили съ собою и Соню, боясь оставить ее дома, какъ бы она не воспользовалась ихъ отсутствіемъ для новаго побѣга. Здѣсь, въ городѣ, несмотря на то, что къ ней былъ приставленъ шпіонъ въ лицѣ братишки, гимназиста-второклассника, материнскаго баловня, при всякомъ удобномъ случаѣ по-мальчишески глумившагося надъ сестрой къ удовольствію родителей, и безъ котораго, по приказанію родителей, Соня не могла отлучаться въ городъ, Сонѣ удалось разъ обмануть бдительность сквернаго мальчугана и при помощи родственника, гимназиста 5 класса Петра Неволина, ей было устроено свиданіе въ городскомъ саду съ Анной Дмитріевной. На этомъ свиданіи Соня обрисовала своей «обожаемой» Аннѣ Дмитріевнѣ то положеніе, въ которое она попала,—и тутъ же было окончательно рѣшено устроить фиктивный бракъ, за что бралась хлопотать Анна Дмитріевна.

Съ этою надеждою на спасеніе Соня возвратилась въ деревню домой и на этотъ разъ замѣтно измѣнила свою тактику съ родителями и свое поведеніе. Она стала вникать въ хозяйство, стала аккуратно ходить въ церковь, добровольно начала выходить къ гостямъ и занимать ихъ и даже дозволяла мировому судьѣ, намѣченному жениху ея, ухаживать за собой. Словомъ, родители стали радоваться, глядя на дочь, и уповать, что она въ концѣ концовъ пойдетъ по проторенному дорожкамъ. Соня стала помаленьку подготовлять родителей къ появленію и другого жениха. Иногда, она, якобы смѣшкомъ, сама заводила рѣчь о своемъ побѣгѣ и дѣлала намеки, что какъ знать, можетъ быть, и у нея есть кто-нибудь, кто былъ милъ ея сердцу.

У родителей начала вкрадываться мысль: ужъ не было ли точно у ихъ дочери романа, побудившаго ее бѣжать къ совратителю? Иногда мать пыталась заставить Соню проговориться, и въ такихъ случаяхъ, изъ якобы шутливыхъ намековъ дочери, дѣлала выводъ, что что-то есть въ предполагаемомъ ею родѣ,—и поэтому утверждалась въ мысли поскорѣе сбыть дочку за все больше и больше влюблявшагося въ Соню мирового судью. Но мое появленіе въ с. У. разбило всѣ разсчеты о. Василія и матушки-попадьи. Это было въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1872 года.

VII.

Изъ Петербурга я отправился въ Нижній-Новгородъ, а изъ Н.-Новгорода на пароходѣ—въ Казань.

Въ Казани я заѣхалъ къ братьямъ Евгенію и Михаилу Овчинниковымъ, студентамъ медику и математику казанскаго университета. Евгеній Овчинниковъ былъ провинціальнымъ членомъ кружка чайковцевъ; черезъ него велись сношенія съ казанскими пропагандистами среди учащейся молодежи. Отъ него я получилъ письмо къ его сестрѣ Аннѣ Михайловнѣ, жившей, какъ я уже упоминалъ, въ г. Н., черезъ который я долженъ былъ проѣзжать, пробираясь въ с. У. Отъ нея, а также отъ секретаря земской управы Р., я могъ получить указаніе насчетъ того, что въ данное время творится въ домѣ Сони Ч., о которой они хотя и не часто,

но все-таки получали довольно вѣрныя извѣстія черезъ Таню Л. Пробывъ въ Казани не болѣе двухъ дней, я уѣхалъ на почтовыхъ въ Н.

Пріѣхавъ туда и разыскавъ Инну Михайловну, съ которой тотчасъ же отправился къ Р., я сталъ совѣщаться съ ними насчетъ предстоящаго мнѣ похода для освобожденія Сони. На этомъ совѣщаніи мы пришли къ заключенію, что безъ предварительнаго сношенія съ Соней ничего изъ моего плана не выйдетъ. Во-первыхъ, Соня не знала ни имени моего, ни отчества, ни фамиліи,—и, нагрянувъ безъ предупрежденія въ домъ о. Василія, я могъ бы поставить и себя и Соню въ безвыходное положеніе при разыгрываніи ролей давно знакомыхъ, близкихъ уже и влюбленныхъ субъектовъ; а очень умный и ловкій попъ Василій, славившійся какъ законникъ и сутяга, сразу сообразилъ бы, что тутъ что-то неладно, и какъ бы, вмѣсто освобожденія Сони, не получилось въ результатѣ преданіе меня о. Василіемъ въ руки властей, какъ проходимца. Во-вторыхъ, необходимо было дѣло повести такъ, чтобъ согласіе на бракъ со стороны родителей было вполнѣ добровольное, а поэтому нужно, чтобы дѣло шло гладко и естественно. Какъ же быть? И Инна Михайловна, и Р. категорически заявили мнѣ, что у нихъ сейчасъ нѣтъ возможности снестись съ Соней, такъ какъ единственный человѣкъ, черезъ котораго можно было бы сдѣлать это, Таня Л., лишь нѣсколько дней тому назадъ уѣхала изъ Н., и скоро ждать ее едва ли можно. Я рѣшилъ возвратиться въ Казань и оттуда списаться съ друзьями въ Питерѣ по вопросу: какъ быть?

Оставаться въ Н. мнѣ было нельзя: городишко маленькій, всѣхъ жителей тамъ знаютъ наперечетъ всѣ и каждый; жить безъ дѣла, значитъ, обратить на себя вниманіе, вызвать о себѣ толки, которые могли достигнуть и села У., а для меня все это было невыгодно. Я вернулся въ Казань.

Дорогою у меня явилась такая мысль: устроиться близъ У. въ сельской школѣ народнымъ учителемъ и, пользуясь этимъ положеніемъ, по-провинціальному, запросто познакомиться съ домомъ о. Василія, начать у него бывать, и затѣмъ, шепнувъ Сонѣ, что и какъ, приступить къ жениханію, говоря по-хохлацки, а потомъ и къ сватовству. Правда, такой планъ для своего выполненія требовалъ времени, а для Сони нужно было освобожденіе сейчасъ,—но пока ничего другого въ голову не приходило.

На этотъ разъ я прожилъ въ Казани около двухъ недѣль. Отсюда я написалъ въ Питеръ письмо о томъ, какъ обстоитъ дѣло съ моей миссіей, прося совѣта, какъ поступать дальше, при чемъ изложилъ имъ и свой вышеприведенный планъ.

Въ ожиданіи отвѣта отъ друзей, я, при помощи Евгенія Овчинникова, познакомился со студенчествомъ, былъ на пробной лекціи проф. Песковскаго о теоріи холеры Петенкофера, нѣсколько разъ былъ на собраніи кружка, который группировался около Овчинникова, написалъ рефератъ по политической экономіи Милля (о томъ, что считать производительнымъ трудомъ), — словомъ, по своему, пропагаторскому дѣлу, что могъ, дѣлалъ.

Въ общемъ пьяное казанское студенчество произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Часовъ въ 9-ть утра мнѣ, напр., пришлось видѣть такую сцену, идя въ университетъ съ Овчинниковымъ: кучка изрядная пьяныхъ студентовъ шла посреди улицы и орала, что есть мочи—«знамена побѣдно шумятъ!»—причемъ одинъ изъ нихъ геройски несъ впереди кучки, поднявъ кверху, грязнѣйшую метлу. Въ частной студенческой столовой, гдѣ приходилось обѣдать и мнѣ, было обыкновенно много пьяныхъ, и въ пьяномъ видѣ задорныхъ, лѣзущихъ на скандалъ студентовъ, переругивавшихся иногда тутъ же за столомъ площадными словами; тутъ приходилось опасаться, какъ бы совсѣмъ нехотя, не нарваться на исторію, окончаніе которой, обыкновенно, въ полицейскомъ участкѣ.

Мои знакомые говорили, что таково большинство казанскаго студенчества, — кутилы-мученики и забулдыги. Но былъ процентъ и очень хорошихъ и дѣльныхъ. Этотъ послѣдній элементъ студенчества имѣлъ, между прочимъ, довольно основательную библіотеку, съ завѣдующимъ которой, студентомъ Ивановымъ, умнымъ, нервнымъ и идейнымъ человѣкомъ, я познакомился.

Въ библіотекѣ былъ, кромѣ легальныхъ книгъ, и нелегальный отдѣлъ различнаго рода литературныхъ произведеній; впрочемъ, пользовались этимъ отдѣломъ и знали о немъ только лица вполнѣ вѣрныя и надежныя.

Наконецъ, я получилъ въ одинъ и тотъ же день два письма: изъ Питера отъ Чарушина, въ которомъ онъ писалъ, что друзья находятъ необходимымъ, чтобы я ѣхалъ въ село У. и пытался, хотя бы съ рискомъ потерять сраженіе, выручить Соню, и изъ Н. отъ Инны Михайловны, съ извѣщеніемъ, что Таня Л. совершенно неожиданно пріѣхала въ Н., пробудетъ въ немъ нѣсколько дней и что, такимъ образомъ, получилась полная возможность обстоятельно снестись съ Соней.

Неожиданный пріѣздъ Тани въ Н., конечно, окончательно рѣшалъ возникшее затрудненіе по вопросу, какъ продолжать начатую кампанію. Это обстоятельство давало мнѣ полную возможность приступить къ немедленному осуществленію задуманнаго по такому стратегическому плану дѣйствія, который даваль бы мнѣ много шансовъ на побѣду.

Отвѣтивъ въ Питеръ, что выѣзжаю изъ Казани на мѣсто дѣйствія, я въ тотъ же день выѣхалъ на почтовыхъ въ Н.

Пріѣхалъ я въ Н. во время: Таня предполагала еще пробыть здѣсь дня два. Съ нею я и отправилъ обстоятельное письмо къ Сонѣ.

Въ этомъ письмѣ я отрекомендовался ей, кто я,—сообщилъ ей не только паспортныя свѣдѣнія—имя, отчество, фамилію, званіе, лѣта и вѣроисповѣданіе, но и болѣе подробныя біографическія данныя,—и предложилъ ей такой планъ дѣйствія: пріѣду я въ среду (почему-то мнѣ помнится именно этотъ день) и явлюсь въ домъ о. Василія въ 6 часовъ вечера; отрекомендовавшись отцу, заявлю ему, что имѣю къ нему очень важное дѣло, Соня же, какъ только услы-

шить, что я появился въ залѣ отца, то, если только будутъ при этомъ посторонніе свидѣтели, а не одни домашніе, должна вбѣжать въ комнату и съ крикомъ: «Сережа! наконецъ-то ты пріѣхалъ!»— кинуться ко мнѣ на шею. Мы, конечно, страстно облобызаемся и будемъ говорить другъ другу—«ты», эта первая вступительная сцена, несомнѣнно, огорошитъ отца и мамашу и отшибетъ у нихъ соображательность, а посторонніе свидѣтели разнесутъ по всему селу вѣсть о случившемся въ домѣ попа. Словомъ, такой фактъ можно будетъ обѣлить только бракомъ. Если вслѣдъ за первой сценой отецъ вступитъ со мною въ переговоры, то Соня должна внимательно слушать, что я буду сочинять о. Василію и матушкѣ о нашей встрѣчѣ въ Вяткѣ, о нашей страстной любви, о томъ, какъ я обѣщалъ жениться, какъ я узналъ о ея побѣгѣ изъ дому и пр. и пр. Но если постороннихъ свидѣтелей не будетъ, то сцены страстнаго свиданія не разыгривать, такъ какъ безъ постороннихъ свидѣтелей она, пожалуй, можетъ возымѣть отрицательное дѣйствіе на о. Василія, и онъ, вмѣсто всякихъ объясненій, турнетъ меня изъ дому въ шею, а Соню опять забереть въ ежовыя рукавицы. При отсутствіи постороннихъ свидѣтелей, я просто поведу дипломатическіе переговоры съ отцомъ послѣ того, какъ мы покажемъ только, что мы близко знаемъ другъ друга. Таня тайкомъ доставила письмо Сонѣ. Соня тайкомъ же прочла его—и, тщательно запомнивъ то, что ей было тамъ преподано, самое письмо изжевала. И съ душевнымъ трепетомъ стала ожидать, бѣдная дѣвушка вечера слѣдующаго дня, когда я долженъ былъ появиться въ ихъ домѣ и разрѣшить ей вопросъ: «быть или не быть?»

VIII.

Черезъ день послѣ отъѣзда Тани, я тоже собрался въ путь. Заказавъ лошадей вольному ямщику, я прежде, чѣмъ уѣхать, пошелъ проститься къ Р—мъ и здѣсь, при разговорѣ съ сестрой Р., доброй скромной и симпатичной дѣвушкой, оказалось, что при сборахъ жениха, позабыли снабдить его небольшой вещицей,—тѣмъ не менѣе весьма важной,—кольцомъ, которое должно фигурировать при обрученіи. Въ Н. купить уже нельзя было, такъ какъ меня уже ждали лошади, и идти въ лавку было поздно, тѣмъ болѣе, что я долженъ былъ прибыть въ с. У. въ такое время, чтобы въ назначенные 6 часовъ вечера быть уже въ домѣ о. Василія, какъ было условлено въ письмѣ къ Сонѣ. У брата Р. кольца не оказалось, у Инны Михайловны—тоже, и лишь оказалось у сестры Р., но такого размѣра, что едва приходилось на 4 палецъ моей руки. Дѣлать нечего, пришлось взять у нее хоть это колечко, съ условіемъ, конечно, возвратить его, при обратномъ проѣздѣ черезъ Н. съ Соней, какъ мы тогда предполагали. Наконецъ, прибылъ я и въ с. У.; это было, если не измѣняетъ мнѣ память, числа 12 октября. Прибылъ я часовъ около 4-хъ пополудни и приказалъ везти себя на постоялый дворъ, если таковой въ У. обрѣтается. Къ моему счастью, таковой оказался. Село У.—довольно большое село, съ большою красивою церковью, съ тремя священниками и двумя діаконами. Одинъ изъ этихъ трехъ священниковъ, о. Василій, былъ настоятелемъ этой церкви. О. Василій былъ человѣкомъ съ характеромъ боевымъ, далекій отъ елейнаго поповскаго настроенія, развитый, образованный и недостаточно ужившійся. Со своими товарищами попами онъ не жилъ въ дружбѣ. Будучи большимъ законовѣдомъ, онъ помогалъ совѣтами въ сутяжничествѣ всѣмъ, кто только обращался къ помощи его юридическаго таланта. Красивый, высокій, худощавый, нѣсколько сутуловатый, о. Василій въ своемъ священническомъ облаченіи и бархатной темнолиловой камилавкѣ, производилъ во время службы въ храмѣ внушительное впечатлѣніе и служилъ, какъ говорится, красиво. Большой любитель пѣнія и музыки, онъ прекрасно игралъ на гусляхъ, игралъ самоучкой по слуху на фортепіано, и когда пѣлъ подъ аккомпаниментъ того или другого инструмента,—а пѣлъ онъ умѣло,—то слушать его было пріятно, хотя въ то время, когда я его слыхалъ, у него уже не было ни молодой силы голоса, ни былой чистоты его.

Отецъ Василій былъ въ авантажѣ у мѣстнаго архіерея, былъ однимъ изъ «совѣтныхъ» поповъ его епархіи, и дочь о. Васидія Соня даже воспитывалась въ епархіальномъ духовномъ училищѣ Вятки за счетъ архіерея.

Ямщикъ завезъ меня на постоялый дворъ. Хозяинъ двора,—маленькій, веселый, худенькій человѣчекъ, съ жиденькой козлиной бороденкой, производившій впечатлѣніе немножко глуповатаго, ввелъ меня въ свою половину, въ чистую крестьянскую избу съ русской печью и палатями. Жена его, тоже маленькая, но пухлая и круглая, какъ шаръ, на которомъ былъ посаженъ другой, только много поменьше, шарикъ, съ маленькимъ розовымъ отверстіемъ для рта, съ маленькимъ, напоминавшимъ пуговицу носомъ, съ двумя круглыми пріятными синими глазками, съ маленькими оттопыренными круглыми ушками,– аттаковала меня разспросами, какъ только былъ поданъ на столъ самоваръ, и она съ мужемъ усѣлась вмѣстѣ со мной пить чай. Она шепелявила, по-дѣтски произносила вмѣсто ш—с, вмѣсто ч—ц. Чувствовалось при томъ, что эта маленькая, шаровидная женщина— большой руки сплетница съ романтическими наклонностями.

Лишь только она и ея мужъ узнали, что я дальше с. У. не намѣренъ ѣхать, и что я пріѣхалъ исключительно къ о. Василію, какъ они оба въ одинъ голосъ воскликнули «Знаемъ! знаемъ! женихъ будете, женихъ!»—Не подтверждая и не отрицая, я улыбнулся и подзадорилъ ихъ любопытство: «Тамъ видно будетъ—кто!»

Вслѣдъ за этимъ шаровидное существо женскаго рода, поддерживаемое мужемъ, стало мнѣ полушепотомъ сообщать, что въ семьѣ о. Василія не все благополучно,—что старшая дочка-то убѣжала было изъ дому, и что тутъ такая бѣда была, такая бѣда—что и не сказать! Къ ихъ изумленію, я заявилъ, что всю эту исторію я знаю, и знаю лучше даже другихъ, зачѣмъ и куда она бѣжала.

«Ну, значитъ, женихъ и есть!» взвизгивала въ восторгѣ хозяйка. «Поди есцо къ тебѣ и бѣжала-то!»

«Все можетъ быть!» дразнилъ я любопытство шаровиднаго существа и ея хозяина, все время чему-то лукаво-весело и глуповато улыбавшагося. Прекрасно,—думалъ я про себя,—еще прежде, чѣмъ совершится что-либо въ домѣ о. Василія, какъ только я уйду туда съ постоялаго двора, этотъ шарикъ въ образѣ хозяйки покатится по селу У. къ своимъ кумушкамъ и раструбитъ по всему селу вѣсть, что къ о. Василію пріѣхалъ женихъ, къ которому его дочка убѣжала было изъ дому, и создастъ такое обстоятельство, съ которымъ о. Василію придется считаться и подумать, какъ утихомирить толки, которые вновь поднимутся вокругъ его дома, какъ густой рой спугнутыхъ мухъ.

Но приближался роковой часъ: скоро шесть часовъ. Я, уже одѣтый во все франтовское, попросилъ хозяина постоялаго двора проводить меня въ домъ о. Василія. Не скажу, чтобы я шелъ туда со спокойной душою. Сердце било-таки преизрядную тревогу. Наступалъ часъ, быть можетъ, огромного скандала. По всѣмъ разсказамъ объ о. Василіѣ, онъ шутитъ не любитъ и за скандалъ въ его семьѣ можетъ отомстить безпощаднѣйшимъ образомъ. Но—жребій брошенъ и Рубиконъ перейденъ. Вотъ и домъ о. Василія. Поднявшись по лѣсенкѣ двухъэтажнаго дома о. Василія, я, ведомый хозяиномъ постоялаго двора, вошелъ въ переднюю. Въ дверяхъ изъ передней въ залу меня встрѣтилъ о. Василій, изумленно вопросительно глядѣвшійна меня сквозь очки своими большими красивыми глазами.

— Вы о. Василій Ч—въ? спросилъ я.

— Да, къ вашимъ услугамъ!..

— Позвольте вамъ рекомендоваться,—продолжалъ я введенный о. Васіемъ въ залу. Я—такой-то (имя, отчество и фамилія) потомственный дворянинъ, сынъ помѣщика Екатеринославской губерніи, студентъ С.-Петербургскаго технологическаго института.

— Очень радъ,—проговорилъ о. Василій,—протягивая мнѣ руку. Прошу садиться!

Онъ указалъ мнѣ на стулъ возлѣ стола, на которомъ горѣла лампа подъ бѣлымъ абажуромъ, а самъ сѣлъ у противоположнаго конца того же стола и сталъ продолжать прерванную моимъ приходомъ работу—набивку папиросныхъ гильзъ табакомъ.

— Вотъ сейчасъ я угощу васъ папироской,—продолжалъ онъ,—сейчасъ набью, ни одной готовой нѣтъ.

— Такъ пока позвольте мнѣ угостить васъ своей, любезно раскрывъ свой серебряный портсигаръ—(тоже взятый у кого-то на подержаніе) протянулъ я его къ о. Василію. О. Василій, взялъ изъ него папиросу, и мы стали перекидываться обычными фразами о дорогѣ, о погодѣ, и т. п.

Кстати замѣтить, что какъ только я увидѣлъ на порогѣ передней о. Василія, почему-то малѣйшій слѣдъ тревожнаго состоянія души моментально у меня исчезъ. Я почувствовалъ себя такъ, какъ если бы все, что предстояло мнѣ совершить, было самымъ нормальнымъ, самымъ естественнымъ дѣломъ. Какъ бы то ни было, въ залѣ о. Василія я чувствовалъ себя абсолютно хладнокровнымъ и говорилъ и

шутилъ съ о. Василіемъ съ полчаса самымъ непринужденнымъ образомъ. Отецъ Василій мнѣ понравился.

Мы, однако, были не одни. При входѣ въ залу, я замѣтилъ въ одномъ изъ ея угловъ, гдѣ въ полусвѣтѣ помѣщался маленькій кожанный диванчикъ съ недалеко отъ него стоящими гуслями, сидѣвшую на диванчикѣ массивную фигуру, въ подрясникѣ, приподнявшуюся и отвѣсившую мнѣ поклонъ при моемъ входѣ,—это былъ причетникъ. Присутствіе этой молчаливой фигуры было для насъ съ Соней обстоятельствомъ благопріятнымъ: какъ посторонній свидѣтель онъ тутъ былъ весьма кстати. Въ передней же, изъ которой я вошелъ въ залу, несомнѣнно, толпились любопытные, и отъ времени до времени дверь притворялась и чьи-то любопытные глаза смотрѣли въ образовавшуюся щель, очевидно, на меня. Въ числѣ этихъ любопытныхъ, какъ потомъ оказалось, былъ и приведшій меня хозяинъ постоялаго двора.

Когда разговоръ нашъ какъ-то смолкъ, я заявилъ, прерывая наступившее молчаніе, что мнѣ необходимо съ нимъ—о. Василіемъ—поговорить объ очень важномъ дѣлѣ, которое именно и привело меня въ его домъ.

Отецъ Василій отклонилъ мое предложеніе, говоря «сначала согрѣйтесь-де, да вотъ попьемъ-де чайку, а потомъ и о дѣлѣ поговоримъ».

Изъ залы вела другая дверь въ гостиную; тамъ было совершенно темно.

Вдругъ, въ гостиной послышался какой-то шепотъ и шорохъ, и на порогѣ ея появилось молодое существо поразительной красоты,—стройная, довольно высокая, съ чудными глазами, блѣдная дѣвушка. Я стремительно поднялся со стула.. Еще моментъ—и чудная молодая красавица, съ крикомъ—«наконецъ-то, ты Сережа пріѣхалъ»—кинулась ко мнѣ, обвила мою шею руками, и уста наши слились въ такой страстный поцѣлуй, какой рѣдко бываетъ на бѣломъ свѣтѣ!.. Эффектъ былъ поразительный!..

Отецъ Василій отскочилъ въ уголъ залы и остолбенѣлъ.

Поднявшійся съ диванчика саженный гигантъ причетникъ въ изумленіи и растерянности приготовился бѣжать. Въ двери передней высунулось нѣсколько, какъ громомъ пораженныхъ, любопытствовавшихъ фигуръ. Въ темной гостиной раздался истерическій плачъ,—то плакала мать попадья, шедшая вслѣдъ за Соней въ залу.

IX.

Соня, схвативъ меня подъ руку и крѣпко ко мнѣ прижавшись, повела меня черезъ темную гостиную въ спальню матери, гдѣ послѣдняя уже лежала въ истерическихъ слезахъ на кровати. Я съ Соней подошелъ къ ней. Взявъ руку и цѣлуя ее, я просилъ мать успокоиться, выслушать мои объясненія.

Мать, глядя на меня вопросительно-испуганно, твердила только одно: «Да, кто вы такой?! Кто вы такой?!»

Наконецъ, придя нѣсколько въ себя и видя, что Соня какъ

ущѣпилась за мою руку и какъ прижалась ко мнѣ, такъ и застыла мать съ разд раженіемъ въ голосѣ разъединила насъ своими руками произнося: „Да разойдитесь же!“

Соня такимъ образомъ была отъ меня оторвана.

Я оглянулся, и, видя у двери стоявшаго, блѣднаго и совершенно, растерянная о. Василія, обратился къ нему съ выраженіемъ сожалѣнія, что все это такъ неожиданно случилось, хотя со стороны Сони все это было такъ естественно; конечно, лучше бы было ей сдержать себя, при постороннихъ людяхъ въ особенности, но—сдѣланнаго не воротишь,—и пр. и пр. Бѣдный о. Василій только болѣзненно недоумѣнно отъ времени до времени произносилъ:

— Господи! Что же это такое?! Ничего не пойму! Что такое?

— Я вотъ сейчасъ вамъ все объясню. Только Бога ради успокойтесь. Вы увидите, что во всемъ этомъ ничего ужаснаго нѣтъ,—говорилъ я уходя съ о. Василіемъ въ залу.

Въ залѣ я сталъ излагать о. Василію небывалый романъ между мной и Соней. Случайно-де, послѣ поѣздки на Уралъ, заѣхалъ я въ Вятку и черезъ своего московскаго знакомаго, уроженца г. Вятки, нѣкоего Максимовича, извѣстнаго и о. Василію, познакомился съ Соней; послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ мы влюбились другъ въ друга и поклялись другъ другу въ вѣчной любви. Я обѣщалъ Сонѣ жениться, на ней и съ этимъ рѣшеніемъ я вернулся домой, чтобы испросить у отца, жившаго въ своемъ имѣніи, разрѣшенія на женитьбу; согласіе отъ отца я получилъ, но съ условіемъ предварительно сдѣлаться дѣйствительнымъ студентомъ Технологическаго института, а не вольнослушателемъ, каковымъ я былъ, для чего я долженъ былъ сначала выдержать окончательный экзаменъ въ гимназіи; вслѣдствіе вотъ этого послѣдняго обстоятельства и задержалось на цѣлый годъ исполненіе обѣщанія, даннаго мною Сонѣ, явиться въ домъ о. Василія и просить ея руки. Услыхавъ же, что Соня бѣжала изъ дому и зная, что она бѣжала ко мнѣ, я очень мучился, что не могъ въ назначенный срокъ выполнить свое обѣщаніе. Наконецъ, мытарства мои кончились, и я вотъ прошу о. Василія не отказать мнѣ въ рукѣ его дочери. Человѣкъ-де я обезпеченный; я послѣдній сынъ у отца,—всѣ братья мои на службѣ по разнымъ вѣдомствамъ,—а я пока учусь; но, женившись, могу бросить Технологическій институтъ и ѣхать въ деревню къ отцу, и заняться тамъ хозяйствомъ, помогать отцу въ управленіи имѣніемъ. Приданнаго мнѣ никакого не надо, такъ какъ мнѣ нужна только Соня, безъ которой мнѣ жизнь не въ жизнь. Я замѣтилъ при этомъ, что отецъ мой сейчасъ въ Петербургѣ и ждетъ моего возвращенія съ женой. Мы въ Петербургѣ вырѣшимъ съ нимъ сообща вопросъ—какъ мнѣ быть, оставаться ли въ Технологическомъ институтѣ и кончить курсъ или ѣхать въ деревню и жить съ отцомъ. Чтобы будущее дочери о. Василія представлялось ему какъ можно менѣе мрачнымъ, я сказалъ, что отецъ мой вдовъ и, такимъ образомъ, устранялось такое неблагопріятное обстоятельство въ будущемъ Сони, какъ свекровь въ домѣ, въ которомъ Соня явилась бы въ положеніи единственной хозяйки.

Романъ былъ сочиненъ довольно складно и правдоподобно: правда, все это сочиненіе не было экспромтомъ; объ этомъ было думано и передумано и въ пути, сидя въ почтовой повозкѣ, и въ комнаткѣ постоялаго двора въ г. Н.

Отецъ Василій, выслушавъ очень внимательно мой разсказъ, неожиданно огорошилъ меня:

— Хорошо, если все это правда! Я, знаете, ужасно боюсь—не фиктивный ли это бракъ затѣвается?

Нужно было огромное усиліе воли, чтобы не выдать того смущенія, которое поднялось при этомъ въ душѣ моей,—и къ счастью, настолько воли у меня хватило; я не только не выдалъ волною хлынувшаго въ душу смущенія, но почти съ неподдѣльнымъ презрительнымъ негодованіемъ возразилъ:

— Вы меня, о. Василій, оскорбляете! Вы навязываете мнѣ Богъ знаетъ что!

Надо сказать, что о. Василій въ одномъ изъ перехваченныхъ имъ писемъ къ Сонѣ вычиталъ предположеніе о фиктивномъ бракѣ,—письмо это онъ читалъ давно и ясно его не помнилъ, но возможность фиктивнаго брака не исчезла изъ его представленія. Показался ли о. Василію мой тонъ вполнѣ искреннимъ, или вообще и мой разсказъ, и я самъ произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ все болѣе и болѣе примирялся со мною, но уже въ тотъ моментъ, какъ матушка, поуспокоившись, вошла въ залу, мы съ о. Василіемъ уже разговаривали обо мнѣ, о моемъ отцѣ и братьяхъ, о Сонѣ и прочемъ довольно миролюбиво и спокойно. Матушка, еще не старая, но уже многорожавшая женщина, худощавая, маленькая, со слѣдами былой миловидности,—приведшая себя немного въ порядокъ послѣ слезъ и неожиданнаго огорченія, вошла въ залу и, усѣвшись на стулъ, учинила мнѣ отъ себя довольно обстоятельный допросъ—кто я, откуда я, зачѣмъ я у нихъ, какъ случилось, что я сталъ такъ близокъ Сонѣ? Конечно, въ этотъ промежутокъ времени она успѣла уже допросить дочку обо мнѣ и уже была ознакомлена со мной со словъ Сони, но я повторилъ ей все, только что разсказанное мною о. Василію. Соня въ это время сидѣла въ темной гостиной и внимательно слушала сочиненный мною романъ.

Такъ какъ сцена, разыгранная нами,—сцена страстнаго свиданія двухъ влюбленныхъ существъ послѣ долговременной разлуки,—создала безсознательно для о. Василія и матушки неодолимое желаніе выйти чисто и благородно изъ положенія, созданнаго этой сценой, о которой въ тотъ моментъ уже было раструблено по всему большому с. У. и хозяиномъ постоялаго двора, и гигантомъ причетникомъ, и прислугой о. Василія—то мой разсказъ съ заключительнымъ предложеніемъ жениться тотчасъ же на Сонѣ невольно подкупалъ ихъ въ мою пользу и настраивалъ на мирный ладъ. Кромѣ того, я ясно замѣтилъ, что самъ я произвелъ на о. Василія и въ особенности на матушку весьма благопріятное впечатлѣніе.

Отецъ Василій и матушка удалились, чтобъ посовѣтоваться tête à tête, какъ имъ быть, а я остался на нѣкоторое время въ залѣ одинъ.

Вошла Соня, блѣдная, но уже улыбающаяся. Мы сѣли съ нею у окна и шепотомъ стали разговаривать и знакомиться ближе другъ съ другомъ. Такъ какъ Соня была очень близорука и обладала глазами, которые, по шутливому замѣчанію писателя Флеровскаго (Берви), «были созданы только для другихъ», то ей было необходимо поближе разсмотрѣть мое тогда безбородое съ едва пробивавшимися усиками лицо, по которому мнѣ никакъ нельзя было дать болѣе 18 лѣтъ, хотя на самомъ дѣлѣ мнѣ было уже около 21 года. Сонѣ же было—16½ лѣтъ.—Она шептала мнѣ:

— Все идетъ хорошо! Кажется, дѣло выгоритъ!

Мы условились при людяхъ говорить другъ другу—«ты» и вообще продѣлывать аллюры влюбленныхъ...

Нечего грѣха таить, а я въ первый же вечеръ не могъ налюбоваться Соней. Я никакъ не ожидалъ встрѣтить такую красавицу въ лицѣ моей фиктивной невѣсты. Карточка, которую мнѣ дали, никакого представленія не давала о томъ, что я встрѣтилъ въ дѣйствительности. Вотъ какъ, печальной извѣстности, Левъ Тихомировъ, бывшій когда-то моимъ дорогимъ другомъ, описываетъ Соню въ своихъ воспоминаніяхъ, изданныхъ за границей еще въ 80-хъ годахъ: «сказать, что она была красавицей, было бы недостаточно. Она была рѣдкой красоты, достойной благородной расы сѣвера, сумѣвшей такъ хорошо сохранить древнеславянскій типъ... Черты интеллигентнаго лица поразительной правильности были полны той спокойной смѣлости, которая характеризуетъ женщинъ необычайной красоты, — глаза же поражали выраженіемъ дѣтской невинности».

Всякій долженъ согласиться, что играть въ продолженіе мѣсяца роль влюбленнаго жениха, при случаѣ ласкать и цѣловать такую молоденькую красавицу такому молодому парню, какимъ былъ я, было небезопасно. И, увы! коварный демонъ все больше и больше овладѣвалъ сердцемъ бѣднаго фиктивнаго жениха.

X.

Наконецъ, вошли вновь въ залу о. Василій и матушка послѣ своего совѣщанія, заставши насъ съ Соней, якобы, нѣжно воркующими; я, заслышавъ ихъ шаги, взялъ руку Сони и сталъ цѣловать ея пальчики, что родители, несомнѣнно, замѣтили. О. Василій и матушка сказали мнѣ, что рѣшить вопросъ о бракѣ они сейчасъ не могутъ, что завтра они пошлютъ за ближайшимъ своимъ родственникомъ, священникомъ отцомъ Михаиломъ, женатымъ на родной сестрѣ матушки, и посовѣтуются съ нимъ.

Было уже поздно, и матушка съ Соней ушли на покой, причемъ матушка не дозволила намъ съ Соней поцѣловаться на прощанье. Мы же съ о. Василіемъ, который, очевидно, порѣшилъ учинить мнѣ основательный допросъ, остались и, ходя взадъ-впередъ

по залѣ, проговорили до третьяго часу ночи. Съ 5 часовъ вечера я ничего не ѣлъ, такъ какъ въ домѣ о. Василія было въ этотъ вечеръ не до ѣды, и отъ пережитаго волненія я сильно усталъ. Усталъ, конечно, и о. Василій, который рѣшилъ, наконецъ, что пора кончить допросъ мнѣ. Произведенный имъ экзаменъ я, очевидно, въ его глазахъ выдержалъ блистательно; онъ, отпуская меня съ провожатымъ на постоялый дворъ, и пожимая мнѣ на прощанье руку, заявилъ:

— А завтра съ утра перебирайтесь ко мнѣ!

Когда я пришелъ на постоялый дворъ, хозяинъ съ шаровидной хозяйкой, проснувшись, имѣли большое намѣреніе осадить меня допросами, но я, усталый, довольно недружелюбно уклонился отъ разговора съ ними, заявивъ, что я сейчасъ хочу спать, а завтра съ утра перехожу къ о. Василію. Это послѣднее сообщеніе дало поводъ розовому шарику женскаго рода нарисовать картинку вслухъ, какъ я и Соня будемъ стоять подъ вѣнцомъ—«какъ два ангелочка».

Я заснулъ крѣпко и проснулся къ 9 часамъ утра. Меня уже ожидалъ посланный отъ о. Василія работникъ, чтобы перевести мои вещи.

По прибытіи въ домъ о. Василія я тотчасъ же предложилъ ему ознакомиться съ моими документами,—съ копіей съ протокола о дворянствѣ, съ метрическимъ свидѣтельствомъ и со свидѣтельствомъ, выданнымъ изъ Технологическаго института для проживанія; о. Василій не отказался отъ этого удовольствія и основательно ихъ осмотрѣлъ.

На третій или на четвертый день моего пребыванія въ домѣ о. Василія пріѣхалъ отецъ Михаилъ съ молодой, цвѣтущей и миловидной попадьей Елизаветой.

Эти дни я больше всего пребывалъ въ компаніи о. Василія и иногда матушки. Съ Соней оставаться приходилось раза два урывками; родители, особенно матушка, не допускали насъ до поры до времени сходиться другъ съ дружкой и оставаться вдвоемъ. Впрочемъ, я уже ясно видѣлъ, что и о. Василій, и матушка начинаютъ въ меня влюбляться, и что я имъ очень прихожусь по душѣ. Четыре младшія сестренки, познакомившись, стали обращаться со мной, какъ съ давно знакомымъ; маленькій братишка Сони, недавно только начавшій ходить, охотно шелъ ко мнѣ на руки и забавлялся со мной, къ удовольствію матушки. Отецъ Михаилъ, средняго роста, довольно тучный и геркулесовской силы попъ, и его миловидная жена Лиза познакомились со мной и вынесли изъ этого знакомства самое для меня благопріятное впечатлѣніе. Я чувствовалъ, что вокругъ меня въ домѣ о. Василія создалась сочувственная мнѣ атмосфера.

На третій день по пріѣздѣ отца Михаила, послѣ довольно продолжительнаго шушуканья въ кабинетѣ о. Василія между двумя попами и двумя попадьями, меня и Соню поставили въ гостиной на коврикѣ передъ образами и въ присутствіи всѣхъ домашнихъ отецъ Михаилъ прочелъ предбрачную молитву, и намъ съ Соней разрѣшено было поцѣловаться уже на законномъ основаніи.

Началась предсвадебная канитель.

Самое непріятное обстоятельство въ этой предсвадебной канители было то, что о. Василій съ матушкой нашли необходимымъ ѣхать со мной и съ Соней въ Вятку, гдѣ обучалась въ епархіальномъ училищѣ Соня, и гдѣ въ то время училась ея сестра Люба, а въ гимназіи—братишка второклассникъ. О. Василій и матушка хотѣли во что бы то ни стало сводить меня съ Соней къ архіерею, воспитанницей котораго была Соня, и испросить у него благословеніе на нашъ бракъ и, кромѣ того, они поставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы я по телеграфу, по крайней мѣрѣ, вытребовалъ благословеніе на бракъ отъ моего отца.

Поѣздка въ Вятку была для меня въ высшей степени непріятнымъ обстоятельствомъ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ городѣ былъ когда-то въ числѣ ссыльныхъ мой братъ, о чемъ я, конечно, умолчалъ передъ о. Василіемъ. Здѣсь братъ женился на одной изъ дочерей тамошняго исправника, съ которымъ о. Василій былъ знакомъ, и могъ, встрѣтившись съ нимъ, разговориться о готовящейся свадьбѣ своей дочери, которую выдаетъ за Синегуба, и тутъ выполэло бы многое, о чемъ я тщательно утаилъ отъ о. Василія при сообщеніи ему свѣдѣній о нашей семьѣ. Въ этомъ городѣ могли оказаться у о. Василія и другіе знакомые, которые знали брата. Кромѣ того, здѣсь могло обнаружиться полное мое незнакомство съ городомъ, въ который я, по моимъ разсказамъ, спеціально заѣзжалъ, когда познакомился съ Соней, чтобы ознакомиться съ однимъ изъ старѣйшихъ городовъ Россіи. Правда, въ Вяткѣ, если бы сорвалось мое дѣло, я имѣлъ много шансовъ скрыться и бѣжать, такъ какъ здѣсь были ссыльные, знавшіе обо мнѣ (какъ напр., Трощанскій по нечаевскому дѣлу), и которые, несомнѣнно, оказали бы мнѣ помощь. Во всякомъ случаѣ, эта поѣздка грозила разстроить мое предпріятіе.

Но дѣлать нечего, надо было ѣхать, съ единственнымъ упованіемъ, что «авось» какъ-нибудь вывезетъ.

Было еще и другое непріятное обстоятельство, это—требованіе благословенія на бракъ отъ моего отца. Я сказалъ о. Василію и матушкѣ, что мой отецъ въ Петербургѣ и ждетъ тамъ меня съ молодой женой; стало быть, испросить у него благословеніе по телеграфу ничего не стоитъ. Я, конечно, безъ колебанія согласился послать отцу въ Петербургъ телеграмму съ просьбой благословенія на бракъ, какъ только мы пріѣдемъ въ Вятку Но, вѣдь, на самомъ дѣлѣ отца моего въ Петербургѣ не было,—онъ жилъ въ своемъ имѣніи на югѣ, ни сномъ, ни духомъ не вѣдая, что творитъ его сынъ гдѣ-то въ одной изъ отдаленныхъ губерній Россіи.

Пришлось мнѣ и тутъ разсчитывать на «авось».

Я рѣшилъ послать въ Питеръ телеграмму на имя отца, но на адресъ брата. Къ сожалѣнію, мысль о благословеніи моего отца на бракъ никому изъ насъ въ Питерѣ, участвовавшихъ въ устройствѣ фиктивнаго брака, не пришла въ голову, и я уѣхалъ оттуда, не думая о немъ, и съ братомъ не сговорился. Но я разсчитывалъ, что, если братъ получитъ телеграмму на свой адресъ, но на имя отца, онъ сразу смекнетъ, что тутъ что-то есть, и получитъ ее за

отца; а прочитавши ее, онъ ужъ, конечно, тотчасъ же пошлетъ мнѣ телеграмму съ благословеніемъ, съ подписью отца.

Какъ я ни раскидывалъ умомъ, а отказаться отъ поѣздки въ Вятку и отъ посылки телеграммы отцу съ просьбой о благословеніи на бракъ не находилъ никакого резона, вполнѣ убѣдительнаго и удобопріемлемаго о. Василіемъ и матушкой, которымъ крайне хотѣлось при этомъ, чтобы бракъ совершился по благословенію архіерея.

Мы съ Соней наединѣ потужили о томъ, что такъ было наладившееся наше дѣло приходилось подвергать такому риску, съ массою шансовъ провалить его въ конецъ. Но, порѣшили,—либо панъ, либо пропалъ! Будь, что будетъ!

Итакъ, отправились мы на долгихъ въ Вятку: о. Василій, матушка, я и Соня; о. Василій со мной въ кибиткѣ, матушка съ Соней въ возкѣ.

Отецъ Василій дорогой все больше и больше становился со мной на родственную ногу; иногда даже переходилъ на «ты», посвящалъ меня во всѣ свои семейныя тайны, разсказывалъ мнѣ о своей борьбѣ съ другими попами въ У., которые интриговали противъ него, о своихъ судейскихъ дѣлахъ и пр.

Матушка, съ нѣжностью и материнской лаской, заботилась о томъ, чтобъ мнѣ было тепло и удобно въ дорогѣ, а на остановкахъ, чтобъ я не сидѣлъ голодомъ, а побольше бы ѣлъ и пилъ. Сердце ея, очевидно, приняло меня и облюбовало, да и я чувствовалъ къ ней искреннее расположеніе, и иногда мнѣ было больно сознавать, что на самомъ дѣлѣ я былъ для нея совсѣмъ чужой человѣкъ и по существу—безпощаднѣйшій врагъ имъ обоимъ.

Пріѣхали мы въ Вятку и остановились на постояломъ дворѣ, на которомъ обыкновенно останавливался о. Василій съ семьей, когда пріѣзжалъ въ городъ. Такъ какъ мы пріѣхали утромъ, то въ тотъ же день я отправился на телеграфную станцію и послалъ телеграмму въ Питеръ на имя отца на адресъ брата: «Шлите ваше благословеніе, за нимъ остановка, до востребованія». Отецъ же Василій отправился къ архіерею.

Къ вечернему чаю мы всѣ,— о. Василій, матушка, Соня и я,— отправились по заказу архіерея къ нему. Архіерей пожелалъ лично познакомиться съ женихомъ. Пошли. Въ своихъ аппартаментахъ, не поражавшихъ, впрочемъ, особенной роскошью обстановки, встрѣтилъ насъ пожилой, краснощекій, значительно ожирѣлый, небольшого роста архипастырь, пухлую руку котораго пришлось всѣмъ намъ благоговѣйно облобызать, подходя подъ его благословеніе. Онъ усадилъ меня и Соню за столъ на диванѣ. На этомъ столѣ, возлѣ котораго на стульяхъ усѣлись также архіерей и о. Василій съ матушкой, очень скоро очутился подносъ со стаканами и чашками чаю, съ вареньемъ и печеньемъ.

Добродушно и весело говорилъ все время благодушный пухлый архіерей, очевидно, большой охотникъ говорить и неохотникъ слушать. Между прочимъ, онъ свелъ разговоръ на вопросъ о святости и нерасторжимости брака, причемъ приплелъ и романъ Искандера—«Кто виноватъ».

— А? кто виноватъ?—спрашиваетъ! И думаетъ, что мы не раскусимъ, кто виноватъ, по его мнѣнію! Выходитъ, видите ли, что законный неразрывный бракъ виноватъ!! Ха! ха! ха! Каково?! Ха! ха! ха!.. думаетъ, не поймемъ! Ха! ха! ха!..—и краснощекій пухлый архіерей заливался искреннѣйшимъ смѣхомъ при мысли, что хитрость Искандера не ускользнула отъ его проницательности.

Глядя на потѣшно колыхавшагося отъ смѣха пухлаго архіерея, смѣявшагося притомъ очень заразительно, я тоже смѣялся совершенно чистосердечно. Во время разговора, я позволилъ себѣ почтительно вставить нѣсколько замѣчаній благонамѣреннаго свойства о святости брака и установленій церкви православной, которыя пришлись по душѣ архипастырю. И, какъ потомъ говорилъ мнѣ о. Василій, я очень понравился архіерею, какъ симпатичный и разсудительный молодой человѣкъ.

Когда мы вернулись отъ архіерея на постоялый дворъ, о. Василій заявилъ мнѣ, что архіерей приказалъ явиться къ нему вновь, когда будетъ получена телеграмма отъ моего отца съ благословеніемъ, и тогда онъ насъ благословитъ на бракъ. На другой день я нѣсколько разъ заходилъ на телеграфъ справляться объ отвѣтѣ, но отвѣта все не было. Я начиналъ безпокоиться. Неполученіе отвѣта могло означать, что братъ не получилъ моей телеграммы; ее въ отсутствіе брата домашніе могли отказаться принять, какъ адресованную не брату, а отцу. Неполученіе телеграммы отъ отца разстраивало и о. Василія, и матушку, и Соню. Кстати сказать, на постояломъ дворѣ съ нами была въ это время и сестра Люба, отпущенная изъ интерната епархіальнаго училища. Приходилъ сюда съ перваго же дня и двоюродный братъ Сони, гимназистъ 5 класса, Петя Неводинъ; также былъ здѣсь и братишка Сони, гимназистикъ, еще не такъ давно бывшій шпіономъ при Сонѣ.

Какъ Люба, такъ и Петя, какъ потомъ я узналъ отъ Сони, были посвящены въ тайну того, что мы совершали тогда съ Соней, и были ея союзниками въ душѣ. Впрочемъ, черезъ Петю, въ случаѣ надобности, я могъ и скрыться къ ссыльнымъ, съ которыми онъ имѣлъ связи.

Прошло трое сутокъ, а телеграммы нѣтъ и нѣтъ! Наконецъ, на 4-й день, часамъ къ 10 утра я зашелъ на телеграфную станцію съ намѣреніемъ, если отвѣта не будетъ, послать новую телеграмму; на этотъ разъ оказалось, что мнѣ есть телеграмма изъ Питера. Съ величайшимъ волненіемъ вскрылъ я ее: что-то въ ней? И... читаю: «Шлю тебѣ свое благословеніе, твой отецъ Сила Синегубъ». Отъ радости я готовъ былъ прыгнуть до потолка. Какъ я разсчитывалъ, такъ и случилось. Братъ, увидѣвъ, что телеграмма адресована на его адресъ, хотя на имя отца, тотчасъ еще смекнулъ, что она относится именно къ нему, и что тутъ что-то есть, получилъ ее, какъ Сила Синегубъ, и по прочтеніи ея немедленно повидался съ Анной Дмитріевной и Чарушинымъ и махнулъ мнѣ отвѣтъ за подписью отца.

Въ совершенно искреннемъ восторгѣ явился я на постоялый дворъ

и, объявивъ всѣмъ заинтересованнымъ о полученномъ благословеніи отца на бракъ, вызвалъ всеобщее ликованіе. Матушка въ первый разъ обняла меня и поцѣловала, какъ мать, ласково говоря: «ну, теперь Вы нашъ!» и приказала Любѣ и Колѣ, послѣ того, какъ мы съ о. Василіемъ обнялись и облобызались, поцѣловаться со мной, какъ съ роднымъ. Сонѣ цѣловаться со мной съ этого дня не только не возбранялось, а даже не одобрялось, если она, по мнѣнію матушки, не проявляла ко мнѣ достаточной нѣжности.

Къ 4 часамъ мы вчетверомъ отправились къ архіерею. Узнавъ о полученіи отъ отца моего благословенія (ему была о. Василіемъ предъявлена полученная утромъ телеграмма), онъ отъ души насъ поздравилъ и повелъ въ свою домовую церковь, гдѣ, поставивъ насъ на колѣни передъ алтаремъ, благословилъ, впрочемъ, одну только Соню иконой св. Софіи, какъ свою воспитанницу; мнѣ же, послѣ того, какъ мы поднялись, далъ свое обычное архипастырское благословеніе. Надо замѣтить, что при крещеніи моя невѣста была названа Ларисой, но архіерею почему-то вздумалось переименовать ее въ Софію, такъ что въ нѣкоторыхъ документахъ она значилась Ларисой, какъ въ метрическомъ свидѣтельствѣ, въ другихъ—Софіей, какъ въ свидѣтельствѣ объ окончаніи епархіальнаго училища и, наконецъ, въ моемъ документѣ, куда ее вписали послѣ вѣнчанія, она уже названа Софіи—Ларисса.

При уходѣ отъ архіерея, онъ, прощаясь, подарилъ отъ себя Сонѣ въ приданое десять червонцевъ (чрезвычайная рѣдкость въ то время) и наказалъ мнѣ звать ее—Софіею, «ибо,—пояснилъ онъ,—София означаетъ—мудрость.»

Впрочемъ, по прибытіи отъ архіерея, я сталъ звать свою невѣсту Ларисой, заявивъ ея родителямъ, что имя Ларисса нравится мнѣ больше, чѣмъ Софія, и ужъ какъ она крещена, такъ пусть и называется, съ чѣмъ охотно согласился и отецъ Василій.

До сихъ поръ пока все шло благополучно. Но долго ли мы пробудемъ въ Вяткѣ? Чѣмъ дольше продолжалось бы наше здѣсь пребываніе, тѣмъ больше прибавлялось бы шансовъ для провала до сихъ поръ прекрасно наладившагося дѣла.

Матъ занялась теперь заказываніемъ подвѣнечнаго платья и разныхъ нарядовъ и тряпокъ въ приданое городскимъ мастерицамъ. Эта вся совсѣмъ ненужная для насъ съ Соней дребедень требовала не менѣе недѣли времени. Матушка, исполнивши заказы, порѣшила, что она съ Соней уѣдетъ въ У. обратно, и тамъ онѣ займутся подготовленіями къ свадьбѣ, какимъ-то шитьемъ, мытьемъ да печеніями; до свадьбы же времени оставалось немного, такъ какъ вѣнчанье съ разрѣшенія архіерея (не помню ужъ почему именно понадобилось тогда спеціальные его разрѣшенія) назначено было на 12 ноября (Кажется, послѣ наступалъ Филипповскій постъ, а 12 приходилось въ пятницу, въ день, въ который вѣнчать нельзя безъ архипастырскаго разрѣшенія).

Мы же съ о. Василіемъ должны были оставаться въ Вяткѣ, подождать изготовленія заказаннаго и затѣмъ забрать его и ѣхать въ У.

Отецъ Василій безпрекословно и съ удовольствіемъ согласился на это рѣшеніе. Онъ любилъ бывать въ городѣ безъ матушки, онъ безъ нея навѣщалъ на свободѣ своихъ знакомыхъ и покучивалъ съ ними, такъ какъ выпить въ компаніи, попѣть и повеселиться былъ не прочь. Ему теперь улыбалась такая перспектива послѣ довольно долгого лишенія такого удовольствія. Матушка вела домъ строго, аккуратно и не находила приличнымъ для священнаго сана даже безобидныя выпивки въ компаніи со знакомыми, которыя только и позволялъ себѣ о. Василій, будучи въ личномъ поведеніи вполнѣ добропорядочнымъ человѣкомъ. Такъ какъ я былъ юношей скромнымъ, чистенькимъ барченкомъ, ничего не пилъ, былъ деликатенъ и разсудителенъ (такимъ я былъ въ представленіи матушки, по крайней мѣрѣ), то матушка охотно оставляла о. Василія на мое попеченіе въ ея отсутствіе, глядя на меня, какъ на лицо, котораго постѣсняется о. Василій и не очень позволитъ себѣ покучивать, главнымъ образомъ, бражничать, чего она не хотѣла, такъ какъ лишнія возліянія разстраивали здоровье о. Василія. Но если такая комбинація была въ разсчетахъ матушки, то намъ съ Ларой она совсѣмъ не нравилась. Для насъ, напротивъ, чѣмъ скорѣе вибраться изъ города, тѣмъ было лучше. За недѣлю или полторы пребыванія въ Вяткѣ могло обнаружиться обо мнѣ, при хожденіи о. Василія по знакомымъ, много такого, что могло все наладившееся дѣло перевернуть вверхъ дномъ. И намъ надо было во что бы то ни стало всѣмъ уѣзжать изъ города какъ можно скорѣе. Смекнувъ, что передъ нашей свадьбой, на которую все-таки требовалось не мало расходовъ, матушка ни за что не оставитъ одного о. Василія въ городѣ, гдѣ онъ не удержался бы и растранжирилъ бы не мало денегъ въ тѣ моменты, когда муха залетала бы ему за галстухъ, мы съ Ларисой, пошептавшись, рѣшили пристать къ «мамѣ», какъ и я началъ называть теперь матушку, съ просьбой не разлучать насъ на цѣлыхъ двѣ недѣли, такъ какъ мы и такъ уже наскучались другъ за дружкой достаточно. Мать на нашу просьбу охотно склонилась, видя нашу голубиную нѣжность другъ къ дружкѣ, которую мы нарочно весьма повысили въ эти дни,—новая бѣда въ томъ,—какъ же быть съ заказами? Кто же ихъ получитъ и доставитъ въ У.? Дипломатично не настаивая, о. Василій все-таки подавалъ голосъ за то, что, въ случаѣ крайности, что-жъ?—придется ему одному остаться въ городѣ ради заказовъ, что совсѣмъ не нравилось матушкѣ. Выручилъ насъ изъ затрудненія неожиданно подвернувшійся попъ Николай, пріѣхавшій въ городъ къ архіерею, и зашедшій поэтому на постоялый дворъ къ о. Василію за совѣтомъ. Казъ радъ недѣли черезъ $1^1/_2$ онъ собирался обратно въ свое село, а путь туда лежалъ черезъ с. У. Отецъ Николай охотно взялся получить заказы и доставитъ ихъ въ У. Отецъ Василій чмыхалъ носомъ, а мы съ Ларой ликовали. Матушка согласилась на то, чтобъ отецъ Николай увезъ заказы, но закуски и вина порѣшила увезти съ собой и изъ-за нихъ мы просидѣли въ городѣ лишніе сутки.

Вспоминается мнѣ одно маленькое обстоятельство, когда я, было,

«проврался». Пришелъ какъ-то этотъ самый попъ Николай и, разговаривая со мной, интересовался по-провинціальному узнать все отъ меня лично, бывалъ ли я въ Вяткѣ и сколько разъ, какъ познакомился съ Ларой и пр. Я ему разсказывалъ приблизительно то же, что и о. Василію. Пришелъ въ это время еще знакомый о. Василія одинъ изъ мировыхъ судей Вятки,—необыкновенно уродливой наружности человѣкъ, съ огромнымъ въ видѣ какого-то кулака носомъ, съ какими-то буграми на физіономіи, но скромный и очень застѣнчивый человѣкъ. О. Василій за чѣмъ-то вышелъ, а я остался съ двумя этими гостями, и вотъ мировой судья пожелалъ вступить со мной въ разговоръ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ бывалъ-ли я раньше въ Вяткѣ? — И я, о ужасъ! совсѣмъ въ эту минуту забывшись ляпнулъ: «нѣтъ! я въ первый разъ здѣсь!». Спохватившись, я невольно взглянулъ въ сторону попа Николая, но, къ счастью, онъ не слыхалъ моего отвѣта, погрузившись въ разсматриваніе какой-то книги, а затѣмъ я постарался свести разговоръ на другую тему. И вскорѣ послѣ того, какъ въ комнату вошелъ о. Василій, мировой судья ушелъ.. Нѣтъ, положительно, надо было поскорѣе удирать изъ Вятки.!

XI.

Наконецъ-то мы двинулись въ путь обратно въ с. У. Я пытался ускорить свадьбу, мотивируя тѣмъ, что задерживать отца въ Петербургѣ долго нельзя, и что мнѣ необходимо застать его еще тамъ въ ноябрѣ, — но несмотря на мои настоянія, свадьба по всѣмъ хозяйственнымъ соображеніямъ матушки не могла состояться раньше, какъ черезъ двѣ недѣли, т. е. 12 ноября. Пришлось съ этимъ волей-неволей примириться. По пріѣздѣ въ с. У. я облекся въ данный мнѣ о. Василіемъ подрясникъ и по цѣлымъ днямъ скучалъ. Женщины занялись усердно шитьемъ бѣлья невѣстѣ и всякаго другого, по мнѣнію ихъ, весьма необходимаго для невѣсты барахла, при чемъ къ досадѣ матушки я предложилъ привезенную съ собой роскошную подвѣнечную фату и прекрасные искусственные цвѣты для вѣнка, такъ что купленная въ Вяткѣ матушкой безъ моего вѣдома фата и цвѣты оказались напрасно купленными да и по сравненію съ моими никуда негодными, а деньги на нихъ потраченныя—выброшенными. Тутъ же я преподнесъ невѣстѣ золотые часы съ цѣпочкой, взятые у Рязанцевой на подержаніе, съ условіемъ при благополучномъ возвращеніи въ Петербургъ возвратить ихъ ей. Часики и цѣпочка были очень хорошенькіе и цѣнные и привели въ восхищеніе окружающую женскую публику. Какъ фата съ цвѣтами, такъ и мой подарокъ весьма подняли мой престижъ женихабарича въ глазахъ всѣхъ родичей и домочадцевъ.

Всѣмъ родичамъ,—все попадьямъ съ попами,—жившимъ въ другихъ селахъ и уѣздахъ Вятской губ., были разосланы спеціальныя приглашенія на свадьбу. Стали съѣзжаться попы съ женами и дѣтьми.

Отецъ Василій, въ качествѣ регента, началъ подготовлять двухъ діаконовъ къ пѣнію вѣнчальныхъ пѣсенъ въ церкви: старый діаконъ,—басъ (отецъ Тани) и молодой діаконъ второй теноръ. Самъ о. Василій пѣлъ перваго тенора. Иногда заходилъ и присоединялся къ хору гигантъ псаломщикъ. Въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, недѣли въ залѣ дома о. Василія каждый день съ утра раздавалось пѣніе: «Исаія ликуй», «Гряди, гряди, отъ Ливана невѣсто», «Положилъ еси на главы ихъ вѣнцы» и т. п. Пѣніе перемежалось выпивкой и закуской пѣвцовъ и пріѣхавшихъ поповъ, не принимавшихъ участія въ пѣніи.

Въ гостиной и другихъ аппартаментахъ шло шитье, въ которомъ принимали участіе и пріѣхавшія попадьи, изъ которыхъ только жена отца Михаила отличалась миловидностью и большимъ умственнымъ развитіемъ.

Съ утра я не зналъ, куда мнѣ дѣваться. Читать было нечего, да и читать было невозможно. Я то сидѣлъ въ залѣ и слушалъ пѣніе, въ которомъ діаконъ басъ вралъ неистово къ досадѣ о. Василія, то уходилъ въ гостиную къ сидѣвшимъ за шитьемъ женщинамъ, присаживался тамъ къ невѣстѣ, а иногда отъ скуки начиналъ дурить и надоѣдать ей шутками и мѣшаніемъ работать ей и Танѣ, къ ихъ серьезной досадѣ. Кстати сказать, невѣста моя стала не выдерживать своей роли, — и вмѣсто того, чтобы стремиться «влюбленною душою» быть возможно чаще съ возлюбленнымъ, напротивъ того, больше проводила теперь время съ Таней, помогавшей въ качествѣ подруги въ изготовленіи приданнаго тряпья. По цѣлымъ часамъ она оставляла безъ всякаго вниманія своего жениха, не знавшаго рѣшительно, какъ довести день до вечера. Это начала замѣчать и матушка. Она не разъ говорила Ларисѣ: «да поди-жъ ты къ жениху-то! Ты съ утра съ нимъ сегодня и слова, кажись, еще не сказала!».

Я счелъ это неудобнымъ, и мы условились съ Ларой, что въ тѣ часы, когда въ домѣ маленько стихала суетолка, и публика расходилась по отведеннымъ ей угламъ на покой, — что обыкновенно было къ часамъ 10-ти вечера, мы будемъ сходиться въ залѣ, и проводить часокъ вмѣстѣ. Здѣсь, въ залѣ, освѣщенной только свѣтомъ лампы изъ гостиной черезъ открытую дверь, мы ходили съ нею взадъ и впередъ и полушепотомъ разговаривали то о Питерѣ и дѣлахъ и людяхъ, то о Шпильгагенскихъ герояхъ, то иногда я разсказывалъ сказку изъ Кота Мурлыки. Если я при этомъ замѣчалъ, что въ освѣщенной гостиной появлялась фигура матери или отца, я начиналъ довольно громко цѣловать свою собственную руку, что достигало своей цѣли и объясняло матушкѣ нѣсколько холодное обращеніе Лары со мною при людяхъ. Подслушавъ эти поцѣлуи, матушка однажды, смѣясь, замѣтила при всѣхъ живущихъ женщинахъ по адресу Ларисы: «Небось, сейчасъ вонъ какая скромница сидитъ; а какъ останется съ женихомъ въ темной залѣ, такъ то и знай цѣлуются!».

Приготовленія были всѣ закончены, — подошелъ и долго жданный день. Часовъ въ пять вечера, 12 ноября, сельскій красивый храмъ былъ торжественно освѣщенъ. Все с. У. и много изъ ближнихъ деревень стеклось въ храмъ. Я одѣлся во фракъ (въ первый и послѣдній разъ въ жизни!), въ крахмальную сорочку, въ бѣлый галстухъ и пр. и пр. (шапо-клякъ, захваченный мною въ числѣ принадлежностей жениховскаго гардероба, оставался, впрочемъ, въ моемъ чемоданѣ, и я ѣздилъ вѣнчаться въ барашковой шапкѣ). Посадили меня въ экипажъ съ отцомъ Михаиломъ, и мы выѣхали первые со двора.

Гдѣ-то въ отдаленномъ сосѣднемъ селѣ начался пожаръ. Въ ранніхъ зимнихъ сумеркахъ большое зарево охватило полнеба. Выскочивши изъ воротъ, лошади въ нашемъ экипажѣ почему-то шарахнулись въ сторону и задрусили. Но кучеръ довольно скоро съ ними сладилъ, и мы подкатили къ ступенькамъ паперти храма.

Я вошелъ съ отцомъ Михаиломъ въ храмъ. Толпа, бывшая въ храмѣ, разступилась... Масса любопытныхъ глазъ устремилась на меня... Слышался шепотъ: «какой молоденькій!»... Я чувствовалъ себя конфузно и употреблялъ большія усилія, чтобъ подавлять смущеніе и держать себя болѣе или менѣе развязно. Совершался послѣдній актъ затѣянной игры! Нетерпѣніе овладѣвало мною, и мнѣ казалось, что невѣста страшно долго не ѣдетъ.

Въ домѣ происходилъ обрядъ облаченія и благословенія невѣсты, во время котораго присутствовалъ и шаферъ невѣсты, тотъ самый влюбленный въ нее мировой судья, за которого ее прочили родители,—и смотря на необыкновенную красавицу въ подвѣнечной фатѣ, блѣдную и взволнованную и оттого еще болѣе прекрасную, онъ молча плакалъ...

Вотъ прибыла въ храмъ и невѣста съ шаферомъ и подружками... Я пошелъ къ ней навстрѣчу... Лариса была такъ блѣдна, рука ея была холодна, какъ ледъ, что у меня мелькнула мысль объ обморокѣ. Не глядя на меня и на людей, она пошла за мной къ указанному намъ мѣсту.

Нашъ хоръ,—о. Василій, діаконъ-басъ, діаконъ-теноръ и гигантъ псаломщикъ,—грянулъ: «Гряди, гряди отъ Ливана невѣсто!». Когда священникъ, родной братъ о. Василія, совершилъ обрядъ обрученія и обмѣнялъ насъ кольцами (съ моей стороны фигурировало кольцо, взятое въ г. Н. у сестры Р.) въ толпѣ раздался возгласъ: „Ну, теперь, значитъ,— шабашъ!"...

Во все время вѣнчанія я чувствовалъ себя скверно. Мнѣ было жарко отъ смущенія. Я неимовѣрно потѣлъ. Вѣнецъ, надѣтый мнѣ на голову, былъ великъ и то и дѣло слѣзалъ мнѣ на глаза. Кто-то, кажется отецъ Михаилъ, спасибо ему, догадался подсунуть мнѣ подъ вѣнецъ свой носовой платокъ, чтобъ вѣнецъ не ерзалъ. Насилу я дождался конца этой муки и уже съ Ларисой и отцомъ Михаиломъ вернулись домой.

Гости ѣли и пили, пили и ѣли. Пѣли намъ многократно многолѣтіе всѣ присутствующіе за столомъ, при чемъ діаконъ болѣе всѣхъ путалъ и вралъ, но зато гремѣлъ во всю глотку. Безчи-

сленное множество разъ насъ заставляли цѣловаться при крикахъ: «горько»!

Кончился ужинъ,—кое-какіе гости разъѣхались,—другіе разошлись по отведеннымъ имъ въ домѣ о. Василія угламъ, а насъ, мужа и жену, родители препроводили въ спальню.

Мы заперли дверь и остались въ маленькой спаленкѣ tête à tête. Было намъ обоимъ нестерпимо конфузно... Но дѣлать нечего, надо было доводить комедію до конца. Я предложилъ Ларисссѣ, чтобы она ложилась на единственную двухспальную стоявшую тутъ кровать, снабженную роскошной периной и широкимъ одѣяломъ; а я, придвинувъ къ двери, отворявшейся внутрь спаленки, стоявшій тутъ сундукъ съ вещами Ларисссы, улегся на немъ. Погасивъ огонь, Ларисса сняла съ себя вѣнчальныя одежды и утонула въ перинѣ; а я, свернувшись въ калачикъ на сундукѣ, провелъ ночь вполнѣ по-походному. На утро, когда Ларисса, подъ одѣяломъ накинувъ на себя одежду, вышла изъ спаленки, я увидѣлъ, что на перинѣ выдавленъ слѣдъ только одной фигуры. Чтобы это не показалось подозрительнымъ для того, кто будетъ убирать эту постель, я, притворивъ дверь, улегся на перину, чтобъ выдавить слѣдъ и другой фигуры. Конечно, въ это утро нужно было ожидать отъ родственниковъ всякихъ двусмысленныхъ намековъ и шутокъ... Но тутъ ужъ надо было претерпѣть.

Такъ мы провели цѣлыхъ три ночи...

По моему настоянію, послѣ того, какъ мы, по желанію родителей, объѣздили съ визитами всѣхъ тузовъ села У., и даже ѣздили къ одному изъ враждовавшихъ съ о. Василіемъ поповъ (неизвѣстно для чего!), и послѣ того, какъ вся родня разъѣхалась къ своимъ пенатамъ, въ ночь съ 15 на 16 ноября, мы съ Ларой сѣли въ возокъ и покинули У.

Проводы со стороны родителей Ларисссы были самыя сердечныя, и матушка, плача, крестила дочь и меня, благословляла и цѣловала насъ. Прощаясь съ нею, мнѣ было глубоко ее жаль, и я горячо цѣловалъ ея руки, съ лаской и любовью меня крестившія.

Вотъ мы и за селомъ... Шелъ снѣжокъ, выравнивая намъ дорогу.

— Ну, поздравляю васъ со свободой!—обратился я къ Ларисссѣ, протягивая ей руку.—Она молча и крѣпко отвѣтила на мое рукопожатіе.

— Что же вы, довольны мной?—спросилъ я ее съ усмѣшкой.

— Да, да! глубоко благодарна!—горячо сказала она въ отвѣтъ.

Путь нашъ лежалъ черезъ г. Яр., гдѣ жилъ священникъ, женатый на одной изъ тетокъ Ларисссы, бывшій у насъ на свадьбѣ; мы обѣщали къ нимъ заѣхать на нѣсколько часовъ, пока подадутъ почтовыхъ лошадей, что и исполнили. Прогостивъ тутъ до вечера, мы ночью двинулись дальше. Помню, что гдѣ-то мы переѣзжали съ большой опаской по льду рѣку Вытегру. Доѣхали до Нижняго и здѣсь на лодкѣ переѣхали Волгу, по которой уже начался ледоходъ. Кольцо, взятое въ г. Н., такъ какъ черезъ него намъ не

пришлось ѣхать, Ларисса отдала Танѣ, которая и передала потомъ сестрѣ Р.

Въ концѣ ноября 1872 г. я привезъ свою фиктивную жену въ ту женскую коммуну, которая жила въ Басковомъ переулкѣ и «сдалъ» ее на руки Аннѣ Дмитріевнѣ. Надо сказать правду, что нѣкоторое время, какъ въ своемъ кружкѣ, такъ и среди знакомой и незнакомой мнѣ публики, я былъ героемъ дня. О моемъ фиктивѣ разсказывали, и съ моимъ именемъ сталъ соединяться извѣстный геройскій престижъ.

Въ это время у меня было двѣ важныхъ заботы,—одна личнаго, а другая общественнаго характера. Моя фиктивная жена совершила весьма основательную брешь въ моемъ сердцѣ. Но показать это ей было бы преступленіемъ. Какъ-нибудь, я долженъ былъ залатать эту брешь во что бы то ни стало. Въ этомъ могла помочь мнѣ моя общественная забота. Надо въ нее погрузиться, и никакія глупости не будутъ имѣть мѣста!

Не медля ни дня, я явился въ артель Шабунина и Абакумова, побывалъ и у Крылова и обѣщалъ имъ, что черезъ нѣсколько дней у желающихъ рабочихъ будутъ учителя и учительницы.

Я убѣдилъ женскую коммуну переѣхать на Выборгскую сторону въ д. Байкова, и каждой изъ жившихъ тамъ женщинъ, а также и нѣкоторымъ изъ товарищей, переѣхавшихъ туда же, я предложилъ учениковъ по 3—5 человѣкъ, такъ какъ учиться пожелало очень много рабочихъ.

Домъ Байкова былъ большой домъ, раздѣленный парадными сѣнями на двѣ половины. Въ одной половинѣ, состоявшей изъ 2-хъ большихъ комнатъ съ передней, поселились Стаховскій, Жуковъ, Шамаринъ, Красовскій и Леонидъ Поповъ, въ другой, состоявшей изъ 4 комнатъ (три поменьше, и одна — большое зало) помѣстились женщины,—Кувшинская, Кочурова, Рязанцева, Охременко, Куприянова и Ларисса. Изъ коммуны сюда не переѣхала только Палицына. Съ конца ноября и по февраль я руководилъ этимъ знакомствомъ съ рабочими. Тутъ шли занятія школьнаго характера: обученіе чтенію, письму, счету, сообщались знанія по географіи, физикѣ и исторіи; въ большомъ залѣ устраивались и лекціи. Такъ, здѣсь читалъ князь Крапоткинъ передъ собравшимися рабочими объ Интернаціоналѣ, Александра Корнилова—о нѣмецкихъ и австрійскихъ рабочихъ ферейнахъ, съ которыми они основательно познакомились во время своего пребыванія за границей, Клеменцъ читалъ изъ русской исторіи о народныхъ движеніяхъ. Довольно часто, послѣ школьныхъ занятій со своими отдѣльными учительницами и учителями, ученики рабочіе, по большей части взрослые парни, сходились въ этотъ большой залъ, гдѣ, угощаясь чайкомъ, вели разговоры и споры, или слушали чтеніе какой-нибудь интересной книги. Если я въ это время не пребывалъ въ какой-либо артели или не былъ занятъ по конспираторскому дѣлу у себя на квартирѣ (я жилъ отдѣльно въ одномъ домѣ съ Чарушинымъ, но въ разныхъ комнатахъ, тоже на Выборгской сторонѣ), то обыкновенно вслухъ

читалъ я. Въ февралѣ я уѣхалъ въ Тверь, (о чемъ я разсказалъ въ другомъ мѣстѣ,—въ воспоминаніяхъ своихъ о кружкѣ чайковцевъ)—и попалъ въ народные учителя въ село Губинъ-Уголъ Тверской губ. Корчевскаго уѣзда, близъ знаменитаго сапожнаго села Кимры.

С. Синегубъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Эпизодъ

изъ жизни въ Шлиссельбургской крѣпости.

Въ третьей книгѣ «Былого» В. Н. Фигнеръ въ воспоминаніяхъ о Л. Ал. Волкенштейнѣ между прочимъ пишетъ обо мнѣ: «онъ былъ избитъ въ присутствіи коменданта Покрошинскаго, впослѣдствіи отрицавшаго этотъ фактъ».

Я думаю, интересно дополнить это сообщеніе нѣкоторыми подробностями и изложеніемъ обстоятельствъ, при которыхъ полковникъ Покрошинскій отвергнулъ фактъ нанесенія мнѣ при немъ побоевъ.

Былъ осенній день, около 3—4 часовъ послѣ обѣда. Книгъ въ это время мнѣ еще не давали. Желѣзная кровать на день складывалась и замыкалась на скобу. Ни въ какомъ положеніи днемъ не позволяли дремать.

Въ этотъ день мнѣ что-то было грустно. Точно не помню, по какому поводу я былъ не въ духѣ; кажется, меня обидѣлъ сосѣдъ или я его обидѣлъ (конечно стукомъ въ стѣну)—положительно не могу вспомнить изъ-за чего. Я, сидя на табуреткѣ, наклонился головой къ столу вплотную на руки и... хотѣлъ забыться и заснуть...

Жандармъ стукнулъ въ двери, чтобъ не дать мнѣ задремать на стулѣ. Я поднялъ голову и легъ на другое ухо. Жандармъ повторилъ стукъ и, видя, что я не обращаю на него вниманія, сталъ стучать непрерывно.

— Когда такъ,—подумалъ я,—такъ вотъ же вамъ!

Я разсердился и запѣлъ громко извѣстную малороссійскую пѣсню: «Ще не вмерла Украины и слава и доля! Ще намъ, братцы-молодцы усмихнется воля!» Съ припѣвомъ: «Душу тило мы положимъ за свою свободу» и т. д.

Поднялась въ корридорѣ бѣготня жандармовъ...

На куплетѣ «Стинутъ наши вороги, якъ роса на солнци, запануемъ, братцы, мы на своей сторонци»—дверь открылась. Я замолкъ. Вошло нѣсколько жандармовъ, двое взяли меня подъ руки. Я не сопротивлялся, тѣмъ не менѣе меня поташили, а когда вывели изъ тюрьмы, то человѣкъ восемь жандармовъ стали наносить мнѣ удары кулаками по головѣ, спинѣ и, забѣгая впередъ, даже по лицу и груди.

Я не сердился. Меня, какъ будто даже забавляло это подскакиваніе ко мнѣ солдатъ. Въ монотонной крѣпостной жизни это было развлеченіемъ по пословицѣ «хоть и гирше, да иншe». Объ оскорбительности побоевъ я даже не подумалъ. Я не сердился еще потому, что мнѣ казалось, что жандармы наносятъ побои, какъ будто исполняя какую-то формальность по службѣ. Теперь я почти убѣжденъ, что били они, чтобъ показать свое усердіе передъ начальствомъ.

Такъ какъ меня со всѣхъ сторонъ толкали, то я подвигался очень медленно. Я не сопротивлялся и молчалъ, сказалъ только: «Бейте, бейте!—такъ били и Христа». Таково было мое настроеніе.

И въ это время я случайно оглянулся назадъ. Я былъ недалеко отъ крыльца и увидѣлъ на крыльцѣ полковника Покрошинскаго и около крыльца капитана Соколова (Ирода). Полковникъ смотрѣлъ на нашу группу. Позже я слышалъ его шаги въ старой тюрьмѣ.

Когда шествіе, наконецъ, приблизилось къ «сараю» (старой тюрьмѣ) оттуда вышли еще два жандарма и ткнули мнѣ въ грудь свои кулаки.

Меня привели въ камеру № 10, гдѣ, связаннаго по рукамъ и по ногамъ въ сумасшедшую рубаху, оставили на асфальтовомъ полу. Часовъ въ 11 ночи меня развязали и перевели въ камеру № 1, гдѣ я могъ улечься на кровати.

Здѣсь я просидѣлъ до весны, когда былъ переведенъ въ новую тюрьму вмѣстѣ со всѣми сидѣвшими тамъ, кромѣ Грачевскаго, который сжегъ себя въ эту зиму.

Комендантъ каждый мѣсяцъ обходилъ наши камеры и спрашивалъ: «Какъ здоровье заключеннаго? Нѣтъ ли у заключеннаго какой-либо жалобы, заявленія?»

Когда полковникъ Покрошинскій въ первый разъ явился въ мою камеру послѣ побоевъ, я на обычные его вопросы замѣтилъ: «Мнѣ слѣдуетъ поблагодарить васъ, полковникъ, за то, что вы присутствовали, когда меня били, а то меня безъ васъ могли бы искалѣчить».

Комендантъ посмотрѣлъ недоумѣвающимъ взглядомъ на «Ирода». Тотъ пожалъ плечами, и оба смотрѣли на меня наглымъ взглядомъ лжецовъ.

Меня это взорвало.

— Вы лжете, вскричалъ я,—вы безсовѣстные люди!

И я рванулся къ нимъ, стоящимъ у дверей.

Жандармы, конечно, схватили меня за руки и удержали на мѣстѣ. Полковникъ поспѣшно вышелъ, за нимъ выскочили по зову «Ирода» жандармы.

Послѣ этой сцены полковникъ Покрошинскій болѣе года не заходилъ ко мнѣ въ камеру и посѣтилъ меня только незадолго до оставленія имъ должности коменданта крѣпости.

И. Манучаровъ.

Дѣло П. А. Мартьянова [1].

(По неизданнымъ источникамъ).

На совѣсти правительства Александра II есть много политическихъ преслѣдованій, вопіющихъ своимъ беззаконіемъ, какъ, напримѣръ, дѣло Чернышевскаго, но нѣтъ болѣе возмутительнаго, съ точки зрѣнія даже самаго умѣреннаго человѣка, чѣмъ дѣло Мартьянова.

Благодаря знакомству съ этимъ дѣломъ, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ, я имѣю возможность познакомить съ нимъ и читателей нашего журнала.

I.

Петръ Алексѣевичъ Мартьяновъ родился въ 1835 г. въ селѣ Промзинѣ, Алатырскаго уѣзда, Симбирской губерніи, принадлежавшемъ знатному вельможѣ, гр. А. Д. Гурьеву, весь свой досугъ употреблявшему на усовершенствованіе изобрѣтенной имъ «гурьевской каши»... Отецъ Мартьянова былъ крѣпостнымъ графа и много лѣтъ управлялъ Промзинымъ на правахъ бурмистра. Только благодаря «высокому» положенію своего отца, Мартьяновъ попалъ въ конторскую школу въ другомъ графскомъ имѣніи, с. Никитинѣ, Корсунскаго уѣзда, которую и кончилъ на одиннадцатомъ году. Затѣмъ мальчика пустили по судоходству, которымъ занималось все Промзино. Пройдя въ нѣсколько лѣтъ эту учебу, онъ былъ потомъ приставленъ къ хлѣбной торговлѣ... Сравнительный просторъ торговой жизни и вольнолюбивая атмосфера Волги въ связи съ личнымъ темпераментомъ, заронили въ юношу страстное стремленіе къ свободѣ... Онъ только и мечталъ о ней...

---

[1]) О замѣчательномъ и высокохарактерномъ для личности Александра II дѣлѣ П. А. Мартьянова въ русской „легальной“ литературѣ никакихъ свѣдѣній не появлялось. Въ № 96 „Сенатскихъ Вѣдомостей“ за 1863 г. былъ опубликованъ подъ дѣлу Мартьянова лишь приговоръ и ничего больше. (Перепечатанъ въ 1 томѣ сборниковъ Базилевскаго „Государственныя преступленія въ Россіи“ загр. изд. стр. 216—217, русское—стр. 120). Письмо Мартьянова къ Александру II было напечатано въ №№ 132 и 178 „Колокола“ (перепечатано въ сбор. Базилевскаго „Матеріяли для исторіи революціоннаго движенія въ 60-хъ годахъ“ загр. изд. стр. 76—88; русское—стр. 55—64).

Ред.

И вотъ, будучи какъ-то во время Восточной войны въ Петербургѣ по торговымъ дѣламъ своего владыки, Мартьяновъ рѣшилъ попытать счастья... Но смѣлости не хватало заговорить сразу о полной свободѣ, и потому молодой парень рѣшился начать дѣло исподволь. Сначала онъ просилъ графа разрѣшить ему жить въ Петербургѣ... Разрѣшеніе было получено... Ежегодно Мартьяновъ являлся къ своему владыкѣ и приносилъ мзду отъ трудовъ своихъ по хлѣбному экспорту. Затѣмъ отецъ внялъ просьбѣ сына и самъ попробовалъ заговорить съ графомъ о его свободѣ, но получилъ категорическій отказъ.

Въ свой пріѣздъ въ Петербургъ въ 1859 г. Мартьяновъ вдругъ получилъ экстренное извѣстіе о смерти отца. Онъ поспѣшилъ къ графу. Послѣдній, узнавъ объ его отъѣздѣ въ Промзино, поручилъ ему сдать имѣніе новому бурмистру, избранному по совѣту молодого Мартьянова. Провожая, его сіятельство изволило похлопать Мартьянова по плечу и сказать: «пріѣзжай, Богъ съ тобой, судьба твоя рѣшится»... Слова недостаточно внятныя, но понятнѣе и простаннѣе баре тогда не говорили съ «крѣпостными животными».

Мартьяновъ, однако, понялъ это, какъ залогъ будущей своей свободы. Какъ только онъ сдалъ имѣніе новому старостѣ, такъ сейчасъ же поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы разгадать графскій ребусъ. Гурьевъ принялъ его, но о волѣ ни слова... Черезъ нѣсколько недѣль управляющій петербургскою конторою графа, Михайловскій, вдругъ спросилъ Мартьянова, сколько бы онъ предложилъ барину за свой выкупъ?.. Обыкновенная цѣна въ тогдашнее время по ихъ мѣстамъ была 500—600 рублей, но Мартьяновъ сказалъ, что готовъ предложить за мать и себя (только ихъ и было) 1500 руб. серебромъ...

Гурьевъ изволилъ очень разгнѣваться и заявилъ черезъ управляющаго, что меньше 10,000 рублей не возьметъ ни копейки.

Нечего было дѣлать—пришлось уѣхать домой... Тамъ Мартьяновъ разсчитывалъ сколотить необходимую сумму самымъ энергичнымъ и упорнымъ трудомъ. Дѣла его пошли прекрасно; пять мельницъ размалывали скупленный имъ хлѣбъ, тридцать большихъ расшивъ готовились принять его и везти вверхъ по Волгѣ.

Но вотъ въ самый разгаръ торговыхъ операцій промзинскій управитель графа сообщилъ Мартьянову, что только что получилъ срочную эстафету отъ владыки, въ которой приказано сообщить ему: или немедленно 10,000 рублей выкупа, или будетъ плохо... Положеніе безвыходное: наличность Мартьянова была пока неизмѣримо меньше, ее вотъ-вотъ предстояло получить. Что было дѣлать?... А черезъ нѣсколько дней Мартьянову пишетъ уже и Михайловскій, чтобы онъ спѣшилъ продать двѣ-три расшивы, но скорѣе прислалъ деньги, иначе дѣло можетъ принять самый худой оборотъ... Но условія тогдашней торговли хлѣбомъ были таковы, что исполнить петербургскій совѣтъ совѣмъ не представлялось никакой возможности. Мартьяновъ пишетъ Михайловскому, проситъ обо-

ждать до начала лѣта, когда, получивъ въ Рыбинскѣ деньги, онъ прямо отправился бы въ столицу и представилъ выкупъ.

А молва бѣжала... Быстро распространились слухи, что графъ требуетъ денегъ, что ихъ нѣтъ... Кредитъ былъ подорванъ...

Но такъ или иначе, а Мартьянову удалось нагрузить весной 60,000 кулей хлѣба, отправить караванъ по Сурѣ, проводить его вверхъ по Волгѣ до Нижняго и поѣхать въ Петербургъ. Михайловскій доложилъ графу о пріѣздѣ Мартьянова, но его не приняли и приказали ждать.

Время шло. Напрасно Мартьяновъ увѣрялъ Михайловскаго, что еще немного—и дѣла его въ Рыбинскѣ лопнутъ, благодаря отсутствію, что поставка его казенная, обусловленная громадной неустойкой. Ничего не помогало. Гурьеву было некогда поговорить со своимъ крѣпостнымъ, онъ былъ занятъ церемоніей открытія только что законченнаго Исаакіевскаго собора.

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ, въ началѣ іюня, Михайловскій сказалъ Мартьянову, что онъ можетъ заплатить деньги, взялъ съ него 6000 наличными и заемное письмо на 2000 р. и выдалъ отпускную... На прощанье графъ принялъ Мартьянова и былъ съ нимъ очень любезенъ.

Прискакавъ въ Рыбинскъ, Мартьяновъ увидѣлъ, что положеніе его дѣлъ уже непоправимо: кредитъ потерянъ совершенно, и весь хлѣбъ былъ поразобранъ кредиторами.

Въ отчаяніи онъ попробовалъ послѣднее средство: пользуясь полученной свободой, внесъ повинности по первой гильдіи купечества, но кредита, все-таки, не возстановилъ и разорился совершенно... Вскорѣ ему нашлось мѣсто у извѣстнаго откупщика Кокорева, а потомъ у Новосельскаго. Еще немного спустя Мартьяновъ поступилъ въ пароходное общество «Кавказъ и Меркурій», но вскорѣ былъ оттуда уволенъ по интригѣ одного изъ своихъ кредиторовъ.

Въ результатѣ—исключеніе изъ купеческаго сословія въ мѣщанское...

II.

Наступилъ 1861 годъ, годъ особеннаго расцвѣта «Колокола», когда изданіе Герцена почти открыто ходило по рукамъ въ самыхъ различныхъ темныхъ углахъ Россіи. Внимательно читалъ его Мартьяновъ и... и пришелъ къ заключенію, что, повидимому, на Руси правды не сыскать, что съ владыки, бывшаго барина, убытки судомъ не взыскать. Долго сверлила голову эта мысль и, наконецъ, Мартьяновъ рѣшается ѣхать въ Лондонъ, чтобы оттуда требовать съ Гурьева всѣ свои убытки.

Съ 400 рублями, занятыми у кого-то случайно, онъ выѣзжаетъ въ августѣ въ Лондонъ, взявъ заграничный паспортъ въ іюлѣ.

Какъ только онъ очутился на территоріи государства, гдѣ былъ гарантированъ во всѣхъ своихъ человѣческихъ правахъ, такъ сейчасъ же пишетъ Гурьеву вполнѣ вѣжливое и ясное письмо, въ которомъ проситъ вознаградить его за все потерянное, исключительно

благодаря графу. Отвѣта, разумѣется, не послѣдовало. Мартьяновъ пишетъ вторично и предупреждаетъ, что, въ случаѣ и дальнѣйшаго молчанія, онъ приметъ мѣры, не совсѣмъ для графа пріятныя... Отвѣта и на этотъ разъ не было.

Тогда наивный и все еще вѣрившій въ возможность найти правду черезъ престолъ Мартьяновъ пользуется пребываніемъ въ Англіи великаго князя Константина Николаевича и обращается къ нему съ письменнымъ прошеніемъ. Секретарь его высочества сообщилъ Мартьянову, что ему слѣдуетъ обратиться непосредственно въ русскій судъ черезъ генеральнаго консула въ Лондонѣ.

Не слѣдуя этому совѣту, Мартьяновъ пишетъ тогда прошеніе «самой государинѣ Маріи Александровнѣ» и получаетъ отвѣтъ, что прошеніе его передано шефу жандармовъ. При этомъ было прибавлено, что Гурьева въ Россіи нѣтъ, онъ—въ Теплицѣ.

Надежда крѣпнетъ. Мартьяновъ благодаритъ секретаря государини и пишетъ, что, въ случаѣ отказа Гурьева вернуть деньги, готовъ вернуться въ Россію на счетъ виновнаго, такъ какъ у него нѣтъ своихъ денегъ, и подвергнуться суду. При этомъ онъ прибавилъ, что, если просьба его окажется справедливою, то онъ будетъ взыскивать съ графа уже всѣ свои убытки (около 100,000 рублей), а если—несправедливою, то онъ обязуется всѣ израсходованныя на дорогу и на прожитье по дѣлу деньги заработать потомъ въ рабочемъ домѣ и подвергнуться, какъ клеветникъ, ссылкѣ въ каторжную работу на всю жизнь.

Долгорукову же Мартьяновъ сообщилъ, что рѣшился добиться полнаго правосудія, «если только есть правосудіе въ Россіи»...

Шефъ жандармовъ, разумѣется, не счелъ долгомъ что-либо написать просителю. Послѣдній вторично обратился къ государинѣ... Черезъ нѣкоторое время Долгоруковъ сообщилъ ему черезъ лондонскаго консула, избѣгая письменнаго отвѣта, что предметъ его просьбы не входитъ въ кругъ его вѣдомства.

Мартьянову стало совершенно ясно, что правды въ Россіи не сыскать и черезъ престолъ... Тяжело было это сознаніе, но его приходилось принять,какъ неопровержимый фактъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ и не имѣя никакихъ рекомендательныхъ писемъ, Мартьяновъ позаботился обезпечить свое тамъ пребываніе какимъ-нибудь заработкомъ. Для этой цѣли онъ сейчасъ же отправился въ книжный магазинъ Трюбнера, торговавшаго всѣми герценовскими изданіями. Не найдя тамъ никого, говорящаго по-русски, онъ узналъ все-таки городской адресъ Герцена и написалъ ему сейчасъ же письмо, въ которомъ сообщилъ, что пріѣхалъ въ Лондонъ почти безъ всякихъ средствъ и знакомствъ и просилъ указать хоть какое-нибудь дѣло. Но Герценъ былъ въ это время внѣ города, и письмо лежало, пока его не переслали по другому адресу. Со свойственной отзывчивостью Герценъ поспѣшилъ отвѣтить, что вернется не скоро и совѣтовалъ обратиться къ Огареву. Почему-то Мартьяновъ не послѣдовалъ этому совѣту и рѣшился дождаться пріѣзда самого Александра Ивановича.

29-октября, вернувшись въ Лондонъ, Герценъ писалъ Мартьянову:

«Милостивый Государь,

Вы меня застанете дома завтра около 3-хъ часовъ (въ среду) или въ воскресенье въ 2 часа — въ обоихъ случаяхъ я буду очень радъ васъ видѣть у себя.

«Съ истиннымъ почтеніемъ А. Герценъ.»

Мартьяновъ поспѣшилъ увидѣться со знаменитымъ эмигрантомъ.

Оказалось, что никакихъ практическихъ связей у него въ Лондонѣ не было. Можетъ быть, Герценъ и имѣлъ ихъ, но изъ осторожности не назвалъ, не зная еще, съ кѣмъ имѣетъ дѣло: вѣдь около него вертѣлось довольно русскихъ агентовъ...

Тогда Мартьяновъ рѣшился заняться русской исторіей и такимъ путемъ заработать хоть немного для скромной жизни во время своего процесса, въ который онъ тогда еще вѣрилъ.

Герценъ помогалъ ему въ этихъ занятіяхъ, и въ скоромъ времени они сблизились, особенно съ сыномъ Александра Ивановича. Въ короткое время упорнымъ трудомъ Мартьяновъ пріобрѣлъ массу знаній и вотъ, отчаявшись уже въ своемъ личномъ дѣлѣ, этотъ человѣкъ рѣшается выступить ходатаемъ уже за цѣлую страдавшую Россію... Ему приходитъ въ голову мысль обратиться къ государю съ пространнымъ письмомъ съ изложеніемъ всѣхъ основныхъ нуждъ горячо любимаго отечества. Мысль эта стояла неотвязно, и Мартьяновъ не медлилъ ея осуществленіемъ.

15 апрѣля онъ пишетъ Александру II свое, ставшее роковымъ письмо.

Привожу его съ подлинника, имѣющагося въ сенатскомъ дѣлѣ [1]).

III.

«Государь! Мы ждемъ отъ Васъ великихъ мѣръ въ годовщину тысячелѣтія Россіи [2]),—мы ждемъ рѣшительнаго признанія правъ земства въ отношеніяхъ его къ государству, мы ждемъ осужденія недостойнаго предразсудка о незрѣлости крестьянъ для участія въ дѣлахъ общественныхъ, ждемъ возвращенія имъ права выборовъ безъ всякаго ограниченія, ждемъ созванія Великой Земской Думы для обсужденія и рѣшенія дѣлъ народныхъ, ждемъ поворота внѣшней политики Вашего правительства съ позорной колеи священнаго союза 1815 года.

«Исторія неумолима, Государь! исторія безпристрастна; цари въ Россіи не завоеватели, и самодержавны они не по праву оружія, народъ же имъ самодержавія не давалъ, стало—сами взяли. У Васъ завидная возможность искупить грѣхъ предшественниковъ Вашихъ,—

[1]) Въ „Колоколѣ" оно напечатано съ довольно значительными отступленіями.

[2]) Оно праздновалось 8 сентября 1862 года.

отдать народу долгъ за нихъ и не быть Самому должникомъ его. Мы конституціи дворянской не хотимъ, конституціи лично-земле-владѣльческой—тоже, мы хотимъ монархіи народной, рука объ руку союзной съ земствомъ, представляющей земство. Мы хотимъ, чтобы земство было постоянно при царѣ въ лицѣ лучшихъ членовъ его по выбору всей земли. Не думайте, Государь, что народъ русскій не готовъ еще къ принятію правъ своихъ и обязанностей, не думайте, что не поймутъ онъ ихъ и не сдѣлаетъ хорошихъ выборовъ. По праву крови, текущей въ жилахъ моихъ, по праву знанія, пріобрѣтеннаго жизнью въ народѣ, я свидѣтельствую и говорю за народъ: онъ выберетъ представителей своихъ лучше всѣхъ другихъ сословій.

«Но слова безъ доказательствъ ничего не значатъ, на слово вѣрить никому не обязаны. Доказательства вотъ: пусть, Государь, укажутъ Вамъ другую страну, въ которой было бы больше мѣстныхъ, областныхъ святыхъ заступниковъ и ходатаевъ за народъ передъ Богомъ—это наши выборные, нашъ парламентъ, за неимѣніемъ выхода въ дѣйствительности. Далѣе, пусть укажутъ, гдѣ было бы столько популярныхъ людей въ каждой мѣстности отдѣльно. Въ деревнѣ свой человѣкъ, въ селѣ свой, въ уѣздномъ городѣ человѣкъ народный извѣстенъ всему уѣзду, въ губернскомъ — всей губерніи. Есть люди, которыхъ знаетъ народъ отъ края и до края всего Царства Русскаго, которые заживо дѣлаются миѳами, кумирами, идолами для народа. Не будь Никоновской реформы церковной и Петра Великаго—гражданской, и теперь народъ признавалъ бы вновь усопшихъ заступниковъ и угодниковъ, и прославлялъ бы память ихъ. А люди живые, люди народа выражаютъ народъ, они его представители въ жизни общественной, они же будутъ его представителями, его выборными и въ совѣтахъ всей земли, въ Великой Земской Думѣ. Могутъ ли быть ими по своимъ знаніямъ, своему пониманію обязанностей представителя, — вопросъ излишній. Народъ знаетъ, кого знаетъ, и они знаютъ, за что народъ ихъ знаетъ. Это главное. Остальное, знаніе внѣшнихъ условій, знакомство съ общими политическими отношеніями, значеніемъ и интересами народа дома и за границей пріобрѣтутся опытомъ и сознаніемъ своего новаго положенія, своего великаго призванія и отвѣтственности. Да объ этомъ и говорить нечего. Отрицать подобную разумность людей, ставшихъ народными и уже тѣмъ какъ будто предызбранными, значило бы должно и бездоказательно оскорблять въ лицѣ ихъ весь народъ нашъ и, въ сущности, указывать только на ту оторванность, которая цѣлой бездной незнанія и непониманія другъ другомъ раздѣляетъ съ народомъ самого такого отрицателя, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ нашелся. Неужели народъ не равняется больше умомъ съ предками, представители которыхъ собирались при Іоаннѣ Грозномъ на одной изъ Земскихъ Думъ разсуждать, продолжать войну или нѣтъ; и обсудивъ внѣшнія политическія отношенія, внутренніе силы, выгоды и невыгоды, рѣшили продолжать. Пропуская всѣ другія Думы, я спросилъ бы

такого отрицателя, неужели народъ русскій выродился, измельчалъ и не можетъ болѣе достойно представить себя въ совѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ, сознавъ необходимость борьбы народной, выдвинулъ Кузьму Минина, приласкалъ князя Пожарскаго и, управившись съ врагами внѣшними, порѣшилъ дѣла домашнія всѣмъ міромъ? Нѣтъ, народъ нашъ слишкомъ добръ — до христіанскаго отреченія отъ личнаго блага въ пользу общую, и терпѣливъ, и только. А когда приходитъ время постоять за дѣло общее, народъ является красой-богатыремъ русскимъ во всеоружіи разума и силы.

«Теперь—процессъ выборовъ. Каждая община (я говорю о главныхъ выборахъ, т.-е. въ Земскую Думу) выбираетъ извѣстное число старшинъ-избирателей, тѣхъ, которымъ народъ вѣритъ, кого дома знаетъ, кого любитъ. Эти старшины собираются для предварительныхъ совѣщаній въ волости и затѣмъ, съѣзжаясь въ мѣстный областной городъ, избираютъ кандидатовъ по три человѣка на каждаго представителя. Возвращаются домой, сообщаютъ народу имена кандидатовъ; народъ поголовно избираетъ любого изъ нихъ. Но, чтобы всякій поводъ, всякая возможность недоразумѣнія, недобросовѣстности, происковъ были устранены, между выборами старшинами-избирателями кандидатовъ, послѣ объявленія именъ послѣднихъ народу, и окончательнымъ избраніемъ народомъ депутатовъ изъ числа объявленныхъ ему кандидатовъ изустно, чтобъ было дано время и устроена возможность областной сходки въ областномъ городѣ для всего народа, кто захочетъ быть тамъ. На этой сходкѣ народъ можетъ заявить рѣшительное неудовольствіе на выборъ кандидатовъ и заставить старшинъ избрать еще разъ другихъ, если изъ прежнихъ народу ни одинъ не нравится. На дѣлѣ такихъ явленій переизбранія будетъ мало, но самое право протеста со стороны народа послужитъ побудительной причиной для старшинъ въ выборѣ кандидатовъ руководиться заранѣе извѣстной имъ самостоятельной волей народа. Процессъ простъ, а между тѣмъ, тутъ нѣтъ никакой возможности чего-нибудь, подобнаго подкупамъ и тѣмъ незаконнымъ вліяніямъ, которыя мы видимъ въ парламентскихъ системахъ другихъ странъ. Онъ соотвѣтствуетъ духу народа, какъ продуктъ его жизни, его понятій. Представители избираются безъ различія ихъ занятій, (кромѣ, разумѣется, запрещенныхъ), состоянія, общественнаго положенія (кромѣ осужденныхъ и судимыхъ) и національности. Для вступленія въ званіе представителя нужно одно условіе: кого народъ захочетъ. Вознагражденіе назначается изъ общихъ доходовъ, срокъ служенія отъ 3 до 5 лѣтъ. Засѣданія Земской Думы постоянныя, за исключеніемъ трехъ-четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, необходимыхъ представителямъ для непосредственнаго сношенія съ народомъ и ознакомленія съ его текущими насущными потребностями, съ его мѣстными, областными, бытовыми интересами, съ его мнѣніями; для передачи ему собственныхъ свѣдѣній, видовъ и убѣжденій, вынесенныхъ изъ общаго собранія представителей и, вообще, для отданія отчета народу на областныхъ сходкахъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Я ни слова не говорю о

правахъ и обязанностяхъ Земской Думы вообще, здѣсь рѣчь идетъ только о процессѣ выборовъ и о нѣкоторыхъ общихъ чертахъ сношеній и отношеній выборныхъ къ избирателямъ. Число представителей относительно соображается съ общими правилами, принятыми исключительно въ этомъ отношеніи въ другихъ парламентскихъ странахъ.

«Изложивъ соображенія по вопросу о главныхъ выборахъ, второстепенныя обхожу; духъ ихъ одинъ, и они похожи на первые, только съ уменьшеніемъ обширности, проще.

«Лучше всѣхъ другихъ сословій, я сказалъ выше.

«Да и сословій-то другихъ, розни въ самомъ себѣ, народъ не хочетъ больше. Отреченіе русскаго дворянства отъ сословныхъ правъ своихъ и привилегій, выраженное тверскими членами въ постановленіи дворянскаго собранія и въ поднесенномъ Вашему Величеству адресѣ—мы признаемъ совершившимся фактомъ. Съ самаго начала крестьянскаго освобожденія, предпринятаго лично Вами, всѣ симпатіи наши и любовь стремились къ Вамъ; въ такой же мѣрѣ мы враждебно относились къ дворянству, видя въ немъ противниковъ освобожденія и сторонниковъ началъ неравноправія, сословности и привилегій. Но съ той поры, какъ бывшее дворянство наше само уничтожило сословность свою, мы отъ всей души и всего сердца нашего готовы подать ему руку въ лицѣ тѣхъ членовъ его, гражданская доблесть которыхъ высоко возведетъ въ исторіи духъ бывшаго дворянства русскаго, добровольно, искренно и самоотверженно отказавшагося все-таки отъ правъ, долго, по распоряженію государства, принадлежавшихъ ему, и привлечетъ къ нимъ всѣ благородныя сердца въ Россіи, точно такъ же, какъ привлекли Вы ихъ началомъ крестьянскаго освобожденія. Мы каемся, мы винимся, мы признаемся всенародно,—мы не ожидали, что дворянство наше рѣшится на такой гражданскій подвигъ; надѣяться не смѣли, тѣмъ болѣе, тѣмъ искреннѣе отъ всѣхъ чувствъ нашихъ спѣшимъ поздравить его и засвидѣтельствовать, что подвигъ бывшаго дворянства нашего мы признаемъ безсмертнымъ!

«Такъ называемое высшее сословіе съ его подраздѣленіями во всякой странѣ представляетъ и олицетворяетъ собою государство, стремящееся господствовать надъ народомъ. По законамъ соціальнымъ и политико-экономическимъ, интересы двухъ сосѣднихъ и несосѣднихъ осѣдлыхъ *народовъ* столкнуться между собою не могутъ, а, напротивъ, интересы и потребности одного обусловливаются, дополняются, сохраняются и удовлетворяются интересами и потребностями другого и такъ взаимно. Не то бываетъ съ *государствами*. Интересы государствъ, вслѣдствіе ненормальнаго ихъ отношенія къ народамъ, между собою сталкиваются, борятся,—возникаютъ государственныя войны, несправедливо, но тѣмъ не менѣе, по необходимости, ложащіяся на народъ и гнетущія всею своею тяжестью на народъ. Наконецъ, одно государство слабѣетъ, уступаетъ и, если почему-нибудь невозможна мировая сдѣлка, подпадаетъ подъ господство другого, взявшаго верхъ государства, при чемъ послѣднее исключаетъ для побѣжденнаго исключительное государствованіе надъ страной, т. е. право высшаго сословія эксплоатировать и вообще угнетать сословія низшія, присваивая преемственно, по праву силы и побѣды, значительную долю этого права себѣ. Точно такое столкновеніе произошло между государствами русскимъ и польскимъ. Государство русское одолѣло, польское подпало подъ владычество русскаго.

«Русское государство не имѣетъ довѣрія къ польскому и должно постоянно употреблять насиліе противъ всегдашней вѣроятности возстанія. Польское государство, естественно, сохраняетъ чувство непримиримой вражды къ русскому и, только покоряясь силѣ, терпитъ его преобладаніе. А народу, непричастному враждѣ государствъ, грозитъ постоянная опасность въ чужомъ пиру похмѣлья, своею кровью и головами принимая главное участіе въ борьбѣ, успѣхъ и неудачѣ равно для него вредной, противозаконной, противоестественной, противородственной и противородовой. А пока нѣтъ борьбы, для постоянной къ ней готовности государства, народъ несетъ тяготу поставкой рекрутъ на усиленіе армій, увеличеніемъ податей на содержаніе ихъ, трудится, забивается, мучается. Народъ порабощеннаго государства польскаго несетъ всѣ тягости въ такой же степени съ усиленной только горечью, что сыны его идутъ подъ знамена чуждыя, что кровными деньгами, зарабатываемыми по копѣйкамъ съ язвами и потомъ, онъ удовлетворяетъ не только пановъ польскихъ, но и чиновниковъ-москалей, и казну государства московскаго. Итакъ, отношенія запутаны, натянуты, неестественны...

«Гдѣ же выходъ? Мы слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ польскихъ братьяхъ соплеменникахъ, мы слишкомъ хорошо знаемъ въ нихъ родныхъ намъ славянъ съ общимъ духомъ всего славянскаго міра, кровь, ширину натуры, свойственную всѣмъ славянамъ вообще; мы слишкомъ хорошо чувствуемъ, что въ великихъ бытовыхъ вопросахъ, рѣшающихъ быть или не быть единому нераздѣльному, свободному славянскому народу, сердце ихъ бьется въ одинъ тактъ съ сердцемъ нашимъ и всѣхъ славянъ,—чтобъ сомнѣваться, что польскіе благородные паны, шляхта и вся аристократія на минуту задумаются надъ великимъ актомъ самоуничтоженія, надъ отреченіемъ отъ сословныхъ правъ и привилегій, надъ признаніемъ равенства правъ всего народа, и хлоповъ — собственниками земли. Тѣмъ болѣе чести, тѣмъ болѣе славы за подвигъ ихъ, чѣмъ старѣе, чѣмъ блестящѣе исторія и воспоминанія дворянства польскаго, воспоминанія, которыя не изгладятся, но укрѣпятся и глубже втиснутся въ памяти народной, сословной жертвой ихъ ходу судебъ человѣчества, справедливости и ихъ собственному пониманію правъ народныхъ и логически слѣдующему изъ того на права *человѣка* воззрѣнію. Мы думаемъ, мы надѣемся, что благородное польское дворянство произнесетъ рѣшеніе, какъ бывшее дворянство русское, и сольется съ народомъ своимъ, со всѣмъ хлопствомъ безсословно и безразлично; мы увѣрены, что оно убѣ-

дится, что другого выхода, кромѣ взаимнаго самоуничтоженія государствъ русскаго и польскаго и признанія на мѣсто ихъ единаго безсословнаго народнаго царства славянскаго на федеративныхъ началахъ отношеній областей — нѣтъ. Неужели же освободитель крестьянства явится защитникомъ сословной розни, вопреки волѣ даже того сословія, котораго отжившія, недостойныя взрослаго человѣчества привилегіи онъ сталъ бы сохранять. Мы этому не вѣримъ, мы не хотимъ вѣрить этому: это противно чувству, оскорбляетъ разумъ; мы думаемъ, мы увѣрены, убѣждены, что Александръ II видитъ перстъ Божій, призывающій Его; что не противодѣйствовать, а содѣйствовать станетъ Онъ мирному слiянію, насильственно или случайно, во всякомъ случаѣ противоестественно, разорваннаго на сословія народа въ одно цѣлое, общее, нераздѣльное. Вѣка пройдутъ, а на землѣ другого случая не будетъ сдѣлать столько, даже борьбой и подвигами цѣлой жизни, добра ближнимъ, сколько можете сдѣлать Вы, Государь, однимъ почеркомъ пера. Да и мало можете, Вы должны это сдѣлать, Вы обязаны предъ лицомъ Бога и человѣчества, если не хотите отвѣчать передъ ними и передъ потомствомъ. Да снидетъ же на Васъ благодать Бога Вышняго, да благословитъ Онъ Васъ за все доброе и поможетъ въ дѣлахъ ко благу народному! Мы Васъ любимъ, Государь! очень любимъ. Подумайте же, каково намъ было бы вырвать любовь эту съ кровью изъ сердца во имя разума и правды.

«...Обстановка Ваша народу не нравится, Государь! Илья Муромецъ встаетъ на ноги, и время Харлафовъ и Фальстафовъ прошло безвозвратно! Взятки сладострастныхъ рыцарей позорятъ вѣкъ Вашъ, раздача мѣстъ служебныхъ въ имперiи любовницами ихъ — оскорбляетъ общество. Откупъ съ таксой и безъ таксы, съ торгами и переторжками, и безъ торговъ и безъ переторжекъ, съ платой впередъ и съ ежегодными взносами платежей за должности отъ 50 до — 100 — 200 — 500 — 1000, 2—3—4—5 тысячъ и т. д., и т. д., откупъ съ главными конторами его въ Петербургѣ и съ агентствами въ городахъ, приводитъ народъ въ ужасъ и изумленіе и заставляетъ его видѣть въ чиновникахъ правительства грабителей и служителей тьмы, проклятыхъ и въ сей жизни, и въ будущей и на самомъ правительствѣ—печать антихриста и сатаны. Царь отдѣленъ, понятіе о немъ отвлеченно. Всѣ эти люди, окружающіе Васъ, неужели, наконецъ, выведутъ народъ изъ терпѣнія, сдѣлаютъ его неблагодарнымъ и подернутъ личность Вашу грустнымъ флеромъ для исторіи! Неужели система государственнаго управленія, допускающая возможность подобныхъ несообразностей и личностей, будетъ самими Вами дольше и дольше терпима и сохраняема...

«Искра производитъ пожаръ, а при порохѣ—взрывы. Въ чьемъ умѣ родилась мысль разогнать студентовъ изъ университетовъ возмутительнымъ требованіемъ денегъ за науку и съ тѣхъ, у кого нѣтъ ихъ ни копейки, чьи отцы съ горемъ и нуждой честно жили въ обществѣ, не грабили денегъ для обезпеченія семьи своей, и вдовы ихъ, перебиваясь со дня на день, обливая слезами всякую

корку хлѣба, которой онѣ сыты, съ утра до вечера жили одной надеждой увидѣть, наконецъ, сына, кончившаго курсъ въ университетѣ и имѣющаго какую-нибудь возможность улучшить сколько-нибудь горькій бытъ ихъ подъ старость. И вдругъ Ваши старцы, владѣющіе маіоратами, утопившіе душу и сердце въ чернильницѣ, гонятъ дѣтей съ приговоромъ смерти — съ горя—матери, нищеты и загубленной, разорванной жизни—сыну за то, что отцы ихъ, ихъ мужья не грабили народа русскаго, не запасались благопріобрѣтеннымъ, не имѣли капиталовъ въ банкахъ, ни пенсіи, ни протекцiи. Боже мой, Боже мой! Чернѣе пятна на всемъ царствованіи Вашемъ быть не можетъ. Наказаны ли скареды ума и духа, опозорившіе Васъ, вооружившіе противъ Васъ все образованное общество, или Вы ждете, Государь, когда народъ потребуетъ ихъ у Васъ, какъ у царя Алексѣя тѣхъ беззаконниковъ, которыхъ съ проклятіями и неистовствомъ на части изорвалъ на площадяхъ московскихъ! Съ науки берутъ деньги; въ университетѣ, какъ въ питейномъ откупѣ, считаютъ выручку. Да, гдѣ Вы, Государь! Куда Вы зашли! Оглянитесь ради Бога и святыхъ силъ Его.

«...Правительство, говорятъ, хочетъ принять проектъ выкупа земли въ собственность государственными крестьянами. Въ Америкѣ система продажи государственныхъ земель, можетъ быть, очень хороша, только надо помнить, что правительство Соединенныхъ Штатовъ открывало и занимало, открываетъ и занимаетъ, покупало и покупаетъ земли ненаселенныя или оставляемыя туземцами: правительство поступаетъ справедливо, продавая такія земли переселенцамъ. А у насъ, въ Россіи, народъ владѣетъ землей изстари, съ незапамятныхъ временъ, онъ заклядъ и населилъ ее задолго до того, какъ создалъ себѣ правительство. Земля составляетъ, и въ сущности, и по понятіямъ народа, его неотъемлемую, неотчуждаемую, не имѣющую въ отношеніи къ общинамъ владѣющихъ ею семей и деревень, поселенныхъ на ней, никакой продажной цѣнности, наслѣдственную собственность. Такъ какъ же правительство будетъ продавать народу его же народную, непродажную землю? Въ этомъ смысла нѣтъ; а если есть, такъ очень плохой. Это будетъ похоже на того господина въ «Венецiанскомъ купцѣ», который добивался вырѣзать кусокъ мяса изъ тѣла живого человѣка, только здѣсь не за долгъ будетъ вырѣзано мясо, а просто съ цѣлью взять деньги за операцію вырѣзки и приращенія вырѣзаннаго куска къ больному мѣсту. Народъ представитъ проще: въ его глазахъ это будетъ все равно, что вытащить у человѣка рукавицы изъ-за пазухи и отдать ихъ за деньги тому же, кому принадлежатъ. Если слухъ о продажѣ земли государственнымъ крестьянамъ справедливъ, то, если-бъ я не боялся быть невѣжливымъ, не зная притомъ, къ кому лично относятся мои слова, я сказалъ бы, что можно подумать, что составители проекта—чужеземцы, или русскіе, забывшіе исторію въ бюро, и о народѣ и жизни его, объ отношеніяхъ его къ землѣ запомнившіе по разсказамъ наставника-француза. Да это сигналъ для всеобщаго возстанія.

«Вотъ оттого же, отъ ложнаго воззрѣнія правительства на отношенія его къ землѣ и народу, не идетъ, и, если не измѣнится воззрѣніе это, то и не пойдетъ и крестьянско-помѣщичье дѣло. Призовите «Землю» и сравняйте ее въ совѣтѣ съ государствомъ, иначе, слейте ихъ въ одно общее, сдѣлайтесь сами Земскимъ Государемъ, тогда въ одинъ годъ вопросъ крестьянскій разрѣшится, денегъ будетъ много, и всѣ финансовыя операціи обезпечены прочно.

«За что страдаютъ старообрядцы, за что отрываютъ ихъ отъ работы въ дорогое для крестьянина лѣтнее время и гоняютъ въ губернскіе города гуртомъ, сотнями человѣкъ, изъ-за сотни верстъ, разные взяточники въ образѣ полицейскихъ и поповъ, къ взяточникамъ консисторскаго и губернскаго грабленій? Къ чему народъ озлобляется безтолковыми и безсмысленными — осмысленными съ одной точки зрѣнія взяткобранія — разорительными мѣрами, притѣсненіями и истязаніями? Да такихъ беззаконій, насилій и губительствъ монголы не совершали надъ русскимъ народомъ, въ Турціи ничего подобнаго въ дѣлахъ вѣры не видимъ. Вы, говорятъ, не хотите гнать старообрядцевъ, да имъ-то развѣ легче отъ того? Развѣ Вы въ силахъ привести въ исполненіе волю свою, пока Вы не царь Земли Русской, а императоръ и самодержецъ; развѣ любой блюститель порядка, опираясь на законы императорскаго самодержавія, любой становой и исправникъ, стакнувшись съ попомъ и не стакнувшись, не могутъ усмотрѣть, что вотъ эти беззубыя старухи собираются на свои мирныя богомолья съ цѣлью составленія тайныхъ обществъ,[1] заговоровъ, съ возмутительными намѣреніями противъ правительства, распространенія вреднаго ученія неповиновенія властямъ? Ну, вотъ власти-то, какъ шайка разбойниковъ и нападаютъ на несчастныхъ и грабятъ, что попало подъ руку, и книги, и иконы въ дорогихъ окладахъ и безъ дорогихъ, и молитвенники, и лестовки, и свѣчи, и ладонъ, и масло, все въ квартиру станового да благочинному въ сундукъ. Мелочи? — да ихи жизнь народа отравляется! Нѣтъ! не мелочи, а крупныя и наглыя злодѣйства мелкой власти. Подъ чьимъ же, подъ какимъ высокимъ принципомъ та власть совершаетъ ихъ. На комъ лежитъ позоръ ея насилій, гдѣ власть другая, крупная, которая даетъ существованіе мелкой, наглой власти [1])! Власти, власти, не людей. Люди, представители ея, эти жалкіе становые, исправники, ни больше, ни меньше, какъ жертвы системы, несчастные мученики и невольники престу-

[1]) Я на себѣ испыталъ сладость самодержавнаго безправія и воззрѣнія государства на человѣка; я былъ крестьянинъ дѣйств. тайн. сов. графа Александра Турбева; графъ, находя, что лишить достаточно созрѣлъ и, подвергнутый рескриптомъ объ улучшеніи быта крестьянъ, отправилъ и до тла разорилъ меня іезуитски-изощренными мѣрами. Да объ этомъ послѣ, — я не хотѣлъ говорить, къ слову пришлось. Я потомъ объ этомъ, когда въ Россіи будетъ гласный судъ, а до той поры правосудіе у насъ представляется развѣ статуей на углу какого-нибудь памятника, да и то не мелочи—съ безмѣномъ. Грабитель засѣдаетъ въ государственномъ совѣтѣ, и „въ судахъ да царствуетъ правда"!...

Прим. Мартьянова.

пленій, втиснутые силой нужды и необходимостью дарить въ восходящихъ линіяхъ чиноначалія, въ душную атмосферу взяточничества, а тутъ жена, дѣти, семья, исключительность воспитанія, не допускающая другой дѣятельности, кромѣ службы. Мы людей не винимъ, система виновата, а не люди. Потому допросы, допросы на мѣстѣ, допросы въ уѣздномъ городѣ, допросы въ губернскомъ, насмѣшки, оскорбленія, истязанія, грабительства, побои... Боже мой! Боже мой! Да гдѣ мы, да что мы? Сонъ это бредимъ или живемъ!!! Государь! правительство хлопочетъ о привлеченіи американскихъ чеховъ на берега Амура, а не хочетъ или не можетъ прекратить гоненій, заставляющихъ народъ изстари бѣжать въ Турцію, бѣжать въ Австрію, бѣжать въ Пруссію, въ Польшу, пока была свободна, въ Швецію съ одной стороны, въ Персію—съ другой. Что же, въ самомъ дѣлѣ, старообрядцы-то враги что-ли какіе-нибудь или просто гадины, отверженныя Богомъ и человѣчествомъ? Чѣмъ они хуже магометанъ, евреевъ, буддистовъ, шамановъ, и другихъ, что не позволяютъ имъ жить, по крайней мѣрѣ, такъ же неприкосновенно въ дѣлѣ вѣры, какъ первымъ. Отчего въ другихъ странахъ Европы и въ Америкѣ религіозныя секты свободны, а у насъ нѣтъ? Вѣдь, не оттого же только, что тамъ нѣтъ Филаретовъ,—защитниковъ розогъ, плетей и кнута для народа, проповѣдниковъ и истолкователей христіанства въ пользу ссылокъ, каторжной работы, клейменія, рванья носовъ и пр. и пр. и тѣлеснаго наказанія всякаго свойства для христолюбиваго воинства. Да и кто даетъ возможность существованія у насъ такимъ Филаретамъ, кто обращается за совѣтами къ нимъ, кто первый слушатель и послѣдователь проповѣди ихъ и ихъ толкованій на скорбь и горе всего народа русскаго! Вѣдь есть же кто-нибудь? Въ судахъ нѣтъ правды, въ народѣ—денегъ, кредитъ уничтоженъ, уваженія къ церкви не существуетъ, свободы въ дѣлѣ вѣры нѣтъ, народъ въ недоумѣніи. Всѣ предтечи революціи налицо! Русской землѣ грозитъ волненіе, электричество рѣетъ въ воздухѣ, гроза собирается со всѣхъ сторонъ, у Васъ въ рукахъ снарядъ громоотвода. Проводники устроены ли въ почву—мы не видимъ! не видимъ! Противоестественная, варварская, губительная система рекрутскихъ наборовъ такимъ проводникомъ быть не можетъ. Вспомните, Государь, что рекрутчина—жертвоприношеніе со стороны народа государству, насильственно требуемое и потребляемое въ страшной пропорціи. Кто попалъ въ солдаты—погибъ человѣкъ! выхода, какъ отъ кровожаднаго божества, для обреченной на всесожженіе жертвы треножника, нѣтъ. Да и всесожженіе-то совершается мучительнымъ, пожизненно-мелленнымъ, томительнымъ огнемъ. Охотно ли народъ приноситъ эту жертву, а насколько она полезна для него самого, отвѣтомъ служатъ вопли и плачъ, съ которыми народъ провожаетъ дѣтей своихъ и братьевъ въ рекрутскія присутствія. А развѣ нѣтъ другой системы?

«Кто же поддерживаетъ, что обусловливаетъ разъѣдающую и разлагающую жизненные соки народа рутину? Бюрократія, окру-

жающая Васъ, чиноначаліе, канцелярское управленіе Россіей, заключающееся въ накопленіи и очисткѣ безчисленнаго количества №№ текущихъ бумагъ, сношеній, отношеній, выправокъ, справокъ, предписаній и донесеній и проявляющееся въ страшныхъ безжизненныхъ отношеніяхъ государства къ народу и въ полномъ взаимномъ непониманіи одного другимъ. Вотъ она, чѣмъ заглушается, вотъ она, кѣмъ морится, измучивается и замучивается жизнь народная, вотъ она, хроническая проказа, поражающая общественный организмъ во всѣхъ суставахъ, во всѣхъ оконечностяхъ его,—плохой проводникъ!

«Тѣлесное наказаніе, розги (женшинъ сѣкутъ!), къ стыду Вашего царствованія не отмѣненныя еще въ Россіи, и которыми всякая чиновная сволочь орудуетъ, сколько душѣ угодно,—проводникъ не лучшій. Воля крестьянская... цѣпи на рукахъ и ногахъ ослаблены до возможности сбросить ихъ; но крестьянину сказано, что цѣпи эти не есть цѣпи, что они—непремѣнное условіе его жизни, пока не... умретъ. И эти цѣпи-не-цѣпи приказано носить по-прежнему; проводникъ ненадежный, испорченъ.

«Губернаторы...

«Государство смотритъ на народъ, какъ на массу, изъ которой въ правѣ выдѣлывать шарики и фигурки по усмотрѣнію; такое положеніе дѣлъ должно прекратиться.

«Какъ?!

«Государь! я говорю голосомъ народа, моя обязанность—свобода, мое право—кровь и страданія. Мнѣ повѣрка—народъ и его люди; мы ждемъ отъ Васъ созванія Великой Земской Думы, для постоянныхъ совѣщаній, вокругъ Васъ. Тысячелѣтіе...

«Съ глубокимъ уваженіемъ и великой преданностью, честь имѣю быть Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій слуга

Лондонъ, 3/15 апрѣля 1862 г. *П. Мартьяновъ.*

IV.

Письмо это обнаруживающее въ Мартьяновѣ довольно ясное пониманіе тогдашняго положенія дѣлъ, было послано Александру II просто по почтѣ и достигло своего назначенія.

Но Мартьяновъ не былъ увѣренъ въ этомъ. Ему справедливо казалось, что камарилья не передастъ письма по адресу. Любовь къ родинѣ и къ государю—это очень важно имѣть въ виду все время—побуждали Мартьянова принять всѣ зависѣвшія отъ него мѣры, чтобы письмо, на которое онъ возлагалъ большія надежды, не пропало въ мрачныхъ канцеляріяхъ. Кромѣ того, ему казалось, что Александру II могло прійти въ голову, что письмо выражало желанія и надежды исключительно самого автора и только. Надо было показать, что это не такъ, что за авторомъ стоитъ общественное мнѣніе. Достичь такой поддержки нельзя было иначе, какъ путемъ широкаго оглашенія самаго письма. Но гдѣ? Понятно, въ «Колоколѣ», который читала вся Россія.

И Мартьяновъ проситъ Герцена напечатать свое письмо. Герценъ не отказалъ, потому что и самъ придавалъ этому документу большое политическое значеніе, считая его прекрасно выражающимъ именно народные идеалы, хорошо рисующимъ идеалъ земскаго царя, который такъ не похожъ на «царя Зимняго дворца». Письмо было напечатано въ началѣ мая, въ № 132, и сопровождалось письмомъ Мартьянова къ Герцену:

«Мѣсяцъ тому назадъ я написалъ, полмѣсяца—послалъ письмо къ Александру Николаевичу. Цѣль письма ясна: кто пойметъ, для того разсказывать не нужно; кто не пойметъ, для того—напрасно. Прочитайте и, если не мѣшаетъ, напечатайте его въ «Колоколѣ». А то, кто знаетъ, дойдетъ ли съ почтой по назначенію; да и то хорошо, что въ звонѣ Колоколовъ, для повѣрки, по народу разойдется.... Я не врагъ Александру Николаевичу. Наши страданія, наши муки, нашу скитальческую жизнь по свѣту бѣлому мы относимъ къ императорскому безправію, а не къ личности. Варвары-помѣщики, разорившіе насъ, сбившіе насъ съ ногъ, погубившіе, сокрушившіе жизнь нашу, прикрываются и осѣняются императорскимъ самодержавіемъ, по милости его недоступны законамъ правды, не признаютъ ихъ и въ виду страданій нашихъ живутъ внѣ страха отвѣтственности за грабежъ и насилія, и все-таки мы ждемъ и Александру Николаевичу не враги. Народъ не врагъ ему даже за кровь мученика, ходатая и перваго—по чистотѣ своихъ намѣреній и убѣжденій, по искренности чувствъ — подвижника всего крестьянства, Антона Казанскаго [1]) и всѣхъ убитыхъ съ нимъ. Пусть кровь ихъ, ихъ смерть вопіетъ къ престолу Бога Вышняго и проситъ объ отмщеніи—кому отомститъ, кого простить—Богъ знаетъ. Не мести просимъ мы, — правды! Кровавое пятно бездницкаго убійства и пензенскихъ побоищъ—дѣло страшное. Ни одинъ изъ насъ не подумаетъ, что Александръ II хотѣлъ крови, зато всѣ мы думаемъ, раздумываемъ и знать хотимъ, отчего, зачѣмъ, кто допустилъ, кто разрѣшилъ пролить ее? Развѣ убитые не видали въ Александрѣ, какъ мы хотимъ видѣть, царя *земскаго?*... Царь земскій не велитъ за вопросъ стрѣлять въ земство, онъ сердцемъ пойметъ его, любовью обниметъ, не съ штыками пойдетъ къ нему навстрѣчу!... Въ народѣ стрѣляло государство—опричники, наслѣдники монгольскаго самоуправства, враги и ненавистники народа русскаго на смерть и жизнь! Кто далъ право стрѣлять этому государству? Мы подождемъ, букву пропустимъ. Самъ Александръ II отвѣтитъ на этотъ вопросъ,—народъ повѣритъ безусловно, отвѣтъ будетъ ясенъ.... Александръ не создалъ государственный строй; онъ наслѣдовалъ его. Мы думали, что, отмѣняя крѣпостное право, онъ хотѣлъ бы отмѣнить и дворянство, да не можетъ, не въ силахъ, ждетъ времени; теперь ждать нечего, дворянство само себя отмѣнило; оно не существуетъ. Государство держалось дворянствомъ; дворянство уни-

[1]) Антонъ Петровъ, вдохновитель своеобразнаго крестьянскаго движенія въ Казанской губерніи.

чтожило само себя; государство влилось въ земство, фактъ совершился. Вотъ и отвѣтъ: царь не возобновитъ государства, не захочетъ создать новаго дворянства, не будетъ величать трупъ его живымъ человѣкомъ, онъ не виноватъ въ убійствѣ Антона, — народъ оправдаетъ его, и исторія ему отпуститъ. Если не такъ, если съ государствомъ онъ не разстанется, изъ дворянства создастъ мумію (воскресить въ самомъ дѣлѣ не можетъ, время чудесъ прошло) и велитъ чтить, какъ мощи, выдавая за святыню, — если, слѣдовательно, признаетъ себя государемъ государства, онъ приметъ кровь Антона-мученика на себя. Мы этого не хотимъ, это народу было бы горько»...

И Мартьяновъ, дѣйствительно, страстно хотѣлъ видѣть обновленную Россію во главѣ съ царемъ народа, а не государства, съ царемъ правды, царемъ истины и справедливости... Это была его idée fixe, столь дорогая тогда многимъ милліонамъ въ Россіи...

Письмо, дѣйствительно, было прочитано всюду.

Но имъ не ограничился искавшій правды Мартьяновъ. Свои политическіе взгляды онъ выразилъ еще и въ особой брошюрѣ, право изданія которой продалъ лондонскому книгопродавцу Трюбнеру. Это—ставшая теперь большой рѣдкостью книжка: «Народъ и государство», выпущенная въ концѣ 1862 года, въ Лондонѣ.

Я не буду подробно останавливаться на этомъ сочиненіи Мартьянова, не буду даже излагать все вкратцѣ, потому что основная мысль очень проста: выяснялась полная противоположность между двумя понятіями, часто тогда смѣшивавшимися—что такое *народъ* и что такое *государство*. Мартьяновъ говорилъ по этому поводу:

«Подъ словомъ «государство» я разумѣю не національную или географическую цѣлость, а *неотъемлемое правительство* и всѣ правительственныя сословія, господствующія и эксплоатирующія подъ его покровительствомъ и съ его помощью.

«Народъ, это то, что эксплоатируютъ, это *земство*, которое гнетется *государствомъ*. Государство это то, что эксплоатируетъ земство, это—правительство неотвѣтственное, это—дворянство съ принадлежащими къ нему частицами, живущее на счетъ народа, угнетающее и обирающее его съ помощью правительства неотвѣтственнаго, само же и составляя его въ видѣ чиновниковъ разнаго калибра, на что и имѣетъ почти исключительную монополію.

«Вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ и случайностей, вопреки характерныхъ особенностей народа русскаго, правительство наше изъ *выборно-совѣщательнаго* быстро превратилось въ абсолютно господствующее, безконтрольно-управляющее, неотвѣтственное и существуетъ въ этомъ видѣ нѣсколько вѣковъ. Опять разныя случайности, а отчасти и соображенія мѣшали народу русскому сбросить беззаконный гнетъ правительства, насильно захватившаго власть, превышающую границы, установленныя для нея народомъ при Рюрикѣ, возстановляемыя по мѣстамъ при удѣльныхъ князьяхъ и отчасти для всей Россіи, при выборѣ на царство М. Ѳ.

Романова. Кромѣ тѣхъ разныхъ случайностей и соображеній о необходимости терпѣнія правительственнаго самоуправства, во избѣжаніе большихъ какихъ-нибудь золъ, народъ не разъ возставалъ фактически противъ беззаконно-дѣйствующихъ законовъ государственныхъ, всегда направлявшихся къ захвату правъ народныхъ, его свободы; но всѣ эти попытки борьбы и возстанія были подавляемы силой, и послѣ нихъ неправды правительства и гнетъ его власти все усиливались да усиливались, видоизмѣняясь во внѣшней формѣ своей и принимая болѣе стройный видъ и организованный строй, по мѣрѣ перерожденія государства по образу и подобію бога имперіи Римско-Нѣмецкой съ остатками типа Монголо-Византійскаго. Правительство наше, вмѣсто того, чтобъ соображать дѣйствія свои съ потребностями и интересами земли, стало рѣшительно помыкать народомъ, эксплоатировать его и государствовать во вся тяжкая, позабывъ *десятую* заповѣдь скрижалей Господнихъ и навязывая всѣмъ первую, въ которой говорится: „Азъ есмь Господь Богъ твой и нѣсть тебѣ Бози иніи развѣ мене!" цѣликомъ примѣняя ее къ себѣ и обращая къ народу, котораго оно ни изъ какого Египта не изводило, а только привело...

Вотъ общее знакомство *съ Русскимъ государствомъ*.

Схема нашей государственной исторіи представлялась Мартьянову въ такомъ оригинальномъ видѣ: «имперія Петра Великаго... Да что имперія! Возстаніе народа съ Пугачевымъ ясно говоритъ объ отношеніяхъ ея къ народу.

«Петръ I-й и дубинка, стрѣльцы и казни, перепись и подати, работы и служба, заморская каша и земское масло... сынъ и дыбы, жена-монахиня, земство въ колодкахъ, расколъ на крестѣ...

«Екатерина и Меньшиковъ.

«Петръ и Долгоруковъ.

«Избраніе Анны, Анна Іоанновна, Іоаннъ Антоновичъ, Анна Леопольдовна, Биронъ и Минихъ, пытки и казни, срубы и пламя — костры и огонь, и душно, и смрадно, и дымно!

«Елисавета и Лейбъ-компанія, Шлиссельбургъ и Іоаннъ Антоновичъ.

«Петръ III-й...

«Екатерина, Пугачевъ...

«Павелъ, во всемъ Екатеринѣ противорѣчившій, въ одномъ совершенно подражавшій ей, въ раздачѣ любимцамъ крестьянъ.

«Александръ, крестьянъ не раздававшій, что-то думавшій и ничего не сдѣлавшій, кромѣ ужасовъ аракчеевскихъ и военныхъ поселеній.

«Николай маршировавшій... Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

Патетически заканчивалъ авторъ изложеніе своего идеала—перехода власти къ народу:

«Если самая власть государственная перестанетъ быть властью, съ современнымъ намъ характеромъ ея, государство, этотъ враждебный станъ народу, не перестанетъ быть станомъ народу вра-

ждебнымъ, пока существуетъ; потому не перестанетъ быть враждебнымъ, что самая его станообразность народу уже враждебна. Чтобъ вражды этой не было, надо, чтобъ одна сторона изъ враждующихъ уничтожилась, войдя въ другую, а такъ какъ народъ уничтожиться не можетъ, ему отречься отъ самого себя нельзя, то и остается уничтожиться стану государственному, т. е. дворянству, составляющему его, отречься отъ сословности.

«А власть государственная должна превратиться во власть правительственную, сообразную съ духомъ, ростомъ и потребностями народа, самоуправляющагося посредствомъ представительной формы правленія съ Великой Всенародной Земской Думой во главѣ, какъ выраженіемъ союза и неразрывнаго единства всего Міра Славянскаго.

«Да здравствуетъ Царство Славянское! Единое, неразрывное, безсословное, народное Царство Славянское!

«Да здравствуетъ!

«Да здравствуетъ Царство Славянское!—союзное, свободное, могучее Царство Славянское!

«Да здравствуетъ!

«Да здравствуетъ Царство Славянское! Отъ моря Бѣлаго и Балтики до океановъ Тихаго и Ледовитаго!

«Да здравствуетъ!»

V.

Написавъ письмо и книгу, Мартьяновъ пришелъ къ заключенію, что онъ исполнилъ все, что могъ сдѣлать въ тотъ моментъ... Когда наступилъ кровавый 1863-й годъ, онъ насилу сдерживалъ свое горе при видѣ польскаго возстанія, которому совершенно не сочувствовалъ, какъ апологетъ всеславянской федераціи... Много по этому поводу было у него споровъ съ Герценомъ и, въ особенности, съ Бакунинымъ ..

Герценъ даетъ очень выпуклый образъ Мартьянова. «Человѣкъ, испытанный всѣми горями и бѣдствіями русской жизни, одаренный необыкновеннымъ умомъ, энергическій, глубоко страстный, Мартьяновъ сосредоточился весь на вопросѣ о судьбѣ русскаго народа; тутъ была его поэзія, его религія, любовь и ненависть... Въ мнѣніяхъ Мартьянова была та законченность, которую мы встрѣчали въ глубоко религіозныхъ людяхъ, которой мы дивились въ П. В. Кирѣевскомъ. Тутъ нѣтъ больше колебаній, сомнѣній. Мартьяновъ скоро усталъ на чужбинѣ и, натура цѣльная и фанатическая, пошелъ домой. Въ его возвращеніи было столько простоты, мужества, довѣрія, скажемъ не обинуясь, столько трогательнаго величія, что дѣйствительно, надобно не имѣть слѣда человѣческаго сердца, чтобъ его послать на каторгу. Всѣ останавливали Мартьянова, онъ не послушался. Онъ не вѣрилъ, что откровенное слово, обращенное

къ представителю народной правды и народной воли, можетъ быть наказано хуже воровства» [1]).

Да, Мартьяновъ рѣшилъ, что больше ему на Западѣ дѣлать нечего, и направился въ Россію...

Въ этомъ было такъ много простоты и наивности, что никто изъ окружающихъ не могъ ея понять. Любопытное письмо написалъ онъ Огареву какъ-то послѣ одного изъ такихъ разговоровъ почти наканунѣ своего отъѣзда изъ Лондона.

«Я потому, безъ сомнѣнія, написалъ письмо къ государю и книжку, что *жилъ въ Англіи*, но потому же ѣду и въ Россію, что написалъ это. Сказать печатно слово и отвернуться отъ Россіи для Америки—*не хорошо*, а оставаться въ Лондонѣ стало не къ чему.

«По какой причинѣ?

«Посмотрите письмо мое къ Вамъ по поводу разныхъ перепискъ, напечатанныхъ въ «Колоколѣ» по польскимъ дѣламъ, и Вы найдете, почему мнѣ незачѣмъ жить въ Англіи [2]). Да это Вы уже знаете. Знамя мое—единство всей земли славянской съ безсословнымъ представительствомъ въ одной центральной всенародной земской думѣ и съ думами по областямъ для мѣстныхъ дѣлъ. Къ тому же *личныя дѣла* окончились. *Другою* содержанія *не стало*. А какъ не стало въ жизни *содержанія*, пришлось искать его въ Россіи. Что найду? Кто знаетъ! Хочу добра и правды.

П. Мартьяновъ.

«Я имѣлъ дерзость думать, это не личное желаніе, это принципъ всего *народа* славянскаго, за исключеніемъ того, и то отчасти только, что называется «государствомъ». Такую рознь въ желаніяхъ *народа* съ *государствомъ* видимъ ясно въ Польшѣ».

«Хочу добра и правды»—въ этомъ и была ужасная вина Мартьянова...

Его уже давно разыскивали и, когда онъ, 12 апрѣля 1863 года, вступилъ на русскую землю въ Вержболовѣ, его сейчасъ же арестовали и немедленно доставили въ Петербургъ въ III Отдѣленіе.

14-го Александръ II повелѣлъ передать дѣло о его преступленіи особо учрежденной тогда комиссіи кн. А. Ѳ. Голицына, съ дѣятельностью которой читатели моихъ изслѣдованій въ «Быломъ» уже знакомы... Въ тотъ же день Мартьянова перевезли въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости, гдѣ уже сидѣли Чернышевскій, Серно-Соловьевичъ, Писаревъ, Шелгуновъ и др. Что долженъ былъ пережить, перечувствовать и передумать человѣкъ, такъ *страстно и такъ просто искавшій правды и добра?* Это было маленькое «девятое января» Александра II...

---

[1]) «Колоколъ» 1864 г. № 176.

[2]) Въ этомъ письмѣ Мартьяновъ выражалъ свою скорбь и негодованіе на то, что русскіе, забывая притязанія поляковъ на коренныя свои земли, сочувствуютъ польскому дѣлу больше, чѣмъ сами поляки; говорилъ, что поляки могутъ, какъ хотятъ, отстаивать свое дѣло, но дѣло русскихъ—отстаивать единство и цѣлость всей земли съ ея народной земской думой.

VI.

15 апрѣля шефъ жандармовъ, кн. Долгорукій, сообщалъ кн. Голицину о высочайшей волѣ.

Теперь, когда мы знаемъ истинный ходъ событій личной жизни Мартьянова, для насъ небезынтересно ознакомиться съ ихъ изложеніемъ въ оффиціальной бумагѣ главноуправляющаго III Отдѣленіемъ.

Тамъ прежде всего сообщалось, что Мартьяновъ растратилъ состояніе своего отца... Очевидно, надо было подготовить комиссію къ наиболѣе неблагопріятному отношенію къ подсудимому. Затѣмъ говорилось, что изъ общества «Кавказъ и Меркурій» онъ уволенъ за растрату денегъ. «Видя послѣ того и съ обнаруженіемъ нѣкоторыхъ неблаговидныхъ его поступковъ трудность своего положенія въ Россіи, онъ отправился за границу и, находясь въ Лондонѣ, сблизился съ Герценомъ и его сообщниками»...—такъ объяснялся выѣздъ въ Лондонъ.

20 апрѣля комиссія вытребовала Мартьянова на допросъ.

Я не буду повторять здѣсь тѣхъ показаній его, которыми воспользовался выше при разсказѣ, а приведу другія.

Не желая впутывать хоть какъ-нибудь Герцена и его друзей, Мартьяновъ сказалъ, что никого у Герцена и Огарева не встрѣчалъ, что Герценъ, кажется, очень остороженъ и едва ли станетъ принимать посторонніхъ людей другъ при другѣ. «О дѣятельности его мнѣ ничего не извѣстно, кромѣ общихъ мѣстъ, извѣстныхъ по «Колоколу». У Бакунина не бывалъ».

Комиссія увидѣла, что отъ Мартьянова много не получишь и, сочтя достаточнымъ самые факты посылки письма государю и опубликованія его и другого письма въ „Колоколѣ", представила Александру II докладъ, въ которомъ находила необходимымъ передать дѣло Мартьянова на судъ сената. 5 мая докладъ этотъ былъ утвержденъ.

Сенатъ велъ себя тоже весьма просто и безъ дальнихъ проволочекъ прямо приступилъ къ составленію опредѣленія на основаніи матеріаловъ, переданныхъ комиссіею.

VII.

Приведу главную часть опредѣленія.

«Изъ вышеизложеннаго оказывается, что мѣщанинъ Мартьяновъ, оставивъ Россію по случаю разстройства торговыхъ дѣлъ своихъ, и поселившись въ Лондонѣ, познакомился съ Герценомъ, Огаревымъ и другими изгнанниками русскими. Не получивши почти никакого образованія, но начитавшись русскихъ сочиненій, издаваемыхъ изгнанниками и проникнутыхъ враждою противъ русскаго правительства, онъ прислалъ изъ Лондона его императорскому величеству письмо, въ коемъ дерзостно порицалъ установленный государственными законами самодержавный образъ правленія. Затѣмъ, наполнивъ письмо свое нелѣпыми мнѣніями своими о вредѣ самодержавія и предлагая планы, въ головѣ его родившіеся, о созваніи земской думы и о томъ, какимъ образомъ должны быть произведимы выборы въ члены этой думы, онъ порицалъ существующія нынѣ учрежденія, упрекалъ въ существованіи ихъ и въ злоупотребленіяхъ, по мнѣнію его, отъ нихъ происшедшихъ, государя императора, и кончилъ письмо свое воззваніемъ къ государю созвать Великую Земскую Думу для постоянныхъ совѣщаній вокругъ государя. Такимъ образомъ, сочиненное Мартьяновымъ и посланное имъ изъ Лондона къ государю императору письмо заключаетъ въ себѣ дерзостное порицаніе установленнаго государственными законами образа правленія и, хотя сіе преступленіе имъ учинено внѣ предѣловъ государства, подвергаетъ его, на основаніи 189 ст. уложенія наказанію по 2 ч. 286 ст. того же уложенія, т. е. заключенію въ крѣпость на время отъ одного года до двухъ лѣтъ.

«Но, независимо отъ сего, Мартьяновъ, это же самое письмо, съ ничтожными токмо измѣненіями, не перемѣняющими смысла, напечаталъ въ журналѣ «Колоколъ», издаваемомъ въ Лондонѣ русскими изгнанниками, Герценомъ съ компаніею, имѣющемъ постоянное направленіе къ опроверженію существующаго въ Россіи правленія. Такого рода дѣйствіе Мартьянова есть распространеніе противозаконнаго его сочиненія и подвергаетъ его наказанію по 1 части той же 286 ст. уложенія, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводы отъ четырехъ до шести лѣтъ, безъ наказанія плетьми и наложенія клеймъ, на основаніи высочайшаго указа 17 апрѣля сего года. По совокупности преступленій онъ долженъ быть подвергнутъ послѣднему, какъ строжайшему роду наказаній.

«Обращаясь засимъ къ опредѣленію мѣры наказанія подсудимаго, сенатъ находитъ, что при отсутствіи обстоятельствъ, вину его уменьшающихъ, она увеличивается тѣмъ, что съ противозаконнымъ сочиненіемъ своимъ онъ обратился къ лицу самого государя императора (6-й пунктъ 141 ст.) и, дозволяя себѣ нѣкоторымъ образомъ выраженія, имѣющія въ себѣ видъ упрека къ лицу императорскаго величества, даже въ формѣ нарушилъ порядокъ обращенія къ священной особѣ русскаго самодержца, подобающій всякому русскому подданному, подписавшись «покорнѣйшимъ слугою», а не вѣрноподданнымъ. Объясненіе его, будто бы искренняя любовь къ государю и народу побудила его написать и послать письмо это, не заслуживаетъ по своей неправдоподобности ни малѣйшаго уваженія, ибо все содержаніе письма проникнуто озлобленіемъ, которое возымѣлъ онъ по случаю разстройства частныхъ дѣлъ своихъ, и озлобленіе это онъ излилъ на правительство русское; такимъ образомъ, во всемъ письмѣ его нѣтъ и тѣни любви къ государю и народу, которую приводитъ онъ въ оправданіе свое; оно дышетъ злобою противъ правительства и наполнено несбыточными предположеніями. По симъ основаніямъ, мѣра наказанія подсудимому Мартьянову

янову должна быть назначена средняя. Въ сихъ соображеніяхъ и на основаніи вышеприведенныхъ законовъ, правительствующій сенатъ опредѣляетъ: подсудимаго, мѣщанина Петра Мартьянова, 28 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на пять лѣтъ и затѣмъ поселить въ Сибири навсегда».

Государственный совѣтъ, конечно, согласился съ сенатомъ и получилъ высочайшее утвержденіе своего мнѣнія безъ всякаго даже уменьшенія срока наказанія.

7 декабря Мартьяновъ былъ отправленъ въ Сибирь безъ публичнаго объявленія приговора на площади... Очевидно, понимали, что народъ преступленіе Мартьянова вполнѣ одобряетъ...

Такой исходъ дѣла очень возмутилъ лучшую часть русскаго общества, уже раздѣленнаго тогда надвое свирѣпой реакціей. Герценъ сказалъ пару горячихъ словъ русскому деспотизму, вновь напечатавъ все письмо Мартьянова...

Любопытно, что этимъ возмутился Ю. Ѳ. Самаринъ. Онъ писалъ Герцену, что въ письмѣ Мартьянова къ государю нѣтъ искренности... «По содержанію его письмо пошло; по тону оно заносчиво и дерзко, какъ поступокъ, въ которомъ обличаются побужденія писавшаго; оно лживо отъ первой строки до послѣдней. Можно лгать двоякимъ способомъ: изъ страха или разсчета, говоря противное тому, что думаешь и знаешь; можно также лгать на самого себя, натягивая свою мысль и свое чувство, становясь преднамѣренно въ заученную позитуру, разыгрывая роль, затверженную съ чужого голоса и выдавая суетное желаніе произвести эффектъ за преизбытокъ кипучаго вдохновенія. Въ этомъ смыслѣ письмо Мартьянова самая противная ложь и натяжка, вѣрный признакъ растравленнаго самолюбія... Не то его озабачиваетъ, чтобы мысль, кажущаяся ему новою, дошла до государя и озарила его, вовсе не то. Его радуетъ самый фактъ письма и огласка его, совершенно независимо отъ содержанія и послѣдствій. Онъ берется за перо, чтобы заявить, что вотъ, молъ, простой человѣкъ, бывшій холопъ, а тоже помимо всѣхъ лѣзу къ государю и кричу на него; онъ потираетъ себѣ руки отъ удовольствія, воображая себѣ, какъ эта бомба изъ Лондона полетитъ въ Зимній дворецъ; какъ ее тамъ разорветъ, и какъ отъ осколковъ ея разбѣжится вся придворная челядь. Скандала онъ жаждетъ, скандала ради, а вовсе не вразумленія и обращенія. Все это вы чувствовали и понимали лучше меня. Отчего же вы приняли это письмо и напечатали его?...

«Вамъ донесли изъ Россіи, что Мартьяновъ за это письмо сосланъ на каторгу. Объ этомъ я ничего не знаю; отъ васъ въ первый разъ слышалъ я имя Мартьянова и, разумѣется, никакихъ справокъ не успѣлъ еще о немъ собрать; но не выжидая справокъ, теперь же, на свою отвѣтственность, я готовъ поручиться, что вамъ налгали ваши корреспонденты въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ. Одно изъ двухъ: или Мартьяновъ не на каторгѣ, или онъ сосланъ не за это письмо, а за другое дѣло, и вамъ, и мнѣ неизвѣстное [1])»...

Письмо весьма характерное. Авторъ его, конечно, не могъ допустить мысли, чтобы за это могли послать человѣка на каторгу и на вѣчное поселеніе!.. И какъ неловко было ему потомъ признаться Герцену въ своей ошибкѣ...

Въ іюнѣ 1866 года Мартьяновъ умеръ на каторгѣ... [2])

Мих. Лемке.

[1]) „Русь“, 1883 г. № 1.

[2]) Некрологъ Мартьянова помѣщенъ въ № 224 „Колокола“. *Ред.*

По поводу портрета А. И. Желябова.

(Письмо въ редакцію).

Какъ ни жаль огорчать уважаемую редакцію «Былого», но приходится сказать, что портретъ А. И. Желябова, появившійся въ мартовской книжкѣ «Былого», абсолютно непохожъ, и не даетъ ни малѣйшаго представленія о Желябовѣ. Прежде всего это былъ человѣкъ чрезвычайно красивый, не только чертами лица, но также выраженіемъ смѣлости и рѣшимости, которое проявлялось во всей его внѣшности.

Красивъ былъ темно-русый цвѣтъ волосъ, курчавой бороды, и небольшихъ усовъ, красивъ былъ бѣлый высокій лобъ и румянецъ, который говорилъ о цвѣтущемъ здоровьи. Голова и лицо были большихъ размѣровъ, лицо—широкое съ нѣсколько выдающимися скулами. Брови подымались легкой черной дугой надъ сѣрыми умными глазами, носъ былъ прямой и короткій. Когда Желябовъ говорилъ или смѣялся, то сверкали два ряда бѣлыхъ и крѣпкихъ зубовъ, которые онъ имѣлъ обыкновеніе стискивать съ большой силой въ минуты душевнаго волненія или крѣпкихъ думъ.

Чаще всего голова бывала слегка откинута назадъ и приподнята, что придавало Желябову особенное выраженіе повелительной энергіи и гордаго сознанія собственной личности.

Ходилъ онъ по улицамъ быстрой походкой, крѣпко задумавшись, незамѣтно для себя стиснувъ зубы, и съ силою сжимая руки, вытянутыя вдоль туловища. Обыкновенно онъ пользовался переходами съ одного дѣлового свиданія къ другому, чтобы сосредоточиться на предстоящихъ разговорахъ или дѣйствіяхъ.

Повидимому, Желябовъ старался свыкнуться съ мыслью о томъ, что ему придется погибнуть на висѣлицѣ. Онъ самъ иногда затѣвалъ разговоръ объ этомъ предметѣ, безстрастно рисуя себѣ картину своей смерти.

Иногда шутя онъ говорилъ, когда его убѣждали въ конспиративныхъ цѣляхъ сбрить свою красивую окладистую бороду, къ которой онъ питалъ большую привязанность, что его могутъ повѣсить, но съ бородой онъ не разстанется.

Чтобы дополнить образъ Желябова, надо сказать, что онъ былъ высокаго роста, т. е. нѣсколько выше средняго, широкъ въ плечахъ, обладалъ хорошо развитой мускулатурой и большой физической силой.

А. Прибылева (Корба).

Отъ редакціи. Въ настоящей книжкѣ мы помѣщаемъ два портрета А. И. Желябова, воспроизведенные съ фотографическихъ карточекъ. Правда, оба портрета относятся къ юношескому періоду жизни Андрея Ивановича (одинъ гимназической, другой—студенческой поры) и не даютъ, слѣдовательно, полнаго представленія о внѣшности Желябова въ пору высшаго расцвѣта его физическихъ и духовныхъ силъ, но зато оба помѣщаемые портрета,—какъ о томъ писалъ намъ товарищъ А. И. Желябова по гимназіи, университету и революціонной дѣятельности М. Н. Тригони, — «поразительно похожи». Такимъ образомъ, черты лица Желябова, хотя бы только и юношескаго періода его жизни, все же спасены для потомства. Редакція горячо благодаритъ лицъ, доставившихъ ей для воспроизведенія и помѣщенія на страницахъ «Былого» фотографическія карточки Желябова. Редакція увѣрена, что изъявленіемъ такой благодарности она выражаетъ не только чувства собственныя, но и чувства всѣхъ своихъ читателей-друзей.

Къ біографіямъ А. И. Желябова и С. Л. Перовской [1]).

I.

Весною 1879 г. самой крупной организаціей въ Россіи, безъ сомнѣнія, была «Земля и Воля», имѣвшая нѣкоторые слабые отпрыски на югѣ, но цѣликомъ созданная сѣверомъ. Располагая собственной типографіей и газетой, имѣя, по крайней мѣрѣ, десятки тысячъ рублей, устраивая довольно солидныя поселенія въ 3—4 губерніяхъ, располагая, наконецъ, значительнымъ числомъ членовъ, сравнительно опытныхъ и энергичныхъ, этотъ кружокъ, сверхъ того, пользовался большой извѣстностью, а это въ революціонномъ дѣлѣ, можетъ быть, самое главное. Но среди самой организаціи было раздвоеніе.

Обстоятельства были такого рода. Правительство, раздраженное террористическими попытками, не только не ослабило, но еще болѣе усилило мѣры къ искорененію соціалистовъ. Оно усиливало полицію, умножало шпіоновъ; генералъ Дрентельнъ задумывалъ систему мѣръ къ «очищенію» столицы. Все это вызвало необходимость нѣкоторыхъ террористическихъ фактовъ. Такъ, напр., былъ убитъ шпіонъ Рейнштейнъ, который могъ погубить множество народа. Тѣми же побужденіями вызвано покушеніе на жизнь Дрентельна. Но, разумѣется, всѣ эти факты еще болѣе раздражали правительство. Становилось очевиднымъ, что изъ этой борьбы нѣтъ другого исхода, какъ, или уничтоженіе соціально-революціонной партіи, или же—политическій переворотъ. Становилось вмѣстѣ съ тѣмъ очевиднымъ, что политическій переворотъ невозможно произвести такими ничтожными мѣрами, какъ, напримѣръ, убійство Мезенцева, да и то производимыми не систематически, а какъ случится. Для людей, близко знакомыхъ съ положеніемъ дѣла, было несомнѣнно, что какая бы то ни было дѣятельность въ пользу народныхъ массъ немыслима въ сколько-нибудь крупныхъ

[1]) Въ 1882 году организація „Краснаго Креста" опубликовала за границей, полученныя ею изъ редакціи газеты „Народная Воля", двѣ чрезвычайно интересныя брошюрки, содержащія матеріалы для біографій А. И. Желябова и С. Л. Перовской. Мы воспроизводимъ здѣсь эти брошюры въ ихъ наиболѣе существенныхъ чертахъ. Всѣ неоговоренныя примѣчанія къ брошюркамъ принадлежатъ ихъ авторамъ.

Ред.

размѣрахъ при существующемъ государственномъ порядкѣ. Перемѣна же характера государства, т. е. политическій переворотъ—задача страшно трудная, требующая всѣхъ силъ партіи, серьезной дѣятельности и крѣпкой дисциплинированной организаціи. Въ то время, когда «городская» часть землевольцевъ приходила къ такимъ заключеніямъ, «деревенская» часть, т. е. всѣ, проживавшіе уже по году, по два въ деревнѣ, видя преслѣдованія правительства, напротивъ, приходили къ заключенію, что терроръ оказался вреднымъ, и что необходимо бросить, тѣмъ болѣе, что онъ увлекаетъ партію на путь политической дѣятельности и отвлекаетъ отъ задачъ въ народѣ.

Въ 1879 г. нѣкоторая часть землевольцевъ,—убѣжденная, что при нашихъ условіяхъ игнорированіе политическаго элемента и уступка правительству, въ такъ или иначе завязавшейся борьбѣ, были бы равносильны самоубійству партіи,—начала нѣсколько измѣнять прежній характеръ дѣйствій. Лица, придерживавшіяся этого взгляда, скоро пришли къ убѣжденію въ необходимости измѣнить всю программу и довести свои силы до возможности оказывать сильное сопротивленіе правительству; если же оно не откажется отъ своей системы, то они рѣшились поставить государственный переворотъ прямою цѣлью партіи. Все это представлялось въ то время крайне непопулярнымъ новшествомъ, конституціонализмомъ и т. п. Поэтому новаторы принуждены были дѣйствовать очень осторожно. Они не теряли надежды, что вся «Земля и Воля» окажется способной понять требованія времени, но надежды эти не могли быть велики, а поэтому они старательно разыскивали поддержку вездѣ, гдѣ было можно. Желябовъ былъ однимъ изъ людей, обратившихъ на себя ихъ вниманіе, и онъ дѣйствительно оказался ихъ единомышленникомъ, такъ что съ весны 1879 г. онъ уже былъ постояннымъ союзникомъ землевольческихъ «террористовъ», какъ ихъ тогда, очень неправильно называли.

Въ 1879 г. осенью, согласно уставу «Земли и Воли», долженъ былъ собраться общій съѣздъ землевольцевъ, для окончательнаго обсужденія дѣлъ и постановки практическихъ задачъ организаціи, впредь до слѣдующаго съѣзда. Для этого собранія выбранъ былъ Воронежъ, какъ мѣсто, куда дешевле всего было съѣхаться большинству членовъ. Новаторы очень желали воспользоваться съѣздомъ для окончательнаго упроченія реформы. Самые же рьяные охранители старой программы, напротивъ, надѣялись, что на съѣздѣ имъ удастся искоренить изъ «Земли и Воли» даже тѣ ростки новшества, которые успѣли туда проникнуть.

Въ виду такого положенія вещей, новаторы рѣшили за нѣсколько дней до Воронежскаго съѣзда собрать *свой* по близости, въ Липецкѣ, съ тѣмъ, чтобы взвѣсить силы и явиться въ Воронежъ уже съ ясно опредѣленной программой и съ полнымъ представленіемъ о томъ, насколько обстоятельства позволяютъ быть требовательными. Воронежскій съѣздъ былъ исключительно землевольческимъ. Липецкій съѣздъ организованъ, главнымъ образомъ,

землевольцами-новаторами, по соглашенію съ нѣкоторыми сторонними лицами, въ томъ числѣ и Желябовымъ. Приглашены же были на съѣздъ люди изъ разныхъ мѣстъ и кружковъ, не имѣвшіе пока между собою ничего общаго, кромѣ сознанія необходимости измѣнить программу, въ смыслѣ усиленія въ ней политическаго элемента, организаціонной централизаціи и активной борьбы.

Желябовъ не былъ «землевольцемъ», точно такъ же, какъ не была ими большая часть, приглашенныхъ въ Липецкъ. Понятно, что «воронежцы» ничего не знали о Липецкомъ съѣздѣ, который вообще былъ организованъ въ строгой тайнѣ, изъ опасенія, чтобы новое направленіе не встрѣтило отпора, прежде чѣмъ окрѣпнетъ. На съѣздъ приглашены были только тѣ изъ вліятельныхъ людей, которые уже раньше заявили себя сторонниками реформы.

Я считаю здѣсь необходимымъ сказать нѣсколько словъ относительно участія на съѣздѣ Гольденберга, такъ какъ онъ вообще сильно компрометируетъ съѣздъ, а въ частности и Желябова, бывшаго въ числѣ организаторовъ его.

Съѣздъ нуждался въ людяхъ вліятельныхъ. Гольденбергъ, какъ это ни странно, былъ чрезвычайно извѣстенъ. Разумѣется, никто не считалъ его умнымъ, но всѣ—и совершенно справедливо—смотрѣли на него, какъ на человѣка вполнѣ честнаго, безусловно преданнаго своему дѣлу и, сверхъ того, чрезвычайно дѣятельнаго. Знакомства и связи Гольденберга были очень обширны, какъ это онъ доказалъ впослѣдствіи, выдавши сотни двѣ человѣкъ. Во многихъ мѣстностяхъ онъ былъ популяренъ, и множество очень умныхъ и хорошихъ людей были его личными друзьями. Недостатокъ Гольденберга былъ тотъ, что онъ, вообще, былъ довольно ограниченъ и непостоянен: безпрерывно увлекался разными планами. Сверхъ того онъ вообще отличался большимъ честолюбіемъ. Обсуждая теперь дѣло a posteriori, я все-таки не нахожу, чтобы приглашеніе такого человѣка и при такихъ условіяхъ, въ какихъ находились новаторы, было *большой* ошибкой. Безъ сомнѣнія, лучше было бы не приглашать его, но никакое предусмотрѣніе не могло указать въ приглашеніи его какой-либо особенной опасности, и тѣмъ не менѣе, все-таки на съѣздѣ большая часть присутствовавшихъ, присмотрѣвшись къ этому человѣку ближе, рѣшала держать его въ сторонѣ и выдѣлить изъ будущей партіи. Это сдѣлано было не потому, что кому-либо могла прійти въ голову невозможная мысль о Гольденбергѣ, какъ о предателѣ, а потому, что онъ, по своей ограниченности, не могъ ни понять, ни поддержать новаго направленія. Такимъ образомъ, Гольденбергъ и остался на будущее время при народовольцахъ, какъ союзникъ, рубака, террористъ, но о дѣлахъ партіи не имѣлъ уже больше никакого понятія. [2])

[1]) Мнѣ извѣстно, что во время петербургскихъ съѣздовъ, участвовавшіе тамъ народовольцы отъ имени Исполнительнаго Комитета предупреждались не приглашать бывшаго въ то время въ Петербургѣ Гольденберга, а нѣкоторые изъ знакомыхъ его—по тому же предупрежденію—совершенно съ нимъ не видѣлись.

Скажу еще два слова о «предательствѣ» Гольденберга. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что онъ не былъ, въ сущности, измѣнникомъ. Во-первыхъ, несомнѣнно, что онъ былъ храбръ, жизнью не дорожилъ, и висѣлицы не могъ испугаться. Во-вторыхъ, онъ выдавалъ все и всѣхъ,—и себя, и свою невѣсту, которую очень любилъ, и личныхъ друзей, которымъ былъ многимъ обязанъ, и о которыхъ онъ могъ молчать безъ всякаго опасенія за милость начальства, такъ какъ оно о нихъ не имѣло и подозрѣнія. Измѣнники такъ не поступаютъ: у измѣнника есть разсчетъ,—у Гольденберга его вовсе не видно. Поведеніе Гольденберга мнѣ объясняется гораздо проще. Прежде всего, онъ недалекъ отъ природы, а въ одиночномъ заключеніи совсѣмъ помѣшался, что видно даже изъ путаницы лицъ и событій въ его показаніяхъ. Во-вторыхъ, онъ крайне честолюбивъ. Слѣдователь, ведшій его дѣло, человѣкъ, очевидно, умный, прекрасно воспользовался слабыми сторонами своего плѣнника. Онъ съ участіемъ выслушалъ всѣ горячія оправданія Гольденбергомъ правительства въ томъ, что оно преслѣдуетъ истинныхъ друзей народа, притворяясь будто Гольденбергъ открываетъ ему Америку и, наконецъ, началъ убѣждать Гольденберга, что правительство, безъ сомнѣнія, измѣнило бы систему, если бы знало истинный характеръ партіи. Очевидно, что прямая обязанность честнаго человѣка уничтожить такое страшное недоразумѣніе. Гольденбергъ воодушевляется. Передъ нимъ—великое дѣло и великая слава: онъ примиритъ партію съ правительствомъ и откроетъ для нея возможность свободной дѣятельности въ народѣ. Для этого нужно лишь убѣдить правительство въ томъ, что истинное желаніе партіи—это мирная культурная работа въ народѣ, и что на борьбу ее вызываютъ лишь репрессаліи правительства. Съ этой цѣлью Гольденбергъ начинаетъ описывать всѣхъ извѣстныхъ ему дѣятелей; вотъ такой-то, положимъ, началъ съ мирной дѣятельности, правительство ему мѣшало, не давало возможности дѣйствовать, и онъ, дошедши до ожесточенія, совершилъ такія-то и такія-то дѣянія. Такъ онъ изложилъ біографіи чуть не всѣхъ ему извѣстныхъ лицъ. А для того, чтобы не было даже тѣни сомнѣнія въ его искренности, онъ выложилъ всю душу, все, что могъ вспомнить его больной мозгъ, не щадя ни друзей, ни родныхъ, ни себя. Правда, онъ многое путаетъ, но путаница эта совершенно безцѣльна и, очевидно, происходитъ не преднамѣренно, а только потому, что факты и лица перепутались въ его помутившейся головѣ. [1])

Нѣкоторое время Гольденбергъ торжествовалъ. Но когда изъ него все выжали, обращеніе съ нимъ измѣнилось. Теперь уже ему не льстили, не говорили о примиреніи съ правительствомъ. Нѣкоторыя лица прокурорскаго надзора позволяли себѣ даже неосто-

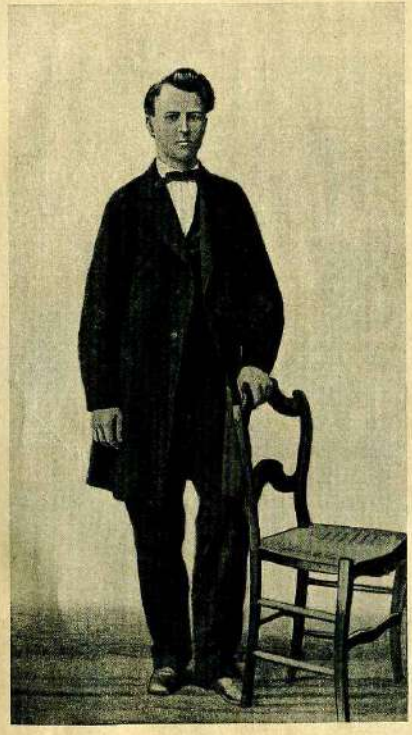
[1]) Я допускаю преднамѣренную ложь только въ тѣхъ частяхъ показаній, гдѣ Гольденбергъ говоритъ о вещахъ, ему совершенно неизвѣстныхъ. Тутъ онъ прямо сочиняетъ, чтобы не сознаться въ своемъ незнаніи, чтобы не показать, что онъ, Гольденбергъ, можетъ чего-нибудь не знать.

рожныя выходки. Встревоженный насмѣшливымъ обращеніемъ прокурора (другого уже), Гольденбергъ говоритъ: «Помните, г. прокуроръ, что если хоть одинъ волосъ упадетъ съ головы моихъ товарищей, я себѣ этого не прощу».—«Уже не знаю на счетъ волосъ,—отвѣчалъ остроумный прокуроръ,—ну, а что головъ много слетитъ, такъ это вѣрно». Вскорѣ послѣ этого разговора Гольденбергъ удавился.

Но возвратимся къ съѣзду. Роль Желябова на немъ была очень видная. Онъ неутомимо совѣщался и въ частныхъ разговорахъ и въ общихъ собраніяхъ, старался ознакомиться съ людьми, сговаривался, проводилъ собственные взгляды и т. д. Что касается этихъ взглядовъ, то ихъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А между тѣмъ эти учрежденія настолько необходимы, что при ихъ отсутствіи никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская соціально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ «идейная борьба». Въ виду этого мы должны остановиться, какъ на ближайшей цѣли, на чемъ-нибудь такомъ, достиженіе чего давало бы прочное основаніе политической свободѣ, и стремленіе къ чему могло бы объединить всѣ элементы, сколько-нибудь способные къ политической активности.

Такимъ основаніемъ нѣсколько позднѣе, какъ извѣстно, явилось «Учредительное Собраніе» и принципъ «Народной Воли».

Порѣшивши утвердительно—хотя въ довольно неопредѣленной формѣ—этотъ вопросъ, съѣздъ перешелъ къ обсужденію того, какъ соціально-революціонная партія должна отнестись къ тѣмъ казнямъ, которыя, по всеобщимъ слухамъ, готовились въ видѣ отмѣстки за 2-ое апрѣля. Въ этомъ отношеніи мнѣнія Желябова были еще болѣе опредѣленны. Онъ доказывалъ, что, если партія хоть сколько-нибудь считаетъ своею цѣлью обезпеченіе правъ личности, а деспотизмъ признаетъ вреднымъ, если она, наконецъ, вѣритъ, что только смѣлой борьбой народъ можетъ достигнуть своего освобожденія, то тогда для партіи просто немыслимо безучастно относиться къ такимъ крайнимъ проявленіямъ тиранніи, какъ тотлебенскія и чертковскія расправы, иниціатива которыхъ принадлежитъ царю. Партія должна сдѣлать все, что можетъ; если у нея есть силы низвергнуть деспота посредствомъ возстанія, она должна это сдѣлать; если у нея хватитъ силы только наказать его лично, она должна это сдѣлать; если бы у нея не хватило силы и на это, она обязана хоть громко протестовать... Но силъ хватитъ, безъ сомнѣнія, и силы будутъ расти тѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе мы станемъ дѣйствовать.

Андрей Ивановичъ
ЖЕЛЯБОВЪ.
Гимназической поры жизни.

Въ такомъ духѣ говорилъ Желябовъ, и особенныхъ возраженій этому на съѣздѣ не было. Этотъ вопросъ былъ для всѣхъ ясенъ до очевидности, и дебаты только формулировали тѣ чувства, которыя все болѣе накипали въ это время на душѣ каждаго порядочнаго человѣка. Я и безъ того такъ много принужденъ говорить не о Желябовѣ, а о посторонникъ обстоятельствахъ, что не могу, разумѣется, обрисовывать роли и мнѣнія другихъ лицъ съѣзда. Замѣчу только, что нѣкоторыя лица указывали на терроръ, какъ на средство борьбы, даже какъ на единственное почти средство; нѣкоторые ставили задачей партіи достиженіе извѣстныхъ правъ, другіе—народоправленіе, третьи—захватъ власти самой партіей. Но, очевидно, что всѣ эти мнѣнія расходятся лишь въ оттѣнкахъ.

Третій вопросъ, подлежащій обсужденію, былъ вопросъ о типѣ организаціи. Желябовъ не былъ въ это время особенно ярымъ централистомъ, хотя признавалъ необходимость дисциплины и извѣстной степени подчиненія. Онъ только впослѣдствіи вполнѣ проникся организаціонными началами, выставленными вскорѣ «Народной Волей». Поэтому его роль на съѣздѣ по данному вопросу не была яркой. Подъ вліяніемъ доказательствъ нѣкоторыхъ другихъ лицъ, съѣздъ порѣшилъ, однако, организаціонный вопросъ въ смыслѣ строгой централизаціи, дисциплины и тайны.

Что касается задачъ практическихъ, то мимоходомъ замѣчу, что въ число ихъ не входила организація мести тирану. Относительно средствъ, которыми могла бы располагать партія въ этомъ случаѣ, велись, между прочимъ, частные разговоры, но и только. Самое рѣшеніе организаціоннаго вопроса съѣздомъ было таково, что практическое осуществленіе подобнаго дѣла возлагалось прямо на *организацію*. Сверхъ того, вопросъ зависѣлъ отъ поведенія правительства. Вообще, главнымъ дѣломъ участниковъ съѣзда было распространеніе и укрѣпленіе новой партіи, вслѣдствіе чего они торопились разъѣхаться. Нѣкоторыя лица, въ томъ числѣ Желябовъ, должны были остаться по приглашенію землевольцевъ въ Липецкѣ до тѣхъ поръ, пока участники Воронежскаго съѣзда не вызовутъ ихъ туда (если окажется возможнымъ).

Въ Воронежѣ въ это время собралось уже много народу. Липецкіе землевольцы заставили себя ждать дня четыре, и нѣкоторые изъ съѣхавшихся въ Воронежъ, наскучивъ ждать, уѣхали даже обратно въ свои деревни, такъ какъ имъ угрожала опасность потерять тамъ занимаемыя ими положенія. Явившись, наконецъ, въ Воронежъ, «террористы» первымъ вопросомъ съѣзда поставили принятіе новыхъ членовъ (все больше изъ бывшихъ въ Липецкѣ), участіе которыхъ было необходимо для того, чтобы компанія содержала въ себѣ болѣе разносторонніе элементы. Съѣздъ, вообще, согласился,—нѣкоторыхъ принялъ, въ томъ числѣ Желябова, который, такимъ образомъ, явился въ Воронежъ.

Воронежскій съѣздъ, вообще говоря, былъ очень безсодержателенъ. Нужно отдать справедливость его участникамъ: громадн ѣйшее большинство ихъ вполнѣ добросовѣстно старалось уяснить

себѣ задачи времени. Но составъ съѣзда былъ такого рода, что рѣшеніе, во всякомъ случаѣ, могло быть только компромиссомъ. Вся деревенская часть съѣзда, составлявшая большинство, во-первыхъ, слишкомъ сильно сохранила старое отвращеніе къ политикѣ, нѣкоторые же оказались даже вовсе не революціонерами и проводили мысль, что задача партіи—это селиться въ народѣ, знакомиться съ нимъ и затѣмъ вести въ его средѣ медленную культурную работу поднятія его умственнаго и нравственнаго развитія. Съ этими людьми, разумѣется, невозможно было столковаться, какъ бы они ни были хороши сами по себѣ. Желябовъ страшно злился. «Хороши ваши землевольцы, говорилъ онъ, и эти люди воображаютъ себя революціонерами!» Желябовъ, какъ и нѣкоторые другіе, былъ такого мнѣнія, что разрывъ неизбѣженъ, и что не стоитъ даже оттягивать его. Онъ прямо, безъ малѣйшихъ уступокъ, развилъ передъ съѣздомъ свою систему, свои взгляды, чѣмъ вызвалъ немалое изумленіе. «Да вѣдь онъ чистый конституціоналистъ», говорили правовѣрные соціалисты...

Желябовъ относительно конституціи, дѣйствительно, держался такого мнѣнія, что она была бы очень полезна, что она облегчила бы возможность дѣйствовать, если не для „оффиціальныхъ соціалистовъ", то для людей вообще, и тѣмъ помогла бы народу выдвинуть своихъ дѣятелей, которые не хуже насъ сумѣли бы опредѣлить нужды народа и осуществить ихъ. «Я знаю,—говорилъ Желябовъ,—много очень умныхъ, энергичныхъ общественныхъ мужиковъ, которые теперь сторонятся отъ мірскихъ дѣлъ, потому что крупнаго общественнаго дѣла они себѣ не выработали, не имѣютъ, а дѣлаться мучениками изъ-за мелочей не желаютъ: они люди рабочіе, здоровые, прелесть жизни понимаютъ и вовсе не хотятъ изъ-за пустяковъ лишиться всего, что имѣютъ. Конституція дала бы имъ возможность дѣйствовать по этимъ мелочамъ, не дѣлаясь мучениками, и они энергично взялись бы за дѣло. А потомъ, выработавши себѣ крупный общественный идеалъ, не туманный, какъ теперь, а ясный, осязательный, и, создавши *великое* дѣло,—эти люди уже ни передъ чѣмъ не остановятся, станутъ тѣми героями, какихъ намъ показываетъ иногда сектантство. Народная партія образуется именно такимъ путемъ.»

Большая часть съѣзда, однако, боялась разрыва. Особенно онъ страшнымъ казался для еще не оперившихся народовольцевъ (т. е., будущихъ). Поэтому товарищи убѣждали Желябова не ставить вопроса слишкомъ рѣзко. Онъ согласился, но вмѣстѣ съ тѣмъ вообще замолчалъ на собраніяхъ и занялся исключительно частными бесѣдами, стараясь склонить на свою сторону отдѣльныхъ лицъ. Особенно хлопоталъ онъ около Софьи Перовской, съ которой хотя и былъ знакомъ, но еще далеко не близокъ. Но Софья Перовская крѣпко стояла за свои взгляды, и не разъ Желябовъ говорилъ, пожимая по обыкновенію плечами: «Нѣтъ, съ этой бабой ничего невозможно сдѣлать».

Съѣздъ кончился компромиссомъ. Было рѣшено, что программа

«Земли и Воли» остается неизмѣнной, но что активная борьба съ правительствомъ должна быть усилена, и что—въ случаѣ казней—«Земля и Воля» должна принять самое дѣятельное участіе въ наказаніи тирана. Тенденціи «Земли и Воли» и «Листка Земли и Воли», которыхъ обвиняли въ измѣненіи программы (и, по моему, совершенно справедливо) были признаны согласными со взглядами партіи. Поселенія въ народѣ рѣшено было сохранить.

Понятно, что эти рѣшенія совсѣмъ не удовлетворяли новаторовъ. Теперь энергическая дѣятельность становилась невозможной ни въ одну сторону. Единственная выгода, которую они пріобрѣтали—нѣкоторыя матеріальныя средства, которыя можно было пустить на живое дѣло. Всѣ ясно понимали неизбѣжность разрыва, если положеніе дѣлъ не измѣнится. Но у новаторовъ сохранилась надежда, что, при болѣе продолжительныхъ переговорахъ, при лучшемъ ознакомленіи съ дѣлами, если не всѣ, то большая часть консерваторовъ перейдетъ на ихъ сторону [1]). Во всякомъ случаѣ, разрывъ, при еще неустановившихся связяхъ и средствахъ, былъ для народовольцевъ крайне нежелателенъ.

II.

Я былъ знакомъ съ Соней Перовской въ теченіе восьми лѣтъ, всегда былъ съ нею въ очень хорошихъ отношеніяхъ, иногда обстоятельства складывались такъ, что сами вызывали насъ на откровенныя бесѣды, но, несмотря на все это, я плохо знаю ея жизнь. Знаю лишь то, что самъ видѣлъ или же слышалъ отъ другихъ, но отъ нея самой приходилось слышать очень мало.

Это была натура замѣчательно сдержанная, скрытая въ самой себѣ и какъ будто недовѣрчивая. Сверхъ того, жизнь ея, вообще говоря, была очень невеселая, а жаловаться она не любила. Я знаю много, очень много случаевъ, когда она поддерживала другихъ людей, дѣлая это охотно, просто и чрезвычайно деликатно, но она сама, полагаю, не встрѣчала людей, отъ которыхъ требовала бы нравственной поддержки себѣ; сильный не ищетъ поддержки у слабаго, а Соня, по силѣ характера, на мой взглядъ, превосходила огромное большинство людей, съ которыми ее сталкивала судьба и не уступала даже двумъ-тремъ наиболѣе выдающимся... Поэтому-то ея внутренній міръ былъ и останется загадкой для самыхъ близкихъ ея друзей; эту загадку она не помогала разгадывать. Даже внѣшняя сторона ея жизни извѣстна очень мало, и нужно было бы переспросить сотню людей для того, чтобы возстановить,—да и то съ значительными пробѣлами,—хоть эту внѣшнюю сторону.

[1]) Эти надежды осуществились очень мало. Кое-кто, дѣйствительно, перешелъ на сторону новаго направленія, но вообще разрывъ сталъ неизбѣженъ. Приходилось дѣйствовать, приходилось устанавливать свою программу. Соглашеніе оказывалось невозможнымъ. Послѣ многочисленныхъ дебатовъ, послѣдній Петербургскій съѣздъ „Земли и Воли" разрѣшилъ разрывъ кружка, а вмѣстѣ съ нимъ—и партіи. Желябовъ не участвовалъ ни въ этихъ собраніяхъ, ни на этомъ конгрессѣ.

Дѣтство Сони прошло не весело. Она родилась въ барской семьѣ [1]). Мать ея—женщина очень умная, гуманная и честная; но отецъ представляетъ образцовый типъ мелочнаго, своекорыстнаго и безсердечнаго самодура. Общественное положеніе Перовскихъ, ихъ обязанности передъ «свѣтомъ» отнимали у матери возможность отдавать все свое время дѣтямъ. Семейная жизнь была полна раздора и тяжелыхъ сценъ. Соня, какъ послѣдняя дочь, родилась въ самый разгаръ семейной каторги. Къ старшимъ дѣтямъ отецъ еще чувствовалъ нѣкоторую привязанность, Соню же онъ сразу не взлюбилъ.

До трехъ лѣтъ она оставалась въ Петербургѣ подъ надзоромъ няни-нѣмки, которая ее очень любила. Затѣмъ отецъ былъ назначенъ вице-губернаторомъ въ Псковъ. Положеніе мужа обязывало Варвару Сергѣевну (мать Сони) тратить много времени на выѣзды, вечера и пр. Такой свѣтскій образъ жизни почти не оставлялъ ей возможности заниматься воспитаніемъ дѣтей. Но онъ продолжался не долго и болѣе не возобновлялся до тѣхъ поръ, пока не выросла старшая дочь, которую пришлось вывозить «въ свѣтъ». Въ этотъ промежутокъ времени Варвара Сергѣевна горячо отдалась дѣтямъ,—ея единственному утѣшенію. Она очень любила меньшую дочь, которая платила ей той же горячей привязанностью.

Соня была очень умнымъ ребенкомъ и исполнила малѣйшія желанія матери. Куколъ она не любила, не играла ими никогда; ея игры носили, что называется, «мальчишескій» характеръ. Однажды мать увидѣла такую сцену: Василій бросалъ мячемъ въ Соню, которая служила мишенью. Мать разсердилась, но Вася объяснилъ, что онъ не хочетъ обижать сестру, а желаетъ только пріучить ее защищаться, на случай, если на нее нападутъ разбойники. Вообще, очень живая и шаловливая, Соня слушалась только матери. Грамотѣ она выучилась только восьми лѣтъ и быстро пристрастилась къ чтенію.

«Въ дѣтствѣ,—разсказываетъ одна личность, близко знакомая съ семейной обстановкой Перовскихъ,—Сонѣ ничего не говорили ни о религіи, ни о Богѣ. Закона Божія она не учила. Отецъ, хотя и былъ вѣрующій, но рѣдко ходилъ въ церковь и для дѣтей не требовалъ религіознаго воспитанія. Постовъ въ домѣ никогда не соблюдали».

Училась Соня дома у приходящихъ учителей; французскій языкъ преподавался, разумѣется, одновременно съ русскимъ. Варвара Сергѣевна имѣла свой планъ воспитанія и не хотѣла помѣщать Соню въ учебное заведеніе, хотя послѣдняя и просила отдать ее въ гимназію. Провести свой планъ воспитанія матери, однако, не удалось, такъ какъ семейство, благодаря мотовству отца, скоро разорилось.

Впрочемъ, до того еще отецъ былъ переведенъ губернаторомъ

[1]) Въ Петербургѣ 1-го сентября 1853 г. Семейство Перовскихъ состояло изъ отца, матери и дѣтей: Николая, Маріи, Василія и Софьи.

въ Петербургъ. Въ это время Соня съ матерью ѣздила за границу къ дядѣ, который умиралъ тамъ и выразилъ желаніе видѣть передъ смертью свою любимую племянницу. Нѣкоторое время она съ матерью провела въ Женевѣ, а затѣмъ онѣ вернулись въ Петербургъ.

Перовскіе стали жить открыто, старшую дочь «вывозили въ свѣтъ». Отецъ, благодаря своему положенію, имѣлъ огромный кредитъ и, не стѣсняясь, имъ пользовался. Соня съ насмѣшкой и злобой вспоминала объ этомъ времени,—о нарядахъ, выѣздахъ, о томъ, что ее хотѣли пріучить къ свѣту. Она въ это время оставалась совсѣмъ уединенною и еще болѣе погрузилась въ свои книги.

Наступилъ 1866-й годъ. Каракозовскій выстрѣлъ низвергнулъ губернатора. Онъ впалъ въ опалу и лишился мѣста за то, что не доглядѣлъ. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ и разореніемъ семьи: кредитъ исчезъ, долги превышали стоимость имѣній, страшно, вдобавокъ, запущенныхъ. Давно желавшая отдѣлаться отъ супруга Варвара Сергѣевна, подъ тѣмъ предлогомъ, что жизнь въ Петербургѣ стала не по-средствамъ, отпросилась въ деревню вмѣстѣ съ дѣтьми, вполнѣ увѣренная, что мужъ за нею не послѣдуетъ. Такъ и случилось.

Въ имѣніи близъ Симферополя они прожили безвыѣздно два года. Планъ воспитанія Варвары Сергѣевны, за недостаткомъ средствъ, остался невыполненнымъ, и четырнадцатилѣтняя Соня пополняла свое образованіе чтеніемъ книгъ: ихъ библіотека, кромѣ массы романовъ (которыми занимался отецъ), содержала много серьезныхъ книгъ по исторіи, естествовѣдѣнію и т. п.

Жизнь въ деревнѣ шла спокойно и однообразно. Днемъ сестры читали, гуляли, катались, особенно Соня, страстно любившая верховую ѣзду. Мать занималась хозяйствомъ. По вечерамъ кто-нибудь изъ дочерей читалъ вслухъ большею частью что-нибудь серьезное. Лѣтомъ жизнь разнообразилась пріѣздомъ братьевъ на каникулы; Василій привозилъ съ собою книги, Соня зачитывалась Писаревымъ. Ей уже шелъ 16-й годъ. Онѣ съ сестрой задумали поступить на Аларчинскіе курсы. Въ этомъ (1869) году имѣніе, гдѣ они жили, должно было продаваться за долги. Поэтому мать позволила дочерямъ продавать бывшія въ домѣ вещи, чтобы скопить себѣ сколько-нибудь денегъ. Обстановка дома была вполнѣ барская, и вырученныя деньги дѣвушки рѣшили употребить для поступленія на курсы. Осенью пріѣхалъ отецъ для продажи имѣнія, а семья отправилась въ Петербургъ.

Здѣсь Варвара Сергѣевна наняла себѣ очень скромную квартиру. Отцу, по пріѣздѣ, такая обстановка не понравилась, и онъ нанялъ себѣ квартиру отдѣльно. Это было очень пріятно всему семейству, особенно Сонѣ, которая терпѣть не могла отца. Она его и презирала, и не могла ему простить его поведеніе съ матерью, которую онъ всячески угнеталъ. Мнѣ много разъ приходилось слышать ея отзывы объ отцѣ. Такъ враждебно она, кажется, не относилась ни къ одному человѣку на свѣтѣ. Въ это время Соня и Марія посту-

пили на Аларчинскіе курсы; ходили къ товаркамъ, принимали ихъ у себя, хотя у каждой былъ свой кружокъ. Соня особенно сошлась съ Вальбергъ, Корниловой, Софьей Лешернъ и др. Между тѣмъ отецъ заболѣлъ и долженъ былъ отправиться за границу. Онъ не могъ ѣхать одинъ, по болѣзни, а потому Варвара Сергѣевна со старшей дочерью сопровождали его. Соня же отпросилась провести лѣто на дачѣ въ Лѣсномъ со своими друзьями (Вальбергъ, Корниловой и Лешернъ [1]).

Это лѣто, проведенное на полной свободѣ, она всегда вспоминала съ особенно теплымъ чувствомъ. Но, когда осенью родные вернулись изъ-за границы, и Сонѣ пришлось поселиться въ домѣ отца (они жили теперь уже всѣ вмѣстѣ), положеніе ея стало невыносимымъ. Отецъ не только стѣснялъ ее во всемъ, но еще запрещалъ принимать товарокъ, особенно Вальбергъ, державшуюся совсѣмъ нигилисткой. Онъ грозилъ сдѣлать Вальбергъ скандалъ, если еще хоть разъ увидитъ ее въ домѣ. Тогда Соня рѣшилась уйти отъ родныхъ. Друзья помогли ей скрыться. Отецъ разсвирѣпѣлъ и обратился къ полиціи съ требованіемъ разыскать дочь. Однако, младшему изъ братьевъ, Василію, удалось выхлопотать паспортъ для сестры; отецъ далъ паспортъ, но уже не хотѣлъ видѣть Соню, такъ что она, посѣщая мать, ходила всегда съ чернаго хода, чтобы не встрѣтить отца.

Это было въ началѣ 70-хъ годовъ. Разныя вѣянія волновали молодежь и не могли, конечно, не коснуться такой натуры, какъ Соня. Она отправилась въ Едимново (Тверской губ.) на Верещагинскую сыроварню и здѣсь, познакомившись съ О., завѣдывавшей школой, она стала помогать ей заниматься съ дѣтьми. Осенью она возвратилась въ Петербургъ. Съ этого времени Соня впервые примыкаетъ къ тому умственному и соціальному движенію, которое совершалось въ средѣ русской молодежи, и, вмѣстѣ съ нею, проходитъ черезъ всѣ стадіи его развитія.

Вотъ что сообщаетъ намъ о Перовской одно лицо, знавшее ее въ эти годы: «Я познакомилась съ Софьей Львовной въ Ставрополѣ въ 1872 году, гдѣ я (вмѣстѣ съ одной моей пріятельницей—П.) занималась приготовленіемъ сельскихъ учительницъ. Софья Львовна пріѣхала сюда въ качествѣ оспопрививательницы, чтобы познакомиться съ бытомъ крестьянъ. Для этого она пѣшкомъ исходила всѣ окрестныя села, останавливаясь на нѣсколько дней въ каждомъ для прививанія оспы. Ночевала и столовалась она въ первой попавшейся избѣ вмѣстѣ съ хозяевами и ничуть не тяготилась полнымъ отсутствіемъ удобствъ, къ которымъ привыкла въ дѣтствѣ. Она была въ то время въ своемъ періодѣ рахметовщины: питалась молокомъ да кашей, спала на подушкѣ съ соломой и т. д. Здоровенная она была такая, какъ только можно себѣ представить, про

[1]) Съ этими тремя друзьями, изъ которыхъ Корнилова и Лешернъ, играли видную роль въ революціонномъ движеніи, и снята Софья Львовна на фотографической карточкѣ, копію съ которой мы воспроизводимъ въ настоящемъ номерѣ „Былого“.
Ред

ея щеки ставропольцы выражались, что у нея словно два горшечка на лицѣ. Видѣлись мы, конечно, всякій день. Прививши всѣмъ ребятишкамъ окрестныхъ селъ оспу, она стала помогать намъ съ П. въ нашей школѣ. Ни скрытности, ни нелюбви къ письмамъ я тогда въ ней не замѣчала,—она охотно говорила о своихъ петербургскихъ знакомыхъ, которые въ то время занимались изданіемъ книгъ, о Крымѣ и, въ особенности, о своей жизни въ Лѣсномъ. А послѣ ея отъѣзда къ О. (въ Едимново), мы переписывались съ нею съ годъ, такъ, безъ всякаго дѣла, какъ люди, пожившіе нѣкоторое время вмѣстѣ. Она и въ то время уже внушала къ себѣ уваженіе своею серьезностью и умомъ; видно было, что она пойдетъ по заданному себѣ пути, не увлекаясь по сторонамъ».

Въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ гг. русская молодежь уже именовала себя «революціонерами». И это были дѣйствительно революціонеры, въ томъ смыслѣ, что желали радикальнаго—соціальнаго и политическаго—переворота на началахъ соціализма. Но въ то же время въ своихъ средствахъ это были мирнѣйшіе изъ мирныхъ людей. Они слишкомъ ненавидѣли насиліе, чтобы не отворачиваться отъ него, даже для достиженія своихъ цѣлей. Они слишкомъ вѣрили въ силу истины для того, чтобы считать нужнымъ насиліе. Тогда казалось, что стоитъ только сказать людямъ: «братья, любите другъ друга!»—стоитъ только открыть имъ всѣ сокровища науки, и зданіе грабежа и насилія рухнетъ само собою, быть можетъ, даже не задавивши ни одного человѣка. Для молодежи того времени единственно-реальными понятіями были любовь, самоотверженіе, нравственное возрожденіе,—это мы понимали, потому что все это мы сами пережили. Но «бунтъ, кровь, революція»—все это были звуки. Мы слыхали, что безъ этого нельзя обойтись, но совершенно не понимали, что это такое въ дѣйствительности. Наша «кровь» не сопровождалась страданіемъ, нашъ «бунтъ» былъ строенъ и безобиденъ, наша «революція» была болѣе нравственнымъ перерожденіемъ, чѣмъ кровавой перетасовкой.

Въ концѣ 60-хъ гг. молодежь и вообще всѣ передовые люди увлекались школами и ассоціаціями. Школы должны были пересоздать народъ умственно, ассоціаціи—подготовить экономическій переворотъ. Черезъ стадію школъ, народныхъ книжекъ, ассоціацій прошла вся тогдашняя молодежь. Товарка Сони, Лешернъ, начала со школы въ Меглецахъ, Боровичскаго уѣзд., гдѣ у нея учителемъ и также секретаремъ ссудо-сберегательной кассы былъ Гамовъ, осужденный впослѣдствіи къ каторжнымъ работамъ.

Я помню, въ какое отчаяніе пришла С. Лешернъ, когда ея школу закрыли: «Боже мои, неужели у насъ ничего нельзя дѣлать?» писала она высланному подъ надзоръ полиціи Гамову. Пропаганды въ школѣ никакой не было, если не считать за пропаганду хорошее обращеніе учителя съ дѣтьми и внушеніе имъ правилъ нравственности.

Соня также побывала въ школѣ (въ Едимновѣ). Но въ это время уже начинались гоненія. За школами усилили надзоръ до нелѣ-

пости. Для книгъ измѣнили цензурныя правила, мотивируя это тѣмъ, что неблагонамѣренные люди стараются дешево распространять вредныя книги.

Кружокъ чайковцевъ, представлявшій просто товарищество и занимавшійся до этого исключительно воздѣйствіемъ на студенчество, да изданіемъ и распространеніемъ книгъ [1]), какъ народныхъ, такъ и для интеллигенціи, теперь увидѣлъ невозможность продолжать такую дѣятельность. Стали поговаривать, что пора перейти къ воздѣйствію на народъ непосредственно, а книги начали издавать безъ цензуры за границей. Наиболѣе крайній кружокъ—долгушинскій—отрицалъ вообще книжную дѣятельность, а ставилъ своей цѣлью попытку поднять народъ. Долгушинцы, впрочемъ, не имѣли послѣдователей, и средства и связи ихъ были ничтожны.

Соня была связана съ чайковцами личнымъ знакомствомъ—которое для нея всегда имѣло много значенія—такъ же, какъ и единствомъ взглядовъ. Она присутствовала почти при самомъ зарожденіи кружка.

Въ 1873 г., весною, кружокъ, уже значительно сплотившійся и разросшійся до 24 человѣкъ, порѣшилъ серьезно взяться за рабочее дѣло, а также и за нецензурныя изданія. Съ дѣятельнымъ пособіемъ чайковцевъ, за границей началось изданіе «Впередъ!», туда же отправлено для печатанія нѣсколько рукописей народныхъ книжекъ, а въ Питеръ привезли станокъ со шрифтомъ. Сношенія съ рабочими не систематически велись и раньше, но теперь были особенно расширены. Нѣкоторые изъ членовъ поступили на фабрики и заводы, другіе завели у себя нѣчто вродѣ вольныхъ школъ [2]). Вообще говоря, нѣсколько сотъ рабочихъ было затронуто такъ или иначе. Въ одномъ мѣстѣ составился чисто рабочій кружокъ, имѣвшій библіотеку. Около чайковцевъ были еще подъ-группы молодежи и множество отдѣльныхъ лицъ. Въ провинцію кружокъ послалъ делегатовъ, которые побудили къ образованію такихъ же кружковъ и въ другихъ городахъ (въ Москвѣ, Одессѣ, Кіевѣ), во многихъ губ. и уѣздныхъ городахъ завели сношенія съ отдѣльными лицами. Наконецъ, двумя-тремя лицами сдѣланы попытки идти «въ народъ», въ крестьянство.

Соня дѣлала вообще все, что нужно было кружку, имѣла у себя спеціально кружковую квартиру, занималась съ рабочими и завѣдывала сношеніями съ тюрьмами, въ чемъ уже и тогда была нужда. Съ ноября 1873 г. въ Петербургѣ начались страшные аресты. Тогда же было рѣшено дѣятельность перенести, главнымъ образомъ, въ провинцію, но, прежде чѣмъ это совершилось, большая часть чайковцевъ была арестована.

Дѣятельность Сони за это время мнѣ почти неизвѣстна. Новыми

[1]) Ихъ изъ нихъ было задано множество; сворть того Чайковцы сходились съ издателями, брали книги на комиссію и продавали на 50 проц. дешевле. Склады имѣлись почти во всѣхъ главныхъ городахъ.

[2]) Занятія съ рабочими были: на Обводномъ каналѣ, за Невской и Нарвской заставами, на Петербургской и Выборгской сторонахъ и на Васильевскомъ островѣ.

товарищами она, кажется, была недовольна: она вообще была консервативна, тяжело ей было свыкаться съ новыми товарищами, тяжело—перемѣнять взгляды.

Лѣтомъ 1874 г. она была арестована, но скоро выпущена на поруки за 5 тыс. р. и уѣхала съ братомъ въ Крымъ, въ свое Приморское, единственное имѣніе, которое Варварѣ Сергѣевнѣ удалось какъ-то спасти и тѣмъ обезпечить дѣтей.

Проживши на родинѣ нѣкоторое время, Перовская отправилась въ Тверскую губ., къ одному знакомому врачу, при содѣйствіи котораго рѣшилась изучить фельдшерское искусство. Всѣ симпатіи Перовской были на сторонѣ дѣятельности въ крестьянской средѣ, и, при первой возможности, она намѣревалась отдаться ей всѣми своими силами и энергіей, для какой цѣли придавала большое значеніе фельдшерскому диплому.

Въ Тверской губ. Перовская пробыла нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ очень усердно ухаживала за больными, при чемъ также занималась и оспопрививаніемъ. Отъ одного моего знакомаго, который часто встрѣчался съ Перовской въ Тверской губ. и затѣмъ былъ съ нею въ одномъ кружкѣ «Земли и Воли», я слыхала, съ какой заботливостью и нѣжностью Перовская ухаживала за больными.

Къ обязанностямъ простой сидѣлки Перовская относилась съ такою же добросовѣстностью и аккуратностью, какъ и ко всей своей революціонной дѣятельности. Она вообще ничего не могла дѣлать на скорую руку, какъ-нибудь. Взявшись за самое маленькое дѣло, она исполняла его наилучшимъ образомъ.

Познакомившись нѣсколько въ Тверской губ. съ медицинской практикой, Перовская нашла необходимымъ прослушать правильный курсъ, для чего вернулась обратно на родину и поступила въ Симферопольскую фельдшерскую школу, которую и окончила въ теченіе одного года. Жизнь ея въ Симферополѣ ничѣмъ особеннымъ не отличалась. Усердно занимаясь дѣломъ, она и здѣсь, какъ вездѣ, пріобрѣла любовь и уваженіе окружающихъ. Врачи фельдшерской школы относились къ ней съ полнымъ довѣріемъ и, несмотря на то, что она еще не окончила курса, они часто предоставляли ей практику. Въ числѣ ея паціентокъ была одна, страдавшая ракомъ на груди, старушка-еврейка, къ которой Перовская, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ каждый день ходила для перевязки. Своей заботой объ этой больной, своей вѣчной улыбкой, она внушила ей такую любовь къ себѣ, что та съ нетерпѣніемъ ждала ея прихода и увѣряла при этомъ, что при одномъ ея видѣ, ей дѣлается уже несравненно лучше.

Зимою 1877 г., получивши дипломъ, Перовская принялась искать мѣсто гдѣ-нибудь въ деревнѣ. Но въ это время начался процессъ 193-хъ, и ее повезли въ Петербургъ въ качествѣ подсудимой. Во время суда она оставалась на свободѣ, ходила на свиданія въ тюрьму къ своимъ старымъ пріятелямъ и товарищамъ, заботилась о нихъ, носила имъ пищу, одежду, книги. На судѣ она была въ

числѣ «протестовавшихъ» и всячески старалась, чтобы «протестъ» вышелъ, какъ можно, шире и дружнѣе. По суду она была оправдана.

Какъ извѣстно, по суду къ каторжнымъ работамъ приговоренъ былъ Мышкинъ, произведшій такое сильное впечатлѣніе своей рѣчью. Революціонеры рѣшились освободить его во время перевозки его изъ Петербурга въ центральную тюрьму. Перовская приняла въ этомъ планѣ самое горячее участіе. Но власти, узнавъ случайно объ этомъ замыслѣ, постарались ускорить и скрыть его отправку, и затѣявшіе его освобожденіе узнали объ этомъ только тогда, когда онъ былъ уже въ центральной тюрьмѣ (подъ Харьковомъ).

Трудно сказать, что дѣлалось съ Соней послѣ такой неудачи. Попавшагося на глаза въ этотъ самый моментъ участника ни за что разругала самымъ несправедливымъ образомъ и, успокоившись, она просто застыла на мысли, непремѣнно, во что бы то ни стало освободить другихъ. Ходила она злая-презлая, и только за своей больной (у нея на попеченіи была беременная госпожа С., страшно слабая и едва не умершая) ходила такъ же ласково и внимательно, какъ всегда.

Въ это время «троглодиты» были единственнымъ дѣятельнымъ кружкомъ въ Петербургѣ. Сонѣ они не нравились, но видя, что только при помощи этого кружка можетъ удаться задуманное ею дѣло, она пристала къ нимъ.

Правила организаціи требовали безусловнаго подчиненія большинству. Соня скоро увидала, что безъ этого, дѣйствительно, ничего нельзя сдѣлать. Лично же она представляла образецъ дисциплины въ разъ рѣшеннымъ дѣлѣ. Не знаю, какова была роль ея въ возбужденіи вопроса объ освобожденіи центральныхъ ссыльныхъ. Но компанія «троглодитовъ», начавшая вскорѣ изданіе «Земли и Воли», откуда и получила свое названіе землевольцевъ, произвела извѣстную попытку освобожденія Войнаральскаго. Соня принимала въ ней дѣятельное участіе и обнаружила все свое умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ, никогда не измѣнявшее ей самообладаніе и не женское мужество. Но когда попытка не удалась, она безжалостно упрекала участниковъ, и безъ того уже бывшихъ въ полномъ отчаяніи: «Зачѣмъ не гнали дальше! Какъ могли промахнуться»! и т. п. Вообще, такъ какъ я не желаю писать панегириковъ, въ которыхъ Соня не нуждается вовсе,—нужно сказать, что она въ дѣлѣ была жестоко-требовательна, и могла довести человѣка до самоубійства за малѣйшую слабость. Какъ это помирить съ ея нѣжностью къ больнымъ, слабымъ, и вообще ко всѣмъ, требующимъ поддержки,—я не знаю. Но объ черты принадлежатъ ей одинаково. Правда, что себя-то она ужъ окончательно не жалѣла и не берегла.

Послѣ харьковскаго дѣла Соня уѣхала къ себѣ въ Приморское и затѣмъ очень скоро была арестована: ее хотѣли выслать въ Повѣнецъ административно, подобно большинству освобожденныхъ по процессу 193. Но она по дорогѣ бѣжала. Везшіе ее жандармы,

желая съэкономить нѣсколько денегъ, предложили ей ѣхать не по желѣзной дорогѣ на Рыбинскъ, а пароходомъ. Она согласилась. Но для того, чтобы дождаться парохода, пришлось переночевать въ Чудовѣ. Соня спала въ дамской комнатѣ на вокзалѣ. Оба жандарма легли возлѣ дверей. Когда они заснули, Соня перешагнула черезъ нихъ, отворила двери, ушла съ вокзала и спряталась въ лѣсу, гдѣ и пробыла 6 часовъ, пока не улеглись поиски, а затѣмъ поѣхала въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени, она снова уѣхала въ Харьковъ — продолжать дѣло освобожденія. Съ этимъ освобожденіемъ она возилась цѣлый годъ. Работа была невозможно трудная. Соня подготовила очень многое и преодолѣла первыя препятствія. Ей удалось подыскать людей, устроить наблюденіе за центральной тюрьмой и сношенія съ заключенными. Живя въ городѣ и поступивъ на акушерскіе курсы, она въ то же время завела много знакомствъ среди молодежи, гдѣ ее не только любили, но относились даже съ нѣкоторымъ поклоненіемъ. Она положила начало кружку, просуществовавшему въ Харьковѣ болѣе 2-хъ лѣтъ. Что касается освобожденія, то оно не могло состояться, такъ какъ питерцы Сонѣ скоро совершенно перестали поддерживать. Мѣсяца два спустя, послѣ мезенцевскаго дѣла, компанія «Земли и Воли» была сильно ослаблена: лучшіе люди перебраны, связи подорваны, притокъ средствъ, по отсутствію людей, сократился. Напрасно оставшіеся въ живыхъ обращались изъ Петербурга въ провинцію (гдѣ въ народѣ было еще множество землевольцевъ) за помощью: никто не пріѣзжалъ, объясняя свой отказъ тѣмъ, что дѣла въ Петербургѣ не имѣютъ значенія, а увлеченіе терроромъ даже вредно. При такихъ условіяхъ, оставшимся приходилось работать каждому за десятерыхъ для того только, чтобы сохранить центръ. Можно сказать даже, что въ это время, *одинъ-два* человѣка вынесли на плечахъ своихъ честь революціи. Понятно, что оказывать еще помощь Сонѣ въ ея планѣ было невозможно.

Вотъ что сообщаетъ объ этомъ періодѣ жизни Перовской одна изъ ея харьковскихъ пріятельницъ.

«О Перовской я услыхала въ первый разъ въ іюнѣ 1878 г. отъ лицъ, подготовлявшихъ освобожденіе Войнаральскаго. Судя по тому, какъ эти лица отзывались о ней и какъ ждали ея пріѣзда въ Харьковъ, я тогда же заключила, что къ Перовской относятся въ этомъ кружкѣ съ глубокимъ уваженіемъ и какой-то особенной нѣжностью. Пріѣхала она въ Харьковъ позже всѣхъ остальныхъ участниковъ освобожденія, такъ, за недѣлю до катастрофы, потому, мнѣ кажется, что на ея обязанности лежало слѣдить за отправкой осужденныхъ изъ Петербурга и вообще не терять ихъ изъ виду. Во время освобожденія Перовская исполняла роль простой горничной на одной изъ квартиръ участниковъ. Она и вообще, какъ я послѣ узнала, бралась всего охотнѣе за такія роли, гдѣ нужно было разыгрывать простого человѣка; роль же барыни ей, вѣроятно, была не по-нутру, и я сомнѣваюсь даже, чтобы она могла

ее выполнить такъ же безукоризненно хорошо, какъ свои обыкновенныя роли. Въ качествѣ простой горничной, во время освобожденія, Перовская являлась всюду, гдѣ нужно было слѣдить и выслѣживать. Особенно внимательно наблюдала она за вокзаломъ, гдѣ въ это время былъ усиленъ полицейскій персоналъ, вслѣдствіе ожидавшагося прибытія поѣзда съ осужденными. Когда попытка окончилась неудачей, и участникамъ приходилось спасаться изъ Харькова, Перовская, замѣшавшись въ толпѣ, наблюдала за отъѣздомъ товарищей и видѣла, какъ арестовали явившагося первымъ на вокзалъ Ѳомина. Едва успѣли жандармы увести Ѳомина, какъ на вокзалъ явилось еще двое изъ участниковъ освобожденія, которые, навѣрное, были бы арестованы, если бы Перовская не успѣла во время предупредить ихъ о случившемся. Тогда всѣ трое ушли съ вокзала, переждали нѣсколько дней у своихъ знакомыхъ и, когда жаръ полиціи нѣсколько поутихъ, преспокойно уѣхали изъ Харькова.

Въ октябрѣ того же года Перовская снова пріѣхала въ Харьковъ, и въ этотъ разъ мнѣ удалось поближе узнать ее. Она въ это время была вся поглощена устройствомъ сношеній съ заключенными въ централкѣ и своимъ грандіознымъ планомъ освобожденія. Первое ей удалось вполнѣ, такъ что для заключенныхъ это было по-истинѣ блаженнымъ временемъ: люди, просидѣвшіе тамъ по нѣсколько лѣтъ безъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, вдругъ получили возможность переписываться со своими близкими, а также имѣть книги, ѣду и необходимую зимнюю одежду. Все это Перовская доставляла имъ съ истинно материнской заботливостью. Она, напр., по нѣсколько дней расхаживала по лавкамъ, раньше чѣмъ покупала ту или другую вещь для центральныхъ, объясняя при этомъ, что, молъ, тѣ теплыя фуфайки или эти теплые чулки кажутся ей не достаточно прочными, и она боится, что они могутъ сидящимъ не хватить на цѣлую зиму. Посылая пищу въ тюрьму, она заранѣе обдумывала, какая пища необходима заключеннымъ, чтобы предохранить ихъ отъ обыкновенныхъ тюремныхъ болѣзней, почему посылала имъ всегда сельдей, сыру, лимоновъ и яблокъ. И все это она дѣлала такъ старательно и съ такой нѣжностью, что часто приводила въ умиленіе, какъ меня, такъ и другихъ своихъ знакомыхъ.

Я жила съ Перовской въ одной комнатѣ, когда (въ ноябрѣ) получилось извѣстіе, что въ Петербургѣ многіе изъ членовъ «Земли и Воли» арестованы [1]). Трудно изобразить, какое горе причинило ей это извѣстіе. Какъ человѣкъ чрезвычайно скрытный, она ни передъ кѣмъ не изливала его и казалась даже спокойной и не особенно убитой, но зато по ночамъ, когда она была увѣрена, что я сплю, и никто не слышитъ ея, она давала волю своему горю. Помню, какъ Перовская провела первыя 3 ночи послѣ полученія извѣстія. Что это были за ночи!... Я вынуждена была притворяться спящей, изъ боязни своимъ присутствіемъ или участіемъ только стѣснить ее, но какъ сжималось мое сердце при этихъ постоянно раздававшихся тихихъ рыданіяхъ!... Я тогда еще не знала, какъ этотъ погромъ можетъ отразиться на планѣ освобожденія и думала, что Перовская такъ убивается только потому, что эти люди ей особенно близки. Впослѣдствіи я лишь поняла, что съ ихъ арестомъ у нея явилось сомнѣніе въ возможности осуществить свой планъ. Разстаться съ этимъ планомъ ей было невыносимо тяжело, но все же пришлось, такъ какъ за первыми арестами послѣдовали другіе, и попытка освобожденія не могла состояться.

. . . . Наступило 2-е апрѣля 1879 г. Правительство приняло такое положеніе, что уже совершенно немыслимо было уклониться отъ прямой борьбы съ нимъ. На эту борьбу вызывали факты, эту борьбу стала освящать и нарождающаяся теорія.

Освобожденія заключенныхъ изъ тюремъ отошли совершенно на задній планъ.

Въ іюнѣ состоялся Липецкій съѣздъ. Соня не была приглашена на него, но въ Воронежѣ она была. Здѣсь она заявила себя противъ политической программы, но всѣми силами стремилась предупредить разрывъ партіи и была въ числѣ лицъ, успѣвшихъ на два мѣсяца задержать этотъ расколъ, но онъ все-таки произошелъ.

Какъ всегда чуткая, понимающая, гдѣ бьется жизнь и правда, Соня не захотѣла оставаться въ «Черномъ Передѣлѣ», но, съ другой стороны, и не тотчасъ присоединилась къ «Народной Волѣ». Очень близкіе и уважаемые люди, бывшіе въ такомъ же положеніи, звали ее за границу. «Я предпочитаю быть повѣшенной здѣсь, чѣмъ жить за границей», отвѣчала она, и наотрѣзъ отказалась ѣхать.

Распаденіе организаціи «Земли и Воли» на 2 группы въ сущности произошло задолго до формальнаго его санкціонированія. Каждая группа послѣ Воронежскаго съѣзда дѣйствовала уже почти вполнѣ независимо: привлекала къ себѣ новыхъ членовъ изъ лицъ, не входившихъ въ организацію «Земли и Воли», обсуждала условія соглашенія и тѣхъ уступокъ, какія можно сдѣлать, чтобы избѣжать разрыва и заранѣе готовилась къ своимъ практическимъ задачамъ на случай разрыва. По поводу всего этого у такъ называемыхъ «деревенщиковъ» (будущихъ чернопередѣльцевъ) происходили сходки (за Петербургомъ), въ которыхъ участвовала также и Софья Львовна. Большинство не видѣло возможности прійти къ какимъ-нибудь соглашеніямъ съ террористами. Введеніе политическаго элемента въ программу и сосредоточеніе главныхъ силъ партіи на борьбѣ съ правительствомъ вызывали протестъ со стороны деревенщиковъ,— разрывъ былъ неизбѣженъ. Но Софьѣ, какъ и многимъ другимъ, ужасно не хотѣлось его. Она доказывала, какой вредъ произойдетъ отъ распаденія организаціи «Земли и Воли» и скорѣе молила, чѣмъ аргументировала, какъ его избѣжать. Она лично почти не видѣла существенныхъ разногласій между обѣими фракціями и находила, что расхожденіе происходитъ больше отъ недоразумѣній, которыя

[1]) Андріанъ Михайловъ, Сабуровъ, Бухаринъ, Малиновская, Колѣнкина и др., судившіеся въ маѣ 1880 г. по такъ называемому, процессу „Вѣмара".

можно удалить взаимными объясненіями. Она соглашалась съ деревенщиками, что не слѣдуетъ оставлять дѣятельность въ народѣ, хотя и на время, какъ это предлагали террористы (будущіе народовольцы), но, рядомъ съ этимъ, находила необходимымъ убійство Александра II, на что въ то время было устремлено все вниманіе послѣднихъ. Относительно этого пункта она нѣсколько расходилась съ деревенщиками, которые признавали полезность этого факта лишь въ связи съ дѣятельностью въ народѣ. Они смотрѣли на убійство царя, какъ на агитаціонный фактъ, могущій послужить сигналомъ къ крупнымъ массовымъ движеніямъ. Поэтому моментъ совершенія убійства Александра II они ставили въ зависимость отъ результатовъ предварительной организаціонной работы въ народѣ, иначе, фактъ этотъ, думали они, или останется совсѣмъ безъ вліянія на народъ, или онъ вызоветъ стихійныя движенія, которыя, при отсутствіи революціонныхъ организацій, могутъ скорѣе принести вредъ, чѣмъ пользу. Но террористы рѣшительно не хотѣли подчинять время совершенія этого факта дѣятельности въ народѣ, находя эти соображенія не вполнѣ вѣрными и не всегда удобоисполнимыми, поэтому они стояли за выполненіе своего намѣренія, какъ только представится къ тому возможность. Софія Львовна соглашалась съ деревенщиками, что убійство царя будетъ имѣть гораздо большее значеніе, если оно совершится при параллельной дѣятельности въ народѣ, при существованіи серьезныхъ сношеній съ нимъ и крупныхъ организацій; но всего этого въ то время почти совсѣмъ не было, поэтому она находила полезнымъ совершеніе убійства Александра II, ради одной уже мести за ужасныя преслѣдованія и казни соціалистовъ, и такъ какъ приведеніе этого плана въ исполненіе само собою откладывалось на нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ деревенщики, какъ ей казалось, могли еще кое-что успѣть въ народѣ, то она и считала дѣятельность обѣихъ фракцій одна другую дополняющей; но пока деревенщикамъ удастся завязать серьезныя сношенія съ народомъ, она рѣшилась помогать террористамъ въ ихъ планахъ взрыва царя. Вотъ почему, при состоявшемся (въ началѣ августа 1879 г.) формальномъ распаденіи «Земли и Воли» на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ», Софія Львовна не пристала ни къ одной изъ этихъ двухъ группъ цѣликомъ, но, тѣмъ не менѣе, помогала каждой. Такъ, передъ отъѣздомъ въ Москву (въ домъ Сухорукова), она передала чернопередѣльцамъ кое-какія имѣвшіяся у нея связи въ провинціи, познакомила ихъ съ нѣкоторыми лицами, располагавшими матеріальными средствами и сочувствовавшими дѣятельности въ народѣ и отдала имъ имѣвшуюся у нея небольшую сумму для ихъ предпріятій.

Возвратившись послѣ 19 ноября въ Петербургъ, Софія Львовна тотчасъ же постаралась повидаться съ нами. Почти съ первыхъ же словъ она прямо заявила намъ, что готова пристать къ чернопередѣльцамъ, если у нихъ имѣется теперь (или въ скоромъ времени будетъ) крупное организаціонное предпріятіе въ народѣ. Народовольцы подробно изложили ей настоящее положеніе дѣлъ: они разсказали ей, какъ велики теперь внѣшнія (политическія) препятствія для серьезной дѣятельности въ народѣ, какъ ничтожны тамъ связи («защѣпки») чернопередѣльцевъ, въ какомъ незавидномъ положеніи находятся всѣ, желающіе дѣйствовать въ деревнѣ, и какъ мало силъ и средствъ для возможной даже въ этомъ направленіи дѣятельности. Твердая увѣренность народовольцевъ въ томъ, что серьезное революціонное дѣло немыслимо въ данное время въ народѣ, произвело на Софію Львовну очень тяжелое впечатлѣніе. «Такъ остается пристать къ народовольцамъ?»—не то спрашивала, не то рѣшала она.

Зная, что она не раздѣляетъ цѣликомъ воззрѣній «Народной Воли», что она мало вѣритъ въ возможность добиться политической свободы силами партіи, что она смотритъ на террористическіе факты больше, какъ на месть правительству, народовольцы старались отклонить ея намѣреніе, доказывая, что лучше уже выждать нѣкоторое время, а пока возможна будетъ дѣятельность въ народѣ, они предлагали ей уѣхать за границу. «Нѣтъ, нѣтъ! — рѣшительно заявила она — я останусь здѣсь погибать вмѣстѣ съ борющимися товарищами»!

Трудно выразить, какъ тяжело товарищамъ Перовской было сознавать, что она остается для вѣрной и скорой гибели, но никакими доводами они не въ силахъ были переубѣдить ее.

На другой день, послѣ этой бесѣды, Желябовъ съ необычайной радостью сообщилъ намъ, что Софія Львовна уже формально вступила въ организацію «Народной Воли».

Въ декабрѣ 1879 г. Соня, такимъ образомъ, формально присоединилась къ фракціи «Народной Воли». Съ тѣхъ поръ она со всей энергіей работала на пользу «Народной Воли», а въ организаціонномъ отношеніи сдѣлалась значительно большей централисткой и горячо проповѣдывала необходимость дисциплины.

Почти сейчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, Соня попала въ непріятное положеніе, обыкновенно наступающее послѣ всякихъ «покушеній» и т. п. Начались аресты. Взята была типографія «Народной Воли», а также многіе изъ выдающихся ея дѣятелей. Соня въ это время была неподражаема по хладнокровію и находчивости.

Дѣятельность Сони за послѣдній годъ извѣстна мнѣ лучше, чѣмъ въ какой-нибудь другой періодъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ близко касается нашего времени для того, чтобы о ней можно было говорить. Одно можно сказать: она работала неутомимо. Особенно она занята была рабочимъ дѣломъ, а въ связи съ нимъ дѣйствовала и между студенчествомъ. Къ дѣятельности среди рабочихъ ее влекла всегдашняя ея симпатія и убѣжденія. Она очень серьезно вдумывалась въ планъ переворота, поставленный партіей, и всегда утверждала, что безъ широкаго участія рабочихъ и безъ поддержки войска, переворотъ немыслимъ.

Къ недостаткамъ Сони можно причислить ея крайнюю неосторожность. Себя она не берегла ни на волосъ. Да и вообще она

способна была увлекаться цѣлью до того, что не достаточно осторожно вела себя въ работѣ. Однако, она никогда не хотѣла признавать себя въ этомъ виновной, и нужно сознаться, что ея ловкость очень часто выкупала недостатокъ осторожности.

Послѣдній годъ жизни Сони былъ первымъ годомъ любви. Она полюбила Желябова,—единственный разъ въ жизни, если не ошибаюсь. Вообще она была большая «женская патріотка» и всегда утверждала, что мужчины въ сущности ниже женщинъ. Серьезное уваженіе она чувствовала къ очень немногимъ. Желябовъ оказался человѣкомъ по плечу Сони. Она крѣпко любила его, какъ я, признаться, считалъ ее неспособной полюбить мужчину. Недолго продолжался этотъ эпизодъ. Въ концѣ февраля 1881 г. Желябовъ былъ арестованъ.

Участіе Сони въ дѣлѣ 1 марта раскрыто ею на судѣ. Послѣ ареста Желябова, она успѣла очистить свою квартиру отъ всего цѣннаго и уйти на глазахъ искавшей ее полиціи. Послѣ 1-го марта друзья настаивали на ея отъѣздѣ. Она отказывалась, умоляя оставить ее въ Петербургѣ, гдѣ теперь такъ интересно быть. Нѣсколько дней спустя, ее арестовали на улицѣ, когда она ѣхала на извозчикѣ.

Безполезно говорить о томъ, что Соня встрѣтила смерть такъ же, какъ встрѣчала тяжелую жизнь: спокойно и съ достоинствомъ. Умереть хорошо легче, чѣмъ жить такъ, какъ умѣла жить она.

Приведу въ заключеніе письмо Сони, писанное ею матери передъ судомъ. Она старается щадить и осторожно приготовить мать къ страшному удару. Къ сожалѣнію, это единственное письмо Сони, которое я могъ достать. Впрочемъ, она и не любила писать, кромѣ чего-нибудь дѣлового. Вотъ это письмо:

«Дорогая моя, неоцѣненная мамуля! Меня все давитъ и мучаетъ мысль, что съ тобой. Дорогая моя, умоляю тебя, успокойся, не мучь себя изъ-за меня, побереги себя, ради всѣхъ окружающихъ тебя, и ради меня также. Я о своей участи нисколько не горюю, совершенно спокойно встрѣчаю ее, такъ какъ давно знала и ожидала, что рано или поздно, а такъ будетъ. И право же, милая моя мамуля, она вовсе не такая мрачная. Я жила такъ, какъ подсказывали мнѣ мои убѣжденія; поступать же противъ нихъ я была не въ состояніи: поэтому со спокойной совѣстью ожидаю все, предстоящее мнѣ. И единственно, что тяжелымъ гнетомъ лежитъ на мнѣ, это твое горе, моя неоцѣненная, это одно меня терзаетъ, и я не знаю, что бы я дала, чтобы облегчить его. Голубонька моя, мамочка, вспомни, что около тебя есть еще громадная семья, и малые, и большіе, для которыхъ, для всѣхъ ты нужна, какъ великая своей нравственной силой. Я всегда отъ души сожалѣла, что не могу дойти до той нравственной высоты, на которой ты стоишь, но во всякія минуты колебанія твой образъ меня всегда поддерживалъ. Въ своей глубокой привязанности къ тебѣ я не стану увѣрять, такъ какъ ты знаешь, что съ самаго дѣтства ты была всегда моею самой постоянной и высокой любовью. Безпокойство о тебѣ

С. Л. ПЕРОВСКАЯ съ подругами.
Пещерин фонъ-Герцфельдъ.
Корнилова.
Ваильбергъ.
Перовская.

С. Л. ПЕРОВСКАЯ въ дѣтствѣ.

было для меня всегда самымъ большимъ горемъ. Я надѣюсь, родная моя, что ты успокоишься, простишь хоть частью все то горе, что я теперь причиняю и не станешь меня сильно бранить: твой упрекъ единственно для меня тягостный.

Мысленно, крѣпко и крѣпко цѣлую твои ручки, и на колѣняхъ умоляю не сердиться на меня. Мой горячій привѣтъ всѣмъ роднымъ. Вотъ и просьба къ тебѣ есть, дорогая мамуля, купи мнѣ воротничекъ и рукавчики, потому запонокъ не позволяютъ носить, и воротничекъ поуже, а то для суда хоть нѣсколько поправить свой костюмъ; тутъ онъ очень разстроился. До свиданія же, моя дорогая, опять повторяю свою просьбу: не терзай и не мучай себя изъ-за меня, моя участь вовсе не такая плачевная и тебѣ изъ-за меня горевать не стоитъ".

22-го марта 1881 г. *Твоя Соня.*

Какъ извѣстно, черезъ 12 дней послѣ написанія этихъ строкъ, Софья Львовна окончила свои дни на эшафотѣ...

Къ исторіи заговора Сухинова.

(Подлинный документъ).

КОМЕНДАНТА
при Нерчинскихъ рудникахъ
Генералъ-Майора и Кавалера Лепарскаго.

По 29-го Ноября 1828. Секретно. Исправляющему Должность Начальника Нерчинскихъ Заводовъ Господину Бергаутману и Кавалеру Фонъ-Фрину.

Ноября 29-го дня 1828 года.

Учрежденная въ Нерчинскомъ заводѣ Коммисія Военнаго Суда, для сужденія намѣревавшихся къ побѣгу изъ Зерентуйскаго рудника ссыльныхъ съ злоумышленіемъ ихъ, чтобы, составя партію до двадцати человѣкъ или болѣе, подъ предводительствомъ ссыльнаго же Сухинова сдѣлать возмущеніе и прочія злодѣянія, представила ко мнѣ сего Ноября 4-го числа оконченное оной Военно Судное Дѣло, съ заключеннымъ сентенціею. Разсмотрѣвъ Дѣло сіе, нахожу что Коммисія Военнаго Суда заключила виновнымъ приговоръ сходно съ законами.—Но какъ Государь Императоръ Высочайшимъ ко мнѣ Повелѣніемъ за Собственноручнымъ подписаніемъ, послѣдовавшемъ отъ 13-го числа прошлаго августа, повелѣть соизволилъ, по Дѣлу сему приговоръ Суда исполнить мнѣ посилъ учрежденія параграфа 7-го о Дѣйствующихъ арміи; исполненіе того Высочайшаго Повелѣнія, слѣдуя подѣлому уголовному уложенію для большой Дѣйствующей Арміи, приговоренныхъ Военнымъ Судомъ къ смертной казни, и имѣнно: ссыльнаго Ивана Сухинова, за согласіе ссыльныхъ Голикова и Бочарова къ общему съ нимъ побѣгу, принявшаго злоумышленіе набрать Партію Ссыльныхъ до двадцати человѣкъ и болѣе, съ ними взять насильственно въ Зерентуевскомъ рудникѣ и Нерчинскомъ заводѣ салдатскія ружьи, порохъ, пушки, денѣжную казну, идти по протчимъ рудникамъ и заводамъ, разбивать всюду тюрьмы для присоединенія къ себѣ колодниковъ, притѣснять и принуждать проживающихъ отдѣльно въ казармахъ рабочихъ ссыльныхъ и изъ жителей, къ общему бунту; истребляя всѣ что только ему противиться будетъ; а чиновниковъ находящихся въ Зерентуйскомъ рудникѣ забрать въ тюрьму и зажечь оную; усилясь къ своей разбойническую шайку, пробраться въ Читинской острогъ, гдѣ освободить Государственныхъ преступниковъ, принять тогда съ ними рѣшительные мѣры къ дальнѣйшимъ злодѣяніямъ; и хотя онъ Сухиновъ ни въ чемъ прописанномъ, собственнаго сознанія не учинилъ, а напротивъ опровергалъ то разнаго дѣла сего окончностями, и намѣненіями собственныхъ своихъ сознаній, но достаточно на очныхъ ставкахъ изобличенъ ссыльными Голиковымъ и Бочаровымъ, а къ тому какъ онъ сосланъ въ Нерчинскія заводы въ работу за участіе въ возмущеніи противъ Высочайшей Власти, довольно доказывается виновнымъ; почему на основаніи Указа 1775-го года апреля 28-го дня, недомогаясь отъ него, какъ шельмованнаго и лишеннаго всѣхъ правъ и довѣрія, собственнаго сознанія за вышеприписанныя его на сіи злодѣйственныя покушенія, по силѣ узаконенія: Воинскихъ Артикуловъ на 99-я толкованія, 127-го, 135-го и 137-го съ толкованіемъ, и Указа 1754-го года маія 13-го пункта 8-го, учинить ему Сухинову смѣртную казнь, повѣсить, по сообразуясь съ силою Указовъ 1754 года сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня до воспослѣдованія разрешенія указать его кнутомъ тремя стами ударами, поставить на лицѣ клейма, и дабы онъ въ предъ подобныхъ къ преступленіямъ покушеній сдѣлать нѣмогъ, заключить его Сухинова въ тюрьму.—Въ мѣсто того согласно помѣтного уложенія главы II-ой § 7-го главы V-ой § 40-го опредѣлію: Ивана Сухинова разстрелять.

Ссыльнаго Павла Голикова по собственному его сознанію и по обстоятельствамъ Дѣла оказавшагось склонившимся къ общему побѣгу и обольстясь обѣщаніями Сухинова и давшимъ слово къ подговору другихъ ссыльныхъ; согласившимъ Бочарова сходить въ Нерчинскій заводъ для сегожѣ подговора и по возвращеніи Бочарова увѣдомить Сухинова, о нѣ здѣланіи имъ въ заводѣ успѣха.—Неотставшимъ отъ Сухинова, и тогда, когда оной ему объявилъ вѣсь планъ злодѣйствъ предпринимаемыхъ имъ привѣсти въ дѣйствіе посдѣ побѣга; попустился учинить убійство бывшему въ общемъ заговорѣ Казакову, открывшему наконецъ своему Начальнику о заговорѣ къ побѣгу, за утайку при нѣолнократныхъ спросахъ отомъ убійствѣ, и намѣненіе его показаніемъ, посилъ Соборнаго Уложенія 21-ой главы 72-го пункта Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-я толкованія, 127-го, 135-го, 137-го съ толкованіемъ и Указа 1754-го маія 13-го пункта 8-го учинить ему смѣртную казнь, повѣсить, но сообразуясь съ силою Указовъ 1754-го сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня до воспослѣдованія разрешенія, наказать кнутомъ четыреста ударами, и подновить штемпельные знаки, заключить въ тюрьму дабы онъ въ предъ подобныхъ преступленія здѣлать нѣмогъ.—Въ мѣсто того согласно того жѣ полѣвого уголовнаго положенія, и тѣхъ же параграфовъ опредѣляю: Павла Голикова разстрелять. Василья Бочарова, по собственному его сознанію, и обстоятельствами Дѣла, показавшагось преступникомъ въ знаніи отъ ссыльныхъ Сухинова и Голикова о ихъ злоумышленіяхъ, за согласіе съ ними къ побѣгу, за подговоръ къ тому другихъ сообщниковъ за нѣлѣнство и непеполненіе назначенной ему работы, даже и посилъ наказанія его Бочарова палками, за содѣйствіе Голикову при убійствѣ ссыльнаго Казакова, за оказанное Надзирателю нѣпослушаніе самовольнымъ уходомъ въ казарму, за учиненной имъ побѣгъ, за ложной извѣтъ на слѣдователя Бергаутмана Киргизова, за утайку при спросахъ о здѣланныхъ имъ преступленіяхъ, и за ложное показаніе, посилъ Соборнаго уложенія Главы десятой 14-го двадцать первой 72-го пункта, Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ

45-го, 96-го на 99-й толкованія, 127-го, 135-го, 137-го съ толкованіемъ и 155-го, Воинскихъ процесовъ второй части 1-ой главы второго пункта, и Указа 1754-го мая 13-го пункта 8-го, учинить ему смѣртную казнь, повѣсить, но соображаясь съ силою Указовъ 1754-го Сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня наказать кнутомъ трема стами пятидесати ударами, подновить штемпельные знаки и заключить въ тюрьму, дабы онъ въ предъ подобныхъ преступленій здѣлать немогъ. Въ мѣсто того, согласно тогожъ полѣвого уголовного положенія, и тѣхъ же параграфовъ опредѣлю: Василья Бочарова разстрелять.

Ссыльныхъ Федора Моршакова и Тимофея Непомнящаго прозванія, по собственному сознанію, а такъ же обстоятельствами дѣла, обнаруженныхъ въ преступленіяхъ, 1-ой Моршаковъ, въ согласіи къ побѣгу; въ пьянствіи на щетъ Сухинова съ ссыльными согласившимись къ побѣгу, въ знаніи частію замысловъ означенного Сухинова, въ открытіи нѣкоторымъ согласившимся къ побѣгу о томъ, что ссыльной Казаковъ объявилъ управляющему ихъ намѣреніи, то чтобы имѣть осторожность и недопускать къ нему Казакова, чрезъ что подалъ онъ Моршакову поводъ Голикову и Бочарову къ самому убійству того Казакова. 2-ой нѣкомнящій прозванія, въ согласіи къ общему побѣгу, въ знаніи частію о злоумышленіяхъ, въ отрицательствѣ при спросахъ того, въ чемъ прежде сознавался, и засогласіе съ Леоновымъ и Шинкаренкомъ дать знать сообщникамъ о приходившемъ объявить о ихъ намѣреніи ссыльномъ Казаковѣ и наконецъ обещать Моршакову Казакова къ управляющему недопускать: Послѣ Соборнаго уложенія Главы десятой 14-го пункта, воинскихъ Артикуловъ на 99-й толкованія 127-го, 136-го, 137-го съ толкованіемъ 155-го и Указа 1754-го мая 13-го пункта 8-го, а Моршакова и посилѣ воинскаго 43-го Артикула съ толкованіемъ учинить имъ смѣртную казнь повѣсить. Но соображаясь съ силою Указа 1754-го сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня наказать обоихъ кнутомъ каждаго по триста ударовъ и подновя клѣйма заключить въ тюрьму, дабы они въ предъ подобныхъ преступленій учинить немогли. Въ мѣсто того, согласно тогожъ Полѣвого Уголовнаго Уложенія, и тѣхъ же параграфовъ опредѣлю: Федора Моршакова и Тимофея Непомнящаго прозванія разстрелять.

Василья Михайлова, сознавшагось прежде что онъ былъ подговариваемъ къ побѣгу ссыльнымъ Голиковымъ, что на оной согласился, и зналъ о намѣреніяхъ причиненія разныхъ злодѣяній, а такъ же чтобы по время побѣга, кражею и грабежемъ пріобресть себѣ вооруженіе, и собравши хорошую партію пробраться до Читинскаго Острога и освободить изъ онаго всѣхъ Государственныхъ преступниковъ, а послѣ при спросахъ учинившаго отрицательство, въ чемъ на очныхъ ставкахъ быть изобличаемъ другими участвовавшими въ семъ заговорѣ. На основаніи Указа 1775-го года апреля 28-го. Нѣдомогаясь отъ него Михайлова какъ закосивлаго въ злодѣйствѣ собственнаго сознанія, за означенные преступленія, посилѣ воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ на 99-й толкованія, 127-го, 136-го, 137-го съ толкованіемъ и Указа 1754-го мая 13-го пункта 8-го учинить ему смѣртную казнь, повѣсить; Но соображаясь съ силою Указовъ 1754-го года сентября 30-го и 1817-го декабря 25-го дня наказать кнутомъ двумя стами восмидесати ударами, подновить штемпельные знаки и заключить въ тюрьму

дабы онъ въ предъ подобныхъ преступленій учинить немогъ. Въ мѣсто того, по полѣвому Уголовному Положенію, и тѣхъ же параграфовъ Опредѣляю: Василья Михайлова разстрелять.

Ссыльныхъ Аврамка Леонова и Григорія Шинкаренка, за согласіе по подговору ссыльнаго Бочарова къ общему побѣгу, за питье Леоновымъ отъ ссыльнаго же Голикова съ прочими согласившимися къ тому побѣгу вина, и за токовожѣ питье ими Леоновымъ и Шинкаренкомъ вина и отъ ссыльнаго Семѣнцова, за отклоненіе Леоновымъ приходившаго въ домъ къ управляющему ссыльнаго Козакова отъ доказательства о намѣреніи ихъ къ побѣгу; за согласіе ихъ со ссыльнымъ непомнящимъ чтобы извѣстить товарищей о прихадившемъ Козаковѣ къ управляющему, чѣмъ подали они поводъ и на убійство Козакова. За таковыя означенныхъ Леонова и Шинкаренка преступленія, по силѣ Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-й толкованія, 129-го, 133-го, 155-го и указовъ 1754-го мая 13-го пункта 8-го и 1754-го же сентября 30-го дня и 1817-го декабря 25-го наказать кнутомъ каждаго по двѣсти ударовъ, и подновивъ штемпельныя знаки оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссыльнаго Семѣна Семѣнцова за посѣщеніе виновъ ссыльныхъ Голикова, Бочарова, Моршакова, за сговоръ къ побѣгу и знаніе какъ о намѣреніи другихъ ссыльныхъ и согласіе напоить Козакова до-пьяна и куда-либо отвести, согласно Воинскихъ Артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-й толкованія, 129-го, 133-го, 155-го и указовъ 1754-го мая 13-го пункта 8-го и 1754-го сентября 30-го и 1817-го года декабря 25-го дня, наказать кнутомъ ставосьмидесати ударами, подновить штемпелевые знаки и оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Григорія Глаухина, который въ Нерчинской горной конторѣ сознался и послѣ утвердилъ, что ссыльный Голиковъ, приглашая его къ побегу, сказалъ, что они пойдутъ отлично и на проходѣ до Иркутска и тамъ перемѣня имѣна и прозванія можетъ быть останутся на какихъ-либо заводахъ въ работахъ, на что онъ Глаухинъ хотя и далъ Голикову обещаніе, однако жъ намѣренія якобы къ побѣгу немѣлъ, и послѣ того бывши въ огородѣ ссыльнаго Птицина у копанія по найму гряди, по приглашенію того Голикова, пришедъ къ питейному дому пилъ отъ него вино. Согласно Воинскихъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-ой толкованія, 129-го, 133-го, 136 артикуловъ, и указовъ 1754-го сентября 30-го и 1817-го декабря 25-го дня наказать кнутомъ ста ударами и подновя клѣйма оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссыльныхъ Ивана Каверзенка и Никиту Колодина, которые при спросахъ утвердили, что по приглашенію ссыльныхъ Голикова и Бочарова бывши у питейнаго дому пили съ прочими отъ Голикова вино, и когда имъ были подговариваемы къ побѣгу, Каверзенко якобы отозвался, а Колодинъ почелъ вызовъ тотъ шуточнымъ; а ушедши отъ питейнаго дому, что были согласиваемы къ побѣгу ни кому не объявили. Посему согласно воинскихъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-ой толкованія, 129-го, 133-го артикуловъ, какъ въ знавшихъ о злостномъ умыслѣ, наказать ихъ плетьми каждаго по пятидесати ударовъ поставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссыльныхъ Николая Григорьева, Антона Ковальчука, Мирона Акатьева,

Павла Анѣдина, Ефима Ильина; которые хотя при спросахъ ихъ утвердили, что бывши ссыльнымъ Голиковымъ приглашены къ питейному дому, пили отъ нѣчего вино, но согласуемы якобы тѣмъ Голиковымъ и никѣмъ другимъ къ побѣгу нѣ были, но какъ они свѣрхъ показанія на нихъ отъ ссыльнаго Голикова обличаются, да и другія доказательства въ томъ достаточно явствуютъ, а посему на основаніи указа 1775-го года Апрѣля 28-го дня нѣдомогамсь отъ нихъ собственнаго сознанія, упомянутыхъ Григорьева, Ковальчука, Акатьева, Анѣдина и Ильина по сплъ Воинскихъ артикуловъ 43-го съ толкованіемъ, на 99-ой толкованія, и 135-го указа 1754-го года мая 13-го дня пункта 8-го наказать плетьми каждаго по восьмидесяти ударовъ и оставить въ каторжной работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссыльнаго Алѣксѣя Рубцова, на котораго хотя рядовой Кутузовъ показалъ, что во время содержанія ссыльнаго Голикова подъ стражею приникалъ онъ ссыльного Алѣксея Рубцова и между прочимъ якобы ему вызывался онъ Рубцовъ, что будѣтъ съ ними сидѣть въ тюрьмѣ за то, что будьто бы обещался по убегѣ снабжать ихъ хлѣбомъ и порохомъ; но какъ означенные Голиковъ и Рубцовъ въ томъ нѣ сознались и на обличеніе ихъ Кутузовъ ничего нѣ представитъ, то согласно воинскихъ процессовъ второй части пятой главы 10-го пункта, обстоятельство сіе предать волѣ Божіей и Рубцова освободить.

Какъ же свѣрхъ того означенный ссыльной Рубцовъ доказывается ссыльными Сухиновымъ, Голиковымъ и Ковальчукомъ, что онъ за проданные Голикову сапоги и дабу получилъ деньги въ пяти рублевой ассигнаціи отъ Сухинова; но онъ, Рубцовъ, противно ему утвердилъ, и на очныхъ ставкахъ при уличеніи тремя ссыльными, остался на томъ показаніи, что деньги получилъ нѣ отъ Сухинова, а отъ Голикова, то посему какъ за ложное его Рубцова показаніе такъ и за дачу ссыльнымъ Голикову и Бочарову на пьянство деньги съ покупкою у нихъ вещей, согласно Указа 1754-года маія 13-го пункта 8-го наказать плетми пятидесяти ударами и оставить попрежнѣму въ работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссыльнаго Кирила Аѳиномова, за разнообразныя его показанія, а въ другихъ просахъ и ложныя, согласно указа 1754-го года маія 13-го дня пункта 8-го наказать плетьми тридцатью ударами и оставить по прежнѣму въ работѣ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Коммиссіею Военнаго Суда признанныхъ нѣ подлежащими къ наказанію.

Ссыльныхъ Вениамина Соловьева, и Александра Моззалевскаго, нѣ имѣющихъ противъ себя никакого къ обвиненію, и доказательствъ чтобы они принадлѣжали къ заговору, и имѣли участіе въ злоумышленіи; согласно Воинскихъ процессовъ второй части пятой главы 9-го и 10-го пунктовъ, упоминаемыхъ ссыльныхъ Соловьева и Моззалевскаго, освободить отъ дѣла. Но дабы они мѣжду собой немогли въ предъ имѣть сношенія и свиданія, разослать для опредѣленія въ работы въ разные рудники, усугубя мѣстному Начальству за ихъ поступками внимательной присмотръ. Опредѣляю: исполнить приговоръ Военнаго Суда.

Ссыльнаго Константина Птицына, которой показалъ, будто-бы изъ отданной ему Птицину Сухиновымъ пятирублевой ассигнаціи, заплатя Голиковъ только 1 рубль 80 копѣекъ; но какъ онъ при вопросѣ въ Нерчинской горной (конторѣ) Експедиціи вспомнилъ, что тѣ деньги 1 рубль 80 копѣекъ (въ томъ числѣ и за взятое Голиковымъ тогда жѣ по запискѣ Сухинова на 10-ть копѣекъ вино) слѣдовали ему Птицину съ Сухинова, а Голиковымъ забрано виномъ на 3 рубли 20 копѣекъ, и тѣмъ изобличилъ даже и ссыльнаго Сухинова, слѣдовательно и могло случиться, какъ тотъ Птицинъ показалъ, что онъ въ горной конторѣ выводилъ о томъ нѣ съ умысла, а ошибочно и тѣмъ болѣе, что учетъ пятирублевой ассигнаціи состоитъ изъ 3-хъ рублей 20-ти копѣекъ, а изъ 1-го рубля 80-ти копѣекъ, что и было имъ показано въ оборотѣ въ приговорѣ коммиссіи военнаго Суда заключающихся, представляю Вашему Высокоблагородію съ кѣмъ слѣдовать будѣтъ Самому свѣстись, а по 17-му пункту по разсмотрѣнію своему распорядиться.

Наложивъ Вашему Высокоблагородію заключеніе приговора Военно-Судной Коммиссіи, и согласно учрежденія для большой Дѣйствующей Арміи, опредѣливъ къ наказаніе осужденнымъ утвержденіе мое; предлагаю учинить съ Вашей стороны нужныя распоряженія касательно Екзекуціи; а какъ мнѣ самому должно быть при оной, то нѣ оставить мѣни Вашимъ увѣдомленіемъ къ которому имѣнно числу можетъ быть всѣ нужное приготовлѣно.

Дѣло жъ Военное Судное на триста семидесяти писанныхъ листахъ отъ Коммиссіи ко мнѣ представленное, присемъ для надлежащаго по 15-ть, 16-ть и 17-ть пунктамъ исполненія и послѣ приобщенія къ рѣшеннымъ Дѣламъ къ Вашему Высокоблагородію присемъ препровождаю. Комендантъ при Нерчинскихъ рудникахъ Генералъ-Маіоръ Лепарскій.

У подножія висѣлицы.

День $^{15}/_{27}$ января 1885 года навсегда будетъ памятенъ всѣмъ, осужденнымъ по дѣлу польской соціалистической партіи «Пролетаріатъ».

Со времени объявленія приговора прошелъ уже сорокъ одинъ день. Для всѣхъ было ясно, что всѣ ухищренія военной прокуратуры и военнаго суда не привели ни къ чему. Петербургъ не поддался на аргументы, по которымъ польская соціалистическая партія «Пролетаріатъ» заключила союзъ съ «Народной Волей», а «Народная Воля»—это та партія, которая совершила ужасное злодѣяніе 1 марта 1881 года, слѣдовательно, всѣ участники «Пролетаріата» подлежатъ смертной казни черезъ повѣшеніе...

Для суда, получавшаго прямыя предписанія отъ Гурко, такіе аргументы не только были, но и должны были быть убѣдительны... но казнить въ то время 29 человѣкъ въ Варшавѣ было немыслимо... Военному суду пришлось отдѣлить козловъ отъ агнцевъ, для послѣднихъ изобрѣсти «смягчающія вину обстоятельства», въ нѣкоторыхъ случаяхъ до того нелѣпыя, что вызывали улыбку: старикамъ смягчалось наказаніе «по молодости лѣтъ» (случай съ Бліохомъ, Дегурскимъ, Форминскимъ и другими); организаторамъ, вдохновителямъ, многолѣтнимъ борцамъ—«по легкомыслію» и т. д.

Въ итогѣ такого отбора получилось всего шесть смертныхъ приговоровъ. Приговоры эти имѣли опредѣленную цѣль: терроризированіе соотвѣтственныхъ общественныхъ сферъ. Для устрашенія университетской молодежи приговорили къ смерти студента-путейца Станислава Куницкаго; смертный приговоръ, вынесенный русскому коронному мировому судьѣ Петру Васильевичу Бардовскому, долженъ былъ устрашить чиновничью среду; приговоръ надъ военнымъ инженеромъ, капитаномъ Николаемъ Адольфовичемъ Люри, преслѣдовалъ ту же цѣль относительно военной среды. Наконецъ, для устрашенія рабочихъ были избраны жертвы въ лицѣ Яна Петрусинскаго, рабочаго-ткача изъ Згержа, Михаила Оссовскаго, рабочаго изъ Варшавы и Іосифа Шмауса, рабочаго изъ Лодзи. Въ этихъ трехъ городахъ рабочее движеніе было особенно сильно.

Я не стану описывать того впечатлѣнія, какое произвели эти приговоры на насъ, остальныхъ, которыхъ сія чаша миновала. Скажу только, что мы опасались, главнымъ образомъ, за участь

Куницкаго. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ «Народной Волѣ», онъ въ оное время увезъ изъ Петербурга разыскиваемаго жандармами Дегаева, за поимку котораго была даже назначена награда, онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ «Пролетаріата», онъ, наконецъ, сыгралъ немаловажную роль при заключеніи союза между «Пролетаріатомъ» и «Народной Волей»... На него не могъ не обрушиться гнѣвъ жандармовъ-вседержителей...

Но остальные?.. Бардовскій, типичный шестидесятникъ-конституціоналистъ, въ минуту глубокаго негодованія и возмущенія поведеніемъ военныхъ, разстрѣливавшихъ въ Жирардовѣ безоружныхъ рабочихъ (въ Польшѣ это практиковалось еще въ 1883—4 гг.!) составившій прокламацію къ военнымъ, найденную у него въ рукописи, но нигдѣ не напечатанную! Никогда не принадлежавшій къ партіи, о чемъ и жандармы, и судьи знали... Онъ, этотъ заваленный съ утра до вечера служебной работой судья, чѣмъ былъ опасенъ? Его за что было казнить?

За что было казнить Н. А. Люри, относительно котораго даже военный судъ не нашелъ другихъ обвиненій, кромѣ того, что онъ давалъ средства для оказанія помощи семьямъ арестованныхъ рабочихъ?

Можно-ли было вѣрить въ исполненіе смертной казни надъ обремененнымъ семьей рабочимъ Шмаусомъ, обвинявшимся въ неудачномъ покушеніи на жизнь шпіона? Или надъ несовершеннолѣтнимъ Оссовскимъ, убившимъ провокатора? Или надъ юношей Петрусинскимъ, тоже несовершеннолѣтнимъ, обвиненномъ въ убійствѣ провокатора, несмотря на то, что на судѣ товарищъ Поплавскій прямо заявилъ: «Петрусинскій не виновенъ! Я убилъ Гельшера»...

Нѣтъ! Даже теперь, по истеченіи 20 лѣтъ, послѣ того, какъ пришлось быть свидѣтелемъ такихъ звѣрствъ, что при одномъ воспоминаніи объ нихъ волосы становятся дыбомъ, когда картины давно минувшаго прошлаго вновь воскресаютъ въ памяти, я нахожу вполнѣ естественнымъ, что въ то время мы безпокоились, главнымъ образомъ, о судьбѣ Куницкаго...

Первые дни были невыносимо тяжелы... Приговоренныхъ къ смерти нельзя было оставлять однихъ, и мы такъ размѣстились по камерамъ, что на одного приговореннаго къ смерти приходилось двое неприговоренныхъ...

Со мной и съ Адамомъ Сѣрошевскимъ (двоюроднымъ братомъ извѣстнаго этнографа и беллетриста Вацлава Сѣрошевскаго) сидѣлъ Петрусинскій... Никогда въ жизни не выйдетъ у меня изъ памяти одна короткая фраза, случайно, не помню уже по какому поводу, сказанная имъ:

— Какъ-бы я хотѣлъ полюбить... Никогда еще я никакой женщины не любилъ, и совершенно не могу себѣ представить этого чувства...

Бѣдное замученное дитя! Ему такъ и не пришлось испытать этого чувства! Но такіе моменты тоски и угнетенія случались

рѣдко... Мы прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы устранять малѣйшій поводъ къ нимъ, и намъ это удавалось блестяще. Мы организовали лекціи для рабочихъ, общія чтенія, отвоевали себѣ право общихъ прогулокъ, устраивали хоровыя пѣнія, и за занятіями, за развлеченіями время шло быстрѣе... Къ тому же всѣхъ бодрило сознаніе, что наша роль еще не сыграна до конца, что наше слово, слово обреченныхъ на смерть и на каторгу, можетъ еще сослужить службу рабочему дѣлу, что оно должно быть сказано... И вотъ вскорѣ было составлено письмо-завѣщаніе къ товарищамъ на волѣ, напечатанное впослѣдствіи въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Политически-мертвые взывали на борьбу живыхъ, и слово ихъ было подхвачено на лету... Мы еще находились въ X павильонѣ варшавской цитадели, наши товарищи, приговоренные къ смерти, еще не были у насъ похищены, а уже извѣстіе о томъ вліяніи, какое имѣло наше письмо, проникло къ намъ за рѣшетку...

О, какъ оно скрасило тогда наше пребываніе въ душныхъ казематахъ!..

А время шло... Прошла недѣля, другая... Мы понемногу начали успокаиваться и на счетъ Куницкаго... Ранѣе, въ первые дни, мы употребляли всевозможныя мѣры, чтобы устроить побѣгъ обреченнымъ на казнь, раздобыли напильники, достали даже револьверъ. Чудеса изобрѣтательности проявляли при этомъ Мечиславъ Маньковскій... Онъ пропилилъ въ потолкѣ камеры отверстіе, черезъ которое можно было пробраться на чердакъ, а оттуда на крышу, вылѣзалъ туда, убѣдился въ крайней рискованности этого пути, въ виду разставленныхъ часовыхъ, и задумалъ съ чердака пробуравить выходъ на парадную лѣстницу, ведущую въ квартиру завѣдывающаго... И это было рискованно, да притомъ являлся вопросъ, какъ выбраться изъ крѣпости послѣ того, какъ удастся благополучно выбраться изъ тюрьмы...

Пока опасность угрожала, въ первые дни, въ первую недѣлю, работа кипѣла, но, по мѣрѣ того, какъ время шло, во всѣхъ вселялась увѣренность, что невозможно держать людей подъ угрозой смертной казни цѣлыя недѣли, болѣе мѣсяца, и въ концѣ концовъ ихъ казнить, и руки опускались, и весь рискъ побѣга такимъ путемъ выступалъ ярче, и на смѣну прежнимъ планамъ появлялись новые, менѣе рискованные, планы побѣга съ пути...

А время шло... Прошла третья недѣля, четвертая, пятая... Уже была на исходѣ шестая... Тяжелый кошмаръ, давившій насъ столько времени, разсѣялся... Всѣ были веселы, шутили, шалили, какъ школьники...

Такое настроеніе царило въ X павильонѣ и 15 января...

Насъ позвали на прогулку. Съ юношескимъ тикомъ, смѣхомъ, шутками мы выбѣжали на тюремный дворъ.

День былъ морозный, свѣтлый. Скованный морозомъ, играющій на солнцѣ снѣгъ такъ и манилъ къ себѣ... Кто-то схватилъ комъ снѣга и бросилъ въ другого... Тотъ отвѣтилъ тѣмъ же. Примѣръ заразительно подѣйствовалъ на другихъ, и мигомъ всѣ эти обреченные на смерть и каторгу, словно дѣти, забыли обо всемъ и съ головой ушли въ игру въ снѣжки. Шумъ, визгъ, хохотъ привлекъ на окна товарищей, недавно арестованныхъ и еще ожидавшихъ рѣшенія своей участи. Посыпались поощренія болѣе ловкимъ, шутки надъ неуклюжими... Мрачный тюремный дворъ сталъ неузнаваемъ... Даже серьезный Яновичъ и сравнительно пожилой Бардовскій увлеклись этимъ весельемъ и прервали безконечную бесѣду объ общинѣ, о ростѣ капитализма въ Россіи, о В. В.

Полтора часа прогулки промелькнуло, словно одна минута. Съ такимъ же шумомъ мы вошли обратно въ тюрьму и разбились по камерамъ. Вскорѣ человѣкъ десять собралось въ камерѣ Куницкаго, который долженъ былъ читать лекцію объ электричествѣ...

Короткій зимній день близился къ концу. Начало смеркаться. Куницкій ужъ кончалъ урокъ, какъ вдругъ въ камеру зашелъ старшій жандармъ и пригласилъ его въ канцелярію...

Въ такомъ приглашеніи не было ничего подозрительнаго. Насъ часто вызывали для подсчетовъ съ завѣдывающимъ, для провѣрки расходовъ, для выдачи писемъ и т. д.

Минутъ черезъ десять послѣ этого вызвали Бардовскаго...

Мы насторожились. Чудилось что-то недоброе. Одно, единственное слово, какъ бы винтомъ, сверлило мозгъ...

«Шлиссельбургъ!»

Пришли за Оссовскимъ...

Это путало, сбивало... Въ Шлиссельбургѣ обыкновенно отправляли «особенно опасныхъ», вліятельныхъ, авторитетныхъ... 18-тилѣтній Оссовскій таковымъ не былъ, не могъ быть...

Дошла очередь и до Петрусинскаго... Онъ, какъ и тѣ, ушелъ за жандармомъ даже не попрощавшись съ нами, безъ шапки, безъ пальто...

Мы терялись въ догадкахъ... Кто-то высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, объявляютъ о конфирмаціи и о смягченіи приговоровъ и для этого вызываютъ въ канцелярію...

Да, да, конечно, это такъ! Иначе это необъяснимо...

Всѣ волновались, въ особенности же Шмаусъ и Люри, тоже приговоренные къ смерти...

Минуты казались часами... Ни за кѣмъ болѣе не приходили... Это становилось подозрительнымъ...

Время шло. Уведенные жандармами не возвращались.

Мы стучали въ двери, спрашивали жандармовъ, но кромѣ мертвящаго душу: «не могу знать!» не могли добиться никакого отвѣта...

Такъ прошло полчаса... Цѣлая вѣчность...

Во всѣхъ камерахъ все стихло, застыло, замерло...

Пахнуло смертью...

Мы лежали безъ движенія на койкахъ, не рѣшаясь даже въ мысляхъ строить ужасныя предположенія...

Вдругъ заржавѣвшій замокъ камерной двери заскрежеталъ, щелкнулъ засовъ, и въ камеру вошелъ старшій жандармъ...

— Гдѣ вещи Петрусинскаго?

Мы накинулись на него съ вопросами. Онъ не отвѣчалъ, и мы, чтобы заставить его, отказались безъ Петрусинскаго выдать его вещи...

— Онъ все равно сюда не придетъ больше...

— Какъ? Почему?

Опять молчаніе.

Но это заявленіе насъ сразило. Мы больше не сопротивлялись. Жандармы безпрепятственно унесли вещи...

То же повторилось и въ другихъ камерахъ...

Страшное подозрѣніе прокралось въ душу.

— Шлиссельбургъ или смерть?

О, какъ мы желали, чтобы это былъ *только* Шлиссельбургъ...

«*Только* Шлиссельбургъ»... Мы знали тогда, что такое Шлиссельбургъ и все-таки молились въ душѣ, чтобы это былъ «только Шлиссельбургъ».

Но, нѣтъ! У насъ украли, буквально украли, товарищей, чтобы ихъ предать смерти... Намъ не дали даже попрощаться съ ними...

Жандармы — дальновидные психологи... Они боялись столкновенія и предпочли воровски увести отъ насъ жертвы, обреченныя на закланіе...

Объ участи товарищей намъ сообщилъ завѣдывающій Х-ымъ павильономъ, жандармскій поручикъ Фурса, рѣшившійся только полтора часа спустя явиться къ намъ въ камеры и то подъ прикрытіемъ солдатъ и жандармовъ... Но и подъ этимъ прикрытіемъ онъ трусилъ и въ разговорѣ вскользь упомянулъ о томъ, что въ павильонѣ удвоены караулы на случай протеста съ нашей стороны... Мы впослѣдствіи провѣрили это сообщеніе. Это оказалось вѣрнымъ... Жандармы даже заготовили веревки, чтобы вязать насъ...

Фурса говорилъ грустнымъ голосомъ, какъ бы сочувствуя жертвамъ, жалѣя ихъ... Но слова его звучали фальшью... Мы не могли съ нимъ говорить...

Совершенно другое впечатлѣніе производилъ комендантъ цитадели генералъ-лейтенантъ Унковскій. Этотъ честный, благородный старикъ, не разъ воевавшій изъ за насъ съ жандармами и лакейски послушной имъ прокуратурой, явился къ намъ такой грустный, такой пристыженный, пришибленный, что его отношеніе къ совершавшемуся позорному преступленію было для всѣхъ очевидно... Онъ не смѣлъ поднять на насъ глазъ, словно чувствуя себя соучастникомъ этого преступленія.. А когда нѣсколько часовъ спустя этому, убѣленному сѣдинами старику, было дано приказаніе присутствовать при казни, онъ наотрѣзъ отказался... Говорятъ, даже подалъ немедленно въ отставку, но она не была принята...

Многіе жандармы тоже искренно были опечалены.

Но Фурса и «старшій» жандармъ Фоминъ—тѣ только трусили, ясно сознавая, что намъ терять нечего...

Но насъ на моментъ этотъ ударъ сразилъ... Мы не думали ни о какомъ бунтѣ, протестѣ, сопротивленіи... Мы ни о чемъ не думали. Въ головѣ вдругъ стало пусто... Мозгъ отказывался работать..

А нашихъ мучениковъ тѣмъ временемъ отвели въ другой конецъ Х павильона, посадили сначала въ одиночныя камеры, но затѣмъ на время разрѣшили видѣться другъ съ другомъ...

Вѣрны ли эти свѣдѣнія — не знаю. Такъ сообщали намъ впослѣдствіи нѣкоторые жандармы, другія сообщенія которыхъ оправдались. Они же сообщали, что у Куницкаго было свиданіе съ родителями, у Петрусинскаго — съ родными... Куницкій и Бардовскій отказались принять явившихся къ нимъ священниковъ. Петрусинскій и Оссовскій провели со священникомъ нѣсколько часовъ. На разсвѣтѣ ихъ казнили... Руководившій слѣдствіемъ по нашему дѣлу, жандармскій подполковникъ Бѣлановскій не утерпѣлъ и явился на мѣсто казни, чтобы насытиться уготованнымъ имъ же зрѣлищемъ.

Но и самая казнь производилась варварски, какъ будто съ цѣлью насытиться муками казнимыхъ. Первымъ казнили Куницкаго... Онъ, убѣжденный революціонеръ, преданный до самозабвенія дѣлу, непоколебимый и стойкій, былъ казненъ первымъ. Вторымъ казнили Бардовскаго. А двоихъ юношей, почти дѣтей, оставили напослѣдокъ...

Но разсчеты палачей не оправдались. Имъ не удалось исторгнуть изъ груди убиваемыхъ ни стона, ни страха. Всѣ четверо геройски встрѣтили смерть и передъ тѣмъ, какъ имъ заслонили головы покрываломъ, громкими восклицаніями привѣтствовали свободу и революцію...

Оссовскій оборвался. Присутствовавшіе при казни жандармы, по ихъ разсказамъ, были увѣрены, что это его спасетъ... Не спасло... Палачъ вторично принялся за дѣло...

Четверть часа спустя, крѣпостной врачъ, присутствовавшій при казни, констатировалъ смерть всѣхъ четверыхъ... Ихъ похоронили тутъ же, у крѣпостной стѣны, шагахъ въ пятидесяти-шестидесяти отъ крѣпостныхъ воротъ, на берегу Вислы...

Было часовъ семь, четверть восьмого... Одинъ изъ насъ, не помню ужъ кто, влѣзъ на окно, желая открыть форточку... Мы помѣщались во второмъ этажѣ... Съ окна былъ виденъ берегъ Вислы...

— Смотрите! Смотрите!—ужаснымъ голосомъ крикнулъ открывавшій форточку.

Мы въ мгновеніе ока уже были съ нимъ рядомъ...

У крѣпостной стѣны возились люди, зарывали могилу, разбирали эшафотъ...

Жандармы готовили намъ страшное зрѣлище... Нашихъ мучениковъ казнили передъ нашими окнами. Если мы не видѣли самой казни, то это ужъ не по ихъ винѣ... Они сдѣлали для этого все, что отъ нихъ зависѣло. Мы не подозрѣвали возможности такого звѣрскаго издѣвательства, и это насъ спасло...

Ф. Я. Конъ.

Мое знакомство съ И. М. Ковальскимъ.

Очень живо помню я свою первую встрѣчу съ И. М. Ковальскимъ. Это было въ двадцатыхъ числахъ декабря 1877-го года, незадолго до рождественскихъ праздниковъ, на второй день моего пріѣзда въ Одессу послѣ побѣга изъ херсонской тюрьмы.

Дѣло было поздъ вечеръ, на Садовой улицѣ, въ квартирѣ, занимаемой тогда Александрой Владиміровной Афанасьевой и Леонидой Михайловной Мержановой, служившими въ то время въ магазинѣ одесскаго общества потребителей, одна въ должности кассирши, другая — приказчицы. Упоминаю объ этомъ потому, что тамъ, въ магазинѣ, произошло мое первое знакомство съ ними, и тамъ же было условлено, что вечеромъ я побываю у нихъ на квартирѣ.

На Садовую привелъ меня бывшій въ то время ветеринарнымъ врачемъ расквартированнаго въ Одессѣ донского казачьяго полка Соковнинъ, который, насколько мнѣ помнится, очень скоро куда-то ушелъ. По русскому обычаю, началось, конечно, чаепитіе, да и время-то было для того подходящее, и завязались разговоры, главнымъ образомъ, разспросы о томъ, какъ я устроилъ свой побѣгъ изъ тюрьмы.

— Что же это онъ не идетъ?—нѣсколько разъ, съ выраженіемъ нетерпѣнія и недовольства, обращалась Александра Владиміровна къ своей квартирной сожительницѣ—Мержановой.

— Такъ вѣдь онъ же сказалъ, что послѣ восьми, — отвѣчала та,—а теперь только половина девятаго.

Кто былъ этотъ «онъ», я не зналъ, но считалъ неловкимъ разспрашивать. Мнѣ казалось только, что мои собесѣдницы придаютъ особенное значеніе ожидаемому человѣку.

Часовъ около девяти въ комнату, въ которой мы сидѣли за остывшимъ самоваромъ, вошелъ невысокаго роста, коренастый человѣкъ, лѣтъ 28, одѣтый въ темный піджакъ и такія же брюки.

— Ну, здравствуйте!—обратился онъ ко мнѣ, протягивая для пожатія руку и, придвинувъ къ столу одинъ изъ стульевъ, сѣлъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, былъ высокій, выпуклый, бѣлый лобъ пришедшаго, затѣмъ—каріе, слегка какъ бы выпученные глаза съ оттѣнкомъ добродушія, которое явственно проглядывало, благодаря тому, что вошедшій, очевидно, былъ чуть-чуть выпивши.

Насколько я помню, пришедшій, здороваясь со мной, не отрекомендовался, не назвалъ никакой фамиліи, а прямо началъ разговаривать, разспрашивая меня, какъ я устроился въ Одессѣ.

Онъ много и долго улыбался, не смѣялся, а лишь улыбался, когда я разсказалъ ему, что наканунѣ участвовалъ въ пирушкѣ, устроенной въ квартирѣ Соковнина по случаю производства какого-то казачьяго офицера въ есаулы, и допустилъ, повидимому, нѣкоторую безтактность. Когда праздновавшаго свое производство всѣ поздравляли, выпивая за его здоровье рюмки и бокалы различныхъ виноградныхъ винъ, я, безъ всякой задней мысли, сталъ наливать себѣ краснаго удѣльнаго вина и при этомъ замѣтилъ: «а я предпочитаю выпить своего, родного, отечественнаго», Соковнинъ, перебивая меня, сказалъ: «только, пожалуйста, безъ тенденцій».

— Да, такъ «только безъ тенденцій»,—нѣсколько разъ повторилъ, улыбаясь, мой собесѣдникъ; «только безъ тенденцій! Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ!»—глубоко вздыхая и переставая улыбаться, заканчивалъ онъ свои вставки въ мой разсказъ.

Стали говорить о моей дѣятельности до ареста, когда я въ послѣднее время велъ пропаганду среди рабочихъ на строившейся тогда очаковской батареѣ, гдѣ нынѣ происходилъ «судъ» надъ казненнымъ на о. Березани лейтенантомъ П. П. Шмидтомъ.

Переживаемый тогда революціонной мыслью моментъ, мнѣ кажется, по справедливости, можно назвать безвременьемъ. Пропаганда въ народѣ почти потеряла окончательно кредитъ въ глазахъ революціонеровъ, называвшихся тогда радикалами, а новые пути воздѣйствія на инертную общественную массу не были еще открыты. Революціонная мысль, если такъ можно выразиться, находилась на распутьи, и, дѣйствительно, человѣку, жаждавшему активной дѣятельности въ извѣстномъ направленіи, тяжело было жить на свѣтѣ, какъ много разъ въ тотъ вечеръ съ глубокимъ вздохомъ повторялъ Ковальскій. Наиболѣе дѣятельныя натуры искали выхода своей энергіи и, не найдя ничего лучшаго, употребляли ее на различнаго рода предпріятія по освобожденію изъ тюремъ арестованныхъ товарищей; другія же, менѣе активныя, тратили запасъ своей энергіи на теоретическія, подчасъ принимавшія весьма бурный характеръ разсужденія о программахъ партій и фракцій.

Отношеніе покойнаго И. М. Ковальскаго къ послѣдняго рода «дѣятельности» было вполнѣ отрицательное, и онъ не разъ въ тотъ вечеръ, да и позднѣе, съ иронической улыбкой, подчеркивая, говорилъ: «партіи, фракціи!.. Да у насъ столько партій и фракцій, сколько соберется людей; каждый причисляетъ себя къ своей собственной партіи или фракціи. Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ!»...

Отъ разсказа о томъ, что я дѣлалъ «въ народѣ», мы само собой перешли къ вопросу, что-же дѣлать, разъ такая форма пропаганды, какую я велъ, не удовлетворяетъ пропагандиста, потому что кажется безрезультатной.

Въ продолженіе года слишкомъ, что я провелъ въ одиночномъ заключеніи до своего побѣга, много думалось надъ этимъ вопросомъ, и теперь представилась возможность съ живыми людьми, въ

общемъ одинаково со мной мыслившими, подѣлиться своими выводами и заключеніями. И я горячо сталъ передавать то, что я думалъ.

Я глубоко вѣрилъ въ цѣлесообразность пропаганды, но плодотворность ея обусловливалъ тѣмъ, что пропагандистъ долженъ поселиться прочно въ какой-нибудь избранной имъ деревнѣ и стать тамъ дѣйствительно своимъ человѣкомъ, сдѣлаться такимъ же крестьяниномъ-пахаремъ, какъ и остальные, слиться съ своими односельчанами и вести пропаганду словомъ и дѣломъ на почвѣ мѣстныхъ интересовъ, близкихъ и понятныхъ тѣмъ, на кого онъ желаетъ воздѣйствовать.

Слушатели мои не возражали мнѣ и, повидимому, соглашались со мной. Ковальскій не высказывался прямо; онъ дѣлалъ лишь иногда поправки, когда я употреблялъ не вполнѣ надлежащія выраженія, или предлагалъ вопросы съ цѣлью болѣе детальнаго и обстоятельнаго выясненія какой-либо частности въ практической постановкѣ проектируемаго мною образа дѣйствій. Интересъ, съ которымъ онъ меня слушалъ, его поправки и вопросы, въ достаточной мѣрѣ показывали мнѣ, что онъ сочувственно относился къ высказываемой мной идеѣ. Онъ даже ни разу, во все время изложенія моей, если такъ можно выразиться, теоріи, не вздохнулъ и не произнесъ: «Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ!»

Остальныя явно сочувствовали моей мысли, что видно было хотя бы по одному тому, что во время моей рѣчи, то одна, то другая, непроизвольно восклицали: «да, да», «вотъ, вотъ», «совершенно вѣрно».

Развиваемый мною планъ вызывалъ сочувствіе, какъ мнѣ теперь кажется, не столько своей стройностью и логичностью аргументаціи, какъ общимъ настроеніемъ «на распутьи» и горячей вѣрой съ моей стороны въ то, что я проектировалъ.

Александра Владиміровна Афанасьева до того увлеклась моимъ краснорѣчіемъ, что тутъ же стала строить планы, гдѣ лучше всего поселиться, и даже сама высказала желаніе принять лично непосредственное участіе въ осуществленіи моихъ проектовъ. «Да, да, и я тоже, и я тоже,—съ искреннимъ увлеченіемъ говорила она.— Прекрасно, прекрасно, я могу тоже поселиться въ деревнѣ, я буду прачкой, буду стирать бѣлье»...

Мы невольно переглянулись съ Ковальскимъ, онъ улыбнулся мнѣ глазами и, вздохнувъ, промолвилъ свое: «Эхъ, тяжело жить на свѣтѣ!»

Я промолчалъ.

Маленькая, тоненькая фигурка, съ тонкими чертами интеллигентнаго лица, съ *pince-nez* въ золотой оправѣ на носу «прачки», стирающей мужицкое бѣлье, которое, разумѣется, никакимъ прачкамъ въ стирку не отдается, невольно вызывала улыбку у насъ и, несомнѣнно, вызвала бы улыбку у самой Александры Владиміровны, если бы она не увлеклась такъ всецѣло перспективой плодотворности идейной работы въ народной средѣ при предполагавшихся мною въ то время условіяхъ.

Но то было время горячей, беззавѣтной любви къ обездоленному страстотерпцу-народу, когда каждый изъ насъ, самый слабый и даже увѣчный, готовъ былъ отдать всѣ свои силы на служеніе ему... Отъ А. В. Афанасьевой мы ушли довольно поздно и, такъ какъ я совершенно не зналъ Одессы, Ковальскій проводилъ меня до квартиры Соковнина.

О чемъ мы говорили дорогой и говорили ли вообще, я теперь уже не помню, но на другой день Иванъ Мартыновичъ зашелъ ко мнѣ.

Время было обѣденное, желудокъ ощутительно предъявлялъ свои законныя требованія присвоенной ему работы, и Ковальскій предложилъ мнѣ пообѣдать вмѣстѣ съ нимъ въ какомъ-то трактирѣ, гдѣ, по его словамъ, кормятъ очень хорошо за недорогую плату.

Мы довольно долго шли по разнымъ улицамъ, пока не очутились на какой-то базарной площади. Здѣсь-то, между лихими лавченками, пріютился весьма невзрачный деревянный домишко съ крылечкомъ въ двѣ-три ступени.

— Это здѣсь,—проговорилъ Ковальскій, когда мы подошли къ крыльцу.

Я какъ-то непроизвольно поднялъ голову кверху и увидѣлъ надъ крыльцомъ нелѣпо намазанную вывѣску, на которой «художникъ» пытался изобразить тарелку съ двумя экземплярами жареной камбалы и однимъ огурцомъ, но—довольно неудачно. По нижнему краю вывѣски шла надпись: «Бѣлая харчевня».

Мы взошли на крыльцо, толкнули дверь и очутились въ довольно большой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ. Первое, что меня непріятно поразило и поколебало довѣріе къ заявленію Ивана Мартыновича относительно хорошаго стола здѣсь, была сплошная грязь во всемъ помѣщеніи: грязный полъ, грязные подоконники, оконныя стекла, до отвращенія грязныя скатерти на столикахъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ комнаты, грязные парни, такъ называемые трактирные половые, съ грязнѣйшими салфетками подъ мышкой и въ заключеніе жестокій кухонный чадъ отъ пригорѣлаго постнаго масла, синими струйками наполнявшій комнату.

Когда мы усѣлись за одинъ изъ грязныхъ столиковъ, Ковальскій потребовалъ обѣдъ. Подали какую-то мутную, грязную бурду съ обрывками капустныхъ листьевъ и двумя миньятюрными кусочками говядины самаго низшаго сорта, а затѣмъ—два же небольшихъ кусочка такой же говядины съ косточками, зажаренные, какъ мнѣ положительно показалось, въ постномъ маслѣ, долженствовавшіе изображать собой антрекотъ.

Гадость была положительно самая отвратительная, но съ голоду-духи мы ее ѣли; Ковальскій, казалось, даже—съ удовольствіемъ, потребляя при этомъ много хлѣба и горчицы.

Когда къ концу трапезы я не удержался и замѣтилъ, что его опредѣленіе—«хорошо кормятъ»—далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и насъ накормили невозможной дрянью, добродушно улыбаясь, проговорилъ:

— Да, «Андрей-Котъ», пожалуй, немножко подгулялъ, хотя, въ общемъ, чего же вы хотите за 12 копеекъ?

Вообще, покойный Ковальскій отличался крайней неразборчивостью въ пищѣ и чрезвычайно скромными потребностями; на свою внѣшность онъ не обращалъ никакого вниманія, и платье, которое онъ носилъ, производило даже впечатлѣніе нѣкоторой какъ бы неряшливости. Происходило это у него не въ силу нелѣпыхъ quasi-принциповъ нигилизма, который въ то время еще былъ, до извѣстной степени, въ модѣ среди радикаловъ, а просто потому, что ему некогда было заниматься этимъ, некогда было обращать вниманіе на то, какъ выглядишь, и въ общей работѣ борьбы съ правительствомъ, тяжелой, трудной, опасной и крайне неблагодарной,— потому что мы были совершенно одинокими, почти изгоями среди общества и народа, отъ которыхъ не могли ждать никакой поддержки,—забота о своей внѣшности отступала на самый послѣдній планъ или, вѣрнѣе, совершенно отсутствовала; ей не было мѣста...

Неразборчивость въ пищѣ Ковальскаго доходила до курьезовъ, и я хорошо помню, какъ однажды, уже въ квартирѣ Вѣры Ивановны Виттенъ, мы много смѣялись ея разсказу о томъ, какъ Иванъ Мартыновичъ, позднимъ вечеромъ, когда всѣмъ захотѣлось ѣсть, принесъ изъ мелочной лавки испорченную, вонючую колбасу, которую всѣ отказались ѣсть; онъ же, не замѣчая ея негодности въ пищу, ѣлъ и похваливалъ, удивляясь лишь тому, что остальные, только что высказывавшіе сильное желаніе поѣсть, не кушаютъ такой вкусной колбасы. Скромность и ограниченность его привычекъ характеризуется до нѣкоторой степени другимъ эпизодомъ, о которомъ также разсказывала, кажется, та же Вѣра Ивановна. Дѣло въ томъ, что Иванъ Мартыновичъ обыкновенно сторонился или, правильнѣе сказать, стѣснялся, такъ называемой, чистой публики, въ средѣ которой онъ чувствовалъ себя, очевидно, чужимъ человѣкомъ; въ особенности его стѣсняло общество интеллигентныхъ, культурныхъ женщинъ, дамъ, передъ которыми онъ, видимо, нѣсколько робѣлъ, хотя старался не обнаруживать этого и, вслѣдствіе того, впадалъ иногда въ нѣкоторое излишество развязности, но отнюдь не переходившее границъ строгой приличности. Однажды лѣтомъ онъ гулялъ подъ вечеръ съ радикальными дамами, при чемъ, конечно, разговоры касались различныхъ конспиративныхъ дѣлъ.

Вдругъ одна изъ дамъ, шутя замѣтила:

— Ну, и кавалеръ же вы, Иванъ, не догадаетесь никакъ угостить насъ чѣмъ-нибудь прохладительнымъ.

Иванъ Мартыновичъ переконфузился и, желая поправить свою, какъ онъ, вѣроятно, думалъ, оплошность, со словами «а вотъ я сейчасъ васъ угощу», подвелъ своихъ дамъ къ красному балаганчику и потребовалъ для себя и для нихъ по кружкѣ квасу. Съ наслажденіемъ выпивая свою порцію, онъ не замѣчалъ гримасъ, какія дѣлали дамы, отвѣдавъ скверный и чрезвычайно кислый грошовый квасъ, отъ котораго онѣ съ улыбочками начали отплевываться.

— Что же вы не пьете квасу?—обратился онъ къ нимъ, окончивъ свою кружку,—превосходный квасъ: холодный и кислый! Напрасно, напрасно,—и съ этими словами онъ взялся за невыпитыя кружки и началъ ихъ опорожнять.

Дамы хохотали.

Покончивъ съ квасомъ, онъ методически расплатился съ квасникомъ, который, уразумѣвъ, очевидно, въ чемъ дѣло, замѣтилъ хохотавшимъ барынямъ:

— Да онъ у насъ всегда такой... блажной.

Разсказывалось это въ присутствіи самого Ковальскаго, какъ и про случай съ колбасой, и онъ, какъ теперь, такъ и тогда, только добродушно конфузливо улыбался, нерѣшительно какъ-то протестуя утвержденіемъ, что и колбаса, и квасъ были великолѣпные.

Будучи нелегальнымъ и не имѣя какихъ-нибудь опредѣленныхъ занятій, Иванъ Мартыновичъ существовалъ на средства, собираемыя товарищами между собою и съ любительскихъ спектаклей и вечеринокъ, которыя устраивались довольно часто на святкахъ, и потому чрезвычайно бережливо расходовалъ на себя общественныя деньги. Вслѣдствіе такого отношенія къ этимъ средствамъ, онъ старался расходовать на себя какъ можно меньше и почти голодалъ. Обѣдъ въ «Бѣлой харчевнѣ» съ «Андрей-Котомъ» былъ рѣдкимъ случаемъ, чуть не пиршествомъ, обусловленнымъ моимъ появленіемъ на одесскомъ радикальномъ горизонтѣ. Въ обычное же время Ковальскій, какъ и большинство радикаловъ того времени, питался чаемъ, булкой и колбасой самаго дешеваго сорта; обѣды, ужины и завтраки гдѣ-нибудь въ ресторанѣ средней руки, „кухмистерской или харчевнѣ являлись рѣдкими, исключительными случаями.

Результатомъ такого неудовлетворительнаго питанія было то, что у Ковальскаго начали появляться признаки цынготнаго свойства. Онъ гдѣ-то слышалъ или читалъ,—скорѣе послѣднее,—что противъ цынги хорошимъ средствомъ служатъ фрукты, и онъ рѣшилъ лѣчиться этимъ средствомъ. И вотъ, чтобы, какъ говорится, капиталъ пріобрѣсти и невинность соблюсти, Иванъ Мартыновичъ, рѣшается кушать фрукты, при чемъ, такъ какъ сушеные стоютъ дешевле, а въ прочитанномъ не говорится, чтобы они должны были быть непремѣнно свѣжіе, то онъ покупаетъ сушеные и при этомъ старается пріобрѣтать ихъ по возможно болѣе дешевой цѣнѣ. Преслѣдуя послѣднюю цѣль, онъ пріобрѣтаетъ ихъ въ самой захудалой мелочной лавченкѣ и, разумѣется, покупаетъ невозможную дрянь.

Переселившись вскорѣ отъ Соковнина, гдѣ было крайне стѣснительно среди частенько заглядывавшихъ сюда офицеровъ, въ комнату Ковальскаго гдѣ-то на Ямской, я имѣлъ возможность наблюдать, какъ по утрамъ Иванъ Мартыновичъ лѣчился отъ цынги, поѣдая купленный имъ по дешевой цѣнѣ фруктовый мусоръ.

Однажды я не выдержалъ и замѣтилъ ему о нецѣлесообразности практикуемаго имъ способа лѣченія, такъ какъ противоцынготными средствомъ до нѣкоторой степени считаются свѣжіе, а не сушеные фрукты, и указалъ на то, что поѣдаемые имъ, въ сущно-

сти, представляютъ собою грязный соръ, который, съ грѣхомъ пополамъ, можно ѣсть только послѣ его тщательнаго промыванія.

Мое замѣчаніе нѣсколько смутило Ковальскаго, и онъ въ этотъ разъ, прежде, чѣмъ начать кушать свои «фрукты», рѣшилъ ихъ обмыть въ водѣ.

— Да, знаете, строго говоря, я дѣйствительно вводилъ изрядное количество дряни,—сказалъ онъ, когда въ бурой, мутной водѣ, въ которой прополаскивался фруктовый мусоръ, оказался еще осадокъ самой обыкновенной уличной грязи.

Послѣ этого случая, кажется, Иванъ Мартыновичъ прекратилъ свое лѣченіе цынги «фруктами», по крайней мѣрѣ, я не припомню, чтобы онъ ихъ при мнѣ когда-либо покупалъ.

Такъ какъ проживать мнѣ у Соковнина было весьма неудобно,— я видѣлъ, что его стѣсняю,—то чуть ли не на третій день моего пребыванія тамъ, я переселился къ Ковальскому на Ямскую. Онъ занималъ здѣсь одну небольшую комнату съ однимъ окномъ и стеклянной дверью на улицу. Меблировка комнаты была болѣе, чѣмъ скромна: кровать, два стола, два-три стула и тощій чемоданъ составляли всю мебель; въ комнатѣ, кромѣ перечисленнаго, не было абсолютно ничего. Строго говоря, Ковальскій, а послѣ и я съ нимъ, мы совершенно не жили на квартирѣ. Уходя часовъ около десяти утра изъ дому, мы возвращались обратно только ночевать, что случалось зачастую, въ особенности, когда начался рядъ вечеринокъ, даже совсѣмъ подъ утро, часа въ три-четыре, а то и пять. При этомъ всегда продѣлывался слѣдующій маневръ. Сперва мы проходили вмѣстѣ по противоположной сторонѣ улицы мимо квартиры, затѣмъ переходили на другую и шли по одиночкѣ, въ первый разъ проходя тоже мимо нашей двери; затѣмъ возвращались. Ковальскій быстро открывалъ дверь и входилъ внутрь квартиры, а я проходилъ еще разъ мимо и уже на обратномъ пути быстро нырялъ въ дверь, которая запиралась на ключъ. Огонь почти никогда не зажигался, мы раздѣвались впотьмахъ и укладывались спать. Все это продѣлывалось въ цѣляхъ предосторожности, чтобы не быть выслѣженными шпіонами и жандармами.

Часамъ къ 9 утра мы вставали и пили чай съ булкой, перекидываясь изрѣдка короткими замѣчаніями о пережитомъ наканунѣ или видѣнномъ и слышанномъ; рѣдко, очень рѣдко кто-нибудь забѣгалъ въ это время къ намъ, обыкновенно за какой-нибудь конспиративной справкой у Ковальскаго. Послѣдній въ такихъ случаяхъ бывалъ очень недоволенъ.

— Чортъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они сюда шляются! Приведутъ за собой какого нибудь шпіона, и квартира погибла, да и самому легко влопаться,—говаривалъ онъ тогда по уходѣ посѣтителя, которому лично тоже выговаривалъ.

Послѣ чаю, обыкновенно часовъ въ десять, мы уходили изъ дому, при чемъ Иванъ Мартыновичъ предварительно, безъ пальто и шапки, выходилъ на улицу и оглядывалъ ближайшія окрестности, нѣтъ ли по-близости шпіоновъ, и, убѣдившись, что все обстоитъ

благополучно, возвращался въ комнату, одѣвалъ верхнее платье, и тогда уже мы выходили изъ дому.

Шли мы обыкновенно къ кому-нибудь изъ товарищей, гдѣ Ковальскій велъ какіе-то дѣловые разговоры, въ которые я, не будучи посвященъ, разумѣется, не вмѣшивался. Затѣмъ мы направлялись въ публичную библіотеку, гдѣ проводили часа четыре-пять за чтеніемъ, а когда желудокъ начиналъ усиленно напоминать о своихъ потребностяхъ, уходили изъ библіотеки либо чай пить съ булкой и колбасой, или, изрѣдка, обѣдать, послѣ чего опять посѣщали кого-нибудь изъ товарищей, съ которыми отправлялись на вечеринку, если таковая устраивалась, или къ кому-нибудь еще изъ товарищей, гдѣ казалось уютнѣй, напр., къ Александрѣ Владиміровнѣ Афанасьевой, Вѣрѣ Ивановнѣ Виттенъ и др. Здѣсь, обыкновенно за самоваромъ, калякали, вспоминали прошлое, шутили, смѣялись, разсказывали курьезные эпизоды, вродѣ вонючей колбасы или кваса. Иногда затѣвались разговоры и иного свойства, обсуждались теоретическіе вопросы программнаго характера и т. д.

Не могу не обратить вниманія на одну особенность Ковальскаго въ его сношеніяхъ съ людьми. Среди радикаловъ въ Одессѣ весьма распространено было обращеніе другъ съ другомъ на «ты», разъ только люди были мало-мальски въ пріятельскихъ отношеніяхъ; мѣстоименіе «ты» было въ употребленіи безразлично между мужчинами и женщинами, при чемъ принято было называть другъ друга по именамъ. Ковальскаго тоже, обращаясь къ нему, звали просто Иванъ, онъ, въ свою очередь, называлъ другихъ по именамъ, но никогда, никому не говорилъ «ты», точно такъ же, какъ и къ нему никто не обращался съ этимъ мѣстоименіемъ. Это невольно какъ-то бросалось въ глаза, и впослѣдствіи, когда мы довольно близко сошлись съ Иваномъ Мартыновичемъ, я, однажды, спросилъ его о причинахъ такого его поведенія, потому что ясно видѣлъ здѣсь не отсутствіе у него пріятелей среди радикаловъ.

— Видите-ли,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—мѣстоименіе «вы» нисколько не мѣшаетъ ни образованію дружескихъ отношеній, ни ихъ поддержкѣ, а въ то же время оно какъ-то невольно удерживаетъ отъ проявленія амикошонства, къ которому многіе весьма склонны. Такъ—лучше.

Во время упомянутыхъ выше бесѣдъ теоретически-программнаго свойства, между прочимъ, опредѣленно, для меня, по крайней мѣрѣ, выяснился взглядъ Ковальскаго на теорію якобинства и на ткачевскій журналъ «Набатъ»; взглядъ этотъ былъ насмѣшливо отрицательный. Придерживался ли Иванъ Мартыновичъ бунтарскихъ теорій, я не знаю и оспаривать категорическаго утвержденія этого моимъ достопочтеннымъ товарищемъ по процессу, Николаемъ Алексѣевичемъ Виташевскимъ, высказавшимъ его въ помѣщенныхъ въ февральской книжкѣ «Былого» воспоминаніяхъ о первомъ вооруженномъ сопротивленіи, не смѣю. Ему это лучше знать, ибо, признаюсь откровенно въ своемъ полномъ невѣжествѣ на этотъ счетъ, какъ и вообще невѣжествѣ во всякихъ революціонно-программныхъ

вопросахъ. Дѣло въ томъ, что вступилъ я на путь подготовительно-революціонной дѣятельности въ направленіи освободительнаго движенія совершенно самостоятельно, безъ какой бы то ни было связи съ существовавшими уже въ то время организованными кружками и безъ какой бы то ни было теоретической подготовки. Я пришелъ просто къ заключенію, что жить жизнью интеллигентнаго, культурнаго человѣка не въ правѣ, когда народъ прозябаетъ во тьмѣ невѣжества и безправія, и что нужно жить тою же жизнью, что и онъ, т. е. снискивать себѣ средства къ существованію физическимъ трудомъ, и въ то же время, по мѣрѣ возможности, просвѣщать его относительно его положенія, открывать ему глаза на тѣ условія, въ какихъ онъ живетъ и на тѣ причины, которыя создаютъ эти условія. Мое столкновеніе съ радикалами въ Одессѣ было первымъ; здѣсь я увидѣлъ ихъ впервые на волѣ и присматривался лишь къ нимъ, наблюдалъ ихъ какъ людей, въ общемъ, одинаковаго образа мыслей со мной относительно положенія народа.

Тонкости программныхъ вопросовъ, тотъ или иной характеръ оттѣнковъ, по которымъ однѣ программы отличались отъ другихъ, не интересовали меня вовсе; я не придавалъ имъ никакого серьезнаго значенія, ибо всѣ эти дороги вели въ Римъ, а достиженіе этого Рима—освобожденія народа—было общей цѣлью всѣхъ революціонеровъ, къ какимъ бы партіямъ или партійнымъ фракціямъ они ни причисляли себя. Кромѣ того, наблюдая революціонную жизнь какъ бы нѣсколько со стороны, я видѣлъ, какъ впереди всякихъ революціонныхъ теорій и принципіальныхъ программъ шла живая дѣйствительность, логически неизбѣжно толкавшая революціонно мыслившихъ людей на тотъ или другой рядъ поступковъ опредѣленнаго характера, поступковъ, отнюдь не входившихъ въ существовавшія уже въ то время программы практической революціонной дѣятельности. Партійныя программы опредѣленныхъ теорій, подкрѣпляемыхъ даже различными философскими концепціями, шли позади жизни, создавались уже послѣ того, какъ дѣйствительность проявлялась въ опредѣленныхъ фактахъ, и служили, если позволено мнѣ такъ выразиться, историко-философскимъ объясненіемъ уже совершившагося. Если и замѣчается нѣкоторая преемственная связь между различными партійно-революціонными программами, какъ сосуществовавшими одновременно, такъ и послѣдовательно возникавшими одна за другой, то это, по моему мнѣнію, зависитъ единственно отъ того, что въ основѣ всѣхъ ихъ лежитъ тотъ Римъ, къ достиженію котораго стремились и стремятся люди, не утратившіе понятія о правдѣ и справедливости, тотъ Карѳагенъ, разрушить который считаютъ своею священною обязанностью не могущіе удовлетвориться своимъ личнымъ благополучіемъ. Принадлежность же къ той или другой партіи, исповѣданіе той или иной программы зависитъ, я убѣжденъ въ этомъ, не отъ совершенства теорій программы или организаціи партіи, а единственно или, правильнѣе, главнымъ образомъ, отъ темперамента и общаго склада ума личности, вступающей въ данную организацію, признающей данную программу.

Итакъ, повторяю, что не осмѣливаюсь оспаривать Н. А. Виташевскаго, утверждающаго, что Ковальскій принадлежалъ къ бунтарской партіи, но позволю себѣ высказать сомнѣніе, чтобы покойный Иванъ Мартыновичъ былъ безусловно правовѣрнымъ бунтаремъ, абсолютно признававшимъ и хранившимъ въ чистотѣ всѣ принципы бунтарской программы.

Высказать такое сомнѣніе я рѣшаюсь потому, что Ковальскій былъ, безспорно, умный человѣкъ и уже въ силу одного этого не могъ свою мысль строго ограничить узкими рамками какой бы то ни было партійной программы, а затѣмъ онъ, не скрывая, высказывалъ сочувствіе моимъ планамъ реформированной, такъ сказать, пропаганды въ народѣ. Сочувствіе это выражалось не только въ безмолвномъ или гласномъ соглашеніи съ нѣкоторыми положеніями моихъ плановъ, но и въ дѣятельномъ участіи ихъ осуществленія. Почти немедленно послѣ моего прибытія въ Одессу мнѣ предложено было эмигрировать за-границу, но я отказался, стремясь пойти опять въ народъ, гдѣ я, строго говоря, ничего не успѣлъ сдѣлать. И вотъ въ этомъ направленіи, т. е. въ направленіи къ осуществленію моихъ стремленій въ народѣ для продолженія дѣла пропаганды, въ цѣлесообразность которой я не извѣрился, Ковальскій дѣятельно мнѣ помогалъ. Наши странствованія, по выходѣ изъ квартиры на Ямской, по товарищамъ имѣли, между прочимъ, цѣлью устройство моей поѣздки на Волгу, гдѣ предвидѣлась возможность занять мнѣ мѣсто волостного писаря для болѣе успѣшнаго веденія пропаганды.

Мнѣ кажется, что послѣ сказаннаго станетъ совершенно ясной ошибочность заявленія Н. А. Виташевскаго въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ, гдѣ онъ говоритъ, что я былъ чистѣйшимъ пропагандистомъ, а потомъ присталъ къ бунтарству. Выше я высказалъ свой взглядъ на тогдашнее подраздѣленіе на партіи революціонно мыслившихъ людей и настроеніе ихъ въ то время. Ни о террорѣ, какъ формѣ систематической борьбы, ни о вооруженномъ сопротивленіи, строго говоря, никто не думалъ еще тогда, по крайней мѣрѣ, не высказывался прямо, хотя почему-то всѣ ходили съ револьверами и кинжалами. Мнѣ думается, что, если бы спросили тогдашнихъ радикаловъ, зачѣмъ они носятъ съ собой оружіе, многіе не смогли бы опредѣленно отвѣтить на этотъ вопросъ. Когда я бѣжалъ изъ херсонской тюрьмы, меня снабдили револьверомъ системы Кольта, пистонными, и кинжаломъ: сперва, признаюсь, я и не подумалъ о томъ, къ чему мнѣ это оружіе, но потомъ рѣшилъ воспользоваться имъ въ томъ случаѣ, если бы меня захотѣли задержать на улицѣ, такъ какъ мнѣ, все равно предстояло наказаніе въ видѣ каторжныхъ работъ отъ 4 до 8 лѣтъ.

Ковальскій тоже носилъ съ собой за поясомъ кинжалъ и револьверъ, что, конечно, было довольно-таки неудобно, и Акимовъ, о которомъ говоритъ въ своей статьѣ «Первое вооруженное сопротивленіе» Н. А. Виташевскій, однажды, хотя и самъ таскалъ съ собой за поясомъ брюкъ револьверъ и кинжалъ, сострилъ. Онъ сказалъ, что, если признавать теорію Дарвина о происхожденіи

видовъ, по словамъ котораго, измѣненіе даннаго морфологическаго строенія нерѣдко обусловливается внѣшними условіями, къ которымъ данный организмъ приспособляется, то у будущихъ поколѣній русскихъ революціонеровъ въ области живота образуются углубленія, куда будутъ вкладываться, съ одной стороны, револьверъ, а съ другой—кинжалъ.

Одѣваясь утромъ, чтобы куда-нибудь идти, когда дѣло доходило до нашего вооруженія, Иванъ Мартыновичъ почти каждый разъ вспоминалъ остроту «Николаича» и говорилъ:

— Да, пожалуй, у будущихъ поколѣній радикаловъ на животѣ образуется мѣсто для револьвера и кинжала. Ужасно неудобно съ ними, жметъ иной разъ, а то замѣтно, какъ жилетка оттопыривается; опытный глазъ сразу увидитъ.

Выстрѣлъ Вѣры Ивановны Засуличъ въ градоначальника Трепова, позволившаго себѣ подвергнуть позорному истязанію Боголюбова, всколыхнулъ нѣсколько сонливое и какъ-бы апатичное настроеніе одесскихъ радикаловъ, которые заволновались, задвигались.

Часовъ около 10—11 утра въ тотъ день, когда получилось извѣстіе объ этомъ выстрѣлѣ, Ковальскій пришелъ ко мнѣ (я жилъ тогда на одной квартирѣ съ В. И. Виттенъ и Л. М. Мержановой; А. В. Афанасьева къ тому времени перебралась на другую квартиру куда-то), одновременно съ нимъ или нѣсколько позже пришелъ Н. А. Виташевскій, потомъ еще кое-кто, и всѣ начали горячо обсуждать случившееся въ Петербургѣ. Всѣ сходились на томъ, что одесскіе радикалы обязаны чѣмъ-нибудь отозваться на выстрѣлъ Засуличъ, чѣмъ-нибудь проявить себя и, въ концѣ концовъ, рѣшено было составить, отпечатать и расклеить по городу соотвѣтствующее воззваніе. Ковальскій предложилъ присутствовавшимъ написать текстъ такого воззванія и самъ началъ писать тоже, чтобы потомъ или выбрать изъ нѣсколькихъ лучшее, или скомпилировать изъ нихъ одно.

Всѣ были настроены такъ, что черезъ какой-нибудь часъ писавшіе окончили свою работу и начали по очереди каждый читать свое произведеніе. Остановились на воззваніи редакціи Ковальскаго, озаглавленномъ «Голосъ честныхъ людей», которое и рѣшено было напечатать, и набирать которое мы отправились тотчасъ же на квартиру къ нему. Я помню, какъ идя туда, онъ нѣсколько разъ вспоминалъ заключительныя слова одного изъ забракованныхъ воззваній и много смѣялся имъ.

— Такъ, какъ?—говорилъ онъ—мы будемъ стрѣлять, будемъ вѣчно стрѣлять?—(онъ нѣсколько грассировалъ)—таковы были эти заключительныя слова, и громко смѣялся.—Ничего себѣ, знаете, хорошая перспектива... «будемъ стрѣлять, будемъ вѣчно стрѣлять» и только. Совсѣмъ хорошо...

Немедленно по приходѣ на квартиру Ковальскаго (онъ жилъ тамъ же, на Ямской, но занималъ другую комнату съ окнами, выходившими во дворъ), изъ его тощаго чемодана извлечена была «тайная типографія», состоявшая изъ десятка полутора фунтовъ типографскаго шрифта, сооруженныхъ изъ сигарнаго ящика двухъ или трехъ подобій верстатокъ и деревянной же дощечки съ закраинками, напоминающей не то маленькую гранку, не то «уголокъ»: на послѣдней и производилось само печатаніе, сперва сапожной щеткой, замѣненной впослѣдствіи «природными дарованіями», по терминологіи Глѣба Ивановича Успенскаго.

Такъ какъ у насъ не было даже подобія типографской кассы, то нужныя буквы приходилось разыскивать въ кучкѣ шрифта, что, конечно, страшно замедляло наборъ. Но, кромѣ того, при такихъ условіяхъ, обнаружилось еще одно большое неудобство: то тотъ, то другой изъ насъ троихъ (начали набирать Ковальскій, В. Д. Кленовъ и я) обращались одинъ къ другому:

— Василій, дайте-ка мнѣ прописное К, никакъ не могу его найти.

— Иванъ, нѣтъ-ли у васъ точки съ запятой и твердаго знака? и т. д.

Изъ сосѣдней комнаты, гдѣ обитали квартирные хозяева, къ намъ доносились не только звуки ихъ голосовъ, но и ясно слышались отдѣльныя слова; точно такъ же, конечно, и въ ихъ помѣщеніи можно было слышать наши обращенія другъ къ другу за запятыми и точками.

Обративъ на это вниманіе, мы пришли, разумѣется, къ заключенію, что набирать здѣсь неудобно и, по моему предложенію, рѣшили перенести все дѣло въ квартиру Виттенъ-Мержаковой, гдѣ изъ послѣдней комнаты никто ничего не могъ слышать. Едва смерклось, «типографія» была разложена по карманамъ, и мы перенесли ее на Садовую, гдѣ черезъ день и произошло вооруженное сопротивленіе, повлекшее за собой разстрѣляніе Ковальскаго по приговору военнаго суда...

Я не буду здѣсь касаться ни вооруженнаго сопротивленія, ни судебнаго процесса, о которыхъ, въ общемъ, Н. А. Виташевскій въ упомянутыхъ выше воспоминаніяхъ сообщилъ довольно вѣрныя свѣдѣнія (неточностей и ошибокъ въ его изложеніи, можетъ быть, я коснусь въ другое время и въ другомъ мѣстѣ), а перейду къ послѣднимъ днямъ жизни Ковальскаго, которые мы провели вмѣстѣ съ нимъ въ камерѣ подвальнаго этажа одесской тюрьмы вплоть до того момента, какъ его передъ разсвѣтомъ увели на казнь.

Въ первый день, когда насъ, послѣ объявленія приговора въ окончательной формѣ, перевезли изъ зданія военнаго суда въ тюрьму и водворили въ мрачной съ низкими сводами и асфальтовымъ поломъ камерѣ, подъ окномъ и дверьми которой поставили по часовому, мы почти не разговаривали другъ съ другомъ. Мы страшно устали. Нѣсколько дней судебнаго разбирательства и приговоръ истрепали нервы, а курятники (буквально курятники, даже со слѣдами недавняго пребыванія куръ), въ которыхъ насъ запирали на ночь въ зданіи суда, отозвались на мускулахъ и костяхъ до того ощутительно, что мы чувствовали себя страшно разбитыми и усталыми, и въ первый день просто отдыхали на тюремныхъ кой-

кахъ, высыпались. Ни мрачный видъ полутемной камеры, ни часовые, не спускавшіе съ насъ глазъ, не производили на насъ никакого впечатлѣнія. Намъ былъ нуженъ отдыхъ, и мы его использовали въ первый день возвращенія въ тюрьму.

Сонъ, при условіи возможности вытянуться на койкѣ во всю длину своего тѣла, чего нельзя было за тѣснотой дѣлать въ курятникахъ суда, подкрѣпилъ насъ настолько, что на слѣдующій день мы себя чувствовали совершенно бодрыми.

Само собой разумѣется, что первой и главнѣйшей темой нашихъ разговоровъ былъ судъ и, въ особенности, его приговоръ въ отношеніи Ковальскаго. Иванъ Мартыновичъ былъ совершенно спокоенъ, отчасти, можетъ быть, потому, что нѣсколько надѣялся на непривеленіе приговора въ исполненіе. Я говорю *нѣсколько* потому, что онъ вподнѣ допускалъ также, что его разстрѣляютъ. Слабая, весьма слабая надежда шевелилась и у меня въ душѣ, и я старался укрѣпить ее въ Ковальскомъ.

— А, собственно говоря, интересно, конфирмируетъ Сенека (такъ, кажись, звали командующаго войсками одесскаго округа) приговоръ или нѣтъ?—нѣсколько разъ, обращаясь ко мнѣ, произносилъ Иванъ.

— Не думаю,—говорилъ я, хотя не вѣрилъ самъ своимъ словамъ,—не рѣшится онъ сдѣлать это, хотя бы въ виду того, что произошло на Гулевой, когда сталъ извѣстенъ только приговоръ.

— Ну, это, положимъ, никакого значенія имѣть не можетъ или даже, наоборотъ, должно повліять на него въ томъ смыслѣ, что побудитъ его рѣшительнѣе приговоръ утвердить,—возражалъ Ковальскій.

— Да, вѣдь, то или иное рѣшеніе и не отъ него зависитъ: какъ отвѣтятъ изъ Петербурга,—говорилъ опять я, намекая на слухъ, будто командующій войсками послалъ въ Петербургъ телеграмму съ запросомъ о томъ, какъ быть съ приговоромъ суда относительно смертной казни.

Ковальскій замолкалъ, наступала продолжительная пауза, каждый изъ насъ погружался въ свои думы.

— Собственно говоря,—прерывалъ молчаніе Ковальскій,—я ничего не имѣю противъ того, чтобы умереть; смерти я не боюсь, и даже не жаль жизни, но важно лишь то, чтобы моя смерть была продуктивной для общаго нашего дѣла; вотъ что важно.

Относительно послѣдняго соображенія-вопроса я вполнѣ искренно высказывался въ томъ смыслѣ, что, если бы приговоръ суда былъ приведенъ въ исполненіе, то въ продуктивности этого акта для дѣла освобожденія народа не можетъ быть никакого сомнѣнія. Я напоминалъ Ивану заключительныя слова рѣчи нашего защитника Бардовскаго, который сказалъ: «Не забывайте, господа судьи, что эшафотъ, обагренный кровью такого преступника, приноситъ совсѣмъ не тѣ плоды, какіе отъ него ожидаютъ пославшіе осужденнаго на казнь».

Это—не красивыя слова только, это—непреложный фактъ, про-

слѣдить который вовсе не трудно въ исторіи. И разговоръ переходитъ на другія темы. То вспоминаемъ мы отдѣльные эпизоды судебнаго слѣдствія, то обсуждаемъ происшедшее на Гулевой улицѣ, то припоминаемъ подробности вооруженнаго сопротивленія и т. п.

Время идетъ, но мы не замѣчаемъ этого. Передохнувшіе нервы вновь возбуждаются, и, почти не чувствуя усталости, мы говоримъ, говоримъ и говоримъ, не замѣчая, что уже далеко за полночь и, лишь спохватившись, что очень поздно, рѣшаемся уснуть.

— Это бы все ничего, я ничего не имѣю противъ моей смерти, лишь бы она была продуктивной,—говоритъ Ковальскій, уже лежа на койкѣ и готовясь заснуть.

Эту фразу онъ неоднократно повторяетъ и днемъ, во время разговоровъ, затрагивающихъ совершенно даже посторонніе судебному приговору предметы. Произноситъ ее Ковальскій совершенно спокойно и просто, нисколько ни рисуясь, не подчеркивая ея.

Мысль, ею выражаемая, несомнѣнно, все время занимаетъ его и, очевидно, вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Но я каждый разъ стараюсь ихъ разсѣять и, какъ мнѣ кажется, достигаю въ значительной мѣрѣ цѣли.

Послѣдняя ночь передъ казнью памятна мнѣ очень хорошо. Я какъ теперь вижу Ковальскаго въ сѣромъ пиджакѣ изъ какой-то лѣтней матеріи,—сшитомъ нашими дамами спеціально для суда, такъ какъ имѣвшійся у Ивана старый былъ ужъ черезчуръ истрепанъ,—шагающимъ въ своихъ истоптанныхъ безъ подошвъ ботинкахъ (все какъ-то собирались купить ему новые, но такъ и не собрались) отъ стола подъ окномъ къ двери, съ стакановъ почти холоднаго чаю въ рукѣ. Прострѣленная нога у меня еще не зажила, нужно было прибѣгать къ помощи одного костыля, и потому я лишь изрѣдка прохаживался. Онъ прихлебываетъ чай и говоритъ. За все время моего знакомства и за послѣдніе дни до роковой ночи Ковальскій никогда не говорилъ мнѣ ничего о своей личной жизни. Я зналъ только, что онъ сынъ священника, бывшій воспитанникъ подольской семинаріи. Въ эту ночь онъ почему-то самъ заговорилъ объ Аннѣ Алексѣевой, которую сильно любилъ. Всегда сдержанный, занятый, повидимому, исключительно революціоннымъ дѣломъ, онъ вдругъ заговорилъ со мной свободно, откровенно о своихъ личныхъ чувствахъ. Признаюсь, несмотря на то, что я былъ отчасти польщенъ этимъ, такъ сказать, довѣріемъ, указывавшимъ на его близость и симпатію ко мнѣ, мнѣ все же это показалось нѣсколько непріятнымъ. Мнѣ почуялось въ этомъ какъ бы душевное ослабленіе и въ то же время полусознательно промелькнуло предчувствіе недобраго. Думая затѣмъ, что, можетъ быть, на другое утро (я не зналъ, что онъ его больше не увидитъ) онъ пожалѣетъ, что коснулся самыхъ интимныхъ сторонъ своей жизни, я старался навести разговоръ на другіе предметы. Но Иванъ, можетъ быть, инстинктивно предчувствуя, что послѣдній разъ говоритъ съ относительно близкимъ ему человѣкомъ, не унимался и много, и долго, съ увлеченіемъ говорилъ о любимой имъ дѣвушкѣ.

Припоминая иные изъ его отзывовъ о знакомыхъ намъ женщинахъ изъ радикальнаго міра, я поражался нѣжностью его сердца и тѣмъ глубокимъ уваженіемъ, какое сквозило въ его теперешней рѣчи, къ женщинѣ вообще и русской дѣвушкѣ въ частности.

Мы почти не касались въ эту ночь никакихъ общественныхъ вопросовъ, ничего уже не говорили о судѣ, о приговорѣ и провели время въ бесѣдѣ часовъ до трехъ утра. Ложась послѣдній разъ спать, Иванъ даже не произнесъ своей обычной фразы о томъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ своей смерти, если она будетъ только продуктивной. Онъ легъ, не раздѣваясь, какъ дѣлалъ это всегда въ послѣдніе дни, и моментально заснулъ спокойнымъ, глубокимъ сномъ.

Я не могъ уснуть, нервное возбужденіе не проходило и, лежа съ закрытыми глазами, пытался себя заставить заснуть и, можетъ быть, чуть-чуть задремалъ.

Шумъ шаговъ за дверью, звонъ ключей при отпираніи замка, грохотъ желѣзнаго засова вмигъ прогнали дрему, и я открылъ глаза.

Распахнулась дверь, и въ камеру вошелъ смотритель, караульный офицеръ, ключникъ и нѣсколько солдатъ съ ружьями; послѣдніе съ офицеромъ и ключникомъ остановились кучкой у двери, ближе къ углу.

Необычное время прихода, блѣдныя, какъ бы испуганныя или, лучше, какъ бы угнетенныя сознаніемъ преступности совершаемаго лица сразу сдѣлали для меня понятнымъ происходящее. Я приподнялся на постели и взглянулъ сперва въ уголъ, гдѣ толпились солдаты съ фонарями. Совершенно непроизвольно, на одинъ только мигъ, какъ молнія, мелькнуло воспоминаніе о видѣнной гдѣ-то, должно быть въ какомъ-нибудь журналѣ, гравюрѣ, изображавшей сцену въ Геѳсиманскомъ саду, когда Іуда привелъ римскихъ солдатъ и полицію, чтобы схватить Христа.

Блѣдный, съ какимъ-то искаженнымъ, измученнымъ лицомъ подошелъ смотритель къ койкѣ, на которой спокойно спалъ Ковальскій.

— Вставайте, вставайте!—слегка трогая за плечо спящаго, не вѣрнымъ, срывающимся голосомъ будилъ его смотритель. — Нужно идти,—проговорилъ онъ, когда Ковальскій проснулся и всталъ на ноги.

Ковальскій взглянулъ на кучку людей, столпившихся въ углу камеры, и протянулъ руку къ столу, чтобы взять свою шляпу.

— Не сомнѣвайтесь въ продуктивности, вспомните слова Бардовскаго,—проговорилъ я, подойдя къ нему и взявъ его за руку.— Прощайте...

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и, не произнеся ни слова, пошелъ за смотрителемъ. Солдаты заслонили его отъ моего взора, и я не видѣлъ, какъ онъ въ послѣдній разъ переступилъ порогъ камеры.

Шумъ шаговъ по корридору, глухой, отдаленный шумъ ихъ по

каменнымъ плитамъ двора, лязгъ открываемой и закрываемой калитки въ желѣзныхъ воротахъ тюрьмы были послѣдними звуками, что я слышалъ вблизи живого еще товарища.

Часовъ около одиннадцати утра въ тюрьмѣ, по обыкновенію, смѣнялся караулъ. Старыхъ часовыхъ у дверей и окна моей камеры смѣнили новые. Какъ и прежніе, эти зорко смотрѣли внутрь моего помѣщенія. Я подошелъ къ небольшому окну съ толстой желѣзной рѣшеткой. Сверху виднѣлся клочекъ чистаго, темноголубого южнаго неба. Ярко и весело свѣтило солнце...

— Послушайте,—послышалось негромко за окномъ.—Товарища разстрѣляли. Наша рота была тоже на Куликовомъ полѣ. Молодцомъ умеръ. Самъ подошелъ къ столбу, не вели...

За дверью стукнулъ ружейный прикладъ о плиты каменнаго пола корридора.

Голосъ за окномъ моментально смолкъ, и говорившій часовой, молодой еще очень солдатъ, нѣсколько отстранился отъ окна.

Постукивая костылемъ, я сталъ ходить по камерѣ. И въ моемъ воображеніи рисовалась картина:

Полумракъ предразсвѣта, безграничная степь, разомкнутое съ одной стороны карре вооруженныхъ солдатъ, привязанная къ столбу, покрытая бѣлымъ мѣшкомъ человѣческая фигура, грохотъ залпа, темныя пятна на бѣломъ саванѣ...

Что думали солдаты, отвязывавшіе отъ столба окровавленный теплый еще трупъ Ковальскаго, чтобы бросить его въ яму, когда увидали у него на ногахъ истоптанные, старые ботинки, сквозь дырья которыхъ ясно видно было его голое тѣло?—спрашивалъ я себя мысленно.

Уже въ этотъ моментъ смерть его стала проявлять свою продуктивность...

В. Ильичъ-Свитычъ.

Къ исторіи народовольческаго движенія среди военныхъ въ началѣ 80-хъ годовъ.

Въ іюльской книгѣ «Былого» мы напечатали воспоминанія М. Ю. Ашенбреннера о военныхъ организаціяхъ, созданныхъ дѣятелями «Народной Воли» въ началѣ 80-хъ годовъ. Въ настоящей книгѣ мы имѣемъ возможность пополнить сообщенія М. Ю. Ашенбреннера данными оффиціальнаго дознанія о распространеніи «преступной пропаганды среди военныхъ». Дознаніе было возбуждено въ первой половинѣ 1883 года и производилось въ теченіе года. Даннымъ жандармскаго дознанія была два раза сдѣлана сводка. Въ первый разъ писатели жандармскаго вѣдомства подвели итогъ дознанію съ 1 января по 1 іюля 1883 года, во второй—съ 1 іюля 1883 по 1 января 1884 г. Эти сводки мы и помѣщаемъ въ настоящей книгѣ. Читатель долженъ помнить, что тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ «откровенныхъ показаніяхъ» одного или нѣсколькихъ офицеровъ, нужно почти всегда имѣть въ виду пространнѣйшій предательскій оговоръ Дегаева. И дознаніе въ этой первой стадіи, и впослѣдствіи судъ, почерпнувъ всѣ данныя изъ показаній Дегаева, стыдливо не рѣшились произнести громко его фамилію. Само собою разумѣется, что мы печатаемъ эти жандармскія произведенія исключительно въ качествѣ матеріаловъ по исторіи революціоннаго движенія, при чемъ матеріаловъ такого рода, къ которымъ необходимо относиться весьма критически.

I.

«Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ неоднократно получались указанія на отдѣльные случаи преступныхъ сношеній лицъ, состоявшихъ на дѣйствительной военной службѣ, съ членами тайныхъ обществъ и даже на принадлежность нѣкоторыхъ офицеровъ къ этимъ послѣднимъ. Выяснившіяся при этомъ данныя, удостовѣряя виновныхъ тѣхъ или другихъ лицъ, не свидѣтельствовали, однако, о существованіи съ преступною цѣлью самостоятельныхъ военныхъ кружковъ. Съ развитіемъ, однако, дѣятельности народовольческаго сообщества, включившаго въ свою программу привлеченіе къ революціонной дѣятельности военныхъ, стали поступать свѣдѣнія о возникновеніи въ средѣ офицеровъ арміи и флота особыхъ группъ съ соціально-революціоннымъ направленіемъ. Опредѣлительныя въ семъ отношеніи указанія были представлены весною 1882 г. покойному генералъ-майору Стрѣльникову оберъ-офицерскимъ сыномъ Дмитріемъ Петровымъ, который показалъ, что, подъ вліяніемъ Вѣры Фигнеръ, въ Одессѣ образовался преступный кружокъ въ средѣ офицеровъ 59 Люблинскаго пѣхотнаго полка, состоявшій изъ слѣдующихъ лицъ: подполковника Ашенбреннера, штабсъ-капитана Крайскаго, поручиковъ Каменскаго и Телье и подпоручика Стратановича. Привлеченіе названныхъ офицеровъ къ отвѣтственности признано было тогда преждевременнымъ, такъ какъ за ними, въ видахъ выясненія ихъ связей и дѣятельности, было учреждено негласное наблюденіе. Впослѣдствіи, однако, обнаруженіе въ концѣ того же 1882 года, по заявленію поручика 16-го гренадерскаго Мингрельскаго полка Анисимова, преступнаго кружка среди офицеровъ вышеназваннаго полка въ Тифлисѣ, выяснившіяся посредствомъ наблюденія въ Харьковѣ за Вѣрою Фигнеръ и ея единомышленниками сношенія этихъ лицъ съ штабсъ-капитаномъ 9 артиллерійской бригады Похитоновымъ и поручикомъ 28-ой артиллерійской бригады Рогачевымъ, наконецъ, доказанное участіе подпоручика 131-го Тираспольскаго пѣхотнаго полка Тихановича въ устройствѣ побѣга политическаго арестанта Василія Иванова изъ Кіевскаго тюремнаго замка въ августѣ минувшаго года, дали достаточный матеріалъ для изслѣдованія значенія и размѣровъ соціалистической пропаганды въ средѣ военныхъ, поэтому въ мартѣ сего года послѣдовало распоряженіе объ арестѣ всѣхъ названныхъ лицъ военнаго званія.

Откровенными показаніями нѣкоторыхъ изъ числа привлеченныхъ офицеровъ относительно образованія самостоятельныхъ военныхъ кружковъ для соціалистической пропаганды выясняется нижеслѣдующее:

Организація кружковъ и возникновеніе центральнаго военнаго кружка. Возникновеніе военныхъ кружковъ относится къ осени 1880 года и послѣдовало по иниціативѣ казненнаго государственнаго преступника Желябова. Подробныя указанія по поводу этой организаціи даны поручикомъ Рогачевымъ, котораго Вѣра Фигнеръ, приглашая въ ноябрѣ минувшаго года на роль организатора террористическаго кружка въ Петербургѣ, познакомила съ организаціей соціально-революціонной партіи вообще, ея текущими дѣлами и способами дѣйствія. Указанія, данныя по сему поводу Рогачевымъ, разъясняютъ, такимъ образомъ, устройство военныхъ кружковъ въ томъ видѣ, въ какомъ эта организація обрисовывалась Рогачеву по разсказамъ Фигнеръ.

Первая военная группа создалась въ концѣ 1880 г. и получила названіе центральной, въ составъ ея вошли: лейтенанты Сухановъ и Штромбергъ съ военной стороны, Желябовъ и Колодкевичъ—со стороны Исполнительнаго Комитета. Члены группы занялись разработкой «Устава военнаго центральнаго кружка». Уставу этому, какъ показываетъ Похитоновъ, партія придавала такую важность,

что не рѣшалась его печатать, боясь огласки; единственный повидимому, его экземпляръ найденъ былъ въ числѣ бумагъ Колодкевича при его арестѣ. Уставъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ 15-ти пунктовъ:

1) Центральный военный кружокъ, имѣя своею цѣлью полное политическое и экономическое освобожденіе народа, вполнѣ раздѣляетъ программу партіи «Народной Воли», отпечатанную въ 3 № ея органа.

2) Составляя развѣтвленіе существующей революціонной организаціи, кружокъ, какъ спеціально военный, ставитъ себѣ задачи: а) организовать въ войскѣ силу для активной борьбы съ правительствомъ и б) парализовать остальную часть войска, почему-либо неспособную къ активной борьбѣ.

3) Въ предѣлахъ программы, центральный кружокъ безусловно подчиняется рѣшенію Исполнительнаго Комитета, оставляя за собой право совѣщательнаго голоса: а) при начертаніи политики партіи на слѣдующій періодъ, б) во всѣхъ случаяхъ, когда исполненіе возлагается на военную организацію.

Примѣчаніе. Отдѣльные члены военной организаціи имѣютъ право самостоятельно, безъ совѣщанія съ кружкомъ, принять предложеніе Исполнительнаго Комитета.

4) При измѣненіи программы военная организація имѣетъ рѣшающій голосъ.

5) Условія вступленія въ центральный кружокъ: сознательный и дѣятельный соціалистъ-революціонеръ.

6) Для пріема въ члены требуется единогласное рѣшеніе кружка и согласіе Исполнительнаго Комитета.

7) Членъ обязывается ставить интересы партіи выше всѣхъ другихъ.

8) Рѣшенія кружка постановляются большинствомъ $^1/_3$ голосовъ.

9) Выходъ члена центральнаго кружка изъ организаціи партіи безусловно воспрещается.

10) Выходъ его изъ центральнаго военнаго кружка допускается лишь съ согласія Исполнительнаго Комитета и единогласнаго рѣшенія самого кружка.

11) Агенты Исполнительнаго Комитета могутъ входить въ центральный кружокъ: а) какъ постоянные его члены со всѣми правами и обязанностями члена кружка и б) какъ временно прикомандированные съ голосомъ совѣщательнымъ по текущимъ дѣламъ кружка и голосомъ рѣшающимъ за Исполнительный Комитетъ.

12) Рѣшеніе кружка во всѣхъ дѣлахъ для члена обязательно.

13) Центральный военный кружокъ вѣдаетъ денежныя средства всей военной организаціи. Всѣ поступленія отъ военной организаціи идутъ въ центральный кружокъ, при чемъ 75% передаются въ Исполнительный Комитетъ, а 25% остаются въ самостоятельное распоряженіе центральнаго кружка.

14) Центральный кружокъ избираетъ кассира, ведущаго отчетность.

15) Члены центральнаго военнаго кружка въ сношеніяхъ съ кружками военной организаціи именуются «агентами центральнаго кружка».

Мѣсяца черезъ два послѣ образованія центральной группы число членовъ центральнаго военнаго кружка достигло 10—15 человѣкъ, а въ Петербургѣ и его окрестностяхъ составилось 7 кружковъ, число членовъ которыхъ, въ общей сложности, доходило до 50 человѣкъ. Въ составъ центральнаго кружка вошли артиллеристы: штабсъ-капитаны Дегаевъ и Похитоновъ, поручикъ Рогачевъ и подпоручикъ Панинъ; флотскіе офицеры: Буцевичъ, Завалишинъ и Дружининъ, а делегатами комитета по арестѣ Колодкевича и Желябова,—Савелій Златопольскій, Анна Корба и Вѣра Фигнеръ (Филиппова) [1]. Дѣятельность центральнаго военнаго кружка на первыхъ же порахъ его существованія ознаменовалась появленіемъ въ подпольной литературѣ, въ августѣ 1881 г. двухъ преступныхъ воззваній: а) «Къ офицерамъ русской арміи» и б) «Славному казачеству войска Донского, Уральскаго и пр. объявленіе Исполнительнаго Комитета». Оба эти воззванія призывали офицеровъ присоединиться къ тайному обществу для защиты народа и, въ случаѣ открытаго возстанія, принять въ немъ участіе.

Въ составленіи и распространеніи названныхъ преступныхъ воззваній ближайшее участіе принимали, какъ оказывается, Савелій Златопольскій и Похитоновъ. По сему предмету этотъ послѣдній говоритъ въ своемъ показаніи слѣдующее:

«Воззваніе къ офицерамъ русской арміи Златопольскій читалъ мнѣ вчернѣ; съ редакціей его я не вполнѣ былъ согласенъ, но такъ какъ своей не представилъ, то воззваніе было напечатано въ томъ видѣ, какъ его показывалъ мнѣ Златопольскій; когда воззванія были напечатаны, Златопольскій принесъ мнѣ цѣлую пачку, которую я распространилъ, какъ путемъ личныхъ сношеній, такъ и по почтѣ».

Поѣздка агентовъ центральнаго военнаго кружка по Россіи. Около того же времени, лѣтомъ 1881 года, членами центральнаго военнаго кружка предприняты были поѣздки въ различныя мѣстности Имперіи для вербовки новыхъ членовъ въ военной средѣ. Лейтенантъ Буцевичъ, получившій служебную командировку въ Николаевъ, принялъ на себя организацію военныхъ кружковъ какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ Одессѣ; туда же лѣтомъ отправилась Вѣра Фигнеръ. Анна Корба, лѣтомъ 1881 года, ѣздила въ Тифлисъ и положила начало Мингрельскому кружку. Дружининъ былъ въ Кіевѣ, но поѣздка его осталась безъ результатовъ. Успѣхъ дѣятельности Корба и Буцевича объясняется тѣмъ, что на Кавказѣ и въ Одессѣ почва для пропаганды среди военныхъ была подготовлена мѣстными дѣятелями. Дмитрій Петровъ находился уже ко времени

[1] Изъ числа названныхъ членовъ кружка въ настоящее время Буцевичъ, Златопольскій и Корба отбываютъ наказанія, Фигнеръ, Похитоновъ, Рогачевъ, Завалишинъ, Панинъ, Дружининъ преступны и привлечены къ дознанію, Дегаевъ разоблаченъ.

поѣздки Буцевича въ Одессу въ сношеніяхъ съ офицерами Крайскимъ, Стратановичемъ, Ашенбреннеромъ; этотъ послѣдній, будучи прикомандированъ къ 58-му Прагскому полку, расположенному въ Николаевѣ, перенесъ преступную пропаганду въ общество офицеровъ этого полка; на Кавказѣ поручикъ Антоновъ слѣдовалъ внушеніямъ учителя Кипіани и литератора Чрелаева.

Пропаганда среди военныхъ на Кавказѣ. По пріѣздѣ въ Тифлисъ Корба, она познакомилась съ Антоновымъ чрезъ Чрелаева и стала снабжать его изданіями «Народной Воли», которыя были передаваемы затѣмъ Антоновымъ для прочтенія нѣкоторымъ изъ товарищей по полку [1]). Вслѣдъ за тѣмъ Корба предложила ему устроить кружокъ изъ офицеровъ полка, сочувствующихъ революціоннымъ идеямъ. Предложеніе это было принято Антоновымъ и передано товарищамъ. Для обсужденія цѣлей кружка и его организаціи состоялось нѣсколько сходокъ; на одной изъ нихъ, на квартирѣ поручика Липпомана, Корба, заявивъ, что она дѣйствуетъ по порученію «исполнительнаго комитета», познакомила присутствовавшихъ съ ходомъ противоправительственнаго движенія, выяснила имъ значеніе и цѣль «исполнительнаго комитета» и предложила образовать военный кружокъ, который въ своихъ дѣйствіяхъ былъ бы обязанъ согласоваться съ программой комитета, тутъ же ею прочитанной собранію и организовать пожертвованія на цѣли тайнаго сообщества. Вслѣдъ за тѣмъ въ кружокъ мингрельцевъ былъ введенъ Анною Корба пріѣзжій въ Тифлисъ артиллерійскій офицеръ, отрекомендованный подъ фамиліей Кавелина [2]), и заявившій о своемъ присутствіи въ кружкѣ весьма туманными разсужденіями о соціализмѣ. Уѣзжая осенью 1881 г. изъ Тифлиса, Корба поручила кружокъ военныхъ туземцу Григоріанцу, какъ лицу, который по ея отъѣздѣ долженъ былъ снабжать офицеровъ запрещенными изданіями и поддерживать связь ихъ съ ней, что тотъ и исполнилъ, собравъ при этомъ съ офицеровъ 100 руб., предназначавшихся на устройство тайной типографіи.

По пріѣздѣ на Кавказъ весной 1882 г. Дегаева, послѣдній тотчасъ же сошелся съ Антоновымъ чрезъ княжну Шервашидзе, на состоявшейся по случаю его пріѣзда сходкѣ предложилъ кружку программу дѣятельности, заключавшуюся въ полномъ подчиненіи «исполнительному комитету», въ собираніи статистическихъ свѣдѣній о составѣ воинскихъ частей извѣстныхъ мѣстностей складахъ оружія и военныхъ запасахъ и въ вербованіи юнкеровъ и нижнихъ чиновъ, сочувствующихъ революціонному дѣлу. Тутъ же Дегаевъ разъяснилъ офицерамъ, что въ Петербургѣ существуетъ «высшій военный кружокъ», чрезъ который остальные военные кружки сносятся съ комитетомъ, не имѣя къ этому послѣднему

[1]) Анисимову, Циціанову, Дерлановскому, Липпоману, Аліханову и Макухину.

[2]) По указаніямъ Антонова были произведены розыски этого офицера, и онъ оказался поручикомъ Карсо-Александропольской крѣпостной артиллеріи Шепелевымъ. Шепелевъ арестованъ и привлеченъ къ тифлисскому дознанію.

непосредственнаго отношенія, и что подчиненіе Тифлисскаго военнаго кружка «Петербургскому высшему кружку» является, для пользы дѣла безусловно необходимымъ. Дегаевъ поддерживалъ сношенія съ членами военнаго кружка въ теченіе лѣта 1882 г. и, передавъ имъ листки для сбора пожертвованій въ пользу «Краснаго Креста Народной Воли», устроилъ ежемѣсячные вычеты изъ жалованья съ каждаго члена кружка, а передъ отъѣздомъ изъ Тифлиса въ сентябрѣ 1882 года, познакомилъ Антонова съ Еленою Ивановною Дубенскою, т. е. съ Галиною Чернявскою. Чернявская, хотя продолжала видѣться съ Антоновымъ вплоть до его ареста, принимала, однако, относительно небольшое участіе въ дѣлахъ военнаго кружка, такъ какъ пріѣзжала въ Тифлисъ, какъ это установлено дознаніемъ, съ спеціальнымъ порученіемъ руководить ограбленіемъ Горійскаго казначейства и пользовалась мѣстными революціонными элементами лишь настолько, насколько это было ей необходимо для успѣха указаннаго предпріятія.

Одесскій кружокъ. Сношенія подполковника Ашенбреннера, штабсъ-капитана Крайскаго и подпоручика Стратановича съ упомянутымъ Дмитріемъ Петровымъ относятся къ началу 1881 г., чрезъ Петрова же лица эти познакомились съ Вѣрой Фигнеръ (Филиповой), а впослѣдствіи и съ Буцевичемъ, пріѣхавшимъ, по словамъ Крайскаго, осенью 1881 г. При первомъ же свиданіи Буцевичъ заявилъ Крайскому, что одного празднаго сочувствія противоправительственному движенію недостаточно, что необходимо такъ или иначе выразить свою дѣятельность, что военные могутъ принять участіе въ движеніи въ формѣ кружковъ, на какихъ бы то ни было началахъ, что изъ такихъ кружковъ будутъ выдѣляться люди, могущіе принять на себя болѣе серьезныя обязательства, кружокъ же первоначально могъ бы быть составленъ изъ самаго незначительнаго числа лицъ, которое, несомнѣнно, увеличится при развитіи дѣятельности кружка. Принявъ предложеніе организовать кружокъ, Крайскій пригласилъ принять въ немъ участіе поручиковъ Люблинскаго полка Каменскаго и Мураневича; въ согласіи подпоручика Стратановича, бывшаго въ это время въ отсутствіи изъ Одессы, Крайскій не сомнѣвался, такъ какъ Стратановичъ самъ раньше высказывалъ мысль о необходимости кружка и впередъ изъявилъ согласіе принять въ немъ участіе, если бы таковой составился. Мураневичъ, впрочемъ, изъявившій сначала согласіе, на свиданіе не пришелъ и затѣмъ отказался отъ участія въ кружкѣ. «Такимъ образомъ,—говоритъ Крайскій въ своемъ показаніи,—кружокъ составился изъ 3-хъ лицъ: меня, Стратановича и Каменскаго, на слѣдующихъ началахъ: кружокъ признаетъ солидарность съ программой партіи «Народной Воли», которую изложитъ Буцевичъ; кружокъ принялъ обязательство увеличивать число своихъ членовъ путевъ пропаганды среди офицеровъ, и каждый членъ кружка обязался ежемѣсячно дѣлать извѣстный денежный взносъ, въ размѣрѣ по желанію, на разныя могущія встрѣтиться надобности; одно изъ лицъ кружка должно было хранить эти

взносы и вообще состоять въ связи съ статскими; обязанность эту принялъ на себя я, приэтомъ Буцевичъ показалъ мнѣ употребленіе шифра и далъ кусокъ цianистаго кали; письма, въ случаѣ надобности, я долженъ былъ писать на его имя».

Николаевскій кружокъ. Еще ранѣе пріѣзда въ Одессу, Буцевичъ, лѣтомъ 1881 года, находясь по дѣламъ службы въ Николаевѣ, былъ занятъ устройствомъ военнаго кружка въ этомъ городѣ изъ офицеровъ 58-го Прагскаго полка, въ которомъ, по словамъ штабсъ-капитана Талапиндова, къ этому времени уже было нѣсколько человѣкъ, начавшихъ, подъ вліяніемъ прикомандированнаго къ полку подполковника Ашенбреннера, сочувственно относиться къ противоправительственному движенію. Квартира Ашенбреннера, проживавшаго вмѣстѣ съ офицерами Прагскаго полка Маймескуловымъ и Мицкевичемъ, служившая сначала мѣстомъ сборищъ для кутежей, мало-по-малу превращена была хозяиномъ въ мѣсто собраній для разсужденій и споровъ по разнымъ экономическимъ и политическимъ вопросамъ, а затѣмъ и открытой пропаганды соціалистическихъ воззрѣній. Кромѣ Ашенбреннера, Маймескулова и Мицкевича, квартиру эту посѣщали и принимали участіе въ предосудительныхъ разговорахъ штабсъ-капитанъ Талапиндовъ и подпоручики Кирьяковъ и Успенскій. Считая офицеровъ достаточно подготовленными, Ашенбреннеръ началъ затѣмъ снабжать ихъ изданіями «Народной Воли» и другими сочиненіями запрещенной литературы и завелъ особую квартиру для сборищъ сочувствующихъ противоправительственному движенію, на средства, которыя должны были получаться путемъ вычетовъ изъ жалованья названныхъ офицеровъ. По пріѣздѣ Буцевича, онъ, по словамъ Талапиндова, «прямо обратился къ Ашенбреннеру и черезъ него познакомился со всѣми нами». Знакомство это произошло на указанной конспиративной квартирѣ, куда его привелъ Ашенбреннеръ. «Буцевича,—говоритъ Талапиндовъ,—какъ видно, очень занималъ вопросъ объ организаціи военныхъ кружковъ. До его пріѣзда нашъ кружокъ существовалъ безъ опредѣленной программы, цѣли. Буцевичъ же предложилъ намъ выработать конституцію нашего кружка, т. е. изложить на бумагѣ, кто и въ какой степени готовъ принять участіе въ дѣлахъ революціонной партіи. Конституція эта тутъ же была выработана подъ его руководствомъ. Помню, что въ ней было сказано, что мы раздѣляемъ программу исполнительнаго комитета, была установлена степень подчиненности центру, опредѣленъ былъ порядокъ рѣшенія вопросовъ, возникающихъ въ кружкѣ, а также предложеній, которыя въ будущемъ можетъ сдѣлать центръ, установлена норма числа членовъ, могущихъ составить кружокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражена была степень готовности каждаго изъ насъ участвовать въ дѣлахъ партіи». Во время пребыванія Буцевича въ Николаевѣ, туда же пріѣзжала и «Елена Ивановна» (Вѣра Фигнеръ) и также нѣсколько разъ была на «конспиративной» квартирѣ.

Результатъ поѣздокъ членовъ центральнаго военнаго кружка,

такимъ образомъ, оказался успѣшнымъ. Помимо организаціи кружковъ въ названныхъ выше мѣстностяхъ, поѣздки эти, по словамъ поручика Рогачева, имѣли еще значеніе потому, что дали «центру» массу указаній на офицеровъ, готовыхъ вступить въ члены партіи (на основаніи этихъ указаній были составлены особые списки «офицерамъ-кандидатамъ»), и выяснили вообще, что военная среда представляется удобною для преступной пропаганды. Съ этого времени изъ многихъ военныхъ частей предъявляются требованія на постоянное полученіе запрещенныхъ изданій, и во многихъ мѣстахъ высказывается потребность въ изданіи спеціальнаго военнаго органа. Чтобы удовлетворить всѣмъ этимъ требованіямъ, центральный военный кружокъ рѣшилъ принять слѣдующія мѣры: въ наиболѣе важныхъ городахъ основать *окружные* кружки съ тѣми же обязанностями, въ отношеніи своихъ мѣстностей, какія центральный кружокъ имѣлъ относительно всей Россіи, затѣмъ предполагалось открыть особую типографію для изданія военнаго журнала и брошюръ, установить періодическія командировки агентовъ центральныхъ кружковъ, наконецъ, устраивать переводы офицеровъ изъ одной мѣстности въ другую сообразно потребностямъ. На выполненіе всѣхъ этихъ мѣръ потребовалась значительная сумма денегъ, которая и была потребована отъ комитета. «Между тѣмъ,—говоритъ Рогачевъ,—дѣла комитета сильно пошатнулись, люди, подвизавшіеся на революціонномъ поприщѣ 8—10 лѣтъ, почти всѣ были арестованы, вновь вступившіе членами въ комитетъ, на пополненіе убыли, еще не пріобрѣли необходимой опытности; находясь въ такомъ положеніи, комитетъ предложилъ центральному военному кружку прекратить на время свою дѣятельность, выждавъ, пока дѣла центра поправятся». Это было, по мнѣнію комитета, тѣмъ болѣе необходимо, что аресты коснулись уже войска, и дальнѣйшая рѣшительная дѣятельность въ семъ направленіи могла привлечь все вниманіе полиціи на военную организацію.

Аресты офицеровъ. Таково было положеніе, въ которомъ застали преступную военную организацію распоряженія объ арестѣ тѣхъ членовъ ея, на коихъ имѣлись указанія. Аресты эти за время съ 1-го января по 1-е іюля сего года были произведены въ слѣдующей постепенности:

Въ Тифлисѣ арестованы:

12-го января, 16-го Мингрельскаго гренадерскаго полка: капитанъ Макухинъ, штабсъ-капитаны Держановскій и Липпоманъ, поручики: Антоновъ, Алихановъ и Цицановъ.

4-го марта, того же полка штабсъ-капитанъ Вачнадзе и поручикъ Митникъ.

Въ Кіевѣ:

20-го марта, 131-го Тираспольскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Тихановичъ.

Въ Смоленскѣ:

29-го марта, подполковникъ 59-го Люблинскаго пѣхотнаго полка Ашенбреннеръ.

Въ г. Кобелякахъ, Полтавской губ.:

31-го марта, штабсъ-капитанъ 9-й Артиллерійской бригады Похитоновъ.

Въ Одессѣ:

2-го апрѣля, 59-го Люблинскаго пѣхотнаго полка штабсъ-капитанъ Крайскій, поручикъ Стратановичъ.

Въ Москвѣ:

4-го апрѣля, поручикъ 28-й Артиллерійской бригады Рогачевъ.

Въ Кронштадтѣ:

4-го апрѣля, 7-го флотскаго экипажа лейтенантъ Куприановъ, Кронштадтской крѣпостной Артиллеріи подпоручикъ Алексѣй Прокофьевъ и братъ его, корпуса флотскихъ штурмановъ поручикъ Александръ Прокофьевъ.

Въ Александрополѣ:

26-го апрѣля, Карсо-Александропольской крѣпостной артиллеріи поручикъ Шепелевъ.

(Дальнѣйшіе аресты офицеровъ, по даннымъ, выяснившимся дознаніемъ, произведены въ іюлѣ мѣсяцѣ, и свѣдѣнія о нихъ отчасти изложены въ приложеніи къ сей главѣ обзора, частью будутъ помѣщены въ слѣдующемъ обзорѣ)».

«Изъ числа арестованныхъ офицеровъ какъ по характеру дѣятельности, такъ по значенію, которымъ они пользовались въ средѣ тайнаго преступнаго сообщества, несомнѣнно, выдѣляются: Похитоновъ, Рогачевъ и Ашенбреннеръ. Имѣя постоянныя и близкія сношенія съ руководящими членами преступнаго сообщества, они въ послѣднее время намѣчались, какъ лица, на коихъ предполагалось возложить отвѣтственныя порученія и организацію отдѣльныхъ предпріятій. Дѣятельность первыхъ двухъ вполнѣ выясняется данными ими подробными и откровенными показаніями, подтверждаемыми прочими обстоятельствами дѣла. Что же касается Ашенбреннера, то онъ призналъ лишь принадлежность свою къ «соціально-революціонной партіи», заявивъ, что вступилъ въ тайное сообщество въ теченіе 1882 г. вслѣдствіе личныхъ убѣжденій, которыя складывались у него мало-по-малу въ теченіе многихъ лѣтъ. Руководясь тѣми же убѣжденіями, онъ, минувшей осенью взялъ 11-ти мѣсячный отпускъ и пріѣхалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы ближе познакомиться съ членами партіи, завязать съ ними сношенія, а затѣмъ, выйдя въ отставку, окончательно посвятить себя революціонной дѣятельности. Показаніе это не вполнѣ точно: знакомство Ашенбреннера съ Петровымъ и Фигнеръ, по даннымъ дознанія, относится къ веснѣ 1881 г., и въ томъ же году Ашенбреннеръ уже положилъ начало Николаевскому военному кружку.

Показаніе Похитонова. Сношенія Похитонова съ преступнымъ сообществомъ начинаются съ конца 1880 г., когда онъ, находясь въ Артиллерійской Академіи, встрѣтился съ товарищемъ своимъ по Артиллерійскому училищу Дегаевымъ и принялъ предложеніе этого послѣдняго вступить въ ряды тайнаго сообщества. Разъясняя Похитонову цѣль дѣятельности партіи и средства къ ея достиженію, Дегаевъ указывалъ на необходимость революціонной организаціи въ войскѣ, дабы лишить въ извѣстный моментъ правительство опоры въ борьбѣ его съ революціонными элементами. Такая организація, по словамъ Дегаева, въ то время уже начала осуществляться, и съ членомъ ея Дегаевъ познакомилъ Похитонова въ лицѣ лейтенанта Суханова. Убѣжденія этого послѣдняго окончательно повліяли на Похитонова, и онъ согласился примкнуть къ военной организаціи тайнаго преступнаго сообщества. Сухановъ познакомилъ Похитонова съ уставомъ военной организаціи и ввелъ его въ теченіе зимы 1880—81 гг. въ революціонную среду, гдѣ онъ встрѣчалъ Вѣру Фигнеръ, Перовскую, Фроленко, Анну Корба и Буцевича; этого послѣдняго, впрочемъ, Похитоновъ видѣлъ еще ранѣе у своего знакомаго, капитана Савельева. По арестѣ весной 1881 г. Суханова и Дегаева и по отъѣздѣ около того же времени Буцевича на югъ, Похитоновъ вступилъ въ сношенія съ Савеліемъ, Златопольскимъ, и съ этого времени дѣятельность его перешла уже на практическую почву. По собственному его сознанію, онъ въ это время, получая отъ Златопольскаго различныя указанія, велъ революціонную пропаганду между офицерами, преимущественно товарищами по Академіи, и распространялъ преступныя изданія. Съ цѣлью имѣть квартиру для свиданій Златопольскій познакомилъ Похитонова осенью 1881 г. съ врачемъ Мартыновымъ, а на квартирѣ этого послѣдняго Похитоновъ встрѣчался съ Стефановичемъ, Зинаидой Зацѣпиной, сестрой ея Надеждой Якимовой и Теллаловымъ.

Вслѣдъ за арестомъ Теллалова и Мартынова, у Похитонова въ декабрѣ 1881 г. произведенъ былъ обыскъ, и онъ, въ интересахъ тайнаго сообщества, временно устранился отъ всякихъ дѣлъ и свиданій. Положеніе это однако продолжалось не долго: вернувшійся въ началѣ февраля изъ поѣздки Буцевичъ возобновилъ сношенія съ Похитоновымъ и свелъ его съ Грачевскимъ.

Въ маѣ 1882 г., по окончаніи Академіи, Похитоновъ уѣхалъ сначала на Кавказъ лѣчиться, а затѣмъ къ мѣсту расположенія

бригады, въ г. Кобеляки, Полтавской губ. Хотя для возобновленія сношеній по пріѣздѣ въ этотъ городъ, Буцевичъ далъ Похитонову адресъ въ Петербургѣ, но Похитоновъ имъ не воспользовался, такъ какъ узналъ въ Кобелякахъ объ арестѣ Буцевича, Грачевскаго, Корба и др.

Въ началѣ ноября въ Кобеляки пріѣхалъ Дегаевъ; цѣль его пріѣзда, какъ онъ объяснилъ Похитонову, заключалась въ томъ, чтобы точно узнать мѣстопребываніе этого послѣдняго и завязать съ нимъ сношенія; Дегаевъ, кромѣ того, сообщилъ ему, что Вѣра Фигнеръ находится въ Харьковѣ, и что, въ случаѣ надобности его видѣть, онъ пришлетъ ему условную телеграмму. Недѣли черезъ двѣ такая телеграмма была получена, и Похитоновъ отправился въ Харьковъ, гдѣ его на вокзалѣ встрѣтилъ Дегаевъ, пришедшій затѣмъ къ нему вечеромъ съ Вѣрою Фигнеръ и какимъ-то неизвѣстнымъ господиномъ. Фигнеръ тотчасъ же приступила къ дѣловому разговору и, находя, что пребываніе Похитонова въ глуши невыгодно для революціонной партіи, убѣждала его выйти въ отставку, чтобы всецѣло посвятить себя преступной дѣятельности или же перейти на службу въ одинъ изъ революціонныхъ центровъ, дабы стать въ болѣе близкія отношенія къ партіи и расширить, насколько возможно, преступную пропаганду въ средѣ военныхъ. Фигнеръ посѣтила Похитонова нѣсколько разъ и на послѣднемъ свиданіи, снабдивъ деньгами для уплаты въ гостиницѣ, дала адресъ для писемъ. Рѣшительнаго отвѣта на сдѣланное ему предложеніе Похитоновъ не далъ, сказавъ, что подумаетъ. Вслѣдъ за тѣмъ, возвращаясь въ началѣ января сего года изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ по семейнымъ дѣламъ, онъ вновь видѣлся съ Фигнеръ, былъ у нея на квартирѣ и узналъ отъ нея, что устроенная въ Одессѣ тайная типографія обнаружена, и что завѣдывавшій ею Дегаевъ арестованъ. Вслѣдствіе этого было рѣшено, что Похитоновъ, возвратившись въ Кобеляки, тотчасъ же возьметъ четырехмѣсячный отпускъ и пріѣдетъ въ Харьковъ; отпускъ, однако, разрѣшенъ не былъ, о чемъ Похитоновъ увѣдомилъ Фигнеръ и въ отвѣтъ получилъ письмо, въ которомъ она увѣдомила, что Дегаеву удалось бѣжать изъ-подъ стражи. Вскорѣ затѣмъ состоялся арестъ Похитонова. Здѣсь необходимо указать, что найденная въ концѣ 1881 года у Теллалова при его арестѣ записка о приготовленіи ракетъ была писана Похитоновымъ, который объяснилъ, что составлялъ ее по просьбѣ Златопольскаго, интересовавшагося возможностью примѣненія ракетъ къ революціоннымъ цѣлямъ.

Показаніе Рогачева. Весной 1881 г. Похитоновъ, проживая въ С.-Петербургѣ, имѣлъ ближайшія отношенія съ поручикомъ Рогачевымъ. Подробности этихъ отношеній изложены въ показаніи поручика Рогачева. Знакомство Рогачева съ революціонерами началось еще въ 1874 г., когда принадлежавшій уже къ числу агитаторовъ братъ его Дмитрій (впослѣдствіи осужденъ въ каторжныя работы) пріѣхалъ изъ Петербурга въ Орелъ, и старался возбудить въ немъ интересъ къ соціальнымъ вопросамъ и къ соціальной

литературѣ. Пріѣхавъ затѣмъ въ Петербургъ для поступленія въ Павловское училище, Рогачевъ встрѣтился съ товарищемъ своимъ по Орловской гимназіи Баранниковымъ, который ввелъ его на студенческія сходки и снабжалъ разными подпольными изданіями. Въ маѣ 1876 г. прибылъ въ Петербургъ братъ Рогачева Дмитрій. При свиданіи съ нимъ Николай Рогачевъ познакомился съ присутствовавшими при этомъ Желябовымъ и Вѣрою Фигнеръ. Дмитрій Рогачевъ, однако, былъ вскорѣ арестованъ, а Николай Рогачевъ, произведенный въ офицеры, уѣхалъ домой, а затѣмъ въ мѣсто расположенія бригады. Въ концѣ 1880 г., вернувшись въ Петербургъ для пріисканія какого-либо другаго рода службы, Рогачевъ вновь встрѣтился съ Баранниковымъ. Съ этого времени сношенія его съ членами преступнаго сообщества возобновляются: Баранниковъ познакомилъ его съ Колодкевичемъ, отрекомендовавшимся подъ именемъ «Глѣба Николаевича», и Савеліемъ Златопольскимъ,—который назвался именемъ «Филиппа Даниловича» (подъ этимъ же именемъ Златопольскій былъ извѣстенъ и Похитонову). Всѣ трое часто посѣщали Рогачева, давали ему изданія «Народной Воли», «программу» Исполнительнаго Комитета, и разныя другія подпольныя изданія, а во время разговоровъ доказывали несостоятельность существующаго государственнаго строя, необходимость и полезность насильственныхъ дѣйствій со стороны партіи и пр. Въ январѣ 1881 г. Рогачевъ командированъ былъ по службѣ въ Гельсингфорсъ, гдѣ и пробылъ около 3-хъ мѣсяцевъ. Возвратившись весной въ Петербургъ, онъ встрѣтился съ знакомымъ ему раньше поручикомъ артиллеріи Похитоновымъ, находившимся тогда въ Академіи, и поселился съ нимъ на одной квартирѣ, гдѣ и проживалъ до конца мая мѣсяца, а затѣмъ опять уѣхалъ на службу въ 28-ю бригаду, расположенную въ Виленскомъ военномъ округѣ. Осенью 1882 г. Рогачевъ получилъ отъ Похитонова письмо, въ коемъ этотъ послѣдній просилъ его непремѣнно пріѣхать въ Кобеляки.

«Какъ только явилась возможность взять отпускъ,—говоритъ Рогачевъ въ своемъ показаніи,—я отправился въ означенный городъ. Похитоновъ сообщилъ мнѣ, что Фигнеръ желаетъ меня видѣть, и если я ничего не имѣю противъ этого, то долженъ ѣхать въ Полтаву и тамъ ждать ее. Мнѣ была указана гостиница, гдѣ остановиться, и на другой день я уѣхалъ въ Полтаву. Черезъ день туда же пріѣхала Фигнеръ. Дня два или три я прожилъ въ Полтавѣ, и каждый день мы встрѣчались, при чемъ просиживали по нѣсколько часовъ у меня въ номерѣ. Результатъ этихъ свиданій былъ тотъ, что я согласился выйти въ отставку и вступить въ партію въ качествѣ активнаго члена».

Намѣренія этого Рогачеву осуществить не пришлось, такъ какъ 4-го апрѣля сего года онъ былъ арестованъ.

Для полноты изложенія результатовъ дознанія о преступной дѣятельности лицъ военнаго званія необходимо коснуться основаній привлеченія къ нему подпоручика Тихановича.

Арестъ подпоручика Тихановича въ Кіевѣ и его показаніе. Въ ночь

на 17-е августа 1882 г. изъ Кіевскаго тюремнаго замка бѣжалъ политическій арестантъ Василій Ивановъ [1]), привлеченный къ дознанію, производимому покойнымъ генералъ-майоромъ Стрѣльниковымъ. Подозрѣніе въ способствованіи побѣгу означеннаго арестанта пало на двухъ надзирателей тюремнаго замка, которые вслѣдствіе этого и были по этому дѣлу присуждены военно-окружнымъ судомъ въ каторжныя работы. Между тѣмъ впослѣдствіи были получены указанія, что побѣгъ совершенъ при содѣйствіи бывшаго въ этотъ день караульнымъ офицеромъ въ тюремномъ замкѣ, подпоручика 131-го Тираспольскаго пѣхотнаго полка Тихановича. На первомъ же допросѣ, Тихоновичъ показалъ: «Государственнаго преступника Василія Иванова, содержавшагося въ Кіевской тюрьмѣ и бѣвшаго въ ту ночь, когда я былъ въ караулѣ, выпустилъ изъ тюрьмы лично я, безъ всякаго посторонняго участія; побудительной причиной этого поступка было мое давнишнее знакомство съ Ивановымъ».

Изъ дальнѣйшаго показанія Тихановича видно, что бывшій студентъ Кіевскаго Университета Василій Ивановъ, съ которымъ онъ познакомился за нѣсколько мѣсяцевъ до своего ареста, часто посѣщая Тихановича, приносилъ ему для чтенія разныя революціонныя изданія и познакомилъ его съ какой-то барышней, называвшейся «Антониной Николаевной». Эта послѣдняя также часто навѣщала Тихановича. Изъ разговоровъ съ ней Тихановичъ убѣдился, что она, подобно Иванову, принадлежитъ къ революціонной партіи. По арестѣ Иванова, Тихановичъ встрѣтился съ нимъ въ тюрьмѣ, въ первый же разъ, когда былъ въ караулѣ, имѣлъ возможность разговаривать съ нимъ, и подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ, а также личнаго расположенія къ Иванову, рѣшился освободить его при первой возможности. Продолжая видѣться съ Антониной Николаевной, которая часто къ нему заходила, Тихановичъ сообщилъ ей о своемъ намѣреніи, а впослѣдствіи указалъ и ночь, въ которую планъ освобожденія долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Со времени ареста Иванова и до его побѣга, Тихановичъ былъ въ караулѣ въ тюрьмѣ четыре раза и каждый разъ ночью, пользуясь отсутствіемъ внутренняго военнаго караула, говорилъ съ Ивановымъ чрезъ двери камеры и обсуждалъ съ нимъ планъ освобожденія.

Этотъ послѣдній, по словамъ Тихановича, состоялъ въ слѣдующемъ: «Ивановъ долженъ былъ разобрать въ своей камерѣ часть печки, прилегавшей къ коридору и такимъ образомъ выйти. Во время этой работы у него на окнѣ долженъ былъ горѣть ночникъ, который Ивановъ, при окончаніи работы, долженъ былъ потушить. Я же долженъ былъ наблюдать за окномъ камеры изъ офицерской комнаты. Побѣгъ былъ рѣшенъ въ ночь на 17-е августа: придя 16-го въ караулъ, я принесъ съ собою купленные мною для Иванова пиджакъ и фуражку, затѣмъ разсчиталъ смѣны караула такъ, чтобы къ 3-мъ часамъ ночи въ караулѣ никакихъ служебныхъ

[1]) Былъ выданъ въ преступномъ сообществѣ подъ именемъ „Митрофана".

передвиженій не было. Такимъ образомъ, когда ночникъ у Иванова, согласно условію, былъ потушенъ, послѣдняя смѣна стояла на часахъ, и на дворѣ ни солдатъ, ни сторожей не было. Пройдя изъ офицерской комнаты въ корридоръ тюрьмы, я встрѣтилъ тамъ Иванова, вылѣзшаго чрезъ сдѣланное имъ отверстіе въ печкѣ, передалъ ему заготовленное для него платье и, когда онъ его надѣлъ, вывелъ Иванова на караульный дворикъ, поставилъ его тамъ за будку. Увидавъ часового, я послалъ его на правый фасъ, подъ предлогомъ узнать, не спитъ ли тамъ часовой, а самъ, отворивъ калитку, вывелъ Иванова, который и пошелъ по направленію къ большой житомірской дорогѣ. Послѣ этого я Иванова больше не видѣлъ».

Затѣмъ Тихановичъ имѣлъ еще нѣсколько свиданій съ продолжавшей его посѣщать Антониной Николаевной и спрашивалъ ее о судьбѣ Иванова, но она отъ отвѣта уклонилась и вскорѣ исчезла изъ Кіева; впослѣдствіи, въ февралѣ сего года, Тихановичъ отъ кого-то слышалъ, что Антонина Николаевна арестована на рождественскихъ праздникахъ 1882 г. въ Москвѣ. По предъявленіи Тихановичу фотографической карточки арестованной 13-го января сего года въ Москвѣ, священнической дочери Софіи Васильевой Никитиной [1]), онъ призналъ въ ней упоминаемую имъ Антонину Николаевну. Допрошенная по сему Никитина подтвердила показаніе Тихановича относительно знакомства его съ ней, какъ съ Антониной Николаевной».

Вторая сводка относилась, какъ уже сказано, къ даннымъ дознанія, добытымъ жандармами за время съ 1 іюня 1883 по 1 января 1884 года.

II.

Сводка эта, нѣсколько повторяя предыдущую, но въ то же время и внося много вновь добытыхъ жандармами данныхъ, гласитъ слѣдующее:

«Дознаніе, произведенное генералъ-майоромъ Середою, и откровенныя показанія лицъ, привлеченныхъ имъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, дали нынѣ возможность значительно дополнить, изложенныя въ предыдущемъ обзорѣ свѣдѣнія о возникновеніи и дѣятельности той отрасли народовольческаго сообщества, которая сдѣлалась извѣстною подъ названіемъ «военной организаціи» и изобразить ходъ и послѣдовательное развитіе ея въ точномъ, хронологическомъ, порядкѣ.

Начало народовольческой организаціи среди военныхъ должно быть отнесено къ веснѣ 1880 г., когда, по иниціативѣ и подъ руководствомъ старыхъ членовъ партіи «Народной Воли» Желябова и Колодкевича, возникъ въ С.-Петербургѣ «Центральный, или главный военный кружокъ», въ который, кромѣ вышеозначенныхъ лицъ,

[1]) Проживала въ Москвѣ по подложному свидѣтельству на имя Протасовой.

вошли членами: Сухановъ, Штромбергъ и Рогачевъ [1]). Тогда же былъ выработанъ уставъ этого кружка, черновой набросокъ котораго былъ найденъ въ числѣ бумагъ Колоткевича, при задержаніи послѣдняго 14-го января 1881 года, и напечатанъ въ предыдущемъ Обзорѣ; подлинность его засвидѣтельствована показаніемъ члена этого кружка, офицера Папина [2]).

Для обсужденія способовъ приведенія въ исполненіе, предположенной этимъ уставомъ, военной организаціи, члены Центральнаго военнаго кружка собирались регулярно, по два раза въ недѣлю, на квартирѣ Суханова, куда также, по вечерамъ, иногда были приглашаемы нѣкоторые изъ товарищей этого послѣдняго, передъ которыми Сухановъ и Желябовъ, въ страстныхъ рѣчахъ, увлекавшихъ слушателей, развивали свои взгляды на современное экономическое положеніе и указывали на необходимость борьбы для того, чтобы устранить лежащій, по ихъ словамъ, на обществѣ правительственный гнетъ, говорили объ обязанностяхъ образованныхъ классовъ придти на помощь простому народу и, въ концѣ концовъ, доказывали, что слѣдуетъ соединиться съ партіей «Народной Воли» въ виду безусловной справедливости преслѣдуемыхъ ею цѣлей. Путемъ подобныхъ собраній, мало-по-малу, устанавливалась связь, посѣщавшихъ квартиры Суханова и Люстига офицеровъ съ членами террористической шайки, которые, зимою 1880 — 1881 г., съѣхались въ Петербургъ въ полномъ составѣ. Офицеры эти были: Заналишинъ, Александръ Прокофьевъ, Гласко, Серебряковъ, Дружининъ, Папинъ, Чижовъ, Рогачевъ, Похитоновъ [3]) и нѣкоторые другіе, степень участія коихъ въ дѣятельности военной организаціи,

[1]) *Штромбергъ*, баронъ Александръ, сынъ землевладѣльца Курляндской губерніи, родился въ 1854 году, воспитывался въ Морскомъ училищѣ на казенный счетъ и окончилъ въ немъ курсъ въ 1875 г.; въ 1881 г. служилъ лейтенантомъ въ 8-мъ Балтійскомъ экипажѣ. Въ томъ же году сосланъ въ Восточную Сибирь по обвиненію въ государственномъ преступленіи. (Въ 1883 г. Штромбергъ былъ привезенъ изъ Сибири, привлеченъ къ дѣлу о военно-революціонной организаціи, осужденъ по процессу Фигнеръ и повѣшенъ вмѣстѣ съ Рогачевымъ въ Шлиссельбургѣ 10 октября 1884 года. *Ред.*).

Рогачевъ, Николай, дворянинъ, сынъ землевладѣльца Орловской губ., родился въ 1856 году; воспитывался въ Орловской военной гимназіи, а по окончаніи въ ней курса въ 1874 году поступилъ въ Павловское военное училище, откуда вышелъ въ офицеры по 1-му разряду въ 1876 году подпоручикомъ въ 23 артиллерійскую бригаду; братъ его Дмитрій Рогачевъ—государственный преступникъ, присужденный въ 1878 году къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ каторжную работу.

[2]) *Папинъ*, Василій, сынъ губернскаго секретаря, родился въ гор. Тюмени въ 1855 году; воспитывался въ Тобольской классической гимназіи и, по окончаніи въ ней курса въ 1878 году, поступилъ на физико-математическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, но черезъ годъ вышелъ изъ него, не окончивъ курса; въ 1874 году былъ арестованъ и привлеченъ къ дознанію о соціально-революціонной пропагандѣ въ Имперіи, а съ 1875 года освобожденъ изъ-подъ стражи и отданъ подъ надзоръ полиціи; по разрѣшеніи дѣла, содержаніе подъ стражей вмѣнено ему въ наказаніе, и за нимъ учреждено негласное наблюденіе; поступилъ вольноопредѣляющимся въ Кронштадтскую крѣпостную артиллерію и вскорѣ произведенъ въ офицеры. Братъ его Иванъ въ 1874 году сосланъ за государственное преступленіе на каторжныя работы.

[3]) *Дружининъ*, Владиміръ, сынъ коллежскаго ассесора, родился въ 1860 году; воспитывался въ Морскомъ училищѣ и вышелъ изъ него въ 1879 году гардемариномъ; въ 1880 году произведенъ въ мичманы и съ 1881 г. состоялъ адъютантомъ 3-го флотскаго экипажа.

въ настоящее время, подлежитъ еще выясненію. Всѣ они послужили кадромъ для незамедлившихъ, съ осени того же года, образоваться отдѣльныхъ военныхъ кружковъ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ.

Въ Петербургѣ, по иниціативѣ Дегаева и Папина, къ концу 1880 г. были образованы кружки въ артиллерійской академіи, въ который въ числѣ прочихъ вошли: Похитоновъ, Николаевъ, Дубинскій; въ Константиновскомъ военномъ училищѣ: изъ Котова, Эліавы, Губаревича-Радобыльскаго и др. [1]), и наконецъ, оберъ-фейерверкерскій, основанный при посредствѣ оберъ-фейерверкера Богородскаго [2]) въ средѣ служившихъ на пороховыхъ заводахъ оберъ-фейерверкеровъ. Въ слѣдующемъ году, въ Петербургѣ же образовался кружокъ изъ офицеровъ разныхъ частей войскъ, извѣстный подъ именемъ «Сборнаго», къ коему принадлежали тотъ же Похитоновъ, Рогачевъ, Дмитрій Чижовъ, Константинъ Степуринъ и другіе.

Въ Кронштадтѣ, къ тому же времени, уже существовалъ самостоятельно образованный кружокъ изъ морскихъ офицеровъ и гардемариновъ, группировавшихся около мичмана Дружинина и собиравшихся въ его квартирѣ. Къ кружку этому, получившему свое начало еще въ 1878 году въ Морскомъ училищѣ, въ то время, когда въ немъ обучались нѣкоторые изъ его членовъ, принадлежали кромѣ Дружинина и его сожителей Скворцова [3]) и Балка [4]).

[1]) *Завалишинъ*, Оеодоръ, дворянинъ Тверской губерніи, Осташковскаго уѣзда, родился въ 1853 году; воспитывался въ Морскомъ училищѣ и вышелъ изъ него въ 1874 г. гардемариномъ; въ 1875 г. произведенъ въ мичманы.

Серебряковъ, Эсперъ, сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, правительственнаго инженера при С.-Петербургской Варшавской желѣзной дорогѣ; воспитывался въ Морскомъ училищѣ.

Чижовъ, Дмитрій, изъ духовнаго званія, уроженецъ Тамбовской губерніи, родился въ 1852 году; воспитывался въ 3-мъ военномъ Александровскомъ училищѣ и въ 1875 году выпущенъ изъ него по 1 разряду прапорщикомъ въ Кронштадтскую крѣпостную артиллерію.

Похитоновъ, Николай, дворянинъ Полтавской губерніи, сынъ генералъ-майора, начальника артиллеріи гренадерскаго корпуса, родился въ г. Мирогородѣ въ 1857 г., воспитывался въ Кіевской военной гимназіи и съ 1874 г. въ артиллерійскомъ училищѣ, гдѣ окончилъ курсъ по 1-му разряду и выпущенъ въ 5-ю артиллерійскую бригаду въ 1876 году; въ іюнѣ 1879 года поступилъ въ артиллерійскую академію.

Гласко, Августъ, лейтенантъ 4-го флотскаго экипажа, привлекался въ 1881 г. къ дознанію по поводу знакомства съ государственнымъ преступникомъ, отставнымъ лейтенантомъ Николаемъ Сухановымъ, и, по Высочайшему повелѣнію, переведенъ на службу въ Каспійскую флотилію, на станцію о-ва Ашуradэ.

[1]) *Дубинскій*, Андрей Николаевъ, штабсъ-капитанъ артиллеріи, состоялъ на 2 курсѣ артиллерійской академіи; воспитывался въ Николаевскомъ Инженерномъ училищѣ, но курса не окончилъ.

Эліава, Давидъ, подпоручикъ Селенгинскаго полка, воспитывался до поступленія въ Константиновское училище въ Воронежской гимназіи.

Николаевъ, Андрей Михайловичъ, есаулъ казачьей артиллеріи, сынъ генералъ-майора.

[2]) *Богородскій*, сынъ смотрителя Трубецкого бастіона Петропавловской крѣпости.

[3]) Скворцовъ, Григорій Ивановъ, мичманъ 7-го флотскаго экипажа, былъ въ Екатеринославской гимназіи и поступилъ юнкеромъ во 2-й флотскій экипажъ.

[4]) Балкъ, Александръ Александровъ, мичманъ 7-го флотскаго экипажа.

мичманъ Вырубовъ [1]) и воспитанникъ Морскаго техническаго училища Иванъ Петровъ [2]), а также унтеръ-офицеръ Потихонинъ, оружейный мастеръ Вальтердорфъ и слесарь, отставной унтеръ-офицеръ Федоровъ [3]). Кружокъ этотъ, не имѣвшій еще пока связи съ Центральнымъ военнымъ кружкомъ, занимался, подъ руководствомъ Дружинина, чтеніемъ революціонныхъ изданій, которыя привозились изъ Петербурга мичманомъ Булановымъ и Лавровымъ и дѣятельною пропагандою между нижними чинами, слѣды которой уже усматривались изъ прежнихъ дознаній (дѣло Стемпневскаго и др.). Впослѣдствіи, за выходомъ Дружинина, перенесшаго въ 1881 году свою дѣятельность въ среду Центральнаго военнаго кружка, первоначальный кронштадтскій кружокъ соединился съ тѣмъ сообществомъ, которое, будучи извѣстно подъ именемъ «Кронштадтскаго морского кружка», было образовано зимою 1880 года Сухановымъ и Штромбергомъ.

Первый составъ этого кружка былъ слѣдующій: Штромбергъ, Карабановичъ [4]), Серебряковъ и Завалишинъ. Впослѣдствіи къ нему примкнули лейтенанты: Разумовъ, Гласко, Добротворскій, мичманъ Скворцовъ, подпоручикъ Александръ Прокофьевъ [5]), и другія лица.

---

[1]) Вырубовъ, Сергѣй Александровъ, дворянинъ Владимірской губерніи, отставной мичманъ, родился въ 1858 г. Въ 1878 и 1879 гг., въ числѣ другихъ офицеровъ 8-го флотскаго экипажа, обратилъ на себя вниманіе начальства сношеніями съ членами преступнаго сообщества, снабжавшими упомянутыхъ офицеровъ запрещенными изданіями. По увольненіи въ отставку, онъ, въ іюнѣ 1880 г., завѣдъ съ Владиміромъ Тунгимъ и другими лицами, былъ привлеченъ къ дознанію по обвиненію въ государственномъ преступленіи и въ томъ же году, по Высочайшему повелѣнію, подчиненъ гласному надзору полиціи на 2 года. Впослѣдствіи были получены указанія, что Вырубовъ участвовалъ въ устройствѣ, въ Москвѣ, типографіи революціонной газеты „Зерно", а затѣмъ, совмѣстно со родственникомъ своимъ, сосланнымъ въ Сибирь, Анатоліемъ Булановымъ, агитировалъ въ средѣ рабочихъ, распространяя между ними вышеназванную газету.

[2]) Петровъ, Иванъ Ивановъ, родился въ 1861 г., въ настоящее время прапорщикъ Морской артиллеріи; въ январѣ 1882 г. на него было donесеніе въ храненіи запрещенныхъ изданій, найденныхъ въ артиллерійскомъ классѣ; дознаніе прекращено по недостатку доказательствъ.

[3]) Федоровъ, Василій, состоявшій въ запасѣ флота унтеръ-офицеръ и Александръ Вальтердорфъ, рядовой, привлекались въ 1881 г. къ дознанію по дѣлу о происходившихъ въ квартирѣ Федорова преступныхъ сходкахъ офицеровъ, матросовъ и мастеровыхъ, занимавшихся чтеніемъ запрещенныхъ изданій. Дознаніе это дальнѣйшимъ производствомъ прекращено съ учрежденіемъ надъ Вальтердорфомъ негласнаго наблюденія въ теченіе 3-хъ лѣтъ и съ помѣщеніемъ Федорова, признаннаго страдающимъ психическимъ разстройствомъ, въ домъ умалишенныхъ. Потихонинъ лишилъ себя жизни.

[4]) Карабановичъ, Антонъ Касперовъ, подпоручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ, католикъ, воспитывался въ Техническомъ училищѣ морского вѣдомства, куда поступилъ изъ Виленской гимназіи; окончилъ курсъ въ 1880 г.

[5]) Добротворскій, Леонидъ Федоровъ, лейтенантъ 6-го флотскаго экипажа, прикомандированъ къ ученому отдѣленію Морского Техническаго Комитета, воспитывался въ Морскомъ училищѣ.

Разумовъ, Иванъ Константиновъ, сынъ врача, лейтенантъ 6-го флотскаго экипажа; воспитывался въ Морскомъ училищѣ и Академіи.

Прокофьевъ, Александръ Александровъ, подпоручикъ флотскихъ штурмановъ, воспитывался въ Штурманскомъ училищѣ.

Тотчасъ-же по образованіи этого кружка, лица, входившія первоначально въ его составъ, поѣхали въ одно изъ воскресеній въ Петербургъ и здѣсь были Сухановымъ представлены Желябову и Колодкевичу, какъ членамъ исполнительнаго комитета, познакомившимъ ихъ тогда-же съ различными фракціями революціонной партіи. (Чернаго Передѣла, Народной Воли и партіи Набата), и объяснившимъ существующую между ними разницу во взглядахъ.

Дѣятельность Кронштадтскаго морского кружка, на первое время, ограничивалась сходками, бывавшими разъ въ недѣлю на общей квартирѣ Завалишина, Штромберга и Суханова, на которой былъ выработанъ уставъ, впослѣдствіи, однако, забракованный Сухановымъ, предложившимъ кружку принять составленную имъ программу, на что всѣ члены изъявили свое согласіе. Насколько, въ кружкѣ Дружинина, подготовкѣ и пропагандѣ путемъ чтенія революціонныхъ изданій придавалось большое значеніе, настолько же во вновь образованномъ морскомъ кружкѣ это признавалось излишнимъ, такъ какъ, по мнѣнію постояннаго оратора кружка, Серебрякова, «дѣло и безъ чтенія представляется яснымъ, какъ день», вслѣдствіе этого члены кружка стали тяготиться отсутствіемъ всякой дѣятельности, и Центральному военному кружку представилась необходимость занять ихъ различными порученіями, которыя передавались изъ Петербурга при посредствѣ Суханова и Штромберга. Въ этихъ видахъ Разумову было представлено отвезти въ Москву запрещенныя изданія, что онъ и исполнилъ, совершивъ поѣздку на средства, полученныя имъ отъ своего кружка. Завалишину Сухановъ поручилъ доставить нѣсколько запаловъ, четыре штуки которыхъ тотъ получилъ безъ всякихъ затрудненій въ Мининомъ классѣ, гдѣ онъ обучался въ то время. Въ началѣ 1881 г. Карабановичъ былъ командированъ въ Петербургъ на засѣданіе Центральнаго военнаго кружка, на которомъ Желябовъ сообщалъ о положеніи военной революціонной организаціи, говоря, что къ ней принадлежитъ много гвардейскихъ офицеровъ, академиковъ, а также лицъ съ солиднымъ положеніемъ, т. е. батальонныхъ и полковыхъ командировъ; на этомъ же собраніи было говорено о готовившемся, въ то время, покушеніи на жизнь Государя Императора, на которое Желябовъ указывалъ, какъ на средство для возбужденія къ всеобщему возстанію. Наконецъ, пріѣхавъ въ Кронштадтъ, Сухановъ обсуждалъ съ членами морского кружка планы освобожденія государственныхъ преступниковъ изъ Петропавловской крѣпости и ограбленія Кронштадтскаго банка, неприведенные въ исполненіе вслѣдствіе признанной членами кружка рискованности означенныхъ предпріятій. Въ началѣ февраля Штромбергъ передалъ Морскому кружку, что партія сильно нуждается въ деньгахъ и проситъ помощи; тогда кружокъ, кассиромъ котораго состоялъ Серебряковъ, собралъ и передалъ Штромбергу 600 руб., изъ числа коихъ 100 рублей были внесены Завалишинымъ, 200 руб.—Штромбергомъ и 300 руб. остальными членами.

Въ день 1-го марта 1881 г. изъ числа членовъ кронштадтскаго кружка, въ квартирѣ Суханова, въ Петербургѣ, находились Завалишинъ и Штромбергъ, при бытности коихъ къ Суханову приходила Перовская и со слезами говорила, что партія должна употребить всѣ средства для освобожденія Желябова.

Около половины того же мѣсяца Сухановъ предложилъ морскому кружку завести гектографъ, на которомъ были отпечатаны рѣчь профессора Соловьева и воззваніе по поводу событія 1-го марта. Въ этой работѣ принимали участіе Завалишинъ, Серебряковъ, Разумовъ, Штромбергъ и Скворцовъ. Вскорѣ послѣ этого Завалишинъ и Штромбергъ, вмѣстѣ съ Грачевскимъ и Сухановымъ, приняли участіе въ очищеніи квартиры Вѣры Фигнеръ отъ находившихся въ ней типографіи и запаса динамита, при чемъ первая была отвезена на квартиру Суханова, а динамитъ опущенъ въ отхожее мѣсто. Остальныя вещи Фигнеръ, заключавшіяся въ революціонныхъ изданіяхъ и разномъ оружіи, были перевезены Сухановымъ и Грачевскимъ. На другой же день, по очищеніи квартиры, въ нее явилась полиція.

На страстной недѣлѣ того же года Сухановъ и Фигнеръ пріѣхали въ Кронштадтъ, при чемъ послѣдняя поселилась на квартирѣ, занимавшейся Завалишинымъ и Штромбергомъ, гдѣ все время ея пребыванія до 2-го дня Пасхи собирались члены морского кружка, и происходило чтеніе разныхъ книгъ и статей, указываемыхъ и и объяснявшихся Вѣрою Фигнеръ; бесѣды съ нею, по собственному сознанію членовъ кружка, произвели на нихъ сильное впечатлѣніе. Такъ продолжалось до конца апрѣля, когда послѣдовалъ арестъ Гласко и Штромберга, и большинство остальныхъ членовъ кружка отправилось на разныхъ судахъ въ море.

Дѣятельность двухъ прочихъ военныхъ кружковъ въ Кронштадтѣ, извѣстныхъ подъ именами «артиллерійскаго» и «пѣхотнаго», до конца 1881 года ограничивалась исключительно вербовкою новыхъ членовъ путемъ пропаганды между военными [1]).

Эти военные кружки не принимали дѣятельнаго участія въ приготовленіяхъ къ злодѣянію, совершенному 1-го марта, но нѣкоторые офицеры были посвящены въ тайну цареубійственнаго замысла, между ними Рогачевъ, предупрежденный о томъ Желябовымъ.

Уже тогда офицеры, члены центральной группы, пользовались служебными своими командировками для распространенія преступныхъ ученій въ частяхъ войскъ, расположенныхъ внѣ С.-Петербурга. Рогачевъ сознался, что въ февралѣ 1881 года, будучи отправленъ главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ по службѣ въ

[1]) Извѣстны изъ членовъ артиллерійскаго кружка: поручикъ С.-Петербургской крѣпостной артиллеріи Борисъ Павловъ Налимовъ, штабсъ-капитанъ Кронштадтской крѣпост. артил. Михаилъ Ивановъ Ивановъ и упомянутый выше Константинъ Степурко, а изъ пѣхотнаго—лица названные выше офицеры: подпоручикъ 145 Новочеркасскаго полка Губаревичъ-Радобильскій и подпоручикъ 148 Каспійскаго—Котовъ, переведенный нынѣ на службу въ Западно-Сибирскій линейный батальонъ, расположенный въ посадѣ Зайсанскомъ.

Баронъ Александръ Павловичъ
ШТРОМБЕРГЪ.

Гельсингфорсъ, онъ получилъ отъ Перовской и Желябова рекомендаціи къ разнымъ лицамъ въ этомъ городѣ и образовалъ тамъ мѣстный военный кружокъ. Изъ числа участниковъ его онъ назвалъ лишь Шепелева, но можно предположить, что именно этотъ кружокъ, основанный Рогачевымъ, сгруппировался впослѣдствіи около Сикорскаго.

Послѣ 1-го марта центральный военный кружокъ продолжалъ свою дѣятельность, такъ какъ произведенные тогда аресты не коснулись его членовъ, за исключеніемъ Суханова, Штромберга и Дегаева. Наканунѣ ареста Суханова, онъ предложилъ морскому кружку взять у него типографію и перевезти въ Кронштадтъ, что и было исполнено Завалишинымъ и Штромбергомъ; типографія была сдана на храненіе Александру Прокофьеву, и впослѣдствіи Грачевскій пріѣзжалъ въ Кронштадтъ учить моряковъ печатному дѣлу; эта типографія впослѣдствіи, по указанію Дегаева, переслана Прокофьевымъ въ Одессу; въ самый же день ареста Суханова, 28 апрѣля, Рогачевъ вынесъ изъ его квартиры, когда-то хранившееся у Желябова, имущество сообщества: разные документы, динамитъ, снаряды, типографскія принадлежности и. т. п. Отнеся эти вещи къ себѣ, онъ отправился на вокзалъ Балтійской жел. дороги предупредить нѣкоторыхъ кронштадтскихъ моряковъ, имѣвшихъ въ тотъ же день прибыть къ Суханову, но опоздалъ къ поѣзду и извѣстилъ Штромберга объ арестѣ Суханова, въ условленныхъ выраженіяхъ по телеграфу.

Весною 1881 года мѣстомъ сходокъ центральнаго кружка служила квартира на Кирочной улицѣ, въ которой поселились Рогачевъ и Похитоновъ. Но обстоятельства не были благопріятны для пропаганды въ столицѣ. Штромбергъ высланъ былъ административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь; Дегаевъ, выпущенный на свободу, выдержавъ переходный экзаменъ на IV курсъ въ Институтѣ Путей Сообщенія, отправился на инженерныя работы въ Архангельскую губернію; Буцевичъ получилъ служебную командировку въ Николаевъ; Рогачевъ поѣхалъ къ мѣсту своего служенія въ г. Вильномірѣ, гдѣ была расположена 29 артиллерійская бригада; наконецъ, Дружининъ, оказался скомпрометированнымъ сношеніями своими съ двумя матросами въ Кронштадтѣ, у которыхъ найдены были запрещенныя изданія. Хотя произведенный у него обыскъ и не далъ результатовъ, но онъ былъ тогда же уволенъ отъ должности экипажнаго адъютанта.

Къ тому же и наиболѣе выдающіеся члены руководящаго террористическаго кружка, направлявшіе центральную военную группу, вынуждены были въ то время оставить С.-Петербургъ. Дѣятельность послѣдней оживилась снова лишь по возвращеніи сюда въ концѣ лѣта Саведія Златопольскаго, а вскорѣ затѣмъ и Дегаева. Офицеры стали опять собираться у Похитонова, переѣхавшаго на новую квартиру, по Захарьевской улицѣ. Златопольскій, какъ показываетъ Папинъ, въ радужныхъ краскахъ описывалъ имъ положеніе сообщества. Тогда же появились и воззванія, обращенная исполнитель-

нымъ комитетомъ «Къ офицерамъ русской арміи» отъ 24 августа и «Ко всѣмъ казачьимъ войскамъ» отъ 3-го сентября. Въ половинѣ декабря, привлеченъ Похитоновъ отъ дознанію о врачѣ Мартыновѣ, въ квартирѣ котораго онъ былъ задержанъ, что побудило его, по освобожденіи изъ-подъ стражи, отстраниться на время отъ участія въ дѣятельности центральнаго военнаго кружка. Члены послѣдняго перестали сходиться у него на квартирѣ, и собранія свои перенесли въ Кронштадтъ, въ квартиру Серебрякова.

Тамъ, въ концѣ декабря, возвратившіеся въ С.-Петербургъ Корба и Буцевичъ сообщили имъ о результатахъ своей пропагаторской дѣятельности, первая на Кавказѣ, а второй въ Одессѣ и Николаевѣ. Извѣстіе объ образованіи кружковъ въ трехъ армейскихъ пѣхотныхъ полкахъ: Мингрельскомъ, Люблинскомъ и Прагскомъ (кружокъ морскихъ офицеровъ въ Николаевѣ возникъ нѣсколько позже, а именно лѣтомъ 1882 г.) снова воскресило надежды центральной военной группы на успѣхъ и побудило ее съ новымъ усердіемъ возобновить свои преступныя дѣйствія. Начало 1882 года было временемъ величайшаго проявленія дѣятельности этого сообщества для привлеченіи въ ряды свои наибольшаго числа состоящихъ на дѣйствительной службѣ офицеровъ. Руководимое Буцевичемъ, оно рѣшило отправить спеціальныхъ военныхъ организаторовъ во всѣ концы Россіи. Составлены были шифрованныя книжки со списками офицеровъ, считавшихся расположенными къ вступленію въ партію. Офицеры, уже примкнувшіе къ ней, снабжали организаторовъ рекомендаціями къ своимъ товарищамъ.

Однимъ изъ такихъ организаторовъ былъ Рогачевъ. Вызванный Буцевичемъ и заручившись двухмѣсячнымъ отпускомъ, онъ въ январѣ прибылъ въ С.-Петербургъ и, получивъ наставленіе центральной военной группы, отправился «вводить военную организацію» въ Сѣверо-Западномъ и Прибалтійскомъ краяхъ. Онъ поѣхалъ туда черезъ Москву, Орелъ, Смоленскъ, Витебскъ, посѣтилъ Динабургъ, Ригу, Митаву, Либаву, Вильно и Минскъ [1]).

Чтобы имѣть возможность побывать во всѣхъ названныхъ городахъ, онъ фиктивно заболѣлъ въ Динабургѣ и, пославъ оффиціальное свидѣтельство о болѣзни въ 28 артиллерійскую бригаду, продолжалъ свой путь. Такъ какъ, по военнымъ правиламъ, заболѣвшій офицеръ долженъ быть свидѣтельствуемъ черезъ каждые *десять* дней, то ему пришлось нѣсколько разъ возвращаться въ Динабургъ, что не представляло затрудненія, ибо большая часть посѣщенныхъ имъ мѣстностей отстоитъ не болѣе одного дня ѣзды отъ Динабурга по желѣзной дорогѣ.

По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Рогачевъ отдалъ отчетъ въ своей поѣздкѣ не общему собранію центральнаго военнаго кружка, а лишь нѣкоторымъ его членамъ, облеченнымъ особымъ довѣріемъ

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что поѣздка Рогачева въ Сѣверо-Западный край совпадаетъ съ пребываніемъ въ Вильнѣ Грачевскаго, съ заведеніемъ тамъ тайной типографіи и, вообще, съ попытками ввести въ этомъ краѣ народовольческую организацію.

сообщества. По словамъ Рогачева, предпріятіе его увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: всюду положено было имъ начало мѣстнымъ военнымъ кружкамъ, собрано множество указаній на офицеровъ, готовыхъ вступить въ партію, выяснилось также, что многіе офицеры интересуются дѣлами сообщества и предъявляютъ требованія на постоянное полученіе запрещенныхъ изданій.

Такъ показываетъ Рогачевъ. Но, по свидѣтельству другаго члена центральнаго военнаго кружка, Папина — результаты поѣздки Рогачева были ничтожны. Командированный одновременно, съ одинаковою цѣлью въ Кіевъ, Дружининъ не имѣлъ никакого успѣха и вернулся разочарованнымъ.

Какъ бы то ни было, центральный военный кружокъ, продолжая собираться въ Кронштадтѣ у Серебрякова, занимался текущею революціонною политикою, которая заключалась, главнымъ образомъ, въ укрѣпленіи въ умахъ членовъ военной организаціи мысли о возможности и необходимости инсуррекціи во имя осуществленія цѣлей партіи «Народной Воли». Еще въ апрѣлѣ 1881 года, на одномъ изъ засѣданій центральнаго кружка, Сухановъ произнесъ рѣчь, въ которой утверждалъ, что послѣднія событія доказали, что дѣла партіи идутъ хорошо, и что, въ виду этого, она можетъ черезъ годъ сдѣлать попытку произвести инсуррекціонное движеніе. Подъ этимъ движеніемъ разумѣлось не производство демонстрацій, вродѣ бывшей въ 1876 году на Казанской площади, а напротивъ, вооруженное возстаніе всей партіи въ такое время и при такихъ обстоятельствахъ, когда будетъ нѣкоторая надежда на успѣхъ, и возможно будетъ, хотя временно, прекратить дѣйствіе правительственной власти и популяризовать требованія и цѣли партіи путемъ печатнаго слова, при посредствѣ захваченныхъ типографій, воззваній на сходкахъ и площадяхъ. Въ видахъ практическаго осуществленія подобнаго движенія, признавалось крайнею необходимостью заняться подготовительными работами, какъ-то: собираніемъ различныхъ свѣдѣній, приготовленіемъ складовъ, изученіемъ мѣстностей будущаго возстанія и пр., но главное—упроченіемъ революціонной военной организаціи. Для этой цѣли рѣшено было учредить въ главныхъ городахъ Имперіи военные окружные центры, которые служили бы въ отношеніи мѣстныхъ кружковъ даннаго края тѣмъ же, чѣмъ центральный военный кружокъ долженъ былъ быть для всей Россіи. Во главѣ кружка долженъ былъ стоять представитель центральной группы, вѣдающій и направляющій всѣ дѣла мѣстныхъ кружковъ. Границы округовъ точно не обозначались, но размѣры ихъ зависѣли отъ многихъ условій, между прочимъ: 1) отъ количества желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ въ данной мѣстности; 2) отъ числа войскъ, въ ней расположенныхъ; 3) отъ величины городовъ. Такъ, напримѣръ, въ районъ Виленскаго округа должны были входить: Вильно, Динабургъ, Витебскъ, Рига, Митава, Либава, Ковно и Минскъ. Окружнымъ представителямъ предполагалось подчинить всѣ мѣстные кружки, которые должны были доносить имъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ, о привлеченіи новыхъ членовъ, о поѣзд-

кахъ офицеровъ въ отпуски или по казеннымъ надобностямъ. Офицеровъ этихъ окружной представитель имѣлъ снабжать разными указаніями и рекомендаціями въ города, расположенные по пути. Такими представителями центра были назначены: Рогачевъ въ Виленскомъ округѣ и Ашенбреннеръ, основатель Одесскаго и Николаевскаго кружковъ,—въ Новороссійскомъ краѣ. Въ февралѣ 1882 г. центральный военный кружокъ выработалъ образцовый уставъ частнаго офицерскаго кружка и инструкцію для чиновъ такого кружка [1]). Кромѣ того центральный кружокъ намѣревался

---

[1]) Уставъ. 1. Кружокъ (или дружина, товарищество, братство) вполнѣ раздѣляетъ программу партіи „Народной Воли", напечатанную въ третьемъ номерѣ газеты „Народная Воля".

2. Кружокъ имѣетъ въ виду ниспроверженіе существующаго государственнаго устройства въ Россіи вооруженною рукою и замѣну его прочною конституціею, какую признаетъ справедливою народъ во всей совокупности его классовъ.

3. Кружокъ, входя въ составъ народовольческой партіи, принимаетъ на себя обязательства передъ ней, то есть, въ мирное время обязывается исполнять всѣ порученія, какія только имѣетъ передать партія черезъ посредство своего агента, за изъятіемъ... (того-то и того-то: здѣсь каждому частному или изладшему кружку предоставляется право благовременно оговорить, отъ какихъ дѣяній онъ отказывается,—дѣяній, кои не могутъ быть выполняемы или кои онъ не желалъ бы принимать на себя); въ военное же время обязывается исполнять всѣ порученія безъ изъятія.

4. Кружокъ становится свободнымъ отъ данныхъ передъ партіей обязательствъ въ случаѣ измѣненія программы партіи.

5. Для сношеній съ партіей кружокъ избираетъ представителя изъ числа своихъ членовъ.

6. Рѣшеніе кружка по большинству голосовъ обязательно для его члена.

7. Кружокъ составляется изъ лицъ близко знакомыхъ, преимущественно сослуживцевъ.

8. Пріемъ новаго члена производится по единогласному рѣшенію всѣхъ членовъ, если имъ препятствій отъ центра военной организаціи.

9. Выходъ изъ кружка допускается въ мирное время съ обязательствомъ хранить въ тайнѣ извѣстное о революціонныхъ дѣлъ.

10. Съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, о чемъ будетъ объявлено агентомъ партіи, выходъ изъ кружка воспрещается безусловно, и выходъ будетъ считаться его предательствомъ.

11. Предательство карается смертью.

12. Кружокъ заботится о привлеченіи возможно большаго числа сторонниковъ народовольческой партіи, поэтому ведетъ пропаганду путемъ печатнаго и устнаго слова.

13. Кружокъ устраиваетъ библіотеку партійныхъ изданій и тенденціозныхъ книгъ.

14. Для могущихъ встрѣтиться общепартійныхъ надобностей, а также въ виду кружковыхъ нуждъ и взаимной помощи (въ случаѣ, напримѣръ, ареста одного изъ членовъ) кружокъ имѣетъ кассу.

15. Для веденія счетовъ избирается кассиръ, а для храненія и завѣдыванія книгами—библіотекарь.

Инструкція. 1. Кружку вмѣняется въ обязанность собирать подробныя и точныя свѣдѣнія о расположеніи пороховыхъ погребовъ, оружейныхъ складовъ и складовъ съ различными боевыми запасами, узнавать, гдѣ и въ какомъ количествѣ находятся различные склады съ всѣмъ запасами военнаго снаряженія.

2. Кружку вмѣняется въ обязанность ознакомиться съ мѣстомъ расположеніемъ части въ тактическомъ отношеніи и по-возможности также довѣдать въ тактическомъ отношеніи пункты близъ-лежащей мѣстности.

3. Кружокъ содѣйствуетъ способнымъ изъ своихъ членовъ занять важныя въ

предпринять изданіе спеціальнаго революціоннаго органа для военныхъ (редакцію предполагалось ввѣрить Папину, а средства должны были получиться отъ Буцевича); завести для того собственную типографію, установить постоянныя и регулярныя командировки своихъ членовъ въ мѣстные кружки, наконецъ, достигнуть возможности перемѣщать офицеровъ сообразно требованіямъ партіи. Для приведенія всѣхъ этихъ мѣръ въ исполненіе требовались значительныя суммы, и центральный военный кружокъ обратился за ними къ исполнительному комитету. Но исполнительный комитетъ, сильно поколебленный задержаніемъ Богдановича и Савелія Златопольскаго, весною 1882 года, окончательно распался послѣ іюньскихъ арестовъ, предавшихъ въ руки правосудія Грачевскаго и его ближайшихъ сообщниковъ и вызвавшихъ бѣгство Тихомірова и Баранниковой за границу. Тогда же арестованъ и Буцевичъ, глава и руководитель центральнаго военнаго кружка, который съ этого времени можетъ считаться прекратившимъ свою преступную дѣятельность. Осенью того же года роль его покушался принять на себя одинъ изъ членовъ кружка артиллерійской академіи штабсъ-капитанъ Кунаевъ, старавшійся собрать разрозненные революціонные

служебномъ отношеніи должности: адъютанта, казначея, завѣдывающаго оружіемъ и т. п.

4. Для революціонной пропаганды среди офицеровъ и поддержки революціоннаго настроенія своихъ членовъ, кружокъ назначаетъ собранія, устраиваетъ совмѣстныя чтенія тенденціозныхъ книгъ, равно и партійныхъ изданій.

5. Въ видахъ привлеченія новыхъ сторонниковъ партіи, кружку рекомендуется устраивать либеральные салоны (говорильни), легко доступные для офицеровъ части, кои могутъ подавать надежду на такое привлеченіе.

6. Кружокъ изыскиваетъ способы завязать сношенія съ вліятельными лицами города, мѣстности, дабы, на случай дѣйствія вооруженною рукою, воспользоваться ихъ помощью, или ослабить ихъ противодѣйствіе.

7. Кружокъ обращаетъ особенное вниманіе на добываніе денежныхъ средствъ, для чего употребляетъ всѣ закономъ дозволенныя средства, напримѣръ, торговлю и т. п. Равнымъ образомъ, принимаетъ дареніе лицъ, кои принадлежатъ къ партіи, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не могутъ, но отъ матеріальной поддержки ея не отказываются.

8. Для испытанія лицъ, вновь привлекаемыхъ къ партіи, кружокъ можетъ давать имъ небольшія порученія революціоннаго характера.

9. Кассиромъ кружка рекомендуется выбирать лицо болѣе или менѣе состоятельное и по своему характеру предпочитающее уединенную жизнь.

10. Библіотека должна помѣщаться у лица, имѣющаго собственную квартиру или домъ, преимущественно у лица, не ведущаго пропаганды.

11. Библіотека можетъ быть общею для нѣсколькихъ кружковъ.

12. Кружковыя собранія не должны имѣть мѣсто у кассира или библіотекаря.

13. Говорильни могутъ быть у лица, не принадлежащаго къ кружку.

14. Пароли надо знать наизусть.

15. Шифрованную переписку надо уничтожить немедленно по миновании надобности, или владѣлецъ такой переписки долженъ переписывать ее по собственному, ему одному извѣстному, шифру.

16. Объ исполненіи революціоннаго порученія членъ сообщаетъ лишь одному представителю, или агенту партіи, смотря по тому, отъ кого принялъ порученіе.

17. Члены различныхъ кружковъ не должны знать другъ друга. Сношенія могутъ поддерживаться только черезъ представителей.

18. Списываться членамъ кружковъ, въ случаѣ разлуки, рекомендуется лишь по неотложнымъ дѣламъ партіи и частной перепискѣ избѣгать.

элементы въ средѣ военныхъ въ Петербургѣ,—но безуспѣшно, какъ онъ самъ потомъ сообщалъ членамъ морского кружка, съ которыми видѣлся въ пріѣздъ свой, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ Кронштадтѣ. Какъ видно изъ предыдущей главы, Вѣра Фигнеръ также не удалось вовлечь въ свои разрушительные замыслы офицеровъ, остававшихся на службѣ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ и пришлось обратиться къ содѣйствію лицъ, ранѣе вышедшихъ изъ центральнаго военнаго кружка, а также членовъ мѣстныхъ военныхъ кружковъ, образованныхъ въ разныхъ городахъ, преимущественно на югѣ Россіи.

Переходя къ изложенію свѣдѣній, добытыхъ дознаніемъ о кружкахъ этой послѣдней категоріи, слѣдуетъ замѣтить, что первымъ изъ нихъ, по времени, былъ кружокъ Мингрельскаго полка, основанный Анною Корба, въ Тифлисѣ, весною 1881 г. Дѣятельность его подробно изложена въ предыдущемъ Обзорѣ.

Одновременно съ отправленіемъ Корба на Кавказъ, а именно въ началѣ апрѣля 1881 г., Вѣра Фигнеръ была послана въ Одессу для веденія мѣстныхъ революціонныхъ дѣлъ въ качествѣ агента «исполнительнаго комитета». Она не должна была заниматься сама пропагандою въ войскахъ, но лишь подготовить ее пріобрѣтеніемъ связей между офицерами. Организаціею мѣстныхъ кружковъ въ Одессѣ и сосѣднихъ городахъ долженъ былъ заняться Сухановъ, намѣревавшійся взять для того продолжительный отпускъ, когда же онъ былъ задержанъ, то вожаки сообщества рѣшили поручить это дѣло Буцевичу, получившему отъ Министерства Путей Сообщенія служебную командировку въ Николаевъ, гдѣ онъ долженъ былъ провести все лѣто.

Прибывъ въ Одессу, Фигнеръ воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы черезъ Дмитрія Петрова [1]) познакомиться съ двумя офицерами, расположеннаго въ Одессѣ, 59 пѣхотнаго Люблинскаго полка: Болеславомъ Крайскимъ и Ѳедоромъ Стратановичемъ, а также, чтобы возобновить знакомство съ подполковникомъ того же полка, откомандированнымъ въ 58 пѣхотный Прагскій полкъ, стоящій въ Николаевѣ, Михаиломъ Ашенбреннеромъ [2]).

Въ началѣ іюня, по пути въ Николаевъ, Буцевичъ заѣхалъ въ Одессу и привезъ къ Фигнеръ письмо отъ „исполнительнаго комитета“, приглашавшаго ее сообщить Буцевичу всѣ имѣющіяся у нея свѣдѣнія о военныхъ, познакомить его съ тѣми изъ нихъ, которыхъ считаетъ пригодными для цѣлей партіи, вообще, оказать ему полное содѣйствіе въ возложенномъ на него дѣлѣ.

[1]) Задержанный въ мартѣ 1882 года, Петровъ былъ выпущенъ на поруки, но въ началѣ 1883 года скрылся изъ Одессы, и нынѣ находится за границею.

[2]) *Ашенбреннеръ*, Михаилъ, дворянинъ Московской губерніи, родился въ 1842 г., воспитывался въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1860 г. выпущенъ изъ него поручикомъ въ 3-й резервный батальонъ; съ 1865 по 1870 годъ служилъ въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ получилъ многія боевыя отличія; въ 1870 г. переведенъ въ Одесскій военный округъ, сначала въ Прагскій, а въ 1876 г. въ Люблинскій полкъ; въ 1880 г. откомандированъ въ Прагскій полкъ и назначенъ командовать батальономъ.

Фигнеръ предложила Буцевичу свести его съ нѣкоторыми изъ одесскихъ офицеровъ, но онъ не могъ оставаться на этотъ разъ въ Одессѣ долѣе одного дня и ограничился тѣмъ, что взялъ у нея рекомендательное письмо въ Николаевъ къ Ашенбреннеру.

Михаилъ Ашенбреннеръ, одинъ изъ старыхъ штабъ-офицеровъ полка, командиръ батальона, украшенный боевыми отличіями, полученными имъ во время долголѣтней службы въ Туркестанскомъ краѣ, пользовался значительнымъ вліяніемъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ полковыхъ товарищей, которыхъ привлекалъ къ себѣ частью превосходствомъ своего развитія надъ малообразованными молодыми офицерами, дружескимъ съ ними обращеніемъ, увлекательностью своей рѣчи, частью же разгульнымъ образомъ жизни, общими съ ними пирушками и попойками. Вліяніемъ этимъ онъ воспользовался, чтобы проповѣдывать имъ соціалистическія ученія сначала на отвлеченной почвѣ науки, потомъ, мало-по-малу, переходя на почву революціонную и проповѣдуя ниспроверженіе существующаго въ Россіи государственнаго и общественнаго строя, путемъ народнаго возстанія.

Такого рода бесѣды Ашенбреннера съ товарищами происходили, большею частію, за кутежами въ общей квартирѣ, занимаемой имъ съ казначеемъ полка, капитаномъ Николаемъ Маймескуловымъ и штабсъ-капитаномъ Адольфомъ Мицкевичемъ. Участіе въ нихъ принимали и другіе офицеры Прагскаго полка: капитанъ Петръ Зайончневскій, штабсъ-капитанъ Николай Талапиндовъ, подпоручики: Николай Кирьяковъ, Иванъ Успенскій. Но вскорѣ признано было нужнымъ завести для сходокъ особую конспиративную квартиру, которая и была устроена въ помѣщеніи, занимаемомъ сообща Кирьяковымъ и Успенскимъ.

Такимъ образомъ, была подготовлена почва въ Николаевѣ ко времени прибытія Буцевича, въ половинѣ іюня 1881 г. При его участіи и подъ его руководствомъ всѣ вышеназванные офицеры рѣшились образовать изъ себя мѣстный военный кружокъ съ опредѣленною программою. Она была выработана на одномъ изъ собраній, происходившихъ въ квартирѣ Кирьякова и Успенскаго. Въ ней было сказано, что кружокъ раздѣляетъ программу такъ называемаго исполнительнаго комитета «Народной Воли»; устанавливалась степень подчиненности кружка центру; опредѣлялся способъ разрѣшенія возникавшихъ въ кружкѣ вопросовъ, а также предложеній центра большинствомъ $^2/_3$ голосовъ; ограничивалось число членовъ кружка; возлагалась на нихъ обязанность соглашаться на переводъ по службѣ, сообразно требованіямъ центра, и вообще, являться по первому призыву его въ мѣсто, назначенное для произведенія возстанія. Съ членовъ кружка назначенъ былъ постоянный сборъ въ размѣрѣ 3 руб. въ мѣсяцъ, которые и удерживались казначеемъ Маймескуловымъ изъ причитающагося имъ жалованья.

Въ теченіе лѣта 1881 г. члены кружка часто собирались на сходки, читали запрещенныя изданія, обсуждали разные вопросы, между прочимъ, объ освобожденіи содержавшейся въ тюремномъ

замкѣ государственной преступницы Фанни Морейнисъ. Два раза посѣтила ихъ и Вѣра Фигнеръ, проѣзжавшая чрезъ Николаевъ, отправляясь въ сентябрѣ 1881 г. въ Москву на совѣщаніе съ вожаками главнаго террористическаго кружка, а также возвращаясь оттуда въ Одессу. Цѣлью ея было, между прочимъ, встрѣтиться съ Буцевичемъ, но первый разъ она не застала его въ Николаевѣ, такъ какъ онъ уѣхалъ въ гор. Вознесенскъ на работы. Она остановилась на квартирѣ Зои Ге, слушательницы акушерскихъ курсовъ, куда и послалъ Ашенбреннеръ Талапиндова провести ее на конспиративную квартиру офицеровъ. Кружокъ собрался въ полномъ составѣ привѣтствовать гостью, которую Ашенбреннеръ представилъ имъ подъ именемъ «Елены Ивановой». Разговоръ велся въ духѣ революціонномъ, при чемъ говорили больше Ашенбреннеръ и Вѣра Фигнеръ. Она интересовалась узнать настроеніе общества офицеровъ Прагскаго полка и произвела на нихъ большое впечатлѣніе красивою своею наружностью и увлекательнымъ краснорѣчіемъ.

На возвратномъ пути изъ Москвы Вѣра Фигнеръ остановилась въ Николаевѣ у Леонида Голикова, одного изъ подсудимыхъ бывшаго нечаевскаго процесса, привлекавшагося съ тѣхъ поръ къ цѣлому ряду дознаній о соціально-революціонной пропагандѣ и занимавшему должность секретаря Николаевской Земской Управы. Онъ, хотя и былъ знакомъ съ Ашенбреннеромъ и Мицкевичемъ и даже, по всей вѣроятности, доставлялъ имъ запрещенныя изданія, но велъ себя крайне осторожно и никогда не показывался на собраніяхъ офицеровъ Прагскаго полка.

И въ этотъ пріѣздъ Вѣра Фигнеръ посѣтила сходку военнаго кружка, на которой присутствовалъ и Буцевичъ. Обсуждался вопросъ о возбужденіи возстанія. Высказывалось мнѣніе, что, смотря по силамъ партіи, его слѣдуетъ начать либо въ одной мѣстности, либо въ двухъ, или въ нѣсколькихъ одновременно; что для этого нужно предварительно стянуть въ эти мѣстности боевыя силы сообщества двумя способами: 1) постепенными переводами въ намѣченные пункты членовъ организаціи, 2) одновременнымъ наплывомъ въ назначенную минуту значительнаго числа людей рѣшительныхъ и солидарныхъ между собою. Вѣра Фигнеръ сначала читала письмо, писанное изъ Сибири политическимъ ссыльнымъ и описывающее тяжелое положеніе находящихся тамъ государственныхъ преступниковъ. Затѣмъ она стала упрекать Ашенбреннера въ бездѣйствіи, говоря, что партія возлагала на него большія надежды, и что самъ онъ обѣщалъ еще въ Одессѣ дѣйствовать энергично, а въ дѣйствительности не сдѣлалъ ничего, ибо, по мнѣнію ея, наемъ конспиративной квартиры и собранія на ней нельзя еще считать дѣломъ. Она замѣтила, что въ Харьковѣ еще не заведено офицерскихъ кружковъ, и что полезно было бы перевести туда на службу Талапиндова или Кирьякова, поручивъ имъ заняться образованіемъ такихъ кружковъ.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ того, Талапиндовъ ѣздилъ въ

Харьковъ по своимъ дѣламъ. Рекомендаціями въ этотъ городъ снабдилъ его, находившійся въ то время въ Николаевѣ, хорунжій № 7-го казачьяго полка Матвѣй Ѳоминъ, съ которымъ познакомилъ его Ашенбреннеръ, какъ съ соціально-революціоннымъ дѣятелемъ. Ѳоминъ далъ Талапиндову письмо къ проживавшей въ Харьковѣ слушательницѣ акушерскихъ курсовъ Матвѣевой, которая, въ свою очередь, познакомила его съ Георгіемъ Кервили, французскимъ подданнымъ и резервнымъ офицеромъ французской службы, владѣльцемъ въ Харьковѣ книжнаго магазина и слушателемъ мѣстнаго Ветеринарнаго института. Кервили выразилъ согласіе заняться пропагандою среди офицеровъ расположенныхъ въ Харьковѣ частей войскъ, но самъ Талапиндовъ, возвратясь въ Николаевъ, разсказывалъ, что трудно что-либо подѣлать съ харьковскими офицерами, хотя между ними и есть сочувствующіе.

Между тѣмъ Буцевичъ, по окончаніи работъ комиссіи техниковъ, въ которой онъ состоялъ членомъ, въ декабрѣ 1881 года, оставилъ Николаевъ и отправился черезъ Одессу въ С.-Петербургъ. Въ Одессѣ онъ оставался нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ занялся организаціею мѣстнаго военнаго кружка изъ офицеровъ Люблинскаго полка. Прежде всего онъ познакомился съ Крайскимъ въ квартирѣ Дмитрія Петрова. Онъ объявилъ ему, что считаетъ недостаточнымъ праздное сочувствіе соціально-революціоннымъ цѣлямъ, что необходимо выражать его на дѣлѣ, что военные могутъ принять участіе въ революціонной дѣятельности въ формѣ кружковъ на какихъ бы то ни было началахъ, что изъ кружковъ, составленныхъ «на самомъ, такъ сказать, безобидномъ основаніи», будутъ выдѣляться люди, могущіе принять на себя со временемъ болѣе серьезныя обязательства, что кружокъ можетъ состоять сначала изъ самаго малаго числа лицъ, и что число это съ теченіемъ времени, при развитіи дѣятельности увеличится.

Убѣжденный этими доводами, Крайскій взялъ на себя устройство сходки. На ней присутствовали, кромѣ его самого, товарищи его по Люблинскому полку, поручики Павелъ Телье, Михаилъ Каменскій и Иринархъ Мураневичъ. Буцевичъ изложилъ имъ программу исполнительнаго комитета «Народной Воли» и всѣ они, за исключеніемъ Мураневича, выразили согласіе примкнуть къ ея организаціи, составивъ изъ себя особый мѣстный кружокъ, въ число членовъ котораго былъ включенъ и отсутствовавшій Стратановичъ, заранѣе выразившій на то свое согласіе. Подобно Николаевскому военному кружку, кружокъ Люблинскаго полка обязывался увеличивать число своихъ членовъ путемъ пропаганды между офицерами. Каждый членъ долженъ былъ ежемѣсячно дѣлать въ кассу кружка денежный взносъ, въ произвольномъ размѣрѣ, на могущія возникнуть общія надобности. Представителемъ кружка назначенъ былъ Крайскій. На обязанности его лежало храненіе взносовъ, сношеніе со штатскими, веденіе переписки. Уѣзжая изъ Одессы, Буцевичъ показалъ Крайскому употребленіе шифра, снабдилъ его цианистымъ кали и пригласилъ писать ему о дѣлахъ кружка, адресуя письма

въ Кронштадтъ на имя подпоручика Кронштадтской крѣпостной артиллеріи Алексѣя Прокофьева. Самъ Буцевичъ дважды писалъ Крайскому изъ С.-Петербурга: тотчасъ по пріѣздѣ, согласно условію, лишь для пробы, спрашивая, нѣтъ ли чего-нибудь новаго, и не прибыло ли членовъ въ кружокъ, и, лѣтомъ 1882 года, незадолго до ареста, съ просьбою сообщить подробности о задержаніи въ Одессѣ трехъ артиллерійскихъ офицеровъ.

Въ теченіе всего 1882 года дѣятельность Одесскаго военнаго кружка не выразилась ни въ чемъ существенномъ. Ежемѣсячные членскіе взносы не превышали одного рубля, и за все время существованія кружка ихъ поступило не болѣе 60 рублей. Офицеры хотя и собирались на общей квартирѣ, но никакихъ вопросовъ не обсуждали, а ограничивались чтеніемъ соціалистическихъ книгъ, какъ-то: «Капитала»—Маркса, «Сущности соціализма» — Шеффле и т. п. Не было даже сдѣлано попытки распространить пропаганду на другіе полки, расположенные въ Одессѣ и окрестностяхъ.

Зато въ Николаевѣ Ашенбреннеру удалось образовать второй военный кружокъ изъ служившихъ, въ этомъ городѣ морскихъ офицеровъ.

Весною 1882 года онъ познакомился съ прапорщикомъ корпуса флотскихъ штурмановъ Иваномъ Ювачевымъ и, убѣдившись въ его сочувствіи соціально-революціоннымъ цѣлямъ, посвятилъ его въ тайну военной организаціи и предложилъ ему составить мѣстный кружокъ изъ товарищей своихъ по флоту. Ювачевъ согласился и пригласилъ къ участію въ кружокъ мичмановъ Александра Авонасьева и Николая Толмачева. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились Владиміръ Бубновъ, лейтенантъ Дмитрій Скаловскій и Сергѣй Янушевскій.

Николаевскій кружокъ морскихъ офицеровъ былъ образованъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и кружки Прагскаго и Люблинскаго полковъ. Члены его признали себя солидарными съ программою исполнительнаго комитета, а кружокъ свой — составною частью военной организаціи народовольческаго общества. И здѣсь были установлены ежемѣсячные денежные взносы, періодическія сходки, но послѣднія собирались не на особой квартирѣ, а частью у Ювачева, частью въ различныхъ ресторанахъ. Кружокъ испытывалъ большой недостатокъ въ деньгахъ, а потому въ средѣ его возникла мысль ограбить Николаевское отдѣленіе Государственнаго Банка, но она не вышла изъ области предположенія, за совершенною невозможностью привести такое предпріятіе въ исполненіе.

Всѣ вышепоименованные военные мѣстные кружки не имѣли между собою тѣснаго общенія. Несмотря, однако, на разрозненность, слѣдуетъ признать, что они были устроены по одному образцу и руководствовались одинаковыми правилами. Назначеніе ихъ было привлечь на сторону замышляемаго народовольческимъ сообществомъ возстанія, какъ можно больше офицеровъ, состоящихъ на службѣ. Но возлагая на каждаго члена обязанность пропагандировать въ средѣ товарищей, основатели и руководители кружковъ

строго воспрещали офицерамъ распространять пропаганду на нижнихъ чиновъ, какъ въ пѣхотныхъ полкахъ, такъ и во флотѣ. Офицеры должны были лишь намѣчать, каждый въ своей части, солдатъ и матросовъ, наиболѣе способныхъ къ воспріятію соціально-революціонныхъ ученій, и дальнѣйшее ихъ развращеніе предполагалось возложить на особыхъ пропагандистовъ изъ примкнувшихъ къ сообществу рабочихъ. Сами офицеры, члены кружковъ, не должны были участвовать въ какихъ бы то ни было предпріятіяхъ сообщества, пока состояли на службѣ. Наиболѣе пригодные для такихъ предпріятій и приглашенные къ участію въ нихъ офицеры обязывались предварительно выйти въ отставку и перейти на нелегальное положеніе».

ИЗЪ

„Дѣла Таврическаго губернскаго жандармскаго управленія о предсѣдателѣ Таврической земской управы Винбергѣ и его единомышленникахъ".

„Въ маѣ сего (1881) года предсѣдатель Симферопольской губернской земской управы и Симферопольскаго общества взаимнаго кредита Владиміръ Карловъ *Винбергъ*, 46 лѣтъ, своимъ образомъ дѣйствій и отношеніемъ къ лицамъ соціально-революціонной партіи навлекъ на себя подозрѣніе въ сочувствіи ихъ стремленіямъ.

Произведеннымъ дознаніемъ выяснено, что въ учрежденіяхъ, подчиненныхъ Винбергу, служили разновременно не только политически неблагонадежныя лица, состоявшія подъ надзоромъ, но даже политическіе преступники; къ числу послѣднихъ принадлежали: Диковскій, Теллаловъ, Перовская и Клѣточниковъ; къ первымъ: Гордынскій, Скуловъ, Ренецкій, Гольденберъ, Журманъ, Морозовъ и Мержановъ, о противоправительственномъ направленіи которыхъ Винбергъ не могъ не знать. Лицамъ этимъ Винбергъ оказывалъ матеріальную поддержку; такъ, напримѣръ, Теллаловъ, а затѣмъ Скуловъ были воспитателями его дочерей и жили у него въ имѣніи на южномъ берегу Крыма; нѣкоторые изъ нихъ получали денежныя награды въ 80 и 100 р., а съ Теллаловымъ, Скуловымъ и Гольденбергомъ Винбергъ былъ въ очень близкихъ, даже дружественныхъ отношеніяхъ.

Винбергъ обвиняется также въ укрывательствѣ въ имѣніи своемъ „Саяны" государственныхъ преступниковъ и лицъ политически неблагонадежныхъ, а именно: Филиппова, жившаго у него подъ именемъ Лѣскова, Коковскаго и Поддубенскаго. Кромѣ того удостовѣрено, что Винбергъ велъ знакомство съ политическимъ преступникомъ Тригони.

Къ дознанію о Винбергѣ привлечены: 1) мѣщанинъ Михаилъ Федоровъ *Гильденберъ*, 25 лѣтъ, 2) Рижскій гражданинъ Александръ Федоровъ *Ренецкій*, 36 лѣтъ; оба уличаются свидѣтельскими показаніями въ сочувствіи соціально-революціонной партіи, въ систематическомъ порицаніи распоряженій правительства и въ выраженіи злорадства по поводу событія 1-го марта, 3) ученый управляющій Ардаліонъ Ивановъ *Мержановъ*, 45 лѣтъ, уличенъ въ томъ, что, ядя къ присягѣ нынѣ царствующему Государю Императору, говорилъ: „хорошо, что это случилось; новому Государю не дадутъ тѣхъ правъ, которыми пользовался прежній, и соціалисты получатъ права, которыхъ они добивались; кто поступитъ въ общество соціалистовъ, тотъ безъ всякаго труда будетъ получать 25 р. въ мѣсяцъ", 4) мѣщанинъ Сергѣй Ивановъ *Зябкинъ*, управляющій имѣніемъ Винберга, 32 лѣтъ, уличенъ въ укрывательствѣ государственныхъ преступниковъ Каковскаго и Филиппова и 5) смотрительница Симферопольскаго земскаго дѣтскаго пріюта Александра Никонаева *Саянчъ*, 34 лѣтъ; обвиняется въ пособничествѣ государственному преступнику Филиппову скрыться отъ преслѣдованія властей".

Рѣдчайшее революціонное изданіе [1]).

СВОБОДА

№ 2.

Въ продолженіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ всѣхъ сословій подаются адресы, въ которыхъ предъ лицомъ Европы, готовой объявить намъ войну за истерзанную деспотизмомъ и солдатчиной Польшу,—громко говорится: „дерзай великій государь! Мы готовы принести на защиту отечества и себя, и дѣтей, и имущество, мы докажемъ завистливому западу, что Россія сильна и могуча!" Слыша отовсюду такія заявленія, можно подумать, что, съ одной стороны—и въ самомъ дѣлѣ, благодаря заботамъ петербургскаго правительства, Россія благоденствуетъ, что она загладила глубокіе слѣды Восточной войны; что она не чувствуетъ всей тяжести польской войны; что производительныя силы ея не въ застоѣ; что въ ней есть и кредитъ, и промышленность, и торговля и нѣтъ голода, безденежья, дороговизны; что свободные граждане Россіи пользуются безопасностью личной и имущественной и не знаютъ, что такое произволъ и насиліе, тюрьма и

---

[1]) Въ сборникѣ Богучарскаго „Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ" имѣются такія строки:

„Въ 1863 году въ Россіи дѣйствовало тайное общество „Земля и Воля", которое выпустило нѣсколько листковъ и между прочимъ №№ 1 и 2 листка „Свобода". Первый № этого листка былъ перепечатанъ въ № 184 „Колокола". Въ Британскомъ музеѣ хранятся въ двухъ экземплярахъ подлинники № 1 „Свободы", откуда мы и сняли нижеслѣдующую копію. №-ра 2 „Свободы" у насъ нѣтъ, но онъ, несомнѣнно существовалъ. О выходѣ его прямо говорится въ „Колоколѣ", о немъ же упоминается въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Андрущенко (перепечатанъ также въ томъ же сборникѣ). Мы очень просимъ достать намъ 2 № „Свободы", равно какъ и другія изданія Общества „Земля и Воля", у насъ не имѣющіяся".

Первый № „Свободы" извѣстенъ, такимъ образомъ, читателямъ по книгѣ Богучарскаго. (Загр. изданіе стр. 89—92; русское—стр. 65—67). Въ настоящее время мы имѣемъ возможность дать читателямъ тексты и 2 № этого рѣдчайшаго революціоннаго изданія.

Ред.

ссылка, плеть и палка, жандармы и шпіоны; а съ другой—что вся Европа завидуя этому благоденствію, хочетъ, во что бы то ни стало, помѣшать ему и даже грозитъ опасностью самому существованію нашего отечества.

Между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ и всѣ здравомыслящіе люди, и Европа ясно видятъ, что тупоумное русское правительство довело страну до положительнаго застоя матеріальнаго и духовнаго развитія.

Едва появилось въ Россіи стремленіе къ свободѣ, какъ благодушный . . . . . , боясь потерять хотя самую ничтожную долю изъ завѣщаннаго ему деспотизма, окружилъ себя шпіонами, наполнилъ крѣпости защитниками свободы, снова проторилъ Владимірку, уничтожилъ всякую свободу слова, закрылъ воскресныя школы и университетъ и все это, какъ увѣряютъ рабы правительства,—для блага народа!.. Тупоумное правительство своими, такъ называемыми, прогрессивными реформами лишило страну кредита, столь необходимаго при переходѣ къ свободному труду и вызвало торговый и промышленный кризисъ; бумажныя деньги—отъ всеобщаго застоя и необезпеченности, отъ чрезмѣрнаго количества ихъ и недостатка звонкой монеты—упали на треть цѣны, что видно на дороговизнѣ.—а благодушное правительство, заботясь о благѣ народа, придумываетъ благовидный предлогъ, какъ бы выпустить снова бумажекъ; во всѣхъ концахъ Россіи народъ умираетъ съ голода, отовсюду жалуются на дороговизну, отсутствіе заработковъ, однимъ словомъ, на крайній недостатокъ жизненныхъ средствъ, а доброе правительство для облегченія народа увеличило свой бюджетъ, въ теченіе семи лѣтъ мира, на сто милліоновъ и, увеличивъ въ нынѣшнемъ году одни прямые налоги на пятнадцать слишкомъ мил., выдумываетъ новые. Однимъ словомъ, правительство своими реформами и распоряженіями до такой степени парализировало производительныя силы страны, что всѣ классы народа страдаютъ, и страна переживаетъ самое тяжелое время.

Для выхода изъ такого затруднительнаго положенія необходимо полнѣйшее спокойствіе и безопасность внутренняя и внѣшняя, необходимъ долгій миръ, а правительство въ это именно время и вызвало, какъ оно само сознается, польское національное возстаніе.

Не говоря о правахъ каждаго народа, а слѣдовательно и польскаго, на полную самостоятельность,—Польша, по сознанію всѣхъ мыслящихъ людей, одна изъ причинъ истощенія Россіи. Обладаніе ею, необходимое развѣ для одного . . . , для его . . . . . разсчетовъ, для его безграничнаго произвола, для его жалкаго самолюбія и чести быть тираномъ двухъ націй,—стоитъ нашему бѣдному ограбленному народу и въ обыкновенное время двадцать милліоновъ лишняго ежегоднаго расхода и сто тысячъ лишнихъ солдатъ,—а теперь за каждый мѣсяцъ не нужной и позорной для Россіи войны съ Польшей народъ платитъ болѣе пяти милліоновъ, не считая пролитой крови братьевъ, мужей, сыновей...

Но и этихъ жертвъ недостаточно правительству; для удовлетворенія своего тщеславія, для поддержанія деспотизма оно готово пожертвовать послѣдними силами истощеннаго народа и дерзко вызываетъ на войну цѣлую Европу — на войну, которая потребуетъ войска, и для которой правительство не задумается объявить народное ополченіе или страшный наборъ, т. е. въ концѣ убить въ странѣ всякую промышленно-торговую и сельско-хозяйственную дѣятельность, на войну, которая потребуетъ денегъ и, слѣдовательно, дастъ

правительству случай сдѣлать принудительный заемъ или прибѣгнуть къ болѣе легкому средству для него, но болѣе тяжелому для народа—къ выпуску бумажныхъ денегъ, что окончательно уронитъ ихъ, вызоветъ неслыханную дороговизну и непремѣнно кончится банкротствомъ государства.

И все это для спасенія отечества! Какъ будто въ самомъ дѣлѣ не русское правительство своими жестокостями въ Польшѣ, презрѣніемъ народныхъ и человѣческихъ правъ, посылкою сатраповъ вродѣ изверга Муравьева, разстрѣливаньемъ и вѣшаньемъ лучшихъ людей польскихъ вызвало Европу, а Европа, единственно изъ зависти, хочетъ стереть Россію съ лица земли!

И для того, чтобы прикрыть свой деспотизмъ, свои гнусныя дѣйствія, свое нравственное безсиліе, напугать и придать ненужной и позорной для Россіи войнѣ видъ воли народной, правительство прибѣгло къ подачѣ адресовъ. Ни для кого не секретъ, что адресы вызваны секретными циркулярами Валуева къ представителямъ сословій и синода къ попамъ. Мы имѣемъ этому положительныя доказательства въ видѣ этихъ циркуляровъ, научающихъ обманывать народъ... Большинство тѣхъ, которые подписываютъ адресы—сознательно-презрѣнные льстецы, измѣнники родины; они тѣмъ болѣе презрѣнны, что, подавая адресы и подталкивая правительство на войну, они очень хорошо знаютъ, что они ничѣмъ не жертвуютъ, что вся тяжесть войны падетъ на бѣдный, честный, ослѣпленный, ничѣмъ не виноватый народъ, что даже месть народная за ихъ предательство падетъ не на нихъ, а на ихъ потомковъ. Остальные подписываютъ унизительные адресы по принужденію, рѣшительно не сознавая ихъ значенія, этому мы имѣемъ слишкомъ много примѣровъ, а крестьяне вынуждаются къ адресамъ исправниками, становыми и обманомъ и хитростью поповъ.

И такіе-то адресы выдаются за выраженіе воли народной! И такія то заявленія выдаются за искреннее высказываніе свободнаго мнѣнія! Но кто же не понимаетъ, что свободное выраженіе мысли у насъ невозможно и преслѣдуется съ жестокостью, и что можетъ высказываться одна грубая лесть правительству. Правительство, запрещающее газеты и журналы за одно полусвободное, полурабское слово, имѣетъ настолько безстыдства, что увѣряетъ, будто бы его поддерживаетъ общественное мнѣніе, и будто бы это мнѣніе независимо и свободно. И русское правительство, ведя войну, будетъ увѣрять, что оно ведетъ ее для блага народа... Бѣдный народъ! Когда ты избавишься отъ такихъ непрошенныхъ, безумныхъ, жестокосердыхъ благодѣтелей!

Эти благодѣтели—враги твои, тираны родины, слѣпо ведущіе ее, для своихъ корыстныхъ цѣлей къ погибели... Ихъ поддерживаютъ измѣнники, отдающіе свой народъ на произволъ . . . . . Мы всегда и вездѣ признаемъ, что война есть величайшее изъ золъ, что народъ не стадо барановъ, что кровь его не вода,—допускаемъ одну войну,—и то какъ неизбѣжное зло,—войну за свободу, войну противъ рабства и деспотизма, и за это насъ называютъ кровожадными. Но какъ назвать правительство, и насъ, его сообщниковъ, истратившихъ въ Восточной войнѣ, ради каприза деспота болѣе пятисотъ милліоновъ денегъ бѣднаго народа и погубившихъ триста тысячъ лучшаго населенія, и теперь вовлекающихъ народъ въ войну еще болѣе ужасную, которая потребуетъ жертвъ вдвое болѣе и покроетъ страну незаслуженнымъ позоромъ? Какъ назвать того, кто начало крестьянской

свободы окропилъ кровью безднинскаго и другихъ побоищъ, кто лучшихъ сыновъ родины заточаетъ въ крѣпости, ссылаетъ въ Сибирь, стрѣляетъ?

Нѣтъ вамъ другого имени, какъ превратные рабы, тираны народа, измѣнники родины, высасывающіе изъ нея послѣднюю каплю крови!

* * *

Комитетъ по случаю выхода четвертаго номера „Великорусса“ получилъ отъ бывшихъ членовъ Комитета Великорусса слѣдующее заявленіе для опубликованія:

„Члены бывшаго комитета Великорусса, прекратившіе свое изданіе на третьемъ номерѣ и соединившіеся съ обществомъ „З. и В“, во имя одной общей цѣли считаютъ долгомъ объявить, что листокъ, выпущенный подъ именемъ Великорусса—подлогъ, что легко замѣтить, какъ по внѣшнему виду, такъ и по содержанію“.

Пользуясь случаемъ, Р. Ц. К. извѣщаетъ, что онъ принимаетъ на себя отвѣтственность только за изданія, выходящія съ извѣстною печатью [1]).

* * *

Комитетъ считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія членовъ организаціи, что лица, уполномоченныя имъ,—снабжены ясными документами и потому проситъ, во избѣжаніе повторенія случившихся недоразумѣній, *ни въ какомъ случаѣ* не исполнять требованій лицъ, не имѣющихъ этихъ документовъ.

* * *

Номера выданныхъ квитанцій напечатаны въ особомъ прибавленіи къ этому номеру „Свободы“ [2]).

Типографія общества „З. и В.“

[1]) Четвертаго № „Великорусса“ у насъ нѣтъ. Если онъ у кого-нибудь имѣется, то убѣдительно просимъ достать намъ хотя бы только копію съ него. Было бы чрезвычайно любопытно разсмотрѣть происхожденіе № 4 „Великорусса“, который сами члены бывшаго комитета „Великорусса“ считаютъ „подлогомъ“. Чье же это было дѣло? Не сохранилось ли у кого-нибудь изъ нашихъ читателей какихъ-либо по этому предмету свѣдѣній?

Ред.

[2]) Этого „особаго прибавленія“ у насъ также нѣтъ.

Ред.

Изъ прошлаго.

I.

День 29-го марта 1878 года былъ для меня весьма хлопотливымъ. Братъ моей жены, ученикъ одной изъ кіевскихъ гимназій, жестоко простудился, катаясь съ товарищами на лодкѣ по Днѣпру. Врачи опредѣлили уплотненіе верхушекъ легкаго и совѣтовали безотлагательно отправить юношу куда-нибудь на югъ—въ Италію или хотя бы въ Крымъ. Пришлось со всею поспѣшностью организовать отъѣздъ юноши изъ Кіева, и хлопоты по этому дѣлу заняли у меня весь день съ утра до вечера.

Крайне усталый вернулся я къ себѣ поздно ночью и, наскоро закусивъ, рѣшилъ немедленно же лечь спать. Я уже былъ полураздѣтъ, когда постучали во входную дверь. Накинувъ верхнее платье, я отворилъ. Вошелъ молодой человѣкъ въ мундирѣ околоточнаго.

— Чему обязанъ вашимъ визитомъ?

— А вотъ вамъ экстренная бумажка.

Въ бумажкѣ значилось, что я долженъ пожаловать въ Старокіевскій участокъ «вслѣдствіе лично до него», т. е. до меня «касающагося дѣла».

— Какое тамъ у васъ до меня дѣло, и нельзя ли его устроить завтра утромъ?

— Нѣтъ, приставъ сказалъ, что надо сейчасъ. Я и то уже второй разъ къ вамъ захожу, васъ дома не было. А какое дѣло, право, не знаю.

Я одѣлся и, не прощаясь съ женой, отправился вмѣстѣ съ околоточнымъ, предполагая невдолгѣ вернуться.

На улицѣ насъ ожидалъ извозчикъ. Участокъ былъ недалеко, и черезъ нѣсколько минутъ мой провожатый ввелъ меня въ кабинетъ пристава, вяло перебиравшаго при тускло горѣвшей лампѣ какія-то лежавшія на столѣ бумаги.

— Вотъ они-съ. На силу засталъ,—отрекомендовалъ меня околоточный.

Приставъ равнодушно взглянулъ на меня и сказалъ:

— А-а. Хорошо. Ну, отвезите.

— Пожалуйте,—любезно пригласилъ меня околоточный.

Мы снова вышли на улицу и опять усѣлись въ извозчичьи дрожки, но направились не домой ко мнѣ, а въ прямо противоположную сторону.

Мнѣ не хотѣлось первому начинать разговоръ и спросить моего спутника, что все это значитъ. Молча спустились мы къ Крещатику и стали подниматься въ Липки.

Наконецъ, околоточный не вытерпѣлъ и заговорилъ.

— А знаете, куда я васъ везу?

— Да почемъ же мнѣ знать!

— Въ крѣпость. Вы арестованы.

— Арестованъ? **Этого** не приставъ не объяснилъ мнѣ причины ареста?

— Кто его знаетъ! Да мы вообще никому не объясняемъ причинъ. Намъ и самимъ ихъ не всегда сообщаютъ. Прикажутъ арестовать, наше дѣло исполнить. Должно быть, за послѣднюю студенческую исторію.

Но въ студенческой исторіи я не принималъ никакого участія, я не студентъ, и уже полтора года какъ выбылъ изъ университета за окончаніемъ курса. Наконецъ, во все время студенческихъ волненій меня и въ Кіевѣ не было: я гостилъ у брата въ Черниговѣ.

— Такъ вы уже окончили университетъ? А у насъ по бумагамъ вы значитесь студентомъ. Вы на какомъ факультетѣ были, позвольте спросить?

— На математическомъ.

— У-ухъ, трудный факультетъ! У васъ тамъ, должно быть, все тригонометрію изучаютъ. Вотъ должно быть мудреная наука.

— Напротивъ того, очень простая и легкая.

— Ну, я не знаю. Я вѣдь дошелъ только до четвертаго класса. Не давалась мнѣ математика. Бился, бился, да такъ и пришлось гимназію бросить. Вотъ теперь служу околоточнымъ.

Болтая такимъ образомъ, мы въѣхали черезъ Николаевскія ворота въ крѣпость, проѣхали мимо арсенала и очутились, наконецъ, на какомъ-то обширномъ, четырехугольномъ плацу, окруженномъ выступавшими неясно въ ночной темнотѣ низкими зданіями казарменнаго типа. Повернувъ вправо, мы подъѣхали къ одному изъ этихъ зданій и вошли въ какое-то сводчатое помѣщеніе, въ которомъ было десятка два солдатъ. Околоточный подошелъ къ старшему, о чемъ-то съ нимъ пошепталъ, передалъ какой-то пакетъ, получилъ какую-то квитанцію и, пожелавъ мнѣ „всего хорошаго“, удалился во свояси. Старшій предложилъ мнѣ слѣдовать за нимъ.

Мы вышли на плацъ и направились наискосокъ къ другому зданію. Это была гауптвахта № 2. Солдатъ ввелъ меня въ дежурную комнату, въ которой находилось нѣсколько офицеровъ. Одинъ изъ нихъ спросилъ, нѣтъ ли у меня съ собой денегъ и какого-либо оружія. Я сказалъ, что имѣю при себѣ перочинный ножикъ и въ портмонэ нѣсколько мелочи.

— Я попрошу васъ и деньги, и ножикъ передать мнѣ. Потомъ вы все получите обратно.

Я передалъ, но обратно никогда ничего не получилъ.

Затѣмъ—опять „пожалуйте“, на этотъ разъ въ корридоръ гауптвахты. Подошли къ какой-то двери, зазвенѣли ключи, заскрипѣлъ толстый желѣзный засовъ, и я очутился въ маленькой грязной клѣтушкѣ, въ которой меня заперли на замокъ.

Каморка моя имѣла восемь шаговъ въ длину и пять въ ширину. Освѣщалась она однимъ небольшимъ, довольно грязнымъ окномъ съ потускнѣвшими стеклами и снабженнымъ желѣзною рѣшеткою. Подъ окномъ снаружи мѣрно шагалъ взадъ и впередъ часовой. Иногда онъ останавливался у окна и глядѣлъ, что дѣлается въ каморкѣ. Меблировка послѣдней состояла изъ небольшого простого некрашенаго столика, на которомъ горѣла керосиновая лампочка-коптѣлка, такого же небольшого табуретика и деревянной кровати, съ грязнымъ-прегрязнымъ тюфякомъ, набитымъ соломой. Я былъ достаточно утомленъ, но не могъ рѣшиться не то что лечь, но даже сѣсть на подобную постель. Впослѣдствіи брезгливости этой у меня таки сильно поубавилось.

Оставшись одинъ, я попытался отдать себѣ отчетъ въ случившемся. Я арестованъ—это ясно. Но за что? Никакой вины за собой я не чувствовалъ. Перебирая въ памяти свое студенческое житье-бытье я не могъ отмѣтить ничего политически предосудительнаго. Все почти время я жилъ артельно съ товарищами, и раза два всѣ мы подвергались обыску—кто изъ студентовъ не подвергался этому! Обыскивали всѣхъ насъ, не предъявляя ни къ кому спеціальныхъ обвиненій. Обыски были совершенно безрезультатны. У меня кромѣ математическихъ книгъ не находили ничего, а искали, повидимому, революціонныхъ изданій. Разъ вниманіе жандарма остановила докторская диссертація проф. астрономіи Хандрикова «Теорія возмущеній», но, раскрывъ эту теорію, жандармъ убѣдился въ полной ея благонадежности: трактовались возмущенія планетныхъ и кометныхъ орбитъ.

Потомъ былъ еще такой инцидентъ. Однажды попечитель округа, генералъ Антоновичъ, вызвалъ къ себѣ для объясненій человѣкъ 20 студентовъ, въ томъ числѣ и меня. Когда мы явились, добродушный старикъ оказался очень взволнованнымъ и обратился къ намъ съ цѣлой рѣчью. Отъ жандармеріи онъ получилъ извѣщеніе, будто мы, всѣ вызванные, замыслили разнести-разгромить университетъ съ цѣлью заставить студентовъ уйти «въ народъ» на пропаганду. «Неужели, господа, это правда? Вѣдь это же безумно, это верхъ нелѣпости! Я понимаю... возможны увлеченія... я и самъ въ молодости увлекался... но... господа, вы же люди разумные»... У старика на глазахъ были слезы. Доносъ былъ безусловно нелѣпъ, что мы единодушно и горячо засвидѣтельствовали. Генералъ успокоился, поблагодарилъ и отпустилъ съ миромъ. Казалось, инцидентъ этимъ и былъ исчерпанъ.

Еще случай, довольно для того времени характерный. Однажды мы съ женой, тогда еще только моей невѣстой, гостили во время пасхальныхъ каникулъ у ея родителей въ имѣніи, въ знаменитомъ

тогда по дѣлу Дейча и Стефановича Чигиринскомъ уѣздѣ. Благополучно отгостивъ, мы отправились обратно въ Кіевъ. Въ Черкасахъ нужно было сѣсть на пароходъ, а до Черкасъ проѣхать на лошадяхъ. Ѣхали мы въ тарантасѣ втроемъ: я, жена и ея братъ гимназистъ. Послѣднему вздумалось вздремнуть и, устраиваясь поспать, онъ какъ-то незамѣтно вытолкнулъ изъ тарантаса небольшой женинъ саквояжъ, въ которомъ находилась разная мелочь, туалетныя принадлежности и, между прочимъ, нѣсколько цѣнныхъ золотыхъ вещей. Какъ разъ вслѣдъ за нами ѣхалъ мѣстный становой приставъ, хорошо знавшій, кто мы, откуда и куда ѣдемъ. Онъ поднялъ саквояжъ, но вмѣсто того, чтобъ крикнуть намъ, остановить и возвратить потерянное, рѣшилъ освѣдомиться относительно содержанія саквояжа. Цѣнныхъ золотыхъ вещей онъ почему-то не замѣтилъ, по крайней мѣрѣ не упомянулъ о нихъ въ протоколѣ ни однимъ словомъ, и онѣ навсегда для насъ и безслѣдно погибли. Зато онъ нашелъ нѣчто другое, а именно, двѣ или три революціонныхъ сказки, «Хитрую механику», кажется, «Сказку о четырехъ братьяхъ» или еще что-то. Невинныя эти, въ сущности, литературныя произведенія, въ огромномъ количествѣ обращавшіяся въ публикѣ, признавались тогда правительствомъ страшно для государства опасными.

Пріѣхавъ въ Черкасы, мы тотчасъ же замѣтили отсутствіе саквояжа, заявили объ утратѣ пристанному полицейскому, пообѣщали его «поблагодарить», если онъ поможетъ отыскать потерянную вещь; жена пожалѣла нѣкоторыхъ дорогихъ, ей бывшихъ въ саквояжѣ предметовъ, и мы продолжали наше путешествіе, нисколько не подозрѣвая оборота, который тѣмъ временемъ принималъ этотъ совершенно, казалось, заурядный случай.

Приставъ заварилъ кашу. О своей находкѣ онъ сообщилъ въ Кіевъ, и оттуда наряжено было разслѣдованіе. Нагрянули въ имѣніе жениныхъ родителей, подвергли опросу прислугу и всѣхъ мѣстныхъ крестьянъ. Допытывались, что мы дѣлали, гдѣ бывали, какъ проводили время, не говорили ли чего «противъ царя», не раздавали ли какихъ книжекъ. «Разслѣдованіе» дало совершенно отрицательные результаты. И прислуга, и крестьяне въ одинъ голосъ свидѣтельствовали, что жили мы все время «спокойно», сидѣли дома, гуляли въ саду, никому ничего предосудительнаго не говорили и никакихъ книжекъ не раздавали.

Тогда принялись за насъ. Жены въ Кіевѣ не было, она была медичка и уѣхала въ Петербургъ на курсы. Справились у гимназическаго начальства о ея братѣ, какого онъ «поведенія» и не замѣченъ ли въ какихъ либо «неблагонамѣренныхъ» увлеченіяхъ. Начальство аттестовало юношу съ наилучшей стороны: поведенія расчудеснаго, учится хорошо и ни въ чемъ другомъ не замѣченъ.

Потомъ пригласили въ жандармское правленіе меня и подвергли формальному допросу. Допрашивалъ очень извѣстный въ то время въ

Кіевѣ товарищъ прокурора Котляревскій, [1]) и въ началѣ допроса присутствовалъ тоже всѣмъ тогда въ Кіевѣ извѣстный адъютантъ жандармскаго управленія штабъ-ротмистръ баронъ Гейкингъ. На допросѣ я впервые узналъ, во что обратился инцидентъ съ потерей саквояжа. Котляревскій спросилъ меня, не мнѣ ли принадлежали найденныя въ саквояжѣ брошюрки, а Гейкингъ совѣтовалъ поступить «по-рыцарски» и принять «всю вину» на себя, такъ какъ иначе можетъ подвергнуться непріятностямъ моя спутница. Я отвѣчалъ, что о найденныхъ въ саквояжѣ книжкахъ мнѣ ровно ничего неизвѣстно, что никто изъ насъ ихъ туда не клалъ, что въ невиновности и моей спутницы, и ея брата я такъ же увѣренъ, какъ и въ своей собственной, и что поэтому не имѣю никакихъ поводовъ поступать по рекомендуемому мнѣ «рыцарскому» способу.

— Тогда объясните же намъ, какимъ образомъ могли попасть *въ ваше* саквояжъ революціонныя изданія? Согласитесь сами: кто-нибудь ихъ туда положилъ же?

— Безъ сомнѣнія, разъ что они тамъ найдены. Но кто ихъ могъ туда положить, я рѣшительно не знаю. Вотъ что туда положены были не упоминаемыя въ протоколѣ золотыя вещи, это я хорошо знаю, потому что онѣ укладывались при мнѣ, и я самъ завертывалъ ихъ въ бумагу.

— Относительно золотыхъ вещей... по вашему заявленію я не могу возбуждать вопроса. Саквояжъ вскрытъ былъ при понятыхъ, и золотыхъ вещей въ немъ найдено не было.

— Но вѣдь онъ могъ быть вскрытъ и раньше, безъ понятыхъ, ключикъ вѣдь находился тутъ же.

— Хм... для такого предположенія я не имѣю никакихъ данныхъ.

Въ концѣ концовъ Котляревскій призналъ, что все «дѣло» не заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Книжки найдены были въ одиночныхъ экземплярахъ, а показанія прислуги и крестьянъ исключаютъ всякую мысль о революціонной пропагандѣ. Я замѣтилъ, что въ данной мѣстности подобная пропаганда при посредствѣ найденныхъ книжекъ была бы нелѣпа: «сказки» написаны по-русски, а чигиринскіе хохлы съ трудомъ понимаютъ книжный русскій языкъ. Котляревскій призналъ справедливость этого довода. Въ заключеніе я спросилъ, неужели разныя эти «Хитрыя механики» и «Сказки» такъ ужъ для государства опасны, что изъ-за нихъ стоитъ подымать столько шума? Котляревскій и тутъ согласился со мною и сказалъ, что, и по его мнѣнію, «Сказки» и «Механики», конечно, пустяки, но что жандармерія смотритъ на вопросъ иначе.

На томъ мы разстались. Составленъ былъ надлежащій прото-

[1]) Прославился Котляревскій, главнымъ образомъ, вслѣдствіе произведеннаго изъ-его жизнь покушенія. Въ покушеніи на жизнь Котляревскаго принимали участіе Пинченкъ и Осинскій и др. Это былъ одинъ изъ первыхъ террористическихъ актовъ. Покушеніе произведено было на улицѣ, ночью, но съ „негодными средствами“: пуля пробила енотовую шубу, въ которую закутанъ былъ Котляревскій, но не причинила лично ему ни малѣйшаго вреда,—револьверъ былъ слишкомъ слабъ.

колъ допроса, я подписалъ и затѣмъ былъ отпущенъ. Прощаясь Котляревскій заявилъ, что, по его мнѣнію, «дѣло» мое не будетъ имѣть послѣдствій.

Таковы были фактически всѣ мои тогдашнія политическія прегрѣшенія. Мнѣ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобъ именно они могли послужить причиною ареста. Многіе изъ моихъ товарищей по курсу были «скомпрометированы» не меньше моего, но это не помѣшало имъ устроиться на государственную службу тотчасъ же послѣ выпускного экзамена. Могъ поступить по ихъ примѣру и я. Попечитель Антоновичъ предлагалъ мнѣ на выборъ цѣлый рядъ учительскихъ мѣстъ въ округѣ. Равнымъ образомъ я имѣлъ предложенія изъ другихъ округовъ, и одно время думалъ было взять мѣсто на Кавказѣ. Но мнѣ хотѣлось остаться въ Кіевѣ, гдѣ я могъ бы пользоваться богатой университетской библіотекой и другими учеными пособіями, не разрывая въ то же время тѣсной связи, сложившейся у меня съ кружкомъ друзей-профессоровъ. Желаніе остаться въ Кіевѣ оказалось осуществимымъ. Одинъ изъ моихъ профессоровъ состоялъ также преподавателемъ въ старшихъ классахъ кіевской военной гимназіи. Получивъ повышеніе въ университетѣ, онъ рѣшилъ оставить гимназію и предложилъ уступить свое мѣсто мнѣ. Я, конечно, охотно принялъ это предложеніе. Профессоръ взялся отрекомендовать меня директору гимназіи генералу Юшенову, съ которымъ и мнѣ совѣтовалъ повидаться. Я побывалъ у Юшенова, и мы сговорились, что послѣ каникулъ я прочту такъ называемые пробные уроки и буду зачисленъ штатнымъ преподавателемъ гимназіи.

Что касается мартовской 1878 года студенческой «исторіи», то къ ней я вовсе не былъ причастенъ. Она еще не начиналась, когда я уѣхалъ въ Черниговъ, откуда вернулся уже послѣ всѣхъ совершившихся событій со времени вердикта, произнесеннаго университетскимъ судомъ. Съ тактической стороны самая «исторія» мнѣ очень не нравилась. Я находилъ, что при нѣсколько болѣе искусной и умѣлой постановкѣ дѣла можно было добиться желанныхъ результатовъ безъ ненужнаго гвалта, безъ еще менѣе нужныхъ жертвъ и не обостряя отношеній ни съ властью, ни съ коллегіей профессоровъ. Поэтому въ разговорахъ со студентами я довольно рѣзко критиковалъ ихъ пріемы, что подчасъ и со стороны студентовъ вызывало рѣзкую отповѣдь по моему адресу.

Итакъ, на чемъ же слѣдовало остановиться, чтобы объяснить случившееся со мною приключеніе? Не было ли у меня какихъ-либо компрометирующихъ знакомствъ? Въ послѣдніе годы своей студенческой жизни я всего болѣе вращался въ средѣ высшей кіевской интеллигенціи, въ средѣ профессоровъ. Близкіе со мною профессора, хотя и были люди либеральные, но не черезъ чуръ и, во всякомъ случаѣ, очень осторожные. Мои друзья-товарищи студенты были, правда, въ большей или меньшей степени прикосновенны къ освободительному движенію въ тогдашнихъ его формахъ, но опять-таки прикосновенность эта не заходила чрезмѣрно далеко.

Исключеніе составлялъ лишь медикъ Николай Колодкевичъ. Это была личность дивной нравственной чистоты. Колодкевичъ страстно любилъ обездоленный народъ и горячо принималъ къ сердцу его интересы, а такъ какъ слово у этого человѣка не расходилось съ дѣломъ, то онъ и старался активно, по мѣрѣ силъ и умѣнья, помочь народному горю. Въ періодъ увлеченія пропагандой Колодкевичъ отправился съ книжками «въ народъ». Разумѣется, усилія его не имѣли успѣха, что было причиною большихъ моральныхъ страданій. Вскорѣ онъ былъ гдѣ-то захваченъ съ поличнымъ и посаженъ въ тюрьму.

Продолжительное тюремное заключеніе крайне вредно повліяло на и безъ того слабый организмъ Колодкевича. Когда его наконецъ освободили, онъ еле двигался, и врачи совѣтовали ему отправиться поскорѣе куда-нибудь поюжнѣе и основательно отдохнуть. Но Колодкевичъ былъ бѣднякъ, и для праздныхъ путешествій у него не было средствъ. На товарищескомъ совѣщаніи мы рѣшили, что для него необходимо подыскать гдѣ-нибудь въ южныхъ губерніяхъ хорошій урокъ въ богатой семьѣ. Случилось такъ, что мнѣ предложили очень выгодныя каникулярныя занятія этого рода у помѣщика на югѣ Подольской губерніи. Я тотчасъ же рѣшилъ уступить урокъ Колодкевичу. Но вотъ была загвоздка: онъ выпущенъ былъ изъ тюрьмы подъ надзоръ полиціи и былъ приписанъ къ мѣсту жительства. Нужно было добиться свободы передвиженія. Разрѣшить этотъ вопросъ зависѣло отъ барона Гейкинга, и я рѣшилъ схватить быка прямо за рога, повидаться съ барономъ и лично попросить за Колодкевича. Я былъ еще настолько наивенъ, что серьезно разсчитывалъ вызвать въ жандармѣ человѣческое чувство сострадація къ измученному и духовно, и физически человѣку. Вѣрнѣе было бы подыскать подходящую барышню и подѣйствовать черезъ нее. Гейкингъ былъ очень чувствителенъ съ женщинами и по ходатайству хорошенькой дамы, навѣрное, что-нибудь бы сдѣлалъ. Но такой методъ дѣйствія мнѣ претилъ и показался недостойнымъ, особенно въ дѣлѣ, касающемся Колодкевича.

Когда я произнесъ барону это имя, жандармъ сразу насторожился и сталъ пристально въ меня вглядываться.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, что побуждаетъ васъ хлопотать за Колодкевича?

— Какъ что? Онъ мой товарищъ по университету, притомъ товарищъ, попавшій въ бѣду. Вы мнѣ какъ-то говорили, что въ свое время и сами вы были студентомъ Дерптскаго университета, значитъ, товарищескія чувства не могутъ быть вамъ неизвѣстны.

— Да, но товарищи бываютъ разные. Знаете ли вы, что это за господинъ этотъ Колодкевичъ?

— Онъ прекрасный человѣкъ, баронъ. Если онъ нѣсколько увлекся, ошибся, то вѣдь болѣе чѣмъ достаточно поплатился за свое увлеченіе. Вы его жестоко наказали, теперь онъ боленъ, еле ходитъ—дайте же ему отдохнуть и въ себя придти. Онъ оправится,

вернется въ университетъ къ наукѣ, окончитъ курсъ и будетъ полезнѣйшимъ членомъ общества.

— Знаете ли, что я вамъ посовѣтую: держите себя подальше отъ такихъ господъ, какъ Колодкевичъ. Не то что дружба, а и знакомство съ ними до добра васъ не доведутъ. Просьбы вашей я исполнить не могу.

Нестерпимо тяжелыя условія полицейскаго надзора заставили Колодкевича перейти на нелегальное положеніе. Впослѣдствіи онъ примкнулъ къ террористамъ. Когда я его зналъ, онъ съ терроромъ не имѣлъ ничего общаго. Напротивъ того, и на сходкахъ, и въ кружковыхъ бесѣдахъ онъ горячо возставалъ противъ всякихъ пріемовъ насилія отъ кого бы оно ни исходило. Террористомъ его сдѣлали власти своими неистовыми преслѣдованіями и гоненіями. Безграничное беззаконіе создало и самый терроръ. [1])

Въ послѣдніе годы моего студенчества мнѣ уже не приходилось встрѣчаться съ Колодкевичемъ: онъ исчезъ съ моего горизонта [2]).

Вспомнился, наконецъ, и совсѣмъ недавній разговоръ съ Гейкингомъ. Встрѣтились мы какъ-то на улицѣ, какъ разъ въ то время, когда я помышлялъ о Кавказѣ. Гейкингъ весело поздоровался со мною и въ своемъ обычномъ шутливомъ тонѣ спросилъ:

— Ну, какъ дѣла?

— Такъ себѣ. Вотъ покончилъ съ экзаменами, получилъ кандидата и собираюсь поступить на службу.

— Куда же вы собираетесь?

— Хочу устроиться гдѣ-нибудь на Кавказѣ.

— Что такъ далеко?

— Да такъ. Drang nach Osten. Wo die Zitronen blühen.

— А не ощущаете ли вы Drang nach Nord-Osten wo, die Moroschka blüht?

Я въ такомъ же шутливомъ тонѣ отвѣчалъ, что скверная флора нисколько меня не интересуетъ и штудировать ее я не предполагаю.

Наскоро перебравъ въ памяти все изложенное, я пришелъ къ заключенію, что никакихъ сколько-нибудь серьезныхъ поводовъ для моего ареста не было и нѣтъ. Очевидно, онъ—простое полицейское недоразумѣніе. Плохо освѣдомленная небрежная полиція при-

[1]) Другой яркій примѣръ превращенія мирнаго человѣка въ террориста представляетъ Людмила Александровна Александрова, по мужу Волкенштейнъ. Я довольно близко зналъ ее дѣвушкой, а когда она была въ выпускномъ классѣ гимназіи, занимался одно время съ нею по математикѣ. Въ то время это была необыкновенно красивая, вдумчивая, симпатичная, но совершенно мирная барышня, и я ни за что не предсказалъ бы той печальной участи, которая ожидала ее въ недалекомъ будущемъ. Въ память нашихъ дружескихъ отношеній Людмила Александровна подарила мнѣ тогдашнюю свою фотографическую карточку, которую мнѣ удалось сберечь до сихъ поръ, несмотря на обыски и внезапно, которымъ пришлось подвергаться.

[2]) Какъ извѣстно, Н. Н. Колодкевичъ былъ въ 1882 году приговоренъ по дѣлу 20 народовольцевъ къ повѣшенію. Эта кара была ему замѣнена вѣчной каторгой. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. *Ред.*

путала меня къ студенческой исторіи и арестовала совершенно зря. Жандармеріи хорошо извѣстно, что я не студентъ, а доказать свою непричастность къ мартовскимъ волненіямъ я, конечно, очень легко сумѣю. Надо подождать до утра, утромъ вызвать кого-нибудь изъ власть имущихъ и разъяснить дѣло. На томъ я и успокоился.

Между тѣмъ на гауптвахтѣ давно уже замѣчалось какое-то странное и все возраставшее движеніе. По корридору то и дѣло ходили, слышенъ былъ лязгъ ключей, звонъ отпираемыхъ и запираемыхъ замковъ, скрежетъ дверныхъ засововъ. Стали доноситься чьи-то голоса, громкій смѣхъ, привѣтственные возгласы. Вотъ остановились у моей двери, отперли ее, и ко мнѣ влетѣлъ какой то рослый юноша, за которымъ дверь тотчасъ же закрылась. Нѣсколько мгновеній мы недоумѣвающе смотрѣли другъ на друга. Наконецъ, я прервалъ молчаніе.

— Арестованы и вы?

— Арестованъ...

— Ваша фамилія?

— Гольденбергъ. А ваша?

Я назвалъ себя. Это былъ Гольденбергъ младшій. И онъ не былъ студентомъ. За «дурное поведеніе» его изгнали изъ какой-то кіевской гимназіи, и онъ подготовлялся къ экзамену на аттестатъ зрѣлости. Къ студенческимъ волненіямъ причастенъ не былъ и основаній своего ареста уяснить себѣ не могъ.—«Должно быть изъ-за брата. Братъ вотъ уже сколько времени сидитъ по дѣлу Котляревскаго [1]), а теперь арестовали и меня». Арестъ, впрочемъ, нисколько не смущалъ юношу; напротивъ того, онъ какъ бы гордился имъ и чувствовалъ себя героемъ.

А по корридору все продолжали ходить и ходить. Заскрипѣла сосѣдняя дверь, и камера рядомъ съ нами сразу получила нѣсколько жильцовъ. Отдѣляющая стѣнка не была особенно массивна, и мы совершенно явственно услышали говоръ заключенныхъ. Гольденбергъ постучалъ въ стѣнку и спросилъ, кто сидитъ. Оказалось студенты братья Львовы и еще кто-то. Еще разъ подошли къ нашей двери и присоединили къ намъ студента первокурсника Мурзаяна. Какъ и Гольденберга, Мурзаяна я видѣлъ первый разъ въ жизни. Взяли его прямо съ постели, и онъ, поговоривъ немного съ нами, завернулся въ пальто и улегся спать на единственной въ нашей камерѣ кровати. Мы съ Гольденбергомъ не спали всю ночь. Къ утру гауптвахта была биткомъ набита заключенными и гудѣла, какъ взбудораженный пчелиный улей.

Въ урочный часъ произошла смѣна караула, и новый начальникъ нашей стражи, довольно пожилой армянинъ, обходилъ всѣ камеры. Мурзаянъ, тоже армянинъ, выпалилъ по его адресу нѣсколько преуморительныхъ армянскихъ шутокъ. Офицеръ не остался въ долгу,

[1]) Гольденбергъ въ началѣ 1878 г. былъ арестованъ въ Кіевѣ по дѣлу о покушеніи на Котляревскаго, но обвиненіе было совершенно ошибочно.

и оба весело хохотали. Я заявилъ, что прошу вызвать кого-либо изъ подлежащихъ начальниковъ, такъ какъ считаю свое задержаніе недоразумѣніемъ, которое желалъ бы выяснить. Офицеръ обѣщалъ передать кому слѣдуетъ мое заявленіе.

Спустя нѣкоторое время начальникъ караула приказалъ отворить всѣ камеры, предложилъ намъ самимъ размѣститься какъ удобнѣе и подобрать себѣ подходящихъ компаньоновъ. Мы вышли въ корридоръ, и тутъ я могъ перезнакомиться со всѣми моими товарищами по заключенію. Изъ моихъ старыхъ друзей-знакомыхъ тутъ были: И. П. Ювеналіевъ, мой однокурсникъ, кандидатъ университета, оставленный для подготовки къ профессурѣ по каѳедрѣ физики, медики Лопатинъ и Фибровскій, юристы Пугинюкъ и Когутовъ. Остальные были все студенты молодежь, съ которыми до этого мнѣ не приходилось встрѣчаться. Всѣ принимали активное участіе въ мартовскихъ волненіяхъ, къ которымъ причастны были и названные выше мои университетскіе товарищи. Всѣ арестованы были въ истекшую ночь внезапно и безъ объясненія причинъ, и отчасти поэтому всѣ относились къ аресту легко, признавая его какъ бы придуманной Гейкинымъ шуткой, которая не можетъ долго продолжаться и не будетъ имѣть никакихъ особенныхъ послѣдствій. Только опытный и видавшій виды Пугинюкъ былъ иного мнѣнія и относился къ нашему положенію пессимистичнѣе. Но заключенія его всѣ признавали совершенно неправдоподобными. Пугинюкъ полагалъ, что намъ грозитъ высылка въ отдаленныя губерніи.

Я перешелъ въ камеру Пугинюка. Кстати, онъ былъ выбранъ нашимъ старостой и просилъ меня кой въ чемъ ему помочь.

Всего заключенныхъ въ маленькой гауптвахтѣ № 7 было, сколько помнится, человѣкъ до тридцати. Но говорили, что часть арестованныхъ содержится въ другихъ арестныхъ помѣщеніяхъ. Кое кого, кто несомнѣнно былъ задержанъ, на гауптвахтѣ не было.

Обѣдъ намъ доставили изъ города. Кто и какъ—мы не знали, но догадывались, что онъ былъ присланъ друзьями.

Послѣ полудня мнѣ доставили отъ жены небольшой чемоданъ съ бѣльемъ и вещами первой необходимости—со мною ничего вѣдь не было. Количество и подборъ присланнаго нѣсколько меня удивили. Я находилъ, что всего было слишкомъ много, а кое что и вовсе ненужное. Неужели жена предполагаетъ, что заключеніе мое продлится? Но вѣдь это вовсе невѣроятно! При вещахъ былъ ихъ перечень, писанный рукою жены, но иной какой-либо записки не было.

Еще новость! Пришелъ полицейскій чиновникъ опрашивать, не нужно ли кому изъ насъ казенныхъ полушубковъ?..

Зачѣмъ намъ полушубки? Вѣдь уже и въ лѣтнемъ пальто ходить жарко!..

— Такъ то оно такъ,—возразилъ загадочно улыбаясь чиновникъ,—въ Кіевѣ жарко, да можетъ вы окажетесь гдѣ-нибудь въ другой мѣстности, такъ *тамъ* полушубокъ-то и пригодится.

— Что-жъ насъ ссылаютъ куда нибудь что ли?

— Мнѣ ничего неизвѣстно, а только приказано предложить полушубки, я вотъ и предлагаю.—Но столковаться съ нами ему не удалось и, махнувъ рукой, онъ сказалъ, что выпишетъ всѣмъ по полушубку, а тамъ, кому надо будетъ, тотъ возьметъ, а кому не надо—не возьметъ.

Вскорѣ послѣ этого начальникъ караула попросилъ насъ «зайти» въ камеры и заперъ. Ожидалось какое-то начальство. Внѣ камеры остался только староста Пугинюкъ. У меня мелькнула мысль, не по моему ли это утреннему заявленію кто-нибудь пожаловалъ, и я сталъ обдумывать надлежащее объясненіе. Ждать пришлось довольно долго. Наконецъ, послышались шаги, залязгали ключи, отперлась дверь, и на порогѣ появился добродушный армянинъ офицеръ, любезно объявившій, что начальство уже уѣхало, и теперь опять можно гулять по корридору... Пугинюкъ сообщилъ мнѣ, что это пріѣзжалъ Гейкингъ. Онъ побывалъ у всѣхъ заключенныхъ, никому ничего опредѣленнаго и яснаго не сказалъ, отдѣлываясь отъ настойчивыхъ категорическихъ вопросовъ обычными пошлыми шуточками, и удалился. Моя камера находилась на концѣ корридора послѣднею, Гейкингъ спросилъ: «а тамъ кто?», ему отвѣтили, и онъ ко мнѣ не пошелъ.

Этотъ маневръ убѣдилъ меня, наконецъ, что въ арестѣ моемъ никакого недоразумѣнія или ошибки не кроется. Но тогда въ чемъ же дѣло? Что значитъ вся эта трагикомедія, зачѣмъ и кому она понадобилась? Удовлетворительнаго отвѣта на эти вопросы я подыскать не могъ.

Между тѣмъ развязка приближалась. Къ вечеру явились новые полицейскіе чины со спискомъ половины заключенныхъ и предложили имъ уложиться, объявивъ, что «завтра» они оставятъ гауптвахту. На всѣ вопросы, что и почему, переводятъ ли поименованныхъ въ спискѣ въ другую тюрьму, высылаютъ ли или предполагаютъ освободить, чины отговаривались стереотипнымъ ничего незнайствомъ и ссылались на приказанія.

Всѣмъ, наконецъ, стало ясно, что дѣло принимаетъ какой-то неожиданный оборотъ и что, пожалуй, Пугинюкъ правъ былъ, пророча ссылку. Перспектива ссылки однако-жъ никого не смущала и не огорчила. Напротивъ того, гауптвахта, казалось, еще повеселѣла. Отовсюду слышались шутки и остроты по адресу Гейкинга и полиціи. Большинство относилось къ предстоящему подневольному путешествію, какъ къ нѣкоторой увеселительной экспедиціи. Всѣ, за исключеніемъ Пугинюка, были увѣрены, что ссылка долго не продлится. Ну—недѣли двѣ-три не болѣе. Да иначе вѣдь и быть не можетъ! За что же, въ самомъ дѣлѣ, карать суровѣе? Были волненія—что жъ тутъ особеннаго? Не проходитъ года, чтобъ студенчество не поволновалось хоть немного. На то и молодость, чтобъ живѣе, интенсивнѣе реагировать на факты окружающей дѣйствительности. Притомъ же волненія вызваны были попѣющею и всѣми признанною несправедливостью. Правда—на сторонѣ студен-

чества, и оно руководилось чистыми, морально прекрасными побужденіями. Такъ разсуждала почти вся гауптвахта. Тщетно Пугинюкъ и нѣкоторые другіе совѣтовали подготовиться къ худшему, ссылаясь на исконныя свойства режима, тупаго, холоднаго, безжалостнаго, бездушнаго, тщетно приводили недавніе, всѣмъ извѣстные примѣры,—никто почти не придавалъ должнаго значенія подобнымъ доводамъ. Иные полагали даже, что Пугинюкъ намѣренно злоупотребляетъ мрачными красками, чтобъ вызвать раздраженіе, внушить къ режиму ненависть и отвращеніе.

Изъ старыхъ моихъ товарищей въ объявленный полицейскій списокъ попали Ювеналіевъ и Когутовъ. Укладка не заняла времени, такъ какъ вещей у всѣхъ было немного.

Начальникъ караула предложилъ намъ совмѣстную прогулку на «воздухѣ». Отъ плаца, на окраинѣ котораго стояла гауптвахта, она отдѣлялась галлереей вродѣ навѣса, поддерживаемаго со стороны плаца колоннами со сводами. Галлерея эта и была отведена намъ для прогулки и для свиданій; за колонною разставлена была цѣпь часовыхъ, а потомъ протянута веревка, за которою стояли лица, пришедшія на свиданіе. Къ Пугинюку пришла его жена, а къ Гольденбергу—его родители и двѣ сестры, молоденькія хорошенькія дѣвушки; впослѣдствіи, сколько мнѣ извѣстно, онѣ были сосланы въ Западную Сибирь. Старики Гольденберги плакали, глядя на сына, что сконфузило юношу, и онъ былъ свиданіемъ недоволенъ [2]). Ко мнѣ никто не пришелъ.

Вечеромъ мы провели за общимъ чаемъ, для котораго группировались, по мѣрѣ возможности, то въ той, то въ другой камерѣ. Говорили, разумѣется, о предстоящемъ путешествіи, въ которомъ уже перестали сомнѣваться — женѣ Пугинюка сообщили по этому поводу совершенно опредѣленныя свѣдѣнія—и изощрялись въ предположеніяхъ о томъ, что насъ ожидаетъ. Молодежь думала, что будетъ разослана домой къ родителямъ. Жена Пугинюка сообщила также, что нѣсколько предназначенныхъ къ высылкѣ человѣкъ си-

[2]) Вся семья Гольденберговъ, не исключая и стариковъ, подвергалась сильнымъ преслѣдованіямъ со стороны правительства. Кстати, нѣсколько словъ объ этомъ предательствѣ, которое поведено за собою такія колоссальныя послѣдствія. Вопросъ о немъ, исторически далеко еще, къ сожалѣнію, не выяснены. Лично мнѣ съ террористомъ Гольденбергомъ никогда не приходилось сталкиваться, но я много о немъ слышалъ отъ общихъ знакомыхъ и, на основаніи всѣхъ разсказовъ, заключаю, что по своей натурѣ Гольденбергъ предателемъ не былъ. Былъ онъ человѣкомъ недальняго ума, нетвердыхъ принциповъ, мало развитой нѣсколько тщеславный, нервный, склонный къ алкоголизму, но въ существѣ своемъ искренній и честный. Продолжительное одиночное заключеніе расшатало его нервную систему; возможно, что его и подпаивали, и онъ совершенно добросовѣстно поддался на жандармскую удочку. Желая спасти не то что понавшихъ въ бѣду товарищей, членовъ партіи, а всю Россію, онъ и далъ свои роковыя показанія. Онъ такъ былъ увѣренъ, что дѣлаетъ нѣчто великое и прекрасное, что однажды, когда мимо его окна проводили кого-то изъ отправляющихся на каторгу, онъ крикнулъ: «не унывай! скоро и тебя, и всѣхъ освободятъ: я веду съ правительствомъ переговоры относительно конституціи». Когда онъ удивилъ себя, наконецъ, истинное значеніе того, что онъ сдѣлалъ, онъ въ отчаяніи покончилъ съ собой.

дятъ въ другихъ мѣстахъ заключенія и, что вслѣдъ за нами ожидается еще массовая высылка.

Главнымъ событіемъ слѣдующаго дня былъ отъѣздъ товарищей. Съ утра явились полицейскіе по одному на каждаго изъ увозимыхъ и потомъ потребное количество извозчиковъ. Когда сборы были окончены и всѣ формальности выполнены, товарищи, сердечно съ нами простившись, размѣстились на извозчикахъ, при чемъ рядомъ съ каждымъ усѣлся конвоиръ полицейскій. По данному начальникомъ кортежа сигналу извозчики тронулись, но направились, къ нашему удивленію, не черезъ плацъ въ сторону желѣзнодорожнаго вокзала, а въ прямо противоположную, и скоро отъѣзжавшіе, провожаемые съ галлереи нашими прощальными криками, скрылись за ближайшимъ выступомъ крѣпостного брустверa.

Отправлявшій товарищей чиновникъ объявилъ намъ, оставшимся, что на завтра наша очередь и просилъ подготовиться. Мы въ сущности были уже готовы.

Послѣ увоза товарищей гауптвахта казалась опустѣвшею, а оставшіеся заключенные сдѣлались сосредоточеннѣе. Разъ что выѣздъ былъ неизбѣженъ — всѣмъ хотѣлось, чтобъ онъ состоялся скорѣе. Разговоры какъ-то не клеились, и всѣ больше сидѣли по камерамъ, хотя онѣ оставались открытыми. Послѣ полудня опять предложена была прогулка и свиданія. Къ Пугинюку снова пришла жена, а къ Гольденбергу—родители и сестры. Пугинюкъ сообщилъ, что товарищей увезли по Курской дорогѣ и отправили не съ вокзала, а съ товарной станціи, расположенной ближе къ желѣзнодорожному днѣпровскому мосту въ районѣ крѣпости. Вслѣдствіе этого проводы удались не вполнѣ. Провожавшіе разбились на двѣ группы: одна дежурила у вокзала, а другая—на товарной станціи. Старикъ-Гольденбергъ сообщилъ сыну, что подалъ генералъ-губернатору Черткову прошеніе о скоѣгченіи участи и невысылкѣ сына изъ Кіева. Юноша былъ въ отчаяніи и рѣзко порицалъ предпринятую родителемъ мѣру. Ко мнѣ опять никто не пришелъ... Наканунѣ я черезъ посредство Пугинюкъ послалъ женѣ записку съ извѣщеніемъ, гдѣ я, что со мною случилось и просилъ повидаться. Сегодня Пугинюкъ сообщила, что записка передана по адресу. И все-таки жена на свиданье не явилась!..

Настало, наконецъ, 1-ое апрѣля 1878 года. Утромъ на гауптвахту прибылъ нарядъ полицейскихъ и достаточное количество извозчичьихъ дрожекъ. Начальникъ наряда вызвалъ насъ поименно, а Гольденбергу объявилъ, что, вслѣдствіе ходатайства отца, онъ пока останется на гауптвахтѣ. Бѣдный юноша плакалъ отъ горя и досады.

Мы размѣстились на дрожкахъ по той же системѣ, какъ первая наша партія, и тою же дорогою черезъ крѣпость поѣхали на товарную станцію. Тутъ намъ нужно было подождать курскаго поѣзда, который долженъ былъ придти отъ главнаго пассажирскаго вокзала. На перронѣ станціи мы застали толпу провожающихъ численностью человѣкъ свыше ста. Нѣсколько въ сторонѣ стояла

моя жена, одѣтая по-дорожному съ вещами. Около жены стоялъ околоточный. Рядомъ стояли тоже съ вещами Пугинюкъ и Когутова, но при нихъ полицейскихъ не было.

На станціи насъ ожидала конвойная команда изъ солдатъ съ ружьями, предводительствуемая околоточнымъ. Солдаты и полицейскіе окружили насъ и взялись за руки, чтобъ не допустить провожавшихъ. Но послѣдніе мигомъ разорвали эту слабую цѣпь и смѣшались съ нами. Начальникъ конвоя попробовалъ было протестовать, но настроеніе публики было таково, что онъ поспѣшилъ стушеваться.

Проводы отличались восторженно сердечнымъ характеромъ. Состоявшая преимущественно изъ молодежи обоего пола толпа жала намъ руки, обнимали, цѣловали, высказывали наилучшія пожеланія и прежде всего пожеланія скорѣйшаго возвращенія... Просили подробно обо всемъ писать, все сообщать... предлагали посильную матеріальную помощь и сейчасъ, и въ будущемъ... На меня проводы эти произвели неизгладимое впечатлѣніе. Подобные моменты рѣдко бываютъ въ жизни, ихъ трудно описывать, но ихъ не забудешь до гробовой доски...

Если бы мы выразили желаніе, толпа по первому слову увела бы насъ назадъ, въ городъ. И вообще бѣжать со станціи и скрыться не представляло никакихъ затрудненій. Но никому изъ насъ и въ голову не приходило что-нибудь подобное.

Къ станціи подлетѣлъ курскій поѣздъ. Съ нимъ пріѣхали тѣ, кто дежурилъ на пассажирскомъ вокзалѣ...

Наконецъ, начальникъ конвоя началъ умолять насъ поскорѣе садиться въ вагонъ, такъ какъ мы задерживаемъ отправку и губимъ его. Еще нѣсколько крѣпкихъ, сердечныхъ рукопожатій, объятій, поцѣлуевъ, и мы очутились въ вагонѣ, куда вещи наши давно уже перенесены были полицейскими.

На перронѣ раздалась чудная прощальная малороссійская пѣсня, и подъ звуки этой пѣсни мы тронулись въ путь.

Въ вагонѣ жена разсказала мнѣ, что, между тѣмъ, происходило съ нею. Напрасно всю ночь прождавъ моего возвращенія изъ участка, она утромъ отправилась къ профессору А. А. Козлову, который жилъ почти, что рядомъ, и съ которымъ у насъ были самыя дружескія отношенія. Козловъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же вмѣстѣ съ женою отправился въ участокъ наводить справки. Въ участкѣ приставъ не скрылъ истины, сказалъ, что я, по распоряженію жандармскаго управленія, арестованъ и сижу въ крѣпости. Въ то же время онъ освѣдомился, почему именно «сударыня» интересуется мною—родственникъ я ей что-ли?

— Это же мой мужъ.

— Мужъ? Да развѣ онъ женатъ? У насъ онъ значится холостымъ. Можете вы удостовѣрить, что вы за нимъ замужемъ?

Разсчитывая просить свиданія, жена, по совѣту Козлова, захватила съ собою подлежащій документъ и показала его приставу.

— Какъ! Вы бывшая госпожа Цимбалистова (дѣвичья фамилія

жены), а мы-то васъ, сударыня, по всей Россіи ищемъ! Писали въ Петербургъ—оттуда: «отмѣчена въ Кіевъ»; искали здѣсь—нѣтъ васъ да и только! Какъ въ воду канули! А вы замужъ изволили выйти и фамилію перемѣнить.—Относительно свиданія приставъ рекомендовалъ обратиться къ коменданту крѣпости, куда жена немедленно и отправилась вмѣстѣ съ Козяковымъ. Комендантъ объявилъ, что, помимо сношенія съ жандармскимъ управленіемъ, онъ разрѣшить свиданія не можетъ, но что сейчасъ же пошлетъ по этому поводу запросъ, и просилъ зайти еще.

Между тѣмъ приставъ донесъ жандармскому управленію, что Цимбалистова, наконецъ, разыскана. Оттуда послѣдовало распоряженіе: арестовать и выслать вмѣстѣ съ мужемъ. Надлежащее сообщеніе дано было и коменданту крѣпости. Когда жена явилась къ нему вторично, онъ сказалъ, что «къ сожалѣнію» разрѣшить свиданія не можетъ, но «сударыня» пусть не безпокоится, такъ какъ на основаніи самыхъ положительныхъ данныхъ онъ можетъ ее увѣрить, что разлука съ мужемъ будетъ непродолжительна, и что она скоро мужа увидитъ.

Вернувшись къ себѣ домой, жена застала полицейскаго, объявившаго, что она подвергнута домашнему аресту и затѣмъ вмѣстѣ со мною будетъ выслана изъ Кіева. Домашній арестъ состоялъ въ томъ, что къ женѣ приставили переодѣтаго въ штатское городового, который дома сидѣлъ на кухнѣ, а на улицѣ ходилъ по противоположному тротуару. Утромъ 1-го апрѣля явился околоточный и доставилъ жену на товарную станцію.

Что все это значило? Неужели и я, и жена подвергаемся административной ссылкѣ только изъ-за предпріимчивости какого-то вора станового пристава! Это казалось возмутительно невѣроятнымъ, и я рѣшилъ всѣми способами добиваться истины и справедливости.

Поѣздъ прошелъ между тѣмъ желѣзнодорожный мостъ, и я высунулся въ окошко, чтобъ взглянуть на Кіевъ. День былъ яркій, солнечный, теплый; сирень—въ полномъ цвѣту. Кіевъ представился во всей своей красѣ и казался засыпаннымъ нѣжно лиловыми и бѣлыми букетами...

Ад. Яловецкій.

Въ Шлиссельбургской крѣпости [1]).

Расцвѣтъ хозяйственной дѣятельности.

Политика внутренняя и внѣшняя.

I.

Переходя къ организаціи мастерскихъ, я вынужденъ снова вернуться назадъ. До какой степени въ первые годы былъ не ко двору у насъ какой бы то ни было ручной трудъ, можно видѣть изъ одного забавнаго случая, который я разскажу сейчасъ.

Это было болѣе, чѣмъ черезъ годъ послѣ моего водворенія здѣсь. Во время ванны, какъ я говорилъ ранѣе, камера обыскивалась, обыскивалась и только что снятая верхняя одежда самимъ тщательнымъ образомъ (хотя въ ней никакихъ кармановъ не полагалось). Обыскъ производился не менѣе, какъ двумя унтерами, при чемъ второй, очевидно, контролировалъ перваго. Если одежда требовала ремонта, ее тутъ же чинили, конечно, крайне примитивнымъ образомъ. Все это дѣлалось на глазахъ у мывшагося, такъ какъ ванна помѣщалась тогда въ дежурной комнатѣ.

Случилось какъ-то, что послѣ такой операціи съ моимъ костюмомъ жандармы обнаружили у себя пропажу иголки. Вѣроятно, обыскавши всю свою комнату, они убѣдились, что иголка не иначе, какъ осталась воткнутой въ одежду. Примѣрно черезъ $^1/_2$ часа послѣ того, какъ я вымылся, ко мнѣ въ камеру пришелъ упомянутый выше «Классикъ» съ жандармами и усердно просилъ поискать у себя, нѣтъ ли иголки, и затѣмъ возвратить ему. Я недоумѣваю, почему эта тревога, и что за бѣда, если бы она и совсѣмъ у меня осталась?

Классикъ отвѣчаетъ: «Что вы? Вѣдь это инструментъ»! И въ тонѣ его обнаружилась такая растерянность, точно онъ подлежалъ уголовному суду за тайную передачу арестанту какого-нибудь смертоноснаго орудія. Не найдя у меня ничего, они пошли къ Лукашевичу, который мылся ранѣе меня, и были чрезвычайно довольны,

[1]) См. „Былое“ кн. 4, 6 и 7.

отыскавши у него свою пропажу. Съ радости, или въ награду, «Классикъ» послѣ этого цѣлую недѣлю пускалъ насъ гулять вдвоемъ и притомъ по двѣ смѣны.

Понятно, поэтому, что дѣло о мастерскихъ туго подвигалось впередъ, хотя въ инструкцію давно внесено было разрѣшеніе заниматься работами. Вопросъ о нихъ поднимался постоянно, но особенно часто напоминали объ этомъ высокимъ посѣтителямъ наши рабочіе, привыкшіе къ ручному труду и скучавшіе безъ него больше, чѣмъ мы. Я же лично относился тогда къ физическимъ работамъ очень равнодушно. Я не цѣнилъ ихъ даже, какъ моціонъ, потому что съ первыхъ же мѣсяцевъ заключенія началъ заниматься гимнастикой и проводилъ каждое утро не менѣе $^1/_2$ часа въ разныхъ акробатическихъ упражненіяхъ.

Вставши утромъ, я обмывалъ водой, которой тамъ всегда было большое изобиліе, верхнюю часть туловища (и зимой и лѣтомъ). Конечно, при этомъ я страшно брызгался и потому принужденъ былъ потомъ вытирать полъ насухо. Это—фигура первая. Затѣмъ, все еще безъ рубашки, начинались попытки стать на руки головою внизъ, ногами къ небу — это фигура вторая, и т. д. Для дежурнаго, который неизмѣнно заглядывалъ въ стекляшко, должно быть это было занятное зрѣлище; оконную форточку при этомъ я держалъ открытой и зимой (наловчившись самъ лазить на окно и открывать ее), и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ сравнительную нечувствительность къ холоду. Со временемъ я сталъ хлопотать объ устройствѣ душа въ пустой свободной камерѣ; и онъ, дѣйствительно, былъ устроенъ (съ сильнымъ напоромъ воды), а затѣмъ туда же перенесли и ванну, такъ что мыться уже стали безъ соглядатаевъ. Подъ душъ я ходилъ регулярно каждый день, кажется, лѣтъ 12 и разстался съ нимъ не безъ сожалѣнія.

II.

Какъ я уже сказалъ, къ ремесламъ я былъ равнодушенъ. И когда дѣло разрѣшенія ихъ стояло уже на мази, и Федоровъ спросилъ меня однажды, какимъ именно ремесломъ я думаю заняться, я былъ въ большомъ затрудненіи.

— Башмачнымъ.—сказалъ я, наконецъ, думая, что это—самое легкое изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, и, значитъ, самое доступное. Притомъ, у сапожника мнѣ, какъ и всякому, приходилось бывать нерѣдко, а другихъ мастерскихъ я даже не видывалъ, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ дѣтскаго возраста.

Сначала открыли одну только столярную (кажется въ 90 г.) и представили ее Варынскому, какъ человѣку, уже сильно страдавшему одышкой, для моціона. Онъ сдѣлалъ недурной сапожный столикъ, и когда кончилъ его, я приглашенъ былъ въ мастерскую въ «сарай»—двигать башмачное дѣло. Мнѣ дали колодку, кожу и инструменты и предложили сдѣлать башмаки для Лукашевича, такъ

какъ для его феноменальной ноги казенная обувь была тѣсна, и ему дѣлали ее на заказъ.

Не мало тутъ пришлось мнѣ поломать голову, чтобы собразить, какъ прикрѣпляется подошва. Можетъ быть, я и не рѣшилъ бы этой задачи, если бы не догадался спросить старые башмаки и распороть ихъ; вся премудрость обнаружилась сдѣсь воочію. Но и сверхъ того, оставались еще многія детали, которыя казались мнѣ неразрѣшимыми. Къ счастью, въ это время сидѣлъ рядомъ со мной П. Л. Антоновъ,—на всѣ руки мастеръ. Я возвращался домой и стукомъ передавалъ ему всѣ мои недоумѣнія и затрудненія, которыя онъ тѣмъ же путемъ терпѣливо и разъяснялъ мнѣ, вѣроятно, не мало дивясь моей наивности.

Какъ бы тамъ ни было, но, примѣрно черезъ мѣсяцъ, пара башмаковъ была готова. Я утѣшалъ себя тогда тѣмъ, что первый русскій корабль въ Воронежѣ строился еще дольше. Описывая всю тогдашнюю волокиту, Соловьевъ въ утѣшеніе читателя говоритъ: «какъ ни долго строили, а все-таки выстроили»! Выстроилъ и я свои башмаки. Впослѣдствіи я слыхалъ, что, когда въ 70-хъ годахъ заводились артельныя мастерскія людьми, искавшими единенія съ народомъ, то у нихъ башмакодѣланіе шло не съ большей быстротой, чѣмъ у меня, предоставленнаго исключительно собственнымъ силамъ. Въ рѣдкихъ случаямъ, при окончаніи рабочаго времени (передъ чаемъ), когда за мной приходилъ вахмистръ, онъ кое-что указывалъ мнѣ. Но самъ онъ, кажется, не умѣлъ шить, а судилъ, какъ всякій солдатъ, постоянно видавшій сапожную работу.

Таково было начало. Это же было началомъ и легализированныхъ разговоровъ съ унтерами, при чемъ вначалѣ слово было предоставлено исключительно одному вахмистру.

III.

Послѣ этого подвига мнѣ предложено было зарекомендовать себя въ столярной такимъ же успѣхомъ. Варынскій, должно быть, утомился, еще болѣе расхворался и не ходилъ уже въ мастерскую. На его мѣсто привели меня въ столярную, точно также послѣ обѣда, заперли и ушли. Смотрю я тутъ на разные инструменты, удивляюсь премудрости человѣческаго генія, изобрѣвшаго такія остроумныя штучки, о назначеніи коихъ я никогда бы не догадался, хоть 100 лѣтъ просиди тамъ. Помню, особенно рейсмасъ поразилъ меня своимъ хитроумiемъ, и я мысленно порѣшилъ, что это, навѣрное, машинная работа, потому что такъ тонко не въ силахъ оборудовать его человѣческая рука.

Запирая дверь, мнѣ сказали, что нужно выстрогать доску (около 2 арш. длиной). Я храбро принялся за работу, усердно старался, еще усерднѣе утиралъ потъ, перебралъ всѣ инструменты, о которыхъ я могъ догадываться, что ими строгаютъ, и, увы, доски этой за 3 часа я все же не успѣлъ выстрогать! Не знаю, сколько по-

томъ понадобилось мнѣ дней, (одинъ, два или три), пока я не догадался о причинѣ моей неудачи. Ларчикъ просто открывался: оказалось, что всѣ инструменты были безподобно тупы. Я гордился такимъ открытіемъ, потому что оно было продуктомъ исключительно единоличнаго моего разума. Но доискаться причины и удалить ее—далеко не одно и то же. Долго и много я точилъ, такъ долго, какъ это можно дѣлать только тамъ, гдѣ я сидѣлъ, и гдѣ спѣшить было рѣшительно некуда. Но все-таки я не сумѣлъ наточить! Не обошлось и здѣсь безъ помощи стука и разъясненій Антонова. Таково было второе начало.

Послѣ этого не прошло и двухъ лѣтъ, какъ я самъ уже могъ сдѣлать точно такой же рейсмасъ, который такъ удивилъ меня въ первый день тонкостью своей работы. А теперь, когда мои коллекціи и др. издѣлія разошлись довольно широко, не мнѣ уже говорить о результатахъ, къ которымъ привело это далеко не блестящее начало.

Долгое время дѣйствовали только эти двѣ мастерскихъ. Былъ ли у жандармовъ недостатокъ въ средствахъ, чтобы завести ихъ разомъ нѣсколько штукъ, или, вѣрнѣе, всюду разлитая боязнь разрѣшать сразу какое бы то ни было нововведеніе, но только новыхъ мастерскихъ пока не открывали, а въ этихъ работали поочередно, при чемъ администрація допускала туда не всѣхъ одинаково охотно. Даже значительно позже, когда мы уже всѣ пользовались этой «льготой», Антонову еще не разрѣшали ея и держали его на особомъ положеніи. Между тѣмъ его «поведеніе», которое служило условіемъ полученія льготы, ничѣмъ не отличалось отъ поведенія всѣхъ остальныхъ.

IV.

Когда и при какихъ условіяхъ была организована переплетная мастерская, я рѣшительно не помню. Не помню я также начала и расцвѣта ажурныхъ работъ, которыя предшествовали всѣмъ другимъ, и которыми одно время, за неимѣніемъ ничего лучшаго, многіе увлекались, особенно дамы. Манучаровъ, В. Ивановъ и Похитоновъ были спеціалистами этого дѣла и создали много изящныхъ вещицъ, которыя разошлись по рукамъ жандармовъ и департаментскихъ чиновниковъ. Но самъ я ажурами не занимался.

Точно также почему-то очень долго сторонился я и отъ переплетной работы. Мнѣ казалось, что она предназначена исключительно для больныхъ и слабосильныхъ, а здоровому человѣку не даетъ никакого упражненія. По единообразію же пріемовъ она представлялась мнѣ очень скучной, неспособной дать пищи творческому воображенію. И первый починъ въ переплетномъ дѣлѣ я сдѣлалъ только тогда, когда оно стало обязанностью для всѣхъ. Эту науку я началъ уже въ «сараѣ», подъ руководствомъ одновременно Вѣры Николаевны и М. Ф. Фроленко. Мы съ Фроленко расположились со всѣмъ переплетнымъ багажомъ на корридорѣ, возлѣ

двери столярной мастерской Вѣры Николаевны. Форточка въ ея двери была открыта, и мы поминутно передавали въ нее другъ другу книги и матеріалы. Прессы у насъ были на корридорѣ, и всякую деталь работы, не требующую зажатія, Вѣра Николаевна исполняла сама, а зажимать подавала намъ. Ученикомъ я оказался понятливымъ, судя по тому, что переплетя вмѣстѣ съ ними партію книгъ, я въ слѣдующій разъ приступилъ къ работѣ уже одинъ.

Токарная была открыта года черезъ 2 или 3 послѣ начала работъ. Помню, какъ Гангартъ во время какого-то обычнаго интервью по поводу нашихъ ремесленныхъ нуждъ впервые предупредилъ меня, что онъ скоро дастъ намъ токарный станокъ. Я сказалъ, что не имѣю ни малѣйшаго представленія объ этой работѣ, и сомнѣваюсь, буду ли я въ состояніи оказать въ ней какіе-нибудь успѣхи. Онъ отвѣтилъ, что это очень просто и даже разсказалъ, какъ это дѣлается. Отъ этого мои представленія очень мало прояснились.

Когда же станокъ былъ оборудованъ, кажется, при помощи Антонова (старенькій и первобытнаго устройства), я пришелъ какъ-то къ нему впервые посмотрѣть, что это за штука. Въ это время намъ уже разрѣшено было работать вдвоемъ и притомъ ходить въ мастерскую по собственному выбору къ тому или другому товарищу. Хотя въ дѣтствѣ я обнаруживалъ нѣкоторый интересъ къ ручному труду и, въ частности, къ сложнымъ механизмамъ, но не видывалъ почти ни одного изъ нихъ (кромѣ мельницъ), и передъ машиной испытывалъ какую-то странную робость, точно это орудіе превосходитъ всякое мое разумѣніе. Такъ и токарный станокъ казался мнѣ машиной. Уже одно то, что эта штука постоянно вертится, и вертится какъ бы автоматически (ножное движеніе почти незамѣтно) приводило меня въ немалое смущеніе.

Антоновъ въ 5 минутъ разсказалъ мнѣ всѣ главные пріемы работы и затѣмъ предоставилъ меня всецѣло самому себѣ. Это было четвертое начало, при обстоятельствахъ столь же благопріятныхъ для начинающаго, какъ и въ переплетной работѣ.

V.

Но это было значительно позднѣе. Прошло уже добрыхъ 2 года съ тѣхъ поръ, какъ устроены были столярная и сапожная, и какъ мы дѣлали въ нихъ въ одиночку свои первые мудреные опыты.

Корень ученія горекъ, должно быть всякаго ученія. У насъ же притомъ были всѣ данныя, чтобы обострить эту горечь. Трудно теперь представить всю массу неблагопріятныхъ условій, которыя приходилось тогда преодолѣвать, чтобы сдѣлать хоть какіе-нибудь успѣхи. Едва ли гдѣ-нибудь и когда-нибудь дѣлались опыты обученія ремеслу въ условіяхъ аналогичныхъ нашимъ. Въ тюрьмахъ, какъ общее правило, научаютъ ремеслу. Но каждый новичекъ учится тамъ у какого-нибудь другого мастера, будетъ ли это товарищъ по

несчастію, надзиратель, или спеціально приставленный руководитель. Быть можетъ, наша администрація, разрѣшая намъ мастерскія, нарочно оставила ихъ въ тѣхъ невозможныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы жили, въ разсчетѣ, что побалуются люди, да и перестанутъ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлать что-нибудь путное, не видавши ни разу въ жизни ни верстака, ни коловорота? Возможно ли что-нибудь задумать и осуществить въ пустой камерѣ, гдѣ брошены были точно на смѣхъ 2—3 обрубка дерева и нѣсколько негодныхъ старыхъ досокъ?

Но нашему упорству не было границъ. Къ мастерскимъ мы не только не охладѣли, но скоро же воспользовались ими, какъ тараномъ, чтобы проламывать новыя бреши въ суровомъ режимѣ, недавно казавшемся нерушимымъ. Всякій вѣдь режимъ разрушается жизнью, и разрушается тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ больше онъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ жизни. Внеси во всякую китайщину новыя условія и новыя потребности, и старыя нормы тотчасъ заколеблются. Въ нашей жизни строго была проведена одна норма, бывшая устоемъ ея,—полное изолированіе насъ другъ отъ друга. Въ видѣ исключенія, которое соблюдалось неукоснительно, мы могли видѣться съ товарищами только на дворѣ, точно предполагалось, что два опасныхъ человѣка, сойдясь вмѣстѣ, образуютъ такую разрушительную силу, которую нельзя спускать съ глазъ, и предъ которой цѣлый десятокъ жандармовъ долженъ быть постоянно настороже. А потому, ни свиданіе другъ съ другомъ въ камерахъ, ни передача другъ другу записокъ, рукописей и проч., ни, тѣмъ болѣе, встрѣчи разомъ втроемъ ни коимъ образомъ не были терпимы въ нашемъ пенитенціарномъ царствѣ.

Въ частности, свиданія въ жилыхъ камерахъ считались безусловно недозволительными. И на этотъ счетъ въ самой послѣдней инструкціи, созданной уже во время наибольшихъ у насъ свободъ, былъ введенъ нелѣпѣйшій §. Въ немъ говорилось, что свиданіе въ спальнѣ можетъ состояться не иначе, какъ въ присутствіи смотрителя, и о каждомъ такомъ свиданіи, равно какъ о причинахъ онаго, должно быть доводимо немедленно до свѣдѣнія департамента полиціи. Понятно, что такое правило или обходилось, или совсѣмъ не соблюдалось.

VI.

Разрѣшеніе мастерскихъ вскорѣ же выдвинуло на сцену всѣ дальнѣйшія разрѣшенія. Практика имѣетъ свою логику. Если намъ разрѣшили, скажемъ, сѣять рѣпу, и при этомъ не прибавили, что вы можете для этого пользоваться почвой, то вы даже отъ жандармовъ можете вытребовать себѣ послѣднюю, руководясь данными вамъ правомъ. Точно также и въ ремеслѣ. Когда оборудовано было 8 или 9 столярныхъ, и во всѣхъ нихъ работали, трудно было удержать ихъ въ той же изоляціи другъ отъ друга, въ какой держали жильцовъ совершенно пустыхъ камеръ.

Самый наборъ инструментовъ требовалъ постоянныхъ сношеній. Болѣе рѣдкіе и дорогіе изъ нихъ находились всего въ одномъ или двухъ экземплярахъ, и потому, въ случаѣ надобности, неизбѣжно приходилось посылать за ними дежурныхъ къ сосѣду. Дежурные, вообще незнакомые со столярнымъ дѣломъ, были плохими предатчиками такихъ порученій и постоянно путали. Зенковка, коловоротъ, шпунтубель, цикубель, галтель, калевка — для нихъ былъ звукъ пустой. А исполнивши порученіе неправильно, дежурный рисковалъ попасть между двухъ огней и выдержать перепалку съ той и другой стороны. Если же онъ не могъ самъ быть точнымъ, онъ долженъ пѣредать записку отъ одного къ другому, гдѣ объ этомъ говорилось также. Это было до такой степени очевидно для самихъ жандармовъ, что, когда позднѣе Карповичъ былъ совершенно изолированъ отъ насъ и однако пользовался мастерской, ему позволяли писать къ намъ записки по дѣламъ его ремесла и получать обратно отвѣты. Только вахмистръ обязательно ихъ переписывалъ и передавалъ не подлинникъ, а копію! Любопытно, что этого пріема они почему-то не употребляли съ нашими письмами къ роднымъ и отвѣтами на нихъ, а передавали ихъ въ подлинникѣ, и притомъ безъ всякихъ слѣдовъ реактива.

Далѣе. Допустивши мастерскія, трудно было отказать въ разрѣшеніи работать вдвоемъ. Сѣяли въ огородѣ мы вмѣстѣ. Почему же строгать доски мы не можемъ вдвоемъ? И если, по существу дѣла, огородъ можно было разводить и въ одиночку, то столярничать въ одиночку просто немыслимо: при склейкѣ и сборкѣ крупныхъ частей необходимъ былъ какой-нибудь помощникъ. Не дадутъ намъ товарища, такъ мы будемъ звать для этого корридорныхъ и подвергать ихъ постоянному риску тлетворной заразы отъ частаго соприкосновенія съ нами. Всѣ эти соображенія появлялись сами собой и неминуемо вели къ разрѣшенію парныхъ работъ.

VII.

Затѣмъ вскорѣ же открылась потребность выхода на корридоръ. Столярамъ постоянно требуется клей. Разогрѣвался онъ дежурнымъ тутъ же, въ «сараѣ» на плитѣ. Но клеянокъ было только двѣ, а спросъ на нихъ непрерывный: одному, по ходу его дѣла, нуженъ былъ густой клей, другому—жидкій, одному—горячій, другому—чуть теплый. Никакое стараніе дежурнаго не могло угодить всѣмъ требованіямъ, а стараться ради нашихъ интересовъ они вовсе не привыкли. Простой исходъ изъ этого затрудненія подсказывался самъ собой—выпустить разогрѣвать клей самого мастера.

Но плита была почти на корридорѣ, и здѣсь лежалъ запасный лѣсъ, который здѣсь только и можно было разрѣзать на требуемыя части. Когда позволено было работать вдвоемъ, стали и на корридоръ выпускать по двое. Но въ это время рабочихъ душъ набралось въ сараѣ до 16 человѣкъ. Потребность въ выходѣ стала настоятельнѣе и чаще. Кому нужно было выйти, тотъ не могъ принимать въ соображеніе, что въ этотъ моментъ кто-нибудь грѣетъ свой клей на плитѣ и, конечно, не торопится уйти въ душную мастерскую, а другой рѣжетъ доски на корридорѣ и тоже не имѣетъ интереса спѣшить. Почему же меня не желаютъ выпустить? Развѣ я могу помѣшать тому или другому? И развѣ кѣмъ-то выдуманное требованіе на счетъ двойственнаго числа можетъ быть обязательно для меня, какъ столяра? Вѣдь я пришелъ въ мастерскую работать, а не сидѣть сложа руки да играть въ бирюльки. Почему же меня заставляютъ ждать невѣдомо чего, когда и всего-то мнѣ нужно выйти только на 2 минуты? Что нибудь одно: или разрѣшается работать, или запрещается. Если разрѣшается, почему же мнѣ на практикѣ не даютъ возможности пользоваться этимъ разрѣшеніемъ? и т. д. и т. д. Получается рядъ коллизій, и всѣ онѣ ведутъ къ одному исходу: новыя потребности нельзя втискивать въ старые законы.

Если-бы мы жили въ эпоху, когда вопросъ о нашей жизни и смерти былъ безразличенъ для правящихъ нами сферъ, онѣ бы скоро сумѣли разрѣшить эти коллизіи по-своему, какъ это и было потомъ въ министерство Плеве: вы не хотите работать въ тѣхъ рамкахъ, какія мы нашли нужнымъ прописать вамъ,—какъ хотите. Законы наши святы, и перемѣны въ нихъ вы не ждите. Но мы жили тогда въ эпоху, когда массовыя смерти не на шутку обезпокоили нашихъ блюстителей, и они во время сообразили, что мы для нихъ настоящая курица, несущая золотыя яйца; если зарѣзать насъ всѣхъ, всякому доходу конецъ, а если сохранять, и какъ можно дольше, то можно обезпечить себѣ возлѣ насъ пожизненную ренту, притомъ въ размѣрахъ, чрезвычайно соблазнительныхъ. Очевидно, надо дорожить нами (новыхъ вѣдь ужъ больше не привозятъ!) и всячески обезпечивать наше долголѣтіе. Въ этихъ видахъ мастерскія по справедливости должны считаться наиболѣе раціональнымъ средствомъ для лѣченія отъ тюремной нейрастеніи, апатіи, желудочныхъ и проч. недуговъ, связанныхъ съ безцѣльнымъ и сидячимъ образомъ жизни, а равно и для предупрежденія новыхъ подобныхъ заболѣваній.

VIII.

А тутъ еще какъ разъ рядомъ, у самаго «сарая», организовались сельско-хозяйственныя работы. Я уже говорилъ, какъ сюда постепенно водворили парники. Дворъ раздѣлялся на 2 неравныя части проходящей по нему дорогой (панелью). Парники помѣщались по одну сторону ея, и возлѣ нихъ все пространство скоро было сплошь воздѣлано. Другая, меньшая половина, оставалась еще пустыней, и при той жаждѣ земли, которая овладѣвала нами по мѣрѣ развитія сельско-хозяйственной техники и соотвѣтствующаго расширенія нашихъ замысловъ, было не легко мириться съ ея пустованіемъ. Въ то же время начальство упорно противилось ея воз-

дѣлыванію, очевидно, желая сохранить ее въ такомъ видѣ на случай неожиданнаго спроса для сооруженія эшафота.

Однажды, въ началѣ лѣта, я, не мудрствуя лукаво, вооружился лопатой и вонзилъ ее въ заповѣдную пустошь. Затѣмъ намѣтилъ направленіе будущей грядки вдоль панели и продолжалъ копать сообразно этому плану. Дежурные въ тревогѣ побѣжали за «Феклой» и поспѣшно привели его, очевидно, для пресѣченія самовольнаго захвата новыхъ земель. Начались распросы и препирательства. Я объяснилъ, что хочу только вдоль всей дороги протянуть грядку, дабы посадить на ней цвѣты, и затѣмъ пустился въ дипломатію. Цѣль моя,— доказывалъ я,—не только вполнѣ невинная, но и достойная похвалы. Вѣдь ему же, будущему подполковнику, пріятнѣе на пути въ сарай видѣть кругомъ не сорныя травы, а бордюры цвѣтовъ (Фекла начинаетъ таять). Не говорю уже о томъ, что и высшее начальство съ большимъ удовольствіемъ пройдется здѣсь среди цвѣточныхъ насажденій, чѣмъ среди лопуховъ, крапивы и чертополоха (Фекла побѣждается, предвкушая, что ему будетъ отъ начальства одобреніе за это удовольствіе).

Я привелъ нарочно эту аргументацію, какъ образчикъ того, какимъ образомъ приходилось завоевывать непринадлежащія намъ земли (или права), и какимъ образомъ мы добивались у подобнаго члена нашей администраціи того, въ чемъ открывалась надобность, и въ чемъ отказъ не имѣлъ ни смысла, ни основаній. Федоровъ теперь уступилъ, но съ условіемъ, что я сдѣлаю только то, что обѣщалъ, и отнюдь не буду расширять своей культуры. Обязательство было дано, и цвѣты насажены.

Но мое обязательство не связывало никого другого изъ товарищей. И потому естественно, что черезъ годъ начались расширенія захватныхъ владѣній и новые дипломатическіе переговоры, не менѣе краснорѣчивые и убѣдительные, чѣмъ тѣ, какіе велъ я, вродѣ того, что Новорусскому позволилъ, а мнѣ не позволяетъ, что у него нѣтъ самаго элементарнаго принципа справедливости, что управлять цѣлымъ народомъ съ такой двойственной политикой, значитъ вызывать революцію; что расширеніе это дѣлается только на 1 годъ, и исключительно для салата, который, какъ доказано опытомъ и подтверждено докторомъ, полезенъ отъ цынги; что препятствуя этому, онъ самъ обрекаетъ насъ на новыя заболѣванія и т. д. и т. д.

Разумѣется, кончилось тѣмъ, что весь дворъ былъ «завоеванъ» и обработанъ. Много труда было вложено въ него. Грунтъ, какъ я говорилъ, здѣсь былъ каменистый и почти на $1\frac{1}{2}$ арш. сплошь состоялъ изъ остатковъ древнихъ строительныхъ матеріаловъ. Только изрѣдка кое гдѣ лежали тонкіе пласты почвы. Нужно было пробить всю толщу этого мусора и докопаться до настоящей рыхлой подпочвы, которая состояла частью изъ глины, частью изъ мелкаго, наноснаго бѣлаго песку. Чтобы добыть то и другое, проламывали ямы до $1\frac{1}{2}$ саж. въ діаметрѣ, камень отбрасывали въ сторону, а со дна вычерпывали глину и песокъ до такой глубины, съ

какой только можно выбросить землю на поверхность. Иногда это искомое добывалось даже посредствомъ ведра, которое одинъ опускалъ въ яму, а другой, сидѣвшій тамъ, наполнялъ. Когда добывать больше оказывалось не подъ силу, на дно ямы сваливался мусоръ, бывшій на поверхности. И если яма подготовлялась для посадки дерева, то въ нее сверху сыпался значительный слой рыхлой смѣси, частью только что добытой изъ глубины, частью принесенной изъ огородовъ съ новаго двора, или вынутой изъ парниковъ. Если же здѣсь проектировались огородныя насажденія, то яма почти вся засыпалась камнемъ и мусоромъ и только на $\frac{1}{2}$ арш. сверху клалась рыхлая почва.

Благодаря такимъ трудамъ намъ удалось весь дворъ, такъ сказать, перевернуть вверхъ дномъ и сдѣлать его годнымъ для насажденій. Въ 1904 г., осенью, когда оказалось настоятельно необходимымъ очистить это лобное мѣсто, насъ, послѣ многихъ предупрежденій, рѣшительно погнали со двора. Парники, какъ я говорилъ, были цѣликомъ выстроены заново, а земля вся выношена большею частью на носилкахъ въ наши огороды: не пропадать же, стать, нашимъ трудамъ! Значительная часть этой земли, такимъ образомъ, дважды пробѣжалась на нашихъ плечахъ туда и обратно.

IX.

И вотъ, когда парники и проч. на дворѣ были оборудованы, и наступала весна, тотчасъ же опытъ жизни предъявлялъ къ нашему режиму самыя сокрушительныя требованія. Нельзя было, находясь на дворѣ, не заходить въ «сарай». Всевозможныя мелочи сельскохозяйственныхъ работъ не могли быть предусмотрѣны заранѣе. То нужна подпорка для рамы, то заплата къ парнику, то молотокъ, то стамеска либо пила, то теплая вода для поливки, то зола для удобренія, то сѣмена, то горшки, оставшіеся въ мастерской. Ходьба была безпрерывная, и нужды парниковыя—неотложныя. Онѣ не могли подчиняться инструкціямъ и ждать, когда освободится корридоръ, чтобы можно было пройти по нему; если разбилъ стекло въ парникѣ, и дуетъ сѣверный вѣтеръ, нужно закрыть или задѣлать дыру какъ можно скорѣе, чтобы не поморозить всѣ продукты своихъ трудовъ.

Такимъ образомъ, подъ дружнымъ натискомъ съ обоихъ фланговъ, со двора и съ корридора, исконныя основы нашей жизни были расшатаны въ конецъ: одна изъ самыхъ первыхъ брешей въ нихъ была сдѣлана мною и Н. Д. Похитоновымъ при счастливомъ содѣйствіи самой нашей администраціи. Гангартъ заказалъ намъ ограду для обнесенія «братской могилы» воиновъ, павшихъ при взятіи крѣпости. По даннымъ чертежамъ, ограда должна была состоять изъ массивныхъ точеныхъ балясинъ, установленныхъ, кажется, по 25 штукъ между двумя вкопанными толстыми столбами. Спеціалисты токари (Лаговскій, Шебалинъ, В. Ивановъ и др.) взя-

лись точить балясины, а я, Похитоновъ, Панкратовъ, Мартыновъ и др.—устраивать столярныя части и дѣлать пробную установку.

Когда первыя части были готовы, понадобилось сдѣлать ихъ примѣрную сборку и, значитъ, работать на корридорѣ, о чемъ въ то время даже и помышлять нельзя было. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ присутствіи властей, которыя сами натолкнули на это. А извѣстно вѣдь, какъ дорогъ первый опытъ!

Затѣмъ около того же времени къ намъ поступилъ младшимъ помощникомъ штабъ ротмистръ Пахаловичъ, котораго, по его словамъ, за симпатіи къ намъ впослѣдствіи Гангартъ звалъ соціалистомъ. Такъ какъ «сарай», какъ арена нашей рабочей дѣятельности, былъ подчиненъ непосредственно младшему помощнику, завѣдывавшему хозяйственной частью, и другому вахмистру, завѣдывавшему спеціально мастерскими, то въ немъ, при доброй волѣ ближайшаго начальника, очень скоро стали устанавливаться признаки «автономіи». Всякое двоевластіе, говорятъ, гибельно, вопросъ только, для кого и для чего.

Первые шаги Пахаловича были чрезвычайно робки. Онъ самъ украдкой ловилъ тѣ немногія секунды, которыя удавалось поймать, чтобы сказать наединѣ нѣсколько словъ. Кончилось же тѣмъ, что онъ разъ навсегда отогналъ отъ себя «нижнихъ чиновъ», соглядатаевъ при офицерѣ, бесѣдовалъ съ нами по цѣлымъ часамъ наединѣ, съ глазу на глазъ, и группами, даже—horribile dictu—называлъ насъ иногда по имени и отчеству и, въ концѣ концовъ, при нашемъ благосклонномъ содѣйствіи, разрушилъ окончательно все зданіе суровой толстовской одиночки и безсмысленнаго формализма. Говорятъ, что въ Петербургѣ тогда онъ имѣлъ хорошую протекцію и, вѣроятно, пользовался какъ ею, такъ и временемъ, когда наши верховные аргусы, убаюканные полной побѣдой надъ революціей и взысканные за это великими и богатыми милостями, размякли отъ наслажденій. Часто онъ рисовалъ намъ эти «верхи» тѣми же самыми нелицепріятными красками, которыя теперь только обыватель можетъ встрѣтить въ русской печати, и которыя всякому историку хорошо извѣстны въ характеристикахъ аналогичныхъ правящихъ классовъ прошлаго западной Европы: развратны, трусливы, жестоки, мстительны, глупы и слѣпы.

X.

Такъ вотъ, по совокупности этихъ причинъ, которыя я изложилъ, можетъ быть, съ излишней подробностью, мы получили, наконецъ, нѣкоторое подобіе конституціи. Мнѣ кажется, что и въ нашемъ застѣнкѣ проявились тѣ же общіе законы, которые управляютъ жизнью большихъ организованныхъ обществъ; жизнь всюду можно задавить и всякое общество раздробить на части и уничтожить. Но разъ оно существуетъ и жизнеспособно, разъ у него сохраняется общее дѣло, оно разрушитъ или ослабитъ всякія путы, лежащія ему на пути и приспособитъ всякіе законы къ своимъ потребностямъ.

Расцвѣтъ нашихъ «свободъ» совпалъ съ манифестомъ, даннымъ по случаю бракосочетанія импер. Николая II. Въ немъ до такой степени ясно и недвусмысленно было сказано: «не изъемля и государственныхъ преступниковъ отъ милостей, дарованныхъ въ пунктѣ такомъ-то», что наша администрація поняла его «взаправду» и, кажется, на второй же день принесла намъ газету, гдѣ онъ былъ напечатанъ, подтверждая отъ себя, что еще нѣсколько дней, и многіе изъ насъ увидятъ своихъ родныхъ. Манифестъ этотъ мы читали уже толпами на корридорѣ сарая, и камеры не запирались. Заперты были только дамы, у дверей которыхъ при открытыхъ форточкахъ собирались «клубы». И это исключительное положеніе дамъ на первыхъ порахъ казалось до такой степени страннымъ даже жандармскому уму, что, когда на мѣсто Пахаловича поступилъ его преемникъ и увидалъ на корридорѣ впервые эту картину, то спросилъ съ недоумѣніемъ:

— А почему же онѣ заперты?

Надежды и увлеченія тогда были такъ заразительны, что, когда многіе наши «литераторы» стали подвергать сожженію подъ плитой плоды своихъ думъ, сжегъ и я нѣсколько рукописей. Послѣ я самъ съ большимъ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: чего это я-то заволновался? Какіе шансы были у меня на *немедленный* выходъ?

Но быстро вспыхнувшія надежды еще быстрѣе потухли. Жандармы, пронюхавши гдѣ слѣдуетъ, обмѣклись въ непроницаемую броню, и ихъ многозначительное молчаніе скоро насъ отрезвило. Впослѣдствіи мы узнали, что при обсужденіи вопроса о примѣненіи къ намъ манифеста компетентными въ нашей судьбѣ лицами, голоса раздѣлились, и перевѣсъ рѣшенію далъ Шебеко, тогдашній шефъ жандармовъ. Онъ заявилъ, что не ручается за спокойствіе Россіи, если манифестъ примѣнятъ и къ намъ. Очевидно, онъ не сообразилъ, что, въ случаѣ примѣненія манифеста, нашъ выходъ растянулся бы на цѣлыхъ 13 лѣтъ, и что думать объ этомъ спокойствіи нужно было раньше, чѣмъ оглашены были публично вышеприведенныя слова манифеста.

Какъ бы тамъ ни было, манифеста мы не получили, а мѣстная администрація, какъ бы скомфуженная за свое высшее начальство, перестала придираться къ разнымъ мелочамъ нашихъ правонарушеній. Съ этихъ поръ и по мартъ 1902 г. упрочилась въ нашемъ «сараѣ», такъ сказать, публичная жизнь. И хоть были неоднократныя попытки возврата къ старому, особенно при смѣнѣ нашихъ ближайшихъ администраторовъ, когда они хотѣли показать своему преемнику незыблемость старыхъ основъ, но онѣ были недолговѣчны. И при каждой мѣстной реакціи болѣе проницательные изъ унтеровъ прямо говорили намъ:

— Все равно! Скоро опять все будетъ по-вашему.

XI.

Одну изъ такихъ попытокъ я прекрасно помню. Смотрителемъ тогда былъ Дубровинъ, только что замѣстившій прогнаннаго Федорова.

Одной изъ нашихъ многочисленныхъ конституцій было установлено, что на корридорѣ могутъ быть только четверо (фиктивно говорилось не четверо, а двое на дворѣ и двое на кухнѣ). Фортки же въ дверяхъ у всѣхъ мастерскихъ будутъ открыты, какъ для вентиляціи, такъ и для удобства получать черезъ корридорныхъ клей, инструменты и проч.

Должно быть, Дубровину, какъ новичку, хотѣлось подтянуть насъ, и онъ, ни слова не сказавши намъ, велѣлъ вахмистру въ одинъ прекрасный день держать фортки на запорѣ. Приходимъ мы, ничего не подозрѣвая въ мастерскія, дверь запираютъ и... Оказывается, мы опять, какъ въ мышеловкѣ! Я работалъ въ это время съ В. Г. Ивановымъ. Онъ, какъ только увидалъ такое «правонарушеніе», вспыхнулъ, какъ порохъ, схватилъ молотокъ и изо всей силы сталъ барабанить имъ въ дверь. Стукъ былъ ужасный, сосѣди подхватили его, и начался обычный тюремный концертъ, при которомъ обыкновенно стража совсѣмъ теряетъ голову. Нарочный побѣжалъ къ смотрителю, тотъ явился и, увидавши, въ какомъ градусѣ находятся лишенные прежней «льготы», тотчасъ же сдался, сказавши, что онъ никакихъ распоряженій на этотъ счетъ вахмистру не давалъ. Фортки немедленно у всѣхъ были открыты, а дальнѣйшихъ покушеній на конституцію долго послѣ этого не было.

Другой казусъ изъ той же категоріи былъ серьезнѣе. Двери всѣхъ мастерскихъ въ это время уже держались открытыми. Я спокойно работалъ въ своей мастерской, а со двора неслись ко мнѣ громкіе возбужденные голоса спорящихъ: тамъ шли какіе-то перекоры съ вахмистромъ, тоже по поводу ограниченія нашихъ льготъ. Въ чемъ именно было дѣло, точно я не знаю. Знаю только, что П. С. Поливановъ, доведенный преніемъ до бѣлаго каленія, прибѣжалъ ко мнѣ въ мастерскую, схватилъ топоръ и моментально исчезъ. Говорили послѣ, что онъ хотѣлъ броситься съ нимъ на вахмистра, но товарищи, бывшіе тоже на дворѣ, во время удержали его. Черезъ минуту послѣ этого я вижу, какъ онъ покорно идетъ, влекомый Базилемъ (В. Ивановымъ) ко мнѣ въ мастерскую, кажется, съ тѣмъ же самымъ топоромъ въ рукахъ, и немедленно подставляетъ голову подъ кранъ, чтобы охладить возбужденіе струей воды.

— Кровь,—говоритъ,—бросилась въ голову.

Благодаря тактичности Гангарта и умѣлому объясненію ему всей исторіи, она не имѣла никакихъ послѣдствій. Даже болѣе: въ тотъ же самый годъ (1896) былъ объявленъ нѣкоторымъ изъ насъ коронаціонный манифестъ, въ томъ числѣ и Поливанову, съ обычной оговоркой, сокращается срокъ «за хорошее поведеніе».

XII.

Весьма трудно воспроизвести теперь, какимъ образомъ я, изъ полнѣйшаго профана во всякомъ ремеслѣ, превратился въ человѣка, чуть не на всѣ руки мастера. По крайней мѣрѣ у жандармовъ сложилась такая репутація обо мнѣ. Когда поступаетъ новое лицо въ корпорацію служащихъ и желаетъ за чѣмъ-нибудь обратиться къ свѣдущему человѣку, его направляютъ ко мнѣ. И это даже въ такихъ вещахъ, на которыя моя спеціальность почти не простиралась. Напр., послѣдній докторъ (Самчукъ) возымѣлъ какъ-то желаніе превратить свой комнатный лимонъ въ дерево, несущее плоды. Приходитъ ко мнѣ, очевидно, направленный кѣмъ-то, и обращается за содѣйствіемъ. Когда я, никогда на дѣлѣ не практиковавшій прививки, разсказалъ ему, какъ это дѣлается, и что для этого требуется, онъ ушелъ немножко сконфуженный. Ему казалось, что для этой цѣли достаточно сдѣлать обрѣзку или прищипку, и что это и будетъ той прививкой, которая здѣсь требуется, о которой говорилъ я.

Всякая наука дается не сразу. Тѣмъ болѣе — ремесленный навыкъ и сноровка. Не думаю, чтобъ у меня на это были особые таланты, но терпѣнія запасъ былъ огромный. А въ дѣлѣ ремесла въ большинствѣ случаевъ оно превозмогаетъ все. Въ столярномъ дѣлѣ меня интересовалъ больше самый процессъ творчества. Мнѣ кажется, если бы меня училъ опытный мастеръ, который заставлялъ все дѣлать по шаблону, я бы далеко не пошелъ, и самое ремесло стало бы для меня скучнымъ и постылымъ. Я же въ самомъ началѣ своихъ опытовъ чувствовалъ себя до нѣкоторой степени Робинзономъ. Даже болѣе. Робинзонъ кое что зналъ, и въ новой обстановкѣ, сравнительно обширной, примѣнялъ старые, извѣстные ему пріемы. Я же ничего не зналъ, и каждую задачу, вродѣ пришиванія подошвы, нужно было сначала рѣшать теоретически, а затѣмъ осуществлять сдѣланное рѣшеніе на дѣлѣ. Въ случаѣ съ подошвой это рѣшеніе не представляло еще интереса, хотя и оно было когда-то продуктомъ человѣческаго генія. Въ столярномъ же дѣлѣ, какъ болѣе сложномъ и разнообразномъ, множество задачъ представляло чисто геометрическій или механическій интересъ, дающій много простора для пытливости, смѣтки и упражненія ума.

Главные пріемы ремесла, конечно, давнымъ давно разработаны и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію въ готовомъ видѣ. Но вѣдь они выработаны вѣками, вѣдь надъ ними трудился коллективный человѣческій умъ, вѣдь на нихъ трудовая часть человѣчества затратила огромное количество времени, силъ и творчества. Каждое издѣліе — ящикъ, мы видимъ у себя въ комнатѣ, и на которое не обращаемъ вниманія, — есть не просто издѣліе столяра Ивана, а коллективный [illegible] опытъ, зарегистрованный въ этомъ издѣліи и воплощенный въ одно цѣлое. Можетъ быть, понадобились многіе вѣка постепенныхъ пріобрѣтеній, прежде чѣмъ столяръ Иванъ

могъ сдѣлать для насъ простенькую этажерку и продѣлать надъ ней тѣ сложныя дѣйствія, которыя ему по завѣщанію были переданы сразу, и надъ сущностью которыхъ онъ никогда не задумывался.

Я же задумывался. Предъ каждымъ затрудненіемъ, простое оно или сложное, я ставилъ себѣ вопросъ: какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ первобытный человѣкъ прежде, чѣмъ рѣшеніе этого затрудненія было найдено впервые? Этотъ непрерывный процессъ изобрѣтательности до такой степени поглощалъ и интриговалъ меня, что я никогда не понималъ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые предпочитали брать рѣшеніе задачи въ готовомъ видѣ отъ болѣе опытныхъ сосѣдей, вмѣсто того, чтобы раскинуть мозгами по-своему и дать имъ нѣкоторые новое упражненіе.

Такимъ образомъ, подобно тому, какъ эмбріонъ переживаетъ въ немногіе, сравнительно, дни своего роста всю многовѣковую исторію развитія своего вида, точно также и я переживалъ на своихъ опытахъ до нѣкоторой степени цѣлую исторію человѣческой культуры. Въ этихъ видахъ уже безо всякой практической надобности, я однажды попробовалъ зажечь огонь треніемъ куска дерева о дерево, для чего даже нарочно устроилъ вращающійся кругъ («центробѣжную машину»). Увы, опытъ этотъ былъ столь же неудаченъ, какъ неудаченъ онъ былъ, кажется, и у Дарвина.

Конечно, при этомъ мнѣ приходилось нерѣдко «дурака валять»,—умствовать и продѣлывать пробные и невѣрные шаги тамъ, гдѣ ларчикъ просто открывался, и гдѣ открытіе его подсказалъ бы любой изъ товарищей, опытный въ мастерствѣ. Но я предпочиталъ эти невѣрные шаги и сомнительные опыты продѣлывать самостоятельно, полагая не безъ основанія, что масса ошибокъ не есть пустая и вредная трата времени. Эти ошибки въ то же время даютъ массу пріобрѣтеній, хоть и отрицательнаго характера, и массу навыковъ, которыхъ иначе, можетъ быть, и не пріобрѣлъ бы. Отрицательныя же пріобрѣтенія въ практикѣ часто бываютъ не менѣе важны, ибо для насъ полезно знать не только то, куда нужно идти, но и то, куда ходить не нужно.

Первые шаги, какъ водится, я дѣлалъ не безъ помочей. Я уже упоминалъ какъ Антоновъ разъяснялъ мнѣ самыя капитальныя затрудненія. Помнится, что я спрашивалъ у него даже и о томъ, сколько времени нужно, чтобы считать клей вполнѣ высохшимъ. Но скоро я почувствовалъ себя способнымъ ходить безъ чужой поддержки.

XIII.

Однимъ изъ первыхъ моихъ издѣлій бы[illegible] мелочь, не стоющая вниманія. Нѣтъ. Большому[illegible]ому объясн[illegible] прилично большое плаваніе. И я, точно предчувствуя [illegible]ѣхи въ этой области, началъ ни больше, ни меньше[illegible] съ большого книжнаго шкафа.

Федоровъ самъ предложилъ мнѣ эту работу, спросивши предварительно, могу ли я сдѣлать такой шкафъ. Я отвѣчалъ, какъ будущій артистъ, котораго спросили, умѣетъ ли онъ играть на скрипкѣ?

— Не пробовалъ никогда. Попробую, можетъ быть, сумѣю.

Помню, что меня при этомъ подбадривало то обстоятельство, что ужъ если жандармы, которые видятъ мое крыльцо, обращаются ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ, такъ, значитъ, я не лыкомъ шитъ, и тоже кое-что могу.

Итакъ, я взялся за шкафъ, и тутъ начались мои первыя «исканія». Почти каждая часть этой сложной работы приводила меня въ затрудненіе, и я не мало размышлялъ надъ той или другой изъ нихъ, какъ это дѣлается у опытныхъ смертныхъ. Долго я его работалъ: можетъ быть, 2 мѣсяца, можетъ быть 3, даже 4. Но все-таки сработалъ. Онъ и до сихъ поръ, навѣрное, цѣлъ, и все время тамъ книги стояли. Но что это былъ за шкафъ! На немъ смѣло можно бы сдѣлать надпись: «прохожій, стой и удивляйся!» И затѣмъ поставить въ какое-нибудь антропологическое учрежденіе, вродѣ русскаго музея, на ряду съ предметами домашней обстановки, характеризующими первобытное русское искусство. Дверцы у него тоже створчатые и съ филенками, въ тайну коихъ я проникъ, осмотрѣвши предварительно готовый купленый шкафъ. Но самая замѣчательная вещь въ немъ—это то, что одна дверца немного набекрень. Составилъ ее я какъ слѣдуетъ. Но когда склеилъ, то оказалось, что я ее скосилъ, и потому косые углы ея не могутъ совпадать съ прямыми углами отверстія шкафа, въ которое вставляются двери. Будь я опытенъ, я размочилъ бы ее, расклеилъ и снова склеилъ прямоугольно. Но тогда мнѣ ошибка эта казалась непоправимой, и мнѣ оставалось выпрямить углы посредствомъ состругиванія лишняго. Другая же была совершенно правильная. О прочихъ деталяхъ, не менѣе эстетичныхъ, я уже умолчу.

Послѣ этого у меня было сдѣлано не менѣе десятка разныхъ шкафовъ, большихъ и маленькихъ, не считая тѣхъ, которые я дѣлалъ совмѣстно съ другими. Два изъ нихъ даже вывезены оттуда, одинъ у меня, другой такой же у Н. А. Морозова. Въ случаѣ надобности, я могъ бы предъявить ихъ куда слѣдуетъ какъ пробное издѣліе для того, чтобы получить права цехового мастера. А сколько еще, и какихъ именно вещей было сдѣлано мною, теперь даже и приблизительно сказать нельзя. Очень можетъ быть, что списокъ ихъ занялъ бы нѣсколько страницъ. Могу сказать только, что изъ всѣхъ предметовъ домашняго обихода мнѣ не приходилось дѣлать кажется одной только кровати. А именно, я дѣлалъ: скамьи, стулья, кресла, табуреты, столы и столики, лѣстницы, комоды, сундуки, ящики, шкатулки, футляры, пюпитры, жардиньерки, этажерки, мольберты, кіоты, рамы и рамки, вѣшалки, парты, верстаки, [illegible]матныя доски, разные физическіе приборы и игрушки. Въ одномъ экземплярѣ были сдѣланы еще тачка и экранъ къ камину.

XIV.

На наши хозяйственныя нужды, должно быть, съ первыхъ же дней ихъ легализированія, отпускалась особая сумма. Но объ этомъ, равно какъ и о размѣрахъ ея, намъ ничего вначалѣ не говорили. Напротивъ, постоянно слышались жалобы, что мы очень много изводимъ матеріаловъ, и что все, что для насъ покупается, уходитъ невѣдомо куда. Въ 91 году даже требовали, чтобы мы вели списокъ всего, что нами сдѣлано, который имѣлось въ виду представить въ департаментъ, какъ аргументъ при полученіи дальнѣйшей ассигновки. До самого выхода оттуда у меня хранилась тетрадь со спискомъ этихъ издѣлій за одинъ 1891 годъ. Тогда же попросили насъ сдать для отсылки въ департаментъ накопившіяся у насъ разныя издѣлія все въ тѣхъ же видахъ, чтобы зарекомендовать свою трудоспособность и способность превращать покупаемый на казенныя деньги матеріалъ въ полезныя вещи.

Никакого порядка въ закупкѣ нужныхъ матеріаловъ сначала у насъ не было. Просто каждый, нуждающійся въ чемъ-нибудь, заявлялъ объ этомъ смотрителю. Понятно, какой кавардакъ получался при этомъ, когда приходилось заказывать невѣдомо на какія деньги и въ какихъ предѣлахъ и, можетъ быть, въ ущербъ другимъ товарищамъ. Сама собой являлась необходимость составлять одинъ общій списокъ заказовъ съ подведеніемъ общихъ итоговъ, въ размѣрѣ точно опредѣленной суммы, отвѣчающей нашимъ потребностямъ, и конечно, послѣ взаимнаго соглашенія. Словомъ, являлась необходимость не только въ самоуправленіи, но и въ формальномъ признаніи у насъ общинной жизни, что такъ радикально противорѣчило принципу одиночной тюрьмы.

Не знаю, кто первый сталъ составлять списки заказовъ. Помню только, что ихъ составляли то Оржихъ, то Похитоновъ и, вѣроятно, только въ предѣлахъ «своей досягаемости», т.-е. отъ тѣхъ, кого они могли опросить при тогдашнихъ первобытныхъ средствахъ сношенія. Помнится, что иногда приходилъ Федоровъ къ тому или другому составителю и просилъ внести въ списокъ какой-нибудь новый предметъ, который нуженъ N-у такому-то, очевидно, жившему за предѣлами досягаемости.

Появились, такимъ образомъ, сами собой первые зародыши нашего старостства, которое, какъ и въ исторіи первобытныхъ обществъ, сначала было самозваннымъ. Брались за это люди, которые хоть что-нибудь смекали въ матеріалахъ и въ приблизительной оцѣнкѣ ихъ. Не мало неурядицъ пришлось пережить при урегулированіи нашихъ хозяйственныхъ отношеній, неурядицъ, безъ которыхъ въ нашихъ исключительныхъ условіяхъ и невозможно было обойтись, тѣмъ болѣе, что всѣ мы были съ закваской народниковъ 70-хъ гг., которые выше всего ставили отвлеченные принципы, а устраивая совмѣстную хозяйственную жизнь, способны были не разъ создать какого-нибудь «принципіальнаго теленка»,

Михаилъ Васильевичъ
НОВОРУССКІЙ.
Въ одеждѣ узника Шлиссельбургской тюрьмы.

какъ это было, по словамъ Каронина (Петропавловскаго) въ Барской колоніи. Больше всего смущалъ насъ вопросъ не о томъ, *сколько* денегъ я могу имѣть въ своемъ распоряженіи, и *какъ* располагать ими, согласно своимъ пробуждающимся нуждамъ, а какое я имѣю *право* на выдѣлъ себѣ той или другой доли изъ общей ассигновки, т.-е., выражаясь громкими словами, смущала не экономическая, а юридическая сторона дѣла, и сколько же копій было переломано во имя этой юстиціи!

Помню на этотъ счетъ одну презабавную стычку, которая произошла у меня тогда съ И. Л. Манучаровымъ. Я былъ въ это время ярымъ коммунистомъ и думалъ, что все, что поступаетъ въ нашу общину, принадлежитъ одинаково всѣмъ безраздѣльно. Манучаровъ же былъ не менѣе ярымъ индивидуалистомъ и оставивалъ *свою долю* изъ общаго котла. При архаическомъ способѣ выписки, о которомъ я только что сказалъ, онъ купилъ себѣ маленькую бутылочку лаку (въ 12 коп.), такъ какъ дѣлалъ въ то время изящныя ажурныя вещицы и лакировалъ ихъ. Для какого-то пустяка понадобилось и мнѣ немного лаку. Мы еще были разъединены другъ отъ друга, и я гуляль только съ нимъ. Вмѣсто того, чтобы взять лаку, сколько было нужно, какъ это дѣлаютъ серьезные люди, какъ это дѣлали и мы сами впослѣдствіи,—тѣмъ болѣе, что мы съ Манучаровымъ были дружны, а онъ всегда услужливъ,—мы устроили съ нимъ жестокую баталію по вопросу о томъ, имѣю ли я *право* на лакъ, который онъ выписалъ *себѣ*. Поломавши достаточно копій, можетъ быть, въ теченіи не одного дня, мы, какъ водится, остались каждый при своемъ. А такъ какъ спорный лакъ присутствовалъ здѣсь налицо, то Манучаровъ, подавая, наконецъ, его мнѣ, сказалъ: «даю Вамъ свой лакъ въ видѣ дружеской услуги». Я же, принимая его, отвѣчалъ: «беру его какъ лакъ, принадлежащій мнѣ столько же, сколько и Вамъ».

Къ этой именно эпохѣ относится одна изъ эпиграммъ Г. А. Лопатина, хотя и выпущенная по другому поводу, но вполнѣ приложимая и къ нашему инциденту:

Въ клубѣ страшный кавардакъ:
Всюду слышишь: лакъ да лакъ!
И самъ чортъ едва-ли скажетъ,
Кто кого тѣмъ лакомъ мажетъ.

XVI.

Какъ бы то ни было, постепенно урегулировалось и наше общественное хозяйство. Способность къ самоуправленію никому и нигдѣ не дается отъ рожденія, а точно такъ же, какъ и всѣ навыки общественной жизни, пріобрѣтается только путемъ опыта и послѣ предварительныхъ ошибокъ и конфликтовъ.

Уже въ 91 году я получилъ формальное избраніе на царство и 9 мѣсяцевъ велъ наши хозяйственныя дѣла. Какъ разъ въ это время,

независимо отъ ремесленныхъ нуждъ, расширялись въ огородахъ наши средства сношенія другъ съ другомъ, сначала посредствомъ щелей, а затѣмъ окошекъ (см. ранѣе). И необходимость во взаимныхъ сношеніяхъ и переговорахъ по дѣламъ ремесленнымъ, въ частности, по выпискѣ матеріаловъ, необходимость, которую наша администрація сама видѣла и понимала, сыграла большую роль въ дѣлѣ разрушенія начальственныхъ преградъ къ этимъ сношеніямъ. И даже ранѣе, чѣмъ окна были устроены, мы могли уже мѣнять товарища по прогулкѣ такъ часто, какъ это было нужно. И я отлично помню то впечатлѣніе, которое я пережилъ впервые, когда, по дѣламъ своей службы, встрѣтился въ одинъ день ровно съ 6 лицами,—съ кѣмъ непосредственно, а съ кѣмъ только въ окна. Это было тоже «событіемъ» въ своемъ родѣ, настолько рѣдкимъ и внушительнымъ, что оно не забылось и до сихъ поръ.

Приступивши къ самоуправленію робкими шагами, мы скоро вошли во вкусъ этого дѣла и расплодили у себя разныхъ «мейстеровъ» въ такомъ же количествѣ, какъ и въ древней германской Gemeinde, гдѣ бывалъ иногда даже танцмейстеръ, завѣдывавшій народными играми. У насъ одно время ихъ было цѣлыхъ четверо, т. е. пятая часть націи состояла изъ властей! Одинъ завѣдывалъ ремеслами, другой библіотекой, третій кухоннымъ дѣломъ, четвертый прогулками. Меню мы начали составлять еще гораздо раньше, чѣмъ появились окошки для взаимосношеній, и сначала орудовали, конечно, стукомъ по угламъ. А такъ какъ сношенія междоугольныя были столь же затруднительны, какъ и международныя, то долгое время меню составлялось поочереди: на недѣлю въ одномъ углу, на другую въ другомъ, и т. д. Потомъ, когда наши связи установились на дворѣ, появилось «особо на сей счетъ уполномоченное лицо», которое, составивши огромный списокъ блюдъ съ вопросами: «кто чего любитъ и чего не любитъ», произвело всенародную желудочную анкету. Запасшись достаточнымъ матеріаломъ, конечно съ весьма патетическими дифирамбами въ пользу или противъ того либо другого блюда, это должностное лицо приступило «къ осуществленію своихъ функцій». Задача эта была не только не легкая, но прямо-таки неразрѣшимая. Противъ какого-нибудь картофельнаго киселя на молокѣ стояла, напр., надпись: «хочу, чтобъ назначали его хоть каждый день», и рядомъ другая: «требую, чтобъ это омерзительное тѣсто ни разу не появлялось на столѣ, а употреблялось исключительно для переплетныхъ работъ».

Такихъ, уничтожающихъ другъ друга надписей можно было насчитать немало подъ многими блюдами. Затѣмъ менюмейстеръ, рѣшивши такъ или иначе свою задачу и совершивши истинно гражданскій подвигъ при осуществленіи своего глубоко продуманнаго пищевого расписанія, получалъ со всѣхъ сторонъ должное мздовоздаяніе: одинъ упрекалъ его за то, что онъ не внялъ его голосу и назначилъ-таки неугодную ему колбасу, другой вопіялъ, зачѣмъ его любимое блюдо (вареники) снято съ очереди и ни разу не записано на цѣлыхъ 2 недѣли!

Такъ эти менюальныя невзгоды,—въ основѣ которыхъ лежала невозможность держать на одномъ тощемъ столѣ лицъ разной комплекціи, съ катарральнымъ желудкомъ и благопріобрѣтенными тюремными недугами,—и продолжались затѣмъ непрерывно, вплоть до конца. Въ послѣдній годъ я предложилъ было разбить все наличное населеніе на пары съ болѣе или менѣе подходящими вкусами, съ тѣмъ, чтобы каждая пара составляла меню (на 2 недѣли) по очереди. Попробовали. Но, конечно, нашлись недовольные, которые сорвали реформу и предпочли народовластію прежнее единоначаліе.

Всѣ эти названныя должности то сливались, то опять разъединялись. Функціи променадмейстера были похоронены, наконецъ, за ненадобностью, а оставшіяся три должности потомъ слиты въ одномъ лицѣ, когда народу стало не много и дѣла сократились. А между тѣмъ, какъ это ни странно, дѣла старостѣ было не мало. И чтобы выяснить его, я опишу наши денежныя отношенія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. В. Новорусскій.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ [1]).

(Переводъ съ доставленной авторомъ ея рукописи)

Біографическій очеркъ [2]).

I.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ родился 8-го мая 1814 г. въ деревнѣ Прямухино, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губ. Его отецъ, служа по дипломатической части, въ молодости жилъ во Флоренціи и Неаполѣ въ качествѣ attaché при посольствахъ; оставивъ службу, онъ поселился въ родовомъ имѣніи, гдѣ женился на молодой восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ изъ семейства извѣстныхъ Муравьевыхъ. Онъ исповѣдывалъ либеральныя убѣжденія и принадлежалъ къ одному изъ обществъ декабристовъ, но послѣ событій 14 декабря 1825 г. сдѣлался скептикомъ и рѣшилъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей. Михаилъ былъ старшимъ сыномъ, имѣлъ пять братьевъ и пять сестеръ; когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ, онъ поступилъ въ артиллерійскую школу въ Петербургѣ, гдѣ пробылъ три года, и затѣмъ прапорщикомъ былъ посланъ въ батарею, квартировавшую въ Минской губерніи.

Это происходило тотчасъ же послѣ подавленія польской революціи тридцатаго года: видъ терроризированной Польши произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на молодого офицера и

[1]) Статья эта принадлежитъ одному изъ немногихъ, еще оставшихся въ живыхъ участниковъ основанной въ 1864 г. К. Марксомъ и др. Международной Ассоціаціи Рабочихъ (Интернаціонала) Гильому. Личный другъ Бакунина и сторонникъ того направленія въ Интернаціоналѣ, выразителемъ котораго былъ нашъ знаменитый соотечественникъ, Гильомъ излагаетъ и всѣ событія того времени съ точки зрѣнія человѣка опредѣленной партіи. Мы печатаемъ работу Гильома (она въ скоромъ времени должна появиться и на французскомъ языкѣ) исключительно въ качествѣ матеріала для исторіи жизни и дѣятельности Бакунина, которая, конечно, еще ждетъ своего вполнѣ безпристрастнаго изслѣдователя. *Ред.*

[2]) При составленіи этого очерка, кромѣ всего лично мнѣ извѣстнаго, я пользовался огромнымъ матеріаломъ, собраннымъ и опубликованнымъ Максомъ Неттау въ его монументальномъ трудѣ: Michel Bakounine, eine Biographie, Londen 1896—1900, 3 vol. in-folio. *Ж. Г.*

вселилъ въ его душу омерзѣніе къ деспотизму. По истеченіи двухъ лѣтъ онъ подалъ въ отставку (1834 г.), навсегда отказавшись отъ военной карьеры, и переѣхалъ въ Москву, гдѣ жилъ въ теченіе шести лѣтъ почти постоянно, исключая нѣсколькихъ лѣтнихъ поѣздокъ въ отцовское имѣніе. Въ Москвѣ онъ отдался изученію философіи, начавъ съ французскихъ энциклопедистовъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ своими друзьями Станкевичемъ и Бѣлинскимъ увлекся Фихте и переводилъ (1836 г.) его „*Vorlesungen über die Bestimmung des Gelehrter*“. Послѣ этого перешелъ къ Гегелю, который тогда господствовалъ въ умахъ Германіи. Молодой Бакунинъ сдѣлался убѣжденнымъ послѣдователемъ гегелевской системы и даже одно время былъ ослѣпленъ знаменитымъ положеніемъ: „Все существующее разумно“, что оправдывало существованіе всякаго правительства. Въ 1839 г. Герценъ и Огаревъ, вернувшись въ Москву изъ ссылки, встрѣтились съ Бакунинымъ, но въ этотъ моментъ взгляды ихъ были настолько различны, что они не могли между собой согласиться.

Въ 1840 г. двадцатишестилѣтній Бакунинъ уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда къ Берлинъ съ намѣреніемъ изучать нѣмецкое философское движеніе; но его словамъ, у него былъ проектъ посвятить себя профессурѣ и со временемъ занять кафедру философіи или исторіи въ московскомъ университетѣ. Въ этомъ же году въ Италіи умеръ Станкевичъ; Бакунинъ тогда признавалъ еще вѣрованіе въ безсмертіе души, какъ необходимую доктрину (письмо къ Герцену 28 октября 1840 г.). Наконецъ, наступилъ моментъ, когда должна была совершиться его умственная эволюція, и философія Гегеля превратилась для него въ революціонную теорію. Людвигъ Фейербахъ изъ гегеліама извлекъ логическія слѣдствія въ сферѣ религіозной, а Бакунинъ то же самое сдѣлалъ въ сферѣ политической и соціальной.

Въ 1842 г. онъ переселился изъ Берлина въ Дрезденъ, гдѣ сошелся съ Арнольдомъ Руге, который тогда издавалъ „*Deutsche Jahrbücher*“. Вотъ изъ этомъ-то журнала къ октябрѣ 1842 г. появилась статья Бакунина за подписью „Ju'es Elysard“, въ которой онъ приходитъ къ революціоннымъ заключеніямъ. Статья озаглавлена „*Реакція въ Германіи, замѣтки француза*“ и оканчивается фразою, сдѣлавшеюся знаменитою: „Довѣримтесь же вѣчному духу, который только потому разрушаетъ и уничтожаетъ, что онъ есть неисчерпаемый и вѣчно творящій источникъ всякой жизни“. „*Страсть разрушенія есть въ то же время творческая страсть*“. Герценъ, полагая въ первое время, что статья эта дѣйствительно написана французомъ, отмѣтилъ въ своемъ „Дневникѣ“ послѣ ея прочтенія: „это громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи... Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать германскую науку, разумѣется понявши ее, тогда наступитъ великая фаза der Bethätigung“.

Поэтъ Георгъ Гервегъ, авторъ знаменитыхъ „*Gedichte eines Lebendigen*“, явился въ Дрезденѣ и остановился у Бакунина, съ которымъ онъ близко сошелся; здѣсь же Бакунинъ познакомился съ музыкантомъ Адольфомъ Рейхель, впослѣдствіи ставшимъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ его друзей. Саксонское правительство начало обнаруживать враждебныя намѣренія въ отношеніи Руге и его сотрудниковъ, и тогда Бакунинъ и Гервегъ, въ январѣ 1843 г., оставили Саксонію и переѣхали въ Цюрихъ. Лѣто 1843 г. Бакунинъ провелъ въ Швейцаріи. Одно изъ его писемъ къ Руге съ острова Сенъ-Пьеръ на Біенскомъ озерѣ, датированное маемъ 1843 г., заканчивалось слѣдующимъ горячимъ восклицаніемъ: „Теперь, только теперь и начинается борьба! И правда нашего дѣла такъ сильна, что мы, разсѣянная горсточка людей, связанныхъ по рукамъ, приводимъ однимъ боевымъ кличемъ своимъ въ страхъ и трепетъ ихъ міріады! Въ добрый путь! Я—скиѳъ—разрѣшу ваши узы, германцы, желающіе уподобиться грекамъ! Присылайте мнѣ свои произведенія! Я напочатаю ихъ на островѣ Руссо и на страницахъ исторіи еще разъ запечатлѣю огненными буквами слова: „Да погибнутъ, персы!“[2]

Въ Швейцаріи Бакунинъ встрѣтился съ нѣмецкими коммунистами, группировавшимися около Вейтлинга; а зимою 1843—1844 г.г. въ Бернѣ познакомился съ семействомъ Фогтовъ [1]), одинъ изъ четырехъ братьевъ котораго, Адольфъ Фогтъ (впослѣдствіи профессоръ медицинскаго факультета Бернскаго университета) сдѣлался его очень близкимъ другомъ. Благодаря преслѣдованію швейцарской полиціи и требованіямъ русскаго посольства вернуться въ Россію, онъ вынужденъ былъ въ февралѣ 1844 г. уѣхать изъ Берна въ Брюссель, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ и прожилъ до декабря 1847 г.

II.

Пріѣхавши въ Парижъ, Бакунинъ, вмѣстѣ съ своимъ другомъ Рейхелемъ, нашелъ тамъ Гервега съ его молодою женою (Эмма Сигмундъ). Онъ познакомился съ Карломъ Марксомъ, который, живя здѣсь съ конца 1843 г., былъ также сотрудникомъ Арнольда Руге, и который съ Энгельсомъ тогда уже занимался обработкой спеціальной доктрины. Бакунинъ сошелся также съ Прудономъ и очень часто съ нимъ видѣлся; сходясь на извѣстныхъ существенныхъ пунктахъ и расходясь на другихъ, они вступали съ нимъ въ пренія, продолжавшіяся по цѣлымъ ночамъ напролетъ. Тогда же познакомился онъ съ Жоржъ Зандъ, находившейся въ это время подъ вліяніемъ Пьера Леру, и восхищался

[1]) Профессоръ Вильгельмъ Фогтъ въ 1835 г. по политическимъ причинамъ оставилъ Гиссенскій университетъ и переѣхалъ въ Бернскій. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей: Карлъ знаменитый естествоиспытатель, Эмиль—юристъ, Адольфъ—медикъ, и Густавъ—адвокатъ.

ея талантомъ. Эти годы жизни въ Парижѣ для интеллектуальнаго развитія Бакунина были самыми плодотворными: въ это именно время въ его умѣ стали обрисовываться идеи, создавшія впослѣдствіи его революціонную программу; но тогда онѣ еще были не разработаны и не очищены отъ метафизическаго идеализма, отъ котораго онѣ позднѣе совсѣмъ избавились.

Въ нижеслѣдующемъ отрывкѣ (1871 г.) самъ Бакунинъ такъ объясняетъ свои отношенія къ Марксу и Прудону въ это время: „Марксъ тогда былъ болѣе крайній, чѣмъ я, и теперь—несравненно болѣе ученый, чѣмъ я. Я совсѣмъ незнакомъ былъ тогда съ политической экономіей; я не освободился еще отъ метафизическихъ абстракцій, и мой соціализмъ былъ только инстинктивнымъ. Онъ же, хотя и моложе меня годами, былъ уже атеистомъ, научнымъ матеріалистомъ и сознательнымъ соціалистомъ. Именно въ эту эпоху онъ вырабатывалъ первыя основанія своей настоящей системы. Мы довольно часто видѣлись другъ съ другомъ, потому что я очень уважалъ его за его знанія, за его страстную и серьезную преданность дѣлу пролетаріата, хотя всегда съ примѣсью личнаго тщеславія; я съ интересомъ слушалъ его разговоры, всегда поучительные и умные, если только они не вдохновлялись жалкой злобой, что, къ сожалѣнію, бывало очень часто. Однако между нами никогда не было полной близости; наши темпераменты не переносили этого. Онъ называлъ меня сентиментальнымъ идеалистомъ и былъ правъ; я его называлъ врачнымъ вѣроломнымъ тщеславнымъ человѣкомъ и тоже былъ правъ“.

Что касается Энгельса, то Бакунинъ такъ его характеризуетъ, говоря о тайномъ обществѣ, основанномъ Марксомъ („Государственность и Анархія“, стр. 224. 1874 г.): „Около 1845 г. Марксъ сталъ во главѣ нѣмецкихъ коммунистовъ и вслѣдъ за тѣмъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ, неизмѣннымъ своимъ другомъ, столь же умнымъ, хотя менѣе ученымъ, но зато болѣе практическимъ и не менѣе способнымъ къ политической клеветѣ, лжи и интригѣ, основалъ тайное общество германскихъ коммунистовъ или государственныхъ соціалистовъ“.

О Прудонѣ вотъ что писалъ Бакунинъ въ 1870 г.: „Прудонъ, несмотря на всѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ, чтобы сбросить съ себя традиціи классическаго идеализма, тѣмъ не менѣе всю свою жизнь оставался неисправимымъ идеалистомъ, вдохновляясь, какъ я ему говорилъ въ двухъ словахъ передъ его смертью [1]), то библіею, то римскимъ правомъ; онъ всегда былъ метафизикомъ до конца ногтей. Его большое несчастіе состояло въ томъ, что онъ не зналъ естественныхъ наукъ и не усвоилъ себѣ ихъ метода. Онъ имѣлъ инстинкты генія, которые указывали ему истинную дорогу, но, увлекаемый дурными идеалистическими привычками своего ума всегда впадалъ въ свои старыя

[1]) Прудонъ умеръ 19-го января 1865 г.

ошибки, благодаря чему отличался безпрерывными противорѣчіями,— сильный талантъ, революціонный мыслитель, постоянно борется съ призраками идеализма и никогда не выходитъ изъ побѣдителемъ.

„Марксъ, какъ мыслитель, идетъ правильнымъ путемъ. Онъ установилъ принципъ, что въ исторіи всѣ эволюціи политическія, религіозныя и юридическія не причины, а слѣдствія экономической эволюціи. Эта великая и плодотворная идея не имѣ придумана: она была предусмотрѣна, отчасти выражена многими другими; но, во всякомъ случаѣ, онъ ее обосновалъ и положилъ какъ базу всей своей экономической системы. Съ другой стороны, Прудонъ лучше его понималъ и чувствовалъ свободу. Прудонъ обладалъ истиннымъ инстинктомъ революціонера; когда онъ не занимался доктриной и метафизикой, онъ поклонялся сатанѣ и провозглашалъ анархію. Вполнѣ возможно, что Марксъ *теоретически* могъ возвыситься до системы свободы болѣе раціональной, чѣмъ Прудонъ, но у него нѣтъ инстинкта свободы, онъ съ головы до ногъ autoritaire“.

Въ 1847 г. въ Парижъ явился Герценъ, навсегда оставивъ Россію.

На банкетѣ 29 ноября 1847 г., въ годовщину польскаго возстанія 1830 г., Бакунинъ произнесъ рѣчь, за которую его, по просьбѣ русскаго правительства, изгнали изъ Франціи. Русскій посланникъ въ Парижѣ Киселевъ, для прекращенія выраженія симпатій Бакунину, распространилъ слухъ, что послѣдній былъ на службѣ у посольства, которое принуждено было прервать съ нимъ всякія сношенія въ виду характера его послѣдней дѣятельности (письмо Бакунина къ Фанелли 29 мая 1867). Графъ Дюшатель, министръ внутреннихъ дѣлъ, интерпеллированный въ палатѣ пэровъ, отдѣлался преднамѣреннымъ молчаніемъ, чтобы придать вѣру клеветѣ, придуманной Киселевымъ, которому все-таки пришлось оправдываться въ другомъ мѣстѣ.

Бакунинъ переселился въ Брюссель, гдѣ жилъ Марксъ, тоже изгнанный изъ Франціи еще въ 1845 г. Отсюда Бакунинъ писалъ Гервегу: „Нѣмцы-ремесленники, Ворнштейнъ, Марксъ и Энгельсъ, въ особенности Марксъ, сѣютъ здѣсь свое обычное зло. Тщеславіе, человѣконенавистничество, высокомѣріе въ теоріи и малодушіе на практикѣ, рефлексіи на счетъ жизни, дѣятельности и искренности... литературствующіе и диспутирующіе ремесленники и отвратительное заигрываніе съ ними... Фейербахъ—*буржуа*; слово буржуа до тошноты надоѣвшая ругань,— а сами всѣ съ головы до ногъ, до мозга костей мелкіе буржуа. Однимъ словомъ, ложь и глупость, глупость и ложь. Въ этомъ обществѣ трудно и тяжело дышать. Я держусь вдалекѣ отъ нихъ и рѣшительно заявилъ, что не вступлю въ ихъ коммунистическое ремесленное общество и не желаю имѣть съ ними никакого дѣла“.

III.

Революція 24 февраля дала возможность Бакунину вернуться во Францію. „Вернувшись изъ Брюсселя въ Парижъ, Бакунинъ,— по словамъ Герцена,— съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціонныя моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ коммунизмъ et l'égalité du salaire, нивелированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага“. Революціонныя событія въ Вѣнѣ и Берлинѣ, съ одной стороны, и порученія парижскихъ революціонеровъ,—съ другой, побудили его отправиться въ Германію, откуда онъ разсчитывалъ принять участіе въ польскомъ революціонномъ движеніи. Онъ направился черезъ Кельнъ, гдѣ Марксъ и Энгельсъ начали изданіе „*Neue Rheinische Zeitung*“. Какъ разъ въ этотъ моментъ нѣмецкій демократическій легіонъ въ Парижѣ, въ сопровожденіи Гервега, предпринялъ въ Баденскомъ герцогствѣ инсурреціонную попытку, такъ печально окончившуюся. Марксъ по этому случаю жестоко напалъ на Гервега, а Бакунинъ взялъ на себя защиту своего друга, что повлекло за собою разрывъ его съ Марксомъ. Позже, въ 1871 г., Бакунинъ по этому случаю писалъ слѣдующее: „Въ этомъ вопросѣ, какъ я думаю теперь и скажу это откровенно, Марксъ и Энгельсъ были правы; они вѣрно оцѣнивали тогдашнее положеніе дѣлъ. Они напали на Гервега съ той безцеремонностью, которая характеризуетъ ихъ нападки, я же лично горячо защищалъ отсутствующаго противъ нихъ. Здѣсь начало нашей ссоры“.

Отсюда Бакунинъ отправился въ Берлинъ, Бреслау, а затѣмъ въ Прагу, гдѣ онъ безполезно пытался вести демократическую и революціонную пропаганду на конгрессѣ славянъ (іюнь), и гдѣ онъ принялъ участіе въ инсурреціонномъ движеніи, сурово подавленномъ Виндишгрецомъ; послѣ этого онъ вернулся въ Бреслау. Во время пребыванія его въ этомъ городѣ въ „*Neue Rheinische Zeitung*“ была помѣщена 6 іюля слѣдующая корреспонденція изъ Парижа: „Что касается славянской пропаганды, то насъ вчера уверяли, что Жоржъ Зандъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи документы, сильно компрометирующіе одного русскаго, отсюда изгнаннаго Михаила Бакунина, которые изображаютъ его, какъ орудіе или какъ агента Россіи, недавно завербованнаго, и которому приписываютъ главную роль въ недавнихъ арестахъ несчастныхъ поляковъ. Жоржъ Зандъ показывала эти документы нѣкоторымъ изъ своихъ друзей“.

Бакунинъ немедленно протестовалъ противъ этой гнусной клеветы въ письмѣ, напечатанномъ въ „*Allgemeine Oder-Zeitung*“ издаваемой въ Бреслау (письмо это воспроизведено въ „*Neue Rheinische Zeitung*“ отъ 16 іюля), и въ то же время обратился

къ Жоржъ Зандъ съ просьбою разъяснить всю эту исторію. Жоржъ Зандъ отвѣтила письмомъ на имя редактора „*Neue Rheinische Zeitung*“ отъ 20 іюля 1848 г. изъ Шартра, въ которомъ пишетъ: „Факты, изложенные вашимъ корреспондентомъ, безусловно ложны. Я никогда не владѣла ни малѣйшими доказательствами инсинуацій, распространяемыхъ вами противъ М. Бакунина; я никогда не была уполномочена выразить какія бы то ни было сомнѣнія въ лойяльности его характера и искренности его убѣжденій. Я обращаюсь къ вашей чести и вашей совѣсти немедленно напечатать это письмо въ вашей газетѣ“. Маркъ напечаталъ письмо и въ то же время далъ слѣдующее объясненіе напечатанію клеветническаго корреспонденціи изъ Парижа: „Такимъ образомъ, мы исполнили обязанность прессы строго наблюдать за поведеніемъ общественныхъ дѣятелей и дали возможность г. Бакунину разсѣять подозрѣнія, которыя дѣйствительно были распространены въ извѣстныхъ кругахъ Парижа“. Безполезно говорить объ этой страшной теоріи, по которой пресса обязана собирать клевету и распространять ее, не потрудившись провѣрить самыхъ фактовъ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Бакунинъ встрѣтилъ Маркса въ Берлинѣ, и между ними состоялось видимое примиреніе. Въ 1871 г. Бакунинъ по этому случаю писалъ слѣдующее: „Общія друзья заставили насъ обняться и тогда же, среди общаго разговора наполовину серьезнаго, наполовину шутливаго Марксъ сказалъ мнѣ: „Знаешь ли, что я нахожусь теперь во главѣ тайнаго коммунистическаго общества такъ хорошо дисциплинированнаго, что если я скажу кому-либо изъ его членовъ: „*Иди убей Бакунина*—и ты будешь убитъ“. Послѣ этого разговора мы не встрѣчались другъ съ другомъ до 1864 г.“.

Двадцать четыре года спустя Марксъ серьезно попытался сдѣлать съ Бакунинымъ то, что онъ говорилъ еще шутя въ 1848 г.; когда въ Интернаціоналѣ оппозиція революціоннаго анархизма дѣлается нестерпимой для личнаго господства Маркса, тогда онъ пытается уничтожить ее дѣйствительнымъ моральнымъ убійствомъ.

Бакунинъ, изгнанный изъ Пруссіи и Саксоніи, провелъ остатокъ 1848 г. въ герцогствѣ Ангальтъ. Здѣсь онъ напечаталъ по-нѣмецки свою брошюру: „*Aufruf an die Slaven*, von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slavencongresses“. Въ ней онъ развилъ свою программу: союзъ славянскихъ революціонеровъ съ революціонерами другихъ націй, венгерской, нѣмецкой, итальянской для разрушенія трехъ притѣснительныхъ монархій, Россійской имперіи, Австрійской имперіи и Прусскаго королевства; и потомъ свободная федерація освобожденныхъ славянскихъ народовъ. Марксъ счелъ своей обязанностью бороться съ этими идеями; онъ писалъ въ «*Neue Rheinische Zeitung*» (14 февраля 1849 г.): „Бакунинъ—нашъ другъ, но это не помѣшаетъ намъ критиковать его брошюру“, и затѣмъ онъ такъ формулируетъ свою точку зрѣнія: „исключая поляковъ, русскихъ и, быть можетъ, еще турецкихъ славянъ, никакой другой славянскій народъ не имѣетъ будущности по той простой причинѣ, что у нихъ нѣтъ основныхъ условій историческихъ, географическихъ, политическихъ и промышленныхъ для самостоятельнаго существованія и жизнеспособности. Относительно различія во взглядахъ на славянскій вопросъ между Бакунинымъ и Марксомъ первый писалъ въ 1871 г. слѣдующее: „Въ 1848 г. мы расходились во мнѣніяхъ, и теперь я могу сказать, что его взгляды были правильнѣе моихъ... Увлеченный революціоннымъ движеніемъ, я болѣе занимался отрицательной стороной революціи, а не положительной... Но въ славянскомъ вопросѣ я разсуждалъ основательнѣе его. Какъ славянинъ, я желалъ освобожденія славянской расы изъ подъ ига нѣмцевъ, а Марксъ, какъ нѣмецкій патріотъ, не допускалъ, да и теперь не допускаетъ права славянъ на эмансипацію отъ германскаго ига, полагая теперь, какъ и тогда, что германцы призваны ихъ цивилизовать, т. е. германизировать ихъ во что бы-то ни стало“.

Въ январѣ 1849 года Бакунинъ секретно пріѣзжалъ въ Лейпцигъ: въ это время онъ, вмѣстѣ съ группою молодыхъ чеховъ изъ Праги, занятъ былъ организаціей возстанія въ Богемія. Несмотря на прогрессъ реакціи во Франціи и Германіи, еще можно было разсчитывать на успѣхъ, потому что революція была раздавлена еще не во всей Европѣ. Пій IX, изгнанный изъ Рима, уступилъ мѣсто римской республикѣ, управлявшейся тріумвиратомъ изъ Мацинни, Сафи и Армелини съ генераломъ Гарибальди; Венеція, освободившись, выдерживала героическую осаду со стороны австрійцевъ; Венгрія, возставшая противъ Австріи подъ управленіемъ Кошута, провозгласила низверженіе дома Габсбурговъ. Между тѣмъ въ Дрезденѣ вспыхнуло (3 мая 1849) народное возстаніе вслѣдствіе отказа саксонскаго короля принять конституцію германской имперіи, вотированную франкфуртскимъ парламентомъ. Четвертаго мая король бѣжалъ; образовалось временное правительство изъ Гейбнера, Ширнера и Тодта, и инсургенты владѣли городомъ въ теченіе пяти дней. Бакунинъ, перешедшій въ серединѣ апрѣля изъ Лейпцига въ Дрезденъ, сдѣлался однимъ изъ вождей возстанія, принявъ самыя энергичныя мѣры для защиты баррикадъ отъ прусскихъ войскъ (сначала военнымъ начальникомъ былъ полковникъ Гейнце, а затѣмъ, съ 8 мая, молодой типографъ Стефанъ Боръ, который въ предшествующемъ году организовалъ первую ассоціацію нѣмецкихъ рабочихъ). Гигантская фигура Бакунина, титулъ его русскаго революціонера привлекали къ нему особенное вниманіе; тотчасъ же около него создалась цѣлая легенда: ему одному приписали пожары, произведенные въ цѣляхъ защиты; онъ былъ, какъ тогда писали, „истинною душою всей революціи“; онъ „практиковалъ терроръ, распространившійся ужасъ“; онъ совѣтовалъ поставить на баррикадахъ самыя цѣнныя картины изъ

знаменитой дрезденской галлереи, чтобы воспрепятствовать пруссакамъ стрѣлять по нимъ и т. д. и т. д.

Девятаго инсургенты, уступая превосходнымъ силамъ, совершили отступленіе въ Фрейбергъ; здѣсь Бакунинъ тщетно пытался уговорить Борна, чтобы онъ, съ оставшимися у него силами, перешелъ на территорію Богеміи и попытался тамъ поднять новое возстаніе; но Борнъ отказался и распустилъ свое войско. Тогда, видя, что ничего нельзя больше сдѣлать, Гейбнеръ, Бакунинъ и композиторъ Рихардъ Вагнеръ направились въ Хемницъ. Ночью съ 9 на 10 вооруженные буржуа арестовали Бакунина и Гейбнера и выдали ихъ пруссакамъ; Вагнеру же, скрывшемуся у своей сестры, удалось спастись.

Бакунинъ велъ себя въ Дрезденѣ, какъ энергичный и дальновидный предводитель и рѣшительный воинъ. Марксъ въ одномъ изъ своихъ писемъ въ „*New York Daily Tribune*“ отъ 2 октября 1852 „*On Revolution and contre Revolution in Germany*“ несмотря на свою враждебность къ Бакунину, долженъ былъ признать заслуги, оказанныя послѣднимъ революціонному дѣлу; онъ писалъ: „въ Дрезденѣ борьба продолжалась четыре дня на улицахъ города Лавочники Дрездена, „городская гвардія“, нетолько не сражались, но во многихъ случаяхъ оказывали помощь войскамъ противъ возставшихъ. Послѣдніе состояли почти исключительно изъ рабочихъ сосѣднихъ фабричныхъ мѣстностей. *Они нашли въ русскомъ изгнанникѣ Бакунинѣ способнаго и хладнокровнаго предводителя*“.

IV.

Бакунина посадили въ крѣпость Кенигштейнъ въ Саксоніи и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, 14 января 1850, присудили къ смерти [1]; въ іюнѣ смертную казнь замѣнили пожизненнымъ заключеніемъ въ крѣпости и затѣмъ выдали его Австріи, вслѣдствіе ея требованія. Австрійское правительство сначала засадило его въ крѣпость въ Прагѣ, а потомъ (мартъ 1851) перевело въ Ольмюцкую цитадель, гдѣ судили 15 мая 1851 и приговорили къ повѣшенію, но смертную казнь еще разъ замѣнили пожизненнымъ заточеніемъ. Въ австрійскихъ тюрьмахъ его подвергали очень суровому режиму: онъ содержался въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, а въ Ольмюцѣ даже приковали цѣпью къ стѣнѣ.

Вскорѣ послѣ приговора Австрія выдала Бакунина русскому правительству, которое засадило его въ Алексѣевскій равелинъ Петропавловской крѣпости. Чрезъ нѣкоторое время его посѣтилъ графъ Орловъ и передалъ ему желаніе царя Николая имѣть его исповѣдь. Бакунинъ, принявшій во вниманіе (см. письмо Герцену изъ Иркутска отъ 8 сентября 1860), что „онъ

[1]) Къ отсѣченію головы. *Ред.*

находится во власти медвѣдя“, что кромѣ этого „вся его дѣятельность прекрасно извѣстна и скрывать больше нечего“ рѣшилъ написать письмо къ царю, въ которомъ говорилъ: „Вы желаете имѣть мою исповѣдь, но Вы не должны игнорировать, что заключенный не обязанъ исповѣдывать грѣховъ другихъ. Моя честь и совѣсть никогда не дозволятъ мнѣ измѣнить кому бы то ни было довѣряющемуся мнѣ, и поэтому я не сообщу Вамъ какихъ-либо именъ“. Николай, прочитавши письмо Бакунина, какъ разсказываетъ Герценъ въ „*Посмертныхъ Сочиненіяхъ*“, сказалъ: „Онъ умный и хорошій малый, его напобно держать взаперти“.

При началѣ Крымской войны Бакунина изъ Петропавловской крѣпости перевели (1854 г.) въ Шлиссельбургъ изъ боязни, что первая можетъ быть бомбардирована и взята англичанами; здѣсь онъ заболѣлъ цынгою и потерялъ почти всѣ зубы. Вотъ что писалъ авторъ нижеслѣдующихъ строкъ, написанныхъ имъ на другой день смерти Бакунина и слышанныхъ имъ лично отъ него объ этомъ періодѣ его заключенія въ крѣпости: „Жестокій крѣпостной режимъ совершенно испортилъ его желудокъ; въ концѣ концовъ онъ получилъ отвращеніе ко всякой пищѣ и питался исключительно только щами изъ кислой капусты. Если тѣло его и ослабѣло, то духъ оставался непоколебимымъ. Онъ больше всего боялся ослабленія умственныхъ способностей подъ вліяніемъ разслабляющаго дѣйствія тюрьмы, извѣстнымъ примѣромъ чего можетъ служить Сильвіо Пеликo; опасался потерять чувство ненависти и страсть бунтовать, которая его поддержикала, и дойти до состоянія всепрощенія своимъ палачамъ, покориться своей судьбѣ. Но страхъ этотъ оказался преувеличеннымъ; его энергія не оставляла его ни на одинъ день, и онъ вышелъ изъ тюрьмы такимъ же человѣкомъ, какимъ вошелъ въ нее. Чтобы развлечься отъ скуки долгаго одиночества онъ любилъ, по его словамъ, воспроизводить въ своемъ умѣ легенду о Прометеѣ, титанѣ-благодѣтелѣ людей, прикованномъ къ скалѣ Кавказа по приказу царя Олимпа; онъ намѣревался написать драму съ этимъ сюжетомъ, и намъ помнится составленная имъ мелодія, нѣжная и жалостливая, которую поетъ хоръ нимфъ океана, несущихъ успокоеніе жертвамъ злобы Юпитера“. (См. Bulletin de la Fédération jurassienne de l'Internationale, supplement au numero du 9 juillet 1876 г.).

Со смертью Николая можно было надѣяться, что перемѣна царствованія принесетъ облегченіе въ положеніи неукротимаго революціонера, но Александръ II своей собственной рукой вычеркнулъ имя Бакунина изъ списка амнистируемыхъ. Спустя мѣсяцъ послѣ этого, мать узника обратилась къ царю съ просьбою о помилованіи ея сына, но самодержецъ отвѣтилъ ей: „Знайте, сударыня, что пока будетъ жить вашъ сынъ, онъ никогда не выйдетъ на свободу“. Заключеніе Бакунина продол-

жалось еще два года послѣ смерти Николая. Александръ оставался глухъ ко всѣмъ просьбамъ о помиловании, съ которыми къ нему обращались. Однажды царь, держа въ рукахъ письмо Бакунина, написанное имъ къ Николаю въ 1851 г., обратился къ князю Горчакову, министру иностранныхъ дѣлъ со словами: „И не вижу ни малѣйшаго раскаянія въ этомъ письмѣ"! Наконецъ, въ 1857 г. Александръ, послѣ нѣкотораго колебанія, согласился замѣнить ему вѣчное заключеніе ссылкою въ Сибирь.

Бакунина водворили въ Томскѣ. Въ концѣ 1858 г. онъ женился на молодой полькѣ Антонинѣ Квятковской. Вскорѣ послѣ этого, благодаря вмѣшательству его родственниковъ со стороны матери, генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева-Амурскаго, Бакунина перевели въ Иркутскъ (мартъ, 1859 г.), гдѣ онъ поступилъ на службу въ Амурскую компанію, а потомъ въ золотопромышленное предпріятіе. Онъ надѣялся, однако, на свое освобожденіе и возвратъ въ Россію; но Муравьевъ вынужденъ былъ оставить свой постъ, и тогда Бакунинъ увидѣлъ, что ему для достиженія свободы не остается другого средства, кромѣ побѣга изъ Сибири. Въ іюнѣ 1860 г. подъ предлогомъ поѣздки съ цѣлью торговли и изученія края, съ разрѣшенія начальства и какъ представитель фирмы Сабашниковыхъ, онъ отправился изъ Иркутска и доѣхалъ до Николаевска на Амурѣ (2 іюля), отсюда на казенномъ суднѣ „Стрѣлокъ" добрался до порта Декастри, а отсюда уже на купеческомъ суднѣ „Викера" прибылъ въ Хакодади. Изъ Хакодади черезъ Іокогаму, Санъ-Франциско и Нью-Іоркъ 27 октября 1861 г. пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ по-братски былъ встрѣченъ Герценомъ и Огаревымъ.

V.

О первыхъ шести годахъ вторичнаго пребыванія Бакунина на Западѣ разсказажемъ очень коротко. Бакунинъ скоро понялъ, что, несмотря на личную дружбу, связывавшую его съ Герценомъ и Огаревымъ, онъ не могъ объединиться съ ними въ политической дѣятельности, органомъ которой служилъ имъ „*Колоколъ*". Въ продолженіе 1862 года онъ изложилъ свои идеи въ двухъ русскихъ брошюрахъ: „*Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ*" и „*Народное Дѣло. — Романовъ, Пугачевъ или Пестель?*"

Когда въ 1863 г. вспыхнуло польское возстаніе, онъ тотчасъ же попытался присоединиться къ руководившимъ имъ дѣятелямъ; но организація русскаго легіона не удалась; экспедиція Лапинскаго потерпѣла крушеніе, и Бакунинъ, уѣхавшій въ Стокгольмъ съ надеждою устроить вмѣшательство Швеціи, принужденъ былъ вернуться въ Лондонъ (октябрь), не достигнувъ цѣли. Послѣ этого онъ уѣхалъ въ Италію, откуда въ серединѣ 1864 г. совершилъ вторичную поѣздку въ Швецію, затѣмъ черезъ Лондонъ, гдѣ видѣлся съ Марксомъ, и Парижъ, гдѣ видѣлся съ Прудономъ, вернулся въ Италію, которая послѣ войны 1859 г. и героической экспедиціи Гарибальди въ 1860 г. возродилась къ новой жизни; здѣсь онъ оставался до осени 1867 г., живя сначала во Флоренціи, а потомъ въ Неаполѣ и его окрестностяхъ. Въ это время онъ выработалъ планъ тайной международной организаціи революціонеровъ съ цѣлью пропаганды, а когда наступитъ моментъ, то и дѣйствія. Съ 1864 г. ему удалось сгруппировать въ этомъ обществѣ извѣстное число итальянцевъ, французовъ, скандинавцевъ и славянъ; общество носило названіе *Международное Братство* или *Союзъ революціонныхъ соціалистовъ*. Въ Италіи Бакунину съ его друзьями пришлось упорно бороться съ мадзинистами, которые были авторитарными и религіозными республиканцами съ девизомъ *Богъ и Народъ (Dio e popolo)*. Въ Неаполѣ они основали журналъ „*Libertà e Giustizia*", въ которомъ Бакунинъ развилъ свою программу. Въ іюлѣ 1866 г. онъ писалъ Герцену о существованіи тайнаго общества, которому онъ посвятилъ всю свою дѣятельность послѣднихъ двухъ лѣтъ и сообщилъ имъ также программу его, которой, по его словамъ, два его старыхъ друга были „*очень скандализированы*". Организація же къ этому времени, по свидѣтельству Бакунина, имѣла членовъ въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Англіи, Бельгіи, Франціи, Испаніи и Италіи, а также Польшѣ и Россіи.

Въ 1867 г. буржуазные демократы различныхъ національностей, главнымъ образомъ, французы и нѣмцы, основали *Лигу Мира и Свободы* и созвали первый конгрессъ ея въ Женевѣ, надѣлавшій такъ много шуму. Бакунинъ питалъ еще тогда кое-какія надежды относительно демократовъ, поэтому явился на конгрессъ, произнесъ рѣчь, сдѣлался членомъ центральнаго комитета Лиги, самъ переселился въ Швейцарію, именно въ Веве и въ теченіе слѣдующаго года старался привести своихъ сотоварищей по комитету къ революціонному соціализму. На второмъ конгрессѣ Лиги, бывшемъ въ Бернѣ въ сентябрѣ 1768 г., онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими членами его тайной организаціи 1864 г.—Элизе Реклю, Аристидо Рей, Шарль Келлеръ, Викторъ Жаклиръ, Джузеппе Фанелли, Саверіо Фриша, Николай Жуковскій, Валеріанъ Мрочковскій и др.—сдѣлалъ попытки провести чисто соціалистическія резолюціи, но послѣ нѣсколькихъ дней дебатовъ, революціонные соціалисты увидя себя въ меньшинствѣ, объявили о своемъ отдѣленіи отъ Лиги 25 сентября 1868 г. Въ этотъ же день они основали новое общество подъ именемъ *Международный Союзъ Соціалистической Демократіи*, программу котораго редактировалъ Бакунинъ.

Въ этой программѣ, резюмирующей идеи, къ которымъ пришелъ авторъ послѣ долгой эволюціи, начавшейся въ Германіи въ 1842 г., говорится, между прочимъ, слѣдующее:

„Союзъ объявляетъ себя атеистическимъ: онъ желаетъ окон-

чательнаго и полнаго уничтоженія классовъ, уравненія политическаго, экономическаго и соціальнаго индивидуумовъ обоего пола; онъ желаетъ, чтобы земля, орудія труда и всякій другой капиталъ сдѣлался коллективной собственностью всего общества, могъ быть утилизированъ только рабочими, т. е. земледѣльческими и промышленными ассоціаціями рабочихъ.

„Онъ признаетъ, что всѣ существующія политическія и авторитарныя государства, превращаясь все болѣе и болѣе въ простыя административныя функціи общественныхъ службъ, должны исчезнуть по всеобщемъ союзѣ свободныхъ ассоціацій земледѣльческихъ и промышленныхъ".

Затѣмъ *Международный Союзъ Соціалистической Демократіи* объявилъ себя вѣтвью *Международнаго Общества Рабочихъ*, статуты котораго онъ принялъ.

Перваго сентября 1868 г. въ Женевѣ появился первый номеръ русскаго журнала „*Народное Дѣло*", подъ редакціей Бакунина и Н. Жуковскаго по „программѣ русской соціалистической демократіи", одинаковой въ сущности съ программою Международнаго Союза Соціалистической Демократіи. Со втораго номера этого журнала редакція уже перемѣнилась, и „*Народное Дѣло*" перешло въ руки Николая Утина, который придалъ ему совершенно другое направленіе.

VI.

Международное Общество Рабочихъ (Интернаціоналъ) основалось въ Лондонѣ 28 сентября 1864 г.; а окончательная его организація и принятіе основныхъ статутовъ его произошло на первомъ конгрессѣ, происходившемъ въ Женевѣ съ 3 по 8 сентября 1866 г.

Бакунинъ не встрѣчался съ Марксомъ съ 1848 г. Когда въ октябрѣ 1864 г. Бакунинъ былъ проѣздомъ въ Лондонѣ, его посѣтилъ Марксъ и пожелалъ объясниться съ нимъ по поводу клеветы, когда-то напечатанной имъ въ „*Neue Rheinische Zeitung*", и которую снова пустили въ обращеніе нѣмецкіе журналисты въ 1853 г. Маццини и Герценъ приняли на себя защиту оклеветаннаго русскаго и заключеннаго въ крѣпости; Марксъ по-этому случаю напечаталъ въ англійскомъ журналѣ „*Morning Advertiser*", что клевета эта не имѣетъ рѣшительно никакого основанія и прибавилъ къ этому, что Бакунинъ—его другъ, а теперь же повторилъ ему то же самое и при личномъ свиданіи. Послѣ этого разговора Марксъ предложилъ Бакунину присоединиться къ Интернаціоналу; но послѣдній, вернувшись въ Италію, предпочелъ посвятить себя организаціи тайнаго общества, о которомъ говорилось выше. Интернаціоналъ при самомъ началѣ, кромѣ Главнаго Совѣта въ Лондонѣ, имѣлъ еще въ Парижѣ одну группу рабочихъ мютюалистовъ, и ничто не указывало на то значеніе, которое онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи. Только

Михаилъ Александровичъ
БАКУНИНЪ.
40-хъ годовъ.

послѣ своего второго Конгресса, бывшаго въ Лозаннѣ въ сентябрѣ 1867 г., послѣ двухъ процессовъ въ Парижѣ и большой стачки въ Женевѣ въ 1868 г., онъ привлекъ на себя серьезное вниманіе, сдѣлался огромной силой, роль которой, какъ рычага революціонной дѣятельности, невозможно было игнорировать. На третьемъ конгрессѣ въ Брюсселѣ, въ сентябрѣ 1868 г., начали обнаруживаться идеи коллективизма въ противоположность кооперативизму. Съ іюля 1868 г. Бакунинъ сталъ числиться членомъ Женевской секціи и послѣ Бернскаго конгресса онъ переселился въ Женеву съ цѣлью дѣятельно вмѣшаться въ рабочее движеніе этого города.

Тотчасъ же имъ данъ былъ энергичный толчекъ пропагандѣ и организаціи. Путешествіе итальянскаго соціалиста Фанелли въ Испанію имѣло результатомъ основаніе интернаціональныхъ секцій въ Мадритѣ и Барселонѣ. Секціи французской Швейцаріи объединились въ одну федерацію подъ именемъ Романской федераціи, которая имѣла своимъ органомъ журналъ „*Равенство*“, основанный въ январѣ 1869 г. Въ Швейцарской Юрѣ завязалась борьба съ мнимыми соціалистами, тормозившими движеніе, и окончившаяся тѣмъ, что большинство юрскихъ рабочихъ примкнуло къ революціонному соціализму. Въ это время Бакунинъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Юру, чтобы поддержать своимъ словомъ боровшихся противъ тѣхъ, кого называли „реакціей, перерядившейся въ кооперацію“. Тогда же началась и дружба между нимъ и „юрцами“. Въ Женевѣ же столкновеніе между рабочими „строительными“, соціалистами-революціонерами по инстинкту, и рабочими „фабричными“ — часовщики, ювелиры и пр.,—стремившимися принимать участіе въ политикѣ вмѣстѣ съ мѣстными радикалами, благодаря вмѣшательству Бакунина окончилось побѣдой революціоннаго элемента, но, къ сожалѣнію, только временной. По этому случаю Бакунинъ велъ энергичную кампанію въ „*Равенствѣ*“, гдѣ въ рядѣ замѣчательныхъ статей изложилъ „политику Интернаціонала“. Интернаціональныя секціи во Франціи, Бельгіи и Испаніи дѣйствовали въ полномъ согласіи съ секціями французской Швейцаріи, и въ это время уже можно было предвидѣть, что на предстоящемъ конгрессѣ Ассоціаціи Рабочихъ коллективизмъ соберетъ огромное большинство голосовъ.

Главный Совѣтъ Ассоціаціи не захотѣлъ признать *Международный Союзъ Соціалистической Демократіи* (Альянсъ) какъ вѣтвь Интернаціонала, потому что онъ образовывалъ цѣлое международное общество и поэтому можетъ послужить причиной дезорганизаціи. Однимъ изъ мотивовъ такого рѣшенія было недоброжелательство Маркса къ Бакунину, въ которомъ знаменитый нѣмецкій коммунистъ хотѣлъ видѣть „интрижки“, желавшаго разрушить Интернаціоналъ и „преобразовать его въ послушное для себя орудіе“; но, независимо отъ личныхъ чувствъ Маркса, слѣдуетъ признать, что мысль создать рядомъ съ Интернаціо-

наломъ вторую подобную же организацію была неудачна, и бельгійскіе и юрскіе друзья Бакунина указали ему на это; онъ согласился съ этимъ и призналъ справедливымъ рѣшеніе Главнаго Совѣта. Вслѣдствіе этого „Центральное Бюро Союза", послѣ совѣщанія членовъ организаціи высказалось за распущеніе Союза. Мѣстная группа, создавшаяся въ Женевѣ, преобразовалась въ простую секцію Интернаціонала и, какъ таковая, была принята Главнымъ Совѣтомъ въ іюлѣ 1869 г.

На четвертомъ конгрессѣ Интернаціонала, засѣдавшемъ въ Базелѣ съ 6 по 12 сентября 1869 г., почти единодушно всѣ делегаты высказались за коллективную собственность; слѣдуетъ впрочемъ констатировать, что между ними образовалось двѣ различныхъ группы: одна—нѣмцы, нѣмецкіе швейцарцы, англичане были государственные коммунисты; другая—бельгійцы, французскіе швейцарцы, испанцы и почти всѣ французы—были коммунисты антигосударственные, или федералисты, или анархисты и которые приняли названіе себѣ: *коллективистовъ*. Естественно, что Бакунинъ принадлежалъ къ послѣднимъ, гдѣ съ нимъ вмѣстѣ, между прочими, были бельгіецъ Де-Папъ и парижанинъ Варленъ.

Тайная организація, основанная въ 1864 г., была распущена въ январѣ 1869 г. по причинамъ чисто внутреннимъ, но тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ ея членовъ сохранили между собою связь, и даже къ нихъ группѣ присоединилось еще нѣсколько новыхъ лицъ изъ швейцарцевъ, испанцевъ и французовъ и, между прочимъ, Варленъ. Такое совершенно свободное сближеніе людей, соединившихся для коллективной дѣятельности въ революціонное братство, придавало болѣе силы и связи великому движенію, которому Интернаціоналъ служилъ выразителемъ.

Лѣтомъ 1869 г. одинъ изъ друзей Маркса, Борхгеймъ, напечаталъ въ берлинской газетѣ „*Zukunft*" старую клевету, что „Бакунинъ—агентъ русскаго правительства", а Либкнехтъ повторилъ ее въ своей газетѣ „*Volksstaat*". Когда послѣдній пріѣхалъ на конгрессъ въ Базель, Бакунинъ пригласилъ его объясниться передъ третейскимъ судомъ. На этомъ судѣ саксонскій соціалистъ утверждалъ, что онъ никогда не обвинялъ Бакунина, что онъ ограничился только повтореніемъ того, что было уже напечатано въ другой газетѣ. Судъ единогласно объявилъ, что Либкнехтъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ съ преступнымъ легкомысліемъ и вручилъ Бакунину эту декларацію, подписанную всѣми членами суда; Либкнехтъ, признавая, что онъ введенъ былъ въ заблужденіе, пожалъ руку Бакунину, а послѣдній передъ всѣми зажегъ декларацію и закурилъ отъ нея свою сигаретку.

Послѣ Базельскаго конгресса Бакунинъ оставилъ Женеву и переѣхалъ въ Локарно. Это сдѣлано было только подъ вліяніемъ личныхъ мотивовъ: нужно было поселиться въ мѣстности, гдѣ болѣе дешевыя условія жизни, и гдѣ возможно было бы

болѣе спокойно заниматься переводами, которые онъ разсчитывалъ имѣть отъ одного петербургскаго издателя (прежде всего долженъ былъ переводиться „Капиталъ" Маркса). Отъѣздъ Бакунина изъ Женевы, къ сожалѣнію, освободилъ поле дѣятельности для политическихъ интригановъ, группировавшихся около русскаго эмигранта Николая Утина, извѣстнаго печальной ролью, разыгранною имъ въ Интернаціоналѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ имъ удалось дезорганизовать Интернаціоналъ и вполнѣ овладѣть редакціей газеты „*Равенство*". Марксъ, котораго злоба и жалкая ненависть противъ Бакунина, совсѣмъ ослѣпили, не постѣснялся унизиться до заключенія союза съ Утинымъ и кликой политиканствующихъ псевдо-соціалистовъ Женевы, дѣятелей Temple-Unique [1]). Въ то же время (28 марта 1870 г.) онъ разослалъ „конфиденціальное сообщеніе" своимъ друзьямъ въ Германіи, въ которомъ старается погубить Бакунина въ глазахъ нѣмецкихъ соціалистовъ демократовъ, представляя его агентомъ панславистской партіи, отъ которой онъ, по утвержденію Маркса, будто бы, получалъ ежегодно двадцать пять тысячъ франковъ.

Утину и его женевскимъ сподвижникамъ, благодаря интригамъ, удалось вызвать расколъ въ Романской Федераціи: она раздѣлилась на двѣ фракціи, изъ которыхъ одна, согласно съ интернаціоналистами Франціи, Бельгіи и Испаніи, высказалась за революціонную политику, объявивъ, что „всякое соучастіе рабочаго класса въ политикѣ господствующей буржуазіи всегда имѣетъ своимъ результатомъ укрѣпленіе существующаго порядка вещей"; между тѣмъ какъ другая фракція „пропагандировала политическое вмѣшательство и рабочія кандидатуры". Главный Совѣтъ въ Лондонѣ, нѣмцы и швейцарскіе нѣмцы присоединились къ послѣдней фракціи, фракціи Утина и *Temple Unique*, а французы, бельгійцы, испанцы—къ первой, т. е. фракціи Юры.

Въ этотъ моментъ Бакунинъ поглощенъ былъ русскими дѣлами. Уже съ весны 1869 г. онъ вошелъ въ сношенія съ Нечаевымъ; онъ вѣрилъ тогда въ возможность организовать огромное крестьянское возстаніе, какъ во времена Разина и Пугачева. Онъ напечаталъ тогда двѣ брошюры: „*Нѣсколько словъ молодымъ братьямъ изъ Россіи*" и „*Наука и насущное революціонное дѣло*". Нечаевъ вернулся въ Россію, но вынужденъ былъ снова бѣжать послѣ того, какъ были арестованы почти всѣ его друзья, и вся организація разрушена. Онъ возвратился въ Швейцарію въ январѣ 1870 г. Нечаевъ настаивалъ предъ Бакунинымъ, чтобы онъ оставилъ переводъ „Капитала" [2]) и посвятилъ себя

[1]) Помѣщеніе, въ которомъ собирался тогдашній женевскій Интернаціоналъ, старый масонскій храмъ.

[2]) За весь переводъ условлено было девятьсотъ руб., изъ которыхъ триста руб. Бакунинъ получилъ авансомъ. Переведя нѣсколько листовъ, онъ полагалъ, что переводъ можетъ окончить Жуковскій и поэтому имъ не занимался, а Нечаевъ обѣщалъ

вполнѣ русской революціонной пропагандѣ; отъ имени русскаго комитета, представителемъ котораго онъ себя называлъ, онъ получилъ отъ Огарева часть „Вахметьевскаго фонда"; другая часть этого фонда имъ была получена еще отъ Герцена въ предшествовавшемъ году. Бакунинъ написалъ еще двѣ брошюры: „*Къ офицерамъ русской арміи*" и по-французски „*Les Ours des Berne et l'Ours de St. Petersbourg*"; тогда же появилось нѣсколько номеровъ изъ новой серіи „*Колокола*" при его участіи. Вообще, въ это время онъ проявлялъ усиленную дѣятельность; но въ концѣ концовъ ему пришлось убѣдиться, что Нечаевъ разсчитываетъ пользоваться имъ, какъ орудіемъ, для обезпеченія своей личной диктатуры, прибѣгая къ іезуитскимъ пріемамъ. Послѣ рѣшительнаго объясненія между ними, имѣвшаго мѣсто въ іюлѣ 1878 г., онъ совсѣмъ прекратилъ всѣ свои отношенія къ молодому революціонеру. Бакунину пришлось платиться за свою слишкомъ большую довѣрчивость и за поразившую его страшную энергію Нечаева. „Нечего говорить,—писалъ Бакунинъ Огареву послѣ этого разрыва,—какую роль глупцовъ сыграли мы. Если бы былъ живъ Герценъ, какъ бы онъ надъ нами зло посмѣялся, и какъ бы былъ онъ правъ! Теперь намъ остается только проглотить эту горькую пилюлю и быть осторожнѣе на будущее время (2 августа 1870)".

VII.

Въ это время вспыхнула война между Франціей и Германіей, и Бакунинъ съ страстнымъ интересомъ слѣдилъ за ея перипетіями. 11 августа онъ писалъ Огареву: „ты—только русскій, между тѣмъ какъ я интернаціоналистъ". Въ его глазахъ пораженіе Франціи феодальной и военной Германіей было бы тріумфомъ контръ-революціи; избѣгнуть этого пораженія возможно было только призывомъ всего французскаго народа къ возстанію, чтобы не допустить иностраннаго нашествія и въ то же время избавиться отъ внутреннихъ тирановъ, державшихъ его въ политическомъ и экономическомъ рабствѣ. Онъ писалъ своимъ друзьямъ въ Ліонъ: „Патріотическое движеніе въ 1792 г.— ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что вы должны сдѣлать теперь, чтобы спасти Францію... Итакъ, возстаньте, друзья, съ пѣснію Марсельезы, которая въ настоящій моментъ—законный гимнъ Франціи, гимнъ свободы, гимнъ народа, гимнъ человѣчества, потому что дѣло Франціи стало дѣломъ человѣчества. Становясь патріотами, мы спасаемъ всемірную свободу... О, если бы я былъ молодъ, я не писалъ бы писемъ, а былъ бы среди васъ!".

ему устроить все это дѣло; но вмѣсто того, чтобы окончить его колебанія, онъ, безъ вѣдома Бакунина, написалъ издателю (Полякову) письмо, въ которомъ говорилъ, что, по требованію революціоннаго комитета, переводъ не можетъ быть оконченъ Бакунинымъ; письмо оканчивалось угрозою по адресу издателя въ случаѣ его протеста.

Корреспондентъ „*Volkstaat*" (газета Либкнехта) писалъ, что парижскіе рабочіе „индифферентны къ настоящей войнѣ". Бакунинъ глубоко возмущался, что можно приписывать имъ такую преступную апатію, и писалъ имъ, что они не могутъ не интересоваться нѣмецкимъ нашествіемъ, что они безусловно обязаны защищать свободу противъ вооруженныхъ бандъ прусскаго деспотизма. „А,—восклицалъ онъ,—если бы Францію заняла армія пролетаріата Германіи, Англіи, Бельгіи, Испаніи, Италіи, высоко несущаго знамя революціоннаго соціализма и объявляющаго міру окончательную эмансипацію труда, тогда и первый закричалъ бы французскимъ рабочимъ: это ваши братья, встрѣчайте ихъ съ распростертыми объятіями и соединяйтесь съ ними, чтобы вымести остатки сгнившаго буржуазнаго міра!". Но нашествіе, позорящее въ настоящій моментъ Францію, есть нашествіе аристократическое, монархическое, военное... Французскіе рабочіе, оставаясь предъ нимъ пассивнымъ, измѣнятъ дѣлу не только своей собственной свободы, но измѣняютъ дѣлу пролетаріата всего міра, святому дѣлу революціоннаго соціализма".

Идеи Бакунина о тогдашнемъ положеніи дѣлъ и о томъ, какъ спасти Францію и дѣло свободы, были изложены имъ въ небольшой брошюрѣ, появившейся въ началѣ сентября подъ названіемъ „Письма къ Французу".

Девятаго сентября онъ уѣхалъ изъ Локарно въ Ліонъ и прибылъ туда пятнадцатаго. Тотчасъ же образовался „Комитетъ спасенія Франціи", чтобы организовать революціонное возстаніе; Бакунинъ былъ самымъ дѣятельнымъ и самымъ смѣлымъ его членомъ; программа движенія была опубликована 26 сентября въ видѣ прокламаціи на красной бумагѣ, подписанной делегатами Ліона, Сентъ-Этьена, Тарара, Марселя. Бакунинъ, хотя и иностранецъ, ни минуты не колебался присоединить свою подпись къ подписямъ друзей, чтобы раздѣлить съ нимъ всѣ опасности и отвѣтственность. Прокламаціи эти объявляли, что „административная и правительственная машина государства, сдѣлавшись безсильною, отмѣняется" и что „французскій народъ беретъ самъ въ свои руки все дѣло" и затѣмъ предлагали всѣмъ общинамъ Франціи образовать комитеты спасенія и немедленно прислать въ Ліонъ по два делегата отъ каждаго районнаго комитета, изъ которыхъ „образуется революціонный конвентъ для спасенія Франціи". Народное движеніе 26 сентября помогло революціонерамъ овладѣть ратушей (Hôtel de ville) Ліона; но измѣна генерала Клюзере и трусливость нѣкоторыхъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ народа, принесли къ нарушенію этой попытки. Относительно Бакунина прокуроромъ Республики былъ изданъ приказъ о немедленномъ его арестѣ, но несмотря на это ему удалось уѣхать въ Марсель, гдѣ онъ, скрываясь нѣкоторое время, подготовлялъ новое движеніе. Французскія власти усердно распространяли тогда слухъ, что онъ служитъ агентомъ

Пруссіи, и что правительство Національной Защиты имѣетъ доказательства этого; а Либкнехтъ, съ своей стороны, напечатавъ въ „*Volksstaat*ѣ“ нѣсколько строкъ о движеніи 28 сентября въ Лионѣ и о прокламаціи на красной бумагѣ, въ заключеніе прибавляетъ: „чтобы служить замысламъ Бисмарка даже полицейское бюро прессы въ Версалѣ ничего не могло лучше этого сдѣлать“.

24 октября Бакунинъ, крайне огорченный положеніемъ Франціи, оставилъ Марсель, перебравшись на бортъ корабля, капитаномъ котораго былъ другъ его друзей, чтобы черезъ Геную и Миланъ вернуться въ Локарно. Наканунѣ отъѣзда онъ писалъ письмо Сентиньону, истинному социалисту, пріѣхавшему во Францію съ надеждою вмѣшаться въ революціонное движеніе: „Французскій народъ совсѣмъ нереволюціоненъ... Милитаризмъ, бюрократизмъ, дворянская надменность и протестантскій іезуитизмъ Пруссіи, дружески соединившись съ кнутомъ моего дорогого суверена и императора всея Россіи, торжествуютъ побѣду на континентѣ Европы, вѣроятно, на очень продолжительное время. Прощайте всѣ наши мечты о грядущей эмансипаціи!“ Движеніе, вспыхнувшее въ Марселѣ 31 октября, спустя семь дней послѣ отъѣзда Бакунина подтвердило его пессимистическій приговоръ: революціонная коммуна, учрежденная въ Hôtel de Ville'ѣ подъ впечатлѣніемъ капитуляціи Базена, продержалась только пять дней и 4 ноября передала свою власть въ руки комиссара Гента, присланнаго Гамбеттой.

Вернувшись въ Локарно, гдѣ онъ всю зиму прожилъ въ уединеніи, испытывая матеріальную нужду и лишенія, Бакунинъ написалъ „*L'Empire knouto-germanique et la révolution sociale*“, которая служитъ продолженіемъ „*Письма къ Французу*“ и выясняетъ новое положеніе Европы, созданное войною; брошюра эта появилась весною 1871 г. Извѣстіе о парижскомъ возстаніи 18-го марта отчасти опровергало его мрачныя предсказанія, показавъ, что парижскій пролетаріатъ, по меньшей мѣрѣ, сохранилъ свою энергію и свой бунтовской духъ. Но героизмъ парижскаго народа не въ силахъ былъ гальванизировать истощенную и побѣжденную Францію: многочисленныя попытки въ разныхъ мѣстахъ провинціи распространить коммунальное движеніе, потерпѣли крушеніе, и храбрые парижскіе инсургенты были, наконецъ, раздавлены численнымъ превосходствомъ врага, и Бакунинъ, съ конца апрѣля жившій среди юрскихъ друзей, чтобы быть ближе французской границы, снова долженъ былъ вернуться въ Локарно перваго іюня. Но на этотъ разъ онъ былъ далеко не обезкураженъ. Парижская Коммуна, предметъ страшной ненависти всей коализированной реакціи, зажгла искру надежды въ сердцахъ всѣхъ эксплоатируемыхъ; пролетаріатъ всего міра привѣтствовалъ героическій народъ, потоками проливавшій свою кровь за эмансипацію человѣчества; „современный Сатана, великій бунтовщикъ побѣжденъ, но не успокоенъ“

по выраженію Бакунина. Итальянскій патріотъ Маццини присоединилъ свой голосъ къ тѣмъ, кто проклиналъ Парижъ и Интернаціоналъ; Бакунинъ написалъ „*Réponse d'un internationale à Mazzini*“, появившійся въ августѣ 1871 г. одновременно по-итальянски и по-французски; онъ произвелъ огромную сенсацію въ Италіи и среди молодежи и рабочихъ вызвалъ большое движеніе умовъ, послужившее основаніемъ многочисленныхъ секцій Интернаціонала къ концу 1871 г. Вторая его брошюра „*La Theologie politique de Mazzini et l'Internationale*“ окончила начатое дѣло, и Бакунинъ, создавшій Интернаціоналъ въ Испаніи, благодаря отправкѣ туда Фанелли въ 1868 году, теперь создалъ Интернаціоналъ въ Италіи, благодаря полемикѣ его съ Маццини въ 1871 г. Итальянскій Интернаціоналъ съ жаромъ бросился въ борьбу не только противъ господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ, но и противъ покушеній отдѣльныхъ лицъ, стремившихся въ этотъ моментъ установить принципы власти въ Международной Ассоціаціи Рабочихъ.

VIII.

Расколъ въ Романской Федераціи могъ бы окончиться примиреніемъ, если бы этого пожелалъ Главный Совѣтъ въ Лондонѣ, и если бы агенты Совѣта Утинъ не былъ вѣроломнымъ; на самомъ же дѣлѣ онъ еще болѣе усилился и сталъ непоправимымъ. Въ августѣ 1870 г. Бакунинъ и его трое друзей были исключены изъ Женевской секціи за то, что выразили свое сочувствіе юрцамъ. Вслѣдъ за окончаніемъ войны 1870—1871 гг. въ Женевѣ появились агенты Маркса съ цѣлью возобновить тамъ раздоры; члены Альянса, закрывая свою секцію, полагали, что это послужитъ доказательствомъ ихъ мирныхъ намѣреній, но партизановъ Маркса и Утина это не обезоружило; новая секція пропаганды и революціонно-соціалистической дѣятельности, основанная въ Женевѣ эмигрантами Парижской Коммуны и въ которую вступили бывшіе члены Альянса, не была принята въ Интернаціоналъ Главнымъ Совѣтомъ. Главный Совѣтъ, по настоянію Маркса и Энгельса, рѣшилъ созвать въ Лондонѣ, въ сентябрѣ 1871 г., вмѣсто общаго конгреса Интернаціонала тайную конференцію, составившуюся почти исключительно изъ приверженцевъ Маркса. Они же и побудили ее принять рѣшенія, нарушавшія автономію секцій и федерацій Ассоціаціи, предоставивъ Главному Совѣту власть, противную Статутамъ Общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ конференція предполагала организовать подъ руководствомъ того же Совѣта такъ называемую „политическую дѣятельность рабочаго класса“.

Крайне необходимо было помѣшать небольшой группѣ сектантовъ, марксистовъ и бланкистовъ, поглотить Интернаціоналъ, такую обширную федерацію союзовъ, организованныхъ для борьбы на экономической почвѣ противъ эксплоатаціи ка-

питала. 12 ноября 1871 г. Юрскія секціи вмѣстѣ съ Женевской секціей пропаганды основали въ Сонвилье Юрскую Федерацію и обратились ко всѣмъ федераціямъ Интернаціонала съ воззваніемъ, приглашавшимъ ихъ присоединиться къ этой организаціи съ цѣлью борьбы противъ захватовъ Главнаго Совѣта и энергичнаго отстаиванія своихъ автономій. „Будущее общество—говорилось въ воззваніи—будетъ не что иное, какъ всемірное распространеніе организаціи Интернаціонала; поэтому мы должны употребить всѣ наши силы, чтобы эту организацію по-возможности приблизить къ нашему идеалу. Возможно ли, чтобы свободное и равноправное общество образовалось изъ авторитарной организаціи? Нѣтъ, невозможно. Интернаціоналъ, какъ зародышъ будущаго общества, долженъ теперь же быть вѣрнымъ изображеніемъ нашихъ принциповъ свободы и федераціи и долженъ отвергать всякій принципъ, клонящійся къ власти и диктатурѣ".

Бакунинъ съ энтузіазмомъ принялъ воззваніе, составленное въ Сонвилье и самымъ энергичнымъ образомъ сталъ пропагандировать его принципы среди итальянскихъ секцій. Испанія, Бельгія, большая часть секцій Франціи, превратившихся подъ вліяніемъ версальской реакціи въ тайные союзы и большинство секцій Соединенныхъ Штатовъ, высказались въ пользу Юрской Федераціи. Послѣ этого можно было быть увѣреннымъ, что стремленіе Маркса и его сторонниковъ подчинить Интернаціоналъ своей власти потерпитъ неудачу. Въ первой половинѣ 1872 г. былъ изданъ Главнымъ Совѣтомъ „секретный циркуляръ", составленный Марксомъ и напечатанный отдѣльной брошюрой подъ названіемъ: „Мнимый расколъ въ Интернаціоналѣ". Главные дѣятели автономистовъ, или федералистовъ подвергаются здѣсь личнымъ нападкамъ и диффамаціи, а протесты, поднимавшіеся со всѣхъ сторонъ противъ извѣстныхъ дѣяній Главнаго Совѣта, изображаются, какъ результатъ интриги, замышленной членами прежняго Международнаго Союза Соціалистической Демократіи, которые, подъ руководствомъ „таинственнаго папы изъ Локарно", работали надъ разрушеніемъ Интернаціонала. Бакунинъ совершенно вѣрно сказалъ, чего заслуживаетъ этотъ циркуляръ въ письмѣ къ своимъ друзьямъ: „Дамокловъ мечъ, которымъ такъ долго намъ угрожали, наконецъ, палъ на наши головы. Но, собственно говоря, это не мечъ, а обычное оружіе г. Маркса—куча сквернословія".

Лѣто и осень 1872 г. Бакунинъ провелъ въ Цюрихѣ, гдѣ, по его иниціативѣ, перваго августа организовалась Славянская секція почти исключительно изъ студентовъ и студентокъ русскихъ и сербовъ; они присоединились къ Юрской Федераціи Интернаціонала. Еще въ апрѣлѣ въ Локарно онъ завязалъ сношенія съ нѣсколькими студентами и организовалъ изъ нихъ тайный кружокъ дѣйствій и пропаганды. Наиболѣе дѣятельнымъ членомъ этого кружка былъ Арманъ Россъ (Мих. Саженъ), который былъ тѣсно связанъ съ Бакунинымъ съ лѣта 1870 года и оставался до весны 1876 г. главнымъ посредникомъ между русской молодежью и великимъ революціоннымъ агитаторомъ. Можно сказать, что пропаганда, ведомая тогда Бакунинымъ, послужила импульсомъ для дѣятельности молодежи въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ: это имъ былъ данъ паролъ, что молодежь должна „идти въ народъ". Россъ устроилъ русскую типографію въ Цюрихѣ, въ которой въ 1878 г. подъ названіемъ „Историческое развитіе Интернаціонала" напечатанъ былъ сборникъ статей, появлявшихся въ бельгійскихъ и швейцарскихъ соціалистическихъ журналахъ, съ нѣкоторыми примѣчаніями разныхъ авторовъ и, между прочимъ, со статьей Бакунина объ Альянсѣ; въ 1874 г. издано было сочиненіе Бакунина „Государственность и Анархія" [1]. Славянская секція прекратила свое существованіе въ Цюрихѣ въ 1873 г. вслѣдствіе разногласія между нѣкоторыми членами, а также и благодаря столкновенію съ П. Л. Лавровымъ.

Между тѣмъ Главный Совѣтъ рѣшилъ созвать общій конгрессъ 2-го сентября 1872 г. Мѣстомъ засѣданій конгресса онъ избралъ Гагу, чтобы облегчить прибытіе изъ Лондона возможно большему числу, снабженныхъ фиктивными или данными изъ любезности полномочіями делегатовъ, вполнѣ преданныхъ политикѣ Совѣта, и съ другой стороны, чтобы затруднить пріѣздъ на конгрессъ делегатамъ отдаленныхъ федерацій, а для Бакунина сдѣлать его совершенно невозможнымъ. Вновь учрежденная Итальянская федерація совсѣмъ воздержалась отъ посылки делегатовъ; Испанская федерація послала 4, Юрская федерація—2, Бельгійская—7, Голландская—4, Англійская—5. Эти 22 делегата, единственно истинные представители Интернаціонала, образовали ядро меньшинства. Большинство, въ числѣ 40 человѣкъ, въ дѣйствительности было представителемъ только самого себя, и оно заранѣе рѣшило исполнить все, что будетъ ему продиктовано которіей, руководимой Марксомъ и Энгельсомъ. Мы коснемся здѣсь только одного акта конгресса въ Гагѣ—исключенія Бакунина изъ Интернаціонала; оно было принято въ самый послѣдній день засѣданій (7 сентября), когда треть делегатовъ уже разъѣхалась при 27 голосахъ за, восьми противъ и восьми воздержавшихся. Мотивы, на основаніи которыхъ, послѣ жалкаго подобія разслѣдованія при закрытыхъ дверяхъ въ комиссіи изъ 5 лицъ, Марксъ и его сторонники потребовали исключенія Бакунина, сводились къ двумъ слѣдующимъ: „Доказывается проектомъ устава и письмами за подписью *Бакунина*, что этотъ гражданинъ стремился и, быть можетъ, уже успѣлъ организовать общество въ Европѣ подъ именемъ Союзъ (Альянсъ), уставъ котораго какъ съ соціаль-

[1] Третій томъ: „Анархія по Прудону", напечатанный въ Лондонѣ, куда была перенесена типографія въ 1874 г., не принадлежитъ Бакунину.

ной, такъ и съ политической точки зрѣнія совершенно расходится со статутами Международной Ассоціаціи Рабочихъ; что гражданинъ Бакунинъ прибѣгалъ къ безчестнымъ пріемамъ съ цѣлью завладѣть частью или всѣмъ достояніемъ другого лица, что составляетъ дѣяніе мошенническое; что, кромѣ этого, чтобы отдѣлаться отъ исполненія своихъ обязательствъ, онъ или его агенты прибѣгали къ застращиваньямъ[a]. Вотъ именно къ этой второй части обвинительнаго акта марксистовъ противъ Бакунина, гдѣ дѣлается указаніе на триста руб., полученныхъ впередъ Бакунинымъ за переводъ „Капитала“ и на письмо Нечаева къ издателю Полякову, объ этомъ переводѣ и я указывалъ выше, какъ на покушеніе на нравственное убійство.

Противъ такой низости и подлости немедленно былъ напечатанъ по-французски протестъ группы русскихъ эмигрантовъ. Приводимъ здѣсь существенныя выдержки изъ него: „Женева и Цюрихъ, 4 октября 1872 г.... Нашему другу Михаилу Бакунину осмѣлились бросить обвиненіе въ мошенничествѣ и шантажѣ... Мы не считаемъ ни необходимымъ, ни своевременнымъ опровергать здѣсь поныне факты, на которые разсчитывали опереться для подтвержденія нелѣпаго обвиненія, взведеннаго на нашего соотечественника и друга. Факты эти намъ хорошо извѣстны, извѣстны до мельчайшихъ подробностей, и мы считаемъ своей обязанностью возстановить ихъ съ полной правдивостью тотчасъ же, какъ только явится возможность это сдѣлать. Въ настоящее время этому препятствуетъ несчастное положеніе другого нашего соотечественника, хотя не принадлежащаго къ числу нашихъ друзей, но въ данный моментъ сдѣлавшагося для насъ священнымъ въ виду преслѣдованія его со стороны русскаго правительства [1]. Г. Марксъ, ловкость котораго мы не намѣрены оспаривать, на этотъ разъ по меньшей мѣрѣ очень плохо разсчиталъ. Сердца честныхъ людей всюду будутъ испытывать, безъ сомнѣнія, только негодованіе и отвращеніе къ виду такой грубой интриги и такого вопіющаго нарушенія самыхъ обыденныхъ принциповъ справедливости. Что же касается Россіи, то мы можемъ увѣрить г. Маркса, что всѣ его маневры потерятъ полную неудачу: Бакунинъ тамъ пользуется слишкомъ большимъ уваженіемъ и извѣстностью, чтобы клевета могла его коснуться... (Подписали) Николай Огаревъ, Вароломей Зайцевъ, Владиміръ Озеровъ, Арманъ Россъ, Владиміръ Гольштейнъ, Земфирій Ранли, Александръ Эльсницъ, Валеріанъ Смирновъ“.

IX.

Вслѣдъ за окончаніемъ конгресса въ Гаагѣ, 15 сентября собрался другой интернаціональный конгрессъ въ Сентъ-Имье въ швейцарской Юрѣ; въ немъ приняли участіе всѣ делегаты Итальянской, Испанской и Юрской Федерацій и представители французскихъ и американскихъ секцій. Конгрессъ этотъ единогласно провозгласилъ: „отвергнуть всѣ резолюціи Гаагскаго конгресса и отнынѣ не признавать полномочій избраннаго послѣднимъ новаго Главнаго Совѣта“, переведеннаго въ Нью-Іоркъ. Итальянская Федерація еще 4 августа на конференціи въ Римини вотировала за резолюціи, принятыя въ Сентъ-Имье; Юрская Федерація утвердила ихъ на спеціальномъ конгрессѣ, состоявшемся тоже 15 сентября; большая часть французскихъ секцій поспѣшили выразить свое полное ихъ одобреніе; Испанская и Бельгійская Федераціи, въ свою очередь, утвердили эти резолюціи на своихъ мѣстныхъ конгрессахъ, происходившихъ въ Кордовѣ и Брюсселѣ на Рождествѣ 1872 г.; Американская Федерація, на засѣданіи своего федеральнаго конгресса 19 января 1873 г., и Англійская Федерація, на своемъ конгрессѣ 26 января 1873 г. Къ Англійской Федераціи принадлежали, между прочимъ, Эккаріусъ и Юнгъ, два старыхъ друга Маркса, которые, вслѣдствіе его такихъ поступковъ, отдѣлились отъ него [1]).

Нью-Іоркскій Главный Совѣтъ, желая сдѣлать употребленіе изъ власти, предоставленной ему Гаагскимъ конгрессомъ, постановилъ 5 января 1873 г. закрытіе Юрской Федераціи, объявивъ ее мятежной. Единственнымъ результатомъ такого поступка явилось то, что Голландская Федерація, питавшаяся до сихъ поръ сохранять нейтралитетъ, теперь отбросила свою сдержанность и присоединилась къ семи другимъ федераціямъ Интернаціонала, заявивъ 14 февраля 1873 г., что она не признаетъ закрытія Юрской Федераціи.

Во второй половинѣ 1873 г. Марксъ съ небольшой группой лицъ, оставшихся ему вѣрными, напечаталъ памфлетъ, наполненный самыми грубыми искаженіями истины подъ заглавіемъ „Союзъ Соціалистической Демократіи и Международная Ассоціація Рабочихъ“, единственнымъ результатомъ его было чувство отвращенія у всѣхъ, читавшихъ это печальное произведеніе злѣйшей ненависти.

1-го сентября 1873 г. въ Женевѣ открылся шестой общій конгрессъ Интернаціонала, на которомъ присутствовали представители Федерацій Бельгіи, Голландіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи и Швейцарской Юры; Берлинскіе соціалисты пасальмяны прислали сочувственную телеграмму, подписанную Газенклеверомъ и Гассельманомъ. Конгрессъ занялся пересмотромъ статутовъ Интернаціонала; онъ постановилъ уничтоженіе Главнаго Совѣта и создалъ изъ Интернаціонала свободную федерацію, не имѣющую болѣе во главѣ никакой господствующей власти: „федераціи и секціи, входящія въ составъ Ассоціаціи,—

[1]) 14 августа 1872 г. въ Цюрихѣ арестовали Нечаева, а 27 октября швейцарское правительство уже его выдало русскому правительству.

[1]) Взаимности отдѣлились отъ Маркса еще 6 сентября на Гаагскомъ конгрессѣ, обвинивъ его въ измѣнѣ.

какъ сказано въ новыхъ статутахъ (параграфъ 3),—сохраняютъ за собою полную автономію, т. е. право организоваться по собственному желанію, управлять своими дѣлами безъ всякаго внѣшняго вмѣшательства и опредѣлять самостоятельно путь, по которому онѣ предполагаютъ слѣдовать для достиженія эмансипаціи труда".

Жизнь, преисполненная долгой борьбы, утомила Бакунина: тюрьма преждевременно его состарила, здоровье его было сильно расшатано, и онъ жаждалъ теперь уединенія и покоя. Когда онъ увидѣлъ реорганизированный Интернаціоналъ благодаря тріумфу принципа свободной федераціи, онъ думалъ, что теперь наступилъ моментъ разстаться съ своими товарищами и поэтому написалъ письмо членамъ Юрской Федераціи (12 октября 1873 г.), въ которомъ „просить ихъ принять его увольненіе изъ членовъ Юрской Федераціи и изъ Интернаціонала", прибавляя: „я не чувствую въ себѣ болѣе необходимыхъ силъ для борьбы; въ лагерѣ пролетаріата я буду только помѣхой, а не пособникомъ... я удаляюсь, дорогіе товарищи, полный признательности къ вамъ и симпатіи къ вашему великому и святому дѣлу, дѣлу человѣчества. Я буду слѣдить съ братскимъ безпокойствомъ за вашими шагами и буду привѣтствовать съ восторгомъ каждый вашъ новый успѣхъ. До смерти я останусь вашимъ". Послѣ этого письма онъ не прожилъ и трехъ лѣтъ.

Одинъ изъ друзей Бакунина, итальянскій революціонеръ Карло Кафіеро далъ ему пріютъ въ виллѣ, купленной имъ близъ Локарно въ итальянской части Швейцаріи. Здѣсь Бакунинъ и жилъ до средины 1874 г., казалось, исключительно поглощенный новымъ образомъ жизни, въ которомъ онъ нашелъ, наконецъ, покой, безопасность и относительное благосостояніе. Однако онъ не переставалъ смотрѣть на себя, какъ на солдата революціи: итальянскіе друзья его подготовляли возстаніе, и онъ отправился въ Болонью (іюль 1874), чтобы принять въ немъ участіе; но движеніе, плохо разсчитанное, не удалось, и Бакунинъ принужденъ былъ переодѣтымъ вернуться въ Швейцарію.

Въ это время небольшое облако омрачило дружбу Бакунина и Кафіеро. Послѣдній, безразсчетно передавая свое состояніе на революціонныя дѣла, оказался близокъ къ разоренію и поэтому вынужденъ былъ продать виллу, а Бакунинъ вслѣдствіе этого переѣхалъ въ Лугано, гдѣ благодаря долѣ наслѣдства, полученной отъ братьевъ, онъ могъ существовать съ семьей. Временное охлажденіе между Бакунинымъ и Кафіеро было непродолжительно, и дружескія отношенія между ними скоро возстановились. Между тѣмъ болѣзнь его прогрессировала, разрушая тѣло и духъ, и въ 1875 г. отъ Бакунина оставалась только одна тѣнь его. Въ іюнѣ 1876 г., въ надеждѣ облегчить свои страданія, онъ отправился изъ Лугано въ Бернъ, куда прибылъ 14 іюня къ своему другу, доктору Адольфу Фогту, и обратился къ нему со словами: „Я пріѣхалъ сюда, чтобы ты поставилъ меня на ноги или

же умереть здѣсь". Его помѣстили въ клиникѣ Hug-Braun's, гдѣ въ продолженіе двухъ недѣль онъ окруженъ былъ нѣжными заботами своихъ старыхъ друзей Фогта и Рейхеля. Въ одной изъ послѣднихъ бесѣдъ (15 іюня), отмѣченныхъ Рейхелемъ, говоря о Шопенгауэрѣ, Бакунинъ замѣтилъ, что вся наша философія исходитъ изъ ложной базы: „она разсматриваетъ человѣка, какъ индивида, вмѣсто того, чтобы разсматривать его, какъ существо, принадлежащее коллективности; отсюда большая часть философскихъ заблужденій, приводящихъ то къ грезѣ о загробномъ счастьи, то къ пессимизму Шопенгауэра и Гартмана". 21 іюня на сожалѣніе, выраженное Рейхелемъ, что Бакунинъ не нашелъ времени написать свои воспоминанія, онъ отвѣтилъ: „скажи-ка, для кого я сталъ бы ихъ писать? Не стоитъ открывать рта. Въ настоящій моментъ народы всѣхъ странъ утеряли революціонный инстинктъ... Нѣтъ, если я еще поправлюсь, я желалъ бы лучше написать этику, основанную на принципахъ коллективизма безъ философскихъ и религіозныхъ фразъ".

Бакунинъ умеръ перваго іюля въ полдень.

Третьяго іюля съѣхались соціалисты въ Бернъ изъ различныхъ мѣстностей Швейцаріи, чтобы отдать послѣдній долгъ Бакунину. Надъ гробомъ его были произнесены рѣчи нѣкоторыми изъ его друзей изъ Юрской Федераціи, какъ Адемаромъ Швитгебелемъ, Жемсомъ Гильомомъ, Элизе Реклю, Николаемъ Жуковскимъ отъ лица русскихъ, Поль Брусссомъ отъ французской революціонной молодежи; Карломъ Сальвіони отъ итальянской революціонной молодежи, Бетсіеномъ отъ имени нѣмецкаго пролетаріата. На собраніи, состоявшемся послѣ похоронъ, всѣ присутствующіе сошлись на единодушномъ желаніи предать забвенію на могилѣ Бакунина всѣ чисто личныя распри и объединить на почвѣ свободы всѣ фракціи соціалистической партіи всего міра. Слѣдующая резолюція была единодушно принята:

„Собравшіеся въ Бернѣ по случаю смерти М. Бакунина рабочіе пяти различныхъ національностей,—при чемъ одни партизаны рабочаго государства, другіе приверженцы свободной федераціи группъ производителей,—считаютъ, что примиреніе не только очень полезно, очень желательно, но и очень легко на почвѣ принциповъ Интернаціонала, какъ они формулированы третьимъ параграфомъ основныхъ статутовъ, пересмотрѣнныхъ на Женевскомъ конгрессѣ 1873 года.

„Въ силу этого собраніе, состоявшееся въ Бернѣ, предлагаетъ всѣмъ рабочимъ забыть вредныя и прискорбныя распри въ прошломъ и объединиться тѣснѣе на почвѣ принциповъ, изложенныхъ въ третьемъ параграфѣ вышеупомянутыхъ статутовъ".

Желаете ли знать, какой данъ былъ отвѣтъ на это предложеніе объединиться на принципѣ свободы и забвеніи прошлыхъ раздоровъ? Цюрихскій „*Tagwacht*" (редакторъ Германнъ Грейлихъ)

помѣстилъ у себя слѣдующія строки въ номерѣ отъ 8 іюля: „На Бакунина смотрѣли многіе хорошіе соціалисты, люди безпартійные, какъ на *русскаго агента*; это подозрѣніе, ложное безсмыслія, основывалось на томъ, что разрушительная дѣятельность Бакунина приносила только зло революціонному движенію и въ то же время была очень полезна для реакціи". Такая клевета *„Tagwacht"а*, а также недоброжелательные отзывы лейпцигскаго *„Volksstaat"* и лондонскаго *„Впередъ"* показали друзьямъ Бакунина, что противники, преслѣдовавшіе его своей ненавистью, не расположены обезоружиться. Въ виду такихъ враждебныхъ манифестацій *„Bulletin de la Fédération Jurassienne"* напечаталъ 10 сентября такое заявленіе: „Мы желаемъ, и наше поведеніе всегда доказывало это, сближенія по мѣрѣ возможности всѣхъ соціалистическихъ группъ; мы готовы протянуть руку примиренія всѣмъ, кто искренно желаетъ бороться за освобожденіе труда; но въ то же время мы твердо рѣшились не допускать оскорблять памяти нашихъ дорогихъ покойниковъ".

Не наступилъ ли, наконецъ, моментъ, когда потомство безпристрастно можетъ судить личность и дѣятельность М. А. Бакунина, и можно ли надѣяться, что желаніе, выраженное его друзьями надъ только что закрывшеюся могилою, наконецъ, осуществится?

Ж. Гильомъ.

Письмо М. А. Бакунина неизвѣстному [1]).

12 мая 1862 года. Лондонъ.
10, Paddington Green. M.

Милый другъ! Ты изъявилъ мнѣ желаніе, чтобы я передалъ тебѣ мой взглядъ на настоящее положеніе славянъ и сообщилъ письменно о средствѣ освобожденія ихъ отъ всякаго, а особенно отъ нѣмецкаго ига. Вскорѣ въ *лондонскомъ „Колоколѣ"* появится мое сочиненіе объ этомъ предметѣ: родъ воззванія къ славянамъ, въ которомъ я пространнѣе и полнѣе разберу этотъ вопросъ; теперь же я удовольствуюсь общими указаніями.

Со времени Пражскаго конгресса начинается новая жизнь, новая исторія славянъ; только съ 1848 года они поняли и сознали свое европейское значеніе. Но съ тѣхъ поръ они многое утратили. На мѣсто общаго великаго славянскаго движенія, коего душой былъ безсмертный Шафарикъ, а Прага—центромъ большей части славянскаго міра, была препоставлена хотя хитрая и умная, но крайне непрактическая и вредная политика централизаціи, вслѣдствіе чего у васъ большинство официальныхъ лицъ нѣмцы. Всякая земля за себя, а чортъ за Австрію—вотъ избранная поговорка настоящихъ вашихъ предводителей. Софисты Палацкій и Ригеръ все у васъ перевернули; отравили юность, ложно руководили ее и морочили народъ. Заставили васъ измѣнить идеалу, коимъ столь могущественны были славяне, вмѣсто того внушили вамъ, что ваше единственное спасеніе заключается въ нѣмецкихъ теоріяхъ давно состарѣвшейся и никуда негодной политики. Что вы пріобрѣли? Вамъ измѣнили, васъ продали; вамъ навязали выборное начало, которое есть не что иное, какъ опіумъ, данная историческимъ и національнымъ преданіямъ; и все это потому, что официальное большинство у васъ нѣмцы. Привязъ патентъ, пославъ вашихъ выборныхъ въ Вѣну, вы этимъ утвердили зависимость Вѣдой Горы и тѣмъ дали восторжествовать германцамъ надъ славянами. Вы своими собственными

[1]) Настоящее письмо очень характерно для опредѣленія панславистическихъ идей Бакунина въ 1862 году. Оно является прекраснымъ дополненіемъ его „Воззванія къ славянамъ", прочитаннаго на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ 1848 года и напечатаннаго въ прагомановскомъ изданіи его рѣчей и воззваній. Письмо это было написано по-нѣмецки и, найденное австрійскимъ правительствомъ, было прислано нашему правительству въ литографированной копіи. Переводъ съ нея сдѣланъ въ министерствѣ и иностранныхъ дѣлъ. *М. Лемке.*

руками разорвали последнюю нить независимости Богемии. Не имея болѣе исторической опоры, вамъ остается только революція. Какъ прашо несчастіе? Измѣной? Не думаю.

Палацкій и Ригеръ, люди по сердцу хорошіе, ошиблись въ ихъ головахъ, которыя сдѣлались совершенно нѣмецкими. Оба слишкомъ мало надѣются на народъ и слишкомъ много на себя. Самолюбіе и личная гордость ихъ погубила и сдѣлала не только безполезными для отечественнаго и общеславянскаго дѣла, но положительно вредными. Они вообразили себя столь умными, что думали не только обмануть весь свѣтъ, но и Австрію, это гнѣздо исторической лжи. Громадное, живое хотѣли они перевернуть мелкими средствами, а теперь, когда потерпѣли совершенное пораженіе, они не имѣютъ ни великодушія, ни справедливости признаться въ ошибкѣ. Нѣтъ, отъ подобныхъ людей ожидать нечего. Наконецъ, какой представили они вамъ идеалъ? Славянскую Австрію или Австро-Славянскія владѣнія, т. е. грязную чистоту, или чистую грязь, дышащую рабствомъ свободы. Такая дикая мысль могла родиться въ головѣ, превратившейся совершенно въ нѣмецкую голову. Ничье славянское сердце не не одобритъ, никакая славянская рука не подпишетъ, потому что каждому истинному славянину она отвратительна. Вы подумайте о Бѣлой Горѣ и, если желаете, сдѣлайтесь австрійцами. Молодежь въ Прагѣ не имѣетъ болѣе предводителя, она должна сама себя руководить безъ гордости и самолюбія, потому что гордость и самолюбіе не увеличиваютъ, а уменьшаютъ силу; тѣмъ болѣе, что настоящая молодежь не имѣетъ основанія быть гордой и самолюбивой, она позволяла себя слишкомъ долго обманывать и еще не сдѣлала ничего хорошаго; сознавая свою неопытность, она должна приступить къ дѣлу со смиреніемъ, которое чувствуетъ всякій разумный человѣкъ передъ великимъ событіемъ. Свое право должна она основывать на необходимости этого дѣла; положивъ всю силу свою, сознавая всю важность онаго безъ пустого самолюбія, но и безъ малодушія.

Я укажу на самый важный пунктъ.

Это отношеніе молодежи къ народу. Обыкновенно, эти отношенія высокомѣрныя и правительственно-аристократическія. Въ 1848 и 1849 годахъ мы это замѣтили во всѣхъ нѣмецкихъ студентахъ безъ исключенія; то же самое высказывается теперь въ парижской молодежи, не народъ и пролетаріевъ называетъ онъ въ своей пѣснѣ „Парижскимъ Львомъ“. Эти отношенія крайне ложны и вредны. Несправедливо, чтобы образованное юношество стояло выше народа. Въ народѣ, какъ бы онъ мало образованъ ни былъ, если онъ только живой народъ, таится источникъ жизни, истинная будущность; и юношество, какъ бы оно образовано ни было, до тѣхъ поръ живуче и дѣятельно, пока находится въ единеніи съ народомъ: иначе, оно засыхаетъ, какъ цвѣтокъ, оторванный отъ своего корня. Особенно справедливо это относительно славянскихъ юношей и всѣхъ образованныхъ сословій славянскихъ земель. Къ несчастію, образованіе наше совсѣмъ не славянское, у васъ оно нѣмецкое, у насъ—французское. Только народъ остался чисто славянскимъ. Вы, напримѣръ, ненавидите нѣмцевъ, но, по вашему образцу мыслей и роду жизни, большинство изъ васъ пропитано насквозь нѣмецкими обычаями. Вы по настоящему не что болѣе, какъ онѣмечившіеся славяне, которые во что бы то ни стало и со всей энергіей

должны опять сдѣлаться славянами. Кто дастъ къ тому средства? Книгъ нѣтъ, потому что книги нѣмецкія. Жизнь славянская? Гдѣ вы находите славянскую жизнь, только въ вашемъ народѣ. Для того, чтобы не слушаться нѣмецкихъ книгъ, сбросить съ себя это иго, вы должны безотлагательно примкнуть, слиться съ народомъ; потеряться въ немъ съ вашей нѣмецкой мудростью и ученостью. Вы передадите народу самосознаніе, а онъ вамъ дастъ жизнь и элементы чисто славянскіе.—Кто дастъ больше? Разумѣется, народъ. Итакъ, вы должны общаться и сближаться съ народомъ; и особенно съ сельскимъ сословіемъ, какъ съ источникомъ славянской жизни, и не какъ надменные учителя, но какъ смиренные ученики. Когда онъ передастъ вамъ свою львиную силу, тогда вы будете въ правѣ предводить народомъ и сдѣлаетесь вполнѣ сильны для блага своей земли. Когда вы сблизитесь съ вашимъ народомъ, вы увидите, что подвигнуть его можно не узкимъ взглядомъ и мелкими интригами конституціи, но матеріальными выгодами и великими идеалами. Понятія относительно матеріальныхъ выгодъ нужно вливать въ народъ не вдругъ, а постепенно и осторожно. Многое было бы уже своевременно, но въ Богеміи нѣмецкіе дворяне имѣютъ слишкомъ много помѣстій, которыя должны принадлежать народу и только мѣстному народу. Идеалъ, это возстановленіе древней славянской свободы, не по мысли русскаго царя, не въ смыслѣ древне-русской гегемоніи и преобладающаго господства, но въ смыслѣ полнѣйшей свободы.

Съ тѣхъ поръ, какъ умерли великіе славяне, Шафарикъ, Ганка и Штуръ, распалось славянское единство, которое они столь высоко цѣнили, и съ тѣхъ поръ никто не имѣлъ духа возстановить его. Съ тѣхъ поръ, какъ исчезли великія славянскія души, все славянское дѣло превратилось въ рядъ недостойныхъ интригъ. Этому должно положить конецъ. Оставьте гг. Палацкаго и Ригера интриговать въ Вѣнѣ, оставьте ихъ въ Прагѣ съ ихъ партіей допгрывать потерянную игру въ конституціе; пускай мертвые сами себя погребаютъ; вы, живые, обращайтесь къ живому, серьезному, практическому и, пока усопшіе занимаются мелкой политикой, вы начинайте большую.

Что должно быть программой и цѣлью вашей дѣятельности?

Разумѣется, *это—возстановленіе славянскихъ владѣній въ полной независимости и свободѣ.*

Вы должны сознаться сами, что положеніе славянскихъ народовъ, находящихся подъ владычествомъ Австріи, сдѣлалось несравненно хуже, чѣмъ было даже въ 184⁸/₉ годахъ. Благодаря мелкой политикѣ вашихъ предводителей со смерти Шафарика и Ганки, извѣстный союзъ, хотя и мечтательно соединявшій всѣ вѣтви славянскихъ народовъ, онъ, который такъ положительно высказался во время Прагскаго конгресса, почти совершенно уничтоженъ. Каждая земля отчуждена одна отъ другой; каждая преслѣдуетъ свои частныя цѣли; каждая слишкомъ слаба, чтобы самой достигнуть какого-нибудь результата. Несмотря на выраженіе симпатіи, превратившееся въ пустую фразу, Богемія, напримѣръ, не имѣетъ ничего общаго съ другими славянами, ни живого союза съ поляками, румынами, словаками, словенами, сербами, кроатами, далматами; она сама по себѣ, и желала бы фокусомъ, придуманнымъ г-номъ Палацкимъ, положеннымъ

на ноты г-мъ Ригеромъ и исполненнымъ г-мъ Брауперъ, а особенно графомъ Туномъ, сдѣлаться независимымъ Богемскимъ государствомъ. Что сдѣлали эти господа, мы уже видѣли; никогда не было такъ худо Богемскому королевству, какъ теперь. Долженъ ли я говорить о бѣдныхъ словакахъ въ Венгріи, полякахъ и румынахъ въ Галиціи? Хорваты, Сербы, Славоне и Далматы мучаются для того, чтобы сдѣлаться независимымъ королевствомъ, и пока они думаютъ, что дѣлать, съ ними играютъ, какъ кошка съ мышью. Но, все-таки, они себя показали умнѣй тѣхъ. Они не посылали уполномоченныхъ въ Вѣну. Только турецкіе славяне вспомнили древнюю славянскую доблесть. Сербы, черногорцы, босняки и герцеговинцы сражаются, какъ мужи; и вмѣсто того, чтобы попросить имъ на помощь, что дѣлаютъ умные, осторожные, по-нѣмецки образованные славяне? Этому должно положить конецъ! Всѣ славянскіе народы должны снова уразумѣть, что они могутъ быть сильными только посредствомъ крѣпкаго союза. Союзъ этотъ называется панславизмомъ. Прежде слово это пугало нѣмцевъ, теперь оно страшитъ славянъ, потому что имъ внушили, что панславизмъ, это—порабощеніе всѣхъ славянскихъ племенъ русскому царству. Если-бъ въ самомъ дѣлѣ было бы такъ, то я первый поспѣшилъ бы объявить себя внѣшнимъ врагомъ панславизма. Русскіе, любящіе свободу, слишкомъ хорошо испытали на себѣ всю низость своего правительства, чтобы защитить васъ отъ него. Правительство это, какъ знаете, имѣетъ въ насъ самыхъ рѣшительныхъ и опасныхъ враговъ. Мы такіе рѣшительные его враги, что и низ далека желаніе его распространить свое владычество со всевозможной энергіей стараемся уничтожить внутри нашего отечества. Противъ царско-русскаго панславизма я уже проповѣдывалъ въ 1848 и 49 годахъ. Тогда была еще большая партія какъ австрійскихъ, такъ и турецкихъ славянъ, которые въ казавшемся имъ столь могущественномъ русскомъ царствѣ думали найти освобожденіе отъ нѣмецкаго и турецкаго ига. Это заблужденіе было естественно. Россія была и есть до сихъ поръ одна славянская земля, которая сохранила свою независимость. Россія есть и будетъ большое государство. Къ тому же страданія славянскихъ племенъ подъ нѣмецкимъ и турецкимъ игомъ возбудили въ нихъ непримиримую ненависть, особенно къ нѣмцамъ. Всѣ бросались въ Россію, несмотря на кнутъ и живой примѣръ несчастной Польши. Царь самъ поддерживалъ заблужденіе, выдавая себя чрезъ своихъ агентовъ въ Австріи и Турціи за гуманнаго друга славянъ и возбуждая и вскрешая надежду въ удрученныхъ сердцахъ славянъ. Это была и остается лицемѣрная игра, потому что русское правительство не хочетъ и не можетъ освободить славянъ. Раздѣленіемъ Польши и необходимостью держать ее въ мертвомъ спокойствіи оно привязано къ Австріи и Пруссіи желѣзными цѣпями. Какъ могло Русское государство помочь славянамъ? оно должно было бы объявить войну Австріи и Пруссіи, и, чтобы быть въ состояніи это сдѣлать, оно должно было бы прежде всего освободить Польшу. Пока будетъ существовать на невозможное и неволей поддерживаемое безобразное русское государство, оно будетъ неизбѣжнымъ врагомъ славянъ, развращая, ослабляя ихъ пропагандою и обѣщаніями, пока не будетъ вынуждено предать ихъ нѣмцамъ. То, что поддерживается кнутомъ, не можетъ дать свободы. Это государство есть не что иное, какъ безобразная, враждебная славянамъ нѣмецко-татарская централизація, навязанная намъ деспотизмомъ Петра Великаго и подавившая немилосердно 60 милліоновъ славянъ самымъ ужаснымъ образомъ. Мы, русскіе, несмотря на нашу кажущуюся независимость, точно такъ же подъ нѣмецкимъ игомъ извнѣ, какъ и внутри. Внутри у насъ прокятое нѣмецкое чиновничество и всепожирающій нѣмецкій канцелярскій порядокъ. Извнѣ мы въ полномъ смыслѣ крѣпостные Пруссіи и Австріи; безъ ихъ позволенія мы не смѣемъ пошевелиться. Пока будетъ существовать эта система и это насиліе централизаціи государства, славянамъ отъ Россіи ожидать нечего; напротивъ, они должны смотрѣть на нее, какъ на злѣйшаго врага. Теперь русское правительство вступило въ новый фазисъ; оно полагаетъ, что въ фазисѣ самохраненія, а мы говоримъ фазисъ самоуничтоженія. Оно помышляетъ о либеральныхъ реформахъ; мы же ожидаемъ революціи. Система такая ложная, такъ противонаціональна сама по себѣ, что не способна къ улучшеніямъ, но можетъ быть разрушительна. Нынѣшній государь и желалъ бы сдѣлать кое что хорошее, но онъ ничего не можетъ, положеніе и необходимость той системы, коей онъ самъ верхушка, сильнѣе его воли. Онъ уничтожаетъ крѣпостное право и стрѣляетъ въ народъ; онъ желалъ бы быть любимымъ поляками, а самъ кичается въ польской крови. Онъ охотно объявилъ бы себя врагомъ Австріи, потому что общее національное (народное) чувство русскаго народа это—ненависть къ заклятому врагу славянъ; онъ желалъ бы показать себя искреннимъ другомъ славянъ, но не можетъ; онъ даже не смѣетъ признать новаго Итальянскаго королевства; Австрія и Пруссія этого не позволяютъ; и потому славяне не должны ожидать отъ него больше, чѣмъ отъ Николая. Его агенты такіе же нанѣмники славянскому дѣлу, какими были агенты его отца.

Опасность не въ этомъ. Со времени Крымской кампаніи и пораженія русскихъ, расположеніе славянъ измѣнилось. Прежде всего ожидали отъ Россіи, теперь не ждутъ ничего. Въ то самое время, когда австрійскіе и богемскіе славяне не надѣются на россійское правительство, они, кажется, забыли, что у этого правительства есть населеніе до 60-ти милліоновъ душъ славянскаго племени,—надежда, сила и настоящая опора всѣхъ славянъ. Исключивъ эту массу, останется не болѣе 25 милліоновъ славянъ; и это меньшинство не хочетъ ничего знать о большинствѣ. Они не вѣдаютъ, да, кажется, и думаютъ имѣть право не вѣдать, что происходитъ въ этомъ мірѣ 60-ти милліоновъ людей; и они не предчувствуютъ, что въ настоящее время тамъ собирается гроза, настоящая славянская гроза, которая уничтожитъ все нѣмецкое не только внутри государства, но и извнѣ, и даже самое нѣмецко-татарское царство и съ тѣмъ принесетъ славянамъ настоящую свободу. Я повторяю это славянамъ постоянно. Обратите вниманіе,—Россія находится наканунѣ радикальной и громадной революціи, которую когда-либо видалъ свѣтъ. И что будетъ по окончаніи революціи? Многое остается тайной, но многое и теперь можемъ предсказать вѣрно, потому что она есть неизбѣжная потребность настоящаго положенія и живетъ въ каждомъ живомъ русскомъ сердцѣ: прежде всего, полное освобожденіе Россійскаго государства, не только освобожденіе Польши, Литвы, Малой и Бѣлой Россіи, но и совершенное уничтоженіе царской бюрократической централизаціи и въ Великой Россіи, земляхъ 40 милліоновъ душъ; всякая централизація противна русскому духу.

Великая Россія сама по себѣ будетъ федераціей, управляющей своими провинціями, иначе не можетъ быть настоящей свободы. Провинціи, или области—федераціи округовъ, и округъ—федерація волостей, а волости—федерація міра (gromada). У насъ будутъ не лица, какъ въ Германіи, но настоящая политическая *монада* самостоятельная, самоуправляемая и съ свободными выборными, соединялись въ волости, въ округъ, въ области и, наконецъ, составляя союзъ свободныхъ городовъ,—и потому ни твои бюрократическаго управленія, централизаціи или царства, а снизу до верху самоуправленіе и полнѣйшая свобода. И тогда мы, 40 милліонъ. великороссовъ, будемъ въ гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ съ Польшей, Бѣлой и Малой Россіей, чѣмъ подъ гнетомъ, называемымъ нынѣ россійскимъ государствомъ; и свободно соединенные между собою, выступимъ мы на освобожденіе насъ отъ всякаго постороннаго владычества; и тогда только возродится настоящая славянская свобода и превратится въ дѣйствительность...

Это называю я панславизмомъ, въ этомъ смыслѣ и были панславистами Шафарикъ, Ганка и Штуръ.—Тотъ, кто съ ними и въ нашемъ смыслѣ не желаетъ быть панславистомъ, тотъ по сердцу не славянинъ. Панславизмъ въ обратномъ смыслѣ есть нѣмконенавистъ, потому что нѣмцы первые, коренные и злѣйшіе притѣснители славянъ,—всѣхъ славянъ. Они пріобрѣли себѣ рыцарскія шпоры угнетеніемъ и даже уничтоженіемъ славянъ; и теперешній нѣмецкій мѣщанинъ съ удовольствіемъ сдѣлался бы нашимъ рыцаремъ. Они основали свое бытіе, свою силу на славянскихъ развалинахъ, они навязали славянамъ насильно свое образованіе, намъ крайне противное, какъ смертельный ядъ, какъ заразительную чуму; и этимъ развратили, раздѣлили, разорвали связь для того, чтобы легче поработить. Они ненавидятъ и презираютъ славянъ, потому что чувствуютъ, что они отжившіе, а мы полны жизни, ихъ наслѣдники съ будущностью.

Говоря положительно, панславизмъ это—вѣра и увѣренность великой будущности славянъ; мы, славяне, составляемъ свой собственный міръ: міръ, который тысячу лѣтъ былъ угнетаемъ разными врагами и, все-таки, не былъ уничтоженъ; міръ, который былъ разрываемъ на части посторонними народностями, но, все-таки, соединился подъ одной формой по инстинктивному чувству братства. Святое слово для славянина. Такъ что полякъ и русскій, несмотря на историческую вражду между собою, ближе, чѣмъ каждый изъ нихъ къ англичанину, даже къ французу; оба ненавидятъ нѣмца со всею силою душевной энергіи. Міръ, который они, несмотря на разрушеніе и чужое вліяніе, сохранили, и которымъ по своей натурѣ отличаются отъ другихъ племенъ. Братство, преобладаніе деревни надъ городомъ, сельскаго быта надъ городскимъ, всеобщая безразличная любовь къ свободѣ и патріархальное общество. Міръ, который имѣетъ огромные обѣты, выразился въ Польшѣ, Богеміи, Сербіи и въ Россіи, но до сихъ поръ еще не высказавшійся и сохранившій свое послѣднее слово для приближающейся будущности.

Панславизмъ есть вѣра, что соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ, состоящихъ изъ 85 милліоновъ, внесетъ новую цивилизацію, новую живую истинную свободу въ міръ. Кто изъ васъ сомнѣвается въ этомъ?

Славяне, исключая себя, имѣютъ мало друзей и мало сознаютъ. Германія—вашъ естественный врагъ, а Австрійское королевство есть отвратительное исчадіе нѣмецкой жизни.

Кто другъ австрійцамъ, тотъ врагъ нашъ; и враги Австріи — наши друзья. Славянинъ, не желающій совершеннаго уничтоженія Австрійскаго королевства и находящійся съ нимъ, по какимъ бы то ни было причинамъ въ дружбѣ, не славянинъ.

Англія тоже враждебна славянамъ, какъ единомыслящая. Англія большею частію германскаго происхожденія и имѣетъ инстинктивное отвращеніе къ славянамъ и въ дружбѣ съ нѣмцами. Кромѣ того, интересы англичанъ совершенно противоположны славянскимъ, съ Австріей, исключая Итальянскаго вопроса, открытые друзья Габсбургскаго дома, въ Венгріи другъ мадьярамъ, въ Турціи другъ турецкаго правительства, и когда оно уничтожится, то покажется другомъ грековъ противъ славянъ.

Франція ни другъ, ни врагъ славянамъ,—странно сказать, но, все-таки, справедливо, что французы издавна были народомъ эгоистическимъ, влюбленнымъ въ себя самого, ничего болѣе не чувствующимъ, не понимающимъ и не видящимъ. Революція образовала правила, которыми они воспользовались, чтобы увеличиться въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда нибудь. Франція слѣдуетъ этой политикѣ; теперь она управляется безъ всякихъ правилъ. Единственная цѣль, это—удержать царскую власть, и—елико возможно, во что бы то ни стало царскую династію. Если бы императору французовъ показалось выгоднымъ насадить деспотизмъ въ Европѣ или навязать цѣлому міру папизмъ, онъ непремѣнно сдѣлался бы защитникомъ деспотизма и папизма, и въ французской классической фразеологіи нашлось бы много прекрасныхъ фразъ, чтобы позолотить низость.

Къ счастію, порядокъ вещей въ Европѣ таковъ, что чтобы удержать власть какъ во Франціи, такъ и извнѣ и желать прикрыть деспотизмъ, столь несовмѣстный съ конституціонными началами, онъ внѣ своего государства по неволѣ долженъ служить революціи. Въ этомъ смыслѣ и по этой причинѣ сдѣлался онъ освободителемъ Италіи. Съ этою же цѣлью выискиваетъ онъ всѣ возможныя хитрыя средства, чтобы удержать ее въ своей зависимости, сдѣлавъ такъ много для ея освобожденія внутренней жизни и силы и столь быстраго развитія. И потому Наполеонъ—опасный другъ, кого помощь слѣдуетъ воспользоваться въ извѣстныхъ случаяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно бояться. Его протекція и дружба распространяетъ на ту страну, которой ее оказываетъ, хотя сначала и незамѣтный, но впослѣдствіи смертельный ядъ. Къ славянамъ онъ точно такъ же равнодушенъ, какъ къ остальному свѣту; можетъ быть, и совершенно правдоподобно, что въ скоромъ времени ему будетъ полезно подать руку славянамъ, напр., если онъ предприметъ завоеваніе Рейнскихъ провинцій и Бельгіи, что надо ожидать рано или поздно; тогда должно будетъ этимъ воспользоваться соединившись съ Италіей, мадьярамъ, дать смертельный толчекъ Австріи. Италія почти единственная натуральная союзница славянъ. О Тріестѣ и Далмаціи у насъ споровъ не возникнетъ; наконецъ, итальянскій Трієстъ можетъ сдѣлаться вольнымъ городомъ; Италія, только непримиримый врагъ Австріи; Италія, какъ ни стара, гораздо моложе остальныхъ западныхъ народовъ; она имѣетъ въ себѣ залоги живой будущности, которые невольно тянутъ ее къ славянскимъ народамъ. Италія, какъ я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, начинаетъ оказывать особенное, исключительное вниманіе славянамъ и имѣетъ серьезное намѣреніе соединиться съ ними; Италія

нашъ единственный другъ въ Европѣ; мы должны подать ей руку. Но для того, чтобы это сдѣлать, мы должны соединиться воедино, потому что Италія не можетъ быть другомъ только Польши или Далмаціи, Кроаціи, Сербіи или Греціи отдѣльно; для нея все это слишкомъ мелко; она можетъ сдѣлаться другомъ только соединеннаго славянскаго государства. Италія можетъ быть призвана играть роль посредника между нами, мадьярами, румынами и греками, съ мадьярами свое дѣло,—они желаютъ Венгерскаго королевства и потому желали бы имѣть венгерскими подданными славянъ и румынъ; пока они наши враги. Теперь они выказываются и врагами Австріи, потому они наши друзья. Что должно быть крѣпче, дружба или вражда? Я думаю, что въ настоящее время дружба, потому что Австрія, несмотря на пораженія, которыя она потерпѣла въ послѣднее время, на деморализацію и дурные финансы, все-таки гораздо могущественнѣе мадьяръ. Съ мадьярами возможно примиреніе и дружная жизнь славянъ. Они понадобятся тѣмъ болѣе, что невозможно будетъ истребить или уничтожить народъ изъ 6-ти милліоновъ. Когда славяне соединятся и въ благородной войнѣ съ общими притѣснителями покажутъ себя дѣятельными, мадьяры увидятъ, что для нихъ выгоднѣе вступить въ мирный союзъ, чѣмъ уничтожать себя несчастными войнами съ славянами. Посредствомъ войны, пролитія крови или безъ этого, мы заключимъ съ ними дружественный союзъ, основанный на одинаковыхъ выгодахъ. Съ Австріей примиреніе невозможно; или она онѣмечитъ славянъ, или сама пойдетъ ко дну. Ея существованіе основано на совершенномъ отверженіи національности въ другихъ народахъ и на деморализаціи всѣхъ подвластныхъ народовъ. Середины нѣтъ. Сами славяне должны придти въ состояніе идіотизма и превратиться [слово не разобрано] или уничтожить Австрійскую монархію, но совершенно уничтожить.

Славяне должны подать руку мадьярамъ: прежде всего, мы должны убѣдить мадьяръ, что Венгерское королевство, о которомъ они мечтаютъ, невозможно и несправедливо, и что единственно національное разрѣшеніе вопроса—это Венгерская федеративная республика, съ уравненіемъ правъ мадьяръ, румынъ, и славянъ. Такого рода республика можетъ быть зародышемъ гораздо обширнѣйшей федераціи. Но если окажется, что мадьяръ никакимъ способомъ уговорить нельзя, что они могутъ быть убѣждены только тогда, когда славяне будутъ между собой соединены, и не могутъ отказаться отъ своего королевства, то все-таки, мы должны соединиться съ ними, чтобы побѣдить Австрію, заключить съ ними временный союзъ и, когда они возстанутъ, возстать и намъ съ ними; и прежде всего и отъ всѣхъ смерть Австріи! Австрію совершенно уничтожить. Тогда съ оружіемъ въ рукахъ будемъ дѣлать дѣла съ мадьярами, а потомъ заключимъ съ ними миръ; на нашей сторонѣ право и большинство, когда мы соединены. Мы заключимъ договоръ не съ дипломатизирующимъ и политизирующимъ Венгерскимъ королевствомъ; возможно, что они получатъ уступки изъ Вѣны, немного помирятся съ австрійцами; тогда мадьяры, безъ сомнѣнія, наши враги.

Итакъ, вы видите, что положеніе славянъ очень плохо, потому что мы имѣемъ только одного друга—Италію, и то только въ томъ случаѣ, если мы будемъ имѣть умъ и силу поддержать единство, чтобы что-нибудь сдѣлать.

Франція совершенно равнодушна, я сомнѣвается въ нашемъ возстановленіи,—готовая поживиться около насъ, если мы окажемся слабыми или глупыми, и служить намъ, если мы покажемъ силу и единство; но это не должно вводить насъ въ заблужденіе, потому что спящая, болтающая раздѣленная Германія возстанетъ какъ одинъ человѣкъ, если только узнаетъ о какомъ-либо возстаніи славянскаго племени. Ничто не можетъ такъ наэлектризировать состарѣвшуюся націю, какъ только ненависть къ славянамъ; ненависть, которая въ послѣдній разъ, я надѣюсь, превратитъ стараго филистера въ воина, и потому мы не должны играть съ этою ненавистью. Ни одно славянское племя отдѣльно къ нему не приросло, но, чтобы одержать побѣду надъ старымъ врагомъ, мы должны непремѣнно соединяться.

Это я называю панславизмомъ. Но чтобы намъ соединиться, мы должны имѣть частную цѣль. Наша программа очень проста. Мы хотимъ всеобщую славянскую федерацію, основанную на равенствѣ и самоуправленіи племенъ, и возстановленіе полнѣйшей автономіи народа, какъ бы онъ малъ ни былъ.

1) Заключеніе первое. Но должно быть партіально-городской централизаціи: не терпѣть угнетенія одного племени другимъ въ славянскомъ мірѣ. На счетъ Россіи я высказался уже прежде. Россійское государство должно быть безусловно раздѣлено и федерализовано, и Польша должна отказаться, отъ рутеновъ въ Галиціи, Латвѣ, Бѣлой и Малой Россіи; исключая того чѣмъ теперь насильственно владѣетъ Россія, она должна быть въ федеративномъ отношеніи къ этимъ землямъ. Историческое право ничего не значитъ; мы его не признаемъ, иначе мы должны будемъ признать права Германіи на Богемію и мадьяровъ надъ славянами въ Венгріи. Мы признаемъ только справедливое настоящее желаніе народовъ, которые имѣютъ полное право управлять собой, какъ имъ заблагорыссудится. Это наше неизмѣнное рѣшеніе и основаніе.

Въ вновь освобожденномъ славянскомъ государствѣ не должно быть ни одной области могущественнѣе другой, и ни одна не имѣетъ права входить въ непосредственные договоры и союзъ съ Германіей (или иностранцами). Свобода и счастіе должно быть правомъ всѣхъ народовъ, но сила должна принадлежать соединенной федераціи.

2) Заключеніе. Единство должно быть только политическое, что же касается до административнаго, юридическаго и экономическаго порядка, то каждый народъ имѣетъ право управлять сообразно своего желанія, и никакое общество, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, не имѣетъ права вмѣшательства. Напр., мы, великороссы, удержимъ древнее общинное владѣніе землями. Земля у насъ, какъ воздухъ, какъ вода, такъ же какъ и лѣса, а въ лѣсахъ дичь не должна никому принадлежать отдѣльно, а всѣмъ вообще. Это наше право, и мы крѣпко его придерживаемся. У васъ же, какъ въ Польшѣ и въ Малой Россіи, то же самое право совершенно измѣнилось нѣмецкимъ вліяніемъ. У васъ личное право землевладѣльца. Вы можете оставить за собой это право, пока желаете. Всякая земля должна жить, какъ ей вздумается. Свобода, полнѣйшая свобода должна быть душой нашего отечества.

3) Заключеніе. Политическое единство между славянскими народами

должно быть настоящее, могущественное; къ этому побуждаетъ насъ славянская національность, которая, несмотря на историческое разнообразіе, внесенное въ ея жизнь, въ основаніи, все-таки, соединена между собою. Еще разъ заявлю, что у насъ, славянъ, слова: братъ и братство имѣютъ гораздо болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ у другихъ народовъ. Оттого все враждебное, чуждое должно быть исключено, по общинному духу славянъ. Потому оно должно имѣть общія условія, безъ которыхъ не можетъ существовать истинная свобода и не можетъ быть единства. Къ этому условію должно принадлежать уничтоженіе мѣстной централизаціи, бюрократіи, сословное различіе и пролетаріатъ, какъ главный источникъ неволи. Всякій славянинъ долженъ на славянской землѣ находить средства къ жизни.

Въ заключеніе. Часъ освобожденія славянъ близокъ. Всѣ славяне должны приготовиться. Кто знаетъ, откуда придетъ гроза? Изъ Франціи, Польши или самой Австріи? или изъ Россіи? Но мы должны быть готовы встрѣтить ее и воспользоваться ею.

Мы должны понять другъ друга, устроиться. Мы должны покрыть славянскихъ братьевъ сѣтью тайныхъ обществъ. А эти тайныя общества должны вмѣщать въ себя все живое, развитое, энергическое и все, что чувствуетъ думаетъ и желаетъ чисто по-славянски. Послѣ должно всѣ эти тайныя общества соединить воедино, привести въ движеніе въ одно время съ движеніемъ въ Италіи, Польшѣ и Россіи.

Такъ какъ ты полагаешь, что я могу быть полезнымъ въ этомъ святомъ дѣлѣ, я готовъ сдѣлать все, что могу, чтобы служить ему,—такъ какъ всю жизнь свою положилъ на него.

Бакунинъ.

P. S. Ты говорилъ мнѣ о мѣстномъ легіонѣ подъ предводительствомъ Гарибальди. Мысль очень хорошая, и ее можно и должно исполнить. Также было бы хорошо, если не лучше, послать подобные легіоны для поддержки и помощи нашимъ славянскимъ братьямъ, сражающимся въ Турціи для пользы нашего общаго дѣла.

Извини мнѣ мой ужасный нѣмецкій языкъ; я славянинъ, не нѣмецъ, и то малое, что я зналъ по-нѣмецки, забылъ въ разныхъ крѣпостяхъ и Сибири.

Судейкинъ и Дегаевъ [1]).

Я близко знаю Сергѣя Дегаева: долгое время я была его лучшимъ другомъ и любимой сестрой. Съ другой стороны, двадцатилѣтняя разлука, все то, что я выстрадала, узнавъ объ его ужасномъ преступленіи, сознаніе безконечной виновности его какъ передъ жертвами его предательства, такъ и передъ всѣмъ человѣчествомъ,—все это даетъ мнѣ, я думаю, право предполагать, что я способна отнестись къ оцѣнкѣ его личности безпристрастно. Что же касается до фактовъ его политической дѣятельности, относящихся къ періоду, закончившемуся убійствомъ Судейкина,—я передамъ разсказъ о нихъ со словъ самого Сергѣя Дегаева. Я давно уже собиралась написать все, что мнѣ извѣстно о немъ, какъ о дѣятелѣ интереснѣйшаго періода въ исторіи русскаго общества и рада, что цензурныя условія не помѣшаютъ мнѣ теперь говорить съ полной откровенностью.

Въ апрѣльской книжкѣ историческаго журнала «Былое» появились воспоминанія г-жи Корба о Сергѣѣ Дегаевѣ. Эти воспоминанія занимаютъ всего 17 страницъ печатнаго текста: изъ нихъ 4 посвящены тенденціозному описанію членовъ семьи Сергѣя Дегаева... Никто изъ членовъ этой семьи не принималъ участія въ политической дѣятельности Сергѣя, и никто изъ насъ не повиненъ въ его преступленіяхъ. Такъ или иначе, Сергѣй Дегаевъ—историческая личность; никто не имѣетъ права претендовать на самые злые, ненавистные отзывы о немъ, но эти отзывы не касаются другихъ членовъ семьи Дегаева...

---

[1]) Эта статья принадлежитъ сестрѣ С. П. Дегаева,—Н. П. Макѣевой. Редакція считаетъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу помѣщенія этой статьи въ „Быломъ" Редакція предоставляетъ автору возможность охарактеризовать отношенія Сергѣя Дегаева къ его семьѣ, какъ они ему представляются. А. П. Прилежаева-Корба въ своихъ воспоминаніяхъ („Былое", апрѣль) освѣщаетъ эти отношенія иначе; до сихъ поръ мы ничего не знали объ отрицательномъ отношеніи семьи Дегаева къ Сергѣю Петровичу и къ тому, что составляло сущность его „*дѣятельности*" въ началѣ 80-хъ гг.; наоборотъ, многое заставляло думать, что отношенія семьи Дегаева къ нему не измѣнились, и С. П. по-прежнему оставался ея любимцемъ. Въ нашихъ рукахъ находятся рядъ писемъ Влад. Дегаева къ редакціи „Вѣстника Народной Воли" отъ начала 1885 г., гдѣ онъ горячо защищаетъ своего брата; это было, слѣдовательно, полтора года спустя послѣ убійства Судейкина. Авторъ настоящей статьи—Наталія Петровна Дегаева—долго дружилась и послѣ убійства Судейкина

Особенно я должна это сказать объ отзывѣ г-жи Корба о матери Дегаева. По ея словамъ, мать Дегаева производила впечатлѣніе женщины неразвитой и мало образованной, а по наружности напоминала «чиновницу средней руки». Мать Дегаева была дочерью извѣстнаго литератора Н. А. Полевого и вдовой старшаго врача московскаго кадетскаго корпуса. Она получила хорошее, по своему времени, образованіе въ пансіонѣ, знала иностранные языки и очень любила читать... О безмѣрной добротѣ ея говоритъ и сама г-жа Корба: моя мать дѣйствительно предлагала взять на свое попеченіе ребенка Геси Гельфманъ, а въ то время это значило не только обременить себя заботами о чужомъ ребенкѣ, но и навлечь преслѣдованія со стороны правительства, и оттолкнуть родственниковъ, связью съ которыми моя мать очень дорожила.

Г-жа Корба говоритъ, что «намѣренно долго остановилась на описаніи семьи (Дегаева), такъ какъ она составляла ту среду, къ которой онъ самъ принадлежалъ». Но и въ данномъ случаѣ она не права. Семья вообще составляетъ только небольшую часть среды, въ которой вращается человѣкъ, а семья Сергѣя не представляла его *среды* совершенно, даже въ смыслѣ воспитанія: ему еще не было 9-ти лѣтъ, когда онъ поступилъ въ *закрытое* учебное заведеніе, второй Московскій кадетскій корпусъ, откуда, какъ лучшій воспитанникъ и ученикъ, перешелъ въ Артиллерійское училище, гдѣ окончилъ курсъ въ числѣ первыхъ трехъ, получившихъ премію, юнкеровъ, затѣмъ онъ уѣхалъ офицеромъ на службу въ Кронштадтъ. Стало быть, среда, въ которой воспитался и вращался Сергѣй, была сначала средой закрытаго учебнаго заведенія, затѣмъ военной и, наконецъ, средой революціонной партіи.

Перейду теперь къ исторіи и обрисовкѣ личности Сергѣя, о которой только и должна идти рѣчь.

Самымъ чистымъ и прекраснымъ періодомъ въ жизни Сергѣя я считаю двухлѣтнее пребываніе его въ Кронштадтѣ. Я помню его тамъ еще до начала знакомства его съ революціонными кружками. Въ то время онъ страстно увлекался политической экономіей, изучалъ Маркса, Милля и, по обыкновенію, очень много занимался математикой. Способности у Сергѣя были блестящія, умъ большой и оригинальный; характера въ то время онъ былъ веселаго и кроткаго, но въ немъ всегда замѣчалась одна особенность: все, что онъ начиналъ, онъ доводилъ непремѣнно до конца, до крайности. Это

горячей защитницей брата, излишне докучая ему въ его объясненіяхъ своего предательства.

То, что было написано А. П. Прибылевой-Корба, и объясняется тѣмъ, что рѣчь шла о семьѣ братовъ, да еще какихъ братовъ! Если это не такъ, то выяснить вопросъ—дѣло членовъ семьи Дегаева. Лучше сдѣлать это поздно, чѣмъ не дѣлать этого совсѣмъ. При этомъ не слѣдуетъ винить тѣхъ, кто касается этой темы черезъ 20 лѣтъ, ибо виновати не они, а тѣ, кто своимъ молчаніемъ или своими ошибками подали поводъ къ враждебному къ себѣ отношенію. *Ред.*

свойство и погубило его. Отчаявшись послѣ 1-го марта въ торжествѣ революціонной партіи, онъ попробовалъ достичь переворота другимъ путемъ, черезъ правительство, и, конечно, сломалъ себѣ голову... Но объ этомъ—послѣ, теперь же я хочу прибавить еще нѣсколько словъ о личности Сергѣя Дегаева. Я не могу согласиться съ г-жей Корба, что «Дегаевъ не отличался привлекательностью». Я помню, что его очень любили въ кружкѣ товарищей офицеровъ, нашей многочисленной родни и вообще знакомыхъ; Сергѣй былъ некрасивъ, но веселъ, остроуменъ и всегда готовъ придти на помощь каждому словомъ и дѣломъ. Г-жа Корба «не знаетъ никого изъ революціонеровъ, кто бы относился къ нему когда-либо съ любовью или дружеской привязанностью». Мнѣ приходятъ на память имена двухъ-трехъ революціонеровъ, которые дружески относились къ Сергѣю, но я не смѣю ихъ произнести: доказательствъ фактическихъ у меня нѣтъ, а признаться въ настоящее время въ былой дружбѣ или привязанности къ такому преступнику, какъ Сергѣй, выходитъ изъ рамокъ обыкновеннаго мужества.

Какъ Сергѣй сдѣлался партійнымъ революціонеромъ, черезъ кого онъ впервые познакомился съ народовольцами,—я не могу хорошенько припомнить. Помню одно, что онъ страстно увлекался дѣлами партіи, отдавался имъ безкорыстно; къ революціоннымъ дѣятелямъ первое время онъ относился съ восторженнымъ обожаніемъ. Одинъ разъ онъ сказалъ мнѣ: «Я бы счелъ за счастье поцѣловать Морозова». Это былъ медовый мѣсяцъ революціонной жизни Сергѣя.

Вскорѣ послѣ этого я уѣхала изъ Петербурга, и мы съ Сергѣемъ видѣлись не часто и урывками.

Теперь я перехожу ко второй, болѣе сложной части моего повѣствованія; къ разсказу о темныхъ, мало выясненныхъ отношеніяхъ Сергѣя къ Судейкину и къ его дѣятельности въ качествѣ по мощника, а затѣмъ убійцы этого человѣка. Предупреждаю, что все, о чемъ я буду разсказывать, стало мнѣ извѣстнымъ черезъ самого Сергѣя, а потому на свою отвѣтственность я беру только вѣрность передачи его словъ.

Мнѣ пришлось прожить въ глухой деревнѣ около двухъ лѣтъ въ 82 и 83 мъ г.г. Осенью 82-го года Сергѣй съ женой пріѣхалъ къ намъ въ гости. Я уже говорила, что въ то время я была очень дружна съ Сергѣемъ. Онъ былъ со мной откровененъ и, такъ какъ тогда всѣ его мысли сосредоточивались на дѣятельности революціонной партіи, онъ нерѣдко разговаривалъ со мной на эту тему. Между прочимъ, я помню, какъ онъ сѣтовалъ на полный упадокъ силъ и дѣятельности партіи послѣ 1-го марта; онъ говорилъ, что послѣ удачнаго убійства царя, революціонеры точно обезумѣли, перестали принимать всякія мѣры предосторожности и, то и дѣло, попадаютъ въ руки правительства, какъ птицы въ сѣти. Затѣмъ онъ жаловался на недостатокъ энергіи въ партіи, что теперь не затѣвается никакихъ широкихъ плановъ, а партія занимается своимъ «маленькимъ хозяйствомъ»,—ссорятся, и подкапываются одинъ подъ другого... О такомъ состояніи партіи въ то время упоминаетъ въ своихъ за-

мѣчательно искреннихъ и правдивыхъ «Воспоминаніяхъ» и Дебогорій-Мокріевичъ. Вотъ что онъ по этому поводу говоритъ: «у народовольцевъ въ общемъ наблюдалось слѣдующее распредѣленіе силъ и задачъ: одни «старики»—ихъ была ничтожная кучка—тамъ, гдѣ-то при глубочайшей конспиративной обстановкѣ, боролись съ правительствомъ на жизнь и на смерть; ихъ ловили и вѣшали; со всякимъ днемъ число ихъ уменьшалось. Другіе—такихъ было много—занимались тѣмъ, что рукоплескали своимъ главарямъ-героямъ, кое-когда исполняя неопасныя порученія вродѣ сбора пожертвованій и т. под. или-же *стремились занимать хорошія положенія въ обществѣ*, чтобы потомъ какъ-то сослужить службу народовольчеству. Нерѣдко между ними можно было встрѣтить лицъ, серьезно трактовавшихъ о томъ, что они должны готовить себя къ будущимъ депутатскимъ обязанностямъ будущаго Земскаго Собора» [1]).

Дебогорій-Мокріевичъ говоритъ о времени, непосредственно предшествовавшемъ первому марта. Впослѣдствіи деморализація, разумѣется была еще сильнѣе.

Я видѣла, что Сергѣй сильно разочарованъ въ революціонномъ движеніи и нѣсколько разъ пыталась убѣдить его оставить ряды партіи, ѣхать за границу, заняться математикой, которую онъ страстно любилъ; но тутъ я натолкнулась на непобѣдимое упорство. «Я не могу оставить дѣла,—отвѣчалъ онъ на всѣ мои доводы,—понимаешь, не могу... Вѣроятно, я погибну, а, можетъ быть, найду выходъ». Такъ мы и разстались: объ его арестѣ въ Одессѣ я узнала только по тому, что у насъ въ деревнѣ былъ произведенъ обыскъ наканунѣ Рождества. Я считала Сергѣя погибшимъ, какъ вдругъ,—не помню, какимъ образомъ,—получаю извѣстіе, что онъ бѣжалъ и просилъ меня пріѣхать въ Харьковъ повидаться съ нимъ. Я, разумѣется, сейчасъ же поѣхала, и мы съ нимъ встрѣтились въ условленномъ мѣстѣ; онъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ въ баню, чтобы не возбуждать подозрѣній, переговорить съ нимъ обо всемъ на свободѣ.

Я помню, что мы долго сидѣли въ предбанникѣ на диванѣ и молчали...

— Я сильно перемѣнился?—вдругъ спросилъ онъ меня. Мнѣ дѣйствительно, показалось, что онъ не тотъ, какъ былъ, и я сказала ему объ этомъ.

— Что-же ты не спрашиваешь, какъ я бѣжалъ?—проговорилъ онъ, усмѣхаясь, и началъ разсказывать.—Меня ночью повезъ жандармъ на вокзалъ; мы сидѣли рядомъ на извозчикѣ; когда мы стали переѣзжать площадь—въ Одессѣ передъ вокзаломъ огромная площадь,—мой жандармъ зазѣвался, я выпрыгнулъ и побѣжалъ. Потомъ меня устроили у знакомыхъ.

— Ты вѣришь мнѣ?—вдругъ спросилъ онъ меня.

Я вѣрила ему, но тонъ разсказа мнѣ показался неестественно вялымъ. Я сказала, что, вѣроятно, онъ уже много разъ разсказывалъ о своемъ побѣгѣ, и это ему надоѣло. Онъ посмотрѣлъ на меня, подумалъ и вдругъ сказалъ:

— Я все навралъ тебѣ, я не бѣжалъ, меня выпустили, слушай...

Сергѣй началъ разсказывать. Оказалось, что онъ еще раньше былъ знакомъ съ Судейкинымъ въ Петербургѣ... Но въ Одессѣ, послѣ своего ареста, Сергѣй не мало былъ удивленъ, увидѣвъ во время допроса своего стараго жандармскаго знакомца. Потомъ оказалось, что Судейкинъ нарочно пріѣхалъ изъ Петербурга для допроса Сергѣя. Онъ остался съ Сергѣемъ наединѣ и началъ убѣждать его не губить себя понапрасну, а лучше перемѣнить тактику и къ той же цѣли идти другими, болѣе вѣрными путями. Сергѣй говорилъ мнѣ тогда, что Судейкинъ показался ему скорѣе революціонеромъ, чѣмъ жандармомъ, такъ какъ откровенно признавалъ полную негодность существующаго строя и необходимость его коренной ломки; но при этомъ онъ добавлялъ, что «революціонная партія борется негодными средствами и только понапрасну истощаетъ свои силы». «Вы сами знаете,—прибавилъ Судейкинъ,—какъ слаба теперь партія: съ каждымъ днемъ она теряетъ все болѣе и болѣе своихъ талантливыхъ членовъ; вотъ и вы погибнете, а съ вашимъ умомъ и способностями до чего вы могли бы дойти, если бы рѣшились дѣйствовать не противъ правительства, а съ нимъ за одно»! Сергѣй разсказалъ, что Судейкинъ развилъ ему подробный планъ захвата власти соединенными силами революціонной партіи и его, Судейкина. «Правительство, съ одной стороны, будетъ запугано удачными покушеніями, которыя я помогу вамъ устроить, а съ другой—я сумѣю кого слѣдуетъ убѣдить въ своей необходимости и представлю васъ, какъ своего помощника Государю, тамъ уже вы сами будете дѣйствовать».

Впослѣдствіи я поняла, что рѣчь между ними шла чуть не о диктатурѣ...

— И ты полагаешь, что дѣло обойдется безъ жертвъ, безъ выдачъ?—спросила я.

— Все это будетъ устроено съ обоюднаго согласія,—отвѣчалъ Сергѣй.

Не помню, тогда или впослѣдствіи онъ сказалъ мнѣ, что дѣйствуетъ съ согласія Исполнительнаго Комитета... Но помню, что послѣ этого свиданія я продолжала считать Сергѣя вѣрнымъ членомъ революціонной партіи.

— Вѣдь безъ жертвъ людьми не обходится ни одно революціонное предпріятіе,—проговорилъ онъ. Я совсѣмъ не могла понять такой равнодушной жертвы людьми, но въ то время я уже давно совершенно разошлась съ революціонной партіей или, лучше сказать, потеряла всѣ знакомства, потому что дѣятельной революціонеркой никогда не была. Сергѣй же въ разговорѣ со мной опирался на авторитетъ Исполнительнаго Комитета и, кажется, самъ былъ въ то время его членомъ.

Я спросила Сергѣя, знаетъ ли жена объ его замыслахъ? Онъ отвѣчалъ, что заявилъ Судейкину съ самаго начала о необходи-

[1]) Воспоминанія Вл. Дебогорія-Мокріевича, стр. 503—504.

мости переговоритъ съ женой. Судейкинъ велѣлъ привести жену Дегаева въ комнату, гдѣ происходилъ допросъ, и оставилъ ихъ вдвоемъ.

Жена Сергѣя была самой простенькой женщиной, дѣйствительно, малообразованной, хотя она и прошла курсъ гимназіи. Она вполнѣ вѣрила мужу и, не разсуждая, любила его. Она, навѣрное, не играла никакой роли въ «рѣшеніи кроваваго вопроса о предательствѣ», по выраженію г-жи Корбы. Сергѣй одинъ рѣшилъ этотъ вопросъ... Впрочемъ, какъ это ни странно, рѣчи о предательствѣ между Судейкинымъ и Сергѣемъ въ то время, кажется, не было [1]). Я замѣтила, что Сергѣй былъ совершенно очарованъ личностью Судейкина и убѣжденъ, что союзъ съ нимъ принесетъ огромную пользу партіи «Народной Воли».

Тутъ я должна прибавить, что отъ Сергѣя я не слыхала въ то время и въ слѣдующія свиданія о томъ, чтобы онъ кого-нибудь выдалъ. Поэтому послѣ убійства Судейкина я долго считала всѣ подобные слухи гнусной клеветой со стороны лицъ, желавшихъ себя выгородить. Потомъ я узнала, что я жестоко ошибалась...

Послѣднее мое свиданіе съ Сергѣемъ въ Россіи произошло не болѣе какъ за мѣсяцъ до убійства Судейкина (я не помню хорошенько числа и мѣсяца—въ ноябрѣ или въ концѣ октября). Мы ту зиму жили въ Харьковѣ. Сергѣй явился внезапно, показался мнѣ очень блѣденъ, мраченъ; за обѣдомъ онъ просилъ послать за водкой и говорилъ, что теперь совсѣмъ не можетъ ничего ѣсть, не выпивши передъ этимъ. Оставшись со мной наединѣ, онъ сказалъ, что хочетъ убить Судейкина: «Этотъ мерзавецъ обманулъ меня кругомъ; царю онъ не представилъ меня, показалъ только Плеве и Побѣдоносцеву; кажется, онъ хочетъ меня сдѣлать обыкновеннымъ шпіономъ; за это я ему отомщу»... Потомъ на мои вопросы Сергѣй опять повторилъ, что дѣйствуетъ съ полнаго согласія Исполнительнаго Комитета...

Объ убійствѣ Судейкина я узнала изъ газетъ. Подробности этого ужаснаго дѣла я передамъ опять-таки со словъ Сергѣя, какъ онъ разсказывалъ мнѣ много лѣтъ спустя въ Лондонѣ.

Положеніе семьи Дегаева послѣ убійства Судейкина оказалось несравненно тяжелѣе и хуже, чѣмъ положеніе самого преступника. Моя мать переѣхала ко мнѣ. Каково было этой бѣдной женщинѣ видѣть на всѣхъ перекресткахъ обезображенный портретъ своего любимца съ обозначеніемъ цѣны за его голову! Мы жили тогда въ деревнѣ; становой и другіе чины шпіонили за нами, стараясь заработать 10,000 за голову Дегаева. Одна моя сестра была арестована, другая выслана изъ Петербурга; моего мужа и меня постоянно тревожили обысками; когда мой мужъ получилъ хорошее мѣсто, его патрону жандармскій полковникъ немедленно далъ знать, что новый управляющій женатъ на «сестрѣ Дегаева».

Съ другой стороны, знакомые изъ революціонной партіи стали къ намъ относиться холодно и враждебно; я знаю случай, что брату жены Сергѣя было отъ имени Исполнительнаго Комитета приказано (?) выѣхать изъ Петербурга; онъ бросилъ работу и уѣхалъ. Меня, разумѣется, тоже не щадили, тѣмъ болѣе, что я никогда не соглашалась бросить камнемъ въ Сергѣя; я не могла считать его предателемъ изъ корыстныхъ цѣлей, даже въ предательство его я долго не могла повѣрить! Во всякомъ случаѣ, я его считала жертвою ужаснаго заблужденія,—что, будто бы, можно, причиняя непоправимое зло однимъ, устроить благо другихъ. Я всегда считала его фанатикомъ, преступникомъ и безумнымъ, но не корыстнымъ, поэтому я не могла отказать ему въ участіи.

Такъ насъ травили съ двухъ сторонъ, травили долго, нѣсколько лѣтъ... За что?!

А еще было тяжелѣе для меня сознаніе, когда я узнала обо всемъ, что мой братъ предалъ на мученіе столько прекрасныхъ людей... Когда пришла вѣсть объ освобожденіи В. Н. Фигнеръ изъ Шлиссельбурга, я думаю, никто изъ ея ближайшихъ друзей не былъ такъ счастливъ, какъ я, сестра человѣка, погубившаго ее!..

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я видѣлась съ Сергѣемъ Дегаевымъ за границей. Мнѣ давно хотѣлось узнать отъ него, какъ произошло убійство Судейкина, судъ въ Парижѣ и приговоръ надъ нимъ партіи народовольцевъ.

Опять напоминаю, что передаю фактъ со словъ Сергѣя [1]).

Рѣшивъ заманить Судейкина для того, чтобы убить его, Сергѣй сообщилъ ему, что въ такой-то день ожидаетъ къ себѣ на квартиру барыню изъ провинціи съ очень важными документами. Судейкинъ и раньше бывалъ у Сергѣя, поэтому не было ничего страннаго въ томъ, что Сергѣй просилъ его присутствовать лично при свиданіи съ пріѣзжей изъ провинціи. Между тѣмъ, Сергѣй спряталъ у себя на квартирѣ двухъ террористовъ, а самъ долженъ былъ встрѣтить Судейкина и подать знакъ къ нападенію выстрѣломъ. Судейкинъ явился съ племянникомъ. «А гдѣ же ваша барыня, Сергѣй Петровичъ?» спросилъ онъ Сергѣя. Сергѣй что-то отвѣчалъ ему и повелъ въ заднюю комнату. Когда они сѣли у стола, Сергѣй выхватилъ револьверъ и выстрѣломъ ранилъ Судейкина. «Дегаевъ! что вы дѣлаете?!» закричалъ тотъ и бросился въ

[1]) Г-жа Маклецова ошибается. Намъ безусловно извѣстно, что въ доказательство „искренности“ своихъ намѣреній, Дегаевъ, еще до фиктивнаго побѣга своего изъ Одесской тюрьмы, изложилъ *письменно* передъ властями все, что только зналъ о революціонномъ движеніи и революціонныхъ дѣятеляхъ. Да безъ такой „гарантіи“ развѣ Судейкинъ и отпустилъ бы его когда-нибудь изъ тюрьмы на одно только „честное слово“? *Ред.*

[1]) Разсказъ Дегаева требуетъ провѣрки и поправокъ. *Ред.*

переднюю, гдѣ въ то время уже убивали его племянника. Сергѣй вмѣстѣ съ другими участниками билъ Судейкина во время борьбы въ ватерклозетѣ... Затѣмъ, такъ какъ дѣло было кончено, онъ надѣлъ пальто и медленно спустился по лѣстницѣ. Въ ушахъ у него все время стоялъ страшный крикъ Судейкина, но на лицѣ, вѣроятно, не отражались ни ужасъ, ни растерянность, такъ какъ, когда ему пришлось проходить мимо швейцара, тотъ, по обыкновенію, всталъ, поклонился ему и пропустилъ мимо, не замѣтивъ въ немъ ничего особеннаго.

Сергѣй разсказывалъ, что другой ужасный моментъ онъ пережилъ, когда поѣздъ, на которомъ онъ ѣхалъ за границу, стоялъ почему-то долѣе обыкновеннаго къ Гатчинѣ... Каждую минуту онъ ожидалъ, что арестуютъ его.

На границѣ ему пришлось прожить два дня въ ожиданіи, когда привезутъ ему паспортъ. Затѣмъ онъ отправился въ Парижъ на судъ своихъ бывшихъ товарищей. Надо прибавить одну черту: жена Дегаева жила въ это время въ Парижѣ и каждый день ходила обѣдать къ Л. Тихомирову.

Сергѣй пришелъ тоже къ Тихомирову и, сообщивъ о смерти Судейкина, предложилъ самому привести надъ собой въ исполненіе смертный приговоръ, если народовольцы сочтутъ это дѣйствіе полезнымъ для партіи. Л. Тихомировъ обѣщалъ переговорить съ другими членами «Народной Воли» (имена ихъ я не могу припомнить) и сообщить Сергѣю рѣшеніе суда. Сергѣй ждалъ 3 дня... «Если бы тебѣ вынесли смертный приговоръ, ты бы исполнилъ его?» спросила я. «Разумѣется», отвѣчалъ онъ безъ малѣйшаго колебанія.

Но приговоръ ему вынесли другой: имя его было передано безчестью, онъ былъ изгнанъ изъ партіи, и ему было запрещено когда бы то ни было, подъ страхомъ смерти, принимать участіе въ политической дѣятельности партіи.

Это былъ жестокій, но справедливый приговоръ.

Я сообщила все, что мнѣ извѣстно по дѣлу Судейкина и Дегаева. Я не позволила себѣ чернить Сергѣя Дегаева, какъ не позволила бы себѣ его оправдывать... Его преступленіе ужасно...

Н. П. Макпецова (Дегаева).

Письмо г. Курицына и отвѣтъ на него редакціи.

Мы получили отъ завѣдывающаго ветеринарнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ г. Ѳедора Курицына слѣдующее письмо, которое печатаемъ, не выпуская въ немъ ни одного слова:

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ.

Съ начала текущаго года, какъ въ редактируемомъ Вами журналѣ, такъ равно и въ нѣкоторыхъ другихъ, означенныхъ ниже изданіяхъ, опубликованы воспоминанія о 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ которыхъ авторы воспоминаній (г.г. Виташевскій и Дейчъ) называютъ меня предателемъ.

Не допуская мысли, чтобы журналъ, помѣщая эти воспоминанія, хотѣлъ лишь бросить мнѣ эти тяжкія обвиненія, а не выяснять истину, я прошу васъ не отказать въ помѣщеніи въ журналѣ нижеслѣдующаго объясненія.

Къ величайшему сожалѣнію, изданія, въ которыхъ обнародованы обвиненія меня въ предательствѣ („Былое", „Вѣстн. Общ. Ветеринарій", „Ветеринар. Обозр." и Воспоминанія г. Дейча), попали мнѣ въ руки слишкомъ поздно и при томъ въ такихъ условіяхъ, когда ни о какихъ серьезныхъ возраженіяхъ и разъясненіяхъ нельзя было и помышлять. Только возвратясь въ Ташкентъ изъ Семирѣчья,—гдѣ я былъ въ командировкѣ по борьбѣ съ чумою рогатаго скота, разъѣзжая съ 3 января по 27 мая лишь по селамъ, кишлакамъ и ауламъ,—я получилъ возможность спокойно и подробно ознакомиться со взведенными на меня обвиненіями, возстановить въ памяти событія тридцатилѣтней давности и собрать матеріалы для предварительнаго опроверженія фактовъ и событій, сообщаемыхъ упомянутыми авторами, надѣясь въ недалекомъ будущемъ пополнить свое опроверженіе документальными данными.

Г. Виташевскому, который бросаетъ мнѣ обвиненіе общаго характера („Былое", февраль, 1906, стр. 227), возражать трудно, такъ какъ онъ совершенно не указываетъ, въ чемъ состояло мое предательство. Голословно называя меня предателемъ, онъ заявляетъ, что ему неизвѣстно, какъ я воспользовался планами, которые онъ повѣрилъ мнѣ, сидя со мной въ одной камерѣ, каковое заявленіе даетъ каждому право думать, что, по его мнѣнію, я воспользовался ими именно такъ, какъ долженъ былъ сдѣлать это предатель.

По поводу приведенныхъ словъ г. Виташевскаго я долженъ сказать, что въ одной камерѣ съ нимъ я не сидѣлъ, такъ какъ за три года моего пребыванія въ Одесской тюрьмѣ, непродолжительное время, когда, за переполненіемъ тюрьмы политическими, одиночныхъ камеръ не хватало, я сидѣлъ въ одной камерѣ сначала съ Дробязгинымъ, а затѣмъ съ Малинкой; но въ сосѣдней съ нимъ камерѣ я дѣйствительно одно время сидѣлъ. Самого Виташевскаго я на свободѣ не зналъ, знакомъ съ нимъ не былъ и, лишь по фразѣ въ его воспоминаніяхъ „я пользовался довольно большимъ успѣхомъ на сценѣ", я вспомнилъ, что сидѣлъ съ нимъ одно время по сосѣдству, и что онъ разсказывалъ мнѣ черезъ дверную форточку, какъ онъ изъ соціальной братіи составилъ странствующую труппу, съ цѣлью за-

работывать деньги. Меня этотъ фактъ тогда сильно поразилъ, а потому до сего времени онъ остался въ памяти, несмотря на тридцатилѣтнюю давность.

Вѣдомо, г. Виташевскій лично съ дѣломъ или дѣлами, по которымъ меня другіе обвиняютъ въ предательствѣ, не знакомъ, но усвоилъ себѣ точку зрѣнія нѣкоторыхъ лицъ, такъ какъ мнѣ теперь извѣстно, что такой взглядъ на меня былъ довольно распространенъ между русскими революціонерами и, въ особенности, за границей между революціонерами-эмигрантами. Почему ему понадобилось опасаться за сообщенные мнѣ планы, и какія основанія послужили къ такимъ опасеніямъ—не знаю. Думаю, однако, что г. Виташевскій никакихъ основаній къ этому не имѣетъ и не можетъ ихъ имѣть, потому что, разъ онъ не знаетъ, какъ я ими воспользовался, то это съ очевидностью указываетъ уже на то, что не было тѣхъ послѣдствій, которыя были бы неизбѣжны, если бы я воспользовался ими, какъ предатель. Если же такихъ основаній нѣтъ и не было, то невольно напрашивается вопросъ, зачѣмъ понадобилось ему высказывать явно нелогичныя опасенія. Неужели только для того, чтобы отнести лишь въ воспоминаніяхъ красивую по внѣшней формѣ тираду, не задумываясь надъ серьезностью высказываемаго имъ обвиненія.

Что касается г. Дейча, то его обвиненія носятъ болѣе опредѣленный характеръ: онъ обвиняетъ меня въ томъ, что я, будто бы, выдалъ своихъ сопроцесниковъ - Дробязгина, Малинку, Майданскаго, Костюрина и Янковскаго, а кромѣ того, будто бы, изъ-за меня пострадали—Лизогубъ, Чубаровъ, Давиденко, Гобстъ и Виттенбергъ. Цѣлый легіонъ лицъ. Ахъ г. Дейчъ, съ какою необыкновенною легкостью вы садитесь на почетное кресло судьи и съ какою поразительной щедростью разбрасываете свои обвинительные акты, не затрудновавъ даже объясненій отъ обвиняемаго, въ чемъ никогда и никакой судъ не отказывалъ даже простому воришкѣ, прежде чѣмъ предать его позору ссылки, заточенія или какой-либо другой карѣ, а не только человѣку, загубившему десять идейныхъ душъ.

Для своего предварительнаго оправданія по обвиненіямъ г. Дейча я пока воспользуюсь лишь своими воспоминаніями и тѣми данными, которыя до настоящаго времени появились въ русской литературѣ и стали мнѣ извѣстными.

Дробязгинъ, Малинка, Майданскій, Костюринъ и Янковскій, какъ и самъ г. Дейчъ, судились, какъ извѣстно, по дѣлу о покушеніи на жизнь Гориновича. Дейчу не безызвѣстно, что всѣ они были выданы прежде всего самимъ потерпѣвшимъ Гориновичемъ, а затѣмъ адвокатомъ Краевымъ и, кажется, матерью Майданскаго. Что настоящее мое заявленіе не плодъ моей фантазіи и не сваливаніе съ больной головы на здоровую,—видно изъ воспоминаній М. Ф. Фроленко („Побѣга Анеши Половича"—такъ звали Костюрина—„Былое", май, 1906), гдѣ авторъ подробно описываетъ самого Краева, его отношеніе къ кружку кіевскихъ бунтарей и выдачу имъ Костюрина. На роль Краева указываетъ также и г. Виташевскій („Былое", февраль, 1906, стр. 228). Почему г. Дейчъ въ своихъ воспоминаніяхъ ни словомъ не обмолвился о Краевѣ и всѣ предательства его и другихъ лицъ (Горновича и, кажется, матери Майданскаго) приписываетъ мнѣ — я рѣшительно не понимаю.

Краевъ былъ арестованъ тотчасъ же послѣ покушенія на жизнь Горинович а — въ августѣ или сентябрѣ 1876 г., т.-е. за 7 или 8 мѣсяцевъ до моего ареста, и сидѣлъ въ Одесской тюрьмѣ около полугода, т.-е. до ареста Костюрина, котораго онъ немедленно и призналъ. Этимъ онъ убѣдилъ жандармовъ въ правдивости своихъ разоблаченій, послѣ чего онъ и былъ освобожденъ. Меня также онъ призналъ сначала по фотографіи, снятой съ меня по распоряженію жандармовъ въ Николаевѣ, гдѣ я былъ арестованъ; когда же я былъ перевезенъ въ Одесскую тюрьму (въ маѣ 1877 г.), то на другой же день утромъ я услышалъ окликъ у форточки въ двери, ведущей въ общій коридоръ (меня посадили въ башню, которая отдѣлялась отъ общаго коридора узкимъ коридорчикомъ съ двумя дверьми): „здравствуй Ѳедоръ". Подложу къ двери и вижу Краева, но уже не изможденнымъ и зеленымъ, какъ его описываетъ Фроленко, а довольно бодрымъ и веселымъ. Послѣ сухого отвѣта съ моей стороны (я уже зналъ, что Краевъ началъ всѣхъ выдавать), онъ объяснилъ мнѣ, что находится въ тюремной больницѣ по сосѣдству со мной. Дѣйствительно, башня, въ которой я сидѣлъ, примыкала къ тюремной больницѣ. Затѣмъ онъ началъ оправдываться въ томъ, что призналъ мою фотографію, объясняя мнѣ, что иначе поступить онъ не могъ,

такъ какъ меня по фотографической карточкѣ уже раньше признала Майданская, и тутъ же добавилъ: „Ты пожалуйста не волнуйся, тебя будутъ обвинять не за участіе въ покушеніи на жизнь Горинович а, а только за принадлежность къ кружку бунтарей". Вслѣдъ за этимъ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Скажи пожалуйста, гдѣ эти подлецы (онъ назвалъ трехъ лицъ, отправившихся, по его словамъ, въ Одессу съ Гориновичемъ), которые устроили такое ужасное дѣло, и за которыхъ мы должны вотъ тутъ сидѣть?" Я коротко и сухо отвѣтилъ незнаніемъ. Послѣ этого онъ предложилъ мнѣ чаю, сахару и табаку, но я отъ нихъ отказался. Затѣмъ мы разошлись, причемъ онъ сказалъ мнѣ, что скоро увидимся; больше я его уже не видалъ. Вслѣдъ за этимъ вошелъ ключникъ и, запирая за мною вторую дверь, сказалъ, что будто бы онъ получилъ нагоняй за допущенный разговоръ мой съ Краевымъ.

Подобнымъ же образомъ Краевъ призналъ впослѣдствіи Дробязгина и Малинку, которые были арестованы въ 1878 г., т.-е. черезъ годъ приблизительно послѣ моего ареста.

Что же касается Майданскаго, то онъ жилъ вмѣстѣ съ своей матерью въ Елисаветградѣ, гдѣ отбывалъ воинскую повинность, въ качествѣ вольноопредѣляющагося. Онъ былъ арестованъ тотчасъ же послѣ покушенія на жизнь Горинович а, такъ какъ, согласно показаніямъ послѣдняго, Дейчъ выѣхалъ съ нимъ въ Одессу изъ квартиры Майданскаго въ Елисаветградѣ. Почему Майданскій не бѣжалъ изъ Елисаветграда послѣ покушенія, какъ это сдѣлали всѣ другіе, я и по настоящее время не могу себѣ объяснить.

Такимъ образомъ, ближайшіе участники въ покушеніи на жизнь Горинович а были указаны прежде всего самимъ Гориновичемъ, а затѣмъ къ этому процессу были притянуты тѣ члены кружка кіевскихъ бунтарей, которые бывали въ Елисаветградѣ, и которыхъ зналъ Краевъ. Благодаря этому, всѣ 1-хъ. были привлечены къ этому дѣлу и осуждены по оному нѣкоторыя лица, рѣшительно никакого отношенія къ покушенію на жизнь Горинович а не имѣвшія, и во 2-хъ, остались не замѣшанными въ дѣлѣ всѣ остальные члены кружка бунтарей, которыхъ Краевъ не зналъ по тѣмъ или другимъ причинамъ. Понятно, если бы я рѣшилъ купить себѣ свободу и благополучіе позорной ролью предателя, то результатъ моего предательства былъ бы совершенно иной, такъ какъ я близко стоялъ къ указанному кружку, и дѣло о покушеніи на жизнь Горинович а, несомнѣнно, потеряло бы нѣсколькихъ участниковъ, но зато, также несомнѣнно, возникъ бы какой-нибудь новый громкій процессъ вообще о кружкѣ бунтарей, къ которому было бы привлечено, въ качествѣ обвиняемыхъ, много лицъ, оставшихся на свободѣ.

На стр. 15 своихъ воспоминаній г. Дейчъ такъ формулируетъ обвиненіе меня въ предательствѣ: „Въ тюрьмѣ онъ сталъ предателемъ, о чемъ никто изъ товарищей не подозрѣвалъ. Онъ не только выдавалъ, что зналъ, но, бесѣдуя со вновь прибывшими, узнавалъ, что дѣлается на волѣ и немедленно передавалъ узнанное жандармамъ".

Я просидѣлъ въ Одесской тюрьмѣ 1877, 1878 и 1879 г.г. Первоначально, почти въ теченіе года, политическихъ заключенныхъ кромѣ меня въ тюрьмѣ не было; по крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе сохранилось у меня до сихъ поръ. Арестованный ранѣе меня Майданскій, кажется, находился въ Елисаветградской тюрьмѣ, а арестованный вмѣстѣ съ мной въ Николаевѣ Янковскій остался въ Николаевской тюрьмѣ и уже впослѣдствіи былъ перевезенъ въ Одессу, а можетъ быть, онъ былъ выпущенъ на свободу и вторично арестованъ,—теперь не припомню. Только въ 1878 г., почти черезъ годъ послѣ моего ареста, тюрьма какъ-то сразу начала наполняться: арестованы были Малинка и Дробязгинъ, цѣлый кружокъ Ковальскаго (человѣкъ 15). Чубаровъ съ компаніей, Лизогубъ и другіе. Все это, повторяю, нахлынуло сразу, почему Одесская тюрьма, приблизительно съ марта 1878 г. по сентябрь 1879 г., была полна политическими заключенными; одиночныхъ камеръ не хватало, и нѣкоторое время насъ садили по два человѣка въ камеру. Вслѣдствіе такого переполненія тюрьмы, всѣ политическіе жили общею жизнью, и каждый шагъ сосѣда или находившагося въ общемъ коридорѣ былъ извѣстенъ всѣмъ.

Возможно ли при такихъ условіяхъ, не возбуждая тотчасъ же подозрѣнія товарищей, передавать что-нибудь жандармамъ? Всякій вызовъ въ контору, гдѣ происходили свиданія съ родными, а также бесѣды съ жандармами, возбуждалъ

вполнѣ понятное любопытство сосѣдей и остальныхъ заключенныхъ и не могъ быть для нихъ тайнымъ, равно какъ и причина вызова. Вызовы меня въ контору были бы для нихъ особенно интересны, потому что въ Одессѣ у меня не было никого изъ родныхъ, а потому никакими свиданіями я и не пользовался. Не вызывали подозрѣнія и вызовы меня къ жандармамъ, потому, что я вызывался къ нимъ за все время моего пребыванія въ тюрьмѣ всего лишь два раза, да и то въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ своего заключенія для официальнаго допроса по дѣлу, когда тюрьма еще пустовала отъ политическихъ. Въ остальные же два года съ лишнимъ я не видѣлъ ни одного жандарма и ни разу не вызывался ни для какихъ свиданій въ контору тюрьмы. Письменныя сношенія также были для меня невозможны, такъ какъ прежде всего заключенныхъ предупредили бы ключники о томъ, что такого-то заключеннаго нужно опасаться, ибо только черезъ ключниковъ велись сношенія заключенныхъ съ внѣшнимъ міромъ, и черезъ нихъ получали заключенные, конечно не даромъ, нѣкоторыя послабленія въ тюремномъ режимѣ, а потому само собою понятно, что заключенный, имѣющій тайныя сношенія съ жандармами, представлялъ бы для самихъ ключниковъ серьезную опасность, которой они постарались бы избѣжать, предупредивъ о томъ остальныхъ заключенныхъ. Наконецъ, мѣлью такого предательства могло бы быть лишь полученіе свободы отъ заключенія, которую, напр. Краевъ такимъ способомъ неоднократно и получилъ; да и не онъ Краевъ, подобные же случаи бывали и затѣмъ. Я былъ въ то время гораздо болѣе въ курсѣ революціонныхъ дѣлъ, нежели Красвъ, а потому могъ бы дать жандармамъ болѣе цѣнныя свѣдѣнія; освобожденіе меня изъ тюрьмы съ отдачей подъ надзоръ полиціи не могло вызвать подозрѣній среди дѣйствующихъ революціонныхъ кружковъ, потому что на мнѣ предъявлялись сравнительно легкія обвиненія—въ хожденіи въ народъ, въ качествѣ офени, и знакомствѣ съ членами кружка кіевскихъ бунтарей. Зачѣмъ, спрашивается, меня, предателя, услугами котораго съ гораздо большимъ успѣхомъ можно было бы воспользоваться на свободѣ, держали въ заточеніи три года, т. е., столько, сколько никто изъ арестованныхъ въ то время не сидѣлъ въ тюрьмѣ, да при этомъ дожали, какъ крестьянина, на крестьянскомъ положеніи, по которому на продовольствіе арестанта полагалось лишь 7 коп. въ день, а затѣмъ освободили изъ тюрьмы не только по окончаніи всѣхъ процессовъ, но даже по приведеніи въ исполненіе всѣхъ приговоровъ, состоявшихся по этимъ процессамъ. Нѣтъ, не было, да, полагаю, и не найдется предателя, который согласился бы получать такую награду за тѣ даваемыя жандармамъ важныя свѣдѣнія, которыя приписываетъ г. Дейчъ мнѣ.

Далѣе, Дейчъ говоритъ, что я предалъ Лизогуба. До своего ареста я Лизогуба не зналъ, не видѣлъ и ничего о немъ не слышалъ и теперь не знаю, принадлежалъ ли онъ въ то время къ какому-либо соціалистическому кружку. Точно также послѣ его ареста въ одной камерѣ съ нимъ я не сидѣлъ и только нѣкоторое время сидѣлъ съ нимъ въ одномъ коридорѣ. Опровержепія по обвиненію меня въ предательствѣ Лизогуба имѣются въ „Исторіи революціонныхъ движеній" Туна, гдѣ, на стр. 300, авторъ говоритъ, что Лизогуба выдалъ Дриго, воспользовавшись деньгами Лизогуба, предназначенными на революціонныя цѣли. Такое же доказательство, но болѣе сильное, моей непричастности къ аресту и предательству Лизогуба находится въ объясненіи Александра Михайлова, даннома имъ на судѣ въ процессѣ 20 народовольцевъ въ 1882 г. („Былое, январь, 1906, стр. 297—299). Въ своемъ объясненіи Михайловъ подробно излагаетъ, какъ на Лизогуба палъ оговоръ Великанцкаго, благодаря которому онъ былъ арестованъ, а затѣмъ съ тою же подробностью касается предательства Дриго, благодаря которому чуть не арестовали въ Черниговѣ и самого Михайлова. Эти три страницы объясненія Михайлова съ достаточной ясностью говорятъ, что къ дѣлу Лизогуба, я совершенно не причастенъ и, что обвиненія мои въ предательствѣ Лизогуба—не болѣе, какъ плодъ незнанія обстоятельствъ дѣла и ошибочнаго заключенія.

Что касается Чубарова и Давиденко, то о нихъ въ трудѣ Туна „Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи", на стр. 218 говорится: „если я не ошибаюсь, то уже осенью 1878 г. южнорусскіе бунтари Давиденко, унтеръ-офицеръ Логовенко, Чубаровъ и другіе, при содѣйствіи офицеровъ флота, подложили близъ города Николаева мину, единственную, которая была открыта полиціей до покушенія". Дѣло идетъ о покушеніи на жизнь Императора Александра II.

Чубарова я до своего ареста зналъ, но Давиденко совершенно не зналъ и онъ, сколько мнѣ помнится, въ Одесской тюрьмѣ не сидѣлъ, а находился до процесса въ Кіевской тюрьмѣ. Въ бытность мою на свободѣ онъ, кажется, къ кружку бунтарей не принадлежалъ. Помнится мнѣ, что въ тюрьмѣ фигурировала фамилія моряка Скирява или Скорнякова, который выдалъ Чубарова, Давиденко, Логовенко и всѣхъ остальныхъ членовъ Николаевскаго кружка, указавъ, гдѣ заложена мина, и гдѣ добывался динамитъ. Я не понимаю, какимъ образомъ г. Дейчъ рѣшается обвинять меня въ предательствѣ Чубарова и Давиденко, когда я уже за годъ слишкомъ до дѣла, по которому они были привлечены, попалъ въ одиночное заключеніе и при томъ, сколько мнѣ помнится, сидѣлъ въ тюрьмѣ изъ политическихъ одинъ, такъ какъ арестованнаго до меня Кровва выпустили вслѣдъ за выдачею имъ участниковъ дѣла о покушеніи на жизнь Гориновича, а Костюринъ еще до моего ареста изъ заключенія бѣжалъ.

Кто были Гобстъ и Виттенбергъ, по какому дѣлу они были осуждены, и въ какой тюрьмѣ сидѣли,—не знаю, и фамиліи ихъ впервые слышу; въ Одесской тюрьмѣ ихъ, кажется, не было.

Вотъ все, что я могу пока возразить на брошенное мнѣ обвиненіе г.г. Виташевскимъ и Дейчемъ въ предательствѣ. Думаю, что всякій непредубѣжденный читатель пойметъ, что обвиненія эти ошибочны. Возможность такой ошибки при отсутствіи объективнаго изслѣдованія обстоятельствъ дѣла, не могутъ отрицать даже упомянутые авторы. Тѣмъ не менѣе и, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ объективнаго освѣщенія вопроса мною приняты въ настоящее время всѣ мѣры къ опроверженію взведенныхъ на меня обвиненій при помощи документальныхъ данныхъ, которыя я тогчасъ по полученіи ихъ готовъ предоставить на судъ общества.

Мнѣ могутъ сказать, однако: дыму безъ огня не бываетъ. Я это знаю, и вотъ это-то обстоятельство заставило меня искать въ моемъ прошломъ тотъ огонь, который далъ скрадный дымъ, въ формѣ обвиненія меня въ предательствѣ. Перебравъ въ своей памяти все прошлое, я, дѣйствительно, нахожу въ немъ нѣкоторые моменты, которые при недостаточномъ знакомствѣ съ сопровождавшими ихъ обстоятельствами, могли вызвать серьезныя предположенія, относительно моего образа дѣйствій, которыя выросли затѣмъ въ формѣнныя обвиненія. Эти моменты требуютъ объясненія, и поэтому я прошу еще нѣсколько минутъ вниманія. Возвращаюсь къ моему сидѣнію въ тюрьмѣ.

Въ теченіе перваго года моего заключенія тюремный режимъ былъ необыкновенно суровъ: не было ни прогулокъ, ни книгъ. Первый выходъ мой изъ камеры былъ въ баню, послѣ пятимѣсячнаго сидѣнія въ четырехъ стѣнахъ, за еще какъ крестьянскомъ положеніи. Съ назначеніемъ одесскимъ градоначальникомъ генерала Гейша, дѣло измѣнилось значительно къ лучшему: была разрѣшена прогулка, начали почти еженедѣльно водить въ баню и даже разрѣшили читать книги.

Въ 1878 г. Одесская тюрьма начала быстро наполняться политическими, и житье сдѣлалось лучше, такъ какъ явилась возможность переговоровъ въ дверную форточку, а кромѣ того, пошло перестукиваніе. У вновь прибывшихъ арестованныхъ по политическимъ дѣламъ и, больше всего, кажется, у арестованныхъ по дѣлу Ковальскаго, были въ Одессѣ родственники, при посредствѣ которыхъ была организована помощь извнѣ: приносились въ большомъ количествѣ калабасъ, чай, сахаръ и даже одно время обѣды. Въ половинѣ 1878 г. тюрьма была уже переполнена политическими, не хватало одиночныхъ камеръ, стали насъ сажать по двое и, помню, мнѣ пришлось сидѣть сначала съ Дробязгинымъ, а потомъ съ Маляпкой. Устраивались развлеченія—пѣніе, бесѣды въ дверныя форточки съ сосѣдями и разсказы. Я обладалъ хорошимъ голосомъ, и меня часто просили пѣть, не дурно пѣлъ Краевецъ, съ которымъ мы и чередовались. Большое удовольствіе своими разсказами доставлялъ морякъ Логовенко.

Съ учащеніемъ террористическихъ актовъ со стороны революціонеровъ, изкощинося не свободѣ, усиливалась строгость тюремнаго режима, что со стороны заключенныхъ вызывало протесты и, кажется, въ это именно время въ Одесской тюрьмѣ впервые устроена была голодовка.

Въ 1879 г. правительство приступило къ ликвидаціи политическихъ дѣлъ, и къ сентябрю этого года тюрьма почти опустѣла, остались только причастные къ дѣлу о покушеніи на Горинович. Результатомъ ликвидаціи политическихъ

дѣлъ было нѣсколько человѣкъ казенныхъ (Ковальскій, Чубаровъ, Лизогубъ, Логовенко), много сослано въ каторжныя работы, на поселеніе и просто административнымъ порядкомъ. По мѣрѣ того, какъ освобождались камеры, насъ рассаживали, и уже въ сентябрѣ 1879 г. вдвоемъ никого не сидѣло, а въ октябрѣ, когда остались въ тюрьмѣ только одни, замѣшанные по нашему дѣлу, насъ шесть человѣкъ рассадили даже по разнымъ коридорамъ и, такимъ образомъ, получилось снова полное одиночество. Истомленному и истощенному почти трехлѣтнимъ заключеніемъ это новое одиночество, при отсутствіи какого-нибудь сносного питанія, привело меня въ ужасное состояніе. Сильный отъ природы организмъ окончательно расшатался, нервы истрепались, и я близокъ былъ къ сумасшествію. Позвали врача, который назначилъ мнѣ больничную порцію и распорядился, чтобы мнѣ давали еще уныя ванны съ какими-то каплями. Затѣмъ было предпринято лѣченіе бромомъ и, наконецъ, ваннами и душами (въ тюремной банѣ), но было неудачно и, помимо ухудшенія, вызвало во мнѣ чувство страха къ холодной водѣ, сохранившееся и по настоящее время.

Въ октябрѣ или ноябрѣ 1879 г. мнѣ вручили, наконецъ, обвинительный актъ, составленный Одесской Судебной Палатой, и я прочелъ въ немъ, что меня обвиняютъ въ знаніи и недонесеніи о существованіи тайнаго сообщества. Отъ обвиненія въ участіи въ покушеніи на жизнь Горшенина я былъ извѣтъ, что меня немного успокоило.

Какъ уже выше было сказано, въ тюрьмѣ я часто пѣлъ, и вотъ, вскорѣ послѣ полученія обвинительнаго акта, въ одну изъ минутъ тяжелой грусти запѣлъ я пѣсню Наташи изъ оперы „Опричники", Чайковскаго: „Соловушка въ дубравушкѣ звонко свищетъ, а дѣвушка въ теремочкѣ слезно плачетъ" и т. д. Чудная, простая, народная мелодія, превосходно гармонизированная такимъ великимъ мастеромъ, какъ Чайковскій, произвела на сосѣдей, видимо, глубокое впечатлѣніе, и въ тюрьмѣ меня часто заставляли ее пѣть. Какъ потомъ оказалось, во время пѣнія вошелъ въ коридоръ помощникъ управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора, Стародубцевъ, котораго раньше мы принимали за прокурора. Смотритель бросился было возворять порядокъ, но былъ остановленъ. Немного спустя послѣ окончанія пѣнія, Стародубцевъ вошелъ ко мнѣ въ камеру и обратился съ обычнымъ вопросомъ: „не имѣете ли что заявить". Я отвѣтилъ, „что мнѣ заявлять, обвинительный актъ получить и теперь жду конца, хотя, можетъ быть, и непріятнаго, но все-таки конца". — „Вы сидите по дѣлу о Гориновичѣ?" и, получивъ утвердительный отвѣтъ сказалъ: „имѣйте въ виду, что дѣло это, по рѣшенію генералъ-губернатора, будетъ разсматриваться военно-окружнымъ судомъ, при чемъ ему будутъ преданы только серьезно замѣшанные, къ остальнымъ же будетъ примѣнена административная мысьлка. Дѣло это вчера передано мнѣ, и на днякъ я буду докладывать его генералъ губернатору. Вы серьезно замѣшаны или нѣтъ, въ чемъ васъ обвиняютъ?" — „Въ знаніи и недонесеніи о существованіи тайнаго сообщества, какъ гласитъ обвинительный актъ; не знаю—серьезно это или нѣтъ". — „Ну, это пустяки. А сколько времени вы сидите?" „Около трехъ лѣтъ, съ 1 апрѣля 1877 г.". — „Вѣроятно, къ вамъ будетъ примѣнена административная ссылка" сказалъ онъ и ушелъ. Хотя словамъ Стародубцева, относящимся ко мнѣ, я и не довѣрялъ и вообще мало реагировалъ на нихъ, но военный судъ меня привелъ въ уныніе, ибо, послѣ покушенія на жизнь Александра II, убійства генерала Мезенцова и цѣлаго ряда другихъ террористическихъ актовъ со стороны революціонеровъ, отъ военнаго суда ничего хорошаго нельзя было ожидать.

Дня черезъ два или три послѣ изложеннаго выше разговора съ Стародубцевымъ, меня и другихъ участниковъ процесса перевели ночью въ казармы, гдѣ устроено было помѣщеніе для военнаго суда и камеры для обвиняемыхъ. Наконецъ, въ началѣ декабря, котораго числа—теперь не помню, состоялся судъ, присудившій Малинку, Дробязгина, Майданскаго и Костюрина къ смертной казни, а Янковскаго къ каторжнымъ работы: Костюрину смертная казнь была также замѣнена каторгой. Меня на судъ не вызывали, изъ чего я заключилъ, что слова Стародубцева были справедливы. Дней черезъ десять послѣ суда, когда уже приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, ко мнѣ заходилъ Стародубцевъ и говорилъ „Вы, вѣроятно, догадались, что вамъ предстоитъ административная ссылка?" — „Да, я догадался, но мнѣ интересно было бы знать куда?" — „Этого я, къ сожалѣнію, не знаю; но скажите пожалуйста, вы по сего времени остаетесь убѣжденнымъ socialистомъ и придерживаетесь старыхъ взглядовъ?" Я отвѣтилъ, что еще до тюрьмы у меня появилось нѣкоторое разочарованіе въ прежней дѣятельности, и я ѣхалъ въ Харьковъ, чтобы снова поступить въ Институтъ, но случайно дорогой былъ арестованъ. „Видите ли,—сказалъ онъ,—вы обладаете талантомъ, у васъ отличный голосъ, было бы жаль, если бы онъ пропалъ такъ зря. Совѣтую вамъ, подавайте генералъ-губернатору прошеніе объ освобожденіи васъ отъ ссылки. 19-го февраля будетъ праздноваться двадцатипятилѣтіе царствованія Государя, будутъ амнистіи, и ваше дѣло выиграетъ. Но для этого необходимо помѣстить въ прошеніи чистосердечное сознаніе по нашему дѣлу, ваше показаніе на слѣдствіи слишкомъ кратко". „Прибавить къ слѣдствію что-нибудь—я не могу, повторяя данныя слѣдствія—нѣтъ смысла, такъ что я не думаю, чтобы прошеніе мое имѣло успѣхъ". — „Настойчиво совѣтую вамъ писать, имѣйте въ виду, что я являюсь докладчикомъ по этимъ дѣламъ у генералъ-губернатора, и приму съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы прошеніе не осталось безрезультатнымъ". Съ одной стороны, жажда свободы, а съ другой—надежда проложить спущенія лекій охватили всю душу; истомленный, изнервничавшійся до послѣдней степени я не находилъ въ себѣ силъ бороться съ этимъ чувствомъ, которое укрѣплялось еще сознаніемъ, что, оставаясь въ предѣлахъ, добытыхъ слѣдствіемъ, я не могу никому и ничему повредить, такъ какъ процессъ по этому слѣдствію не только уже законченъ, но и приговоръ суда приведенъ въ исполненіе. Подъ давленіемъ этихъ чувствъ я написалъ свое прошеніе, въ которомъ абсолютно ни одного слова не прибавилъ къ данными, добытымъ слѣдствіемъ, и передалъ его Стародубцеву. Онъ, однако, не удовлетворился этимъ и черезъ три или четыре дня привезъ мнѣ прошеніе къ предъидущему видѣ и, остановивъ его у меня до слѣдующаго дня, сказалъ „надѣюсь, что вы это подпишете". Въ этомъ прошеніи къ написанному мною было добавлено нѣсколько показаніе по дѣлу Лизогуба, взятое Стародубцевымъ также изъ судебнаго слѣдствія, и въ томъ числѣ изложеніе программы его кружка. Я понималъ, что я, какъ въ своемъ дѣлѣ, такъ и въ дѣлѣ Лизогуба, казненнаго еще раньше моихъ сопроцессниковъ, не *могу повредить никому и ничему*, тѣмъ не менѣе я рѣшилъ прошеніе не подписывать, что и объявилъ Стародубцеву на слѣдующій день. На возраженія Стародубцева я заявилъ, что его добавленія къ моему прошенію,—относительно процесса Лизогуба и еще чего-то такого, что я не хотѣлъ подписывать, хотя такого же безвреднаго,—мнѣ не нравятся, во-первыхъ, потому, что къ этому процессу я не имѣю отношенія и, во-вторыхъ потому, что мнѣ стыдно подписывать добытое слѣдствіемъ вранье, и объяснилъ ему, что, сколько мнѣ извѣстно отъ товарищей по заключенію, никакого кружка Лизогуба не было и нѣтъ, что онъ самъ въ революціонномъ дѣлѣ былъ на второмъ, а го и на третьемъ планѣ, являясь дѣнными для революціи только своими деньгами, и былъ казненъ совершенно напрасно. Стародубцевъ категорически возсталъ противъ исключенія всего, что написано про Лизогуба, заявивъ, что генералъ-губернаторъ придаетъ большое значеніе Лизогубу и полагаетъ, что онъ былъ главаремъ всего революціоннаго движенія и, что лишь при помощи написанаго онъ можетъ исключоталъ мнѣ свободу. При этомъ онъ вновь всячески старался доказать мнѣ, что мое упорство является совершенно безсмысленнымъ, потому что *все, написанное въ прошеніи, касается покойниковъ*, ни имъ самимъ, ни ихъ дѣлу повредить не можетъ, такъ какъ уже разсмотрѣно судомъ и сдано въ архивъ. На просьбу дать мнѣ срокъ подумать—онъ заявилъ, что генералъ Тотлебенъ куда-то выѣзжаетъ, и когда вернется—неизвѣстно, такъ что думать теперь некогда. Послѣ долгаго разговора, я, наконецъ, рѣшился подписать прошеніе и отдалъ его Стародубцеву. Это было приблизительно въ половинѣ декабря 1879 г., а въ январѣ 1880 г. я былъ выпущенъ на свободу подъ надзоръ полиціи.

Мое освобожденіе отъ ссылки, хотя и послѣ трехлѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, полный разрывъ съ прошлымъ, который объясняется совершившимся во мнѣ переворотомъ и, отчасти, словомъ, даннымъ Стародубцеву, содержаніе прошенія, которое не могло, конечно, остаться тайнымъ, да я и не старался объ этомъ,—это и есть тѣ моменты изъ моего прошлаго, которые послужили поводомъ къ полозрѣнію меня въ предательствѣ, скоро выросшее, при обычной и естественной вражкѣ революціонныхъ кружковъ къ своимъ отступникамъ, въ форму-

лированныя обвиненія. Вотъ гдѣ, по моему глубокому убѣжденію, тотъ огонь, который черезъ тридцать вѣкъ далъ не дымъ, а прямо отвратительную гарь.

Я отнюдь не намѣренъ утверждать, что съ этической точки зрѣнія я совершенно неуязвимъ. Строгій анализъ факта подачи прошенія не позволяетъ мнѣ этого сдѣлать, что доставило мнѣ много горькихъ минутъ, которыхъ не было бы, если бы я бросилъ революціонную дѣятельность прямо, безъ всякихъ прошеній. Необходимо, однако, при обсужденіи этого факта принять во вниманіе, съ одной стороны, мое душевное состояніе послѣ трехлѣтняго сиѣнія въ тюрьмѣ, съ другой—предстоящую необходимость отправиться въ ссылку на неопредѣленное время, необходимость для меня совершенно безсмысленную, такъ какъ революціонныя идеи мною были уже оставлены и возвратиться къ нимъ я не намѣревался; съ третьей—что только такимъ и никакимъ другимъ способомъ я могъ избавиться отъ этой безсмысленной для меня необходимости и, наконецъ, съ четвертой—что *поступокъ мой абсолютно не могъ принести никому никакого вреда.*

Такимъ образомъ, признавая, что, подавъ прошеніе генералъ-губернатору объ освобожденіи меня отъ ссылки, съ изложеніемъ обстоятельствъ революціоннаго движенія, добытыхъ уже судебнымъ слѣдствіемъ и относящихся въ область исторіи, я пошелъ хотя и на вынужденный, но тѣмъ не менѣе прискорбный компромиссъ,—я всѣмъ существомъ протестую противъ обвиненія меня въ предательствѣ.

Отказаться отъ революціонныхъ идей, воспринять по неотъемлемому праву человѣка иныя идеи, воспользоваться историческими данными революціоннаго движенія, какъ единственнымъ способомъ порвать съ революціонной дѣятельностью и ея послѣдствіями, отказавшемуся отъ этихъ идей,—это—одно. А сдѣлаться предателемъ, т. е. перейти во враждебный лагерь и воспользоваться свѣдѣніями, которыя довѣряютъ и довѣряли ему бывшіе единомышленники, не зная о переворотѣ, совершившемся въ его обязѣ мыслей, для того, чтобы разгромить этихъ единомышленниковъ,—это—другое. Разница между тѣмъ и другимъ колоссальна, и обвинять въ предательствѣ человѣка, повиннаго въ первомъ—и неосновательно, и несправедливо.

Г. Ташкентъ 7 іюля 1906. *Ѳ. Курицынъ.*

Отъ редакціи

Хотя большая часть вышеприведеннаго письма г. Курицына посвящена возраженіямъ не журналу «Былое», а г. Дейчу, тѣмъ не менѣе, мы сочли своею обязанностью напечатать это письмо полностью. Но сдѣлавши это, не меньшею обязанностью своею мы считаемъ и сопроводить письмо г. Курицына такими данными, которыя объяснили бы читателямъ и смыслъ нашего примѣчанія къ напечатанной въ февральской книжкѣ нашего журнала статьѣ Н. А. Виташевскаго. Примѣчаніе это гласитъ: «Рѣчь идетъ о бывшемъ еще недавно старшимъ ветеринарнымъ врачемъ въ Саратовѣ, а нынѣ завѣдывающемъ ветеринарнымъ дѣломъ въ Туркестанѣ Ѳедорѣ Курицынѣ. Изъ имѣющихся у насъ матеріаловъ видно, что страницы нашего журнала будутъ украшены доблестнымъ именемъ г. Курицына еще не разъ, съ надлежащими къ этому имени комментаріями». (Былое, февраль, стр. 227).

Обратимся же къ тѣмъ даннымъ, о которыхъ мы въ этомъ примѣчаніи упоминали.

Въ 1893 году въ Женевѣ вышелъ № 3 издававшихся «группою старыхъ народовольцевъ» «Матеріаловъ для исторіи Русскаго Соціально-Революціоннаго движенія». Въ номерѣ этомъ помѣщена біографія умершаго на карійской каторгѣ, осужденнаго въ 1879 году

въ Одессѣ по дѣлу Лизогуба и другихъ, Григорія Анфимовича Попко. Въ біографіи этой имѣются, между прочимъ, такія строки:

«Въ это время (въ 1879 году) сидѣлъ въ Одесской тюрьмѣ студентъ Харьковскаго Ветеринарнаго Института Ѳедоръ Курицынъ. Арестованъ онъ былъ въ началѣ 77 года по, такъ называемому, Елисаветградскому дѣлу. Сидѣлъ да посиживалъ Курицынъ въ Одесской тюрьмѣ, болталъ немного по своему дѣлу, однако первое время совсѣмъ м—мъ [1]) его назвать было нельзя. Но вотъ «хронически» сидѣть надоѣло Курицыну, и онъ предложилъ свои «услуги» жандармскому правленію. Особенно цѣнныхъ свѣдѣній Курицынъ не могъ дать о творящемся на свободѣ, но могъ предать только своихъ прежнихъ товарищей, что и сдѣлалъ: *благодаря ему, попали Виктора Малинку и Ивана Дробязгина.* Дабы сдѣлать услуги Курицына болѣе полезными, его садятъ въ одну камеру съ однимъ изъ вновь арестованныхъ по дѣлу Чубарова. Выборъ оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ. Довѣрчивый и словоохотливый N быстро сходится съ «Ѳедькой» и выкладываетъ ему все, что зналъ, а нерѣдко выдаетъ за дѣйствительныя плоды собственнаго воображенія, благо оно еще не остыло... Онъ и себя не жалѣетъ и рисуетъ «ужаснымъ человѣкомъ». За довѣріе, за дружбу Ѳ. Курицынъ платилъ *еженедѣльными рапортами въ жандармское управленіе подъ видомъ „писемъ къ родителямъ“.* Узнали предательство Ѳ. Курицына не скоро, и потому приговоръ по Одесскому дѣлу былъ совершенно непонятенъ. Приписывали этотъ приговоръ показаніямъ А. Боломеза, Василія Веледницкаго, Суворова, а Курицына просмотрѣли. N былъ знакомъ съ Г. А. Попко, благоговѣлъ передъ нимъ и въ яркихъ краскахъ расписывалъ революціонныя добродѣтели Григорія Анфимовича «другу». Къ счастью, N мало зналъ о дѣлахъ Попко; зналъ только, что Попко принималъ участіе въ неудавшейся попыткѣ освободить Малинку и Студзинскаго, да что Попко—террористъ. «Попко—это самый умный, самый способный изъ террористовъ»—рекомендовалъ онъ Попко Курицыну. За хорошій отзывъ N ждала Попко вѣчная каторга». («Матеріалы» стр. 177—178).

Біографія Попко напечатана въ «Матеріалахъ» безъ подписи, но теперь нѣтъ никакихъ основаній скрывать имя ея автора. Она написана нынѣ покойнымъ, осужденнымъ въ каторжныя работы въ 1879 году въ Кіевѣ, по дѣлу о вооруженномъ сопротивленіи на Жилянской улицѣ (по этому дѣлу повѣшены Брандтнеръ и Свириденко-Антоновъ), Ростиславомъ Андреевичемъ Стебланинъ-Каменскимъ. Біографію Попко, близкимъ другомъ котораго былъ Каменскій, онъ заканчиваетъ страстнымъ призывомъ къ кровавой мести по отношенію къ г. Курицыну («кому суждено увидѣть родину—писалъ Каменскій—пусть такой счастливецъ, прежде, чѣмъ облобызать родную землю, прежде, чѣмъ обнять дорогихъ, близкихъ сердцу людей—пусть вспомнитъ, что убійца Лизогуба, Попко, Малинки, Дробязгина и многихъ другихъ еще живъ» и проч. и проч. Стр. 190), но мы,

[1]) Въ цитируемой статьѣ это выраженіе напечатано всѣми буквами. *Ред.*

разумѣется, указываемъ на это обстоятельство исключительно лишь во свидѣтельство того настроенія, которое существовало въ карійской каторгѣ по отношенію къ г. Курицыну.

Но, можетъ быть, и Р. А. Стеблинъ-Каменскій былъ также введенъ какими-либо обстоятельствами въ заблужденіе и, такимъ образомъ, хотя и bona fide, но все-таки «оклеветалъ» г. Курицына.

Допустимъ и это. Но какъ быть вотъ съ чѣмъ:

Въ нашемъ распоряженіи имѣется, изданная въ маѣ 1880 г. *департаментомъ полиціи*, разумѣется, исключительно для его собственныхъ надобностей, ультра-секретная книга, носящая заглавіе *„Сводъ указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ“*. Эту любопытную книгу мы имѣемъ въ виду дать со временемъ нашимъ читателямъ полностью на страницахъ «Былого» съ соотвѣтствующими, разумѣется, комментаріями, а въ настоящее время ограничимся нѣсколькими изъ нея цитатами. Въ первой части книги рѣчь идетъ о «преступной организаціи отдѣльнаго сообщества украйнофиловъ, сосредоточившагося въ Кіевѣ». Вотъ что говорится тамъ, между прочимъ, о профессорѣ кіевскаго университета Антоновичѣ и преподавателяхъ Житецкомъ и Береншамѣ.

«Относительно профессора Антоновича и вышеупомянутыхъ преподавателей Кіевской военной гимназіи Житецкаго и Береншама *показываетъ Курицынъ* слѣдующее: когда въ Кіевѣ, въ концѣ декабря 1878 года, собрался съѣздъ партіи конституціоналистовъ, преимущественно земцевъ, между которыми преобладающее вліяніе имѣли, *по словамъ Курицына*, Черниговскіе земцы, изъ коихъ особенно выдѣлялся какой-то членъ Черниговскаго земства *Линдесъ* или *Линдесъ*, [1]) то на бывшей по этому поводу сходкѣ изъ представителей разныхъ соціально-революціонныхъ партій и украинофиловъ присутствовали въ числѣ другихъ Антоновичъ, Житецкій и Береншамъ, являвшіеся въ качествѣ представителей украйнофиловъ, съ цѣлью *отстаивать свои теоріи противъ предложенія конституціоналистовъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ въ духѣ конституціи*». [2]) («Сводъ», стр. 9).

Но это, разумѣется, «цвѣтики» сообщеній г. Курицына. Перейдемъ къ «ягодкамъ».

Въ главѣ третьей «Свода» излагается революціонная дѣятельность Стефановича, Дейча, Левченко и другихъ. Тутъ находятся такія строки:

«Содержась вмѣстѣ съ Левченко, *Курицынъ имѣлъ возможность сблизиться съ нимъ и узнать отъ него многое, какъ о немъ самомъ, такъ и о другихъ революціонныхъ дѣятеляхъ, съ которыми Левченко приходилъ въ соприкосновеніе*». («Сводъ» стр. 48).

[1]) Весь семейніи, гласный Черниговскаго земства, нынѣ покойный *Линфорсъ*. *Ред.*

[2]) Да не смутится читатель вошедшими невѣжествомъ, заключенными въ подчеркнутыхъ нами послѣднихъ строкахъ, да памятуетъ онъ, что это цитируется произведеніе мудрецовъ изъ департамента полиціи. *Ред.*

Идетъ обширное изложеніе дѣятельности Левченко (осужденъ въ каторгу), Мокріевича (каторга), Малинки (повѣшенъ), Савелія Златопольскаго (бывшаго тогда еще на свободѣ), Стефановича, Дейча и многихъ другихъ.

Приведемъ образчикъ:

«Засимъ, *изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Курицынымъ*, со словъ содержащагося въ тюрьмѣ Левченко (онъ же Никитка), видно, что Стефановичъ, Дейчъ и Боховскій возвратились изъ-за границы въ Россію въ половинѣ сентября 1879 года и поселились въ С.-Петербургѣ, куда Стефановичъ привезъ съ собою типографскія принадлежности, хрустальныя бомбы и другіе снаряды для взрыва. Въ то время Левченко находился въ Одессѣ и, узнавъ изъ сообщенія Стефановича о намѣреніи его прибыть въ Кіевъ, отправился туда для предупрежденія избранныхъ лицъ о пріѣздѣ Стефановича.

«По прибытіи его оказалось, что Стефановичъ намѣренъ былъ устроить подпольную типографію для изданія органа революціонной партіи «народниковъ», подобно органу террористовъ «Земля и Воля». Такъ какъ для этой печатни понадобились нѣкоторыя типографскія принадлежности изъ числа тѣхъ, которыя уцѣлѣли отъ прежней типографіи революціонеровъ, спрятанныхъ въ одной деревнѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Кіева, то Левченко, по порученію Стефановича, отправился туда за ними» и проч. и проч. (стр. 47).

Еще образчикъ:

«Въ концѣ 1878 года Никитка уѣхалъ въ Ростовъ на Дону, а потомъ возвратился въ Кіевъ, гдѣ остановился въ той самой квартирѣ, гдѣ были арестованы Дебогорій-Мокріевичъ и много другихъ революціонеровъ; Левченко же избѣжалъ ареста только потому, что переѣхалъ съ этой квартиры за три дня до этого случая, а въ самый моментъ арестованія Мокріевича и другихъ, подходя къ квартирѣ, услышалъ выстрѣлы, вслѣдствіе чего, догадавшись въ чемъ дѣло, успѣлъ скрыться и предупредить о случившемся соумышленниковъ своихъ, которые приглашены были въ эту самую квартиру для принятія участія въ съѣздѣ соціалистовъ.

„Съѣздъ этотъ, *по заявленію Курицына*, былъ назначенъ Дебогоріемъ-Мокріевичемъ, для обсужденія выработанной имъ съ Валеріаномъ Осинскимъ «грандіозной программы» революціонной дѣятельности. Ко дню съѣзда, который назначенъ былъ черезъ недѣлю послѣ ареста Дебогорія-Мокріевича и другихъ лицъ, должны были прибыть соціалисты изъ разныхъ мѣстностей Россіи, а потому Никита Левченко и другіе революціонные дѣятели, изъ числа проживавшихъ въ то время въ Кіевѣ, стали дежурить недалеко отъ дома, въ которомъ были арестованы упомянутыя лица и предупреждать всякаго, кто направляется въ этотъ домъ». И пр. и пр. и пр. (Стр. 50).

Еще примѣръ:

Рѣчь идетъ о революціонной дѣятельности одного учителя:

«*Фамиліи означеннаго учителя Левченко Курицыну не назвалъ,*

но примѣты его характерны: у него кривыя ноги съ вывороченными во внутрь колѣнями; съ виду онъ еще молодой человѣкъ». (Стр. 51).

Мы могли бы привести еще многое изъ «сообщеній» въ этомъ же родѣ г. Курицына жандармамъ,—читатели все это прочтутъ, когда мы воспроизведемъ на страницахъ нашего журнала «Сводъ» полностью,—а пока перейдемъ къ главѣ VII-й, посвященной, главнымъ образомъ, описанію революціонной дѣятельности казеннаго Д. А. Лизогуба. Глава эта начинается слѣдующими строками:

«Для полноты картины, характеризующей дѣятельность различныхъ соціально-революціонныхъ партій и кружковъ, образовавшихся преимущественно въ Кіевской губерніи, необходимо указать на преступную дѣятельность Черниговскаго помѣщика Димитрія Лизогуба и его революціоннаго круга, *по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя изложены въ показаніи политическаго преступника, бывшаго студента Харьковскаго ветеринарнаго института Курицына, который содержался съ Лизогубомъ въ одной камерѣ, вмѣстѣ съ другими политическими преступниками и потому имѣлъ возможность провѣрять все извѣстное ему тѣмъ, что онъ слышалъ въ тюрьмѣ при откровенныхъ разговорахъ Лизогуба съ нимъ и другими преступниками, находившимися въ близкихъ отношеніяхъ съ Лизогубомъ, который, по приговору Одесскаго военно-окружнаго суда, былъ казненъ въ августѣ 1879 года*». (Стр. 66—67).

Далѣе слѣдуетъ обширное, основанное на словахъ Курицына, изложеніе дѣятельности Лизогуба и его кружка.

Напр.

«*Курицынъ, со словъ самого Лизогуба объясняетъ*, что кружокъ послѣдняго располагалъ наличными денежными средствами, болѣе чѣмъ въ 100000 рублей, составившимися, какъ изъ собственнаго капитала его, Лизогуба, такъ равно и изъ сборовъ съ лицъ, сочувствующихъ стремленіямъ революціонной партіи». (Стр. 67).

«Выше уже было указано, что Лизогубъ намѣренъ былъ продолжать дѣло Стефановича, Дейча и Бохановскаго, поэтому бунтовская программа, выработанная этими представителями революціонной партіи «народниковъ-бунтарей», легла въ основаніе программы, выработанной Лизогубомъ, для своего революціоннаго кружка. *Программу эту Курицынъ, со словъ самого Лизогуба и другихъ содержавшихся съ нимъ политическихъ преступниковъ*, формулируетъ слѣдующимъ образомъ: всякій, принадлежащій къ этому кружку, обязанъ пользоваться каждымъ возникшимъ гдѣ-либо бунтомъ, а если такового нѣтъ, всѣми возможными средствами стараться вызвать бунты. Средствами къ этому должны служить, главнымъ образомъ, возбужденіе въ народѣ разныхъ неудовольствій и страстей посредствомъ распусканія ложныхъ слуховъ, равно другими способами, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ» и т. д. и т. д. (стр. 68).

«Точно также, *въ виду сдѣланныхъ Курицынымъ указаній*, что Лизогубъ проектировалъ нѣчто, подобное Чигиринскому дѣлу, на Дону, представляется вѣроятнымъ, что члены образованнаго имъ

революціоннаго кружка принимали болѣе или менѣе близкое участіе въ вооруженномъ возстаніи, бывшемъ 2 апрѣля 1879 года въ городѣ Ростовѣ на Дону». (Стр. 70).

«Кромѣ сего, *Курицынъ указываетъ* на нѣкоторыхъ лицъ, которыя, не принадлежа къ кружку Лизогуба, тѣмъ не менѣе, находились съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ». Таковыя лица—Козина, („*По словамъ, Курицына* Козина аристократическаго происхожденія, сотрудничаетъ въ журналѣ „Отечественныя Записки“ подъ неполнымъ псевдонимомъ А—ва, пользуется большими связями въ Петербургѣ, живетъ то въ той, то въ другой мѣстности Россіи, то за границей, замужемъ, имѣетъ *двухъ дочерей 11 и 13 лѣтъ, которыя уже вполнѣ усвоили себѣ соціальныя ученія* и даже находились одно время подъ руководствомъ такого репетитора, какъ извѣстный революціонеръ Петръ Волошенко, имѣвшій въ революціонной средѣ прозваніе „Волкъ“), Пащенко («личность невыясненная, но, *по словамъ Курицына*, весьма видная въ преступной средѣ»), Виноградскій (*«которую, по словамъ Курицына*, явился въ революціонную среду Пащенко»), Миролюбовъ («ему *приписывается Курицынымъ* участіе въ дѣлѣ о кражѣ денегъ изъ Херсонскаго казначейства, такъ какъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ главнымъ руководителемъ этого дѣла задержаннымъ нынѣ Юрковскимъ. Тотъ же Миролюбовъ, *по словамъ Курицына*, поступилъ въ университетъ по подложному документу, писанному рукою осужденнаго въ каторжныя работы Кравцова».),Ліонъ («принималъ, *по словамъ Курицына*, близкое участіе во многихъ революціонныхъ дѣлахъ»), Кулишъ («офицеръ морской службы, принадлежалъ, несомнѣнно, къ революціонной партіи, *такъ какъ Курицынъ встрѣчалъ его у лицъ, принадлежащихъ къ кружку Ковальскаго. По словамъ Курицына*, у Кулиша есть въ Николаевѣ свой революціонный кружокъ, состоящій изъ морскихъ офицеровъ»). (Стр. 70, 71, 72, 73).

Такимъ же точно образомъ въ IX главѣ „Свода“ приводятся „сообщенія“ г. Курицына о докторѣ Волкенштейнѣ, Львѣ Семиренко, И. П. Бѣлоконскомъ («*по словамъ Курицына*, Бѣлоконскій слылъ въ революціонной средѣ за стараго и преданнаго соціалиста, часто ѣздившаго въ Петербургъ, откуда онъ привозилъ для распространенія на югъ цѣлые тюки революціонной газеты «Земля и Воля»), Нестроевой и другъ.

О Нестроевой въ „Сводѣ“ говорится слѣдующее:

«*Курицынъ указываетъ*, что въ прошломъ году Бѣлоконскій ѣздилъ за границу по порученію, между прочимъ, богатой помѣщицы Таврической губерніи Нестроевой, жены уѣзднаго предводителя дворянства, которая находится подъ надзоромъ полиціи по Высочайшему повелѣнію. *При этомъ Курицынъ сообщаетъ*, что названная Нестроева извѣстна въ преступной средѣ за весьма сочувствующую революціонному дѣлу и дѣятельно помогаетъ его представителямъ какъ деньгами, такъ и другими, находящимися въ ея распоряженіи средствами. Она завѣдомо даетъ пропагандистамъ

пристанище въ своемъ имѣніи, выдавая ихъ за учителей, приказчиковъ, конторщиковъ, рабочихъ и работницъ.

«Такъ, у нея жили, *по словамъ Курицына*, Дробязгинъ, привлеченный къ дѣлу Барановича; Добровольскій, высланный административнымъ порядкомъ въ Восточную Сибирь; Варвара Виттенъ, осужденная въ Одессѣ по дѣлу Ковальскаго; Ивановская, привлекавшаяся къ тому же дѣлу; Елена Виттенъ, по мужу Россикова, главная участница кражи денегъ изъ Херсонскаго казначейства и многіе другіе революціонеры. Кромѣ сего, *по словамъ Курицына*, названная Нестроева привозила изъ-за границы запрещенныя сочиненія и снабдила одного пропагандиста деньгами, на которыя тотъ открылъ, будто бы, въ Кіевской губерніи кожевенное мастерство, будучи самъ знатокомъ кожевеннаго ремесла". («Сводъ», стр. 85—86).

Въ главѣ XI-й «Свода» въ числѣ многихъ другихъ указаній на г. Курицына, какъ на источникъ, изъ котораго департаментъ полиціи заимствуетъ свои свѣдѣнія о личностяхъ различныхъ революціонеровъ и ихъ дѣятельности, имѣются и такія, напр., строки:

«Засимъ *Курицынъ указываетъ*, что въ числѣ участниковъ кружка Мощенкова и Быковцева находилось много лицъ *изъ числа нынѣ привлеченныхъ къ дѣлу* о Харьковскомъ революціонномъ сообществѣ» (стр. 94).

Въ главѣ XIII идетъ, между прочимъ, разсказъ о дѣлѣ Засуличъ. «*Курицынъ сообщаетъ*, что, послѣ оправдательнаго приговора суда, Засуличъ скрывалась около мѣсяца у сотрудника журнала «Отечественныя Записки» Жемчужникова, гдѣ она познакомилась со многими революціонными дѣятелями, до этого ее совершенно не знавшими» (стр. 101).

Тамъ же, по поводу убійства въ Кіевѣ жандармскаго офицера барона Гейкинга, говорится слѣдующее:

„По поводу этого убійства *Курицынъ, со словъ Никиты Левченко, говоритъ*, что убійцею былъ соціалистъ, прѣхавшій съ сѣвера, великоросъ, высокаго роста, стройный, красивый, съ русыми волосами" (стр. 102).

Но, не довольно ли? Все вышеизложенное стоитъ только сопоставить съ категорическимъ заявленіемъ г. Курицина о томъ, что въ его «прошеніи» онъ говорилъ исключительно о «покойникахъ» и что «поступокъ его *абсолютно не могъ принести никому никакого вреда*», чтобы оцѣнить по достоинству все его вышеприведенное письмо. Если революціонеры «оклеветали» г. Курицына, то въ еще большей степени этого, очевидно, невиннаго человѣка «оклеветалъ»... департаментъ полиціи. Мы печатаемъ и письмо г. Курицына, и имѣющіяся у насъ данныя объ его «показаніяхъ», «указаніяхъ» и «сообщеніяхъ» о мертвыхъ и живыхъ, арестованныхъ и находившихся на свободѣ, мужчинахъ и женщинахъ, взрослыхъ и дѣтяхъ [1])... Судью здѣсь, какъ и вездѣ, будетъ, конечно, общественное мнѣніе.

[1]) *Тринадцати* и *одиннадцатилѣтнихъ* дочеряхъ г-жи Козиной, какъ о лицахъ, уже «усвоившихъ себѣ соціальныя ученія»!!!

Историческая библіографія.

Драгомановъ. М. П. *Собраніе политическихъ сочиненій съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. т. II. Парижъ. Изданіе редакціи „Освобожденія" на средства украинцевъ-демократовъ. Ц. 10 фр. 1906 г.*

Вышедшій въ Парижѣ второй томъ политическихъ сочиненій М. П. Драгоманова заставляетъ насъ снова вернуться къ личности и мыслямъ украинскаго безсмертнаго публициста. Если въ первомъ томѣ въ его изслѣдованіи «Историческая Польша и великорусская демократія», и въ его «Опытѣ украинской политико-соціальной программы» опредѣленно выразились взгляды Драгоманова на національный вопросъ и на автономію Польши и Украйны, а также и на взаимныя отношенія украинцевъ, поляковъ и великороссовъ, то во второмъ томѣ передъ читателемъ выясняется вся широта общаго политическаго міросозерцанія автора. Совершенно цѣльное и опредѣленное, это міросозерцаніе давало Драгоманову всегда вѣрное пониманіе совершавшихся передъ нимъ политическимъ фактовъ жизни хорошо знакомаго ему славянскаго міра, а не одной только Россіи; оно же открывало передъ нимъ ошибки, дѣлаемыя нашими политическими партіями, часто въ увлеченіи борьбы принимавшими черезчуръ одностороннее направленіе. Такова его критика и оцѣнка террора, какъ систематическаго способа борьбы (См. «Тираноубійство въ Россіи и поведеніе Западной Европы», «Терроризмъ и Свобода», «Обаятельность энергіи» и др.), его упреки въ централизмѣ революціонеровъ, недостаточномъ уваженіи многихъ этическихъ требованій, одинаково обязательныхъ для всѣхъ людей, во имя чего бы они ни работали. Такъ же рѣзко осуждаетъ Драгомановъ, такъ называемыя, «студенческія волненія» въ Россіи и держится того взгляда, что «академической свободы не можетъ быть безъ общей политической, а эта послѣдняя не можетъ быть достигнута усиліями студентовъ, она требуетъ усилій гражданъ, общества». Широта взглядовъ Драгоманова позволяетъ имъ сохранять свою вѣрность и свѣжесть и черезъ 20—30 лѣтъ послѣ того, какъ они впервые были печатно высказаны. Тридцать лѣтъ тому назадъ Драгомановъ, часто наперекоръ современнымъ ему соціальнымъ теоріямъ, ставилъ въ первую очередь для спасенія Россіи ясно сформулированное требованіе политической свободы и основаннаго на ней коренного пе-

реустройства всей внутренней и внѣшней политической жизни какъ центра Россіи, такъ и составляющихъ ее разнообразныхъ областей. Громко говорилъ онъ, обращаясь ко всей Европѣ, что всѣ сторонники мира и противники національныхъ антагонизмовъ, всѣ, кто не желаетъ на востокѣ Европы ни турецкаго, ни берлинскаго, ни московскаго деспотизма, ни австрійскаго лицемѣрія,—всѣ должны поддержать своимъ сочувствіемъ именно либеральное, федерально-демократическое движеніе среди народовъ Россіи (См. стр. 511). Только теперь, когда заботливой и знающей рукой собраны всѣ политическія сочиненія Драгоманова, начиная съ самыхъ бѣглыхъ замѣтокъ и кончая крупными изслѣдованіями, можно оцѣнить всю широту его политическаго развитія и ту настойчивость, съ какой онъ всю жизнь доказывалъ и развивалъ свои главныя положенія. Несомнѣнно, что въ настоящее время широкое распространеніе политическихъ сочиненій Драгоманова оказало бы самое плодотворное вліяніе на расширеніе политическаго сознанія самаго неподготовленнаго читателя, такъ какъ изложеніе Михаила Петровича вездѣ отличается ясностью и наглядностью.

Основныя положенія Драгоманова, высказанныя имъ въ разныхъ программахъ, листкахъ и статьяхъ лежащаго передъ нами второго тома его сочиненій, заключаются, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: 1) политическая свобода—необходимѣйшее условіе соціальной, экономической и политической, такъ же, какъ и культурной жизни каждаго народа; 2) народы вполнѣ воспользуются свободой только при полной демократизаціи и децентрализаціи всего правительственнаго строя страны; 3) воплощать въ своей жизни наилучшіе соціально политическіе порядки и усваивать просвѣщеніе народы могутъ только при совершенно свободномъ проявленіи своихъ національныхъ особенностей и передачѣ научныхъ истинъ на родномъ языкѣ массы. Необходимость приложенія къ жизни Россіи этихъ положеній Драгомановъ доказывалъ со всей страстью своего сердца, бившагося и болѣвшаго за родину, со всей логикой своего сильнаго ума, и со всей яркостью своего публицистическаго таланта. Изгнанникъ, оторванный отъ своей дорогой земли, отъ Украйны, онъ вездѣ жадно слѣдитъ за ея жизнью, радостно ловитъ малѣйшіе проблески ея пробужденія. (См. статьи: «По вопросу о малорусской литературѣ», «Гете и Шекспиръ въ переводѣ на малорусскій языкъ», «Казацкія традиціи на Украйнѣ» и др.). Онъ неумолимо осуждаетъ всѣ преслѣдованія администраціи какъ въ Украйнѣ, такъ и въ Галиціи, убивавшія жизнь, мысль и совѣсть его родного народа (см. «Война съ памятью о Шевченко», «Изъ конфискованные синодомъ», «Страхи украинскаго сепаратизма», «Среди галицкой сумятицы» и др.).

Но рядомъ съ родиной стоитъ у Драгоманова въ мысляхъ и вся Россія—его обширное отечество, давшее ему не мало для широты его умственнаго развитія, а за предѣлами Россіи встаютъ славянскіе народы, такъ тщательно изученные Драгомановымъ. Имъ посвящаетъ онъ нѣсколько самыхъ талантливыхъ статей. Говорить

о славянахъ Драгоманову пришлось очень скоро послѣ его переѣзда за границу, такъ какъ въ 1876 г. началась извѣстная война Россіи за освобожденіе Болгаріи, и Драгомановъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ брошюръ обличалъ всю лживость этой войны, гдѣ подъ шумихой громкихъ фразъ объ освобожденіи славянъ отъ чужеземнаго ига лежало самое некрасивое посягательство на довѣріе несчастной, доведенной до отчаянія, Болгаріи. Особенно сильно написана по этому поводу брошюра «Турки внутренніе и внѣшніе», «Чистое дѣло требуетъ чистыхъ рукъ» и «До чего довоевались?» Во всѣхъ этихъ статьяхъ Драгомановъ ясно говоритъ, что страна, совершенно подавленная самодержавіемъ, не можетъ освобождать другой народъ; ей приходится или самымъ искреннимъ образомъ самообманываться, или просто участвовать въ авантюрѣ, придуманной администраціей далеко не съ безкорыстными намѣреніями. Онъ справедливо упрекаетъ тогдашнюю прессу въ невѣжествѣ и совершенномъ непониманіи ни настоящаго положенія дѣлъ у славянъ, ни самаго значенія, такъ называемой, освободительной войны. «А между тѣмъ,—говоритъ Михаилъ Петровичъ—необходимо было бы, въ видахъ воспитанія общества, если не въ видахъ непосредственныхъ дѣйствій, выработать какія-нибудь общія представленія о томъ, что называется славянскимъ освобожденіемъ и въ политическомъ, и въ національномъ, и въ общественномъ смыслѣ, какъ въ цѣломъ, такъ и примѣнительно къ каждой славянской народности поразнь... Турецкое правительство плохо, но вѣдь не потому же одному, что оно допустило разбой баши-бузуковъ. Мадьяры ненавидятъ и угнетаютъ славянъ, но въ силу какихъ государственныхъ идей? Въ силу національнаго централизма. Нашей печати слѣдуетъ подвергнуть критикѣ самую эту основу, если она недовольна приложеніемъ ея къ славянамъ... Онъ напоминаетъ, что весь «секретъ» благополучнаго разрѣшенія, какъ славянскаго, такъ и русскаго вопроса можетъ быть выраженъ двумя словами: *политическая свобода*. Только она одна, т. е. всенародное земское представительство съ контролемъ надъ дѣйствіями исполнительной власти, съ неприкосновенной свободой лица, слова, сходокъ, обществъ и можетъ обезпечить хоть сколько-нибудь гармонію дѣятельности правительства съ національными интересами и общественнымъ мнѣніемъ, своевременность проявленія этой дѣятельности, не ждущей, чтобы турки вырѣзали десятки и сотни тысячъ нашихъ братьевъ прежде, чѣмъ мы надумаемся помочь имъ, и только политическая свобода можетъ хоть сколько-нибудь охранить нашего солдата отъ тѣхъ злоупотребленій и хищничества, которыя были причиной неудачи восточной войны 1854—56» (См. стр. 51).

Тридцать лѣтъ прошло послѣ этихъ словъ Драгоманова, и то же отсутствіе политической свободы заставило насъ претерпѣть столько горя и униженія въ новой восточной войнѣ. Недаромъ Михаилъ Петровичъ вездѣ предостерегаетъ русское общество отъ всякаго довѣрія къ этому всегубящему произволу администраціи. Онъ съ увѣренностью говоритъ: «Поставьте въ Россіи на мѣсто турокъ внутреннихъ са-

мую элементарную человѣческую и національную свободу, и турки внѣшніе, а дальше и всякая мадьяризація и германизація славянъ, всякая полонизація русинъ и т. п., не продержится и трехъ дней». (См. стр. 68). А выходило наоборотъ: правительство, идя «освобождать» болгаръ, у себя дома создало такое положеніе дѣлъ на Кавказѣ, въ Польшѣ, по всей Россіи, что не могло выслать на Дунай достаточно военныхъ силъ, опасаясь ежеминутно внутреннихъ возстаній и борьбы съ ними въ тылу собственной арміи (см. стр. 94). Въ доказательство невозможности положенія вещей въ тогдашней Россіи онъ критикуетъ всѣ ея учрежденія, общество, которое позорно молчало, и печать, по своему невѣжеству оказавшуюся «ниже себя». Драгомановъ былъ убѣжденъ, что именно тѣмъ временемъ позорно закончившейся войны 1876 г. и надо было воспользоваться, «чтобы образованнымъ людямъ всѣхъ племенъ, входящихъ въ составъ Россіи, вырвать изъ рукъ недобросовѣстнаго и неумѣлаго чиновничества веденіе дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, привести въ гармонію внутреннюю и внѣшнюю политику страны, основавъ ее на началѣ свободы и вывести страну изъ противорѣчій и губительной безтолковщины, по которой тащутъ ее чиновники къ разоренію и пораженіямъ.» (см. стр. 100).

Такъ близко къ сердцу принималъ страданія всей Россіи тотъ самый украинецъ, въ которомъ многіе хотѣли видѣть сепаратиста, ненавидящаго Россію. Такое невѣрное пониманіе Драгоманова должно совершенно разсѣяться при чтеніи второго тома его политическихъ сочиненій, почти всецѣло посвященныхъ обшимъ вопросамъ политики, обсужденію общей программы освобожденія всей Россіи, конечно, съ полнымъ освобожденіемъ всѣхъ входящихъ въ нее народностей.

Со вниманіемъ слѣдитъ Драгомановъ за всѣми настроеніями русскаго общества; въ этомъ отношеніи особенно интересна его замѣтка «Терроризмъ и свобода», «Муравьи и корова», въ которыхъ, возражая «Голосу», представившему совершенно невѣрную аллегорію оппозиціи, въ видѣ праздной лѣнивой коровы, раздавливающей всѣ труды трудолюбивыхъ муравьевъ, т.-е. маленькихъ дѣятелей безъ всякаго синтеза и темперамента, горячо вылилась у Михаила Петровича статья «Дѣтоубійство, совершаемое русскимъ правительствомъ», написанная по поводу отошедшаго уже въ исторію московскаго процесса женщинъ-соціалистокъ (1877 г.); эта талантливая статья производитъ очень сильное впечатлѣніе. Особенный интересъ для нашихъ дней имѣютъ статьи: «Конституція и народъ». Останавливаясь на одной корреспонденціи изъ глубины Украины, въ которой всѣ народныя пожеланія лучшаго формулированы въ сжатой простой фразѣ: «Земли побольше, а начальства поменьше»,—Драгомановъ съ удовольствіемъ устанавливаетъ точку соприкосновенія между конституціонными стремленіями интеллигенціи и желаніями народа: эта точка—автономія волости, «громады». «Если, такъ называемая, интеллигенція,—говоритъ Драгомановъ,—сама отрѣшившись отъ централистически-бюрократической метафизики, станетъ на реальную почву интересовъ лицъ и группъ, сообразно

естественному росту этихъ интересовъ, требующихъ для ихъ удовлетворенія все большихъ общественныхъ союзовъ, то интеллигенціи этой не трудно будетъ сойтись съ народомъ и помочь ему»... «наполнить пропасть, раздѣляющую теперь конституціонныя стремленія интеллигенціи и народа, и эти стремленія сомкнутся въ цѣпь послѣдовательныхъ круговъ самоуправленія», наполняя эту форму жизни «реальнымъ содержаніемъ,—удовлетвореніемъ нуждъ населенія экономическихъ и культурныхъ». (Стр. 654).

Въ цѣломъ рядѣ статей Драгомановъ подробно разбираетъ разные революціонные способы борьбы того времени, примѣняя къ нимъ европейскую критику, ставя нашу революціонную дѣятельность въ соотвѣтствіе съ западно-европейской.

Особенно содержательна его статья «Либерализмъ и Земство», гдѣ, послѣ обстоятельнаго историческаго очерка прогрессивнаго развитія земства въ Россіи и его сношеній съ революціонными элементами, Драгомановъ даетъ очень интересную табличку, въ которой онъ сопоставляетъ историческій ходъ политическихъ событій въ Россіи съ таковымъ же во Франціи.

Въ короткой библіографической замѣткѣ невозможно исчерпать все богатое содержаніе этого тома сочиненій Драгоманова, больше, чѣмъ въ 800 страницъ. Его надо изучать, имъ пополнить можно недостаточное политическое образованіе средняго русскаго читателя. Украинцы найдутъ здѣсь особенно много для себя интереснаго въ статьяхъ «Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю», «Украинская, Громада въ рецензіи Стефановича», «Страхи украинскаго сепаратизма» и въ замѣткѣ «Круговой побѣгъ украинцевъ отъ вѣры отцовъ» (1872 г.). Въ этой послѣдней указывается назрѣвшая въ украинскомъ населеніи страстная жажда новой вѣры, новой не оффиціальной церкви; этому запросу народа, по словамъ Драгоманова, удовлетворитъ только полная свобода вѣроисповѣданія, а главное,—самое широкое распространеніе науки и искусствъ въ массу населенія.

Много поучительнаго найдутъ читатели и въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ Драгомановъ старается разрѣшить для Украйны еврейскій вопросъ. (См. «Еврейскій вопросъ на Украйнѣ» и «Еврейскій вопросъ въ славянскомъ кружкѣ въ Лондонѣ»), Вездѣ Михаилъ Петровичъ остается вѣренъ своей ясной синтетической манерѣ изслѣдованія и видитъ главное устраненіе всѣхъ столкновеній съ евреями въ широкомъ проникновеніи въ еврейскую среду демократическихъ и соціалистическихъ идей. Жизнь показала, что онъ правъ, и дѣятельность создавшагося въ наше время «Бунда», несомнѣнно, принесла громадные плоды, поднявъ уровень еврейской массы въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краѣ. И, несмотря на вызываемые извнѣ страшные погромы евреевъ на югѣ Россіи, взаимныя непосредственныя отношенія населенія Украйны къ евреемъ значительно улучшились.

Нельзя не поблагодарить издателей политическихъ сочиненій Драгоманова за ихъ столь тщательно и прекрасно выполненный трудъ. Парижское изданіе Драгоманова сдѣлано заботливой и знающей рукой. Во II томѣ собрано все, писанное покойнымъ украин-

скимъ публицистомъ по поводу всѣхъ малѣйшихъ событій какъ жизни его родины, такъ и Галиціи, и Россіи, переведены его замѣтки на разныхъ, языкахъ—французскомъ, украинскомъ, польскомъ, итальянскомъ. Весь матеріалъ распредѣленъ въ хронологическомъ порядкѣ (съ весьма незначительными отступленіями, требуемыми ясностію самого изложенія) и сгруппированъ въ шесть крупныхъ темъ: статьи о Русско-турецкой войнѣ и политической свободѣ; о терроризмѣ и свободѣ, пропаганда соціализма на плебейскихъ языкахъ; Украйна, славянство и федерализмъ; Русское революціонное движеніе и централизмъ; галицкіе русины и борьба за свободу личности; земство и либерализмъ въ Россіи. Только теперь, на основаніи этихъ двухъ томовъ, можетъ быть сдѣлана настоящая оцѣнка Драгоманова, какъ политическаго писателя, и понято его значеніе для расширенія политическаго развитія не только Украйны, но и всей Россіи. Сжатый біографическій очеркъ Драгоманова и его портретъ, приложенные ко 2-му тому, еще конкретнѣе обрисовываютъ передъ читателемъ весь симпатичный высокій образъ украинскаго патріота, такъ горячо преданнаго идеѣ прогресса, свободѣ и такъ много потрудившагося для выясненія лучшихъ способовъ ихъ практическаго осуществленія и въ Украйнѣ, и въ Россіи, и во всемъ славянскомъ мірѣ. Авторъ біографіи Михаила Петровича совершенно правильно опредѣляетъ роль Драгоманова рядомъ съ современными ему русскими политическими писателями Герценомъ, Лавровымъ и др. «Среди полнаго невниманія къ самой насущной потребности русскаго народа — Михаилъ Петровичъ съ своей неутомимой проповѣдью личной и общественной свободы и представительныхъ конституціонныхъ учрежденій, которую онъ велъ съ середины 70-хъ годовъ, занимаетъ первое мѣсто. Явившись первымъ русскимъ писателемъ, сдѣлавшимъ проповѣдь правъ личности и политической свободы своимъ главнымъ дѣломъ»..... «Михаилъ Петровичъ вполнѣ опредѣленно выдвигается, какъ первый русскій конституціоналистъ-демократъ, какъ творецъ первой русской конституціонной теоріи, первой широкой политической программы для русской демократіи». (См. стр. XXXIV—XXXV).

Драгомановъ является величайшимъ воплощеніемъ плодотворнаго сліянія горячей любви къ своей родинѣ съ широкимъ міросозерцаніемъ и международнымъ опытомъ. У него національность естественно вытекалъ изъ его демократизма и обсолютнаго уваженія всякой народной индивидуальности.

На этомъ широкомъ демократизмѣ и строилось его политическое ученіе, отличающееся отъ другихъ современныхъ ему политическихъ ученій ясно проведеннымъ принципомъ децентрализаціи и самодѣятельности мельчайшихъ общественныхъ группъ, объединенныхъ свободнымъ федеративнымъ союзомъ. Это и является для нашего обширнаго отечества самымъ жизненнымъ началомъ, которое оно неизбѣжно и необходимо должно постепенно воплощать въ своемъ сложномъ государственномъ устройствѣ.

Софья Русова.

В. М. Ильинскій. *Архангельская ссылка. Бытовые очерки изъ исторіи архангельской политической ссылки. Ц. 75 к. Стр. 285.*

Если не считать неистовствъ П. Н. Дурново и его преемника Столыпина, превзошедшихъ всякую мѣру въ административной высылкѣ нежелательныхъ имъ элементовъ, — эпоха В. К. Плеве можетъ считаться кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи административной политической ссылки. Если въ настоящее время эксцессы въ этомъ отношеніи гг. Столыпина и Дурново доведены до предѣловъ, за которыми уже не остается даже мѣстъ для размѣщенія массы ссылаемыхъ, то въ этомъ не трудно усмотрѣть совершенную безразсудность въ дѣйствіяхъ зарвавшихся администраторовъ, которые, видя, что почва изъ подъ ихъ ногъ ускользаетъ, идутъ на всякія крайности, лишь бы остановить это колебаніе почвы, готовое похоронить ихъ подъ обломками стараго режима. Словомъ, въ этихъ дѣйствіяхъ послѣднихъ самодержавныхъ министровъ видно желаніе ухватиться за административную ссылку, какъ за соломинку, при помощи которой они надѣются спастись отъ разрушительной силы революціоннаго потока. Совсѣмъ другой характеръ и значеніе имѣла ссылка до революціи. Это была излюбленная администраціей система, которая, какъ клапанъ въ паровомъ котлѣ, давала администраторамъ возможность избавляться отъ «излишковъ» революціонной энергіи, носителемъ, которой являлся весь цвѣтъ русскаго общества. Эта система доведена была до того, что почти всѣ, такъ называемыя, политическія преступленія карались административной ссылкой, и на долю уголовнаго суда долгое время почти не выпадало случаевъ разбирательства политическихъ дѣлъ. Правда, при В. К. Плеве былъ изданъ законъ, какимъ административная ссылка, хотя не упразднялась, но фактически была отмѣнена, такъ какъ всѣ политическія дѣла поступали на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ при участіи сословныхъ представителей, но этотъ новый видъ борьбы съ политическими преступленіями сталъ практиковаться лишь съ половины 1904 года и на «системѣ» г. Плеве отразиться не успѣлъ. Такимъ образомъ, административная ссылка въ «царствованіе» этого министра и, пожалуй, его предшественника Д. С. Сипягина, нашла свое наиболѣе полное выраженіе: всѣ мѣста ссылки были переполнены, а интеллигентные круги русскаго общества были изрядно разрѣжены рукою министра, выхватывавшаго оттуда «вредные элементы». Послѣ Сибири, излюбленнымъ мѣстомъ высылки «политиковъ» у В. К. Плеве былъ дальній сѣверъ Европейской Россіи и, въ особенности, Архангельская губернія, которая, со времени Русско-Японской войны, сдѣлалась почти единственнымъ мѣстомъ политической ссылки.

Въ виду сказаннаго, книга М. В. Ильинскаго представляетъ особенный интересъ. Въ ней разсказывается объ Архангельской ссылкѣ эпохи В. К. Плеве, т. е., именно о такомъ періодѣ ея, когда она достигла своихъ наибольшихъ размѣровъ. Дѣйствительно, въ описываемое время, т. е. въ 1904—1905 гг., Архангельская губернія была необыкновенно густо населена ссыльными, число которыхъ

доходило до 700—800 человѣкъ и продолжало возрастать очень быстро до самаго вступленія въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго. Но не только въ количественномъ отношеніи, а и въ качественномъ, Архангельская ссылка представляла огромный интересъ, такъ какъ, благодаря прекращенію, вслѣдствіе войны, высылокъ въ Сибирь, здѣсь сосредоточивались политическіе дѣятели всевозможныхъ направленій, всѣхъ степеней. Характеристика многихъ ссыльныхъ этого періода могла бы дать богатый матеріалъ для исторіи революціонной борьбы въ Россіи и ея политическихъ партій. Но въ книгѣ г. Ильинскаго этихъ характеристикъ нѣтъ, можетъ быть, потому, что авторъ задался гораздо болѣе скромной цѣлью — дать бытовые очерки изъ жизни политическихъ ссыльныхъ, среди которыхъ онъ жилъ, какъ товарищъ по изгнанію. Если имѣть въ виду только одну эту цѣль, то можно признать, что она авторомъ достигнута: книга его написана живымъ и простымъ языкомъ и даетъ цѣлый рядъ интересныхъ картинъ жизни политической ссылки. Г. Ильинскій описываетъ условія, въ которыхъ приходится жить ссыльнымъ, и правдиво разсказываетъ о разныхъ эпизодахъ, которыми бываетъ переполнена жизнь ссылки. Попутно онъ описываетъ природу Архангельскаго края, отношеніе къ ссыльнымъ администраціи и обывателей, этапную пересылку ссылаемыхъ и т. д. Но этимъ не исчерпываются намѣренія автора; отъ бытовыхъ очерковъ онъ часто переходитъ къ характеристикѣ общихъ условій политической ссылки и къ положенію ссыльныхъ, какъ революціонеровъ, попавшихъ въ нереволюціонную среду. Но здѣсь автору мѣшаетъ недостаточное знакомство съ вопросомъ и даже съ той средой, которую онъ описываетъ. Дѣло въ томъ, что авторъ жилъ во время ссылки только въ Холмогорахъ и Архангельскѣ, описываетъ же онъ всѣ колоніи Архангельской губерніи, при чемъ большинство колоній описано имъ со словъ другихъ товарищей. При такихъ условіяхъ, не можетъ быть рѣчи не только о полнотѣ собраннаго авторомъ матеріала, но и о правильности его освѣщенія. И дѣйствительно, характеристики и заключенія автора нерѣдко грѣшатъ въ этомъ отношеніи. Такъ напримѣръ, говоря объ отношеніи мѣстныхъ обывателей къ политическимъ ссыльнымъ, авторъ замѣчаетъ:

«Тамъ, гдѣ послѣдніе (ссыльные) не жили замкнуто отъ населенія, не изолировали себя отъ него узкимъ кругомъ собственныхъ своихъ интересовъ, а пытались завязать связи на почвѣ его насущныхъ интересовъ, тамъ и отношенія устанавливались вполнѣ порядочныя, исключающія возможность всякихъ полицейскихъ подвоховъ и вытекавшихъ отсюда, какъ слѣдствіе, погромовъ политическихъ колоній.» Это заключеніе свое, основанное на нѣсколькихъ случаяхъ сближенія ссыльныхъ съ обывателями на почвѣ повседневныхъ обывательскихъ интересовъ, авторъ обобщаетъ на всю ссылку, вслѣдствіе чего можно подумать, что другихъ поводовъ для сближенія между ссыльными и обывателями не существовало. Между тѣмъ, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и, въ особенности, въ Архангельскѣ ссыльные имѣли большое вліяніе на обывательскую среду и, особенно, на интеллигенцію и молодежь, которыя охотно вступали въ общеніе съ «политиками» на почвѣ далеко не обывательскихъ интересовъ. Съ другой стороны, разыгравшаяся 19 октября 1905 г. въ г. Архангельскѣ драма, завершившаяся убійствомъ черносотенцами ссыльнаго приватъ-доцента Петербургскаго университета М. Ю. Гольдштейна (кстати, объ этомъ погромѣ г. Ильинскій совсѣмъ не упоминаетъ въ своей книжкѣ) доказываетъ, что и хорошія отношенія политическихъ ссыльныхъ съ обывателями далеко не исключаютъ возможности всякихъ полицейскихъ подвоховъ. Такимъ образомъ, заключеніе автора совершенно расходится съ дѣйствительностью, потому, что оно основано на весьма поверхностномъ наблюденіи. Заключеніями такого рода изобилуетъ вся книга г. Ильинскаго, и поэтому цѣнность ея заключается не въ выводахъ автора, а въ томъ фактическомъ матеріалѣ, который собранъ въ его книгѣ. Матеріалъ этотъ не оставляетъ сомнѣнія въ его подлинности и истинности, и поэтому, несмотря на всѣ недостатки, книга г. Ильинскаго для будущаго историка революціонной Россіи окажется не безполезною. Еще большій интересъ она представляетъ для рядового читателя, интересующагося политическимъ движеніемъ въ Россіи. Книга снабжена 24-мя рисунками, изображающими группы различныхъ колоній политическихъ ссыльныхъ.

В. Русинъ.

В. Е. Якушкинъ. *Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Съ приложеніемъ проекта конституціи Никиты Муравьева. Спб., 1906, изд. Г. Ѳ. Львовича, 161 стр.*

Очерки В. Е. Якушкина появляются въ отдѣльномъ изданіи съ нѣкоторымъ опозданіемъ. Когда эти очерки печатались впервые на страницахъ «Русскихъ Вѣдомостей» (въ 1905 году, №№ 80, 87, 94, 99, 120, 125, 130, 132, 137 и 144), они читались съ большимъ интересомъ и пришлись тогда какъ-разъ кстати. Въ русской легальной литературѣ они были первой попыткой дать связную исторію конституціонныхъ движеній въ Россіи. Читатели ждали съ нетерпѣніемъ ихъ отдѣльнаго изданія, но оно не появлялось. Затѣмъ на книжномъ рынкѣ появилась остроумная книжка М. Н. Коваленскаго, очеркъ «Исторіи государственной власти въ Россіи» (къ сожалѣнію, разработанная не вездѣ равномѣрно и безъ желательной полноты), и работа С. Г. Свагикова «Общественное движеніе въ Россіи», представляющая собою цѣнный вкладъ въ русскую популярную историческую литературу. Соотвѣтственная потребность читателей была въ значительной мѣрѣ удовлетворена. Конечно, и появившіеся теперь въ отдѣльныхъ изданіи очерки В. Е. Якушкина далеко не излишни, но мы ожидали получить ихъ переработанными и дополненными въ соотвѣтствіи съ опубликованными новыми историческими матеріалами. Однако, авторъ перепечаталъ свою работу безъ зна-

чительныхъ измѣненій. Девять главъ книжки г. Якушкина охватываютъ слѣдующія темы: Земскіе соборы XVI—XVII вв.—Послѣ Петра Великаго.—Представительство въ законодательныхъ комиссіяхъ XVIII вѣка.—Конституціонные проекты гр. Н. И. Панина.—Комитетъ общественнаго спасенія. — Финляндская конституція.—Проектъ Сперанскаго.—Польская конституція.—Государственная уставная грамота Россійской имперіи. — Конституціонные проекты декабристовъ.—Конституціонные проекты въ началѣ царствованія Александра II.—Конституція гр. Лорисъ-Меликова. Авторъ не претендуетъ на историческій прагматизмъ: онъ не углубляется въ изслѣдованіе тѣхъ соціально-политическихъ силъ, борьба которыхъ обусловливала возникновеніе, теоретическое содержаніе и исходъ попытокъ ограниченія самодержавной власти въ Россіи. Въ этомъ отношеніи блестящее изслѣдованіе П. Н. Милюкова: «Верховники и шляхетство» остается въ русской исторіографіи непревзойденнымъ и, кажется, единственнымъ опытомъ. Просто, по-лѣтописному, В. Е. Якушкинъ пересказываетъ одинъ за другимъ эпизоды изъ исторіи русскаго конституціоннаго движенія. Его изложеніе кратко и конспективно. Онъ минуетъ не только детали событій, но и цѣлыя событія. Такъ, замолчена цѣлая серія любопытныхъ проектовъ, возникшихъ въ первые годы царствованія Александра I.

Изъ ста тридцати страницъ текста царствованію Александра II удѣлено всего только десять, что совершенно непропорціонально историческому значенію эпохи, богатой политическимъ движеніемъ. Авторъ не даетъ свѣдѣній о тогдашнемъ земскомъ конституціонализмѣ; совсѣмъ не упоминаетъ о политическихъ программахъ тогдашнихъ тайныхъ и революціонныхъ организацій и т. д. Даже «Русская Правда» Пестеля изложена только по показаніямъ Никиты Муравьева. Авторъ еще не располагалъ текстомъ этого замѣчательнаго политическаго трактата, опубликованнаго теперь П. Е. Щегловымъ, и показаніями Пестеля, оглашенными въ статьяхъ Н. П. Павлова-Сильванскаго,

Отмѣтимъ еще, что въ книжкѣ, разсчитанной на широкій кругъ читателей, необходимо было дать краткую, но избранную, библіографію, указывающую неопытному читателю пути для дальнѣйшаго ознакомленія съ предметомъ.

Однако, очерки В. Е. Якушкина имѣютъ и свои несомнѣнныя достоинства. При изложеніи конституціонныхъ проектовъ и попытокъ авторъ удѣляетъ особое вниманіе организаціи избирательнаго права и государственной власти. Это, какъ и сжатость и точность изложенія вообще, придаетъ книгѣ г. Якушкина значительную цѣнность. Но главное, что является цѣннымъ вкладомъ въ русскую историческую науку, и что дѣлаетъ названную работу необходимой для спеціалистовъ-историковъ,—это данный авторомъ въ приложеніи (стр. 130—161) полный текстъ проекта конституціи Никиты Муравьева, доселѣ бывшаго извѣстнымъ только въ скудныхъ пересказахъ.

Н. К. П—въ.

Кабанесъ и Нассъ. *Революціонный неврозъ. Пер. съ французскаго подъ редакціей Д. Ф. Коморскаго.*

Книга Кабанеса и Насса посвящена изученію патологическихъ явленій, проявлявшихся, во время Великой французской революціи какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у народныхъ массъ. Представляетъ она нѣкоторый интересъ по обилію имѣющагося въ ней матеріала, хотя состоитъ, въ сущности, изъ ряда однихъ историческихъ анекдотовъ, случайно выхваченныхъ и непроанализированныхъ критически.

Мы обращаемъ, однако, вниманіе не на самую книгу, а на издателя и редактора перевода ея, лицо новое въ литературѣ, но стяжавшее себѣ громкую извѣстность на иномъ общественномъ поприщѣ. Имя Коморскаго, инспектора каторги на Карѣ и Сахалинѣ, прославленнаго своею жестокостью, хорошо знакомо по печатнымъ воспоминаніямъ нашихъ революціонеровъ (Якубовича-Мельшина, Стефановича). Теперь этотъ господинъ пустился въ литературу и предпосылаетъ своему переводу слѣдующія строки предисловія.

«Наши идеалы, вожделѣнія и требованія стали теперь, спустя сто лѣтъ, несравненно глубже и радикальнѣе, чѣмъ были таковыя же desiderata Великой французской революціи. Изъ тошей тетрадки «правъ человѣка» современная программа общественныхъ реформъ разрослась въ объемистый и увѣсистый томъ... Тѣмъ труднѣе онѣ достижимы и тѣмъ, навѣрное, ожесточеннѣе будетъ борьба за ихъ завоеваніе.

«Очистить, по возможности, для этого торжественнаго, но нелегкаго шествія путь отъ терній, которыми онъ усѣянъ, предостеречь самихъ себя отъ печальнаго повторенія того, что безполезно омрачило на вѣки самыя свѣтлыя страницы народнаго возрожденія Франціи,—вотъ цѣль поспѣшнаго изданія настоящей книги на русскомъ языкѣ.

«Пусть это объективное и спокойное соціально патологическое изслѣдованіе «революціоннаго невроза»,—духовной чумы смутныхъ временъ, первые симптомы которой, къ сожалѣнію, уже начинаетъ болѣзненно переживать наше общество, поможетъ ему избѣжать слѣпого повторенія тѣхъ излишествъ, тѣхъ эксцессовъ, въ которыя столь часто впадала «учительница народной свободы», революція французская. Издатель былъ бы щедро вознагражденъ за свой трудъ, если бы въ результатѣ онаго могли бы, хотя на одну сотую долю, сократиться всѣ безполезныя, скажемъ сильнѣе, всѣ зловредныя проявленія народнаго «невроза», сопутствующія, какъ въ жаркій день слѣпни ретивого коня, наше нарождающееся страстное, но законное свободоискательство».

Въ устахъ бывшаго тюремщика эти строки не требуютъ, кажется, комментарій...

Б. В.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Книгоиздательство «Трибуна»:

1) *К. Диль.* „Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ". Ц. 80 к.;
2) *Проф. А. Додель.* „Моисей или Дарвинъ". Ц. 25 к.;
3) *А. Ламанскій.* „Земельная реформа". Ц. 30 к.;
4) *Чезаре-Ломброзо.* „Антисемитизмъ". Ц. 20 к.;
5) *Куртъ-Эйснеръ.* „Соціальныя сказки". Ц. 20 к.;
6) *Теобальдъ-Циглеръ.* „Индивидуализмъ и Соціализмъ въ умственной жизни XIX вѣка". Ц. 10 к.;
7) *Эрихъ-Брандебургъ.* „Парламентская обструкція, ея исторія и значеніе". Ц. 15 к.;
8) *Е. Гаммеръ.* „Соціализація права". Ц. 12 к.;
9) *Максъ Мауэрбрехеръ.* „Интеллигенція и Соціалъ-Демократія". Ц. 8 к.
10) *В. Б. Фавра:* 1) „О событіяхъ 10, 11 и 12 октября 1905 г. въ г. Харьковѣ". 2) „Дмитрій Борисовичъ Познанскій".

Книгоиздательство Артемьева:

1) *К. Т. Веберъ.* „Японія сейчасъ". СПБ., 1906 г. Ц. 1 р.;
2) *Ф. Н. Кунчинскій.* „Въ японской неволѣ". СПБ., 1906 г. Ц. 3 р.;
3) *Н. Вересаевъ.* „Странички изъ дневника". СПБ., 1906 г.;
4) *П. Ларенко.* „Страдные дни Портъ-Артура" 2 части. Ц. по 2 р. 50 к.;

Списокъ русскихъ повременныхъ изданій съ 1703 г. по 1899 г. со свѣдѣніями объ экземплярахъ, принадлеж. библіотекѣ Импер. Академіи Наукъ. СПБ., 1901 г.

Книгоиздательство Распопова:

1) *Дже. Кеннанъ.* „Сибирь и ссылка". СПБ., 1906 г. Ц. 60 к.

Книгоиздательство Глаголева:

П. Тепловъ. „Исторія якутскаго протеста". СПБ., 1906 г. Ц. 1 р.

Указатель общедоступныхъ книгъ по обществ.-полит. вопросамъ. Изд. Литер. Комиссіи при Всероссійскомъ Союзѣ учителей и дѣятелей по народному образованію. СПБ., 1906 г. Ц. 10 к.

Книгоиздательство Товарищ. бр. Гранатъ:

1) *Л. Гюсенъ.* „Очерки по исторіи рабочаго движенія во Франціи". Москва, 1906 г. Ц. 70 к.;
2) *Ш. Андлеръ.* „Историческое введеніе и комментарій къ коммунистическому манифесту К. Марса и Ф. Энгельса". Москва, 1906 г. Ц. 60 к.;
3) *Поль-Лафаргъ.* „Будущее соціализма". Москва, 1906 г. Ц. 70 к.

Книгоиздательство Порамонова «Донская Рѣчь»:

„Впередъ" сбор. стихотв. и пѣсенъ состав. Михаилъ Львовичъ. СПБ. Ц. 20 к.

Книгоиздательство С. Дороватовскаго и А. Чарушникова:

Густавъ Жеффруа. „Бланки, его жизнь и революціонная дѣятельность". 1906 г. Ц. 1 р.

Книгоиздательство Лугового:

„Маякъ" литературно-публицистич. сборникъ. Ц. 1 р. 35 к.

Книгоиздательство «Колоколъ»:

1) *Станиславъ* (А. Вольскій). „Къ вопросу о національзаціи земли". СПБ., 1906 г. Ц. 25 к.;
2) „Объ анархизмѣ". СПБ., 1906 г. Ц. 15 к.;
3) *А. Безродный.* „Ткачи". СПБ. Ц. 25 к.;
4) *А. М. Саймонсъ.* „Американскій фермеръ". СПБ. Ц. 30 к.;
5) *А. Дорель.* „Моисей или Дарвинъ". СПБ. Ц. 25 к.;
6) *Б. Торнтонъ.* „Профессіональные союзы во Франціи". СПБ., 1906 г. Ц. 8 к.;
7) *В. Элленбогенъ.* „Чего хотятъ Соціалъ-Демократы". СПБ., 1906 г. Ц. 8 к.;
8) *Stanislas le Char.* „Ледоходъ" СПБ., 1906 г. Ц. 40 к.;
9) *Б. Торнтонъ.* „Рабочіе секретаріаты". СПБ., 1906 г. Ц. 5 к.;
10) *Зомбартъ.* „Фридрихъ Энгельсъ". СПБ., 1906 г. Ц. 8 к.;
11) *Орловъ.* „Новое ученіе о государствѣ". СПБ., 1906 г. Ц. 15 к.;
12) *Карлъ Каутскій.* „Интеллигенція и Соціалъ-Демократія". СПБ., 1906 г. Ц. 10 к.;
13) *А. Дивильковскій.* „Нынѣшнее крѣпостное право". СПБ., 1906 г. Ц. 15 к.

Книгоиздательство «Русское Богатство».

Л. Мельшинъ—Р. Брешковская. „Вмѣсто Шлиссельбурга". СПБ., 1906 г. Ц. 8 к.

Газеты: «Азіатская Русь» № 17. 1905 г. Чита.
— «Маньчжурія» № 5. Харбинъ.
— «Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» гор. Костромы.
— «Извѣстія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» г. Одессы № 1 и № 2.
— «Забайкальскій Рабочій» № 2. Изд. Читинскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.
— «Красноярскій Рабочій». Спеціальный выпускъ № 5. Изд. Красноярскаго Комитета Р. С. Д. Р. П. 1905 г.
— «Солдатская Мысль» №№ 1, 2 и 3. Іюнь, 1906 г. Изд. Военной Организаціи Московскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.
— «Соціальдемократъ» № 11. 4 августа 1905 г. Изд. Р. С. Д. Р. П.
— «Листокъ». Изд. Военной Организаціи Моск. Комитета Р. С. Д. Р. П.
— «Солдатъ». Военный органъ Севастопольскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.
— «Крестьянская Газета» № 1. Изд. Крестьянъ-Соціалистовъ. Самара. 1905 г.
— «Рабочая мысль». 1906 г. №№ 1—5.

Отчетъ Московскаго Комитета Краснаго Креста съ 7-го февраля по 15-е марта.

Изданіе Партіи Анархистовъ.—Прокламація 4 октября 1905 г.

Изданіе Исполнительнаго Комитета Объединеннаго Союза Землячествъ и Организацій «Къ профессорамъ».

Прокламаціи 1861—1862 гг.: 1) «Проектъ адреса Государю». 2) «О ссылкѣ проф. Павлова», 3) «Земская Дума», 4) «Русское правительство подъ покровительствомъ Шедо Ферроти».

Изданіе Конституціонно-Демократической партіи—7 листковъ.
Манифестъ Государственной Думы (Различныя изданія).
Изданія Союза Союзовъ—40 листковъ.
Изданіе Трудовой Группы и Соціаль Демократической фракціи Государственной Думы—«Манифестъ къ арміи и флоту». 1906 г. 12 іюля.
Декларація Думской Фракціи Р. С. Д. Р. П.
Изданія Симбирскаго Комитета Партіи С. Р.:
1) „Къ Гражданамъ". Февраль 1906 г.;
2) „Хитрая механика";
3) „Къ крестьянамъ и рабочимъ";
4) „Не покупайте земли!" Декабрь 1905 г.;
5) „Къ крестьянамъ". Январь 1906 г.;
6) „Къ обществу";
7) Прокламація отъ Рабочаго Союза Симбирской Группы П. С. Р.;
8) „О налогахъ". Февраль 1906 г.;
9) „Хватитъ ли на всѣхъ земли, если разверстать ее правильно";
10) „О соціалистическомъ строѣ".
Изданія Тамбовскаго Комитета Партіи С. Р.:
1) „Къ казакамъ". 29 іюня 1906 г.;
2) „Къ солдатамъ 7-го запаснаго кавалерійскаго полка". 7 іюля 1906 г.
„Къ Рабочимъ". Изданіе Тамбовскаго Рабочаго Союза Партіи С. Р. 30 іюня 1906 г.
„Къ крестьянамъ". Изд. Комитета Областного Союза Бѣлоруссіи и Литвы Р. С. Д. Р. П.
Изданія Московскаго Комитета Р. С. Д. Р. Партіи:
1) „О партіяхъ въ Государственной Думѣ";
2) „Крестьяне, за вами очередь!"
3) „Депутаты и Пролетаріатъ";
4) „Дума разогнана";
5) „Товарищи!";
6) „Къ крестьянамъ";
7) „Ко всѣмъ безработнымъ о безработицѣ";
8) Прокламаціи: „Ко всѣмъ рабочимъ". „Ко всѣмъ безработнымъ". Изд. Москов. Совѣта безработныхъ Моск. Группы Р. С. Д. Р. П.
Изданія Военной Организаціи Московскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.:
1) „Постоянное войско и народная милиція". Май 1906 г.;
2) „Къ солдатамъ московскаго гарнизона";
3) „Право и справедливость въ войскахъ Е. И. В."
Изданія Красноярскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.:
1) Прокламація „Къ солдатамъ";
2) „Солдатамъ Красноярскаго полка". 24 декабря;
3) „Земскій Соборъ или Учредительное Собраніе?" Апрѣль 1905 г.
Изданія Центральнаго Комитета Партіи С. Р.
1) „Къ партійнымъ организаціямъ" іюль 1906 г.;
2) „Извѣщеніе о предстоящемъ съѣздѣ товарищей, работающихъ въ крестьянствѣ".
Программа Партіи С. Р.
„Къ оружію, граждане!" Изд. Самарскаго Комитета Партіи С. Р. Іюль 1906 г.
Листокъ Центральнаго Комитета „Бунда".
10 прокламацій Изд. Центральнаго Комитета Р. С. Д. Р. Партіи.
26 прокламацій. Изд. СПБ. Комитета Р. С. Д. Р. П.
7 прокламацій Изд. СПБ. Группы Р. С. Д. Р. П.
2 прокламаціи Кубанскаго комитета Р. С. Д. Р. П.
Прокламація Одесскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.
Извѣщеніе о конференціи С. Д. Организаціи Россіи. Изд. Центр. Комитета Р. С. Д. Р. П.
„Военщина и народное ополченіе". Издан. Севастопольскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.

Изданіе Харбинской С. Д. Р. Группы: „Надаровскій манифестъ къ гражданамъ г. Харбина."
Телеграммы: 1) Генерала Левашева въ г. Харбинъ. 2) Совѣта Депутатовъ служащихъ и рабочихъ Забайкальской ж. д. 13 декабря. Издан. Исполнительнаго бюро Совѣта депутатовъ служащ. и рабочихъ Забайкальской ж. д.
„Отъ солдатъ 2-го желѣзнодорожн. батальона". Изд. Солдатскаго Комитета 2-го ж. дор. б-на
Изданія Казанскаго Комитета Партіи С. Р.:
1) Программный листокъ № 1 іюль 1906 г.;
2) Двѣ прокламаціи.
„Привѣтствіе съ 4-го Поволжскаго Областного Съѣзда Партіи С. Р." Издан. Поволжскаго Областного Комитета іюня 1906 г.
„Къ обществу" Издан. Комитета Консультаціи повѣренныхъ при Вологодскомъ окружномъ судѣ по оказанію помощи ссыльнымъ г. Вологды 2 іюля 1906 г.
Изданія Союза Офицеровъ Русской Арміи:
1) Уставъ Союза. 2) Воззваніе.
Изданіе Военнаго Союза при Пензенскомъ Комитетѣ П. С. Р. „Гдѣ правда."
Изданія Пензенскаго Губернскаго Боевого Комитета:
1) „Возстаніе" № 2;
2) Форма „Приказа крестьянскому Братству."
Изданія Союза Русскаго Народа"—22 прокламаціи.
Изданія прогрессивной экономической Партіи—5 листковъ.

Современная Лѣтопись.

Въ іюльскихъ газетахъ находимъ слѣдующія сообщенія о смертныхъ казняхъ и судебныхъ приговорахъ по политическимъ дѣламъ:

1) Въ Грозномъ, 27 іюня, начался разборъ судебной палатой, съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣла восемнадцати служащихъ Владикавказской желѣзной дороги, обвиняемыхъ по 100 и 102 статьѣ за декабрьскую забастовку. Четверо подсудимыхъ шесть мѣсяцевъ содержатся въ тюрьмѣ, а остальные на порукахъ. Засѣданіе публично. Слѣдствіе выяснило несостоятельность обвинительнаго акта и репрессіи производившихъ слѣдствіе. Защита отказалась отъ своихъ свидѣтелей. Прокуроръ отказался отъ обвиненія по 100 и 102 ст. и поддерживалъ по 103 ст. Защитой выяснена несостоятельность обвиненія. Послѣ 45-минутнаго совѣщанія палата оправдала всѣхъ подсудимыхъ. Приговоръ встрѣченъ громогласнымъ „ура“ пятитысячной толпы. Обвиняемыхъ публика вынесла на рукахъ.

2) Въ Москвѣ, 1 іюля, окружной судъ разсматривалъ дѣло служащихъ государственнаго контроля Московско-Брестской жел. дороги, обвиняемыхъ въ томъ, что они вступили въ бюро союза, образованнаго въ октябрьскіе и декабрьскіе дни прошлаго года. Изъ обвиняемыхъ одинъ оправданъ, шестеро приговорены къ строгому выговору.

3) Въ главный военный судъ поступили смертные приговоры, вынесенные бакинскимъ военнымъ судомъ за убійство городового Агмальянцу и Даніельянцу и не утвержденные бакинскимъ генералъ-губернаторомъ С. А. Фадѣевымъ.

4) По телеграммѣ изъ Петергофа пріостановлена смертная казнь Кочаровскаго. Телеграмма о помилованіи получена черезъ часъ послѣ телеграммы главнаго военнаго прокурора Павлова объ утвержденіи суда и объ оставленіи кассаціонной жалобы защитниковъ осужденнаго безъ послѣдствій. Въ тотъ моментъ, когда была получена телеграмма изъ Петергофа, Кочаровскаго уже вели на висѣлицу. Казнь замѣнена ему безсрочной каторгой. Кочаровскій осужденъ за покушеніе на жизнь чина полиціи.

5) Въ Самарѣ, 4 іюля, за порубку лѣса въ имѣніи Самариныхъ, двое крестьянъ приговорены судомъ къ 8 мѣсяцамъ тюрьмы. 13 человѣкъ оправдано.

6) Въ Пятигорскѣ. 4 іюля, дѣло о такъ называемой „пятигорской республикѣ“ пошло на прекращеніе по 278 ст. устава угол. суд.

7) Въ Вильнѣ, 5 іюля, въ мѣстной губернской тюрьмѣ разбиралось

дѣло мѣщанъ Бернштейна и Соболя, обвинявшихся въ храненіи оружія и нелегальной литературы. Подсудимые приговорены военно-окружнымъ судомъ къ четыремъ годамъ каторжной работы.

8) Въ Самарѣ, 7 іюля, закончилось второе дѣло о разгромѣ имѣнія Самариныхъ. Изъ 34 обвиняемыхъ 5 приговорены къ заключенію въ тюрьму на 8 мѣсяцевъ; остальные оправданы.

9) Въ Варшавѣ, 5 іюля, военно-окружной судъ разбиралъ дѣло обвиняемыхъ по 279 ст. воен. код. Сюдка, Игнатія и Антона Висневскихъ, Пурки, Кочмарка и Крживицкаго. Всѣ обвиняемые, которымъ угрожали смертные приговоры, оправданы.

10) Въ Лозаннѣ, 5 іюля, судъ Швейцарскаго Союза единогласно постановилъ выдать русскимъ властямъ бѣжавшаго въ Швейцарію Бѣленцова, который съ шайкой изъ 19 человѣкъ, главаремъ которой онъ былъ, ограбилъ московское кредитное общество. Выдача будетъ произведена, однако, лишь съ условіемъ не возбуждать противъ Бѣленцова судебнаго преслѣдованія по обвиненію въ какомъ-либо государственномъ преступленіи.

11) Въ Варшавѣ, 5 іюля, въ военномъ судѣ слушалось дѣло о 6 крестьянахъ, обвиняемыхъ въ нападеніи на воинскихъ чиновъ разъѣзда съ сопровождавшимся покушеніемъ на убійство. Судъ призналъ обвиненіе недоказаннымъ и всѣхъ оправдалъ.

12) 5 іюля въ главномъ военномъ судѣ слушалось дѣло по кассаціонной жалобѣ кр. Милиціера, Чичкина, Лобачева и Гетшъ, приговоренныхъ одесскимъ военно-окружнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за рядъ разбоевъ, совершенныхъ въ г. Одессѣ въ лавкахъ и магазинахъ. При этомъ судъ постановилъ, въ виду смягчающихъ обстоятельствъ, ходатайствовать о смягченіи участи подсудимыхъ. Главный военный судъ постановилъ кассаціонную жалобу осужденныхъ оставить безъ послѣдствій.

13) Въ Вильнѣ, 6 іюля, военно-окружной судъ приговорилъ вольноопредѣляющагося Павлюченко, обвинявшагося въ оскорбленіи, въ нетрезвомъ видѣ. Величества и призывѣ находившихся на вокзалѣ солдатъ не стрѣлять въ народъ,—къ лишенію правъ и поселенію въ Сибирь.

14) Въ Харьковѣ, 7 іюля, окружной судъ, разсмотрѣвъ дѣло объ аграрныхъ безпорядкахъ въ Волчанскомъ уѣздѣ, въ экономіи Пассека, изъ двадцати пяти подсудимыхъ крестьянъ оправдалъ двухъ, приговорилъ двухъ къ каторжнымъ работамъ на шесть лѣтъ, одного на четыре года и 20—къ заключенію въ исправительномъ отдѣленіи на 15 мѣсяцевъ.

15) Въ Аткарскѣ, 7 іюля, предсѣдатель аткарской земской управы Лапицкій, обвиняемый въ освобожденіи, сообща съ толпой, арестованныхъ въ октябрѣ при полиціи аграрниковъ, сегодня окружнымъ судомъ оправданъ.

16) Въ Одессѣ, 7 іюля, одесскій военный судъ разсмотрѣлъ чрезвычайно характерное дѣло. Въ мартѣ мѣсяцѣ командиру одесской бригады пограничной стражи доставлено было письмо изъ Манчжуріи, адресованное гарнизону Овидіопольскаго отряда пограничной стражи, подписанное Стыцюра, Наевъ и вся ординарческая команда Люблинскаго полка. Согласно обвинительному акту содержаніе письма таково: авторы его прочли въ газетѣ „Русская Рѣчь“ письмо въ редакцію, изъ котораго слѣдуетъ выводъ, что вѣрные слуги государя не забудутъ присяги и будутъ убивать своихъ братъ-

евъ и товарищей, добивающихся свободы. Они поразились, что въ Россіи появились чудо-богатыри, готовые убить даже родного брата, отстаивающаго личную жизнь и общее благо; именно все, возвѣщенное въ манифестѣ 17 октября. Указывая, что присягу слѣдуетъ исполнять, авторы продолжаютъ: теперь въ Россіи многіе солдаты, назначенные патрулями, грабили и убивали мирныхъ жителей. Вмѣсто родной страны для общей безопасности этихъ храбрецовъ авторы приглашаютъ въ Манчжурію показать доблесть передъ японцами, а не передъ безоружными согражданами. На основаніи этого письма, вернувшіеся съ войны Стыцюра и Наенъ преданы были военному суду. Прокуроръ въ громовой рѣчи требовалъ суроваго наказанія. Судъ оправдалъ обоихъ.

17) Въ Варшавѣ, 7 іюля, военнымъ судомъ разсматривалось вторично дѣло о мѣщанинѣ Громанѣ, обвиняемомъ въ умышленномъ убійствѣ земскаго стражника. Судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ, въ отмѣну первоначальнаго приговора, къ тюрьмѣ на 8 лѣтъ; по первому опредѣленію суда онъ былъ приговоренъ на 10 лѣтъ въ тюрьму.

18) Въ Севастополѣ, 8 іюля, въ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло Ципкина, обвинявшагося въ захватѣ типографіи въ Ялтѣ для напечатанія прокламацій и покушеніи на убійство гнавшагося за нимъ съ цѣлью задержать его извозчика. Обвиненіе было предъявлено по статьямъ, карающимъ смертной казнью. Ципкинъ приговоренъ къ пятнадцати годамъ каторги.

19) Въ Орлѣ, 9 іюля, изъ 186 крестьянъ Малоархангельскаго уѣзда, обвинявшихся въ разгромѣ экономіи князя Куракина, окружный судъ съ участіемъ сословныхъ представителей приговорилъ: зачинщика разгрома, крестьянина Потапова, къ отдачѣ въ арестантскія роты на 5 лѣтъ, четверыхъ на 2½ года, 102 къ заключенію въ тюрьму на годъ съ лишеніемъ правъ, 43 на 6 мѣсяцевъ безъ лишенія правъ, 36 стариковъ и женщинъ оправдалъ.

20) Во Владимірѣ, 10 іюля, военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло рабочихъ Орѣхова-Зуева Клюева, Скобенникова, Новикова, Кобашева и Бурдина, обвиняемыхъ по 279 статьѣ, грозящей смертной казнью, приговорилъ Новикова и Бурдина къ шестилѣтнимъ каторжнымъ работамъ, Кобашева къ четырехлѣтнимъ; Клюевъ и Скобенниковъ оправданы.

21) Во Владивостокѣ, 10 іюля, слушавшійся ровно 21 день въ военномъ судѣ процессъ 17 уссурійскихъ желѣзнодорожниковъ: доктора Ланковскаго, инженеровъ Хорвата, Храповицкаго, Пестича, Барабашева, Піотровича, Головина, Гладецкаго, начальниковъ службъ дороги — Сѣноженскаго, Ашика, Ноликова, Померанцева, Константинова, агентовъ дороги—Ланковскаго, Писаренко, Кравца, Гасткевича и др., окончился присужденіемъ доктора Ланковскаго къ выговору, а инженеръ-электрика Піотровича къ аресту на гауптвахтѣ. Всѣ остальные, по недоказанности обвиненія, оправданы. Обвиненіе предъявлялось по 129 ст. новаго и 274, 344 статьямъ стараго уложенія.

22) Въ Харьковѣ, 10 іюля, въ распорядительномъ засѣданіи окружнаго суда признаны дѣйствовавшими безъ разумѣнія 10 учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній, подростковъ, привлекавшихся къ отвѣтственности за участіе въ вооруженномъ сопротивленіи на заводѣ Гельфериха и на станціи Люботинъ.

23) Въ Аткарскѣ, 10 іюля, по дѣлу о больше-екатеринославскихъ аграрныхъ безпорядкахъ судъ приговорилъ семерыхъ къ арестантскимъ ротамъ срокомъ отъ одного до двухъ лѣтъ, пятерыхъ къ тюремному заключенію отъ 8 мѣсяцевъ до одного года.

24) Въ Одессѣ, 11 іюля, рядовой ингульскаго полка Мазохъ, за оскорбленіе словами офицера, сопротивленіе и неисполненіе распоряженій начальства, приговоренъ военнымъ судомъ къ лишенію правъ состоянія, воинскаго званія и ссылкѣ въ каторгу на двадцать лѣтъ.

25) Въ Варшавѣ, 11 іюля, военный судъ вынесъ оправдательный приговоръ тремъ лодзинскимъ рабочимъ, обвинявшимся въ убійствѣ одного жандармскаго унтеръ-офицера и въ покушеніи на убійство другого.

26) Въ Костромѣ, 13 іюля, военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло исключеннаго семинариста Василевскаго, обвиняемаго въ покушеніи на жизнь пристава Слободского, призналъ его виновнымъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ и приговорилъ къ двумъ съ половиною годамъ тюремнаго заключенія.

27) 13 іюля главнымъ военнымъ судомъ разсмотрѣна кассаціонная жалоба крестьянъ Адменъ, Соуммитъ, Руманъ, Сѣрина и Озорина на приговоръ о нихъ временнаго военнаго суда въ Митавѣ, которымъ они присуждены *къ смертной казни черезъ повѣшеніе*. Кассаціонную жалобу главный военный судъ оставилъ безъ уваженія.

28) Дѣло кр. Гольберга, приговореннаго ревельскимъ военнымъ судомъ къ смертной казни за покушеніе на убійство городового въ Юрьевѣ, вновь кассировано. Въ первый разъ оно разсматривалось вновь по прошенію сестры подсудимаго, а теперь, послѣ вторичнаго присужденія къ смертной казни, подсудимый подалъ кассаціонную жалобу, въ которой указывается на допущенныя судомъ нарушенія. Главный военный судъ, отмѣнивъ какъ приговоръ, такъ и самое преданіе суду, постановилъ направить его прокурору для новаго разсмотрѣнія.

29) Въ Суджѣ, 13 іюля, по дѣлу погрома въ экономіи дворянина Давыдова, 9 человѣкъ оправданы, 45 признаны виновными и приговорены каждый къ заключенію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ. Судебная палата постановила ходатайствовать передъ государемъ императорожъ о смягченіи наказанія.

30) Въ Митавѣ, 14 іюля, пойманный на прошлой недѣлѣ виновникъ 5 политическихъ убійствъ, латышъ Пурингъ, приговоренъ митавскимъ военнымъ судомъ *къ повѣшенію*. 21-го іюля приговоръ надъ Пурингомъ приведенъ въ исполненіе.

31) Въ Читѣ, 14 іюля, изъ арестованныхъ на митингѣ 9 іюля, студенты Бургманъ и Бронштейнъ приговорены въ административномъ порядкѣ къ двухмѣсячному заключенію въ тюрьмѣ, а трое рабочихъ къ трехнедѣльному аресту.

32) Помощнику присяжнаго повѣреннаго Михайлову, недавно выпущенному изъ тюрьмы, ссылка въ Сибирь замѣнена высылкою за границу на 2 года. Михайловъ былъ арестованъ по дѣлу о вооруженномъ возстаніи въ Москвѣ, въ связи съ дѣломъ фабриканта Шмидта.

33) Въ Севастополѣ, 16 іюля, послѣ 18-часового совѣщанія, въ присутствіи всѣхъ подсудимыхъ объявленъ приговоръ военнаго суда. Зиминъ Коссовиновъ, Кудымовскій и Рыбалка *приговорены къ смертной казни*. Лукьяно-

къ безсрочной каторгѣ, 32 матроса — къ каторгѣ отъ одного до 15 лѣтъ, 48 матросовъ—въ арестантскія отдѣленія отъ одного до 5 лѣтъ, одинъ—въ военную тюрьму на 4 мѣсяца одиночнаго заключенія, одинъ—въ гражданскую тюрьму на 2 года и 8 мѣсяцевъ, 6 человѣкъ оправданы.

34) По ходатайству присяжнаго повѣреннаго О. О. Грузенберга І. Дашевскій, приговоренный въ 1903 г. спб. окружнымъ судомъ въ исправительное арестантское отдѣленіе на 4 года, за покушеніе на убійство Крушевана, 12 іюля сего года освобожденъ по Высочайшему повелѣнію отъ дальнѣйшаго заключенія безъ возстановленія въ правахъ и преимуществахъ. Дашевскій находился до сего времени въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи въ Ярославлѣ.

35) Въ Кіевѣ, 17 іюля, военно-окружный судъ приговорилъ крестьянина Шведченко, за распространеніе прокламацій въ войскахъ въ Житомірѣ, къ ссылкѣ на поселеніе.

36) Въ Одессѣ, 18 іюля, военный судъ приговорилъ мѣщанина Тателя къ каторжнымъ работамъ на 4 года за ношеніе бомбъ.

37) 18 іюля въ спб. судебной палатѣ слушалось дѣло по обвиненію татарина Булатова, который 15 ноября прошлаго года, при встрѣчѣ на Галерной ул. съ двумя матросами 14 флотскаго экипажа, Бобылевымъ и Курочкомъ вручилъ имъ нѣсколько номеровъ „Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ". Матросы арестовали Булатова и отвели его въ казармы, гдѣ при обыскѣ у него было найдено около 50 номеровъ „Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ". Палата приговорила Булатова къ заключенію въ крѣпость на 1 годъ съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

Въ томъ же засѣданіи палаты разсматривалось дѣло по обвиненію кр. Мельникова, который въ д. Потерпѣлецъ, Боровичскаго у., Новгородской губ., распространялъ среди односельчанъ ученіе социалистовъ-революціонеровъ. Палата приговорила Мельникова на одинъ годъ въ крѣпость съ зачетомъ предварительнаго заключенія.

38) Содержащимся въ Александровскомъ централѣ въ 60-ти верстахъ отъ Иркутска матросамъ „Георгія Побѣдоносца", въ числѣ 20-ти человѣкъ, объявлено объ уменьшеніи мѣры наказанія, по особому Высочайшему повелѣнію. 20—15 л. каторги замѣнены каторжной работой на 4—2 года, меньшіе сроки—исправительными арестантскими отдѣленіями на 3 г. и 1 г. 3 мѣс., при чемъ они считаются лишенными не всѣхъ, а лишь всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

39) Въ Орлѣ, 19 іюля, окружнымъ судомъ разобраны два дѣла о разгромѣ экономіи графа Рибопьера. По одному—изъ 20 подсудимыхъ приговорены пятеро къ заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. По другому дѣлу изъ 50 подсудимыхъ шестеро приговорены къ тюремному заключенію на 4 года, 28—на 8 мѣсяцевъ съ лишеніемъ правъ, трое несовершеннолѣтнихъ—на 3 мѣсяца. Остальные подсудимые оправданы.

40) 20 іюля, въ главномъ военномъ судѣ слушалась кассаціонная жалоба бывшаго военнаго губернатора Забайкальской области Холщенникова, обвиняшагося по 100 ст., грозящей смертною казнью, и присужденнаго временнымъ военнымъ судомъ къ 1 г. 4 мѣс. крѣпости за бездѣйствіе власти. Жалоба оставлена безъ послѣдствія.

41) Въ Вильнѣ, 20 іюля, рядовой Цыпкинъ за храненіе двухъ нелегальныхъ брошюръ приговоренъ военно-окружнымъ судомъ на три года въ дисциплинарный батальонъ.

42) Приговоромъ военно-полевого суда въ Кронштадтѣ, состоявшагося 20 іюля по дѣлу о безпорядкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ Кронштадтѣ, въ ночь съ 19 на 20 сего іюля, *семь нижнихъ чиновъ приговорены за убійство офицеровъ къ смертной казни.*

Приговоръ этотъ того же 20 іюля приведенъ въ исполненіе. Среди казненныхъ находился одинъ латышъ унтеръ-офицеръ.

43) 20 іюля главный военный судъ, разсмотрѣвъ протестъ военнаго прокурора на приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Баку по дѣлу кутанисскаго двор. Коджай, приговоръ по дѣлу отмѣнилъ, передавъ его на новое разсмотрѣніе. Коджай обвинялся въ томъ, что 16 февраля сего года, на улицѣ г. Баку, вечеромъ, оказалъ сопротивленіе при его задержаніи и, во избѣжаніе поимки, произвелъ нѣсколько выстрѣловъ въ пытавшихся его задержать казаковъ. Военный судъ оправдалъ его, но представитель обвиненія приговоръ этотъ опротестовалъ, найдя неправильными постановку и разрѣшеніе поставленныхъ судомъ вопросовъ.

44) 20 іюля въ судебномъ засѣданіи Главнаго военнаго суда слушалось дѣло по протесту прокурора московскаго военно-окружнаго суда на приговоръ того же суда отъ 28 іюня сего года по дѣлу неизвѣстнаго званія человѣка, приговореннаго къ 10-лѣтней каторгѣ за убійство бывшаго помощника пристава г. Тамбова Жданова изъ мести за истязанія, совершенныя послѣднимъ надъ М. Спиридоновой. Обвинитель ходатайствовалъ въ своемъ протестѣ о примѣненіи смертной казни черезъ повѣшеніе. Протестъ оставленъ безъ уваженія. Въ томъ же засѣданіи разсмотрѣна кассаціонная жалоба Ушацкаго, Коваленко, А. Галкина и Новожилова на приговоръ о нихъ харьковскаго военнаго суда, которымъ они присуждены къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ каждый, по обвиненію въ покушеніи на разбойническое нападеніе на Харьковское отдѣленіе Волжско-Камскаго банка. Кассаціонная жалоба оставлена главнымъ военнымъ судомъ безъ уваженія.

45) Въ Митавѣ, 21 іюля, военный судъ приговорилъ мѣщанина Колата за участіе въ нападеніи на войска къ четыремъ годамъ каторги и унтеръ-офицера Верзинга за распространеніе прокламацій въ войскахъ къ поселенію въ Сибирь.

46) Въ Кіевѣ, 24 іюля, кіевскій военно-окружной судъ приговорилъ къ четыремъ годамъ каторги рядового 73-го пѣхотнаго Крымскаго полка Дмитрія Латышева за оскорбленіе Величества.

47) Крестьянинъ Виниченъ, обвинявшійся въ пропагандѣ антиправительственныхъ сужденій и сочиненій среди крестьянъ Лужанской вол., Демянскаго у., приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ, съ зачетомъ предварительнаго заключенія около шести мѣсяцевъ. Мѣщанинъ Сычевскій и крестьяне Лузикъ и Ксенофонтовъ, привлекавшіеся за пропаганду среди войска, присуждены: Сычевскій и Лузикъ къ тюрьмѣ на 4 мѣс. каждый съ зачетомъ предварительнаго заключенія, а Ксенофонтовъ оправданъ.

48) 25 іюля въ закрытомъ засѣданіи спб. военно-окружного суда заслушано дѣло музыканта рядового званія лейбъ-гвардіи Московскаго полка Медвѣдева, обвинявшагося въ распространеніи среди нижнихъ чиновъ войскъ

ученій, возбуждающихъ къ нарушенію обязанности военной службы. Медвѣдевъ приговоренъ къ ссылкѣ на поселеніе.

49) Въ Варшавѣ 27 іюля, въ военномъ судѣ разсматривалось дѣло о Новицкомъ и Валесинскомъ, обвиняемыхъ въ покушеніи на убійство трехъ стражниковъ подъ Згержемъ. Подсудимые приговорены къ каторжнымъ работамъ: первый на 6 лѣтъ, второй на 4 года.

50) Въ Митавѣ, 27 іюля, за революціонные грабежи въ Виндавскомъ уѣздѣ митавскій военный судъ приговорилъ шестерыхъ мятежниковъ къ каторгѣ на сроки до восьми лѣтъ.

51) Въ Лепелѣ, 27 іюля, изъ девяти обвиняемыхъ въ аграрныхъ безпорядкахъ присуждены къ заключенію въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ: одинъ на 1 годъ и 3 мѣсяца и трое на 1 годъ. Остальные оправданы.

52) 27 іюля главнымъ военнымъ судомъ разсмотрѣно дѣло рядового изъ вольноопредѣляющихся Шліома Пруссакова, отбывавшаго повинность въ крѣпости Ивангородъ, преданнаго варшавскому военно-окружному суду по обвиненію въ томъ, что онъ, Пруссаковъ, собравъ возлѣ себя кучку солдатъ, читалъ имъ брошюру „Посланіе отца Гапона“, содержаніе которой предусмотрѣно 131 ст. уг. ул. Приговоренный къ ссылкѣ на поселеніе, Пруссаковъ подалъ кассаціонную жалобу. Жалоба оставлена безъ уваженія.

53) Въ Митавѣ, 28 іюля, военный судъ, разсмотрѣвъ дѣло Цируля, Розенфельда, Лагздина и Кенигсвальда, выступавшихъ террористами въ Виндавскомъ уѣздѣ, приговорилъ *первыхъ двухъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе*, а остальныхъ къ четырехлѣтней каторгѣ.

54) Въ Варшавѣ, 28 іюля, судебная палата разсматривала дѣло о распространеніи прокламацій и агитаціи въ войскахъ. Изъ 6 обвиняемыхъ приговорены къ заключенію въ тюрьму: Закржевскій на 8 мѣсяцевъ, Венбергъ на 6 мѣсяцевъ, Елдаковскій на 8 мѣсяцевъ, Хржановскій на 1 годъ, Корвакъ на 8 мѣсяцевъ и къ заключенію въ крѣпость—Сегаль на 8 мѣсяцевъ. Всѣмъ подсудимымъ будетъ зачтено предварительное заключеніе.

55) Въ Гельсингфорсѣ, 29 іюля, въ крѣпости *приведена въ исполненіе смертный приговоръ* военнаго суда въ отношеніи подпоручиковъ Емельянова, Коханскаго и пяти нижнихъ чиновъ.

56) 30 іюля, разсматривалось въ московскомъ окружномъ судѣ нашумѣвшее въ Москвѣ дѣло о вооруженомъ нападеніи на булочную Алексѣева. Дѣло это, по предложенію московскаго градоначальника, должно было слушаться въ военномъ судѣ, но затѣмъ, согласно указаніямъ, полученнымъ изъ Петербурга, было передано на разсмотрѣніе суда присяжныхъ. Изъ всѣхъ участниковъ вооруженнаго нападенія задержанъ былъ только одинъ Яковлевъ, котораго городовой ошеломилъ ударомъ револьвера по головѣ; онъ впалъ въ безсознательное состояніе и въ это же время былъ арестованъ. Присяжные признали фактъ нападенія установленнымъ и вынесли Яковлеву обвинительный приговоръ. Судъ, на основаніи обвинительнаго вердикта, приговорилъ подсудимаго къ каторжнымъ работамъ на 4 года и 5 мѣсяцевъ. Настоящее дѣло о вооруженномъ нападеніи является за послѣднее время первымъ, которое слушается судомъ присяжныхъ.

57) 30 іюля, въ военно-окружномъ судѣ разсматривалось дѣло младшаго врача московскаго военнаго госпиталя Бланше-де-ля-Роша и двухъ фельдшеровъ, обвинявшихся въ составленіи петиціи съ предъявленіемъ незаконныхъ требованій къ своему начальству и въ составленіи союза военно-служащихъ фельдшеровъ. Бланше-де-ля Рошъ кромѣ того обвинялся въ передачѣ по телефону угрозы убить начальника военнаго госпиталя генерала Синельникова. Въ виду высказаннаго сомнѣнія о нормальномъ состояніи умственныхъ способностей Бланше-де-ля-Роша судъ рѣшилъ освидѣтельствовать его черезъ психіатровъ; обоихъ же фельдшеровъ судъ призналъ невиновными.

58) Обвинявшіеся, на основаніи 117 ст. и 279 ст. XXII кн. св. з.-п. 1869 г., изданіе третье, мѣщанинъ М. Фридманъ и крестьяне Прибалтійскаго края С. Домбровскій, В. Богданъ, Н. Якубанецъ, Спиридовскій и Жунда были оправданы 10-го іюля рижскимъ военнымъ судомъ. Теперь же приговоръ этотъ неожиданно опротестованъ, и имъ вновь грозитъ смертная казнь.

За іюль мѣсяцъ имѣли мѣсто слѣдующіе приговоры по литературнымъ дѣламъ и преслѣдованію печати:

1) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 28 іюня возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 ст., по 106 ст. и по VII и VIII отдѣламъ временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. семи редакторовъ газетъ.

2) 30 іюня с.-петербургскимъ комитетомъ наложенъ арестъ на газеты: № 5 „Крестьянскій Депутатъ“, № 9 „Голосъ Труда“ и на отдѣльные экстренные выпуски газеты „Народная Дума“, заключающія въ себѣ „Декларацію россійской соціалъ-демократической партіи“ и статью подъ заглавіемъ: „Государственная дума о положеніи казаковъ“.

3) Въ московской судебной палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, при закрытыхъ дверяхъ, слушалось сегодня дѣло редактора-издателя журнала „Правда“ В. И. Кожевникова, обвинявшагося по 129 статьѣ. Г. Кожевниковъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на полтора года. Изданіе журнала прекращается на этотъ же срокъ.

4) По сообщенію коменданта севастопольской крѣпости, возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ редактора газеты „Дума“ г. Винберга по 6 п. „в“ ст. 5 закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 19 этой газеты корреспонденціи подъ заглавіемъ „Въ застѣнкахъ“. Въ замѣткѣ этой сообщалось объ избіеніи полиціей обвиняемыхъ по дѣлу о взрывѣ 14 мая въ Севастополѣ.

5) Конфискованъ листокъ: „Государственная дума о положеніи казаковъ“, какъ заключающій въ себѣ признаки 5 п. 129 ст. угол. улож. Изданіе члена государственной думы Ноя Жорданія, типографіи „Будущность“.

6) По сообщеніямъ прокурора варшавской судебной палаты возбуждено уголовное преслѣдованіе по п. „в“ ст. 6 закона 24 ноября 1905 г. противъ редакторовъ газетъ „Страна“ М. М. Ковалевскаго и И. И. Иванюкова за напечатаніе въ № 57 газеты замѣтки „Издѣвательство надъ узницами“.

7) Въ Ревелѣ, 3 іюля, конфискованы номера эстонской газеты „Ваатлея“.

8) 4 іюля конфискована брошюра „Якъ сбіраються і куды повертаються народні гроши“.

9) Въ Ревелѣ, 4 іюля, генералъ-губернаторомъ пріостановленно изданіе эстонской газеты „Ваатлея“ за вредное направленіе.

10) 4 іюля, въ 12 часовъ дня, полицейскій приставъ Коломенскаго учa-

стка, вмѣстѣ съ двумя помощниками, околоточными и цѣлымъ нарядомъ городовыхъ, явился въ редакцію журнала „Народная Жизнь", помѣщающуюся на Коломенской улицѣ, въ домѣ 7, кв. 51. Спустя нѣсколько времени туда же явились и чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ. Совмѣстно они начали производить повальный обыскъ квартиры редакціи. На полу въ огромную груду сложили массу рукописей и книгъ. Арестованы пять мужчинъ и двѣ женщины, которые отправлены въ участокъ. Полиція, очевидно, не скоро думаетъ покинуть редакцію, т. к. запаслась разной провизіей: пивомъ, молокомъ и булками и т. п. Причины этого криминальнаго случая пока не извѣстны.

11) 4 іюля, въ московскій книжный магазинъ Д. П. Ефимова нагрянула полиція и произвела обыскъ. Искали книгу В. Климкова „Расправы и разстрѣлы", при чемъ предъявили неизвѣстно кѣмъ подписанную бумагу—„въ случаѣ обнаруженія упомянутой книги владѣльца магазина арестовать и магазинъ опечатать". Поиски полиціи успѣхомъ не увѣнчались.

12) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 1 и 2 іюля возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности по 129 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. пяти редакторовъ газетъ. Опредѣленіями с.-петербургской судебной палаты оставлены въ силѣ постановленія с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста на десять разныхъ брошюръ.

Опредѣленіями той же палаты оставлены въ силѣ постановленія с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста на слѣдующіе номера повременныхъ органовъ печати, издающихся въ С.-Петербургѣ: 1) на № 3 газеты „Обрывъ". 2) на № 79 газеты „Двадцатый Вѣкъ", 3) на № 9 журнала „Темы Жизни", и 4) на № 6 журнала „Щитъ".

13) 4 іюля. Интересныя подробности сообщаютъ о преслѣдованіи „XX Вѣка" бессарабскимъ губернаторомъ, камергеромъ А. Н. Харузинымъ. Не говоря уже о томъ, что весьма часто номера газеты совершенно не доставляются подписчикамъ съ почты—какъ только приходитъ транспортъ петербургскихъ газетъ для розничной продажи, три номера „XX Вѣка" немедленно доставляются г. Харузину и жандармскому начальству гг. Черноluсскому и Жилину. Начальство цензируетъ газету и, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, благосклонно разрѣшаетъ къ продажѣ номера, всего же чаще, послѣ инспекторскаго смотра слѣдуетъ конфискація. На почтѣ для перехвата прогрессивныхъ газетъ имѣется спеціальный чиновникъ Журьяри, одинъ изъ дѣятельныхъ членовъ „союза русскаго народа"...

14) Въ Костромѣ, 4 іюля, конфискованъ первый номеръ газеты „Костромское Слово".

15) 5 іюля, въ типографіи „Грамотность" конфискованъ въ машинѣ первый номеръ журнала „Огни Жизни". Раскиданъ наборъ, арестованы, вопреки временныхъ правилъ о печати, клише. Затѣмъ полиціею произведенъ обыскъ въ редакціи журнала, но ни одного номера не найдено.

16) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 4 іюля возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 ст. пяти редакторовъ газетъ.

17) 5 іюля полиція явилась въ типографію газеты „Обрывъ" и конфисковала №-ра газеты и стереотипы. Кромѣ того, полиціей были отобраны у

газетчиковъ—газеты „Мысль", „Эхо", „Голосъ Труда", „Крестьянскій Депутатъ".

18) Въ Ялтѣ, 5 іюля, керченскій генералъ-губернаторъ издалъ постановленіе, которымъ ввозъ и продажа ряда газетъ карается заключеніемъ до трехъ мѣсяцевъ или штрафомъ до трехъ тысячъ руб.

19) 5 іюля главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „XX Вѣкъ" Н. Н. Долгова по 1 и 5 п. п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ №№ 91 и 92 газеты „Резолюціи солдатъ казанскаго гарнизона" и „Резолюціи сознательныхъ солдатъ петровскаго и выборгскаго полковъ"; 2) „Наша Жизнь"—К. И. Диксона по 5 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 483 „Наказа 31 сѣвскаго казачьяго полка донскимъ депутатамъ"; 3) „Мысль"—И. Е. Соломко по 1 и 5 п.п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 8 статьи „О всероссійскомъ желѣзнодорожномъ союзѣ", „Заявленіе донскихъ казаковъ", „Приговоръ казаковъ Усть-Медвѣдицкой станицы" и др.; 4) „Сѣверная Земля"—А. Ф. Иванова по 5 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 5 статьи „О казакахъ".

20) Въ Казани, 6 іюля, конфискованъ очередной номеръ „Волжскаго Вѣстника".

21) Московскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности по 281, 129, 379, 280, 281, 103 и 1036 ст. и по VII и VIII отдѣламъ временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. шести редакторовъ газетъ и журналовъ.

Возбуждены вопросы о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности по 129 и 181 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. семи редакторовъ провинціальныхъ газетъ и журналовъ.

22) 7 іюля, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Мысль" И. Е. Соломко по 1 и 5 пп. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 12 статьи „Разложеніе въ арміи", „Писемъ" и пр., 2) „Крестьянскій Депутатъ" А. Е. Теселя по 4 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 6 статьи „Поднявшій мечъ, отъ меча погибнетъ", 3) „Обрывъ" С. Дмитровскаго по 1 п. 129 ст. угол. улож. и п. „г" ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 13, 14 и 15 статей „Русская Варѳоломеевская ночь", „Новые факты", „Еще о черносотенныхъ планахъ" и др., 4) „Голосъ Труда" М. И. Свѣчиной по 1 и 5 пп. 129 ст. угол. улож. и п. „г" ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 11 статей „Наканунѣ", „Севастополь" и „Погромъ близокъ" и 5) „Эхо" Е. С. Милановой по 1 и 5 п. 129 ст. уг. улож. и п. „г" ст. 5 отд. VIII закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ №№ 9 и 10 статей „Толки объ измѣнѣ", „Армія и народъ" и др.

23) Въ Ярославлѣ, 7 іюля, въ виду безпрерывной конфискаціи, „Сѣверная Рѣчь" прекратила выпускъ номеровъ. Выпущенный сегодня агентскія телеграммы конфискованы.

24) Въ Екатеринославѣ, 7 іюля, конфискованъ 11 номеръ „Южной Руси".

25) Разгромъ типографіи „Мысли" 7 іюля продолжался до двухъ часовъ ночи. Арестованы 2 сторожа, 6 человѣкъ посторонних и весь редакціонный комитетъ, кромѣ редактора „Мысли", члена Государств. Думы, Соломко. Вчера произведено нѣсколько обысковъ у сотрудниковъ закрытыхъ газетъ.

7 іюля, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Мысль“ И. Е. Соломко по 1 п. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 15 статьи „Послѣ усмиренія“; 2) „Эхо“ Е. С. Милановой по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 13 статьи „Черная кость и бѣлая кость въ арміи“; 3) „Наша Жизнь“ К. И. Диксона по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 48 статьи „Конфликтъ по вопросу о погромахъ“.

26) 7 іюля, конфискована брошюра: „Н. Васильевъ. „Десять заповѣдей соціалъ-демократа“, изданіе Маріи Малыхъ, какъ заключающая въ себѣ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 6 п. 129 ст. уг. улож.

27) 8 іюля конфискованы полиціей брошюры Новомирскаго подъ заглавіемъ: „Манифестъ анархистовъ-коммунистовъ“, „Свободная коммуна“ и книга М. К. Кольцова „Памяти павшихъ жертвъ изъ среды московскаго студенчества въ октябрьскіе и декабрьскіе дни“.

28) Въ Симферополѣ, 8 іюля, редакторъ „Крыма“, судившійся за оскорбленіе министерства, оправданъ.

29) 8 іюля четвертый номеръ „Адской Почты“, посвященный „землѣ и волѣ“, весь конфискованъ на типографскомъ станкѣ. У типографіи Р. Голике и А. Вильборга поставленъ батальонъ пѣхоты и 4 пулемета.

30) Въ ночь на 7-е іюля въ типографію газеты „Обрывъ“ явилась полиція, которая предъявила предписаніе с.-петербургскаго градоначальника и закрыла типографію, опечатавъ въ ней все находящееся.

31) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 5-го іюля возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности по 129 и 103. ст. и по VII отдѣлу временныхъ правилъ о печати 24-го ноября 1905 г. восьми редакторовъ газетъ и журналовъ.

32) Въ Омскѣ, 8 іюля, редакторъ „Степного Голоса“ привлекается по 129 ст. за напечатаніе корреспонденціи изъ Красноярска о проводахъ и о посылкѣ наказа депутату Николаевскому.

33) Въ Екатеринбургѣ, 8 іюля, редакторъ-издатель газеты „Голосъ Народа“ привлеченъ къ отвѣтственности за перепечатку статей изъ „Московскихъ Вѣдомостей“, возбуждающихъ одну часть населенія противъ другой, Газета прекращается.

34) 8 іюля главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Крестьянскій Депутатъ“ А. Е. Тесля по 1 и 5 пп. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе № 8 статьи „О казацкихъ движеніяхъ“; 2) „Мысль“ И. Е. Соломко по 1 и 5 пп. 129 ст. уг. улож. за напечатаніе въ № 13 статей: „Документы дѣятельности инженерныхъ войскъ“ и „Клевета на армію“ и др.; 3) „Военный Голосъ“ г. Шнеура по 5 п. 129 ст. уг. улож. и 6 ст. VIII отд. закона 24 ноября 1905 г. за напечатаніе въ № 146 статьи „Общество и офицеры“ и 4) „Голосъ Труда“ М. И. Свѣчиной по 1 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 13 отдѣла: „Дума и народъ“.

35) 8 іюля въ особомъ отдѣленіи департамента полиціи разсматривался вопросъ о пріостановкѣ на время всѣхъ соціалистическихъ газетъ, дабы не дать возможности опубликовать воззваній къ народу трудовой и соціалъ-демократической парламентскихъ группъ. Вопросъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ.

36) 8 іюля конфискована брошюра „Красная сотня“ книгоиздательства „Впередъ“, въ виду заключающихся въ ней признаковъ 6 п. 129 ст. угол. улож.

37) Въ Харьковѣ, 9 іюля, преданы суду редакторы „Южнаго Края“, „Наканунѣ“ и „Новостей“.

38) 9 іюля въ книжномъ складѣ „Комиссіонеръ“ старшимъ помощникомъ пристава Спасской части, по постановленію цензурнаго комитета и предписанію старшаго инспектора типографій, наложенъ арестъ на книгу „М. А. Бакунинъ“ т. I. (Сочин.), изданіе Балашова. Составленъ протоколъ и находящіеся въ складѣ 227 экз. этой книги отобраны и препровождены въ участокъ.

39) С.-Петербургскій комитетъ по дѣламъ печати 8, 9 и 10 іюля возбудилъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 128 ст. уголовн. улож. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. десяти редакторовъ газетъ.

40) 10 іюля Московскій комитетъ по дѣламъ печати возбудилъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 133, 281[1], 130, 107, 129 и 1036 ст. и по VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. четырехъ редакторовъ газетъ. Возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 281, 281[1], 131 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. тринадцати редакторовъ провинціальныхъ газетъ.

41) С.-Петербургская судебная палата, утвердивъ арестъ, наложенный с.-петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати на отдѣльные номера газетъ: „Мысль“, „Эхо“, „Голосъ Труда“, „Крестьянскій Депутатъ“, „Современная Жизнь“ и „Сѣверная Земля“, опредѣленіемъ отъ 10-го іюля, постановила всѣ эти газеты, въ виду особенной важности учиненныхъ въ нихъ преступныхъ дѣяній, пріостановить впредь до судебнаго приговора.

42) 8 іюля, рано утромъ, въ типографію „Энергія“. (Загородный, 17) явился околоточный надзиратель и потребовалъ, чтобы ему указали, гдѣ находится наборъ готовившагося къ выпуску № 2 желѣзнодорожнаго органа „Семафоръ“. Когда ему указали, онъ сталъ около набора. Явившійся приставъ предъявилъ распоряженіе о закрытіи, на основаніи правилъ о чрезвычайной охранѣ, газеты „Семафоръ“ и потребовалъ немедленно же разбросать весь имѣвшійся наборъ.

43) 8 іюля вышедшій № 1-ый газеты „Народъ“—былъ конфискованъ.

44) Въ Харьковѣ, 10 іюля, газета „Наканунѣ“ закрыта. Типографія опечатана.

45) Въ Саратовѣ, 10 іюля, конфискованъ номеръ „Саратовскаго Дневника“. Арестованы редакторъ и сотрудникъ „Приволжскаго Края“.

46) Въ Камышинѣ, 10 іюля, изданіе „Приволжской Газеты“ пріостановлено.

47) Въ Вильнѣ, 10 іюля, номера „Сѣверо-западнаго Голоса“ и „Свободнаго Слова“ конфискованы полиціей.

48) Въ Читѣ, 10 іюля, администраціей закрыта на время военнаго положенія газета „Коммерческій Вѣстникъ“ за вредное направленіе: послѣдніе номера газеты конфискованы.

49) Въ Казани, 11 іюля, редакторъ „Вечерняго Эха“ Стадырновъ арестованъ. Газета пріостановлена. Владѣлецъ типографіи, гдѣ печатается „Волжскій Курьеръ“, отказался печатать номеръ въ томъ видѣ, въ какомъ его прислала редакція. Газета вышла безъ оригинальныхъ статей.

50) 11 іюня инспекція по дѣламъ печати конфисковала сборникъ стихотвореній на политическія темы подъ названіемъ „Набатъ", изданный книгоиздательствомъ Прибой. Конфискованъ также журналъ „Стойте во свободѣ".

51) 11 іюля администрація, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, пріостановила газету „Народное Дѣло".

52) 11 іюля, закрыта, по распоряженію спб. градоначальника, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ газета „Наша Жизнь".

53) Въ Самарѣ, 11 іюля, конфискованъ „Самарскій Курьеръ".

54) Въ Казани, 11 іюля, конфискованъ очередной номеръ „Волжскаго Вѣстника".

55) Въ Перми, 11 іюля, пріостановлена газета „Камскій Край".

56) Въ Симферополѣ, 11 іюля, всѣ мѣстныя газеты лѣваго направленія конфискованы.

57) Въ Царицынѣ, 11 іюля, конфискованъ номеръ газеты „Царицинскій Путь".

58) 11 іюля, по полученнымъ въ Петербургѣ телеграфнымъ свѣдѣніямъ, въ городахъ Россіи, за исключеніемъ Петербурга, закрыто 17 газетъ.

59) 12 іюля, на основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, пріостановлена газета „Новая Жизнь".

60) 12 іюля въ Москвѣ нельзя было достать ни одной петербургской газеты: все конфисковано.

„Путь" и „Новости Дня" пріостановлены за выпущенныя вечернія прибавленія.

61) Въ Митавѣ, 12 іюля, генералъ-губернаторомъ воспрещены въ Курляндіи всѣ радикальныя латышскія газеты, вслѣдствіе помѣщенія статей, подстрекающихъ къ безпорядкамъ.

62) Въ Казани, 12 іюля, конфискованъ первый номеръ лѣвой татарской газеты „Полярная Звѣзда".

63) Въ Вильнѣ, 12 іюля, конфискованы очередные номера „Свободнаго Слова" и „Газмана".

64) Въ Симферополѣ, 12 іюля, номера газетъ „Жизнь Крыма" и „Южный Голосъ" конфискованы.

65) Въ Костромѣ, 12 іюля, номеръ „Костромского Слова" конфискованъ. Въ редакціи, конторѣ и типографіи произведенъ обыскъ. Судебный слѣдователь производитъ слѣдствіе по обвиненію издательницы газеты, Андрониковой, о несоблюденіи ею закона о печати. Вызваны эксперты.

66) Въ Симферополѣ, 12 іюля, конфискована газета „Отклики Крыма". Редакторъ привлекается по 129 ст.

67) Въ Москвѣ, 12 іюля, конфискованъ номеръ „Русскихъ Вѣдомостей" за напечатаніе выдержки изъ обращенія къ народу членовъ Государственной Думы.

68) Въ Читѣ, 12 іюля, изданіе въ Верхнеудинскѣ газеты „Байкальская Волна" пріостановлено на все время военнаго положенія, въ виду „вреднаго направленія" газеты.

69) „Уральская Жизнь", мирно выходившая въ теченіе 7 лѣтъ, не выпустила 13 іюля очередного номера по слѣдующимъ отъ нея „независящимъ" обстоятельствамъ.

12 іюля, около 7 час. утра, въ домъ редактора-издателя газеты „Уральская Жизнь" П. И. Пѣвина явилась полиція и жандармы, во главѣ съ приставомъ 2-й части Землевичемъ, и заявила П. И. Пѣвину, что, по словесному распоряженію мѣстной администраціи, она должна произвести обыскъ въ помѣщеніяхъ типографіи, редакціи, а также и въ квартирѣ редактора-издателя.

Обыскъ начался съ кабинета редактора, затѣмъ перешли въ контору, типографію и кладовыя. Закончивъ осмотръ нижняго этажа, перешли во второй этажъ, гдѣ обыскали квартиру редактора П. И. Пѣвина, кладовыя и чердачныя помѣщенія.

Пересмотрѣвъ все, полиція взяла изъ редакціи всѣ непринятыя къ печати и лежащія въ особомъ шкафу рукописи.

Въ кладовыхъ полиція отобрала всѣ выпущенныя съ октября 1905 г. и продававшіяся всюду брошюры. Въ кабинетѣ и квартирѣ редактора-издателя П. И. Пѣвина взята часть разнаго редакціоннаго матеріала, поступившаго въ редакцію.

Начавшійся около 7 ч. утра обыскъ былъ законченъ лишь къ 2 час. дня.

Съ такой же тщательностью была обыскана небольшая типографія въ Смоленскѣ.

70) На основаніи положенія о чрезвычайной охранѣ, московскимъ градоначальникомъ закрыты сегодня еще двѣ газеты: „Народное Дѣло" и „Трудовая Рѣчь". Пріостановлено также изданіе еженедѣльнаго журнала „Ходите въ свѣтѣ".

71) Инспекторомъ по дѣламъ печати конфискована книга Аскельрода „Изъ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи".

72) Въ Таганрогѣ, 13 іюля, по распоряженію наказнаго атамана пріостановлена газета „Таганрогскій Вѣстникъ".

73) Въ Красноярскѣ, 13 іюля, распоряженіемъ иркутскаго генералъ-губернатора газета „Сибирскія Вѣсти" закрыта на десятомъ номерѣ. Редакторъ-издатель, врачъ Козловъ, высылается въ Енисейскій уѣздъ.

74) 14 іюля, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности редакторовъ газетъ: 1) „Рѣчь" г. Харитона по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 123 статей „Въ Выборгѣ" и „Чего ждать въ деревнѣ"; 2) „Наша Жизнь" по 1 и 3 пп. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 494 статьи „Гос. Дума въ Выборгѣ" и отдѣла „Иностранное обозрѣніе"; 3) „Петербургскій Листокъ" г. Скробатова по 1 и 3 пп. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 187 статьи „Бывшіе депутаты въ Выборгѣ"; 4) „XX Вѣкъ" г. Долгова по 1 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе въ № 102 статьи „Волненіе въ самарскомъ гарнизонѣ" и 5) „Страна" гг. Ковалевскаго и Иванюкова по 1 и 3 пп. 129 ст. и 128 ст. уг. улож. за напечатаніе въ №№ 121 и 122 статей „Роспускъ гос. думы" и „Собраніе въ Выборгѣ".

75) 14 іюля, главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати возбуждено ходатайство о привлеченіи къ отвѣтственности автора помѣщеннаго въ № 9 газеты „Мысль", „открытаго письма къ англійскому народу" кн. Н. П. Долгорукова по 129 ст. уг. улож.

76) 14 іюля, изъ Варшавы сообщаютъ что лодзинскій военный губернаторъ предупредилъ редакторовъ мѣстныхъ газетъ, что напечатаніе въ газетахъ обращенія членовъ государственной думы къ народу или чего-нибудь подобнаго, хотя бы этотъ матеріалъ былъ заимствованъ даже изъ агент-

скихъ телеграммъ, повлечетъ за собою прекращеніе изданія, опечатаніе редакціи и арестъ всѣхъ сотрудниковъ.

77) Съ 14 іюля конфискація газетъ въ Москвѣ поручена спеціально командируемымъ околоточнымъ надзирателямъ, разъѣзжающимъ по городу на велосипедахъ.

78) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 15 и 16 іюля возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 128 и 129 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. четырехъ редакторовъ газетъ.

Тѣмъ же комитетомъ возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 и 107 ст. трехъ издателей брошюръ.

Возбуждены вопросы объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 281, 281[1], 1039 и 1040 ст. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. шестнадцати редакторовъ провинціальныхъ газетъ.

Опредѣленіями с.-петербургской судебной палаты отъ 10 іюля оставлены въ силѣ распоряженія с.-петербургскаго комитета по дѣламъ печати о наложеніи ареста: 1) на № 1 газеты „Крестьянскій Депутатъ“, 2) на № 3 журнала „Застрѣльщикъ“, и 3) на № 3 журнала „Поединокъ“.

79) 16 іюля. Послѣдніе дни на всѣхъ петербургскихъ вокзалахъ полицейй осматривались тюки газетъ, отправляемыхъ въ провинцію для розничной продажи багажомъ. Пропустивъ захватъ типографіи Бусселя, полиція хотѣла задержать отпечатанное обращеніе депутатовъ при отправкѣ. Ничего найдено не было, и результатъ получился лишь тотъ, что при осмотрѣ „XX Вѣка“ въ воскресенье, на варш. вокзалѣ, околоточнымъ Кузнецовымъ и жандармскимъ унтеръ-офицеромъ Черницкимъ,—пропали два тюка этой газеты съ 225 экземплярами.

80) 16 іюля, по распоряженію министра внутр. дѣлъ, отъ владѣльцевъ всѣхъ въ Россіи типографій отбираются подписки, обязывающія ихъ не печатать воззванія бывшихъ народныхъ представителей.

81) Въ Царицынѣ, 17 іюля, по распоряженію губернатора, запечатана типографія газеты „Царицинскій Путь“. Газета не выходитъ.

82) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 17 іюля возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 года одного редактора газеты.

Тѣмъ же комитетомъ возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129, 119 и 103 ст. уголовн. улож. четырехъ издателей брошюръ.

Возбуждены вопросы объ уголовномъ преслѣдованіи по 181, 182, 279, 280, 281, 129 ст. уголовн. улож. и по VII и VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. пяти редакторовъ провинціальныхъ газетъ.

83) 17 іюля, въ помѣщеніи книгоиздательства „Маріи Малыхъ“ (6-я Рождественская 22) въ отсутствіи книгоиздательницы, находящейся на излѣченіи въ клиникѣ, явилась полиція и запечатала складъ. Никакого предписанія не было предъявлено.

84) Въ Москвѣ, 18 іюля, арестована издательница конфискованнаго журнала „Духа не угашайте“,—г-жа Изашева. Типографія Печковскаго-Буланже, въ которой печатался этотъ журналъ, закрыта администраціей.

85) Въ Москвѣ, 18 іюля, закрыта типографія Печковской, за напечатаніе запрещенной брошюры.

86) Въ Казани, 18 іюля, конфискованъ очередной номеръ „Волжскаго Курьера“.

87) Въ Брянскѣ, 19 іюля, въ полдень, толпа городовыхъ и жандармовъ ворвалась въ редакцію газеты „Брянскій Голосъ“ для конфискаціи №№ газеты и ареста ея редактора М. Ив. Юдина, а при случаѣ, какъ предполагалось, съ поличнымъ матеріаломъ и гг. крамольныхъ сотрудниковъ. Но на мѣстѣ оказались всѣ мирно бесѣдующими и съ нетерпѣніемъ ожидающими „милыхъ и дорогихъ сердцу гостей“. Надежды старательной администраціи не оправдались. „Крамольнаго“ въ редакціи не оказалось ничего. Полицеймейстеръ, обращаясь къ редактору, объявилъ его своимъ плѣнникомъ, но добавилъ, что редакторъ можетъ быть свободнымъ до суда при условіи внесенія залога въ 1000 руб., „не сходя съ мѣста“. На это редакторъ, „не сходя съ мѣста“ улыбаясь заявилъ, что, не обладая искусствомъ „чародѣйства“, „не сходя съ мѣста“ денегъ достать не можетъ. Сотрудники помогли достать удовлетвореніе для полиціи. Послѣдняя, обшаривъ всѣ щели и углы—безъ плѣнныхъ тружениковъ печатнаго слова и соціалъ-демократовъ—удалилась. У подъѣзда стояли отрядъ казаковъ въ полномъ боевомъ снаряженіи. Въ уѣздѣ и въ ближайшихъ городахъ тщательно разыскиваются сотрудники газеты „Брянскій Голосъ“, на взглядъ мѣстной администраціи, отъявленные крамольники“.

88) Въ Тулѣ, 19-го іюля, губернаторъ закрылъ типографію „Тульской Жизни“ на все время дѣйствія положенія усиленной охраны. Изданіе прекращено издателемъ.

89) Въ Кобелякахъ, 19-го іюля, мѣстная соціалъ-демократическая газета „Земля“ временно закрыта. Редакторъ привлекается къ отвѣтственности.

90) Въ Казани, 19-го іюля, редакторъ „Вечерняго Эха“, Стадырновъ, освобожденъ изъ тюрьмы подъ залогъ.

91) Въ Новороссійскѣ, 19 іюля, закрыта типографія „Трудъ“ за напечатаніе воззванія бывшихъ депутатовъ къ народу.

92) Въ Екатеринбургѣ, 19 іюля, по распоряженію губернатора, закрыта типографія газеты „Уральскій Край“, органа к.-д. партіи.

93) Въ Кутаисѣ, 19 іюля, по предписанію петербургскаго жандармскаго управленія, кутаисская жандармерія и полиція, въ числѣ 30 человѣкъ, подвергли тщательному обыску книжный магазинъ и контору газеты „Колхида“, а также квартиру владѣльца магазина Квицаридзе. Не найдя ничего преступнаго, ротмистръ оставилъ Квицаридзе на свободѣ.

94) Въ Казани, 19 іюля, административный произволъ по отношенію къ прогрессивной прессѣ достигъ высшаго предѣла. Сегодня конфискованы всѣ газеты. Положеніе печати хуже, чѣмъ было до 17 октября. Каждую ночь типографіи, гдѣ печатаются газеты, окружаютъ пѣшіе и конные городовые. Работа невозможна.

95) Во Владикавказѣ, 20 іюля, генералъ-губернаторомъ закрыта газета „Черкешенка“.

96) Въ Вяткѣ исполняющій должность губернатора графъ Комаровскій закрылъ на мѣсяцъ типографію Харитонова, гдѣ печатались „Вятская Жизнь“ и „Крестьянская Газета“. Типографія никакого повода къ закрытію не давала. Вятка останется безъ газеты на все время усиленной охраны, ибо теперь ни одна типографія не возьмется печатать прогрессивную газету.

97) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати 20 іюля возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи редактора газетъ „Реформа" и „Рѣчь" пом. прис.-пов. Бориса Іосифовича Харитона по пп. в и г ст. 5 отд. VII закона 24 ноября 1905 года, съ примѣненіемъ къ № 95 газ. «Реформа» и № 131 газ. „Рѣчь" п. а ст. 9 отд. VII закона 24 ноября 1905 г.

98) Комитетомъ по дѣламъ печати конфискована брошюра А. Безроднаго „Ткачи", повѣсть изъ жизни русскихъ ткачей. Книгоиздательство Ч. Д. Мягкова „Колоколъ". Типографія „Народная Польза".

99) Опредѣленіемъ судебной палаты прекращено уголовное преслѣдованіе редактора газеты „XX Вѣкъ" Н. Долгова, возбужденное по 3 п. 129 ст. угол. улож. за напечатаніе въ № 66 статьи „Изъ Кронштадта".

100) 20 іюля въ помѣщеніе книгоиздательства „Молотъ" явилась полиція и, по распоряженію градоначальника, запечатала помѣщеніе.

101) Въ Саратовѣ, 21-го іюля, распоряженіемъ губернатора опечатана типографія «Саратовскаго Дневника».

102) Въ Казани, 21 іюня, произведены ночью многочисленные обыски и аресты. Арестованы пять сотрудниковъ „Волжскаго Вѣстника", секретарь «Курьера», редакторъ „Крестьянской Газеты", которая пріостановлена.

103) Комитетомъ по дѣламъ печати конфискованы 4 и 5 выпуски сочиненій Н. Шебуева подъ заглавіемъ „Провокаторъ" и „Хвастунъ", напечатанные въ типографіи Отто Улфугъ. Шебуевъ привлекается къ отвѣтственности по 6 ст. VIII отд. закона 24 ноября 1905 г.

104) Въ Омскѣ закрытъ „Степной Голосъ" на время военнаго положенія.

105) Въ Варшавѣ окружной судъ оправдалъ редакторовъ Лозинскаго, Штаркмана и Наконечинскаго.

106) Въ Кременчугѣ, 23 іюля, во время печатанія воззванія бывшихъ членовъ Государственной Думы въ типографію явилась полиція, захватила наборъ, арестовала владѣльца и наборщиковъ и опечатала типографію.

107) Въ Симферополѣ, 25 іюля, по постановленію судебной палаты пріостановленъ ученическій журналъ „Первый Лучъ".

108) 25 іюля въ особомъ присутствіи спб. судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей разсмотрѣно нѣсколько политическихъ дѣлъ. Дѣло книгоиздателя фирмы „Молотъ" Саркиса Баліева направлено на дослѣдованіе. Обвиненіе было предъявлено по 2 п. 129 ст. уг. ул. за напечатаніе и распространеніе путемъ продажи брошюры, переведенной съ французскаго „Программа французской рабочей партіи", соч Геда и Лафарга, безъ разрѣшенія цензуры, въ содержаніи которой цензурный комитетъ усмотрѣлъ возбужденіе къ неспроверженію существующаго въ государствѣ строя. Однако, по указанію пом. пр.-пов. Гальберштадта, при дѣлѣ былъ найденъ представленный оффиціальный документъ о томъ, что печатаніе инкриминируемой брошюры было дозволено цензурою въ Екатеринославѣ, печаталась же брошюра въ Петербургѣ. Несмотря на доводы защиты, что найденный документъ опровергаетъ весь обвинительный актъ, тов. прокурора требовалъ направить дѣло на дослѣдованіе на предметъ выясненія, что была разрѣшена къ печатанію именно трактуемая рукопись.

109) Въ Ялтѣ, 25 іюля, комендантъ ген. Неплюевъ выслалъ изъ Севастополя сотрудника „Крымскаго Вѣстника" Энгеля за статью „Роспускъ Думы", весьма сдержанную.

110) Редакторъ издающейся въ г. Вольскѣ (Сарат. г.) газ. „Волжанинъ" сдѣлалъ попытку насадить практику, установившуюся въ Австріи, гдѣ администрація можетъ конфисковать отдѣльную статью или даже нѣсколько строкъ въ газетѣ, не задерживая самой газеты. Мѣстный полицеймейстеръ, однако, отнесся къ такому новаторству несочувственно. Обстоятельства этого дѣла таковы.

Прибавленіе къ № 751 было конфисковано за напечатаніе резолюціи саратовскаго съѣзда выборщиковъ и крестьянскихъ уполномоченныхъ. Редакція издала тотчасъ же второе прибавленіе, тожественное съ первымъ, гдѣ на мѣстѣ этой резолюціи было написано крупнымъ шрифтомъ: „Часть выкинута по требованію полиціи". Полицеймейстеръ нашелъ и это недопустимымъ и конфисковалъ и новое прибавленіе.

Конечно, слѣдующій № 752 былъ также конфискованъ, для чего еще во время печатанія типографія была окружена нарядомъ городовыхъ. Полиція продежурила всю ночь и на утро забрала болѣе тысячи экземпляровъ. Полицеймейстеръ приказалъ разобрать наборъ въ присутствіи пристава...

При такихъ условіяхъ, когда ни одна оригинальная статья не можетъ увидѣть свѣта, редакція рѣшила выпускать временно одни только объявленія, чтобы не потерять права на изданіе газеты.

111) Въ Саратовѣ, 25 іюля, типографія „Саратовскаго Дневника" вновь открыта.

112) Въ Одессѣ, 26 іюля, временнымъ генералъ-губернаторомъ пріостановлена на время военнаго положенія газета „Новое Обозрѣніе", какъ являющаяся по направленію продолженіемъ пріостановленнаго «Южнаго Обозрѣнія».

113) 26 іюля вечеромъ въ книжный складъ «Право», на Владимірскомъ проспектѣ, явилась полиція и запечатала складъ. 27-го іюля было запечатано книгоиздательство «Донская Рѣчь».

114) Изъ Мотовиловки, 26 іюля, сообщаютъ, что на ст. Кіевъ телеграфисты отказались принять депеши, адресованныя редакціямъ прогрессивныхъ газетъ, ссылаясь на циркуляръ Немѣшаева.

115) Въ Варшавѣ, 27 іюля, пріостановлено изданіе газеты „Со дня на день" на время военнаго положенія.

116) Въ Ригѣ, 27 іюля, номеръ латышской газеты «Baiss» конфискуется полиціей.

117) Въ Тифлисѣ, 27 іюля, распоряженіемъ тифлисскаго комитета по дѣламъ печати, конфискованъ вышедшій номеръ журнала „Воля Народа". Противъ скрывшагося редактора Алибекова возбуждено преслѣдованіе по 129 ст. ул.

118) 27-го іюля, по распоряженію градоначальника, опечатано книгоиздательство „Новый Міръ".

119) Слѣдствіе объ арестованномъ, по распоряженію петербургскаго градоначальника управляющемъ типографіей г. Бусселя, А. Г. Абрамовичѣ-Безпрозванномъ, какъ мы слышали, прекращено, и г. Абрамовичъ подвергнутъ аресту на три мѣсяца въ административномъ порядкѣ. Типографія г.

Бусселя, запечатанная 16 іюля, до сихъ поръ еще не открыта, и ходатайство владѣльца объ ея открытіи градоначальникомъ отклонено.

120) Въ Тифлисѣ, 29 іюля, по распоряженію намѣстника, отъ всѣхъ мѣстныхъ редакторовъ отбирается подписка о томъ, чтобы безъ особаго разрѣшенія генералъ-губернатора не печатать никакихъ сообщеній о событіяхъ въ частяхъ войскъ и о расположеніи оныхъ на Кавказѣ.

121) Инспекція по дѣламъ печати отобрала отъ всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазиновъ подписку не продавать портретовъ преступниковъ, осужденныхъ за убійство должностныхъ лицъ, и каррикатуръ на правительственныхъ чиновниковъ и не торговать книгами и брошюрами, не снабженными обозначеніемъ фирмы типографіи.

122) Въ Тулѣ, 29 іюля, вмѣсто закрывшейся газеты „Тульская Жизнь" начато изданіе газеты «Тульскія Извѣстія». Первый вышедшій номеръ конфискованъ.

123) Въ Саратовѣ, 29 іюля, палата оправдала редактора газеты „Школа и Жизнь", Морисона, обвинявшагося по 128 и 129 статьямъ уложенія.

124) С.-Петербургскимъ комитетомъ по дѣламъ печати возбужденъ вопросъ объ уголовномъ преслѣдованіи по 129 ст. и по VIII отд. временныхъ правилъ о печати 24 ноября 1905 г. четырехъ редакторовъ газетъ и журналовъ.

125) Въ Москвѣ, 30 іюня, въ судебной палатѣ съ сословными представителями разсматривались три литературныхъ дѣла. Редакторъ журнала „Правда" Кожевниковъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости, а журналъ пріостановленъ на полтора года; редакторъ „Смоленскаго Голоса» Горбатовскій оправданъ; редакторъ книгоиздательства «Искра» Леоновъ за выпускъ брошюръ „Пауки и Мухи" и «За что они борятся» приговоренъ къ годичному заключенію въ крѣпости. Дѣла редакторовъ «Борьбы» и «Вечерней Почты» отложены.

126) Въ Ревелѣ, 30 іюня, за напечатаніе секретнаго донесенія объ октябрьскихъ событіяхъ прокурора окружнаго суда прокурору судебной палаты, редакторъ закрытой нынѣ мѣстной эстонской газеты Нейманъ присужденъ къ 4-хъ недѣльному аресту при полиціи и штрафу въ 500 р.

127) Конфискована книга „Стихотворенія и Разсказы" Левиной-Сысоевой, какъ заключающая въ себѣ признаки 1 и 4 пп. 129 ст. угол. улож.

128) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 30 іюня, произведенъ обыскъ въ типографіи труженниковъ печатнаго дѣла. Конфискована печатавшаяся брошюра Девяткова „Устройство Россіи".

129) Въ Одессѣ, 30 іюля, генералъ-губернаторомъ воспрещена продажа издаваемой на еврейскомъ жаргонѣ газеты „Тагеблаттъ".

130) Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 30 іюля, на основаніи чрезвычайной охраны, губернаторомъ пріостановлено изданіе „Нижегородской Земской Газеты".

131) Въ Петербургѣ, въ книгоиздательствѣ Н. Парамонова (Донская Рѣчь) полиція, предъявивъ соотвѣтствующее предписаніе, конфисковала около 200 экземпляровъ сочиненія Роля: „Какъ происходили революціи на западѣ", въ которомъ комитетъ по дѣламъ печати усмотрѣлъ признаки преступленія, предусмотрѣннаго 129 ст. ул.

132) Военнымъ министерствомъ разосланъ секретный циркуляръ по войскамъ гвардіи и арміи, которымъ воспрещается офицерамъ подписываться

на газету „Военный Голосъ". Части, получающія упомянутую газету, должны, подъ страхомъ репрессіи, немедля отказаться отъ подписки. Полковымъ командирамъ предписывается вести строжайшее наблюденіе за исполненіемъ этого приказанія и, въ случаѣ нарушенія его, тотчасъ же доносить о виновныхъ въ главный штабъ.

133) Много разъ въ теченіе іюля въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ конфисковались номера петербургскихъ газетъ: „Мысль", „Голосъ Труда", „Эхо", „Обрывъ", „Крестьянскій Депутатъ", „Рѣчь", „Сѣверная Звѣзда", „XX вѣкъ", „Наша Жизнь", „Страна", „Равенство", Новая Жизнь" и др. Къ концу мѣсяца всѣ эти газеты, за исключеніемъ „Страны", пріостановлены".

134) Драматическая цензура осталась до сихъ поръ въ полной неприкосновенности, и вполнѣ произвольно, безконтрольно и безапелляціонно гг. драматическіе цензоры зачеркиваютъ пьесу за пьесой. Теперь, въ виду близости новаго сезона въ драматическую цензуру при главномъ управленіи по дѣламъ печати представляется много новыхъ пьесъ, а значительная часть ихъ подвергнута запрету. Къ числу запрещенныхъ относятся: пьеса Хейерманса „Панцырь", (рисующая голландскаго офицера, отказывающагося стрѣлять въ стачечниковъ); пьеса „Гапонъ" (рисующая важнѣйшіе моменты изъ жизни Гапона); новѣйшая пьеса Пшибышевскаго (въ которой нѣкій король отказывается отъ престола); „На станціи" (въ которой изображена желѣзнодорожная стачка въ Австріи) и т. д. Въ другихъ пьесахъ зачеркиваются цѣлыя или отдѣльныя реплики. Не обходится безъ курьезовъ. Въ одной пьесѣ сказано: „попалъ по протекціи въ министерство" и цензоръ перечеркнулъ слова „по протекціи"...

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОРТРЕТОВЪ И КАРТИНЪ

В. П. ВОДОВОЗОВОЙ.

Невскій пр., 19, книжный магазинъ «Наша Жизнь».

Поступили въ продажу:

1) Альбомъ «Шлиссельбургская крѣпость». 8 рис. Ц. **75** к.
2) Портреты бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ: Антонова, Балмашева, Волкенштейнъ, Гершуни, Лопатина, Лукашевича, Морозова, Новорусскаго, Поливанова, Иванова, Каляева, Карповича, Попова, Сазонова, Стародворскаго, Фигнеръ. Ц. **35** к.

Доходъ отъ изданія поступитъ въ Шлиссельбургскій Комитетъ.

Готовятся къ печати портреты:

ТРИГОНИ, ФРОЛЕНКА, МЫШКИНА, АШЕНБРЕННЕРА.

— ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО. —

Книгоиздательство „КУЛЬТУРА“.

П. И. ПЕСТЕЛЬ.

РУССКАЯ ПРАВДА.

Наказъ Временному Верховному Правленію.

Подлинный текстъ. Редакція и предисловіе **П. Е. Щеголева.**

XVI+240 стр. Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія — книжный магазинъ „КУЛЬТУРА“, С.-Петербургъ, Загородный, 28.